

ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ, НЕНАВИСТИ, МИЛОСЕРДИИ

03

КРИК души

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВА

Тяжелое детство, ограниченное четырьмя стенами обветшалого дома и рыночной площадью, на которой она, всегда с протянутой рукой, просила подаяния, поставили на Даше очередной незаживающий рубец.

Слишком рано она стала взрослой и поняла, что в этом мире не нужна никому. Слишком четко осознала, что за выживание нужно платить.

Счастливое детство в любви и богатстве, рядом с отцом-профессором, никогда не ставили под сомнение рождение под счастливой звездой Антона, получавшего в этой жизни все, что он желал.

Слишком рано он осознал, чего хочет от жизни, стал успешным и самостоятельным. Он чертил невидимые границы между собой и теми, кто был не "из его круга".

Но почему судьба свела его с ней, девочкой "за чертой", он так и не смог понять.

Крик души. История о любви, ненависти, милосердии

Пролог

2006 год, весна

Апрельский день встретил всех собравшихся на кладбище, на удивление, теплой солнечной погодой, а не промозглым ветром, который завывал за окнами еще несколько дней назад.

Весна в этом году опаздывала, и даже середина апреля была пронизана сыростью и холодом настолько, что все собравшиеся, коих насчитывалось не более пятнадцати человек, были укутаны в плащи и ветровки.

Высокий молодой человек с темными, почти черными волосами, в дорогом костюме, в пальто, распахнутом на груди, скрестив руки, в унылом молчании наблюдал за погребением умершей.

Не сказать, что он был хорошо знаком с ней, встречался постольку поскольку, но, тем не менее, не мог не оценить ту услугу, которую она ему оказала четыре года назад. Грандиозную по своей сути услугу.

Сейчас, провожая её в последний путь, Антон Вересов думал не о том, что вся волокита с поминками и надоедливые причитания о том, как всем жаль, что их покинула такая замечательная женщина, Маргарита Львовна Агеева, будет раздражать его еще несколько часов после того, как все разойдутся. Все мысли его были направлены на то, что после себя оставила «в наследство» экономка отца.

Хотя, если быть точным, это сделал ещё сам отец, те самые четыре года назад, когда один лишь пункт в завещании лишил Антона права выбора на то, как ему распорядиться своей жизнью.

Антон невольно нахмурился, вспоминая разговор с отцом за несколько дней до его кончины. Словно предчувствуя свой скорый уход, уже тогда Олег пытался намекнуть сыну, что оставляет после себя. Тогда Антон не придал, а, может, не пожелал придать словам отца большего значения, чем требовалось, и, как выяснилось, пожалел об этом уже после оглашения завещания.

На меньшее рассчитывать не приходилось. Впрочем, как и на большее.

Олег Вересов до конца остался верен себе и своим принципам.

Антон вздохнул, втягивая удушливый запах сырой земли, и невольно поморщился, поднимая взгляд от деревянного гроба, погруженного в могилу.

Маленькая худенькая фигурка, закутанная в черную шаль, скованно сжав плечи, но, гордо приподняв подбородок, стояла напротив него, и Антон просто не мог не обратить на нее внимания. Да и трудно было не сделать этого. Она теперь станет центром его существования. Эта маленькая, щупленькая, бледная на лицо девочка с тонкими кистями и острыми скулами.

«Неужели, действительно, шестнадцать?» подумал Антон, искоса поглядывая на девочку.

На вид ей можно было дать не больше тринадцати.

Разглядывая тонкий стан, выпрямленную спину, натянутую гитарной струной,

сведенные к переносице брови и упрямо поджатые губы, Антон подумал, что девочка держится вполне уверенно, даже, пожалуй, решительно.

Сощурился и невольно наклонив голову набок, он оценивающе пробежал по ней острым взглядом.

Старенькие сапожки на невысоком каблучке, явно уже вышедшие из моды и не раз «клееные». Теплые черные колготки, обтягивающие тонкие ножки второй кожей, шерстяная юбка, поношенная, аккуратно заштопанная, ветровка и черная шаль, укрывающая голову.

Антон нахмурился и поджал губы.

«Что-то с течением времени всё же не меняется», подумал мужчина и брезгливо отвернулся от девочки, не заметив, как та, подняв голову, словно почувствовав на себе оценивающий взгляд, посмотрела на него быстро и колко из-под сведенных бровей.

Могилу между тем уже стали засыпать землей, чему Антон втайне порадовался, так как хотел поскорее встретиться с адвокатом, чтобы оговорить все вопросы дела и уладить формальности. А сделать это можно будет только после окончания поминок, а возможно, и вообще на следующий день.

Когда все необходимые ритуалы были исполнены, люди, собравшиеся попрощаться с Маргаритой Львовной, стали расходиться, кто-то, причитая и охая, утирая застывшие на щеках слезы платочком, а кто-то, держась стойко и не проронив и слезинки. Как Антон. И как та, что стояла напротив него.

Антон оторвался от людей в черных тучных одеждах, ищущим взглядом пробежавшись по небольшой кучке, и устремил взгляд на девушку, застывшую у могилы, почти сразу увидев ее в близкой толпе.

И всё же... чем-то она выделялась, отличалась от тех людей, что пришли на кладбище вместе с ней.

Что-то выделяло её в этой серой блеклой массе.

Она, по-прежнему хмурясь, смотрела в сторону, словно о чем-то раздумывая, и Антон двинулся к ней.

Им давно уже нужно было поговорить. Ну, или не поговорить, но хотя бы перекинуться парой слов.

— Эй, — крикнул он, стараясь привлечь ее внимание.

Называть её по имени отчего-то не хотелось, поэтому Антон просто подошел и встал рядом с ней.

Девочка повернулась к нему лицом, вскинув подбородок, и одарила острым, как клинок, взглядом чёрных глаз.

«Неужели глаза бывают такими глубокими и такими... чёрными?!» подумал мужчина вскользь.

На мгновение опешив, Антон тут же взял себя в руки и напрямую спросил:

— Ты сейчас домой?

Её пристальный внимательный взгляд оценивающе пробежался по нему словно рентгеном, и заглянул, казалось, не только под пиджак, но и под дорогую рубашку от Армани, проникая в кровь и оседая в ней гнилым осадком.

Антон сощурился, почувствовав себя неловко.

Девочка просто кивнула, не отводя от него пристального взгляда.

Смотреть ей приходилось снизу вверх, потому что Антон оказался выше неё на целую голову, но её это, казалось, ничуть не смущало. И взгляд её оставался по-прежнему

холодным и внимательным.

— Тебя подвезти? — недовольно спросил Антон, втайне надеясь, что она откажется.

Успеют они еще наговориться, сейчас нужно было просто проявить чувство такта. Всё-таки Маргарита Львовна была ей не чужим человеком.

Он бросил взгляд, полный надежды, на расходившихся по машинам людей и спросил:

— Или ты с кем-то договорилась уже?

Девочка проследила за его взглядом, губы ее дрогнули, а потом напряглись.

Когда Антон посмотрел на нее, чёрные глаза с полыхавшим в них пламенем едва не испепелили его.

— Это было бы лучшим вариантом, правда? — спросила она вдруг, устремив на него глаза, полные злобы.

Антон подобрался, сощурился и поджал губы.

— О чём ты?

— Было бы намного лучше, если бы я уже с кем-то договорилась, — объяснила девочка охотно, — уехать. В Африку, например, — проговорила она колко, — или в Австралию.

Антон сделал шаг вперед, нависая над девочкой стеной, но она даже не двинулась с места.

Гордая и стойкая. Она всегда такой была, насколько он мог судить.

— Тебе не нужно было приезжать, — сказала она едко, выговаривая каждое слово. — Тебя тут никто не ждал!

Угроза, прозвучавшая в её голосе, не показалась Антону наигранной или напускной.

А он привык держать удар и уж, конечно, принимать вызов, если ему его бросали.

А эта девчонка это как раз и сделала — бросила ему вызов. Жёсткий, грубый, провокационный вызов.

— Это мой дом, если ты не забыла, деточка! — жёстко выговорил он, почти выплёвывая эти слова, а потом, словно указывая ей на её место, как делал всегда, когда люди не «его круга» пытались брыкаться, добавил: — И я могу делать здесь всё, что захочу, — заглянул ей в глаза, надеясь увидеть хоть толику испуга. — Ясно?!

Он надеялся, что его слова произвели на неё должный эффект, потому что маяться со своевольной упрямой девчонкой отчаянно не хотелось.

Засунув руки в карманы пальто, он выжидающе смотрел на неё.

А она долго и пристально отвечала на его твёрдый пренебрежительный взгляд, не вздрогнув, не отведя глаз, даже ресницами не моргнув, а потом с чувством прошипела сквозь стиснутые зубы.

— Ненавижу тебя! — со злостью, с яростью. — Лучше бы ты умер тогда, а не дядя Олег!

И эти слова встают между ними нерушимой стеной. Разверзаются пропастью, которую не перешагнуть.

Между девочкой с улицы, у которой никогда не было ничего своего, и богатым мальчиком, у которого всегда было всё.

Между людьми, у которых никогда не было ничего общего.

Но которых судьба столкнула на жизненном пути. Вопреки всему.

Дневник. Запись первая

1 часть

1999 — 2002 гг.

«Из дневника Олега Вересова»

Запись от 12 июля 2001 года

Я никогда не мог сказать, почему из тысячи возможных кандидатур выбрал именно её. Сотни раз задавал себе этот вопрос. Ответа никогда не находил.

Наверное, это была судьба, если судьба вообще имела место быть в этом сумасшедшем мире.

В судьбу я никогда не верил. Строители своей жизни не полагаются на волю случая. Это всегда являлось не прописанной истиной для меня. Так воспитывал меня отец, так и я воспитывал своего сына. Хочешь чего-то добиться в жизни, делай все возможное, чтобы мечты стали явью. Ни о какой судьбе не может идти и речи, если ты САМ не будешь прилагать усилий к достижению цели.

Так было всегда. Даже, наверное, стало аксиомой для меня.

И до того момента, пока она не появилась в моей жизни, я ни на грамм не задумывался над ложностью своего предположения. Разве мог я, профессор, доктор наук, исследователь, обладатель множества литературных наград, сомневаться? Никогда.

А сейчас, оглядываясь на несколько лет назад, могу с уверенностью сказать: ОНА была предназначена мне судьбой. Да, вот такой пафос! Вот такая ирония. С возрастом я стал замечать, что в жизни очень много иронии. То, что казалось истинным и неоспоримым мгновенно превращается в многолетнее заблуждение, и искреннее восхищение может превратиться в самообман.

Так что же свело нас тогда, три года назад на площади прибалтийского города?

Судьба?..

Или дело было в том, как дерзко смотрели на меня эти черные глаза из-под опущенных темных ресниц? Самоотверженно, решительно, твердо. Уже тогда — гордая и самодостаточная девочка.

И то, как стойко она сносила удары, которые давали ей за излишнюю самостоятельность и желание сбежать из того мира, в который она была заперта, не могли не восхищать. Меня, человека, который на своем веку повидал очень многое, не могло это не восхищать!

Она бы никогда не сдалась, я понял это уже в тот момент, когда впервые взглянул на нее.

Она была борцом по своей натуре. Или не по натуре, а по стечению обстоятельств. По прихоти той же судьбы, которые затащила ее на самый низ общества и вынудила платить за грехи отцов.

Она была борцом, потому что так выживала.

Она была борцом, потому что в ЕЕ мире все решала сила.

И совсем неважно, что впервые я встретил ее, когда она, совсем не как сильный человек

стояла на площади и, протягивая вперед грязные, худенькие ладошки, просила дать ей на хлеб.

Черт, о какой силе может идти речь, когда Ей на тот момент было лишь восемь?!

Но даже тогда, такой просящий, умоляющий жест не выдавал в ней слабость.

Она была сильной. Уже тогда.

И тот огонь, что горел в глубине ее глубоких черных глаз, бездонных глаз-омутов, сказал мне о ней очень многое. Она сама не сказала бы мне больше о себе, чем этот взгляд.

Вначале я и не заметил ее. Даже не признал в ней девочку, слишком сильно она походила на мальчика. В поношенных спортивных штанишках с проеденными молью дырочками. В такой же поношенной курточке из фиолетовой болоньи, такой вызывающей и одновременно... удручающей, что не обратить внимания на того, кто был в нее одет, не представлялось возможным. Наверное, на это и был расчет. Привлечь как можно больше внимания к себе. Я никогда не спрашивал у нее об этом. И не уверен, что она ответила бы. И сейчас не хочу портить те налаженные отношения, что возникли между нами, этими расспросами.

Почти через три года после того, как я нашел ее. Или она нашла меня...

Или опять судьба так посмеялась над нами, сведя на одной дорожке?..

Если бы у меня было больше времени на то, чтобы размышлять или анализировать. Жаль, что времени было не так и много. А если говорить начистоту, очень и очень мало. Безнадежно мало.

Она не знает об этом, я не стал ей говорить. Зачем травмировать раньше времени? Она и так слишком многое пережила за свою короткую жизнь, чтобы ломать ее психику еще и этим объявлением.

Жаль, я упустил те годы, что были у меня в запасе, так и не сказав ей самого важного.

Не сказать, что я провел их без пользы. Пользы было очень много. Взять хотя бы её...

А почему, собственно говоря, — ЕЁ?! Неужели так страшно написать в дневник её имя?!

За эти годы она стала мне настолько родной и близкой, что называть ее просто «она», как нечто бестелесное, бесхребетное и бесхарактерное... было просто недостойно меня.

Да и бестелесной она никогда не была. Слишком взрослая для своего возраста. Слишком умненькая для ребенка, которого воспитывала улица на протяжении нескольких лет. Слишком сильная для того, чтобы показать свою слабость перед посторонними людьми. Даже передо мной.

Я вот и сейчас замечая, что она борец. Была им и остается по сей день. Не знаю, за что она борется сейчас, когда у нее есть почти все, что должно быть у девочки ее возраста, но она не устает быть той сильной девочкой, которую я когда-то встретил на улицах Калининграда.

Все такая же жесткая, такая же дикая, такая же... девочка с внутренним стержнем.

Даша. Дашенька. Мое солнышко. Моя крошка.

Сейчас казалось странным, что когда-то ее не было в моей жизни. Как казалось странным и то, что когда-то нечто свело нас на жизненном перекрестке.

Три года. Много или мало? Мне понадобились эти долгие почти три года на то, чтобы заставить ее поверить мне, научить ее доверять. И сейчас я чувствовал ответственность. За нее. За себя. За те слова, что когда-то слетели с моих губ. Непроизвольно, вроде бы, но так точно и правильно!

Разве так бывает? Чтобы одно слово так сильно изменило мою жизнь?! Случайно

сказанное слово?!

Неужели... действительно судьба? Я бы уже ничему не удивился.

А тогда... еще раздумывал, сомневался, не решался, едва не упустил, не потерял.

Но не упустил, не потерял, сделал правильный выбор. Осталось похлопать себя по плечу и сказать «Молодец!». Если бы только не эта ответственность... За нее. За себя. Перед ней. Перед собой...

Что будет с моей девочкой, когда меня не станет? Кто позаботится о ней? Кому будет не все равно?

Этот вопрос, как и многие другие, оставался без ответа...

1 глава

март 1999 года, Калининград

Конференция как раз подходила к концу, когда журналистка местной газеты задала ему этот вопрос.

Казалось бы, совершенно обычный, такие задают многим почти всегда. Но задали именно ему. И именно сейчас. Когда он находился в Калининграде. В городе, который даже по прошествии лет воспринимал лишь как город, навсегда изменивший его жизнь.

И это тоже сыграло немалую роль в череде тех поступков и действий, на которые он пошел.

Вспомнить этот вопрос и воспроизвести его дословно он мог даже спустя время. А в ушах спустя годы стоял звонкий, казавшийся очень громким в толпе внезапно замолчавших журналистов женский голос.

— Олег Витальевич, как вы относитесь к массовой беспризорности несовершеннолетних детей? И что, по вашему мнению, следует делать с родителями детей из социально неблагополучных семей, ведь они, по сути, и являются той категорией общества, которая рождает этих самых беспризорников?

Он даже снял очки, чтобы рассмотреть журналистку, которая задала злободневный вопрос, всмотрелся в толпу, чтобы не ошибиться и остановил на ней внимательный взгляд.

Невысокая, неяркая, в сером костюмчике и в туфлях на невысоком каблуке. Светлые волосы собраны на затылке в пучок, и это обстоятельство неожиданно вызывает в нем чувство симпатии. Он никогда не любил растрепанные пакли, свисающие вдоль щек.

Задумчиво нахмурился, сведя брови к переносице, и поджал губы.

Вопрос Олег понял и с первого раза, повторять его не следовало, хотя журналистка и попыталась сделать это, не понял лишь, почему его задали именно ему. Он профессор, да, доктор наук, исследователь и известный писатель, но подобных злободневных вопросов в своем творчестве никогда не поднимал.

Хотя, как потом он осознал, стоило. Стоило, и не раз!

Прищурившись, посмотрел на молодую (не больше двадцати пяти!) женщину, наклонив голову набок, та ожидала ответа на поставленный вопрос, вооружившись ручкой и блокнотом и пристально глядя на него.

Десятки камер, как и десятки пар глаз, устремились на него, как хищники, жаждавшие пищи, желающие получить ответ на поставленный вопрос. Но он отчего-то молчал. Знал, что ответить, но почему-то не решался, медлил, словно обдумывал каждое свое слово. А когда, наконец, ответил, резко, громко, твердо, с уверенностью, с безграничным чувством и эмоциями, что переполняли не только его, но потом и весь зал конференции, ни у кого не осталось сомнений в том, что профессор Вересов решительно настроен против любого проявления «беспризорства» и ясно дал это понять.

И хотя именно такого ответа от него и ожидали, он, как всегда, был на высоте.

Только вот этот последний вопрос настолько вывел его из колеи, будто засел внутри занозой, постоянно нарывающей и гноящейся, что невольно вынуждал мужчину вспоминать

о себе вновь и вновь.

Кто бы тогда мог подумать, что обычный вопрос на обычной конференции может все изменить?!

Олег Вересов был не из тех людей, которые идут на поводу у предрассудков и суеверий, он всегда был реалистом, четко разграничивающим «нужное» от «ненужного», следующим своим принципам и достигающим любой поставленной цели. И помыслить, что почти случайно заданный вопрос, последний вопрос конференции, будто в насмешку прозвучавший именно в Калининграде, всколыхнет что-то в его душе и заставит потом задуматься, глубоко задуматься над тем, что делать, он не мог.

В гостиницу Олег попал только к вечеру. Банкет, фуршет, ставший популярным шведский стол, и еще черт знает что, вынудили его задержаться и раздавать поклоны и автографы всем, кто подходил к нему. Это утомляло, никто не спорит. Да и улыбаться надоело, уже щеки начинали болеть от постоянных улыбок для коллег, для знакомых, для газет и журналов. Но что уж поделать, если ты профессор, доктор наук да еще к тому же известный писатель? Приходилось мириться с подобной жизнью. Он уже почти привык к этому, почти... но еще не совсем. Все еще было что-то такое, что теребило душу, словно царапая плоть изнутри.

Что-то по-прежнему, как и почти пять лет назад, когда он пришел к писательству, было не так.

Не было смысла. Не было цели. Не было того восторга и удовольствия, которые он испытывал раньше.

А возможно, он просто старел...

Первым делом, когда попал в гостиницу, Олег попросил соединить его с Москвой.

Сыну он звонил регулярно, каждый день, где бы ни находился.

— Пап? Ты как? — прямо спросил парень, едва услышав его голос. — Как конференция?

— Да нормально, — отмахнулся он, усаживаясь в глубокое кресло и откидываясь на спинку. — Что тут может быть нового? Все те же вопросы, все те же ответы. Журналисты только другие, а так всё, как и всегда. Ты лучше скажи, как у тебя дела? Как учеба? — усмехнулся тихо. — Надеюсь, без прогулов?

Парень рассмеялся.

— Обижаешь, — возмутился он, подыгрывая ему. — Каждую среду и пятницу пропускаю, как по расписанию.

— Даже так, — засмеялся Олег. — А как же вторник?

— Был вторник, а теперь среда, — отмахнулся тот. — Лучше скажи, когда возвращаешься? Когда тебя ждать?

Олег глубоко вздохнул. Ох, не хотел он говорить, да рано или поздно все равно пришлось бы.

— Да не знаю еще, — медленно протянул он, обдумывая слова.

— Это как? — не понял сын. — Ты же говорил, что не больше пяти дней. А сейчас что?

— Да... как-то так сложилось, Антош, ты уж не обижайся на меня, — проговорил мужчина, чувствуя себя предателем. — Андрей говорит, что нужно задержаться здесь еще на недельку.

— Андрей, значит, говорит? — сухо выдавил из себя Антон. — Да еще и на неделю.

Олег тяжело вздохнул.

Но подобной реакции и следовало ожидать. Антон всегда был эмоциональным, не скрывавшим своих чувств молодым человеком, да и Андрея никогда не жаловал. Поэтому не удивительно, что он воспринял данное известие в штыки.

Олег был почти уверен, что сын сейчас стоит, облокотившись спиной о дверной косяк, сжимая руки в кулаки и стискивая зубы, чтобы не выругаться.

— Я, как только приеду, мы тут же рванем с тобой на озеро, — тихо проговорил он. — Я же обещал.

Ему не понравилось долгое и томительное молчание сына на том конце провода после этих слов.

— Да, ты обещал, — протянул, наконец, Антон задумчиво и, скорее всего, с обидой, подумал Олег. — И когда тебя теперь ждать?

Олег закрыл глаза, зажмурился. Обиделся. Теперь он был точно в этом уверен.

Что-то острой болью отозвалось в груди, и Олег задержал дыхание.

— Через неделю, — ответил он тихо, слушая недовольное сопение сына в трубке. — Может, через полторы.

— Ты что там поселиться собираешься, в своем Калининграде?! — возмутился Антон, не сдерживаясь.

Что ж, терпением он тоже никогда не отличался. Слишком эмоциональный, слишком вспыльчивый.

— Почему сразу поселиться? — спокойно проговорил Олег, делая вид, что не слышал острого возмущения. — Вовсе нет. Хотя тут, и правда, жить хорошо. Свежий воздух. Только ветры сильные бывают, особенно в начале марта. Море все-таки...

— Пап, — перебил его сын. — Ты зачем мне это?.. Про ветры?

А он и забыл, что парень любит, чтобы все было по существу, по делу. Юрист будущий, что сказать?

— Да так, к слову пришлось, — пробормотал Олег тихо.

— Ясно.

Профессор Вересов остро чувствовал свою вину, желая немедленно ее загладить.

— Антош, ты не обижайся, — попытался Олег исправить свою вину. — Я как только приеду...

— Помню, помню, мы сразу рванем на озеро, — перебил его сын устало. — Ты уже говорил. И я запомнил.

— Мне жаль, что я не могу вырваться раньше, — выдавил из себя Олег и потер пальцами ноющие виски.

И снова молчание, вязкое и липкое. Оно обтягивало нервы словно стальными путами.

— Я понимаю, — проговорил сын уже глуше, а потом добавил твердо и уверенно: — Главное, чтобы тебе всё это нравилось, остальное как-нибудь переживем.

Олег не нашелся, чтобы что-то прошептать в ответ. Сердце колотилось в груди громко и часто, а горло сдавил острый тугой комок.

— Пап..? — начал было Антон неуверенно, а потом вдруг замолчал.

Олег мгновенно встрепенулся.

— Да?

— Я хотел тебе сказать... — и вдруг опять замолчал. — А впрочем, ладно. Поговорим, когда ты приедешь.

Олег напрягся и даже приподнялся с кресла.

— Что-то случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Нет... То есть да. Но это не по телефону, пап, — выговорил сын скороговоркой, а затем: — Давай потом.

Пришлось смириться, хотя его и терзали смутные предчувствия.

— Надеюсь, ничего серьезного? — все же спросил он, чувствуя неловкость и нетерпение, смешанное с волнением и беспокойством.

— Нет, ничего страшного или серьезного не произошло, — с расстановкой выговорил Антон.

И Олег решил сдаться, прекрасно осознавая, что если решил, сын ничего ему сейчас не расскажет.

В этом он пошел в отца, промелькнула мгновенная мысль.

— Ну, хорошо. Когда приеду, поговорим, — сказал он. — И на рыбалку, да?

— Ладно, — пробормотал парень, а потом добавил тихо, словно признаваясь в чем-то интимном: — Ты там свои дела заканчивай скорее и приезжай, хорошо? Мы тебя тут ждем.

Золотой светящийся шар вспыхнул в нем и загорелся, радужно освещая лицо улыбкой.

— Как только удастся вырваться, я сразу к вам, — клятвенно пообещал Олег.

— Хорошо. Звони еще.

— Буду. До завтра.

— Пока.

Только положив телефонную трубку на рычаг и в странном бессилии откинувшись на спинку кресла, закрыв глаза, Олег осознал, насколько все-таки его нынешняя деятельность не для него.

Раньше было легче, раньше было проще... А сейчас, что-то словно треснуло, расколосось, затерялось.

Олег тяжело вздохнул и уставился пустым взглядом в пространство.

Он не любил на долгое время оставлять семью, Антона. И когда приходилось уезжать из Москвы даже на несколько дней, всегда отчаянно переживал.

Если подумать, почему переживал? Сын давно не мальчик, студент-первокурсник, один из светлейших голов университета, да и Тамара Ивановна всегда с ним, всегда поможет, подскажет, что да как. Милейшей души человек, да и Антону заменила мать, когда той не стало. Но все же, все е...

Кто заменит ребенку родного отца? Отца, которого этот самый ребенок имел неудовольствие очень редко видеть в детстве?!

Всегда отлучки, командировки, экспедиции, вылазки, поездки в разные уголки страны и даже за границу в поисках материала для очередной научной работы. Иногда он не бывал дома месяцами. Звонил, конечно, но разве мог обычный телефонный звонок заменить мальчику отцовские объятия и живое общение?!

А Антошка всегда ждал его. Когда разговаривали по телефону, даже подарков не просил, только всё требовал, чтобы отец поскорее домой возвращался. И он возвращался. Загруженный подарками сверху донизу, конечно же, да и как могло быть иначе?! Для сына он никогда ничего не жалел. С самого детства у Антона было всё, что он хотел. Никогда ни в чем не нуждался, ни в чем не знал отказа.

Баловать сына Олег не переставал и после смерти Тани, своей горячо любимой жены.

Эта беда особенно сблизила их, для потерявшего мать мальчика особенно важно было найти те самые слова, которые помогли бы ему справиться с утратой и пережить это горе. И

Олег их нашел.

Отец и сын в те годы очень сблизились. Четкая цель предстала перед Олегом — воспитывать сына и дать ему достойное образование, то, которое хотела бы дать ему мать, и по возможности заменить ее Антону.

Поездки, командировки, экспедиции — всё это осталось в прошлом, Олег вернулся к преподавательской деятельности в университете и полностью посвятил себя сыну.

Нанял домработницу, Тамару Ивановну Ким, ставшую в последствии почти членом их семьи. Добрая, мягкосердечная, инициативная и интеллигентная, она влилась в их семью почти мгновенно. Взяла на себя управление хозяйством в доме Вересовых, стала второй матерью Антону и близким другом его отцу.

Время шло, недели перетекали в месяцы, а месяцы в годы... Антон стал взрослеть, становиться юношей, а затем мужчиной. Мужчиной самостоятельным, решительным, принципиальным и уверенным в себе. Подсказка и помощь отца ему теперь почти не требовались, все проблемы, если такие были, он решал сам, самостоятельно же принимал важные для себя решения, строил планы на будущее.

А Олега по-прежнему что-то тревожило, отзываясь болью в сердце каждый раз, когда он разглядывал в альбоме старые фотографии своей прежней жизни.

Когда Антон учился в девятом классе, Олег решил вернуться к исследовательской деятельности, но не нашел в ней того прежнего успокоения и удовольствия, какое испытывал к ней несколько лет назад. Жизнь, словно прошедшая мимо него, заглянула в глаза, нагло и громко усмехаясь над ним. Он знал, ощущал, что уже не будет испытывать того чувства восторга и окрыленности, какие захватывали его раньше. Что-то с течением времени меняется безвозвратно.

Зато он неожиданно обнаружил в себе другой талант — писательский. Затрагивая многочисленные злободневные проблемы текущих лет, он преподносил их в яркой, практической форме, показывая реальность, какой она была, но, тем не менее, оставляя место надежде на лучшее, что обязательно должно произойти.

Да, он был оптимистом. Он хотел им быть. Для сына, для себя... Не мечтателем, а именно оптимистом.

Антон воспринял увлечение отца тепло, даже радостно. Сам он для себя уже давно все решил, и теперь лишь хотел, чтобы отец нашел то самое занятие для души, которое сделало бы его счастливым. До смерти жены — это была его работа, исследования, поездки в разные уголки света, вечная нескончаемая гонка за новыми впечатлениями. Он, как истинный профессионал, почти фанатик своего дела, приветствовал любое начинание, поддерживая его даже в том случае, если понимал, то оно изначально обречено на провал. Его это не интересовало. Ему был важен сам процесс. И он был безгранично счастлив.

После смерти жены он должен был посвятить себя сыну, уделяя ему внимание, заботясь о нем, помогая справиться с потерей, дать ему достойное образование. И он, как любящий отец, несколько лет отдал во служение Антону. Наверное, именно тогда стал ему тем самым «настоящим» отцом, которого мальчику не хватало, когда тот был ребенком. Все свободное время они проводили вместе, рыбачили, ходили в горы, спускались по горным рекам, предпринимали вылазки на природу. И тогда он тоже был счастлив.

А теперь, когда Антон поступил в университет, выбрал свой путь в жизни, да и вообще стал мужчиной, поиски себя и своего дальнейшего смысла жизни начались для Олега с новым усердием.

Нужно было найти цель — к чему двигаться, куда идти, зачем ему это будет надо.

Решил вернуться в исследовательскую деятельность, даже принял участие в экспедиции на Дальний Восток. Но эта вылазка принесла ему не больше, а даже меньше удовольствия, чем обычный спуск по реке с сыном. Как бы ни обидно и грустно было это признавать, но факт оставался фактом: то, что когда-то казалось Олегу смыслом жизни, стало вдруг второстепенным, неважным, неинтересным, блеклым и серым.

Стал писать. Сначала совершенно пустые и нелепые фразы в своем ежедневнике. А потом они, к его собственному изумлению, стали обрастать развернутыми предложениями, точными характеристиками и образами, обрисовываться яркими красками, обретать глубокий философский подтекст.

Из-под ручки обычного профессора, исследователя вышла неплохая художественная работа.

Первая книга имела невероятный по своей силе успех и разошлась огромным тиражом. О его таланте стали говорить по всей России; встречи, конференции, интервью с новым талантливым автором, так внезапно, но уверенно вспыхнувшим сверхновой на небосклоне русской литературы.

И Олег вновь был счастлив.

Антон в свою очередь был искренне рад тому, что отец нашел свой дальнейший путь — путь писателя. Намного лучше, чем прозябать оставшуюся жизнь в стенах университета и маяться со студентами, для которых дело отца не значило и сотой доли того, что значило для него самого.

Огорчали лишь пусть немногочисленные отъезды отца из Москвы. Встречи, конференции, презентации. С этим приходилось мириться, закрывать глаза на долгое отсутствие, не беспокоиться и не волноваться, терпеть и радоваться за него, что он нашел свое призвание.

Олег встал с кресла и прошелся по комнате, подошел к окну и застыл около него, глядя на город.

А сегодня, сейчас... как-то пронзительно, больно и остро отозвалось в сердце волнение.

Что-то по-прежнему было не так...

До этой конференции Олегу не приходилось бывать в Калининграде, и один раз проехавшись по городу, он понял, что многое потерял. Красивый портовый город, западная граница России. Основан Тевтонским Орденом как город-крепость Кенигсберг в 1255 году, назван в честь главы крестоносцев — чешского короля Отакара II Пржемысла, а в 1946 году был переименован в Калининград.

Старый Кенигсберг считался центром европейской культуры, и только теперь Олег мог сказать, почему. В городе до сих пор были сохранены многие уникальные архитектурные памятники со времен образования и развития города. Старейшим из них являлся посвященный Св. Адальберту и Деве Марии Кафедральный собор, но Олегу представилась возможность лишь мельком взглянуть на данный архитектурный шедевр.

На следующий день ему пришлось отправиться на деловую встречу с агентом, а по совместительству и другом Андреем Рокотовым. Посетили Ботанический сад.

Разве мог кто-либо, кто был в этом городе впервые, не посетить Ботанический сад, основанный в далеком 1904 профессором Кенигсбергского университета Кебером?!

Осмотрели другие достопримечательности, прокатившись по городу на автобусе, пообедали в одном из новеньких кафе, расположенных на площади, и в три часа дня, обсудив

вопросы следующих встреч с журналистами и читателями, решили возвратиться в гостиницу.

Ветер в тот день был холодным, почти леденящим, или им, москвичам, казался таким с непривычки.

— Знаешь, Олег, — засунув руки в карманы пальто, застегнутого на все пуговицы, проговорил Андрей, — я назначил встречу на следующий месяц в Нижнем Новгороде.

— Встречу? — пробормотал Олег, глядя себе под ноги.

— Да. С читателями.

Олег что-то пробормотал себе под нос, но ничего не ответил, лишь нахмурился.

— А еще конференцию.

Мужчина воззрился на друга с изумлением.

— Еще одну?! — воскликнул он, недовольно поджав губы и окинув Андрея тяжелым взглядом.

— Ну, да, — Андрей как ни в чем не бывало пожал плечами. — В Воронеже. Мы с тобой договаривались о Воронеже, ты что, не помнишь?

Он, конечно же, помнил. Просто не ожидал, что отправится туда в скором времени.

— Договаривались, — кивнул Олег, — но не два месяца подряд, — он покачал головой, устремляя глаза вдаль. — Я обещал Антону, что следующий месяц проведу в Москве. И вообще, — задумчиво проговорил он, — пора уже закругляться со всеми этими конференциями.

— То есть как — закругляться?! — Андрей изумленно уставился на друга. — Это как понимать?

Задумчивость на лице Олега сменилась решимостью.

Нужно отдохнуть от всей этой шумихи. Возможно, все это не для него. Просто не его.

— Да пора осесть в Москве и спокойно писать свои... книги.

— Ты их и так пишешь, причем более чем отлично, — воскликнул Андрей, не желая сдаваться.

Олег тяжело вздохнул и засунул руки в карманы пальто.

— Знаю. Но я обещал Антону...

— Антону уже восемнадцать, Олег, — поморщившись, сказал мужчина. — Какое тут может быть «обещал»?!

— Сколько бы ему не было, он все равно остается моим сыном.

— Твоим сыном, а не беспомощным ребенком, — парировал решительно настроенный Андрей.

— Это ничего не меняет, Андрей, — непреклонно заявил профессор Вересов.

— Но ты ведь еще не решал ничего точно! — воскликнул друг. — Ты не мог не посоветоваться со мной!

— Я стал задумываться об этом совсем недавно, — признался Олег. Вчера. — И к тому же...

— Дяденька, дайте на хлебушек!

Олег застыл с открытым ртом, не смея сделать шага вперед, отвлеченный от своих мыслей тем, что кто-то несмело, легко, но очень настойчиво дернул его за пальто, привлекая к себе внимание.

Детский голосок прозвучал, словно над самым ухом, или ему просто показалось.

Он опустил голову вниз и... приоткрыл рот от удивления.

В него вонзились с острым вызовом, слепой уверенностью, детским, наивным

простодушием большие черные глаза из-под длинных ресниц.

— Что? — едва слышным голосом проговорил он, изумленно глядя на ребенка.

— Дайте на хлебушек, дяденька! — услышал он просьбу, а ребенок протянул вперед худенькие, бледные, грязные ладошки. — Очень нужно, кушать нечего. Братик дома голодный, уже два дня не кушали. Дайте, пожалуйста!

«Мальчик или девочка?» невольно промелькнуло в его голове. По внешнему виду и не определить.

Маленькое худенькое тельце, закутанное в болоньевую курточку ядовитого фиолетового цвета, почти не спасающая от промозглого мартовского ветра, сквозь разошедшуюся «молнию» открывающую теплую, но проеденную молью белую кофту с высоким горлом; желтые сапожки на тонкой подошве, на размер или два больше, чем нужно, скорее всего, спадают при ходьбе; грязная серая вязаная шапка с помпоном, натянутая почти на глаза, тоже велика, приходилось частенько убирать ее с лица, выпачканные и рваные на коленках спортивные штанишки, закатанные вверх, и в довершение ко всему оголенные, а потому красные от холода, онемевшие маленькие ручонки, тянущиеся к нему с надеждой.

Ком мгновенно застревает в горле, словно наждаком терзая кожу, в груди отчаянно колотится сердце, почти разрывается от быстрого и частого биения, грудь сдавливает острой болью, словно тисками.

Частое сбившееся дыхание вырывается сквозь разлепленные губы, и, кажется, что если он сделает один глубокий вздох, он будет его последним вздохом, потому что боль в груди становится почти нестерпимой.

Он хочет разлепить онемевшие от шока и нестерпимого, неразгаданного волнения губы, но не может.

— А где твои родители, ребенок? — спросил Андрей, небрежно отстраняя ребенка в сторону и обходя его.

Большие черные глаза смотрят на него решительно, но не боязливо.

А Олег уже почти не дышит, слушая лишь, как стучит его сердце.

— Папа умер давно, мама болеет, работать не может, братик заболел, два дня уже не кушали, — раздалось скороговоркой в ответ, но протянутые вперед ладошки устремляются не к Андрею. — Дайте на хлебушек!

И Олега вновь пронзает взгляд удивительных, полных вызова черных глаз.

Но он не решается произнести ни слова, безмолвно разглядывая ребенка. Так всё-таки, мальчик или девочка? Он никак не может разобрать, а потом вглядывается в фигурку с интересом и любопытством.

Темные сухие волосы паклями торчали в разные стороны из-под шапки, а на покрасневшемся от ветра личике грязные разводы. Губы обветрились и шелушились, болели, но ребенка это, кажется, не заботило.

Протягивая вперед худенькие замерзшие ладошки, пристально смотрит на Олега, не моргая, не отводя взгляда, уже не с вызовом, но твердо, уверенно, будто именно от него ожидания какого-то действия, словно веря в то, что именно он может помочь.

Девочка, вдруг неожиданно понимает он. На вид, не больше девяти лет, скорее всего, даже меньше.

— Мама заболела, говоришь? — недоверчиво переспросил Андрей, презрительно глядя на нее сверху вниз. — Да еще и братик? А ты здоровенькая, значит? — в его голосе слышатся колкие нотки насмешки.

— Да, — уверенно заявил ребенок, бросив на мужчину мимолетный взгляд и вновь взглянув на Олега. — Я вообще очень крепкая. И сильная, — Олег слушает, почти не дыша. — А братик маленький еще, поэтому заболел сильно. Лекарства нужны, а денег нет. И кушать нечего, голодный он, а ему силы нужны.

Ком, выросший в горле, увеличивался, нещадно нарывая и терзая нежную кожу.

— Вот как, — протянул Андрей недовольно и поджал губы, — уже и лекарства нужны. Ясно.

— На лекарства как-нибудь насобираю, — уязвлено и обиженно воскликнула девочка и вновь протянула ладошки вперед. — Вы дайте на хлебушек, хотя бы немножко.

Андрей сделал шаг вперед и, не отвечая ей, потянул застывшего в недоумении Олега за локоть за собой.

— Олег, пойдём, — сказал он мужчине, намереваясь уйти.

И тут он словно опомнился. Воззрился на друга с недоумением, изумлением, ужасом.

— Надо же дать что-нибудь, нельзя так, — пробормотал он, бросая на девочку косые взгляды.

— Олег, — укоризненно выдавил из себя друг, — ты, что веришь в то, что она говорит?

— А вдруг у нее, действительно, мама и брат болеют? — встрепенулся он. — Да и выглядит она... не очень.

— Олег, ты словно первый день живешь! — воскликнул Андрей. — Да ее родители сюда и подослали, чтобы она вот таких лопухов, как ты, обдуривала. Ты что, не понимаешь? А сами живут себе припеваючи, ребенка только закатали в лохмотья, чтобы жалостливее казалась. Ребенку-то всегда больше сочувствуешь, участие принимаешь, — с досадой выговорил он, пристально глядя на него. — Слушай, Олег, да она тут уже тысячу насобирала, если не больше. А ее родители, гляди, и побогаче нас с тобой будут.

— И все равно! — воскликнул Олег, вырываясь, и обернулся к девочке.

Она смотрела на него. Молчала, ничего не говорила. Но ее покрасневшее личико, нахмуренные бровки, поджатые губки, насупленный носик и внимательные глаза, глядящие на него с укором, говорили о многом.

Она гордо вскинула подбородок, когда он медленно подошел к ней, и даже не двинулась с места, когда он наклонился и сел рядом с ней на корточки.

— Тебе сколько лет, ребенок? — пробормотал Олег.

Прямой, пристальный взгляд. Обветренные губки приоткрылись, и она как-то злобно выдохнула:

— Восемь.

А ведь и не дашь восьми по виду, с изумлением подумал мужчина.

Потянулся к кошельку в кармане пальто и, отсчитав несколько десятков, протянул ей.

— Держи, — но она не решалась, словно не верила тому, что ей добровольно отдадут столько денег. — Держи, держи, — настойчиво проговорил Олег, почти насильно вкладывая их в тонкие ручки. — И больше не стой на холоде. Замерзнешь и заболешь. А тебе маме и брату помогать. Поняла?

Девочка скомкала деньги, засунула их в карман и подняла на него полные эмоций глаза. Смотрит волком, дико, нелюдимо... Но все же, все же...

Что-то таится в глубине черных глаз. Благодарность?..

Она только кивнула, ничего ему не сказав, и глядя прямо в глаза, а он поднялся на ноги и, бросив на нее еще один быстрый взгляд, подошел в нетерпении ожидавшему его Андрею.

— Ну, и зачем ты это сделал? — недовольно пробормотал тот, скривившись.

— Не знаю, — честно признался Олег и, засунув руки в карманы пальто, пожал плечами.

— Надеюсь, тебе не придется жалеть, — сказал друг.

— О чем?! — воскликнул мужчина. — О тридцати рублях?! И к тому же, я все равно не узнаю, даже если она мне и солгала, — ускорил шаг, словно не желая больше говорить об этом. — Хватит уже. Пошли.

Андрей недоуменно покачал головой, но спорить не стал.

Дальнейшего разговора с другом Олег не помнил. Ни единого слова воспроизвести в памяти не мог.

Все его мысли были устремлены к маленькой, беззащитной, одинокой девочке, с протянутыми руками стоящей на площади. Он точно знал, что эти черные глаза просили о чем-то, умоляли.

И ему было жаль, что он не может дать ей того, в чем она нуждается.

2 глава

Мысли о ней не отпускали его всю ночь.

С Андреем они простились в семь вечера, и после этого, позвонив в Москву и поужинав, он думал о ней.

Одинокая девочка на площади, нуждавшаяся в помощи. Ведь она нуждалась — он это знал, он это чувствовал. Все рецепторы словно напряглись, ощущая эту важность.

Он думал только о ней. С того момента, как они с Андреем ушли, оставив ее одну. Сам не понимал, почему, но в памяти всплывали очертания ее худенькой фигурки, закутанной в тонкую курточку. В ушах стоял нарастающий с каждым мгновением гул, в котором отчетливо слышался ее ранимый голосок. Такой умоляющий, хотя она и не умоляла. Такой тихий, хотя она и говорила довольно громко. Такой хрупкий, хотя она и не хотела показывать слабости.

Сильная маленькая девочка.

Да, она была сильной. Сильнее него, наверное. Тот огонек гордости, что загорелся внутри ее черных глаз, не мог его обмануть. Она была сильнее, чем он. Он, даже после того, как проявил ту толику заботы и внимания к ней, что мало кто проявлял, всё равно оказался слабаком. Он просто ушел, оставив ее одну на площади и даже не удостоверившись в том, нужна ли ей помощь.

Но, Боже, это был не тот вопрос, который следовало задавать! Конечно, ей нужна была помощь! Детям, которые с протянутой рукой стоят на площадях под яростными порывами ветра в тонкой курточке и чужих, бóльших на два размера сапогах, всегда нужна помощь!

И она была сильной уже потому, что этой помощи не просила. Не умоляла, не рыдала, не лепетала о тяжелой судьбе. Просто стояла в своей фиолетовой курточке, привлекая внимание своим молчанием, и протягивала покрасневшие ручки вперед в надежде, что сегодня Господь не оставит ее.

Гордая. И сильная. Конечно, сильнее него! И сильнее Андрея, просто прошедшего мимо, оказавшегося слабым даже в том, чтобы остановиться и подать ей на хлеб.

Болезненная тема, слишком болезненная, чтобы рассуждать о ней ночью. И еще этот вопрос, заданный на конференции, который так некстати всплывал в памяти каждый раз, когда он думал о ней!

Дети-беспорядники, дети-попрошайки, дети, чьи родители не в состоянии были обеспечить им счастливое детство со сверстниками во дворах, и те были вынуждены пойти на улицы. Не для игр и не для развлечений. А для занятий, которыми должны заниматься взрослые — заработать на хлеб.

Разве это справедливо?! Разве кто-то может считать себя настолько всемогущим, чтобы рушить законы природы, поворачивая время вспять?! Разве можно без слез в глазах и бешеного биения сердец смотреть на то, как замерзшие маленькие ручки тянутся к тебе, дергая за подол платья или рукав пальто, и видеть в бездонных глазах столько мольбы, столько надежды, столько боли и столько обиды, что, кажется, не хватит всего земного счастья, чтобы хоть когда-нибудь искупить вину за то, что жизнь с ними сотворила!

Разве можно пройти мимо и хотя бы не узнать, что заставило их выйти на улицу?..

Как она...

Не стоило смотреть на часы, чтобы определить, что уже далеко за полночь, но он не мог заснуть, просто лежал в широкой кровати с закрытыми глазами, сотрясаемый многочисленными мыслями, окружившими его мозг. А потом невидящим взглядом уставился в потолок, разглядывая блики от ночной лампы, которую включил, наблюдая за тем, как его собственное бессилие уступает место разочарованию в самом себе.

Думал. Мысли постоянно кружились роем ненасытных пчелок в голове, сводя с ума.

Где сейчас она? В теплой ли постели? Защищена ли от ветра? Спит или не может заснуть, как и он?

Почему из многотысячной толпы, из огромного количества детей, которые так же, как и она, стояли с протянутыми руками, он выбрал именно ее?! Почему он обратил внимание именно на нее?! Почему — она?!

Что-то было в ней необычное. Своё, родное.

То, как она смотрела на него?.. Почти волком, исподлобья, не доверяя, и всё же... с надеждой, с мольбой, затаившейся в глубоких, бездонных глазах цвета агата.

Или то, как держалась?.. Не как девочка восьми лет, с наивным, чистым и непорочным взглядом на мир, а как ребенок, который раньше срока узнал одну из сторон взрослой жизни.

Или то, как говорила?.. Не умоляла, но просила с гордо поднятой головой, вскинув подбородок.

И смотрела только на него. Не на Андрея, который терзал ее нелепыми вопросами, а на Олега.

Что она хотела ему сказать? Ведь что-то очень важное! Он точно знал. Что-то, что так и не сорвалось с ее губ, потому что она уже тогда была сильной девочкой, не способной на слабый поступок.

В ее глазах, таких бездонных, глубоких, прекрасно-черных, блестели искорки, которые он не смог не заметить, просто не разобрал слов, завуалированных фраз. Обидно. Как обидно!

А он даже не узнал ее имени... Как ее зовут? Надюша?.. Ирочка?.. Машенька?.. Лизанька?..

Отругал себя, отворачиваясь к стене и стискивая одеяло, сильно зажмурившись.

Какие бесполезные, безумные, совершенно бредовые мысли!

Стараясь выбросить из головы ее образ с худенькими плечами, гордый подбородок и бездонные глаза, к утру он всё же провалился в короткий тяжелый сон без сновидений.

Проснулся рано, конечно же, не выспался. Но решил вставать, чтобы больше не мучить себя.

С утра у него была назначена конференция, постарался в этом, конечно же, Андрей.

Нужно будет сказать ему еще месяц назад, чтобы он не назначал конференций без его согласия.

А потом встреча с читателями, о которой вновь позаботился Андрей.

Десятки незнакомых лиц, увлеченных его книгами, с десятками вопросов, на которые он уже отвечал не в первый раз. Очередь из желающих приобрести книгу с его подписью, фото на память. Опять улыбки, объятия, поцелуи в щеку. Вереница глупых, бесполезных дел, уже не приносящих ему ни удовольствия, ни успокоения, ни умиротворения.

Ему опять было трудно дышать от бездействия, от «не своего», от тоски, разъедавшей

его кислотой.

И он опять вспоминал ее. Еще на конференции, когда в памяти всплыл вчерашний вопрос журналистки, а потом и весь оставшийся день, заключенный в кольцо мероприятий, перед глазами всплывал ее образ.

Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, остудить голову и привести в порядок чувства, позвонил Антону.

Сын рассказал что-то о том, как они с друзьями ходили в боулинг-клуб, а потом, смеясь, поведал, как учил знакомого играть в бильярд. Олег, конечно, посмеялся вместе с Антоном, но как-то через силу, поэтому молодой человек в конце разговор с беспокойством поинтересовался:

— Пап, с тобой все в порядке?

Олег нахмурился и тяжело вздохнул. Обманывать Антона не хотелось, но и не говорить же всей правды.

— Да как тебе сказать, — проговорил он неуверенно, — устал я просто.

— Твой Рокотов тебя доконает! — гневно воскликнул сын. — Ты можешь вернуться раньше?

— Нет, — покачал он головой, — вряд ли. Сейчас никак не вырваться.

Он услышал, как недовольно засопел в трубке сын, но виду, что заметил, не подал.

— Вернусь дней через пять.

— Ясно, — после непродолжительного молчания сухо пробубнил Антон. — Ладно, буду ждать. Что мне еще делать? — он горько хохотнул, и Олег почувствовал себя вновь виноватым.

— Ты что-то хотел рассказать мне? — напомнил вдруг Олег, стараясь отвлечься.

— Да это, — замялся парень, — не телефонный разговор, пап. Давай, ты приедешь, и мы поговорим, хорошо?

Олег нахмурился, сердце забилося в груди.

— Хм... нетелефонный разговор, говоришь? — пробормотал он. — Ну, хорошо. Потом, так потом.

Прощались они на том, что Антон выпытал у отца обещание, что тот вернется не позже четверга, и Олег более или менее довольный положил трубку на рычаг и откинулся на спинку кресла.

Может быть, устал? Может, пора послать все к черту и отдохнуть по-человечески? Съездить за границу, или на море, Антона с собой взять.

Олег закрыл глаза и тяжело вдохнул.

Может, хватит уже обманывать себя и ходить вокруг да около?!

Совершенно банальные, привычные дела, которые он делал почти всегда, сейчас казались пустыми и нелепыми, не удовлетворяли. Не приносили легкости, блаженства или банальной радости, которая когда-то распирала его грудь.

Он вообще ничего не чувствовал, кроме всеобъемлющего чувства, что почти захлестнуло его с головой.

Увидеть ее. Снова.

Почему? Зачем? Ему, преуспевающему писателю, профессору, понадобилось искать встречи с девочкой, даже имени которой он не удосужился узнать?!

Он не знал. Твердо знал лишь одно — он должен вновь увидеться с ней.

Пойти на площадь и отыскать уже знакомую худенькую фигурку, завернутую, он был

уверен, во все ту же фиолетовую курточку и обувь в те же старенькие сапожки.

Дело здесь было не только в жалости, сострадании, участии или элементарном милосердии, на которое поспешил Андрей, дело было в том, что он не мог обойти ее стороной, пропустить, оставить одну. Не мог.

Почему-то именно ее выделил из толпы и заметил. Почему-то именно ее.

И ответа своим ощущениям и чувствам, которые ворвались в него огненным вихрем, он найти не мог.

Наспех одевшись, ничего не сказав администратору и не предупредив Андрея, хотя он договаривался с ним встретиться на первом этаже в гостинице и обсудить детали встреч, он пулей выскочил из гостиницы.

Ноги не слушались его, они несли его по направлению к площади, а руки отчего-то дрожали.

Андрей, конечно, будет рвать и метать, когда он не появится, но ему было все равно.

Не пошел на эту встречу, которая не принесла бы ему успокоения.

Но зато пошел на площадь, чтобы увидеть ее.

Сильный ветер раздувал полы его пальто и теребил темные, поседевшие на висках и у корней волосы, а он, оглядываясь по сторонам, лишь надеялся увидеть знакомую одинокую фигурку, стоящую на площади и просящую подаяния. Как и вчера, когда он видел ее.

В груди трепетно билось сердце, яростно ударяясь о грудную клетку, в висках стучало, а он невидящим взором смотрел по сторонам, стараясь сквозь пелену, застилавшую глаза, разглядеть тонкий силуэт.

Он знал, что она здесь. Чувствовал. Ощущал всей душой, которая вмиг всколыхнулась, встрепенулась, воспарила, ведомая этим непередаваемым чувством восторга от волнения и радости, когда понимаешь, что твой мир вновь наполнился светом.

Она здесь... Здесь. Где-то здесь. Он точно знал! Здесь...

Вот она!.. Стоит, как и вчера, в центре площади с протянутыми руками. Всё в той же курточке, не спасающей ее от сильного ветра, в потрепанной шапочке, спадающей на глаза, в стареньких сапожках, без варежек, с оголенными ладонями, покрасневшими и оледеневшими от холода.

Сердце бухнуло куда-то вниз, а потом забарабанило в горле.

Он медленно подошел к ней, слушая, как кровь стучит в висках, оглушая, и приливает к щекам. Как громыхает пульс в запястьях и несется с бешеной скоростью по венам, разнося адреналин.

Остановился около нее, в двух шагах.

Удивленная его приближением, она подняла на него черные глазки.

Она не подала виду, что узнала его, хотя Олег точно знал, что узнала. Она просто молчала.

Не стремилась протянуть подрагивающие на холоде ручки вперед в надежде получить подачку. Не двинулась с места, чтобы отойти в сторону или сбежать. Не отвела взгляда, когда он заглянул ей в глаза.

Не произнесла ни слова, хотя ее молчание, отразившееся в зрачках, сказало ему очень много.

— Ты меня помнишь? — осторожно спросил Олег. — Я был здесь вчера.

Девочка лишь кивнула, продолжая молчать и внимательно рассматривать его.

— Ты замерзла? — спросил мужчина, наклоняясь к ней и стараясь своей широкой

фигурой отгородить ее от порывов ветра. — Холодно, а на тебе эта курточка.

Девочка недовольно поджала губки и посмотрела на него исподлобья.

— Другой нету, — пробормотала она ворчливо.

Он хотел тронуть ее за плечо, повинувшись внезапному порыву успокоить и защитить, но девочка не позволила ему этого сделать, отшатнувшись, как от удара. И вновь воззрилась на него с подозрением.

Мужчина вздохнул и отпустил руку вниз.

— Ты хочешь есть? — проговорил Олег, глядя на нее в упор.

Продолжая пристально и внимательно его разглядывать, девочка лишь пожалала плечами.

— Хочешь, я покормлю тебя? — спросил Олег вновь. — Мы можем сходить и купить тебе...

— И что я должна буду сделать за это? — перебила девочка резко, глядя на него волком и даже отойдя на несколько шагов.

— За что? — удивился Олег.

— За то, что вы покормите меня, — охотно пояснила девочка, продолжая пятиться.

— Ничего, — проговорил мужчина неуверенно, глядя на то, как она отступает с изумлением и шоком.

Девочка отрицательно замотала головой, ресницы ее задрожали, глазки сощурились.

— Так не бывает, — уверенно заявила она и остановилась в нескольких шагах от него.

— Как?

— За все нужно платить, — проговорила она с детской простотой и слепой уверенностью в своей правоте.

Олег стиснул зубы. Кто заставил ребенка увериться в этом недетском факте реальной жизни?!

— Кто тебе это сказал? — мягко спросил Олег, засовывая руки в карманы пальто. — Мама?

Девочка насупилась, не желая отвечать, поморщилась и опустила глаза вниз, глядя на него исподлобья.

— Нет, мамин знакомый, — проговорила она тихо, — дядя Леша.

Руки Олега непроизвольно сжались в кулаки, а глаза потемнели.

— А этот... дядя Леша, — выдохнул Олег, — он твой маме кто?

Девочка пожалала плечами.

— Просто живет вместе с нами, вот и все, — ответила она просто.

Отвечать она не хотела, даже это маленькое признание далось ей с трудом, и мужчина это видел.

Он не хотел, чтобы она его боялась, чтобы дичилась и убегала. Он хотел... Чего он хотел?! Стать для нее другом. Узнать, что с ней случилось. Помочь, если будет такая возможность. Она говорила, что ее брат и мама болеют, тогда, может быть, купить лекарств.

Помолчав и разглядев ее, Олег сделал нетвердый шаг вперед, с удовлетворением отметив, что она не отшатнулась, а осталась стоять на месте, лишь понурился голову.

— Как тебя зовут? — проговорил Олег, продолжая медленно приближаться.

И вновь смотрит на него волком, исподлобья, не верит ему.

— Даша, — выдохнула она. — А что?

Олег ободряюще улыбнулся.

— Даша, — повторил он ее имя, словно смакуя его, а потом добавил: — Мне нравится.

Красивое имя.

— Имя как имя, — проговорила девочка злобно. — Ничего особенного.

Приблизившись к ней на расстояние одного шага, мужчина наклонился к ней.

— Вот не скажи, — улыбнулся он. — А ты знаешь, что каждое имя имеет свое значение?

Она покачала головой, но с интересом посмотрела на него. В ее глазах мелькнули искорки вопроса, хотя сама она так и не произнесла ни слова.

Олег удовлетворенно улыбнулся.

— Хочешь знать, что означает твое?

Она задумалась с таким усердием, словно размышляла о глобальных проблемах человечества, а потом посмотрела на него и спросила:

— А это важно?

— Ну, как сказать... — смутился мужчина, пожав плечами. — Имя играет огромную роль в жизни каждого человека, — заглянул ей в глаза. — И в твоей жизни тоже.

— И что же означает мое имя? — спросила Даша с вызовом, стискивая маленькие замерзшие ладошки.

Олег проследил за этим ее движением и стиснул зубы. Замерзла, маленькая...

— Дар небес, — проговорил он, вынуждая себя улыбнуться. — Ты — дар небес, Дашенька.

Девочка, сначала воодушевленная, в один миг скривилась и посмотрела на него с горькой усмешкой.

— Если бы вас слышала мама, она бы заругалась, — покачала головой и с детским простодушием добавила: — Она называет меня троглодиткой и говорит, что я для нее обуза. Как и Юрка, — она опустила голову.

Олег сглотнул и сжал руки в кулаки в карманах пальто.

— Юрка? — проговорил он еле слышно. — Это твой брат?

— Да, ему шесть лет. И он болеет.

Болеет. А мама?.. Этот вопрос так и вертелся у него на языке, но он не спросил, не посмел, оробел.

«Бедная девочка, если бы только я мог помочь тебе чем-то!» пронеслось в его голове.

Он вновь улыбнулся.

— Даша, а хочешь, сходим в кафе? — предложил Олег, с надеждой глядя в ее глаза. — Или, может быть, тебе купить что-нибудь? — он неуверенно сглотнул. — Что ты хочешь?

— Нет, ничего не хочу, — упрямо покачала головой девочка.

Такая слепая решимость удивила его.

— Почему?

— А что я должна буду сделать за это? — вновь посмотрела на него исподлобья, как-то злобно.

Не доверяет, удрученно подумал мужчина.

— Ничего, я же уже сказал, — проговорил он, пытаясь убедить ее в бескорыстности дружелюбной улыбкой.

Даша замотала головой так сильно, что шапка упала ей на глаза, и пришлось ее поправить.

— Дядя Леша говорит, что так не бывает, — решительно заявила она, поднимая подбородок. — Всем людям друг от друга что-то надо. И за все приходится платить рано или

поздно.

«Откуда только взялся этот чертов дядя Леша?! Кто он вообще такой?!» с гневом подумал Олег.

— А этот дядя Леша, — проговорил он, запнувшись, — давно с вами живет?

— Прилично уже, — проговорила Даша. — Юрке было четыре, когда он пришел. Он тогда тоже болел, а дядя Леша сказал маме, что за лекарства нужно платить, а у нас денег и так нет, — девочка злобно поджала губы, насупилась, поморщилась, взглянула на застывшего рядом с ней мужчину дико, с яростью, очевидно, пожалев о том, что так разоткровенничалась, а потом выдавила: — Дядя Леша денег не дал, но Юрка все равно поправился, я у соседей попросила, и они не отказали.

Олег стиснул зубы и сжал руки в кулаки. Ярость вспыхнула в нем ярким пламенем, сердце забилось громко и отчаянно. Какой негодяй может пожалеть денег на лечение ребенка?!

Олег задумчиво покачал головой, а потом, словно бы что-то вспомнив, внезапно спросил у Даши:

— А ты в школу ходишь? Тебе ведь восемь...

Она покачала головой.

— Нет.

— Что же так? — удивился Олег, с болью и сожалением глядя на девочку.

Даша поджала губы, но все же ответила сквозь зубы:

— Когда была баба Катя, она научила меня читать и писать.

— А где она сейчас? — сглотнув, ощущая, как бьется в висках кровь.

— Умерла, — с горечью проговорила девочка, подняла на него острый взгляд. — Несколько месяцев назад.

Боль тугим свинцовым комком собралась в горле, и он смог лишь выдавить:

— Мне жаль.

— Мне тоже, — тяжело вздохнула. — Она была хорошей. И о нас с Юркой заботилась. А когда ее не стало...

Сердце его дрогнуло, дыхание участилось. Захотелось сжать эту малышку в своих медвежьих объятьях и не отпускать, не отдавать ее этому жестокому миру, не знающему сострадания.

— Что? — прошептал он с болью в голосе.

Даша выдохнула и грустно проговорила:

— Дядя Леша сказал, что мы никому не нужны, — помолчала, — и что он нас на своей шее держать не станет.

Ярость с новой силой нахлынула на него, застилая глаза.

— А мама? — едва выдавил он из себя.

— Мама ничего, — пожалала она плечами. — Ей все равно.

Черт возьми, как матери может быть все равно?! И как Даша может так спокойно говорить об этом?!

Злость, презрение, негодование, обида, гнев, сплотившись в один большой ком, разгорались в нем всё сильнее, удушая, уничтожая, не позволяя дышать.

— И вы с братом...

— Мы пошли на улицу, — с вызовом сказала Даша, вскинув подбородок. — А больше ничего не оставалось.

Сильная. Даже сейчас — сильная.

Он подивился этому, но сам факт того, что вместо детской непосредственности, наивности и чуткости ей пришлось примерять на себе маску взрослости, жестокости и злобы, словно железными прутьями сковал его внутренности, обжигая их ядом.

— И много вам подают? — выдавил Олег, хмурясь.

— Бывает много, а бывает и нет, — покачала головой. — Гонят многие, говорят, чтобы мы тут не ошивались.

Олег снова сглотнул тяжелый тугой комок, а потом спросил, стараясь, чтобы голос звучал спокойно:

— Что же ты, про маму солгала, значит?

Даша опустила глаза, словно устыдившись этого факта.

— Ага, — выдохнула она обреченно. — Солгала.

— А про брата?

— Юрка болеет! — воскликнула она с чувством. — Ему лекарства нужны, а дядя Леша денег не дает! — она злобно скривилась и выдавила с яростью: — Только водку покупает, травит и себя, и маму! — она бросила на него быстрый взгляд, а потом сказала: — Мне работать надо.

Сначала Олег не осознал ее слов, с болью в сердце глядя на ее замерзшие ручки, на яркую куртку, не спасавшую от ветра, на вновь съехавшую на глаза старую шапку, и только через минуту, когда черные глазки стали пристально заглядывать ему в лицо, он опомнился и закивал головой.

— Да, да, конечно... — пробормотал он, делая несколько шагов назад.

Работать. Он вздрогнул.

Унизительно, подло, неправильно!

Посмотрел на нее, сглотнул, увидев прямой внимательный взгляд, полный горечи и обиды.

Голос внезапно задрожал, когда он спросил:

— Я приду завтра, можно?

Он знал, что все равно придет, даже если она запретит. Но это разрешение было важно лично для него.

Девочка пожалала плечами, отвела глаза в сторону.

— Если не будет здесь, значит, буду в другом месте, — проговорила она. — Приходите, если хотите.

Словно очнувшись, он достал из кармана кошелек и, не раздумывая, достал из него пятьдесят рублей.

Протянул ей, но она отстранилась, покачала головой и сначала не взяла.

— Нет, — проговорила она. — Это очень много.

— Не спорь со мной, Даша, — проговорил Олег, впервые обратившись к ней по имени. — Возьми. Тебе нужно купить брату лекарства.

Очевидно, только этот факт и заставил ее принять эти деньги.

Маленькие ладошки коснулись его руки, и Олег ощутил дрожь, промчавшуюся вдоль позвоночника.

Сердце забило в груди, болезненной болью отдаваясь во всем теле.

— Спасибо, — пробормотала девочка, засовывая деньги в карманы куртки, и не глядя на него. — Я пойду, — пробормотала она и повернулась к нему спиной, сделала несколько

нетвердых шагов вперед, остановилась, обернулась к нему, пронзив странным взглядом, пробирающим до основания, отвернулась и ушла.

Он не успел задержать ее, остановить, попрощаться, сказать ей хоть что-нибудь, он просто стоял и смотрел вслед удаляющейся фигурке со слепой уверенностью в том, что сегодня, сейчас какая-то невидимая нить крепко связала их вместе.

И позаботиться о ней теперь было его задачей. Необходимостью.

Его судьбой.

3 глава

Она не знала, зачем пришел этот большой дядька в дорогом черном пальто, полы которого развевались на ветру, и что ему от нее было нужно, знала лишь, что он ей нравился. По-хорошему, нравился.

Не злой он вроде бы, выглядел опрятно и богато, держался сдержанно, но не высокомерно, как многие помимо него, которые удостаивали ее кивком головы. Честный и правильный, внимательный, она сразу это поняла. И еще щедрый, бескорыстный. Уже дважды давал ей на хлеб, ничего не попросив взамен!

Привыкнув к тому, что ничего не достанется просто так, словно впитав это в себя, как некую жизненную философию, не осознавая причин, Даша уже не верила в бескорыстность, и в щедрость тоже не верила, и в открытость души и милосердие — не верила.

За все нужно платить. В это она верила, да.

Но в открытость и бескорыстность этого странного мужчины ей очень хотелось верить.

Он отличался от тех людей, которые встречались на ее пути, он отличался даже от того мужчины, с которым она видела его в первый раз. Тот был напыщенным, высокомерным, надутым и злым. Он ей не понравился. Даже когда отвечала на его вопросы, она смотрела на мужчину, в глазах которого светилась теплота, забота и участие. Словно ему не все равно.

А она так устала от равнодушия и безразличия! Так же устала, как и привыкла к ним.

Зачем он приходил на площадь, она так и не поняла, потому и держалась озлобленным волчонком рядом с ним, глядя на него из-под опущенных ресниц и нахмуренных, сведенных к переносице бровей. Зачем ему было нужно подходить именно к ней, узнавать ее имя, разговаривать с ней, о чем-то спрашивать, задавая различные вопросы. Она отвыкла оттого, что кто-то интересовался ею, поэтому и держалась с ним осторожно, с опаской, словно проверяя почву, словно выпытывая новые знания об этом незнакомце.

Его глаза светились добротой и приветливостью. Совсем другие глаза! Не такие пустые и равнодушные, как у тех людей, что окружали ее всё это время, что кидали ей монетки в ноги, что смеялись над ней или ругали ее за попрошайничество.

Он не выглядел плохим или злым, скорее, наоборот. Ему можно было верить. Но...

Но она все равно ему не верила.

Ему что-то было нужно от нее, Даша была в этом уверена. По-другому не бывает. Дядя Леша всегда говорит, что люди общаются друг с другом лишь потому, что получают от этого общения какую-то выгоду. Когда же пропадает мнимая или реальная выгода, пропадает и общение. Люди перестают значить друг для друга так много, как значили до этого.

Слишком четко она осознала эту философию, слишком ясно поняла, что просто так ничего не бывает.

Она не верила Олегу. Она боялась ему поверить и обмануться в своих ожиданиях и надеждах.

Она не верила и дядя Леше тоже. Ему она не доверяла даже больше, чем этому странному мужчине, который назвался Олегом. Она не любила его. Со всей открытостью души, с детской непосредственностью, на которую уже почти не была способна, Даша могла

бы сказать, что ненавидит его.

Дети всегда остро чувствуют отношение в нем взрослых, четко разграничивая их на плохих и хороших. На своих и чужих. И дядя Леша был тем человеком, который попадал в черный список «не своих» людей.

Если сравнивать его с кем-то, то он был слизняком. Скользким, липким, холодным, противным.

Даша плохо помнила то время, когда дяди Леша в их жизни не было, сейчас казалось, что он был всегда.

Они тогда жили на границе с Белоруссией в небольшом городке, население которого насчитывало не более пяти тысяч человек. Отец работал дальнобойщиком и очень часто отлучался в рейсы, пропадая в дороге не только неделями, но порой и месяцами. В такие дни Даша особенно по нему скучала, умоляла его возвращаться скорее, и, хотя никогда не просила привезти ей подарок из рейса, отец всегда баловал ее какой-нибудь безделушкой. Мама работала на заводе, который кормил почти весь город.

Они жили не богато, по крайней мере, Даша не помнила, чтобы у нее были дорогие импортные вещи, как у некоторых ребят с улицы, или конфеты по выходным, но весьма сносно. Одеты, обуты, держали огород, поэтому не погибали от голода. Тогда такая роскошь, как кусок хлеба, не казалась ей недоступной.

Но всё как-то быстро, почти в одночасье изменилось, словно перевернувшись с ног на голову, и привычный наивный детский мир непосредственности и беззаботности, наполненный теплыми фантазиями и мечтами о светлом будущем, рухнул, так и не успев сформироваться.

Когда Юрке было два года, отец попал в аварию, столкнувшись на дороге с такой же фурой, которой сам и управлял. Водитель столкнувшейся с ним фуры, выжил, отец же Даши скончался на месте еще до приезда скорой помощи. Через год после трагедии закрылся завод, на котором работала мама, и молодая женщина, оставшись с двумя детьми на руках, без поддержки со стороны мужчины или каких-либо близких родственников, осталась к тому же без средств к существованию.

Ее отношение к детям изменилось практически мгновенно, словно по мановению волшебной палочки. Она не уделяла им больше должного внимания, особенно Даше, которая в отличие от своего младшего брата была крепкой здоровенькой девочкой, не заботилась о том, накормлены ли они, не болеют ли, не холодно ли им. Очень быстро она стала спиваться, подцепила наглого, напыщенного проходимца, которого велела Даше и Юрке называть не иначе как дядей Лешей, и позволила ему жить вместе с ними.

Этот мужчина не понравился Даше сразу. И если Юрка тогда был слишком маленьким для того, чтобы понимать, кем является этот человек на самом деле, то девочка, умная и развитая не по годам, даже в свои годы успела понять, что за маску надевает он на лицо.

Но они с братом зависели и от матери, и от него. Каким-то неведомым способом, пропадая порой на несколько дней, а то и недель, он добывал и пищу, и одежду, и дорогие подарки. Все для своей сожительницы — но не для ее детей. Он долгое время не принимал их за живых существ, просто принимая их существование, как должность, как факт, но никогда не уделяя им и крупицы своего внимания.

Но зато он любил философствовать на тему, кто в этом мире ему что должен. О том, какие отношения связывают людей. О том, что за все нужно платить, и что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловке. И еще о том, что дети в своем младшем возрасте ни на что не

способны и не годны. По своей натуре он был человеком, который изо всего пытался извлечь выгоду, а так как с детей он не мог ничего спросить, то и не принимал их за объекты своей действительности.

Все изменилось, когда Даше исполнилось семь лет, хотя, возможно, и раньше, просто Даша не обращала на подобные изменения внимания. Дядя Леша стал странно посматривать на нее, часто подзывал к себе, нравоучительным тоном читая какие-то лекции, почти ни одного слова из которых девочка не понимала, снова и снова давил на то, что в этом мире никому ничего не дается бесплатно и ей тоже не достанется.

А она слушала его и не понимала, о чем он толкует.

Лишь спустя время ей удалось разгадать подтекст его слов.

Когда Даше исполнилось семь, они переехали в Калининград. На переезде настоял дядя Леша, и Дашина мама не возражала против этого его желания, потому что в родном городе искать ей больше было нечего.

Юрка часто болел и раньше, но приморский город со своеобразным климатом оказал на его здоровье губительное воздействие. Мальчик стал очень часто переносить ОРВИ, болел воспалением легких, почти задыхался от кашля и болей в горле и груди. И, если раньше мать занималась его здоровьем, уделяя сыну должный уход и проявляя заботу, то в Калининграде все заботы о Юрке легли на плечи его старшей сестры. Даша делала все возможное для того, чтобы вылечить мальчика, всеми изощренными способами добывая деньги на лекарства. Но этой помощи семилетнего ребенка, явно, было недостаточно. Мама же и дядя Леша никак не реагировали на частые долговременные болезни мальчика, словно не считая нужным уделять ему время.

Даша дивилась подобной безответственности и злости, направленной на них так резко, так неожиданно, но всё еще надеялась на то, что мама в один прекрасный день прижмет их к груди, как раньше, укроет от всех невзгод своим плечом, прошепчет ласковые слова и никому не даст их в обиду.

Но чуда девочка ждала напрасно. С каждым днем отношения между матерью и ее детьми, казалось, становились всё сложнее, всё запутаннее, всё невыносимее. Участились пощечины, наказания за малейшие провинности и даже отсутствие таковых, удары ремнем и пьяная ругань.

Даша старалась не попадаться матери на глаза, избегала она и дядю Лешу, который с каким-то скрытым удовольствием и восторгом наблюдал за сценами ее избиения.

Даша научилась быть незаметной. Но незаметной всё же не стала.

По соседству с ними жила баба Катя, которая, видя плачевную ситуацию семьи, пыталась помочь детям справиться с тем, что творилось вокруг них. Она жалела их, подкармливала, сначала вынося еду на улицу, а потом и вовсе приглашая детей к себе в дом, она отдала им старую одежду, которую нашла на чердаке, пыталась сгладить всеми мыслимыми и немыслимыми способами ту обстановку, что сложилась вокруг них. Но когда она, обнаружив на теле Даши синяки и гноящиеся ранки, заикнулась о том, что сообщит в отдел опеки и попечительства, чтобы их семью взяли на особый контроль, а, возможно, и потребовали лишения родительских прав, дядя Леша доходчиво объяснил ей, что этого делать не стоит, и попросту пригрозил, чтобы она и не помышляла об этом, иначе рискует нарваться на неприятности.

Неприятности он мог ей обеспечить, Даша отчего-то чувствовала это.

Баба Катя никому ничего не сообщила именно по ее просьбе. Девочка прибежала к ней

поздно вечером, когда Алексей и ее мать куда-то ушли, и умоляла ничего не делать, никому ничего не рассказывать, просто оставить всё, как есть. Иначе дядя Леша будет сильно ругаться, злиться, кричать, и не поздоровится им всем. Свое негодование и слепую ярость он сорвет на ни в чем не повинных детях.

Со слезами на глазах глядя на заплаканное детское личико с грязными разводами на щеках, баба Катя, прижимая ее к себе, обещала молчать, причитая и охая, проклиная беспутную мать и ее сожителя.

Когда же баба Катя умерла, стало совсем плохо.

Дядя Леша, раньше, будто закрывавший глаза на то, что соседка подкармливает детей его сожительницы и заботится о них, сейчас, после ее смерти, словно бы взбесился. Он будто испытывал их на прочность, проверяя, кто сдастся быстрее, а кто останется победителем.

Юрка в это время задыхался от кашля и маялся температурой каждую ночь, а Даша пыталась найти способ, чтобы вылечить брата. Пришлось стоять на площади с протянутой рукой. Было стыдно, особенно в первые дни, непривычно и чуждо ей. Но она старалась смирить нелепую детскую гордость, высоко задрав подбородок и с вызовом глядя на проходящих мимо людей. Равнодушных людей, которые так и не поняли, так и не узнали, так ни разу и не поинтересовались. Почему, зачем, отчего...

Было стыдно, она смущалась и краснела, опускала глаза, пряча слезы за темными ресницами, растирала их кулачком, оставляя на лице грязные разводы, но потом даже привыкла.

У нее была цель, и она к ней стремилась.

Главное, никому не показать своей слабости. Слабость в этом мире не ценилась. Она ничего не стоила.

Юрка никак не шел на поправку, Даша не знала, чем помочь брату. Врача девочка пригласить не могла, боясь вызвать неодобрение дяди Леша, а тех денег, что кидали ей, не хватало на дорогостоящие лекарства.

Она не верила в чудо, не надеялась на мать или Алексея, ни от кого не ждала помощи и поддержки, уже смирившись, что в этом мире может рассчитывать лишь на себя, она просто каждый день с непоколебимой уверенностью, с невиданным упорством, пересиливая себя, вновь и вновь шла на площадь, чтобы просить подаяния. Не для себя. Для брата.

А потом появился он. Этот странный мужчина с темными волосами, поседевшими на висках. Назвался дядей Олегом, денег дал, сказал, чтобы брату лекарств купила. И ни одного дурного слова не сказал, хотя дома от матери и самого дяди Леша девочка только и слышала, что оскорбления и унижительные слова. А этот незнакомый странный мужчина повел себя с ней по-другому, не так, как мама и Алексей, не так, как все остальные проходящие мимо люди.

Он просто уделил ее горю больше внимания, чем это сделали другие.

И она потянулась к нему, как цветок тянется к солнцу. Интуитивно, произвольно, чувственно.

Она не помнила ощущения быть любимой. Она не слышала добрых слов. Она не видела тепло и участие в глазах людей, с которыми общалась. Она забыла, что такое нежность.

Мама не любила ее. И Юрку тоже не любила. Если раньше девочка сомневалась в этом, надеясь на то, что невнимательность, эгоизм и безответственность молодой женщины связаны с гибелью мужа, и она сможет реабилитироваться спустя время, не будет просто так

давать детям подзатыльники, наказывать ремнем и ставить в угол, что принесет им в один прекрасный день вкусные пирожные, которыми хвалились остальные ребята во дворе, то однажды Даша со всей ясностью поняла, что они с Юркой маме не нужны. Что они вообще никому не нужны.

Она подслушала разговор между матерью и дядей Лешей еще до приезда в Калининград, и даже в семь лет смогла осознать, что означают злые, брошенные в гнев и ярости слова.

— Они мне не нужны! Они никогда мне не были нужны! — кричала подвыпившая мать, раскрывая душу перед своим сожителем. — Я их терпела только ради Кирилла! Я его любила, а не их! Это он всегда детей хотел, сына, дочку... Тьфу, да чтоб им провалиться на месте! Родная кровиночка, семья, дети... Ха-ха-ха... Глупости все это, не чувствую я всего этого. Пусть сами теперь справляются, мне всё равно!

— Что же ты делать будешь? — послышался вопрос мужчины, заданный более трезвым голосом.

Мать странно рассмеялась, а потом грубо выдохнула:

— А что с ними, троглодитами, можно сделать? В приют их сдам, да и все! — девочка невольно вздрогнула и сжалась. — Надоело уже их тянуть на своей шее. Снова и снова, снова и снова... — запричитала женщина. — Ооой, ты хоть представляешь, какой это груз, Лешка?! Двое детей на шее. Ладно Дашка, крепенькая вроде девка, а этот маленький... поганец, — она грубо выругалась. — Он то и дело болеет! Мне уже надоело ему лекарства покупать. Да и не самые дешевые, между прочим. А он болеет и болеет, болеет и болеет! Нарочно! Что мне с ним делать?! Лешка, а? — Даша проглотила слезы. — В приют их отдам и дело с концом!

— Нет, в приют не надо, — возразил мужчина уверенно.

Даша напряглась. Неужели дядя Леша не такой, каким она его себе представляла?..

— Чего это не надо?! — возмутилась женщина пьяным голосом. — А кормить их кто будет?! Опять я?! Они и так на моей шее сидят, и дальше будут сидеть?! — возмущенно кричала она. — Нет уж, хватит, увольте! Они мне не нужны, — решительно заявила она. — Кириллу нужны были, а он взял их и бросил! Умер он, — она всхлипнула, а потом вдруг зарыдала. — Как не кстати умер-то! Как не кстати... А теперь пусть государство о них и заботится. Мне-то что?

Даша сжалась в уголке комнаты, зажмурившись крепко-крепко, словно надеясь на то, что вот-вот проснется, что все эти злые, подлые слова окажутся лишь сном, кошмаром. Но как они ни старалась, как ни жмурилась, как ни вынуждала себя проснуться, ничего не выходило. А в сознание острыми клыками, ударами бича вонзались ядовитые слова матери и Алексея.

— Нет, Ритка, — возразил мужчина нравоучительным тоном. — Не надо их в приют. Пока не надо. Я придумаю, как они смогут пригодиться нам.

— Да ладно тебе! Пока ты думать будешь, они из меня все соки вытянут! — воскликнула мать раздраженно. — Не на твоей ведь шее сидят, а на моей. На моей! — выдохнула она и добавила: — В приют, только в приют!

— Да погоди ты, говорю! — вскричал Алексей, удерживая ее за руку. — Что ты заладила, в самом деле, в приют, в приют! Что мы, что ли, не найдем, чем они смогут быть нам полезны?!

— Да на что они годятся?! — с отвращением выдохнула женщина. — Только жрут да пьют. А малому вообще деньги нужны на лекарства. Не хочу больше с ними маяться!

Надоело, слышишь? Пусть катятся в черту!..

— Да, — задумчиво пробормотал Алексей. — Юрка, действительно, слабый. Не сможет он, наверное, ничем нам пригодиться...

— Вот! А я тебе про что!

— Да помолчи ты! — шикнул на нее сожитель. — Тут надо хорошо подумать. Дашка-то у тебя здоровенькая девчонка, а когда вырастет... — помолчал мгновение, — на этом можно хорошенько заработать.

— Ты что еще удумал?! — с гневом насупилась женщина. — Что в твою башку взбрело?! Ты хочешь меня в тюрьгу засадить, что ли, за растление несовершеннолетних?!

— Да заткнись ты уже! — раздраженно выдохнул Алексей. — Я подумаю над тем, что можно будет сделать с девчонкой, а пока пусть растет. И не спорь со мной! — пригрозил он ей. — Ясно?!

— Ладно, пусть растет, — сдалась вдруг женщина, словно чего-то испугавшись. — Только учти, что за них отвечать будешь ты, раз уж не позволяешь мне их в приют сдать, — предупредила она заплетающимся языком. — Ясно? Они больше не моя забота. Тебе все это надо, вот сам с ними и мучайся.

— Да не вопрос, Ритуля, — ехидно усмехнулся Алексей. — Я же потом на этом и выиграю, вот увидишь.

Мать Даши ничего не ответила, трясущимися руками налила в граненый стакан ядовитой жидкости и, поморщившись, залпом его осушила.

А Даша, смахивая грязным кулачком правой руки слезы, а кулачком левой закрывая рот в попытке подавить рыдания, сковавшие грудь плотным кольцом, сидела в уголке, сжавшись в комочек и осознавая, что в этом мире, кроме Юрки, у нее никого не осталось.

Через несколько дней дядя Леша сообщил, что они переезжают в Калининград.

А потом был целый год унижений, когда она попрошайничала на площадях и улицах незнакомого города, в прямом смысле зарабатывая себе и брату на хлеб. Была баба Катя, единственная женщина, которой было не всё равно, которая стремилась помочь, которая хотела обратиться за помощью в органы опеки и попечительства, но которой, к сожалению, так и не удалось ничего добиться. Потому что на ее пути во всем блеске своего гнева и негодования встал Алексей.

Она умерла внезапно, неожиданно. И ее смерть стала для Даши и ее брата ударом. Казалось, еще вчера она была полна сил, дышала полной грудью, была решительно настроена, чтобы отвоевать право Даши и Юрки на счастливые остатки детства, что им уготовила судьба. Она смеялась, подбадривала, поила их крепких чаем и угощала блинами с вишневым вареньем, а уже на следующий день...

Эта глупая, нелепая, совершенно неожиданная смерть. Даша не могла в нее поверить. Врачи говорили, что это был апоплексический удар, но за спиной соседи шептались, что здоровью бабы Кати можно было только позавидовать, и ни о каком апоплексическом ударе не могло быть и речи.

Когда девочка грустным взглядом наблюдала за тем, как гроб с телом бабы Кати несут в сторону кладбища, дядя Леша как-то странно посмотрела на нее, хлопнул по плечу и заявил, что теперь она может надеяться только на себя, потому что ее защитница уже ничем не сможет ей помочь с того света.

Тогда Даша впервые задумалась, что Алексей опасен. Она чувствовала, что от него нужно держаться подальше. Она бы убежала, она бы сама отдала себя в руки отдела

соцзащиты, но не могла оставить Юрку. Не могла бросить его, как когда-то их оставил отец, как бросила мать. Она не могла наплевать на него, как все те люди, которые видели, что творилось вокруг, но предпочитали отмалчиваться, чтобы не попасть под раздачу тумачков.

Тогда она отчетливо поняла, что может рассчитывать лишь на себя.

А смысл фразы, брошенной дядей Лешей «За все надо платить» хоть и был схвачен и усвоен ею на зубок, все же еще не до конца был для нее прояснен.

Если бы тогда она знала, что эта фраза была брошена ей, именно для нее. Что была предназначена ей...

А когда появился этот странный мужчина, такой ухоженный, приятный, такой сдержанный и добрый, она не поверила ему сначала. Слишком много боли и обиды затаилось в глубине ее детской души, чтобы поверить незнакомцу. Чтобы довериться кому-то так же, как когда-то верила матери. И обманулась.

Он был другим. Не таким, как все те прохожие, что тыкали в нее пальцами, кричали, ругались, обзывали, надеясь задеть ее побольнее или же «наставить на путь истинный». Им всем, даже если они и бросали ей в ноги монетки, кряхтя и фыркая от негодования, укоряя острыми взглядами, было всё равно.

Почему она здесь стоит. Почему дошла до того, чтобы просить подаяния. Почему ее руки дрожат, а гордый подбородок больше не подрагивает от нескончаемых рыданий. Что толкнуло ее на это. И с каким трудом ей всё это дается. Куда она денет «заработанные» деньги. Где ее родители.

Они не знали этого, не интересовались, не спрашивали. Им просто было все равно. Всем. Кроме него.

Дядя Олег.

Она заметила его сразу, едва он появился на площади. Не здешний. Это Даша тоже поняла сразу.

Он говорил с каким-то странным акцентом, и ей нравился его урчащий, успокаивающий голос.

Ни с кем и никогда она не чувствовала себя более спокойно. Даже с бабой Катей было не так спокойно.

Он приходил уже дважды, этот странный мужчина, дядя Олег, и если первый его приход она могла объяснить случайностью, то причина его второго прихода на площадь была ей не понятна.

Он дал ей пятьдесят рублей, и она не хотела вначале принимать эти деньги. Слишком большие. А в этом мире за все нужно платить. Но он настоял, и она дрожащими пальцами засунула их в карман куртки. Юрке.

Он обещал ей прийти завтра, и Даша с удивлением поняла, что с нетерпением будет ждать встречи с ним. Он был добрым, не таким, как его друг. У него глаза светились, она видела в его зрачках сочувствие.

Она помчалась домой с чувством радости в груди, казалось, разрывавшей на части. Забежала в магазин, купила килограмм сахара, потому что Юрка давно уже хотел выпить чаю с сахаром, и пирожные, в аптеке купила лекарства, самые лучшие, насколько позволяли средства, и с диким желанием поделиться с братом радостными и удивительными новостями устремилась домой.

Юрка болел, в эту весну особенно сильно, и Даша хотела сделать ему хоть что-то приятное.

Когда он, за обе щеки уплетая пирожные, и запивая их сладким чаем, причмокивал от удовольствия, Даша готова была разорваться от гордости и счастья.

Она спрятала сахар в полку, чтобы его случайно не обнаружил дядя Леша, туда же положила деньги, пересчитав их, и легла на кровать рядом с братом, плотно прижавшись к нему, чтобы быстрее согреться.

Дом почти не отапливался, а комната, в которой они спали, была особенно холодной, так как выходила на северную сторону, поэтому приходилось скрываться под двумя одеялами и плотно прижиматься друг к другу, чтобы сохранить и приумножить заветное тепло.

— Дашка, а откуда у нас сахар? — спросил вдруг Юрка, ворочаясь в постели.

— Ну, ты же хотел чаю с сахаром, — устало пробормотала девочка.

— Хотел, — подтвердил Юрка и громко закашлял, сквозь кашель выдавив: — Но откуда?.. Дядя Леша дал?

— Нет, — покачала девочка головой. — Другой дядя.

Юрка дернулся, стремясь обернуться к сестре.

— Какой? — с детским любопытством спросил брат.

— Никакой, — отмахнулась девочка, — спи давай!

Но мальчик сдаваться не собирался.

— Ну, Дашка, скажи, какой дядя? — взмолился Юрка.

И Даше пришлось удовлетворить его интерес. Совсем немного.

— Его зовут дядя Олег.

— Он хороший? — с надеждой пробормотал Юрка. — Не такой, как дядя Леша? — шепотом поинтересовался он, словно опасаясь, что его могут услышать. — Кто он?

— Я не знаю. Он просто подошел ко мне и дал денежку.

Юрка вновь закашлял, и Даша, слушая вибрацию его маленького худенького тельца, дрожала.

— Много? — выдавил брат, наконец.

— Много, — пробормотала Даша с неохотой.

Брату нужно отдохнуть, ему нельзя много разговаривать, горло будет болеть, да и кашель не успокоится.

— Юрка, давай спать.

Но неугомонный братец желал знать подробности.

— А откуда он тебя узнал?

— Ни откуда! — нервно отрезала она. — Он меня не знает.

— А почему тогда денежку дал? — удивленно выдавил из себя мальчик.

Даша пожала плечами. Если бы она знала ответ на этот вопрос.

— Я не знаю.

— Значит, он хороший, — мечтательно проговорил мальчик, вновь отчаянно закашляв.

Даша обеспокоенно приподнялась в кровати и наклонилась над ним.

— Принести тебе воды? — спросила она с заботой. — Тебя кашель забил совсем.

— Там дядя Леша на кухне, — пробормотал мальчик хрипло.

— Ну и что! — разозлившись, воскликнула Даша. — Принести?

Юрка отрицательно покачал головой.

— Нет, не нужно, — пробормотал он и отвернулся к стенке. — Давай спать.

Даша спорить не стала, натянула на брата одеяло, сверху покрывало, укутывая мальчика

почти с головой, легла рядом, обнимая его сзади и, вслушиваясь в его глухое, сиплое дыхание, вскоре заснула.

4 глава

Даша, наверное, и не верила, что когда-нибудь еще увидит его.

Разве люди, подобные ему, могут обратить внимание на такую, как она?..

Наивной девочку назвать было нельзя, и она не верила в подобное чудо.

И хотя он обещал, что придет, даже спросил разрешения, всё же она до последнего момента не могла поверить, что это правда, а не плод ее воображения.

Детская страдающая душа, которая давно уже перестала верить в чудеса, не верила и в этого странного, одинокого мужчину с добрыми глазами.

Не верила, но очень ждала его. Сердечко тревожно билось в груди от осознания, что на этой самой площади, которую она уже возненавидела, они могут встретиться вновь.

Она впервые стремилась туда. К нему. Не для того, чтобы получить денежку, которую он, вероятнее всего, подаст. А для того, чтобы быть с ним рядом хотя бы в те недолгие минуты, когда он спросит о том, не холодно ли ей в тонкой курточке, проявит интерес к здоровью брата. Или задаст вопросы, на которые она с радостью будет искать ответы, чтобы задержать его еще на мгновение. Ей важно знать, что он близко, чувствовать заботливое присутствие.

Детское сердечко хотело тепла и любви. А он излучал и это тепло, и эту любовь.

изо всех людей, каждый день спешащих в толпе мимо нее, она выделила именно его — представительного мужчину в черном дорогом пальто? Строгого, сдержанного на вид, уверенного в себе. Почему глаза, метнувшись в его сторону один раз, вновь и вновь искали его там же, где увидели впервые? Почему во взгляде она прочитала столько сердечной доброты, светлого тепла и участия? Такого откровенного участия и сострадания, что принять их за фальшь не представлялось возможным. Он действительно сочувствовал ей. Она знала это. И хотя не доверяла ему, надеялась, что на него можно положиться. И вероятно, она смогла бы ему довериться. Не так сильно очерствело ее сердечко, на долгие годы лишенное любви и нежности. Не так огрубела душа, способная страдать, переживать, любить. Снова открыться для чувства, которого не испытывала долгое время. Только к Юрке. Но он был самым близким, самым дорогим, самым родным для нее существом. Даже к бабе Кате она не испытывала того, что могла бы ощущать к дяде Олегу.

Даша тонко чувствовала отношение окружающих. Холодность или безразличие. Равнодушие или злость.

И только от него исходили доброжелательность, сопереживание, нежность.

Как можно не откликнуться на подобные чувства? Как можно их не заметить? Как можно не поверить?

Обманутая лишь единожды, Даша признавала, что может довериться вновь. Ему — может. Так же, как доверилась бабе Кате.

Эти глаза не обманывали, она распознала бы неправду. Голос, успокаивающий и умиротворяющий, не произносил лжи, она определила бы ее по звукам.

Она подмечала незаметные движения губ, рук, переминыя с ноги на ногу...

Все детальки словно собирались воедино, образуя большую мозаику представлений о нем.

Добрый, честный, справедливый. Хороший. Свой.

Ей хотелось поверить в сказку, которую рассказывали дети на улицах. Со счастливым концом. Чтобы больные выздоравливали. Чтобы люди любили друг друга. Чтобы дарили друг другу смех и счастье, а не горечь и боль.

В своей жизни она не видела сказки. Не верила в нее. Но втайне ждала, что она придет и к ней.

Для девочки восьми лет разве большое желание — услышать слова любви в свой адрес?..

Для девочки, у которой украли детство, разве много — желать сказки?..

Для девочки, которая перестала верить и научилась распознавать ложь в любых ее проявлениях, разве нельзя поверить кому-то вновь?..

Олег, как и обещал, пришел на следующий день.

А она ждала его. В той же фиолетовой курточке, которую для нее нашла баба Катя, когда еще была жива. В той же большой шапке и сапожках, в которые пришлось подкладывать бумагу, чтобы не спадали с ног. С голыми, без варежек, покрасневшими на холоде ручками. Она ждала.

Увидев издалека, распознала, определила, выделила его силуэт из множества других. А потом с замиранием сердца следила за тем, как он приближается к ней, улыбаясь все так же приветливо.

— Даша?..

Ей понравилось, как из его уст звучит ее имя, вспомнилось вдруг, что оно означает.

Невольная улыбка была готова вот-вот расплыться на детском личике, но она подавила ее, выжидающе подняв на него глаза и легко кивнув.

— Ты давно здесь стоишь? — поинтересовался Олег, подойдя ближе и встав так, чтобы загородить ее от ветра.

Даша это заметила и оценила. Пожала плечами, молчаливо отвечая на вопрос, а потом проговорила:

— Не очень давно, — наклонив голову набок, добавила: — А вы пришли...

— Ну, я же обещал, — улыбнулся Олег.

— Многие не держат своих обещаний, — тихо, но уверенно проговорила девочка.

Олег поджал губы, брови его сдвинулись.

— Я не из таких людей, Даша, — сказал он твердо, тронув ее за руку. — Я всегда исполняю обещания.

Девочка долго и пристально смотрела на него, разглядывая подбадривающую улыбку на губах и убеждающий огонек в глазах, словно решая, можно ли ему верить, а потом коротко кивнула:

— Это хорошо.

Олег улыбнулся более открыто.

— Да, Даша, это очень хорошо, — сказал он, а потом вдруг поинтересовался: — А хочешь в кафе?

Девочка уставилась на него так, словно не поняла вопроса. И она действительно не поняла.

— В кафе? — переспросила она, изумленно приподняв бровки.

— Да, в кафе, — подтвердил Олег и ободряюще улыбнулся. — Пойдем. Я же вижу, тебе хочется.

Но Даша, продолжая оставаться на месте, покачала головой:

— Я не пойду, — каким-то обиженным голосом выдавила она из себя.

— Почему? — удивился мужчина.

Даша быстро и смущенно бросила на него взгляд и тут же стыдливо опустила глаза.

— Я никогда там не была, — пробормотала она себе под нос.

Олег изумленно посмотрел на нее, приоткрыв рот, а потом предложил:

— Ничего страшного. Вот и посмотришь, что там да как, — Даша неуверенно посмотрела на него, и мужчина подмигнул. — Ну, что, идешь?

Она раздумывала с минуту, не больше. Словно взвешивала все «за» и «против», а потом вдруг улыбнулась, широко, беззаботно. Черные глазки засверкали, засветились чем-то ярким и светлым, наполняя сердце Олега восторгом и радостью. А девочка кивнула:

— Идемте.

Кафе было маленьким, но уютным. Даша очень смущалась, исподлобья озираясь по сторонам и с удивлением наблюдая за другими посетителями. Те в свою очередь с не меньшим любопытством разглядывали девочку и мужчину, жадно шепчась за их спинами и косо поглядывая в их сторону.

Они сели за маленький столик в конце зала. Олег заказал огромную тарелку супа, который ей очень понравился, и рыбу с рисом. А когда увидел, что она все слопала, еще и картофель с котлетами, а потом чай с пирожными, которые она также уплетала за обе щеки.

Он принудил девочку съесть всё и не выпустил из-за стола, пока она не приняла тридцать рублей. Мужчина настойчиво сунул их ей в карман, не желая слушать возражения и протесты, готовые сорваться с детских губ.

— Даша, а почему ты не ходишь в школу? — спросил Олег, пока девочка пила чай. — Тебе ведь уже восемь.

Она оторвалась от чашки и удивленно посмотрела на него.

— Так мама решила, — проговорила она, — и дядя Леша. К тому же, когда мы переезжали из Сосновки, все документы на меня и на Юрку потерялись. Баба Катя, когда была жива, хотела меня в школу определить, да так и не смогла, — Даша пожалала плечами. — Документы не восстановили.

Олег нахмурился и помрачнел.

— А сколько ты уже в Калининграде живешь?

— Нууу, — протянула она задумчиво, — мы в прошлом году переехали.

— Так вы целый год без документов?! — изумился Олег и возмущенно пробормотал. — Куда же местные органы смотрят?

Даша пожалала плечами, расслышав и осознав его последние слова.

— А к нам никто не приходил, — сказала девочка. — Когда баба Катя хотела восстановить наши с Юркой... эти... ну, свидетельства о рождении, дядя Леша пригрозил, сказал, чтобы она не вмешивалась не в свое дело, — девочка опустила взгляд в чашку. — Она и не стала больше вмешиваться.

Олег поджал губы.

— Значит, у тебя вообще никаких документов нет? — процедил он сквозь зубы.

— Ага. И у Юрки тоже нету.

— Как же вы живете?

— На птичьих правах, — пожалала плечами Даша, а потом добавила мрачно: — Так дядя Леша говорит. Чтобы мы не забывали, от кого зависим. Он и денежку кому-то отдал за то, чтобы молчали, — она сошла на шепот. — Я подслушала его разговор с мамой, — призналась тихо, наклонившись над столом. — Только вы никому не говорите, а то мне попадет.

Олег неуверенно кивнул и озадаченно улыбнулся:

— Ты ешь, ешь.

И Даша принялась за еду, налегая на пирожные с новой силой, запивая их чаем и причмокивая от удовольствия. А допив чай, неуверенно посмотрела на Олега, хлопая ресницами.

— А можно мне их с собой забрать? — спросила она смущенно.

— С собой? — переспросил мужчина, словно не поняв. — Ну, можно, если хочешь, мы же за них заплатили.

Девочка засияла, принявшись укладывать оставшиеся пирожные на салфетку.

— Подожди, я пакетик попрошу, а то испачкаешься.

— Да ладно! — отмахнулась девочка, аккуратно завернув пирожные и продолжая улыбаться. — Вот Юрка обрадуется! — проговорила она с радостью в голосе, а Олег почувствовал себя идиотом.

Ну, конечно же, Даша понесет пирожные брату! А он что подумал? Что она их домой взяла, чтобы потом одной съесть? Вот недалекий человек!

— А хочешь, мы Юрке тоже пирожные купим? — спросил мужчина, заговорщически подмигнув девочке.

Она уставилась на него с удивлением.

— Юрке? Пирожные? — и, смущенно захлопав ресничками, переспросила: — А можно?

Сердце Олега едва не разорвалось от боли. Разве так должно быть?! Ребенок спрашивает разрешения на то, можно ли купить еще пирожных для брата?!

— Конечно, можно, — заявил мужчина и, подозвав официанта, повторил заказ. — Сейчас принесут.

Даша засветилась, засияла, как лампочка. Черные глазки улыбались, как растягивались в улыбку и ее губки. Она тепло выговорила:

— Спасибо.

А Олег, наблюдая за ней и слушая ее внезапную болтовню, нервно кусал губы и думал о том, каким же негодяем нужно быть, чтобы довести ребенка до такого состояния!?

Как неправильно, как дико, как страшно...

А Даша воспринимала всё как факт. Такой была ее жизнь. Именно такой, другой она не знала, а если и знала, то с трудом могла вспомнить, что значит быть любимой. И сейчас она радовалась этим минутам счастья, как и положено радоваться ребенку, наивно, невинно, чистосердечно.

Дома Юрка опять спрашивал, откуда у нее деньги. И Даша рассказала брату о встрече с дядей Олегом.

— Этот тот самый добрый дядя, который тебе уже подавал? — переспросил брат. — Да? Он снова приходил?

Даша улыбнулась брату, села рядом с ним на кровать и утвердительно кивнула.

— Да, он снова приходил, — она достала из кармана пакет и протянула его брату. — Мы в кафе ходили, и он мне пирожные купил. И тебе тоже. Сказал, чтобы я тебе передала.

Глазки мальчика загорелись. Ерзая на кровати, Юрка чуть ли не прыгал на месте от радости. Уставился на сестру, словно не веря своим глазам, но с таким восхищением, с такой надеждой!

— Правда-правда? — сияя от счастья, переспросил он. — Для меня? — и потянулся ручками к пакету.

Даша кивнула, ощущая, как тепло растекается по телу при виде улыбки брата.

— Да, это тебе. Ешь.

Юрка еще пару мгновений смотрел на пирожные, покрытые кремом, а потом, облизнувшись, накинулся на них, жадно запихивая в рот.

— Юр, ну, не торопись ты, — рассмеялась девочка, — подавишься ведь!

Тот замотал головой, широко улыбаясь. И, налегая на пирожные, выдавил:

— Неа...

Даша снова рассмеялась. Как мало, оказывается, нужно для счастья.

— Как ты сегодня? — заботливо поинтересовалась она. — Голова не болит? А горло? Температуру мерил?

Юрка, доев последнее пирожное, вытер руки и посмотрел на сестру.

— Не было температуры. А еще дядя Леша заходил, пока тебя не было.

Даша вмиг напряглась.

— Что он хотел?

— Хотел с тобой поговорить, — опустив глаза, пробормотал Юрка и откинулся на подушки. — Я сказал, что ты на площади.

— Ты ему рассказал про дядю Олега? — ужаснулась девочка.

— Нет, не рассказывал! — проговорил мальчик. — Я подумал, что он ругаться будет.

Даша нахмурилась. Будет, точно будет ругаться.

вынула из кармана деньги, которые дал дядя Олег и, подскочив к шкафчику, открыла дверцу. Большую часть из них положила под одежду, куда прятала всё, что откладывала для себя и брата.

Она едва успела сесть на кровать рядом с Юркой, намереваясь еще раз измерить тому температуру, как вдруг дверь в комнату распахнулась, и на пороге возник сожитель матери.

Безразличным взглядом осмотрев помещение, Алексей воззрился на девочку и мальчика, вдруг сжавшегося в комочек и выглядывающего на него с испугом из-под одеяла.

— Дашка? — Алексей с высоты своего роста смотрел на нее, словно бы недоволен чем-то.

«Неужели узнал о том, что она прячет деньги? ужаснулась девочка. Или за что-то будет ругать?».

— Да? — подняла она быстрый взгляд и тут же опустила.

— Ты была на площади? — сделав несколько шагов вперед, спросил Алексей.

— Да, — выдавила она из себя, не двигаясь с места.

— Сколько заработала? — он подошел к ней ближе, застыв в паре шагов от кровати, на которой она сидела.

Даша сглотнула и засунула руку в карман куртки.

— Немного, — проговорила она. — Десять рублей. Вот... — она протянула мужчине деньги.

Подозрительно прищурившись, Алексей покачал головой.

— Негусто, — и с неодобрением и недовольством процедил. — Ты меня не обманываешь?

Спина девочки выпрямилась, но она отрицательно покачала головой.

Только бы голос не дрожал. Только бы не дрожал!

— Нет.

Он помрачнел и, выхватив деньги из ее ладонки, раздраженно насупился.

— Вот и правильно, — резко выдохнул Алексей и кинул предупреждающий, наполненный угрозой взгляд в ее сторону. — Если узнаю, что ты что-то утаиваешь от меня и матери... Тебе не поздоровится.

Даша сглотнула и посмотрела на него.

— Тебе ясно? — спросил Алексей, зло ухмыльнувшись.

— Да, — пробормотала девочка, — ясно.

Спорить с ним она никогда бы не осмелилась. Лгать ему она научилась так же, как научилась выживать в этом мире, в котором никому до нее не было дела. И хотя Алексей невольно толкнул ее на попрошайничество, все принесенные деньги она должна была отдавать ему. Но никогда всей суммы Даша не отдавала, пряча остатки заработанного в свой маленький «сейф».

Даша надеялась, что Алексей об этом не догадывался. Если бы он узнал, что она обманывает, то строго наказал бы за ложь.

Как только за мужчиной закрылась дверь, Дашка посмотрела на Юрку, сжавшегося в комочек.

— Испугался? — тихо спросила девочка, наклоняясь к нему, чтобы обнять.

Мальчик отрицательно покачал головой, но она ощутила его дрожь кожей. Крепко прижав брата к себе, легла в кровать рядом и уснула.

На следующий день дядя Олег тоже пришел. Даша, как никогда, обрадовалась его приходу.

Они снова зашли в кафе. Он расспрашивал обо всем. А она с радостью и охотой, какой раньше в себе не замечала, рассказывала о том, как они жили, когда был жив папа. Как однажды он повез их с Юркой в Москву в зоопарк, а потом катал на каруселях и покупал мороженое. И о том, как им с братом стало плохо, когда отец умер.

Сама Даша долго не могла оправиться от шока и некоторое время ни с кем не разговаривала.

Дядя Олег спрашивал, чем она любит заниматься, кем хотела бы стать, когда вырастет, но на эти вопросы девочка не могла дать ответа. Она ничего не хотела. Лишь желала, чтобы выздоровел брат, чтобы они не были голодны, чтобы зимой не мерзли под двумя одеялами, чтобы дядя Леша ушел и больше никогда не появлялся в их жизни.

У нее не было планов на будущее, потому что в будущем она не была уверена. Оно рисовалось ей призрачным и неясным. Слишком призрачным, чтобы поверить в него.

Даша жила одним днем. Она так привыкла. Выживать. Ради брата. Она жила им и для него. Для него даже больше, чем для себя, потому что после смерти отца и равнодушного молчания матери почувствовала ту ответственность, что опускается на плечи, когда у тебя есть родной и близкий человек, о котором некому позаботиться, кроме тебя.

— А что же, у вас нет родственников? — спросил Олег.

Даша пожалала плечами:

— Может быть, и есть, — просто ответила девочка. — Точно. Есть какой-то дядя Гена, родственник папы, но я видела его очень давно, когда еще маленькая была...

Олег горько улыбнулся, в глазах появились искорки отчаяния.

А сейчас ты какая? Разве не маленькая?..

Взрослая. Уже сейчас — взрослая. У нее отняли детство.

— А можно, — потупив взгляд и смутившись, проговорила Даша полушепотом, и мужчине пришлось наклониться к ней, — я буду называть вас дядя Олег?

Его сердце громко и яростно заклокотало в груди: казалось, оно заглушает все посторонние звуки.

В горле встал горький, тугой комок, и он попытался сглотнуть его, чтобы пролепетать:

— Конечно, — улыбнулся ей, почувствовав кожей ее ответную счастливую улыбку, согревающую душу.

Когда Даша собралась уходить, Олег вновь сунул ей в карман тридцать рублей, и она, долго отпираясь, все же приняла их, смущенно поблагодарив и сказав, что все потратит на лекарства Юрке.

Олег обещал прийти завтра, и, ложась спать, она думала об их встречах, ставших уже чем-то вроде ритуала. Она так привыкла к его присутствию в своей жизни, что не могла представить, как будет без него.

Всего несколько дней, так сильно изменивших две судьбы. Детскую, разочаровавшуюся в мире, душу маленькой девочки и душу взрослого мужчины, искавшего свой путь в жизни. Один взгляд — глаза в глаза, один жест, одно касание руки. Одно слово — ласковое, участливое, приветливое. Не оскорбление, не упрек, не угроза. Без обиды и без злости, без равнодушия и безразличия. Слово, исполненное нежности и теплоты, согрело два сердца, вынудив биться их в унисон.

С первого взгляда... до последнего.

Когда Олег пришел на следующий день, он ненавязчиво попросил Дашу показать, где она живет.

— А зачем? — насупилась девочка и даже отступила от него на несколько шагов.

Она вновь видела в его глазах, читала на лице участие.

— Хочу познакомиться с твоим братом, — тихо проговорил Олег, а потом, словно смутившись, опустил глаза и неуверенно пробормотал. — Можно?

И Даша согласилась. Не отказала. Как она смогла бы?

Он так смотрел на нее, что сердце замирало, отбивая бешеный ритм в груди и словно нашептывая, что этому человеку можно верить. В глазах Олега она видела тот огонек, тот свет, ту теплоту, то бескорыстное участие, которого не видела ни у кого из окружавших ее людей. А его добродушная и сочувственная улыбка вызывала ответное чувство.

Она так давно не радовалась! Думала, что забыла, как это делается. Но он вернул улыбку на ее лицо.

Она почти ничего не знала о нем, кроме того, что его зовут Олег, что он писатель и прилетел в Калининград из Москвы на конференцию. И еще он как-то вскользь упомянул о том, что у него есть взрослый сын — Антон. Этому Антону, которого в глаза ни разу не видела, Даша уже отчаянно завидовала. У него такой замечательный отец! А у нее... У нее был только Юрка.

Она понимала, что Олег не останется с ней — он улетит, как только его конференция подойдет к концу, но в душе молилась о том, чтобы он ее не оставил. Чтобы помог.

Она так верила: он не оставит, не бросит и не уйдет. Она так ждала от него помощи! Не нужно было. Она знала, что это неправильно. Понимала, что нельзя.

Она для него никто, пусть даже приласкал ее взглядом, кормил, периодически давал денежку, заботился — это ничего не меняло.

Она по-прежнему оставалась маленькой девочкой, живущей под одной крышей холодного дома с больным братом на руках, с матерью-алкоголичкой и подонком Алексеем. А он был профессором, писателем, человеком не ее круга. Отцом, который стремится в Москву к собственному сыну.

Она не имела права его задерживать. Она не имела права ни на что из того, чего он сам не согласился бы дать. Но она так хотела тепла! Так жаждала любви. Отцовской любви, чистой и нежной любви большого человека к маленькой девочке. Разве многого она хотела? Разве много просила? Но и этим была обделена.

Девочка чуть не заплакала от умиления и счастья, когда увидела Юрку, с радостью бросившегося к ней навстречу. Его легкий испуг, когда тот, смущенно потупив взгляд и покраснев, спрятался за ее спиной при виде Олега. И как нерешительно, неловко, робко выглядывал из-за своего «укрытия», хлопая мутными от болезни глазками и неуверенно улыбаясь. Она подбадривала его и уговаривала не бояться Олега, который выступил вперед, приветливо протягивая мальчику большую ладонь.

А потом глотала слезы, когда Юрка, мгновенно успокоившись и приняв мужчину за «своего», хватал того за руки, без умолку что-то бормотал, широко улыбаясь, показывая Олегу немногочисленные игрушки, доставшиеся от старшей сестры.

— А это Сан Саныч, — гордо похвастался Юрка, протягивая мужчине изрядно потрепанного медвежонка. — Мне его Дашка подарила на день рождения. Помнишь, Даш?

И не дожидаясь ответа, продолжил:

— Ей еще папа дал, а ему сшила его бабушка на пятилетие. Да, Даш? Папа назвал его в честь дедушки. Он на войне погиб. Нам папа рассказывал. Только я этого не помню, потому что еще маленький был, когда он умер. А Дашка помнит. Да, Даш? Она вам расскажет, если вы попросите, — воодушевленно проговорил Юрка, сверкая глазками. — Дашка сказала, что Сан Саныч приносит удачу.

А та думала, что сердце ее разорвется от щемящего чувства любви, нежности и тоски. Тоски по этому мужчине, который в один миг, одним только появлением подарил Юрке сказку, о которой брат мечтал. Но мужчина, который вскоре уедет, заберет сказку с собой, оставив их выживать в суровой реальности.

Олег задержался у них почти на три часа, слушая болтовню Юрки, рассматривая его рисунки и отвечая на многочисленные вопросы мальчика. Изредка бросая короткие, понимающие взгляды на Дашу, тихонько и молчаливо сидящую в углу и наблюдавшую за ними. Улыбался, но какой-то грустной, горькой улыбкой, от которой на душе становилось еще тяжелее.

Он рано или поздно уйдет. Оставит ее наедине с жизненными проблемами, которые не положено решать ребенку в восемь лет. Уйдет и не вернется. А ей придется жить лишь воспоминаниями о том времени, когда она хоть на несколько дней почувствовала себя кому-то нужной.

Олег задержался бы еще на некоторое время, потому что Юрка очень просил, почти

умолял, но Даша напомнила о том, что скоро должны вернуться мама и Алексей, и им не поздоровится, если те застанут в доме постороннего. Олег стал собираться. Девочка, провожая мужчину до порога и неуверенно поглядывая на него, застыла у забора.

— Даша, — потупив взгляд, произнес тот, — Юрка сильно болен.

Она тяжело вздохнула.

— Да. Я знаю.

— Ему врач нужен, — тихо проговорил Олег. — У него, похоже, пневмония. Ты знаешь, что это такое?

Она покачала головой.

— Это воспаление легких, — сказал Олег. — С этим шутить опасно.

— Мама будет ругаться, — проговорила девочка, — да и дядя Леша тоже... Врачу деньги нужно будет дать...

Его руки сжались в кулаки.

— Им что же, жалко денег на лечение ребенка?! — нахмурившись, возмущенно выдохнул мужчина.

Даша вздрогнула и пожала плечами.

Он смотрел с неудержимым гневом, горящим в темных глазах. Злился на людей, допустивших подобное, осмелившихся поставить на второе место невинную детскую душу. Которым было плевать на то, что творится с ребенком. Ему хотелось растерзать обоих.

— Даша, — тихо проговорил Олег, уверенно тронув девочку за плечо.

Она подняла на него черные глазки с потухшим внутри зрачков огоньком.

— Даша, — повторил он, — я вас не брошу. Я вас с братом не брошу, слышишь? Я теперь вас не брошу. Ты позволишь помочь?

С минуту она просто смотрела на него немигающим взглядом, казалось, даже не шевелилась, только дышала часто-часто. Бешено колотилось в груди сердечко, напряженным звонким эхом отдаваясь в ушах. А еще через одно томительно длинное мгновение она кинулась к нему, обнимая руками, стискивая пальцами пальто, прижимаясь к нему все крепче, словно боясь отпустить, и уткнувшись в его грудь лицом.

— Спасибо, — прошептала она надрывно, почти задыхаясь. — Спасибо, спасибо... Спасибо!

Олег, чувствуя в груди тревогу, смешанную с удовлетворением и отчаянием, прижимал девочку к себе, стискивая руками хрупкие плечи и поглаживая волосы, выбившиеся из-под шапки.

— Все будет хорошо, — проговорил он тихо, обращаясь больше к себе, чем к ней. — Все теперь будет хорошо, — он тяжело вздохнул, закрыл глаза, с силой зажмурился. — Я тебе обещаю...

В эту ночь Даша впервые спала спокойно, не просыпаясь от кошмаров, уверенная в том, что дядя Олег не обманет, выполнит обещание, позаботится о ней и Юрке. Он придет. Он поможет.

Но детские грезы и мечты оказались лишь глупыми фантазиями, вмиг превратившимися в реальность.

На следующий день дядя Леша узнал о том, что у них был гость. Как он об этом догадался, Даша не знала, а спросить не посмела бы. Она и через несколько дней чувствовала боль при ходьбе от его резких ударов.

Он ворвался в комнату и накинулся на нее с дикими криками, услышав которые, брат тут же спрятался под одеяло, накрывшись им с головой. Даша со страхом смотрела на мужчину, нависшего над ней, и, сжавшись в комок, притихла в углу кровати, лишь изредка решаясь взглянуть на Алексея.

— Это что еще за мужик приходил?! — кричал мужчина, гневно скалясь. — Что ему нужно было?!

— Это... это друг... — проговорила девочка, запинаясь.

— Что за друг, мать твою?! — разозлился мужчина еще сильнее. — Б**ь, отвечай! Какой у тебя может быть друг вообще?! Какого хрена ты зовешь в дом, кого попало, пока нас с матерью нет?! Кто тебе разрешил?

— Он... незлой...

— Заткнись! — рыкнул он, и девочка, вздрогнув, сжалась в комочек. — Я тебя спрашиваю, какого хрена ты позвала его в наш дом?!

— Просто... просто... он...

— Чтобы я его здесь больше не видел, поняла?! — со злостью в голосе выкрикнул Алексей.

Даша отчаянно закивала, мучительно сдерживая слезы, рвущиеся из глаз, и глотая их с криком боли, так и не сорвавшись с губ, помутневшими глазами наблюдая за тем, как дрожит под одеялом Юрка, и, молясь о том, чтобы Алексей оставил их в покое и ушел.

Но мужчина уходит и не собирался. С диким ужасом она поняла, что узнал он и о том, что падчерица скрывает доход. Скрывает уже давно и очень много. И сердце ее сжалось от страха, сковавшего тело, словно цепями. Дыхание участилось, ей хотелось сорваться с места и убежать, скрыться, спрятаться.

Нависнув над ней хладнокровной скалой, проткнув насквозь взглядом налившихся кровью глаз, и потряхивая перед девочкой пакетом с лекарствами для Юрки, которые она заметила в его руках только сейчас, Алексей, брызгая слюной, кричал:

— А это что еще такое?! Что ЭТО такое, я тебя спрашиваю?!

Подбородок ее задрожал, губы тоже предательски дрогнули, в глазах застыли горячие слезы.

— Это для Юрки... — прошептала девочка, — ему нужны лекарства.

Глаза мужчины угрожающе сузились.

— Откуда у тебя деньги на это, я спрашиваю?! — закричал он, почти ткнув пакетом в лицо. — Этот твой друг дал денег, да?! И сколько?! Много, да?! Не те жалкие десятки, что ты отдавала, так?! — глаза его яростно блеснули. — Утаивала от меня, значит?! Прятала, да?! Думала, что я не найду?! — голос его сошел до грубого и жесткого тона, угрожающего и ужасающего своей яростью. — Так ты, с**а, посмела от меня деньги скрывать?! — выдохнул он ей в лицо и, размахнувшись, наотмашь ударил.

Даша дернулась, от силы удара склонилась набок, придерживая холодной ладошкой горящую огнем щеку.

— Чтобы больше не думала меня обманывать! — яростно прошипел мужчина и вновь ударил.

В тот день он отхлестал ее не только по щекам, но и, поставив на ноги, несколько раз отстегал ремнем.

Слезы катились из глаз, а горло горело от невыплаканных в голос рыданий, но Даша не произнесла ни слова, давясь солеными каплями и стонами и думая только о том, чтобы Алексей не тронул Юрку, который мог не выдержать избиения. пытка прекратилась через несколько минут, показавшихся девочке вечностью.

Сжавшись клубочком, Даша легла на кровать и, прижимая к себе худенькое тельце брата, тихо заплакала.

На следующий день она впервые не пошла на площадь, оставшись с Юркой, которому стало хуже.

«Как там дядя Олег, думала она. Пришел, наверное, ждет...». А ее нет... Он, наверное волнуется, переживает. Он же сказал, что не оставит ее, не бросит. А получилось так, что она его оставила. Она обманула и не пришла.

— Ну, ничего, ничего, — уговаривала она себя. — Вот Юрка немного поправится, и я встречусь с дядей Олегом. Совсем немного осталось, Юрке-то уже лучше становится! А дядя Олег не уйдет, не бросит. Он же обещал.

Мечтами о встрече она жила следующие дни, холя и лелея Юрку и залечивая собственные раны. Но когда через два дня Даша пришла на площадь, дяди Олега там не встретила.

Она осматривалась по сторонам, жадным взглядом ловя незнакомые фигуры проходящих мимо людей и надеясь увидеть в толпе близкий и ставший уже родным силуэт в черном пальто. Но Олега среди них не было. Она прождала до самого вечера, до момента, когда на площади стали зажигаться фонари, а потом, понурив голову и отчаявшись встретить его, грустная, побрела домой. Подыскивая для него оправдания и надеясь увидеть мужчину завтра, Даша вернулась к Юрке.

Но на следующий день Олег на площадь тоже не пришел.

Он, хоть и обещал, что не оставит ее и поможет, обманул наивную детскую душу, и осознание того, что она ошиблась в человеке, которого приняла за «своего», почти убивало.

Он не пришел и через два дня, уничтожая в ней малейшую надежду на чудо, и через три. И через неделю, когда она уже перестала мечтать, о нем тоже не было известий.

С того самого дня, когда Олег приходил к ним домой, девочка его больше не видела.

Сказка оказалась лишь плодом ее детского воображения, а взрослая реальность, нагло заглядывая в глаза, опалила пострадавшее детское сердце огнем обмана, злости и равнодушия.

Даша вновь осталась одна во всем мире.

Дневник. Запись вторая

«Из дневника Олега Вересова»

Запись от 16 июля 2001 года

Я так и не простил себе того, что оставил ее одну. В ту холодную весну, в те томительно длинные дни и дикие ночи, на те ужасающе долгие и томительные недели, когда больше всего был ей нужен.

Два месяца. Два утомительных, мучительных, ужасающих звучной тишиной без ее голоса месяца.

Два месяца... Обманул. Не сдержал обещание. Предал.

Как я отчаялся на это? Как посмел обмануть ее доверие?

Едва не опоздал... Едва не опоздал, чтобы спасти ее, мою маленькую девочку, мою крошку, Дашеньку...

Я корил себя за то, что сделал, в течение этих долгих лет, не позволяя себе забыть о произошедшем ни на минуту. Ведь если бы я задержался хоть на день, хоть на несколько часов... Боже!

Что было бы тогда с моей крошкой? Что стало бы с моей девочкой без меня?! Где бы я искал ее?!

Я не простил себя. Сейчас, как и почти три года назад, я по-прежнему чувствовал себя виноватым.

А она простила. Боже, какая ирония судьбы.

ОНА — простила!

Я знал это, я чувствовал. Она смотрела иначе, она улыбалась более искренне, она позволяла себе прижиматься ко мне всем телом, когда ей было холодно, или как тогда, когда мы оказались на улице застигнутые внезапным ливнем. И она тогда, сжимая мой локоть, все отчаяннее теснилась ко мне, цепляясь за мое тепло, и я рад был отдавать ей его, втайне радуясь тому, что у нас оказался один зонт на двоих. И когда она, совсем недавно, буквально на днях, получив пятерку по биологии, бросилась мне в объятия, обнимая за плечи и целую в щеку. Она смеялась, она улыбалась. Она простила...

На ее прощение ушло почти три года. Наверное, даже меньше...

Свое же прощение я так и не заслужил.

Произошедшее навсегда оставило на ней незаживающий рубец. Даже через столько лет рана на ее душе не затянулась. Она помнила, она не забыла. Она не забудет никогда.

Время оставило рубец и на мне. Я тоже никогда не забуду. И не прощу себе того, что с ней было.

Я ушел, оставил ее одну со всеми трудностями, что пришлось ей пережить, я обманул ее доверие, я обманул ее. Я не сдержал обещание, и этого было достаточно для того, чтобы себя презирать.

Я никогда не спрашивал Дашу о том, что случилось с ней за эти недели. Только короткими фразами и вопросами интересовался о том, всё ли с ней в порядке. Она кивала мне, закрывала глазки и, даже не глядя на меня, тут же отворачивалась. Она не хотела разговаривать об этом, и я не настаивал.

Я боялся задавать те самые вопросы, которые так меня мучили! Боялся услышать ее ответ. Я бы не выдержал, я бы не смог. Я не хотел этого знать, черт возьми!

Или нет, не так... хотел. Но боялся. Боялся того, что она обвинит меня в том, что с ней произошло.

А ведь я и так чувствовал себя виноватым!

Как я мог оставить ее одну?! Боже, как я только осмелился на это?!

Плата за это преследовала меня последние годы. И мысль о том, что всего этого можно было избежать, почти убивала. Если бы не обстоятельства...

Если бы повернуть время вспять, вернуться в прошлое, исправить подлую ошибку...

Какие нелепые и глупые фантазии! От человека, который никогда не верил в ирреальность!

От человека, который убил эту веру в том маленьком человечке, который этого заслуживал...

Даша никогда не говорила, что винит меня в чем-то. Она ни словом, ни взглядом не показала того, что обижена. Но я видел, я знал, я чувствовал... Не было того доверия в глазах, не было легкости в голосе, не было тех огоньков, тех искорок в глубине зрачков... Не было моей маленькой девочки, которую я оставил в Калининграде холодным мартовским днем.

Изменилась. Стала еще сильнее.

Я понял это сразу же, как только после утомительно долгих поисков увидел ее бледное осунувшееся личико с горящими разнообразными оттенками чувств черными глазками на нем. Исподлобья, плотно сжав губы, сведя брови к переносице. Без испуга — потому что сильная, с горечью и обидой — потому что обманули. Потому что не сдержали обещания. Потому что предали. Потому что убили в чистой детской душе ту единственную надежду на счастье, ту крупицу веры в сказку.

Я смотрел на нее тогда и понимал, что еще чуть-чуть, и не сдержусь, зарыдаю, как маленький, заплачу навзрыд. Я уже ощущал горячие слезы, застывшие в уголках глаз колким клубком. А в горле тоже комок из слез, он, казалось, заполонил всё мое тело. Слабость в конечностях, привкус горечи и металла на языке, дикая усталость, руки опускаются... И такое бессилие! Гадкое, бездушное, утомительное бессилие!

Разве Господь может быть настолько жестоким, чтобы обрекать на столь жалкое существование маленькую девочку?! Почему она?.. Почему еще тысячи таких же, как она?..

Я чувствовал себя последним негодяем. Даже тогда, когда, прижимая к себе ее худенькое тельце, шептал в ее волосы разные глупости и слова утешения. Я не верил в то, что смогу ее утешить, но все равно, как заведенный, продолжал нашептывать эти глупости.

Наверное, она и тогда не верила мне. Однажды доверившись и обманувшись в своем доверии, она не хотела повторения. И я не винил ее в том, что она не доверяла мне. Я сам был виноват.

Несколько долгих недель понадобилось на то, чтобы она заговорила со мной. Как раньше. Открыто и душевно, а не пустыми фразами, обрывочными восклицаниями и односложными ответами.

Несколько месяцев ушло на то, чтобы она перестала вздрагивать от случайного звонка в дверь, боясь увидеть на пороге искаженное гневом лицо сожителя матери или же ее саму.

Почти три года ушло на то, чтобы она смогла вновь мне довериться.

Почти три года, в течение которых я делал все для того, чтобы вернуть себе ту

маленькую девочку, еще верящую в чудо, еще ждущую его, ту покинутую всеми девочку, которую оставил в Калининграде холодной весной девяносто девятого года.

Я вернул ее. И вдвойне больнее оттого, что на то, чтобы насладиться долгожданным возвращением, у нас почти не осталось времени.

Антон же так и не принял ее. И я знал причину этого. Но оставить ее одну, прогнать, забыть о том, что она вообще появилась в моей жизни?.. Просто так вычеркнуть само ее существование из памяти?..

Как?.. Как такое возможно?!

Он не понимал. Он и теперь не понимает, даже спустя годы.

Я и сейчас вижу, что он не может смириться с ее присутствием в моей жизни. Не может. Не хочет.

Упрямый. Какой же, черт возьми, упрямый!

Неужели никак не может забыть того случая?..

Но Боже, сколько лет прошло с тех пор?! Почти три года!

Она была ребенком, диким и необузданным созданием, выброшенным на улицу собственной матерью, вынужденной влачить столь жалкое, взрослое существование, бороться за жизнь!

А он... Он — мой сын. Воспитанным интеллигентным и культурным молодым человеком, всегда сытый, в тепле, при деньгах. Его любили родители, его холили и лелеяли с раннего детства, ему не приходилось бороться за жизнь, он был баловнем судьбы. И все же он не простил ей того, что она сделала... Не позволил своей гордости опуститься на колени?..

Чего же ему не хватало?! Почему он накинулся на нее?! Почему одно лишь упоминание о ней воспринял в штыки?! Почему не смог принять и понять ее так, как это сделал я?..

Может быть, я что-то упустил в его воспитании?.. Тогда, когда надолго оставлял его одного, не появляясь дома месяцами? Тогда, когда упустил из виду тот факт, что моему сыну нужен был отец, а не знаменитый исследователь!?

Значит, и здесь тоже виноватым оказался один лишь я? И в том, что Дашенька не принимает Антона, и в том, что Антон никогда не примет мою девочку? Опять я..? Один лишь я.

Почти три года ненависти. У него к ней. У нее к нему. И я — словно непроходимая стена между ними, натянутая красная ленточка между стартом и финишем. Словно камень преткновения.

Дашенька. Антон. Мои любимые. Одинаково любимые мною. Но...

Как так получилось, что близкие отдались на сотни километров, а чужие стали настолько родными, что без них ваше существование уже не представляется возможным?..

Дашенька! Антон!

Они не смогли бы жить рядом друг с другом. Я понял это уже в тот момент, когда они впервые встретились. Слишком разные, чтобы понять друг друга, слишком сильные для того, чтобы принять чужую слабость за силу. Из разных миров — богатства и бедности, любви и презрения, жизни и смерти...

Тогда, почти три года назад, у них не было ни единого шанса на то, чтобы понять друг друга. Чтобы принять, чтобы смириться, чтобы соединиться, объединенным общей целью.

А сейчас... Что станет с моей девочкой, когда я уже не смогу позаботиться о ней? Что станет с Антоном, когда он обо всем узнает?.. Кто позаботится о моей маленькой девочке?

Кто поможет Антону все это пережить?..

Слишком много вопросов, на которые нет ни одного ответа.

Слишком много вопросов, и слишком мало времени, чтобы найти на них ответы.

Слишком мало времени. Его почти не осталось. Ни у меня, ни у Даши, ни у Антона...

5 глава

май 1999 год, Москва

Повисшая на его локте брюнетка не вызывала никаких чувств, поэтому Антон просто отмахнулся от нее, когда девушка в очередной раз решительно потянулась к нему для поцелуя.

Брюнетка разочарованно надула губки и досадливо поморщилась.

— Антош, — проговорила она недовольным голосом, похожим на рокот, — что случилось?

Теперь поморщился Антон, раздраженно поджав губы.

Какого черта он позволяет этой... девице называть себя так?! Он же терпеть не мог, когда его называли этим детским, совершенно идиотским именем?! Словно специально возвращая его в детство!

Наверное, сейчас ему было настолько всё равно, что даже это ласкательное имя не так сильно действует ему на нервы, вызывая лишь легкую волну раздражения вместо злости.

Только бы его оставили в покое! Только бы продолжили своё стрекотание где-нибудь подальше от него!

Только бы, черт побери, все заткнулись и дали ему подумать!

— Антош...

— Ты можешь помолчать? — раздраженно выдавил из себя молодой человек, бросив на девушку острый взгляд из-под опущенных век. — Просто помолчать. Можешь?!

Брюнетка, имя которой Антон благополучно забыл сразу же после того, как его друг Леша представил их друг другу, пару раз кокетливо взмахнула ресничками и вновь разочарованно надула губки. Но на этот раз благоразумно промолчала, видимо, осознав, что не стоит сейчас нарываться.

Антон, как бы ему ни хотелось смахнуть эту девицу, как надоедливую муху, со своего локтя, приказал себе не беситься, хотя раздражало его сейчас всё, и, глубоко вздохнув, закрыл глаза.

Раздражало действительно всё. И чертов клуб, в который они притащились веселой честной компанией. И диваны, обитые темно-серой кожей, отчего-то сейчас казавшиеся неудобными и узкими, а еще словно холодными. И любимые напитки, отдававшие сейчас горчинкой. И даже веселый смех Славки и острые шуточки Леша, на которые он раньше обязательно ответил бы своей колкостью!

Сейчас всё это отчаянно раздражало. Даже больше — бесило.

Ему нужно было остаться дома. С отцом. А не шататься по всей Москве в поисках приключений на свою задницу! А в таком настроении, в котором он сейчас пребывает, найти эти самые приключения он может в два счета! Стоит кому-то лишь слово сказать, и он уже ринется «выяснить отношения».

Всей компанией они расселись за VIP- столиком, заказанным Лешей, а Антону было плевать на всё, что происходило вокруг него. Надоедливый, звонкий смех брюнетки, так и не отцепившейся от его руки. Колкие остроты друзей. Улыбающиеся лица симпатичных

девушек, сидящих напротив него. Светомузыка.

Всё это происходило словно в другой жизни. Не в его. Не с ним.

Вся окружающая его действительность мгновенно превратилась в тугую горячую спираль, размерами меньше игольного ушка, которая медленно, но неукротимо сжималась, засасывая его в свои полукруги. И он стал задыхаться. Он просто не чувствовал насыщения кислородом, глотая воздух вновь и вновь, почти разрывая легкие, но так ни на мгновение и не ощутил облегчения.

Его привычный и устоявшийся за годы мир пошатнулся и стал рушиться. Как замок из песка рушится, подвластный водной стихии, так и его мир стал стремительно разрушаться, давай трещины то там, то здесь.

И самое страшное заключалось в том, что Антон не мог осознать, не мог понять, что произошло. Он не знал причины, он не видел ее, он просто ощущал на себе ее последствия.

Что-то изменилось. И он, как утопающий, хотел схватиться за соломинку, чтобы спастись.

Понять, дойти до сути. Принять? Нет, он никогда не примет. Он не хотел перемен. Черт возьми, нет!

Всё было прекрасно в его жизни, беззаботной и счастливой, чтобы что-то менять. Чтобы оставить позади себя счастливые годы и принять перемены, которые, он точно знал, не пророчат ничего хорошего?! Нет!

И он сопротивлялся, протестовал, бесился. Казалось, он кричал на весь свет, кричал не своим голосом, но в ответ не слышал даже собственного эха, — одно глухое равнодушное молчание.

А мир давил на него тяжестью домины, накрывая с головой, поработая и угнетая.

И от собственного бессилия он задыхался. Он хотел что-то сделать, хотел все исправить... Ведь можно еще что-то исправить! Не так поздно, время еще есть! Он хотел вернуться в тот устоявшийся, привычный мир, в котором жил все эти годы, и от осознания, что всё начинало меняться безвозвратно, с поглощающей скоростью опускались руки.

Он не знал, в чем дело. Не понимал. Не спрашивал, хотя нужно было задать интересующие его вопросы еще два месяца назад. Но он ощущал, что всё вокруг него меняется.

Отец изменился. С отцом что-то случилось. Случилось сразу же после возвращения из Калининграда.

И Антон уже сотни раз отругал себя за то, что отпустил его туда, что не попросил его вернуться раньше.

Он помнил, прекрасно помнил тот разговор, который и стал последним привычным и обыденным его разговором с отцом. Все остальные были другими. Он не мог сказать, почему именно так, и почему провел эту незримую грань именно здесь, но он чувствовал, что эта черта находится именно там, где он ее провел.

Слишком хорошо он знал отца, чтобы не почувствовать, не ощутить на себе перемены в нем.

Сейчас это ощущалось особенно остро, но Антон заметил это еще тогда, когда встречал его в аэропорту два месяца назад.

Не такой он был. Не такой. Изменился. Антон сразу это отметил, хотя и не подал виду.

Во внешности, на первый взгляд, все осталось без изменений. Да и что могло измениться за пару недель отсутствия? Но уже тогда Антону нужно было идти дальше,

вглядываться вглубь, а не рассматривать поверхность. И он бы заметил то, что стал замечать уже через месяц после приезда отца домой. То, что теперь было видно невооруженным взглядом. И то, что теперь нужно было исправлять. Как-то... Как?!

Лицо было бледным и осунувшимся, будто мужчина провел не одну бессонную ночь. Антону уже тогда показалось, что глаза отца не смеются, как бывало каждый раз, когда Олег Вересов возвращался домой и обнимал сына. Улыбка была словно бы вымученной, а оттого казалась фальшивой, искусственной.

Сердце Антона сжалось в груди, а вдоль позвоночника стрелой промчался холодок, но молодой человек приветливо улыбнулся, встречая отца, стараясь подавить в зародыше сомнения и догадки.

Дурак. Какой же дурак!

— Как Тамара Ивановна? — первое, что спросил Олег у сына после того, как обнял того за плечи.

Звучал его голос устало, Антон отметил это сразу. И еще синяки под глазами. Поджатые губы, блеклый взгляд, бледность лица. Его поведение, замедленные движения, усталость, заторможенность...

Почему всё это осталось без должного внимания тогда?! Почему Антон не удосужился уделить такому нетипичному для отца состоянию больше внимания, когда следовало это сделать?! Почему он отступил?!

Черт, всё уже тогда было не так, как раньше. Всё!

Но в тот момент Антон решил списать его состояние на целый ряд причин, не вдаваясь в детали.

Длительный перелет, а отец давно уже не мальчик, здоровье, опять же, холодная весна, беспокойство за Тамару Ивановну, да что угодно!..

Откуда же молодому человеку тогда было знать, что все спрятано гораздо глубже?

— С Тамарой Ивановной сейчас всё хорошо, — выдавил из себя Антон. — Пойдем, тебе нужно отдохнуть.

Олег послушно последовал за сыном, едва передвигая ноги, и этот факт Антон тоже заметил, но, как и на другие факты, просто не обратил на него внимания.

Идиот. Какой же идиот!

— Что говорят врачи? — тихо спросил отец, когда они уже двигались по направлению к дому. — Как она?

— Инсульт, пап, — так же тихо проговорил Антон, горько вздохнув, — что тут сказать?

— М-да... — покачал головой мужчина. — И когда это случилось?

— Ночью. Я был дома, как знал, что что-то должно случиться, — ответил парень. — Лешка звал в бильярд, но я не пошел. Тамаре Ивановне еще вечером плохо стало, но врача она вызвать отказалась. Упрямая же, сам знаешь!

— Это у нас, похоже, семейное, — легко улыбнувшись, проговорил Олег, и Антон бросил на него быстрый взгляд. Может быть, всё не так плохо, как ему показалось вначале? И дело, действительно, в перелете?

— Часа в два ночи, может, в половине третьего, я проснулся, — произнес Вересов-младший, — пошел к ней, а она уже без сознания была. Я скорую вызвал, ее забрали. А на утро я тебе позвонил.

— Ты у нее был?

— Нет, она же в реанимации.

— Как она себя чувствует?

— В себя пришла, — сдержанно проговорил Антон, сжимая руль обеими руками, — но... плохо...

— Что врачи-то сказали? — устало спросил Олег.

Антон тяжело вздохнул, не глядя на отца, прикрыл на мгновение глаза, словно успокаиваясь.

— Говорят, что еще недели две ей придется провести в больнице, — проговорил он, запинаясь. — Не девочка она уже, чтобы со здоровьем шутить.

— Ну, да, ну, да... — пробормотал Олег как-то отрешенно, словно думал совсем о другом.

Антон тогда решил его не беспокоить, дать отдохнуть, прийти в себя, переварить все случившееся.

И только потом осознал, как сильно ошибся, не пытаясь во всем разобраться, а спихнув все на время.

Время лечит, говорят?.. Ничего подобного. Раны, которые лечит время, никогда не заживают.

И Антон смог убедиться в этом через два месяца после возвращения отца из Калининграда.

Антон всегда ждал отца. Он любил его, он его почти боготворил. Еще в детстве, когда тот уезжал в командировку, он просил мать позвонить ему, просто для того, чтобы услышать его голос. Он не просил подарков, хотя отец их всегда ему привозил, он хотел лишь, чтобы тот был рядом с ним. А когда Олег возвращался, он старался, как можно дольше быть с ним наедине, играть, читать вслух увлекательные истории, готовить ему чай с лимоном, садиться к нему на колени и рассматривать геологические карты, которые отец ему показывал.

Каждую свободную минуту, он старался проводить с Олегом. Чтобы хотя бы в эти редкие минуты быть рядом с ним. Чувствовать себя его сыном, знать, что этот замечательный мужчина — его отец, и радоваться этому факту.

Он хотел быть похожим на него, в детстве часто воображал себя путешественником, исследователем, таким же, как Олег. Часто представлял себе, что, когда вырастет, они вместе будут исследовать горные породы, дальние территории, местности. Когда тот отправлялся в очередную командировку, он забирался в его кабинет и проводил там по несколько часов, рассматривая карты, читая вырезки из газетных статей, разглядывая фотографии. Ему казалось, что таким образом он становится ближе к отцу, что, узнавая о деятельности, которой тот занимается, сможет лучше узнать его самого. Будто тепло его карт, фотографий и книжки по геологии смогли заменить ему отцову любовь и его тепло!

С каждым годом он всё острее стал ощущать эту потребность — быть ближе к нему. Но этой близости никогда не получал в полной мере. Всегда были причины, по которым они не могли сблизиться. Он любил отца, и тот тоже души не чаял в единственном сыне, и все же... Работу он любил так же сильно.

И Антон со свойственной ему сыновей преданностью и отчаянной любовью принимал всё, как есть, закрывая глаза на частые отъезды, отлучки, командировки. Он хотел бы насладиться той любовью на расстоянии, тем теплом, что получал от Олега, когда тот возвращался домой, но не мог. Ему было мало.

Только после смерти матери, такой неожиданной, такой дикой, они особенно сблизились.

У Антона появился тот отец, о котором он мечтал, которого хотел видеть рядом с собой.

Олег оставил исследовательскую деятельность, вернулся в университет, воспитывал сына. Та близость, о которой Антон мечтал, наконец, появилась между ними. Они всё делали вместе. Спускались по горным рекам, ходили в походы, поднимались в горы, катались на лыжах, совершали велосипедные туры из одного города в другой. Антон оставил мечты об исследовательской деятельности, которой занимался отец, осознав совершенно точно, что это не его дело. И после окончания школы поступил на юридический.

Он тогда думал, что все изменилось. И все, действительно, изменилось. У него был самый лучший в мире отец, у них была Тамара Ивановна, которая всегда могла подсказать советом и поддержать, он нашел своё призвание и наметил дальнейшие пути продвижения.

У него была счастливая, прекрасная во всех отношениях жизнь.

Та жизнь, о которой он мечтал, когда был маленьким! Он сейчас получил то, о чем всегда мечтал.

Когда Олег решил вернуться в исследовательскую деятельность, он был безмерно рад за него. Он хотел, он жаждал, он чуть ли не молился о том, чтобы тот был счастлив. А когда Олег, разочарованный тем, что не нашел себя в любимом когда-то деле, начал писать, Антон первым поддержал его идеи. Он видел, как счастлив отец, какое удовольствие ему приносит его творчество, то, что его понимают и принимают.

Казалось, большего для счастья и не нужно.

Антон радовался, наслаждался жизнью и безграничным счастьем, думал, что все хорошо...

А ведь и было хорошо до тех пор, пока Олег не улетел в Калининград на очередную конференцию!

Кто бы мог подумать, что все рухнет, мгновенно, почти в одночасье из-за одной обычной конференции?!

Черт, да что там такого могло случиться, чтобы так сильно изменить человека?!

Десятки раз Антон задавал себе этот вопрос. Себе — не отцу. Его он отчего-то боялся беспокоить.

Отец уже не был прежним. Антон чувствовал это как никто другой.

Поездка в Калининград его изменила. И дело было не в самочувствии Тамары Ивановны, не в том, что Олег плохо себя чувствовал, что устал или у него наступил творческий кризис. Его что-то беспокоило. Что-то, о чем он боялся рассказывать или просто не хотел, что-то, словно перевернувшее его былые уверения с ног на голову, круша устоявшееся мировоззрение человека, который всегда знал, чего хочет, и достигал цели. Что-то, о чем не говорил вслух, но о чем постоянно думал. Все те два месяца после возвращения.

Закрывался в своем кабинете, усаживаясь в кресло, и невидящим взглядом рассматривая фотографии в старом альбоме. Почти не спал, засыпая порой лишь за рабочим столом. Все чаще выглядел уставшим.

Антон беспокоился за него, пытался настоять на посещении врача, но наткнулся на уверенный отказ.

Что-то неукротимо, неминуемо рушилось. И Антон чувствовал себя совершенно беспомощным оттого, что не мог ничего сделать, чтобы избежать краха.

Привычный, устоявшийся, прекрасный мир сказочной жизни, которую он, наконец, получил, дал трещину, пошатнулся, накренился и готов был вот-вот оставить и его погребенным под обломками счастья.

Безысходность и отчаяние сковали его тисками, не давая дышать, вынуждая вновь и вновь глотать пыль из-под крошащихся на кусочки мечтаний и желаний.

И это бесило, это просто сводило с ума...

— Антош, ну, ты меня совсем не слушаешь, — донесся до него, словно издалека, обиженный женский голос.

Он дернулся, как от удара, не сразу осознав, где находится, недовольно поморщился оттого, что его вырвали из водоворота воспоминаний, и бросил на девушку быстрый взгляд.

— Я не нанимался тебя развлекать, — жестко отрезал он, сдвинув брови.

Та надула губки и вновь дернула его за руку.

— Ну, Антош, — взмолилась она, — что с тобой? Может, голова болит?

Хотелось послать ее к черту, но он каким-то чудом сдержался.

— Ничего у меня не болит! — раздраженно сказал молодой человек, отвернувшись от нее.

— Тогда что случилось? — затрещала та у него над ухом.

Руки его непроизвольно сжались в кулаки, а на скулах от ярости заходили желваки.

Только бы не сорваться к чертям, а то вся его хваленая выдержка полетит псу под хвост!

— Тох, может, правда, уделишь девушке время, а? — подал голос с шутливыми интонациями Леша. — Смотри, как она переживает за тебя, места себе не находит.

Антон посмотрел, стремительно, резко. Правда, не на девушку, а на друга.

Испепеляющий взгляд серых глаз едва не приковал того к месту.

— Охо-хо, — проговорил Леша, поднимая руки вверх. — Ритуль, его сейчас лучше не трогать, — обратился парень к девушке-брюнетке. — Видишь вот это выражение лица? Так вот запоминай: увидишь такое еще раз, ни за что не приставай к моему другу. Считай, что на нем висит табличка «Не влезай, убьет!».

Антон промолчал, одарив друзей тяжелым взглядом из-под бровей, но лишь по той причине, что сейчас действительно был способен прибить любого, кто начал бы его доставать.

Он чувствовал себя огненной пружинной, сжатой до мизерных размеров и способной в любое мгновение взорваться, подобно атомному взрыву.

До конца вечера его так никто и не побеспокоил, предоставив самому разбираться со своими мыслями. Брюнетка, которую, как оказалось, звали Ритой, больше не приставала к нему с глупыми вопросами и даже отцепилась от его руки, чему он был несказанно рад, а Леша и Слава предпочитали не лезть на рожон, прекрасно зная, чем это может обернуться.

— Может, ты домой поедешь? — с беспокойством выдавил из себя Слава, словно не выдержав молчания.

— Да, наверное, поеду, — согласился Антон и приподнялся с дивана. — Не обижайся, Слав, просто сегодня... настроения нет, считай так.

— Да не вопрос, Тох, — развел парень руками в разные стороны. — Все в порядке.

Попрощавшись с друзьями и послав вымученные улыбки девушкам, Антон покинул клуб с чувством облегчения, а сядя за руль автомобиля, так вдавил педаль газа в пол, что мгновенно сорвался с места, оставляя позади себя клубы серого дыма. Домой. К отцу.

С некоторых пор он боялся оставлять отца одного на долгое время. Боялся за него.

Вот и сейчас ему бы стоило догадаться, что он может обнаружить, вернувшись домой.

Едва он попал в квартиру, сразу же отметил, что в кабинете отца горит свет. Как и всегда за последние два месяца. Парень тяжело вздохнул, чувствуя, что сердце сильнее и

громче забилося в груди, и подошел к двери. Негромко постучал и, не дождавшись ответа, тихонько приоткрыл дверь, заглядывая внутрь.

Олег сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, скрестив руки на груди, опустив голову. Глаза его были закрыты, а сквозь неплотно сжатые губы вырывалось поверхностное дыхание.

Заснул, грустно отметил про себя Антон. Опять заснул за рабочим столом...

Антон двинулся вперед, прикрывая за собой дверь.

— Пап? — негромко позвал он. — Пап?

Олег дернулся, сел в кресле, выпрямив спину, повел плечами, словно отгоняя сон, раскрыл глаза.

— А?.. Что?.. — встрепенулся мужчина, растерянно оглядываясь по сторонам и словно пытаясь осознать, где находится. — Что, уже утро? Вставать пора? — взгляд его остановился на сыне, застывшем посреди комнаты.

Антон грустно улыбнулся.

— А ты вообще ложился?

Олег устало посмотрел на него, протер глаза и вновь откинулся на спинку кресла.

— Не спится. Бессонница, наверное, — отмахнулся он.

Антон покачал головой и подошел к столу, остановившись в паре шагов отца.

— Она началась, когда ты вернулся из Калининграда, — проговорил он тихо, устремив взгляд на Олега. — Что-то случилось, да? Что-то, о чем ты не хочешь мне рассказывать?

Он не надеялся, что тот просто так сдастся и расскажет ему обо всем. Не таким он был человеком.

— Ничего не случилось, — упрямо заявил Олег, нахмурившись. — Просто не спится, вот и все.

Кого он хотел обмануть? Сына, который знал его, как облупленного, потому что всю жизнь хотел быть таким, как он? Или себя, уверяя свою совесть и свое сердце в том, что все в порядке?

Антон сделал нерешительный шаг вперед, а потом остановился, покачал головой, опустив ее вниз.

— Пап?..

— Ммм...

— Ты чего-то не договариваешь мне, — тихо проговорил он, поднимая на него глаза, стараясь прочесть по лицу хотя бы толику правды, которую отец от него скрывал.

Олег устало вздохнул, потом тяжело выдохнул. Измученное лицо скривилось, губы поджались.

— Не сейчас, Антон, — выговорил он угрюмо. — Утром. Давай поговорим утром хорошо?

Какие глупые отговорки. Зачем они нужны? Кто в них поверит? Кому они принесут успокоение?!

Сцепив зубы так сильно, что заболела челюсть, Антон неопределенно качнул головой.

— Как скажешь, — выдавил он из себя. — Утром так утром.

Стоит ли вообще затевать этот разговор? Что он может дать? И стоит ли умалчивать обо всем, если это губит их жизнь?! Что-то рушит их безмятежное существование, а он даже не знает, с чем ему бороться!?

В груди острой болью отозвалось биение сердца, отчаянными ударами врывавшееся в

плоть.

Антон с шумом выдохнул и сжал руки в кулаки, потом разжал их, почувствовав, что ладони вспотели.

— Ты идешь спать? — он устало посмотрел на отца.

Тот отрицательно покачал головой.

— Нет. Еще нет, — отвел глаза в сторону, очевидно, для того, чтобы не встречаться с Антоном взглядом. — Ты иди, я еще посижу.

Антон горько улыбнулся, но машинально кивнул.

— Как скажешь, — бросил он отцу и решительно направился к двери. — Завтра поговорим.

— Да, — вдруг уверенно заявил Олег, глядя в спину сыну. — Завтра поговорим.

Антон обернулся, замер на пороге, удивленно глядя на отца, словно видел его впервые, а потом кивнул и вышел из кабинета.

И как бы он не стремился быть сейчас рядом с ним, понимал, что тот не желает этого.

А Антон был хорошим сыном для того, чтобы понять его немую просьбу и не вмешиваться.

Завтра, они обо всем поговорят завтра.

Но уже на следующее утро, встретившее Антона понурым, бледным лицом отца с блуждающей улыбкой на губах и синими кругами под глазами от очередной бессонной ночи, Вересов-младший в сотый раз пожалел о том, что вообще затеял этот разговор.

Не нужно было вмешиваться. Рано или поздно всё встало бы на свои места. Но... но...

— Ты хотел поговорить со мной, — напомнил Антон вскользь, присаживаясь за стол. — О чем?

Олег замер, бросил на сына быстрый взгляд и тут же опустил его в чашку с чаем. Сглотнул, нервничая.

— Это... я даже не знаю, как сказать, — пробормотал Олег, запинаясь. — Не знаю, с чего начать...

Антон ободряюще улыбнулся, откинулся на спинку стула и проговорил:

— Пап, что бы это ни было, нам лучше решить все это сейчас, — он легко тронул мужчину за плечо. — Мы со всем справимся вместе, так? Ты главное, скажи, что тебя так тревожит. Я выслушаю, я помогу...

Антон качнул головой, горько усмехнувшись, и эта усмешка Антону не понравилась.

— Поможешь?.. — шепотом повторил Олег, не поднимая на сына взгляд. — Хорошо...

— Ты только скажи, в чем дело, — попросил парень, сильнее сжимая плечо отца. — Я не могу смотреть на то, как ты себя изводишь, — в его голосе появились нотки грусти. — Может... — он вдруг запнулся, отвел взгляд в сторону, а потом вновь устремил его на отца. — Может быть, ты... заболел?..

— Нет! — воскликнул Олег резко. — Нет, что ты!? Со мной все в порядке, — выговорил он тихо. — Я здоров.

Облегчение накрыло его с головой, Антон тихо выдохнул. Сердце же, словно предчувствуя что-то, продолжало оглушать своими резкими отчаянными ударами в грудь, отдаваясь острой болью в висках.

— Ты мне расскажешь?.. — почти шепотом спросил парень, глядя в бледное лицо отца.

Олег молчал недолго, всего минуту, но Антону показалось, что прошла целая вечность.

— Дело в том, — тихо начал отец, — что в Калининграде... кое-что произошло.

— Это я уже понял, — сказал Антон. — Что произошло?

И вновь молчание, которое натягивало нервы и резало их ножом.

— Я встретил... кое-кого.

Антон вздрогнул, ощущая, как холодок пронесся по телу, обдавая внутренности ледяным дуновением.

Неужели у отца появилась женщина?.. Не то, чтобы он был против этого, все-таки столько лет прошло со дня смерти матери, да и отшельником Олег никогда не был, и все же... Неужели все серьезно?

— Кого? — спросил Антон, едва разлепив губы.

Он ожидал услышать, что угодно. Что угодно, кроме того, что услышал.

— Девочку, — заглядывая сыну в глаза, произнес Олег. — Маленькую девочку. Ей всего восемь лет, она... она попрошайничала на площади.

Антон опешил, уставившись на отца широко раскрытыми глазами.

Почему он так странно смотрит на него? Почему в его глазах столько мольбы, отчаяния, боли?

Антон мотнул головой в сторону, отдернул руку от плеча отца, нахмурился.

— Таак, — протянул он, — и что же?

Сердце трепетало в груди, колело, пока Олег, пристально глядя на сына, молчал, обдумывая свои слова. А потом вдруг перестало биться, когда слова были произнесены.

— Я хочу забрать ее и привезти в Москву.

Антону показалось, что он ослышался.

— Не понял...

— Я хочу забрать ее с улицы и привезти в Москву, — повторил Олег более уверенно.

— Куда в Москву? — недоумевая, воскликнул Антон. — К кому? Зачем?!

— К нам, — заявил Олег, глядя на сына в упор. — Я хочу, чтобы она жила со мной. Хочу заботиться о ней.

Вот так заявление! Антон почувствовал, что словно весь воздух выкачали из легких, он стал задыхаться.

Нахмурившись, сузил глаза, превратившиеся в темные точки, поджал губы и сдвинул брови.

— Пап, — медленно выговорил он, — ты как себя чувствуешь?

Олег одарил его острым не моргающим взглядом.

— Отлично, спасибо.

— Может, тебе... как бы это?.. — запнувшись, Антон отвел глаза. — Может, ты все же заболел?

— Я не заболел, Антон, — выговорил Олег, выделяя каждое слово. — Со мной все в порядке. Я просто хочу забрать Дашу из того ада, в котором она живет, и...

— И поселить ее у нас?! — не выдержав, взорвался Антон и даже вскочил со стула.

— Да. Именно так, — спокойно отозвался Вересов-старший и, бросив на сына внимательный взгляд, сказал: — Сядь, я тебя прошу.

Антон с недоумением уставился на него, не веря своим ушам.

— Ты что, серьезно... всё это сказал сейчас? — изумленно выдохнул он.

— А ты думал, я стану шутить подобными вещами? — вопросом на вопрос ответил тот.

Антон взмахнул руками, уставившись на отца с диким ужасом в глазах.

— А моего мнения ты узнать не хочешь?!

— А ты будешь против? — удивился Олег.

— А ты думаешь, я буду лезгинку отплясывать на радостях?! — съязвил молодой человек. — Эта девочка — никто для меня! Да и для тебя тоже! Кто она вообще такая?! Какая-то беспризорница!..

— Не говори так...

Но Антона было не остановить.

— Зачем она тебе?! — вскричал он. — Захотелось поиграть в благодетеля?! У нее что, родителей нет?!

— Отца нет, мать пьет, — ответил Олег. — А сожитель матери... просто мерзавец.

Антон взорвался, схватившись за голову.

— И поэтому ты решил ее забрать к себе?! — закричал он, раздражаясь сильнее. — Пап, да в России тысячи таких детей, таких семей. Может, ты и им поможешь?!

— Нет, — покачал он головой, — им я помогать не буду. Но я помогу Даше...

— Ах, вот как ее зовут, — саркастически хмыкнул Антон.

— Даше и ее брату.

— Еще и брату?! — застыл парень на месте, шокированный словами отца.

— Да, у нее есть младший брат.

— Ты и его к нам привезти собираешься?! — возмущенно закричал Антон.

— Ну, не могу же я забрать Дашу и оставить ее брата умирать? Это несправедливо...

— Несправедливо?! Черт, — несправедливо?! Пап, ты хоть думаешь, что сейчас говоришь?! Забрать каких-то незнакомых, каких-то беспризорных детей с улицы... привести в свой дом... Зачем тебе это надо?! — возмущенно вскричал парень. — Если уж на то пошло, если тебе их судьба не безразлична, то всегда можно обратиться в органы опеки и попечительства, пусть определяют их в детдом!

— Нет, — покачал отец головой. — Юрке нельзя в детдом. Он болеет сильно.

Антон яростно всплеснул руками.

— Замечательно! Мальчишка к тому же еще и немощный! Просто замечательно! — выдохнул он с горечью в голосе. — А ты не боишься, что он умрет на твоих руках?!

— Антон! — одернул его отец. — Он не умрет. Ему просто нужно в больницу.

— И ты, конечно же, определишь его в самую лучшую больницу Москвы, так? — саркастически спросил он.

— Да, — пожал плечами мужчина, — а почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — закричал он, нависая над столом. — Почему бы и нет?! Я просто ушам своим не верю! — всплеснул Антон руками и отскочил от стола, словно обжегшись. — Ты возвращаешься из Калининграда сам не свой, я тебя узнать не могу, боюсь, что ты заболел, а ты, оказывается, решил благотворительной деятельностью заняться?! Забрать какую-то девчонку и ее брата с улицы, привести к себе домой!.. Какая в этом логика?! Что на тебя нашло?!

Олег вздрогнул, понутив голову, жестко сжал губы, а потом бросил на сына острый взгляд глаза в глаза.

— Я не могу ее бросить, ты понимаешь или нет?! — воскликнул он. — Не могу! Ни саму Дашу, ни ее брата!

Антон разъяренно сжался, словно готовясь к прыжку, запустил пальцами в волосы.

— Да что случилось-то?! Чем она тебя привязала к себе?!

— Я ей обещал, понимаешь? — выговорил Олег шепотом. — Обещал, что никогда ее не брошу. И я выполню свое обещание, чего бы мне это не стоило!

6 глава

Калининград

Он сотни раз пожалел о том, что улетел из Калининграда так поспешно, поддавшись уговорам Андрея и просьбам сына. А еще эта новость о самочувствии Тамары Ивановны! Она застала его врасплох. Именно в тот момент, когда он, раздосадованный и словно бы потерянный, вернулся в гостиницу от дома Даши.

В тот день он долго бродил по городу, отправившись сначала на площадь, где хотел встретиться с ней, а затем, обнаружив, что Даши там нет, продолжая кругами ходить вокруг ее дома, вглядываясь вдаль, словно в слепой надежде пытаясь выхватить маленькую фигурку из толпы людей, но долгое время так и не смог подойти ближе. Вдруг встретит этого негодяя Алексея? Даша предупредила его, что если дядя Леша узнает о том, что она встречается с Олегом, не поздоровится и ей, и — что самое страшное! — Юрке. Олег не мог так рисковать, а потому держался на почтительном расстоянии от дома, где проживала Даша, надеясь на то, что она выйдет, и они смогут увидеться.

Как же ему необходима была эта встреча! Он весь извелся, пока, сбивая ноги, обходил дома в десятый и в одиннадцатый раз, тревожно вглядываясь в темные окна полуразрушенного каменного дома, в котором жила девочка. Он нутром ощущал, что нужен Даше, что необходим ей, именно сейчас. Досадливое чувство беспокойства и тревоги не отпускало его ни на мгновение, когда он, то подойдя ближе, то вновь отступая, сжимал руки в кулаки в карманах пальто и чертыхался про себя. Что-то словно разрывало грудь, сжимая легкие плотным кольцом, а в сердце настойчиво и рьяно стучало отчаяние.

Что-то случилось, что-то произошло, раз она до сих пор не появилась. Вдруг Юрка?..

Олег хотел было ринуться к дому, чтобы, отбросив сомнения, во всем разобраться, но застыл на месте. В половине пятого, он увидел того, кого так опасалась Даша. Алексея. И хотя Олег его никогда не видел, да и Даша никогда не стремилась описать внешность сожителя матери, но мужчина был уверен, что видит перед собой именно его.

Выглядел тот довольно-таки молодо, моложе Олега. На вид ему можно было дать лет тридцать пять, может быть, немного больше. Одет в поношенные черные джинсы и такого же цвета куртку с капюшоном. Шагает уверенно, решительно. На лице застыло мрачное выражение ненависти ко всему миру, а сдвинутые к переносице брови делали и без того грозный взгляд почти уничтожающим. Он, как хищник, осмотрелся по сторонам, словно выискивая следопытов, шествовавших за ним по пятам, а потом, сгорбившись, словно так защищаясь от внезапного порыва ветра, засунув руки в карманы куртки, стремительно подошел к дому, в котором жила Даша, и без стука вошел внутрь.

На скулах Олега от досады и злости тут же заходили желваки, и он, стиснув зубы, сделал решительный шаг вперед, намереваясь последовать за ним. Но тут же остановился.

Он не может. Он не имеет права. Кто он такой, чтобы врываться в чужой дом? Кто он такой, чтобы предъявлять какие-то права или претензии? Он — никто. И как не крути, но даже у этого подлеца Алексея больше прав на Дашу, чем у него, Олега!

Он еще некоторое время простоял с хмурым видом перед домом Даши, глядя на

одинокое окно комнаты девочки, а потом со смешанным чувством негодования, злости и отчаяния, вернулся в гостиницу, так и не повидавшись со своей малышкой.

Как же ей было плохо тогда! Олег знал, он чувствовала, он отчего-то был точно уверен, что Даше плохо. Она, наверное, страдает, бедный ребенок! Она не плачет, но душа ее болит. И душа Олега тоже болела.

Почему Алексей не разрешил ей пойти на площадь? Почему не выпустил из дома? А ведь в том, что она была дома именно по приказу Алексея, Олег не сомневался. А может быть, Юрке стало хуже? Или все же во всем замешан Алексей? Вдруг он узнал, что Олег приходил к ним в дом? Страшно подумать, что сделал этот мерзавец беззащитной девочке за непослушание!

Боже, какая несправедливость! Почему дитя должно так страдать?!

Олег не мог прийти в себя долгое время, меряя шагами холл гостиницы и не решаясь подниматься в свой номер, готовый вот-вот сорваться с места и вновь ринуться к дому Даши, чтобы, подхватив и ее, и Юрку, забрать детей из этого ужасного дома, из лап этого ужасного человека! Не успел.

К нему подошла администратор гостиницы и сообщила, что до него несколько пытались дозвониться из Москвы.

— Кто?

— Ваш сын.

Олег бросился в свой номер, попросив перед этим соединить его с Москвой. На лестнице столкнулся с Андреем, и тот попытался удержать его за руку.

— Олег, мы тебя везде ищем! — воскликнул он. — Антон звонил!

— Я знаю, — коротко бросил тот, не замедлив ход. — Ты знаешь, что случилось?

— Нет, — поспешил следом за другом Рокотов.

— Сейчас узнаем... — пробормотал мужчина, открывая дверь комнаты и врываясь внутрь.

И он узнал эти ужасные новости о Тамаре Ивановне. Ей вдруг стало плохо, ее направили в больницу с подозрением на инсульт. Это просто сломило его. Сердце вновь заболело.

Он не мог не откликнуться на просьбу сына прилететь в Москву.

— Прилетай, пап, — взмолился Антон с отчаянием в голосе. — Я тебя жду. Теперь, когда Тамаре Ивановне стало плохо, еще больше, чем раньше. Ты нужен мне, пап, — тихо пробормотал сын в трубку.

Как он мог проигнорировать эти просьбы и мольбы, оставив их без внимания? Имел ли он на это право?

Но Даша... Как же Даша, которой он тоже нужен?! Которая тоже нуждается в том, чтобы он был рядом?!

Он хотел возразить, сказать, что приедет позже, через пару дней, как только уладит в Калининграде некоторые вопросы, но не смог вставить свои аргументы в уверения Андрея о том, что Олегу стоит немедленно лететь домой.

— Думаешь, я ничего не понимаю? — спросил друг напрямую, глядя в потускневшие глаза профессора Вересова. — Думаешь, я не знаю о том, где ты пропадаешь целыми днями? Ты ведь ходишь к той девочке, да? Общаешься с ней? — почему-то его слова звучали как упрек. — И зачем? Зачем, скажи на милость?! Что ты хочешь этим доказать? Что ты хороший, что благодетельный? Но, Олег, я тебя умоляю... Что ты можешь дать этой девочке? Что, — кроме несбыточной мечты о том, что все в ее жизни может измениться?! — он

тронул друга за плечо. — Ты уедешь, Олег, вернешься в Москву. К сыну, к друзьям, к своей работе. А она... она останется здесь. И с чем же?! С теми мечтами и надеждами, которые ты ей сейчас так неосторожно вбиваешь в голову?! Ей будет еще хуже. Ты ведь понимаешь это лучше меня.

— Ее зовут Даша... — сухими губами выдавил Олег, не желая, чтобы его девочка оставалась для кого-либо безымянным ребенком.

— Поезжай домой, — тихо сказал друг. — Тебя ждут близкие. А случайных встречных лучше оставить здесь.

Олег ничего не ответил, пустым взглядом уставившись в пространство.

Он понимал, что Андрей говорит правильные вещи, точные и совершенно верные. Но отчего в груди это гадкое чувство совершающейся ошибки?! Слово он готов ступить на тот путь, который не будет верным!? Почему такое скверное чувство предательства закрадывается внутрь его существа и не отпускает?

Он нужен Даше. Но и Антону, своему сыну, он тоже нужен. Какая дилемма! Боже, какой выбор!

И он сделал свой выбор, решив, что поедет в Москву, вылетит следующим же утром.

Но не повидать Дашу на прощание, не пообещать ей, что обязательно за ней вернется, он не мог.

А потому, едва проснулся, вновь направился к ее дому. Он намеревался даже войти внутрь, если понадобится, но обязательно увидеть ее и попрощаться! Он был настроен весьма решительно и готов был стоять на своем до конца. Если бы только он имел больше прав на то, чтобы просто разговаривать с ней!

Девочку он так и не увидел, не смог с ней поговорить.

В последний раз не смог с ней поговорить, не смог с ней даже попрощаться!

Едва он приблизился к дому, в котором она жила, и не успел сделать и нескольких шагов к крыльцу, как на него кто-то накинулся, схватив за кофту и потянув назад.

— Ты что здесь делаешь?! — раздался сзади злобный рык. — Какого хрена тут забыл?!

Олег, ошеломленный и изумленный, не до конца придя в себя, попытался обернуться, чтобы увидеть нападавшего, но так и не смог этого сделать, потому что крепкие мужские руки его так и не отпустили.

— Я спрашиваю, какого хрена ты тут делаешь, мужик?! — вновь послышался злобный рев.

Не стоило сомневаться, — это был Алексей. Олег поморщился от омерзения, и, сжимая руки в кулаки, не сдаваясь и пытаясь вырваться из плена его захвата, громко возмутился:

— Отпустите меня немедленно!

— А не пошел бы ты на х**!? — выругался мужчина, но хватку немного ослабил. — Что ты здесь делаешь?

— Не ваше дело! Я не к вам пришел.

Алексей злобно хохотнул и, ткнув Олега в спину, отпустил его.

— Да что ты говоришь?! — закричал мужчина с яростью и ненавистью в голосе. — Думаешь, я не видел, как ты здесь вчера ошивался?! Слепым меня, что ли, считаешь?

Олег, почувствовав себя свободным, повернулся к мерзавцу лицом и наткнулся на звериный взгляд светло-карих глаз, казавшихся ужасающе-желтыми при свете солнца.

— Это мой дом, чтоб ты знал, — сказал, словно выплюнул мужчина. — И я тебя в него не приглашал.

Олег ответил на его взгляд своим тяжелым взглядом и подался вперед, нависая над Алексеем, который оказался немного ниже него ростом.

— Я пришел не к вам! — упрямо выдавил Олег. — Это ясно?

Брови Алексея сдвинулись, превращая лицо в звериную морду, перекошенную от злобы и ярости.

— К ней, что ли, пришел?! — выдохнул он сквозь зубы. — К Дашке?

— А если и к ней? — гордо вскинул голову он. — Тогда что?

— А ничего! — зарычал мерзавец и бросился на Олега. — Отвали от нее, понял!? И дорогу сюда забудь!

— С какой это стати?

— С такой, — яростно выдохнул Алексей, — что если не хочешь закончить жизнь в сточной канаве, убирайся отсюда, пока цел.

Все внутри него дрожало, выгибалось натянутой струной, но Олег не отступил ни на шаг.

— Это угроза? — сухо поинтересовался он.

— Понимай, как хочешь, бл***! — оскалился Алексей. — Но оставь моих детей в покое! Если хочешь дать денег, давай. Мне. Потому что я их воспитываю! Но не ей, ясно?! Она их тратит на всякую дребедень!

Значит, лекарства для брата, это дребедень, по его мнению?!

— Вы ей никто. Просто сожитель ее матери и все. Вы не имеете на нее никаких прав.

Алексей, совсем взбесившись, накинулся на Олега, схватив его за грудки.

— Слушай ты, умник, — с угрозой начал он, — вали отсюда, пока тебе пинка не придали для полета! Модный такой, разодетый с иголки, дорогой дядька, да? — он окинул Олега беглым презрительным взглядом, а потом остановил волчий взгляд на его глазах. — Из столицы, наверное, прикатил, да? Так вот, тут тебе не столица, ясно? И права свои качать здесь даже не думай. Здесь свои законы, и если не хочешь по ним жить, убирайся вон, — он почти плевался, говоря все это, а Олег молчал, не зная, что сказать. — Пока я главный в этом доме, — кивнул Алексей в сторону, — с девчонкой ты общаться не будешь, усек?!

Олег молчал.

— Усек, я спрашиваю?!

— Вы мне не запретите...

— Да что ж ты такой непонятливый-то, а? — разозлился Алексей и, встряхнув мужчину, отпустил его. Бросил на него быстрый взгляд, сплюнул, а потом сказал: — Хорошо. Ладно. Я поговорю с Дашей. Сегодня же вечером поговорю! — сердце Олега забилось сильнее, вбиваясь в грудь. — А впрочем, зачем откладывать? Прямо сейчас вот и поговорю! — с угрозой сказал мужчина и даже сделал шаг в сторону дома.

Сердце Олега сжалось.

— Нет! — против воли вырвалось у него. — Не нужно!

Алексей остановился и, насмешливо приподняв брови, посмотрел на него.

— Ты что-то сказал, мужик?

— Не нужно, — выдавил Олег из себя, ощущая холодок, пробежавший вдоль тела. — Не нужно с Дашей разговаривать, — он сглотнул, сдерживаясь от вязкого желания расквасить этому подонку лицо. — Давайте... оставим наш с вами разговор в тайне. Не нужно... никого в него посвящать. Особенно детей.

Казалось, Алексей раздумывал лишь мгновение.

— Хорошо, не будем никого в это посвящать. Пусть это будет наш маленький секрет, — согласился он, глядя на гостя с насмешкой. — И все-таки с тобой можно договориться? Стоит лишь найти нужный ключик?

Олег стиснул зубы, едва сдерживаясь от того, чтобы не наброситься на негодея.

— Так мы договорились? — сдержанно спросил он.

— Ты уберешься туда, откуда приехал?

— Да.

— Тогда договорились, — легко бросил мужчина и, повернувшись к Олегу спину, пошел прочь. — Ты умный мужик, — сказал он вдруг, на мгновение остановившись, — уезжай отсюда. Иначе можешь нарваться.

И ему ничего иного как уехать, исчезнуть, не оставалось. Сердце его разрывалось от боли, но он был бессилён что-либо изменить. Он обманул доверие девочки, поверившей ему. И сам себя ненавидел за это.

Как он осмелился оставить свою малышку совсем одну?! С больным братом, которому требовалось срочное лечение! С грязным подонком Алексеем, который главенствовал в доме, где девочка жила! С опустившейся на дно матерью, которую нужно было забросить камнями за безответственность! Она не имела права называться матерью. Она матерью никогда и не была!

И он оставил ее там одну. Совсем одну, беззащитную крошку, совсем еще малышку. Как он посмел?!

Судьба была права, что рассчиталась с ним потом. Все правильно. Всегда нужно платить по счетам.

И он расплачивался.

Из Москвы он улетал с тяжелым сердцем и вязкой тоской, сдавившей грудь, а в Калининград прилетел с острым ощущением боли во всем теле. Особенно в душе, самой уязвимой точке его организма.

Антон отговаривал его лететь. Он негодовал, бесился, хлопал дверью, не желая ничего слушать, и каждый раз приводил все новые аргументы против того, чтобы отец привозил беспризорницу к ним в дом. Но Олег не слушал сына. Тот не понимал. Ничего не понимал так же, как и Андрей не понимал, что забрать Дашу не просто желание, не просто благотворительность или милость сошедшего с ума старика, это — необходимость. Ему это было необходимо. Ему нужно заботиться о ней, ухаживать, воспитывать, знать, что с ней все в порядке. Ему это так же необходимо, как когда-то необходимо было писать книги, чтобы выжить и не сойти с ума. Чтобы найти цель в жизни, чтобы было то, к чему бы он стремился.

Почему они этого не понимают? Почему даже не пытаются его понять? Откуда в них столько желчи и негодования? Андрей видел Дашу лишь раз, а Антон не видел ни разу! Почему же настроен против нее так категорично и так решительно?! Ей всего восемь, она совсем еще ребенок. Взрослый ребенок с проблемами взрослой женщины. Но, Боже, ведь это неправильно! Как такое может быть?! Почему Антон, которому вскоре стукнет девятнадцать, не может проявить хоть немного тепла к восьмилетней девочке?!

«Неужели я что-то упустил в его воспитании?» с горечью подумал Олег.

Не научил его состраданию и милосердию? Не научил ценить простые мелочи, такие, как детский смех и счастливая улыбка? Уделил так мало внимания тому, чтобы научить его быть заботливым?!

Но ничего, у него еще будет время, чтобы научить этому сына. Он поймет. Со временем

он поймет. Он научится любить Дашу так же, как и Олег полюбил ее. Ее невозможно не любить.

И Олег был уверен, что единственный шаг, который ему нужно было сделать, это отыскать Дашу и ее брата и забрать их с собой в Москву, а дальше дело будет за малым.

Всё наладится. Всё обязательно наладится, как только Даша будет рядом с ним.

Сейчас же нужно было всё взвесить, чтобы решать, что делать дальше. Он не мог сейчас опустить руки.

Его девочка, его малышка находится в лапах зверя, которого нарекли Алексеем, и в законных руках беспутной матери, имя которой нужно смешать с грязью. Что с ней? Где она? Что с Юркой? Он, наверное, так же болеет. Его срочно нужно направить в клинику!

Олег решил, что позаботится об этом! Он обязательно решит и этот вопрос. Как только он встретится с Дашей, как только вырвет ее из лап негодяя, он сделает всё для того, что она была счастлива. Всё для того, что у нее вновь появилось детство, так неосторожно, так грубо и подло у нее отнятое.

В Калининграде Олег остановился в той гостинице, в которой останавливался и в прошлый свой приезд. Позвонил сыну, сообщив, что долетел нормально, но в ответ услышал лишь недовольное сопение, уговоры скорее, пока еще не поздно, вернуться домой и не делать глупостей. Олег не стал его слушать, попросил передать привет Тамаре Ивановне, которой стало значительно лучше, и, попрощавшись, положил трубку.

Очень больно и горько осознавать, что твой единственный сын тебя не понимает! Не принимает твои затеи, считая их лишь «глупостями». Не хочет мириться с тем положением дел, которое для тебя вдруг оказывается безгранично важным. И не понимает, что тебе действительно нужно, что тебе просто необходимо, а что является лишь мишурой, фальшивкой, цветной красивой упаковкой бесценного подарка.

Почему Антон не может осознать, как важна для него Даша? Почему не принимает того факта, что обычная девочка с улицы вообще может кому-то быть важна? Но неужели он настолько честолюбив?!

Не хотелось думать об этом сейчас. Антон не примирится с идеей о том, что Даша станет неотъемлемой частью жизни его отца до тех пор, пока сам не познакомится с ней, пока не полюбит ее так же, как любит ее Олег. До тех пор, пока не поймет, что, помогая кому-то, не становишься слабым или беспомощным, но, наоборот, становишься еще более сильным, еще более ответственным и целеустремленным.

Олег верил, что осознание этой не прописанной истины вскоре настигнет и Антона.

Немного отдохнув, наскоро перекусив бутербродом и чашкой чая и пробыв в комнате не больше часа, Олег стремительно направился на площадь, надеясь встретить там Дашу.

Она ведь должна стоять и просить милостыню, как раньше. Алексей будет очень зол, если она этого не сделает. Да и нужно ведь ей припрятать что-то, чтобы купить Юрке лекарства! Она будет там. Обязательно.

Он, наконец, увидится со своей девочкой!

С предчувствием скорой встречи с Дашей Олег бросился на площадь едва ли не бегом. Он представлял себе, как она обрадуется, как бросится ему в объятия, будет смеяться, сверкая черными глазками. А он ей объяснит, почему уехал, не попрощавшись, почему обманул ее доверие, почему не сдержал обещание. И она поймет. Она ведь умная девочка у него, она обязательно все поймет. И простит его. Он верил в это, он надеялся... Даже если он сам себя никогда простить не сможет, главное, чтобы она простила его подлость.

Олег так верил, что увидится с ней на площади. Он так ждал ее. Он потирал руки в нетерпении и слушал бешеные удары сердца, когда, молниеносно сокращая расстояние, приближался к цели.

Но Даша не встретила его на площади. Его встретило горькое разочарование. И ощущение новой беды. Как и тогда, почти три месяца назад, когда вот так же, надеясь на встречу, он пришел к ее дому.

Какое ужасающее остротой чувство дежавю!

Олег до боли закусил губу и, заламывая руки, стал озираться по сторонам. Может быть, он ее просто не заметил? Хотя как такое могло бы произойти?! Он узнал бы вою кроху всегда и везде!

И когда до обеда она на своем прежнем месте так и не появилась, Олег понял, что что-то произошло. Он бродил с одной стороны площади до другой, скорыми шагами меряя расстояние, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть знакомый силуэт, но обманулся в своих ожиданиях.

Почти два часа провел он на площади и, уже потеряв надежду встретить Дашу здесь, стремительно направился к дому девочки.

Она должна быть здесь. Если не здесь, тогда где же тогда?! ГДЕ?!

Сердце колотилось в груди, отдаваясь во всех уголках тела болью, когда он на дрожащих, ставших вмиг ватными и непослушными, ногах продвигался к дому, в котором жила Даша.

«О Боже, дай силы пережить и этот кошмар тоже!» взмолился Олег, вглядываясь вдаль.

Воздуха стало катастрофически не хватать. Может быть, виноват жаркий май и палящее солнце? Или он так спешит, что даже дыхание сводит от быстрого бега? В горле встал горячий комок, а носом дышать он уже не может, а поэтому приоткрывает рот и, словно задыхаясь, жадно хватая ртом кислород.

И больно отчего-то, очень больно. Опять сердце... Что ж ты, проклятое, не прекратишь болеть?!

Он уже не просто бежит, он чувствует, что, постепенно ускоряясь, словно бы летит на крыльях. К ней. К своей девочке с глазами цвета агата. И чувствует. Ощущает. Уже совсем рядом. Пустоту. Несчастье. Беду...

Боже, только бы не опоздать! Только успеть вовремя!

Вот-вот, уже скоро, за поворотом! Олег молниеносно преодолевает это расстояние и... застывает, словно вкопанный. Предчувствие беды особенно остро режет по нервам, когда он затуманенными глазами смотрит на полуразваленный каменный дом и видит заколоченную досками дверь и закрытые ставнями окна.

Сердце рвется из груди. К ней. К ней! И Олег пытается его успокоить. Но не может.

«Неужели уехали?!» с ужасом подумал мужчина, подходя ближе к дому и разглядывая доски и ставни таким взглядом, словно не понимал, зачем они здесь нужны.

Уехали?! Не может этого быть. Как такое возможно?! Куда уехали? Зачем? Почему?!

В висках эхом отзывается боль, перед глазами мелькают мошки, а в груди непрерывно, с укором стучит сердце. Наверное, давление... У него давно уже с этим проблемы.

В бессилии он опирается руками о дверь, наклоняя голову вниз, дышит тяжело, стараясь прийти в себя.

Ему бы немного, совсем чуть-чуть отдохнуть. Только перевести дыхание...

— Вы кого-то ищите? — вдруг услышал он позади себя резкий женский голос.

Стремительно обернувшись, Олег уставился на невысокую женщину лет сорока, которая, уперев руки в бока, взирала на него с подозрением. Одета она легко, в цветастый сарафан и белые сандалии на ногах. На него смотрит грозно, недоверчиво пронзая взглядом каждый сантиметр тела.

Олег повернулся к ней лицом и смог лишь пробормотать через силу:

— А вы, простите?..

— Я соседка, — бесцеремонно перебила его женщина и подошла ближе, ничуть не смущаясь, рассматривая его с головы до пят, словно рентгеном пробегая по его одежде и останавливая взгляд на лице.

Олег постарался взять себя в руки. Соседка. Значит, может знать о том, куда делась Даша.

— Тут жили Ефремовы, — проговорил он, указывая на дом с пустыми окнами. — Вы не знаете, где они?

— Так уехали они, — пожала соседка плечами, все еще недоверчиво на него поглядывая.

— Как?! — воскликнул Олег, чувствуя бешеные удары сердца в грудь. — Куда уехали?!

— Так с месяц назад куда-то съехали, — сказала женщина, наклонив голову и прищурившись. — Мужик-то их, Алексей этот, подхватил девочку, женушку свою под руки, да и увез куда-то.

Мир стал медленно рушиться. Воздух начал отчаянно давить на легкие. Давление, проклятое давление!

Олег сделал нетвердый шаг вперед.

— А где они могут быть, — проговорил он, запинаясь. — Вы не знаете?

— Откуда же мне знать-то? — пожала плечами женщина, и грозно спросила: — А вы кто им будете?

Кто он им будет?.. А никто, пожалуй. Посторонний, чужой дядька...

И тут его словно ударило током, пронзило электрическим разрядом в двести двадцать вольт.

Он застыл, как вкопанный.

Подхватил девочку... подхватил девочку и женушку свою...

Не может быть... Не может быть, чтобы он опоздал! Боже, нет...

— Девочку?.. — вслух тихо выдохнул Олег, поднимая на соседку унылый взгляд. — Даша... была с ним?

— Ага, с ним, с ним, — закивала женщина.

— А мальчик? Юрка?.. — шепотом проговорил Олег, чувствуя, как грудь разрывается от бешеных биений сердца, грохотом отдававшихся в висках

Соседка взглянула на него с удивлением.

— Так умер мальчик, — ответила она, удивленная тем, что он не знал этого. — В начале апреля еще. Болел он сильно, вот его ангина гнойная и схватила. Дашка-то пока по соседям бегала, лекарства искала, братик ее да и помер, — женщина вдруг всплакнула, вытерла выступившие на щеке слезы рукой. — Жалко ее как было, когда она на гроб кидалась да плакала все время. Она-то девочка сильная, никогда я ее плачущей не видела, а в тот день ее словно прорвало. Все ревела и ревела, — скорбное выражение лица вмиг сменилось гневным, и женщина продолжила: — Да только черт этот поганый, Алексей, за руку ее схватил да в дом увел. Даже не дал по-человечески с братом родным попрощаться...

Умер мальчик... В начале апреля умер... Юрка.

А как же Даша? Что стало с его маленькой девочкой?!

Он всё же опоздал. Безнадёжно, безбожно опоздал. Простит ли Даша ему это когда-нибудь?!

В переносице защипало, и Олег, чувствуя, что слезы вот-вот коснутся уголков глаз, зажмурился.

— А кто может знать, где они сейчас? — сухим голосом поинтересовался он у соседки.

— А вы кто им будете, что так интересуетесь? — вновь с подозрением спросила та. — Я вас здесь что-то не видела ни разу. Ходят тут всякие, — окинула она его колким взглядом, — спрашивают о чем ни попадя, а потом смотришь, уже в телевизоре тебя показывают, — резко выдала она. — Вы кто будете Ефремовым?

— Я... родственник, дальний. Со стороны отца Даши, — пробормотал мужчина, мгновенно придумав ложь.

Поджав губы, Олег лишь надеялся на то, что женщина не станет ни о чем его расспрашивать.

— А, вон оно что, — видимо, поверила соседка. — А где ж вы раньше были, когда над детьми так издевались?

А где были вы, видя, что творится вокруг и молча стоя в стороне?!

Олег сделал шаг вперед, прямо глядя на женщину.

— Я недавно узнал о том, что Даша и... Юрка остались без отца.

— Ну, об отце их я ничего сказать не могу, не знала я его, — сказала соседка, гордо вскинув голову. — А вот о матери много чего можно сказать. Мамаша из нее никакая. Не заботилась о детях совсем! А муженек ее, Алексей этот, та еще, между нами говоря, сволота! Как он над Дашей измывался-то, Боже мой! Юрке-то меньше доставалось, он веде маленький еще, да и сестра его прикроет, бывало, вот Дашке и доставалось от него. Я ее с синяками часто видела, да. Алексей ее бил, я это точно знаю, а мать ни разу за дочку и не заступилась, небось! Тьфу, как только земля таких матерей-то носит!? — сплюнула женщина и чертыхнулась в голос. — М-да... А муж ее тот еще подонок, это я вам, как есть, говорю! — грустно выдала она. — А что же вы раньше не приехали-то?

Олег досадливо поморщился.

— Так, говорю же, не знал я, что дети без отца остались. Я бы обязательно приехал... если бы знал.

Соседка, имени которой Олег так и не узнал, кивнула, словно соглашаясь с ним.

— Ясно. Дашка-то даже в школу не ходила, не знаете, наверное? — она бросила она него быстрый взгляд. — Не знаю, что там да как, но мне баба Катя, — была тут у нас одна бабушка, умерла, к сожалению, царство ей небесное, — так вот она как сильно Дашу-то любила! Так сильно любила, прям как внучку родную. У нее-то своих детей и внуков не было, вот она Дашку внученькой своей да величала. Так вот она мне по секрету сказала, что хотела девочку в школу отправить, говорит, что, мол, пора ей уже, но к ней гад этот, Алексей, пришел да приказал, чтобы она в их дела не вмешивалась, девочку в покое оставила, и к Даше чтоб больше не подходила, — женщина шмыгнула носом. — А она скоро и скончалась... Хорошая была бабушка, добрая.

Олег помолчал немного, грустно глядя в пространство, а потом спросил:

— Кто может мне помочь найти ее?

— Дашу-то? Этого не знаю, — ответила соседка, а потом, задумавшись, пробормотала:

— А вообще... Есть у нас в городе один человек, он может раздобыть сведения, — она уставила в него прямым взглядом, разглядывая дорогую одежду. — Только сами понимаете, не бесплатно всё это будет.

Олег с надеждой посмотрел ей в глаза.

— Можете сказать, как мне его найти?

Женщина пожала плечами.

— Конечно...

«Человечком», который может раздобыть сведения, оказался паренек, которому на вид Олег мог дать лет шестнадцать-семнадцать. Высокий и худой, щупленький, с темно-русыми, почти полностью сбритыми волосами. Назвался он Дамоном, но Олега просил называть его просто Пашкой. Олегу хотелось бы узнать, почему именно Дамоном, и откуда он вообще это имя выдумал, но не стал интересоваться.

Он нашел его на старом складе, где раньше хранили пищевые продукты, и где сейчас обосновалась шайка воришек и вот таких следопытов, каким был и Пашка. Сырое, довольно-таки мрачное помещение с обшарпанными стенами и железными дверьми, которые отвратительно скрипели при каждом открытии и закрытии. Повсюду валялись деревянные ящики и прочая утварь, которую Олег мысленно нарек хламом.

Оглядываясь по сторонам, Олег про себя решил, что это место очень похоже на подвал. Или подземелье. Страшное и гадкое. Совершенно отвратительное.

Дамон, или просто Пашка, провел его внутрь и предложил присесть на один из деревянных ящичков, который, по всей видимости являлся стулом.

Олег посчитал оскорбительным отказаться и послушно присел.

Пашка одобрительно хмыкнул, дрогнули усмешкой его губы, сверкнули огоньками непонятого цвета глаза. А потом он заговорил, и Олег понял, что попал точно по адресу.

Паренек глупым не был, наоборот, это был очень умный мальчик. А еще он был очень юрким, скорым в передвижении и целеустремленным. Отчего-то профессор Вересов был уверен, что Пашка, если ставил себе какую-то цель, всегда ее достигал. О средствах ее достижения думать не хотелось, да и не касалось это его, поэтому Олег, удобнее усевшись на ящичке, посмотрел на парня в упор.

Тот, в свою очередь, пристально смотрел на посетителя, изучая.

— И чего вы от меня хотите? — спросил он, скрестив руки на груди и глядя на Олега сверху вниз. Сам он рядом с гостем не присел, оставшись стоять около стены.

Олег прокашлялся, а потом посмотрел на Пашку с надеждой.

— Мне... нужно кое-кого разыскать. Мне сказали, что ты можешь, что на тебя можно положиться...

Губы мальчика вновь иронично изогнулись.

— Ну, давайте поглядим, кого именно вы хотите разыскать, — кивнул он. — Может, я и смогу чем помочь.

Олег вспотевшими вмиг пальцами потянулся к карману кофты и достал оттуда скомканный листок. С именем и фамилией Даши.

— Вот, — проговорил он дрожащим голосом. — Ефремова Даша. Фотографии у меня, к сожалению, нет...

— Да не беда, — глядя на листок, проговорил Паша. — Она откуда? Из Калининграда?

— Она жила здесь некоторое время, а сейчас... уехала.

— М-да, — задумался парень, сжимая листок в руках. — Предупреждаю сразу: если она все еще в городе, я ее найду, если же уехала, я умываю руки. Искать человека вне города я не стану, это дело бесполезное. Но в любом случае, при любом раскладе деньги остаются при мне, — оторвавшись от листка, парень пронзил мужчину острым взглядом. — Согласны?

Разве у него был выбор?.. Олег согласно кивнул.

— Да, согласен. Только мне бы... поскорее все это. Если можно...

— Что, так нужно ее найти? — сочувственно спросил паренек, и Олег стремительно опустил глаза вниз. — Ладно, постараюсь управиться дня за четыре, — сказал Пашка. — Подключу кое-кого, если что. Но дороже выйдет, — предупредил он тут же.

— За ценой дело не встанет, — мгновенно отреагировал мужчина. — Ты главное найди ее... пожалуйста.

— Найду, не беспокойтесь, — сверкнул парень белозубой улыбкой. — Если в городе потеряется президент Ельцин, я и его разыщу. На всякий случай. Вдруг кому пригодится?..

Олег грустно улыбнулся этой шутке, но смешно ему не было.

Он жаждал лишь одного: поскорее увидеться с Дашей и увезти ее с собой.

Пашка был профессионалом своего дела, если так можно было выразиться. Он связался с Олегом уже на второй день поисков. Нашел. Узнал. Новости не самые утешающие. Олег тут же примчался к нему.

— Ну, что там? — встревоженно, с беспокойством в голосе воскликнул мужчина. — Нашел? Нашел ее?

Пашка указал ему на «стул», вынуждая присесть, и Олег, как и в первый раз, повиновался.

— Да вы присядьте, присядьте, — проговорил мальчик, сжимая в руках какой-то листок.

— Ты мне скажи, ты ее нашел?! — настойчиво переспросил Олег, желая услышать ответ немедленно.

— Да нашел, нашел, я же вам сообщил! — с досадой воскликнул парень и протянул мужчине листок. — Вот. Ваша Даша находится там, — указал он на адрес и брезгливо поморщился. — А вот сюда, — он спустился вниз по листку, — ее хотят... отдать.

Ничего не понимая, Олег уставился на листок, зажатый в своей дрожащей руке.

— Это что такое?.. — шепотом проговорил он, расширившимися от ужаса глазами глядя на адрес. — Что это, Паша? — спросил он парня, поднимая на него неуверенный взгляд.

— Ну, как вам сказать покрасивее? — скривился он.. — Это типа наш местный центр детской порнографии.

— Что-о?!

Олег почувствовал, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Да ладно, только не говорите, что не знали об этом, — отмахнулся Пашка. — Все знают, только молчать предпочитают, чтобы не нарваться на проблемы. Проблемы-то никому не нужны, сами понимаете.

— Но... как такое возможно?.. — одними губами прошептал Олег. — Как такое может быть?..

— Да как, как. Легко! Город наш портовый, да и находится где, в анклав?.. Москва-то далеко! Вот здесь беспредела много и творится. На это просто глаза предпочитают закрывать. Чтобы не нарваться.

— И что, Даша...?

— Говорят, ее продать хотят, — словно читая мысли Олега, сказал Дамон.

— Как... продать?.. — поперхнувшись, выдавил мужчина. — Как продать?! Она живой человек! Ее не могут продать!

— Так мать алкоголичка, видно, вот и заработать на этом решила, — равнодушно заявил Паша. — Они там ей штуку зеленых кинут, она и рада стараться ради такого дела. На девчонку свою ей, видимо, плевать. Да и документов на нее, наверное, нет. Нет документов, нет человека. А нет человека, — паренек развел руками, — нет проблем.

— А куда милиция смотрит?! — возмущенно вскричал Олег. — Если такой беспредел творится, нужно расс...

Парень рассмеялся, заставив Олега замолчать.

— Вы так говорите, словно это можно просто так взять и пресечь. Не смешите меня. Такие дела за один раз не решаются, и не вам сюда лезть, поверьте мне, — парень наклонил голову набок. — Хотите спасти девчонку, лучше поторопитесь, пока ее не поставили под камеру, вот и все, что вы можете сделать хорошего, — Пашка кивнул на листок, который передал Вересову. — Я вам там кинул адресок, где она сейчас живет. Лучше вам поторопиться.

— Спасибо, — едва выдохнул Олег, озадаченный и ошеломленный, все еще не придя в себя.

На лице парня расплылась широченная улыбка.

— За хорошие деньги, рад стараться, — он оттолкнулся от стены и взмахнул рукой. — Ладно, дядь, если буду нужен, вы знаете, где меня найти.

Олег кивнул, так толком и не осознав, что сказал ему Паша.

Как родная мать могла пойти на такое?! Как, черт побери, она могла продать своего ребенка?!

В голове не укладывалось, что такое может происходить в конце двадцатого века. Продажа детей. У собственных родителей. О Боже, не просто каких-то детей... а Дашки, егс Дашеньки!

Олег тяжело вздохнул, перед глазами замелькали огоньки. Холодными пальцами сжал листок с адресом и уставился в него, с трудом различая буквы.

Дашенька, его дорогая девочка. Как же он мог допустить такое?! Как он посмел оставить ее наедине с этими ужасными людьми?! Он чуть не погубил свою любимую девочку! Чуть было не погубил. Если бы он опоздал хоть на один день, какие-то двадцать четыре часа...

Боже, страшно подумать, что он мог ТАК опоздать! А сейчас?..

Олег дернулся, как от удара, вскинул голову вверх.

Что же он сидит тут и терзается виной, когда его малышка там, в лапах этих нелюдей!? Нужно бежать, спешить к ней, за ней, скорее, скорее.

Он сорвался с места так быстро, что в глазах помутилось, и обратился к Пашке.

— Паша, а ты можешь отвести меня... сюда? — указал мужчина на адрес.

Парень, засунув руки в карманы потрепанных джинсов, пожал плечами.

— Могу.

— Тогда пойдём! Сейчас же, немедленно! — вскричал Олег и бросился к выходу.

Пашка, не спеша, последовал за ним.

— Дядь, — крикнул он, — вы это... денег с собой возьмите. Такие люди разговаривают на языке денег.

Олег кивнул, не совсем понимая, о чем ему говорит парень, у него в голосе билась лишь одна мысль: скорее найти Дашу, не опоздать, прижать ее к себе и знать, что весь ужас уже позади. И для нее, и для него.

До места, где находилась Даша, они добирались сорок пять минут. Олег запомнил, потому что то и дело поглядывал на часы, спрашивая у своего «проводника», скоро ли они придут.

Пашка почти не смотрел в его сторону и всегда отмахивался, будто желая, чтобы к нему не приставали с подобными расспросами. А когда они, петляя по улочкам и переулкам, все же вышли в небольшой дворик, парень указал Олегу на деревянный двухэтажный барак.

— Это там. Дальше я умываю руки, — сказал он и повернулся к Олегу спиной. — Удачи!

Мужчина в нерешительности застыл на месте, блеклым взглядом провожая Пашку, а потом тяжело вздохнул. Дыхание участилось, и он вновь почувствовал боль в области сердца. Что же ты не успокоишься, противное!?

Олег двинулся вперед, сжимая руки в кулаки и оглядываясь по сторонам.

Странно, но на улице не было ни одной живой души. Не играли дети, не сидели бабульки на лавочках, старички не играли в домино или шашки. Совершенно пустой, серый, мрачный дворик.

Подойдя к двери барака, Олег, неуверенно остановившись, толкнул ту на себя и вошел внутрь.

Его тут же обдало удушливым, спертым воздухом и смрадом, и профессор поморщился, прикрывая лицо рукой. Тяжело вздохнув сквозь стиснутые зубы, он решительно двинулся вдоль по коридору.

Одна дверь, вторая, третья... Четвертая. Остановился. Бросил быстрый взгляд на листок, замер. Здесь.

Несколько мгновений собирался с силами, а потом постучал; после немого молчания повторил попытку.

Он не уйдет отсюда без Даши! Если будет нужно, он останется здесь до вечера, до следующего утра, он будет ждать, сколько нужно, но отсюда уйдет лишь со своей маленькой девочкой!

За деревянной дверью послышались шаги и громкий мат. Алексей. Олег узнал его голос.

— Кого там черти принесли, бл***!? Поубиваю всех на х**!

Олег стиснул зубы и напрягся в ожидании встречи с этим мерзавцем.

— Ну, я вам сейчас, бл***, задницы надеру, с**и! — послышался вновь его голос.

И дверь резко отворилась. На пороге, одетый в спортивные штаны и белую майку, застыл слегка помятый мужчина. От него несло перегаром и сигаретами, на лице застыло выражение крайнего изумления, даже брови подскочили вверх, а потом он вдруг широко улыбнулся, сверкая пожелтевшими зубами.

— О! Кого я вижу! — воскликнул он, разводя руки в стороны. — Наши старые знакомые! Не ожидал...

Олег застыл на месте, не решаясь сделать шаг вперед.

— Ты что тут делаешь, мужик? — мгновенно изменившись в лице, грозно спросил Алексей. — Тебя сюда не приглашали! Ты что, не уяснил в прошлый раз, что тебя здесь не хотят видеть!? Повторить?!

— Сколько ты хочешь? — с непроницаемым лицом спросил Олег, глядя ему в глаза и не

обращая внимания на пустые угрозы.

Тот дернулся, подался немного назад, шокированный.

— Чего?..

— Сколько ты хочешь за Дашу? — разъяснил Олег, сузив глаза и нахмурившись.

Тот опешил, а потом нагло усмехнулся, осознав, вероятно, о чем идет речь. Губы его растянулись в широченной улыбке. Он расхохотался.

— Ах, вот оно что! Ты за Дашкой, что ли, приперся?! — он вновь расхохотался, затрясая всем телом. — Так ты опоздал, мужик, — совершенно серьезно сказал он, пронзая Олега животным взглядом светло-карих глаз.

Олег двинулся на него, нависая над подонком стеной и не отрывая взгляд от его лица.

— Никогда не бывает слишком поздно, — настойчиво выговорил он сквозь зубы, делая вперед шаг за шагом. — Поэтому я повторяю свой вопрос: сколько ты хочешь за Дашу?

Алексей стал отступать. Не сказать, что он испугался такого неожиданного напора, такие люди ничего не боятся, но он вдруг вздрогнул, прищурился, гордо вздернул голову вверх.

— Что, так зацепила девчонка? — ехидно спросил он, а потом, нагло ухмыльнувшись, выдавил: — А она не продается, усек? С чего ты вообще взял, что я хочу..?

— Ну, ты же собираешься продать ее, — с нажимом, почти без эмоций возразил Олег, сдерживаясь, чтобы не ударить негодяя. — Тебе на нее плевать, главное, что ты от этого получишь, — он почти прижал Алексея к стене, испепеляя взглядом. — Вот я и спрашиваю, сколько ты хочешь за нее получить?!

Раздосадованный, Алексей помрачнел, резко сплюнул и сделал шаг к Олегу.

— Ну, и что я получу, если отдам девчонку тебе? — спросил он. — Сколько ты готов мне отвалиться?

— Сколько ты хочешь?

Мужчина наигранно равнодушно пожал плечами, широко улыбнулся, уверенный в себе.

— Ну, мне предложили три штуки. Долларов, конечно же, — растягивая слова, выговорил он, нагло глядя на нежданного гостя. — Понравилась им Дашка, талант у нее, говорят.

Олег сжал руки в кулаки и стиснул зубы, стараясь сдержаться. На скулах заходили желваки.

— Сколько?..

— Дашь мне четыре, и мы договоримся, — с издевкой выдал Алексей, уверенный в том, что Олег откажется.

Но профессор Вересов пришел сюда не для того, чтобы отступить у самого финиша.

Смерив Алексея пренебрежительным взглядом, исполосовавшим мерзавца с головы до пят, Олег достал из кармана пиджака толстый увесистый конверт и протянул его мужчине.

— Вот бóльшая часть, остальное будет вечером, — с непроницаемым лицом сказал он и невозмутимо добавил: — А теперь я хочу видеть Дашу. Сейчас же!

Дневник. Запись третья

«Из дневника Олега Вересова»

Запись от 18 июля 2001 года

Наверное, я никогда не забуду ее взгляд. Ее тот самый первый взгляд после почти трех месяцев разлуки.

Сколько было в нем неверия, боязни, осуждения, упрека, — того немного упрека, который она никогда не высказала словом. Она никогда, никогда не упрекнула меня вслух. Но я всегда словно чувствовал, что она может сделать это. Чувствовал и боялся. Как же я боялся!

Я никогда не забуду тот день. Никогда. Вот уже почти три года прошло, а я до сих пор помню каждое мгновение, пережитое тогда. Словно перематывая киноленту, я вновь и вновь возвращался в тот день, в тот час, в ту темную, тусклую комнату, освещенную лишь настольной лампой, помню содранные со стен обои и дощатый пол. И вижу ее, удрученно стоящую в углу. Низко опустив голову и скрестив руки за спиной, она словно бы плакала, посапывая и шмыгая носом, и мне казалось, я слышал, как заскрежетали зубы от злости и едва сдерживаемой ярости на того ублюдка, что стоял тогда за моей спиной.

Наверное, если бы Бог дал мне больше времени провести на этой земле, я бы и тогда помнил каждый вздох, каждый взгляд, каждый шорох. Каждое биение сердца, словно застывшего в тот миг, а потом несущегося вскачь, я помнил с исключительной точностью.

Бывают в жизни такие моменты, когда память противится и специально, вновь и вновь толкает тебя в бездну прошлого, и напоминает, напоминает, словно камень точит каплей дождя, и не позволяет забыть, возвращает в ту роковую минуту, которую хочется поскорее вычеркнуть из своей жизни. И не получается. Не выходит. Словно нарочно. Как по замкнутому кругу, блуждая по одной и той же траектории, ты опять возвращаешься туда, откуда начался отчет. И чем больше ты хочешь забыть, тем отчетливее помнишь каждую деталь, чем яростнее твое сопротивление, тем жестче твои воспоминания. Все больнее. Очень больно...

Ты чувствуешь себя виноватым, и боль пронзает тупым ножом. И режет, режет, режет, кромсает на кусочки, не щадит и не жалеет.

Вот уже почти три года воспоминания режут меня на части.

А Даша... Моя девочка, моя крошка! Неужели Бог смиловался надо мной?! И она простила меня!?

Простила. Я знал. Я чувствовал.

Дашенька... Моя маленькая девочка.

Когда Алексей привел меня к ней, я думал, что расплачусь там, в этом сыром, сером, подвальном помещении. Прямо перед ним. И плевать, что обо мне может подумать этот ублюдок. Мне, действительно, было все равно. Засмеется? Воля его. Будет паясничать и насмехаться? И что с того?! Я был уверен, что если он хотя бы рот откроет, я не сдержусь и, схватив его за грудки, вытряхну из него душу. Я и так долго сдерживался, чтобы при виде потрепанной, испуганной, смотрящей волком Дашеньки, сдерживаться еще и в том, чтобы не расквасить ему физиономию! За то, что сделал. За то, что он чуть было не сотворил с моей

малышкой! Мне хотелось его убить!

И я бы убил, наверное. Если бы смог. Но я, к сожалению, не мог...

Когда я, словно обезумевший, кинулся к девочке, стиснул в объятьях, прижимая к себе хрупкое тельце, и, разглядывая перепачканное личико с дрожащими губами и подрагивающим подбородком, с огромными обиженными, все понимающими черными глазками на нем, я думал, что сойду с ума.

О, эти глаза! Они словно рвали меня живьем! Сколько чувств, эмоций, ощущений было в них!

О, этот взгляд! Он словно выбил почву у меня под ногами, лишая воздуха, чувства, ощущения.

Я молчал, я очень долго молчал, не в силах вымолвить ни слова. Просто не знал, что сказать...

И она тоже молчала. Сначала даже попятилась от меня, попыталась отвернуться, вырваться, но я ей не позволил, и она осталась со мной, прижатой к моей широкой груди.

Она мне не верила. Она мне БОЛЬШЕ НЕ ВЕРИЛА! И ее молчание говорило красноречиво и дерзко.

То молчание... О Боже, оно резало и кромсало похлеще любых слов! Которые она так и не произнесла...

Боже, какой трепещущий, душещипательный, раздирающий в клочья момент!

Мне кажется, что я даже дышать перестал, настолько спертым, густым и тугим стал воздух, он словно оседал в моих легких вязкой, свинцовой тяжестью, разъедающей мою душу и тело.

Бывают такие моменты в жизни, когда не можешь вдохнуть или выдохнуть. Боишься, забываешь, просто не можешь заставить себя сделать спасительный вдох?! И ты начинаешь задыхаться.

Я почти задыхался тогда. От этого выразительного, обвиняющего, не верящего мне взгляда черных глаз. От безропотного, усталого, машинального подчинения ее тела моим словам и действиям.

Будто куколка! Ни чувств, ни эмоций, ни прежнего огня глаз, ни былого задора. Прямой, внимательный, умный, пустой и... словно бы равнодушный взгляд. Обвиняющий взгляд!

Никогда не забуду мига, когда я, заметив на оголенном участке бледной кожи бордово-синие гематомы с запекшейся кровью, чуть не прибил ублюдка, стоящего за моей спиной, на месте! Руки сжались в кулаки, я как сейчас помню это. И еще сдерживаю себя, чтобы не сорваться, ради нее, чтобы не сорваться. Нельзя. Нельзя! Нужно держаться. Увести Дашеньку в безопасное место, туда, где ни этот подонок, ни Дашина мать, не смогут ее найти. Краешком воспаленного сознания, ставшего вмиг оголенным нервом, я понимал, что нужно уходить, и, подхватил Дашеньку за руку, повел за собой. Со слепой уверенностью в том, что никогда больше ее не оставлю.

И я держал свое слово. Три года. Почти... три года я держал данное себе слово.

Три года — это много или мало?.. Как измерять данное пространственное расстояние?

Я так надеялся, рассчитывал, так верил в то, что мне будет отведено больше времени, чтобы исправить свои ошибки. Мне так хотелось верить в то, что все еще возможно. Что врач ошибся, что диагноз оказался неверным, что это просто нелепая, глупая шутка кого-то свыше.

Мне так хотелось бы сказать ей, что я ее никогда не покину, и не обманывать, не лгать,

быть уверенным в том, что я буду рядом всегда, когда бы ей не понадобилась моя помощь. Но...

Разве могу я лгать ей? Не могу. Поэтому я просто не говорю ей всей правды. Когда она спрашивает о моем самочувствии, я вынуждаю себя не чувствовать боль, и не чувствую ее.

Я и Антону ничего не говорю. Он давно уже живет своей жизнью. Он сделал свой выбор. Как и я, когда-то сделал свой.

Я уже не утруждаю себя разговорами, пустыми и совершенно бесполезными. Я думаю о том, что станет с моей девочкой, когда меня не будет рядом с ней. Кто ей поможет в трудную минуту, кто подскажет советом, к кому она обратится, когда ей потребуется отцовское наставление?!

Будет ли рядом с ней кто-то, кому она станет так же не безразлична, как и мне!?

Я много думаю об этом. Очень много. Мысли кружатся в моей голове, терзая сознание, но на ум пока ничего так и не приходит.

Моя крошка, такая сильная, такая отчаянная. Всегда такая стойкая к ударам, такая невозмутимая и все терпящая!.. Я горжусь ею. Горжусь моей маленькой девочкой!

Но сможет ли она перенести еще один удар судьбы?!

Она же так много пережила, так много... Столько испытаний на ее хрупкие плечи за столь короткое время! Кажется, еще совсем недавно она пережила потерю брата, родного, близкого, самого дорогого для нее человека, и тут... Вновь, опять в преддверии очередной утраты, нового удара!

Как она справится с этим?!

Справедливость?.. Какая, к черту, справедливость?! Нет справедливости!

А воспоминания все кружатся во мне бешеным ураганным ветром, погружая в пучину памяти, по закоулкам которой у меня уже нет сил ходить.

Но что воспоминания?.. Они пройдут, исчезнут, претворятся в пепел, как только меня не станет.

А Дашенька, моя крошка... она останется. Одна. Совсем одна. Как же она?.. Без меня?!

Боже, помоги!..

7 глава

Всё закончилось. Так же быстро, как и началось.

Прижимая к себе худенькое детское тельце, он, тем не менее, все еще не мог поверить тому, что все позади. Оставался какой-то гадкий, скользкий осадок в груди, коробящий сердце молоточек то и дело барабанил в висках, словно предупреждая о чем-то, и Олег предпочел довериться голосу сердца.

Да, всё, действительно, было позади. Но он не верил Алексею, который оказался ублюдком, каких еще поискать нужно, не верил матери Даши, которая опустила до того, что продала родного ребенка! Он не верил никому. Но самым главным для него было то, что Даша была с ним, а, значит, была в безопасности.

Он держал ее за руку, крепко сжимая маленькую ладошку, успокаивал, нашептывая какие-то глупости в волосы, смотрел на то, как она, боязливо и неуверенно поднимала на него краткий взгляд исподлобья, когда думала, что он этого не видит. И даже с этим взглядом он мог смириться, когда она была рядом.

Главное, что с ней ничего не случилось, она цела и невредима. Он успел, он не опоздал!

Но принять тот факт, что она пережила кошмар наяву, побывала в аду, пока он был в Москве, не оставляла его ни на минуту. И он не мог примириться с мыслью, что его девочка пережила за эти месяцы. Он боялся спрашивать ее об этом, он об этом почти не упоминал, стараясь не напоминать о прошлом. Но мужчина видел, что Даша помнит всё до мельчайших подробностей. Наверное, она и не догадывалась, что именно хотели с ней сделать, и Олег мысленно возблагодарил за это Бога. Она не будет вспоминать о том, что чуть не оказалась проданной собственной матерью, но тягучий страх, жесткая скованность и несвобода, ярые унижения, побои и незаслуженные наказания... Разве можно все это стереть из памяти восьмилетнего ребенка?! Сколько должно пройти времени, чтобы забыть это?! И хватит на это всей жизни?!

Олег отчаянно хотел верить в то, что сможет залечить эти гноящиеся раны, эти кровоточащие нарывы, но очень сомневался в том, что когда-нибудь сам забудет о том, какую роковую ошибку едва не совершил.

Из Калининграда они вылетели рано утром, а потому в самолете Даша спала, свернувшись калачиком в кресле. Олег, обняв девочку за плечи, с беспокойством и тревожностью смотрел на то, как подергивается ее щека, как подрагивают ресницы, как губы, словно желая что-то сказать, приоткрываются и шепчут что-то, шепчут осторожно, боязливо, а потом... зовут. Юрку зовут. Снова и снова... И, не получив отклика, она рыдает, громко, навзрыд, кричит, бьется. И снова зовет брата.

Это продолжалось на протяжении всех тех ночей, что они провели в гостинице в Калининграде, когда ждали оформления документов. И каждый раз при виде этой картины сердце Олега разрывалось от боли и обливалось кровью. Он не мог спокойно, с равнодушием обывателя и обычного зрителя смотреть на то, что творилось с его девочкой. Он сиюминутно подсакивал к ней, обнимал за плечи, гладил по волосам, целовал заплаканное личико, мокрые щечки, шептал слова утешения и успокаивал. Даша, пусть и не

сразу, но успокаивалась, уткнувшись в его широкую грудь, засыпала в его объятьях и больше не кричала.

Но все равно, вновь и вновь, когда просыпался от детского плача, он винил себя в том, что произошло.

Как он мог допустить подобный беспредел?! Он чуть не опоздал!

Ему и самому хотелось плакать, хотелось кричать от боли. За нее, за себя. Ему хотелось искупить свою вину, но он не знал, как именно. Он бы все сделал для того, чтобы она забыла о тех трех месяцах, в течение которых испытала так много зла и подлости со стороны подонка и преступницы. Он хотел бы залечить ее раны и стереть из памяти жесткие моменты того прошлого, которого у нее быть не должно было. Не у его маленькой девочки, не у ребенка восьми лет! Но он был бессилён что-либо сделать, потому так негодовал.

Он не спрашивал Дашу о том, что случилось, и она не говорила об этом.

Она вообще не разговаривала с ним. С того дня, как он нашел ее и смог, наконец, обнять хрупкое тельце, Даша почти всегда молчала. Она сказала ему всего несколько слов, коротких, острых, безучастных, словно бы равнодушных, и они резали его тело, подобно сотням остро наточенных саблей.

Он не винил ее за это колкое молчание, он понимал, что заслужил его. Это был протест, это был упрек и обвинение. Это был ее детский суд над ним. И этот суд карал, срубая с плеча, горячо, резко, безжалостно. Но он и сам подставлял голову на алтарь собственной вины. Он заслужил. Он не сдержал обещание. Он виноват и должен понести наказание. Он надеялся лишь, что детское сердечко способно будет простить его, довериться ему вновь и понять. Когда-нибудь. Он не торопил ее. Он просто желал, чтобы такой день однажды настал. Он верил, он надеялся. Он будет ждать, сколько нужно, и дождетя.

Вывести Дашу из Калининграда без согласия родителей было нельзя, и Олегу пришлось обращаться в социальные службы и инстанции, органы опеки и попечительства, чтобы уладить все формальности и взять Дашу под свою опеку официально. Ему это удалось, хотя и не сразу.

В Калининграде им пришлось задержаться на более долгий срок, чем он рассчитывал, но когда они, наконец, взобрались по трапу в самолет, и тот взлетел, мужчина ощутил опустошающее облегчение.

Даша проспала почти все время перелета, и, когда они пошли на посадку, Олегу пришлось ее разбудить. Он наклонился к ней, легонько тронул девочку за плечо, и, к его удивлению, она тут же распахнула глаза и уставилась на него. Озадаченно, немного удивленно, испуганно и напряженно.

Олег мысленно отругал себя. Нельзя с ней так резко. Не после того, что она пережила! Не после того, как она вздрагивала по ночам, боясь, что за ней придут, и почти не спала из-за этого!

Отругав себя, Олег заставил себя улыбнуться, ощущая, что улыбка дается ему с трудом.

— Мы уже подлетаем к Москве, Дашенька, — мягко проговорил мужчина, погладив девочку по щеке и заправив за ушко выбившуюся из косички прядь. — Ты проспала немного?

Даша кивнула, не проронив ни слова, и стремительно села в кресле, отвернувшись к иллюминатору.

— Вот и хорошо, — пробормотал профессор Вересов взволнованно. — Умничка моя.

Олег сглотнул и горько улыбнулся, поджав губы.

Ему не следовало надеяться, что она простит его так быстро. Всего несколько дней они

оставались в Калининграде, когда он, используя все свои связи, и подключая всех, кто мог помочь, восстанавливал Даше документы и оформлял опеку над девочкой на свое имя. Даша все это время оставалась замкнутой, грустной, напряженной. Всегда — напряженной, и Олег это чувствовал. Даже когда спала, она все равно словно ждала опасности и не позволяла себе расслабиться полностью. Боялась. По-прежнему боялась.

И Олег понимал, что в этом есть часть его вины.

Заходя ночами в ее комнату, чтобы выключить свет, который она всегда оставляла включенным, он долго разглядывал черты ее лица, смотрел на подрагивающие ресницы и что-то шепчущие губы, гладил по голове, словно утешая, и оставался с ней почти до утра, не решаясь, боясь оставлять ее даже здесь одну.

Он решил для себя, что никогда больше ее не оставит. Он будет с ней. Всегда, что бы ни случилось.

Слишком большую, просто громадную ошибку он совершил, когда уехал в Москву три месяца назад, оставив свою маленькую беззащитную девочку в том холодном, одиноком марте. Покинул ее, хотя обещал никогда не бросать, всегда быть с ней, обещал ей помочь. Спасти Юрку... Не смог. Не успел. Обманул. Ее доверие обманул. Сможет ли теперь вернуть его? После того, что было? После того, что эта крошка пережила? Потеряла брата, которого так отчаянно любила, которому принадлежала ее жизнь, которого клялась беречь! Разве есть для него оправдание сейчас, когда боль пронзает ее изнутри острыми ножами? Разве есть для него прощение в этом мире?! Сможет ли она простить его? И сможет ли он когда-нибудь простить самого себя?!

Поглаживая ее по щекам и стирая застывшие следы слез под глазами, Олег уходил к себе с тяжелым сердцем, надеясь и молясь о том, что Даша найдет в себе силы его понять. Может быть, когда-нибудь...

Они вылетели из Калининграда, как только все формальности были улажены. Олегу пришлось соврать, что Даша беспризорница, что родители ее погибли в автокатастрофе, и что ближайших родственников у нее нет, и когда он получил документ, удостоверяющий его в том, что Даша теперь официально находится под его опекой, он смог приобрести билеты в Москву и отправиться со своей девочкой домой.

Когда они пошли на посадку, Даша впервые посмотрела на него, не отводя глаз. Он хотел улыбнуться ей, но так и не осмелился, боясь увидеть былое равнодушие и горькое осуждение в ее глазах в ответ на свою улыбку. И девочка вскоре вновь отвернулась к иллюминатору, грустно поджав губы и сдвинув брови.

Как только самолет приземлился, Олег подхватил девочку за руку и направился к выходу. Не без удовольствия и щемящей радости в сердце он почувствовал, что Даша сцепилась в его ладонь так сильно и так крепко, словно боялась отпустить ее.

Краем глаза наблюдая за ней, Олег отметил, что она осматривается по сторонам, испуганными и широко раскрытыми глазами провожая спешащих им навстречу людей, попеременно оглядывается назад, опасаясь увидеть кого-то за спиной, и все крепче, отчаяннее сжимает маленькой вспотевшей ладошкой его широкую большую ладонь. И все смотрит, смотрит, смотрит. Словно высматривает кого-то, словно ищет подвох, словно не понимает, где оказалась. Будто боится, что ее сейчас оставят одну среди всеобщей неугомной шумихи, волокиты, толкотни. Вновь одну среди безразличных друг к другу, спешащих куда-то по своим делам со своими проблемами людей. Людей, которым не будет до нее никакого дела, если она вдруг останется одна. Таких же безразличных к чужому горю

людей, которых она оставила в Калининграде.

Олег посмотрел на нее и ободряюще улыбнулся. Она подняла на него недоуменный взгляд, и мужчина, погладив ее дрожащий подбородок, мягко проговорил:

— Не бойся, зайка, — ах, если бы она ему улыбнулась, как раньше! — На входе нас ждет мой сын, я тебя с ним познакомлю, — он заправил темный локон ей за ухо. — А потом мы все вместе поедem домой. Хорошо?

Темные бровки ползли вверх, Даша неуверенно кивнула, еще раз оглянулась и, как-то затравленно глядя по сторонам, пошла за Олегом к выходу из здания аэропорта.

Но, вопреки ожиданиям Олега, Антон не встретил их в аэропорту. Как мужчина не вглядывался в поток проходящих мимо иномарок, как не рассматривал среди стоящих на стоянке машин автомобиль сына, знакомый «Фольксваген» он так и не увидел.

Даша подняла на него вопросительный взор и, не отпуская руки мужчины, проследила за его взглядом.

Олег улыбнулся девочке и направился к телефонным кабинкам. Нужно было выяснить все до конца.

На звонок ответили с первого гудка.

— Тамара Ивановна? — услышав женский голос в трубке, проговорил Олег. — Здравствуйте.

— Олег Витальевич! Вы уже прилетели?

— Да, только что сели, — подтвердил профессор Вересов, бросив быстрый взгляд на Дашу. — Еще в аэропорту. Антон уже выехал за нами?

— Антон?.. — удивилась женщина. — А он еще утром куда-то уехал, я не видела его больше. Он обещал вас встретить?

Олег застыл, как громом пораженный. То есть как — уехал еще утром!?

— Д-да... да, он обещал нас встретить, — пробормотал он сбивчиво. Точнее, он попросил сына их встретить.

Неужели он не приедет? Верить в это не хотелось. Не хотелось ошибаться в собственном ребенке.

— Ну, если Антоша обещал, — подала голос Тамара Ивановна, — значит, обязательно приедет. Пробки на дорогах, сами же знаете.

— Да... — неуверенно подтвердил Олег, неуверенный в том, что все дело в этом, — да, конечно, пробки...

Только вот Антон опаздывает не из-за пробок.

Яркая вспышка, ослепляющая сознание, и Олег все отчетливо понял. Сын решил выразить протест.

— Ладно, Тамара Ивановна, мы еще подождем его, — сказал он быстро. — Если что, вызовем такси.

— Да, да. Но Антоша должен приехать, — заявила домработница. — Если обещал, значит, приедет.

Олег кивнул, попрощался с женщиной и повесил трубку на рычаг.

В душе разгорались противоречивые чувства. В то, что сын не приехал, не верилось. А точнее, верить не хотелось. Что это? Протест? Вызов? Неприятие Дашы? Такая встреча «с распростертыми объятьями»?!

Как-то подло, как-то недостойно и вызывающе. Как-то... по-детски.

Поджав губы и нахмурившись, Олег решил, что поговорит с сыном на эту тему. Нужно

сразу поставить все точки над «и» и решить все вопросы мирным путем. Олег не собирался терять сына, но и от Даши отказываться не собирался. Антону придется смириться с тем, что девочка будет жить с ними. Он выдвинет свои условия, и сын придется ему уступить. Придется. Иначе... Олег не знал, что делать тогда.

Почувствовав зажатую в его ладони маленькую ручку, мужчина наклонился к Даше и улыбнулся.

— Сейчас мы вызовем такси. Антон задерживается.

Даша ничего не ответила, опустила голову с подрагивающим подбородком вниз и поджала губки.

Уже в такси, усадив ее рядом собой, Олег заметил, что девочка вновь схватила его за руку и только потом отвернулась к окну, зачарованным, но внимательным взглядом разглядывая пронесившиеся мимо них очертания столицы и немного приоткрывая губы от удивления.

Пока они не приехали к дому, она так и не отпустила его руки.

— Как ты, крошка? — пробормотал Олег, пытаясь заглянуть ей в глаза, но девочка отвела взгляд. — Может быть, ты хочешь есть? Ты не устала?

Даша отрицательно покачала головой, продолжая молчать.

Олег вздохнул, не настаивая, не требуя от нее ответа. Не имел права требовать. Не имел права после своего подлого предательства претендовать на прощение так скоро.

Да, он виноват. Как же он виноват!

Он понимал, почему она молчит, и от этого становилось лишь хуже. Когда ты осознаешь, что являешься причиной чьего-то несчастья, оставаться равнодушным бессмысленно.

Держа ее за руку, Олег вышел из машины и, расплатившись с водителем, посмотрела на Дашу, которая изумленным взглядом, высоко подняв голову, взирала на открывшуюся ее взору сталинскую высотку.

— Здесь ты теперь будешь жить, — сказал Олег осторожно, тихо. — Тебе... нравится здесь?

Даша сглотнула и посмотрела на него. В ее черных глазах блеснули огоньки, всего на мгновение, но его хватило на то, чтобы сердце профессора Вересова наполнилось теплом и счастьем. Его маленькая девочка довольна. Ей нравится. Разве можно желать чего-то еще? Разве может один лишь взгляд так согреть душу?!

— Пойдем домой, — потянул ее за собой мужчина, — я познакомлю тебя с Тамарой Ивановной и Антоном.

Даша послушно последовала за ним, все еще всматриваясь в вершину многоэтажного здания.

Тамара Ивановна встретила их с распростертыми объятьями. Она буквально накинулась на Дашу, ласково обнимая ее за плечи и прижимая к себе. Поцеловала ее в щеку, погладила по волосам и все что-то шептала девочке на ухо. А Даша стояла, изумленно глядя на эту странную женщину, и зачарованно следила за ее движениями. А потом, словно спохватившись, кинулась к Олегу, схватила его за руку и спряталась за широкую спину, боязливо поглядывая на женщину одним глазом из своего укрытия.

Олег негромко рассмеялся.

— Ну, что ты, Дашенька, — потянул ее за руку, — это Тамара Ивановна, моя домработница. Но уже почти член нашей семьи. Не бойся ее...

Он вновь потянул ее за руку, но Даша не подалась и так и осталась стоять за его спиной, сведя бровки и надув губки.

— Дашенька, ну, что же ты?..

Девочка уткнулась в его спину, словно стесняясь, или же испугавшись, и старалась не смотреть на эту странную женщину с добрыми серыми глазами, а та в свою очередь ласково улыбнулась и махнула рукой.

— Олег Витальевич, не нужно. Не нужно всего этого, — она скрестила руки на животе и посмотрела на смущенные красные щечки и в черные выразительные глазки, выглядывающие из-за широкой мужской спины: — Ей привыкнуть надо, вы же понимаете. Пусть. У нас еще будет время познакомиться.

Олег озадаченно кивнул, но должен был согласиться с тем, что она права. Даше нужно привыкнуть.

Что бы он делал, не будь у него такой замечательной женщины, как Тамара?!

Она должна будет найти общий язык с его малышкой, с его дорогой девочкой. Она примет, она поймет.

С легким сердцем Олег улыбнулся ей.

— Что ж я стою? — воскликнула вдруг домработница и кинулась в сторону кухни. — У меня там суп на плите и картошка. И пирог в духовке, — уже из другой комнаты она крикнула: — Дашенька любит персиковый пирог?

Олег взглянул на Дашу, потянув ее за руку, и девочка все же подалась, выходя из-за своего «убежища».

— Ну, что ты? — мягко улыбнулся ей мужчина. — Испугалась?

Девочка ничего не ответила, молча опустила голову, устремив обиженный взгляд вниз.

— Это Тамара Ивановна, она тебя не обидит, — уговаривал Олег, следуя на кухню вместе с девочкой. — Так ты любишь персиковый пирог?

Даша пожала плечами и, по-прежнему глядя в пол, проговорила:

— Не знаю, я его никогда не пробовала.

Тамара Ивановна застыла около стола с блюдом в руках, посмотрела сначала на Дашу, потом бросила быстрый взгляд на мужчину. А тот, прикусив губу, переглянулся с ней и осознал, что совершил ошибку, спросив об этом.

— Ну, что же... — проговорила женщина, посмотрев на Олега. — Дашенька, мой руки и садись за стол. И вы, Олег Витальевич, тоже садитесь.

Вересов посмотрел на девочку, улыбнувшись ей, когда она подняла на него вопросительный взгляд. Она словно спрашивала его, делать ли ей то, о чем сказала эта женщина. И Олег кивнул.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мой руки, маленькая, будем кушать.

Даша долго и пристально смотрела на него, потом перевела взгляд на домработницу, потом опять на Олега, затем послушно кивнула и поплелась к раковине.

Ела Даша быстро, Олег заметил эту особенность еще в Калининграде, осматриваясь по сторонам и не отвлекаясь ни на мгновение. Словно спешила скорее покончить с едой, опасаясь, что лакомство у нее отнимут. А потом внезапно попросила забрать оставшееся собой. Когда же Тамара Ивановна, удивленно переглянувшись с Олегом, ласково поинтересовалась, что она будет делать с остатками пищи, девочка, смерив ее изумленным взглядом, поджав губки, объяснила, что съест это, когда проголодается.

Озадаченный и ошарашенный этим заявлением, Олег взирал на девочку широко раскрытыми глазами, в то время как Тамара Ивановна, мгновенно отреагировав, убедила Дашу в том, что, если та захочет есть, то может лишь сказать об этом ей, и она что-нибудь обязательно приготовит.

Даша недовольно кивнула, очевидно, уязвленная отказом, но промолчала.

После обеда Олег показал Даше ее комнату, бывшую комнату Антону, которую профессор Вересов просил переделать в детскую еще перед отъездом в Калининград. И сейчас, осматриваясь, Олег понял, что комната из модернистской комнатухи молодого парня, современного студента, под четким руководством мастера, действительно, превратилась в красивую, богато обставленную детскую.

Только бы Даше понравилось...

— Тебе нравится? — спросил ее Олег, когда девочка, осматриваясь, ходила из угла в угол. — Мы можем...

— Мне нравится, — тихо выговорила она, не глядя на мужчину и подойдя к кровати. — Я здесь буду жить?

Олег отчего-то смутился. А вдруг она вовсе не хочет жить с ним?! Раньше подобная мысль не приходила ему в голову, а сейчас остро вонзилась в мозг, нависая и надавливая.

— Д-да... Если ты хочешь... то есть, да, — проговорил он, сделав несколько шагов к ней. — Ты согласна здесь жить? — с придыханием спросил он. — Со мной, с Тамарой Ивановной и... с Антоном?

Даша посмотрела на него снизу вверх внимательными черными глазками.

— Антон, он ваш сын? — поинтересовалась она, и Олег обрадовался тому, что она снова заговорила с ним.

— Да, это мой сын, — кивнул он. — Я сегодня познакомлю тебя с ним. Ты не против?

Даша пожалала плечами и вскинула вверх темные бровки, давая тем самым понять, что не ей это решать.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Олег, обняв девочку за плечи. — Тебе, правда, нравится?

Девочка кивнула, глядя в окно и словно бы о чем-то задумавшись. Олег боялся спрашивать ее, о чем.

Так они и застыли, глядя в пустое пространство серой точки на стекле, пока Даша робко не выговорила:

— А мама и Алексей?

Отметив про себя, что девочка назвала этого подонка просто Алексеем, а не «дядей Лешей», Олег напрягся, но правдиво и прямо ответил:

— Они остались в Калининграде.

Даша кивнула, по-прежнему не глядя на него.

— Хорошо.

Воздух накалился, превращаясь в горячее месиво, и Олег, не в силах выдерживать его удушающей тяжести, тихо спросил:

— Ты, наверное, хочешь отдохнуть? — Даша ему ничего не ответила, пустым взглядом пронзая стекло. — А вечером я познакомлю тебя с сыном. Ты не против?

Даша против не была, но ни вечером, ни на следующий день познакомиться с Антоном ей не довелось. Поздно вечером он позвонил и сообщил, чтобы несколько дней его дома не ждали, он у друга на даче, и пробудет там пару дней.

— Но как же?.. — недоуменно и рассеянно пробормотал Олег. — Я думал, что ты

приедешь. Мы ждали тебя в аэропорту и...

— Мы?! — переспросил Антон недовольно скрежещущим голосом.

— Ну, да. Я и Даша. Мы думали, что ты приедешь, — объяснил Олег. — Я хотел, чтобы вы познакомились...

— Мне не нужно это знакомство! — упрямо отрезал молодой человек. — Мне надо тебе еще раз это повторить?! — Олег будто видел, как сын, насупившись, стиснул зубы, а потом выдал: — Все, пап, мне пора идти. Передавай привет Тамаре Ивановне, скажи, чтобы она не ругалась. Я буду через пару дней. Пока.

— Антон! — воскликнул Олег, пытаясь его остановить. — Антон!..

Но сын уже положил телефонную трубку.

Олег тяжело вздохнул и, слушая короткие гудки, ясно понял, что Антон не примет Дашу. Не сейчас.

Он заявился через день, вечером. Олег и Тамара Ивановна с Дашей на коленях сидели в гостиной, когда послышался скрежет в замке, и неожиданно хлопнула входная дверь.

Даша вмиг насторожилась и напряглась, обеспокоенно глядя на Олега и сжимаясь на коленях женщины.

— Не волнуйся, Дашенька, — проговорил Олег, улыбнувшись ей, и покосился на дверь. — Это Антон.

Он злился на сына. И не только за то, что тот повел себя, как избалованный, безответственный мальчуган, а за то, что он предпочел решить ситуацию по-своему, ни с кем не посоветовавшись. Он решил игнорировать появление Даши в их доме и попросту сбежал. Чтобы прийти в себя, привыкнуть, осознать, что произошло? Чтобы таким способом показать, что он против? Но что это изменило бы? Что изменит? Неужели он думает, что проблемы можно решить подобным образом!? Что так вообще можно решить?!

Олег искренне не понимал, почему его сын так решительно настроен против того, чтобы Даша жила с ними. Он отказывался понимать и принимать. Почему так настойчив в своем намерении!? Почему так уверен, что не полюбит ее!? Откуда эта грубая злость, гнусное предубеждение против нее и порицание!?

Маленькая девочка с улицы, которой Олег протянул руку помощи... Неужели так сложно принять ее?..

Олег силился понять, какие причины движут негативным отношением Антона к Даше, ведь он ни разу не видел ее. Какие мотивы яростного протеста и негодования против малышки у его сына могут быть, кроме того, что у нее невесть какая мать, и что она выросла в бедноте и ущербности. И что ей в вину он может предъявить, кроме детской незащищенности и желания Олега ей помочь! Он пытался отыскать ответ, старался понять, вникнуть в сознание сына, но не находил вразумительного ответа.

Ревность?.. Честолюбие? Эгоизм?.. Обида, может быть?.. Что!? Олег так и не понял.

За эти два дня Даша больше говорила, больше и внимательнее слушала. Она по-прежнему сторонилась Тамару Ивановну, и только сегодня вечером, когда та, узнав, что девочка умеет читать, предложила почитать сказки, и взяла ее на колени, Даша немного успокоилась и даже не противилась этим объятьям со стороны мало знакомой женщины. Добрая и заботливая, Тамара Ивановна полюбила Дашеньку сразу же.

С Олегом девочка разговаривала больше, но все еще сторонилась и его. Смотрела иногда исподлобья, опуская глаза, зажималась у стены, отворачивалась, смущенно тупя взгляд. Лишний раз боялась о чем-то спросить или что-то попросить. Вот, например, утром

она очень пристально смотрела на зеленые яблоки, которые Тамара Ивановна купила на рынке, но так и не попросила их скушать, пока женщина, догадавшись, не предложила ей одно из них. Даша сначала смущенно опустила голову, даже покраснела от досады, что ее интерес был раскрыт, а потом приняла яблоко из теплых женских ладоней.

Даша не считала этот дом своим, да и мало прошло времени для того, чтобы она привыкла к тому, что ее не выгонят отсюда, не ударят, не отнимут еду, не отругают за лишний вопрос и проявленный интерес, не накажут за случайно опрокинутую сахарницу. Что она может спокойно спать по ночам, не боясь выключать свет! Но она все равно не выключала. Когда Олег заходил к ней ночью, разобравшись со своими делами, и собираясь лечь, он всегда обнаруживал горящую около кровати напольную лампу. Мужчина некоторое время сидел рядом с ней, ожидая прихода ночных кошмаров, успокаивал ее, а потом целовал в щеку и уходил, выключая за собой свет.

Днем Даша повсюду ходила за Олегом, словно боясь упускать его из виду, опасаясь, что он может вдруг опять исчезнуть, хотя по-прежнему стеснялась того, что он может обнаружить ее внимание к нему.

Он мог заметить ее у двери своего кабинета, когда садился вскрывать письма от читателей, около кухни, когда пил чай, или стоящей около стеллажа с книгами, когда он искал, что бы почитать. Ему льстило столь явное проявление симпатии и начавшегося вновь зарождаться доверия с ее стороны и он радовался тому, что она понемногу начинает привыкать к нему.

Он не хотел себя обманывать, и знал, что Даша так относится к нему лишь потому, что он единственный знакомый для нее человек в этом большом, чужом для нее городе. Она боится потеряться, потому и держится его. Она еще не доверяет ему. И пройдет немало времени, прежде чем она вновь доверится.

Тамара Ивановна тоже старалась с ней подружиться, и Даша вроде против не была, но по-прежнему оставалась осторожной, защищаясь, и не подходила ближе, чем позволял инстинкт самосохранения.

За эти короткие два дня Даша будто стала принимать, как факт, что останется здесь, стала мириться с ощущением защищенности, которая исходила от Олега, и хотя не верила до конца, но и не боялась тоже.

И вот сегодня, словно разрушая возникнувшую маленькую идиллию счастья, домой вернулся Антон.

И хотя девочку предупредили, что Вересов-младший должен будет нагрянуть в скором времени, при его появлении на пороге Даша вновь вздрогнула. Вновь испугалась, вновь засомневалась, а по праву ли она здесь находится. И можно ли ей вообще здесь находиться?..

Тамара Ивановна застыла с книгой в руках, бросив быстрый взгляд сначала на приоткрытую в гостиную дверь, а затем на Олега, и хотела предложить Даше продолжить чтение, чтобы отвлечь от появления еще одного домочадца, но именно в этот момент, когда Антон стремительно вошел в комнату.

Осмотрелся, задумчивым, но внимательным взором пробегая по комнате, увидел отца, перевел быстрый взгляд на домработницу. В глазах появился мимолетный огонек радости и доброжелательности.

А потом взгляд его вдруг остановился на девочке, сидящей у Тамары Ивановны на руках. Глаза его потемнели и сощурились, губы сложились в узкую линию.

Маленькая, щупленькая, худенькая, с темными волосами и очень умными

внимательными глазами цвета ночи. Это больше всего поразило его в ней, большие черные глаза на бледном личике, и молодой человек пристально разглядывал ее с минуту, пробегая оценивающим взглядом по волосам, упрямо подбородку, тоненьким плечам и мешковатому платью, в которое, очевидно, облачил ее отец, а потом отвернулся.

Вересов-младший сделал быстрый шаг вперед и остановился посреди комнаты.

— Всем добрый вечер, — выговорил он, растягивая слова.

— Здравствуй, Антоша, — радостно улыбнулась Тамара Ивановна.

— Здравствуй, сын... — проговорил Олег, с неудовольствием разглядывая молодого человека.

Антон скрестил руки на груди и скривился, схлестнувшись с отцом взглядами.

Минута тупого молчания, глаза в глаза. Воздух, натянутый и звенящий, давил на легкие.

А потом:

— Это она? — кивнул Антон на Дашу, и Олег медленно кивнул. — У нее глаза странные, — проговорил парень после непродолжительного осмотра. — Слишком черные, тебе не кажется?

Девочка бросила на него острый взгляд, Антон отметил этот факт, а потом быстро отвернулась, втянув плечи и сгорбившись на коленях женщины.

Антон проигнорировал и этот взгляд, и этот жест. Он посмотрела на отца.

— Я, собственно говоря, на минутку забежал, переодеться, — равнодушно проговорил парень, скривившись, когда бросил еще один быстрый взгляд на Дашу. — Меня друзья ждут, мы в бильярд собрались. Так что извините, но я оставляю вашу радушную теплую компанию, если вы не против, — посмотрел на Тамару Ивановну и отца, бросил колкий взгляд на девочку, глядящую на него волком. — А вы, как я вижу, совсем не против, — скривившись, презрительно добавил он и двинулся к двери.

— Антон, — окрикнул его Олег, встав с кресла.

Молодой человек застыл в дверном проеме, напрягся и медленно обернулся.

— Что?

— Нам нужно с тобой поговорить, — уверенно заявил профессор Вересов и решительно направился к сыну.

— О чем? — почти равнодушно пожал Вересов-младший плечами.

— Почему ты не приехал за нами в аэропорт? — спросил Олег, глядя Антону в глаза.

Сын ответил на его твердый осуждающий взгляд холодно, почти безэмоционально. Если бы только Олег так хорошо не знал своего сына, он бы поверил его видимому напускному безразличию!

— Не смог, — сквозь зубы выдавил парень и бросил мимолетный взгляд на Дашу. — У меня были дела.

Олег упрямо вскинул подбородок.

— Их можно было отложить...

— Нельзя! — отрезал Антон, испепеляющим взглядом глядя на девочку, а потом перевел глаза на отца. — Прости, пап, но я, действительно, спешу. Давай поговорим, когда я вернусь, ок? — и, повернувшись к отцу спиной, сделал несколько шагов вперед, направляясь в свою комнату.

— Антон! — окликнул его мужчина, но не получил ответа. — Антон, подожди! — и двинулся следом за сыном, послав извиняющийся взгляд на Тамару Ивановну и Дашу. — Антон, стой, я говорю! — и скрылся в гостиной.

Даша сжалась, а Тамара Ивановна, наклонившись к ней, проговорила, словно ничего и не произошло:

— Ну, что, будем читать дальше?

Малышка молчала долго, слушая доносившиеся из гостиной, затем из комнаты молодого человека, а потом и из прихожей крики отца и сына. Она перевела взгляд на дверь, в ее глазах появилась грусть.

— Он не такой, как дядя Олег, — прошептала она, опустив голову.

— Кто? — женщина проследила за ее взглядом. — Антон?

— Я ему не понравилась.

— Ну, что, ты, — ласково проговорила, погладив девочку по волосам. — Он тебя полюбит...

— Нет, не полюбит! — упрямо замотала головой та. — Я это чувствую. Никогда не полюбит.

Тамара Ивановна так и не нашлась, что ответить на ее слова.

8 глава

Даша проснулась неожиданно, посреди ночи, с мокрыми от слез глазами.

Ей снился Юрка.

Она бежала за ним, на последнем дыхании, ловя губами воздух, но он все удалялся от нее. Она, срывая голос, кричала и звала его, просила брата остановиться, поговорить с ней, но он не слушал, растворяясь в серой дымке блеклого тумана. Она, не в силах бежать дальше, падала на землю, рассекая колени, и, казалось, даже чувствовала пронзившую стрелой боль. Во всем теле. Болела, казалось, даже ее душа. Она плакала, рыдала, заливаясь слезами, и во сне, кажется, чувствовала соленый, ядовитый вкус собственных слез, поднимала на Юрку умоляющий взгляд, протягивая вперед руки в бесплотной попытке ухватиться за локоть брата и остановить его. Но ловила пальцами лишь густую пустоту, мальчик стремительно ускользал из ее ладоней. Она, пересиливая боль и страх, вынуждала себя подниматься и идти за ним. Снова бежала, кричала, молила Юрку остаться с ней, не бросать ее в эти злые, холодные дни, когда некому будет о ней позаботиться. Но брат не внимал ее молитвам, оборачивался к ней полубоком, смотрел внимательно из-под припущенных ресниц и снова растворялся в полутьме.

И тогда она просыпалась. Раскрасневшаяся, заплаканная, с растрепанными волосами, с потным лицом и шеей. И снова начинала плакать, ощущая, как боль от потери вновь и вновь разрывает на кусочки. Сворачиваясь калачиком, она сразу отворачивалась к стене, подгибая под себя ноги, и, зажав рот кулаком, рыдала неслышно, сильно зажмурившись.

Сколько месяцев прошло с того дня, как она видела брата живым?.. Почти два месяца.

Пятого апреля Юрки не стало. А через четыре дня Даше исполнилось девять.

Он так ждал ее дня рождения! Готовил для нее какой-то подарок, мастерил что-то втихаря, пока она не видела, пропадая на площади, и прятал свои поделки, как только она входила в дом. Даша знала обо всем, но, чтобы не расстраивать брата, лишь улыбалась, ни о чем того не спрашивая. Она обещала, что купит небольшой торт, потому что брат в последние дни очень хотел сладкого.

Накануне своей смерти Юрка все спрашивал ее, а правда ли, на ее день рождения они будут пить чай с тортом, и Даша усердно кивала, зная, что сделает все возможное для того, чтобы исполнить желание брата.

Но не успела...

Утром, пятого апреля, Юрке внезапно стало хуже. Он бился в лихорадке, метаясь по кровати, отчаянно кричал, переходя на гортанные рыдания, смешанные с грубым, пронзительным кашлем, а потом, замолкая, все шептал что-то, звал сестру, которая и так не отходила от него ни на шаг, и вновь бился в лихорадке.

Даша не знала, куда себя деть. Она держала брата за руку, крепко сжимая холодными руками его горячие ладони, целовала его воспаленные щеки и все повторяла, успокаивая, скорее себя, а не его, что все будет хорошо. Это просто приступ, все пройдет, все скоро пройдет. Брат обязательно поправится!

Лекарств у них не осталось, все, что Даша успела купить на деньги, которые ей дал дядя

Олег, уже закончилось, и девочка пыталась снять жар холодными компрессами. Но ничего не помогало.

К часу дня Юрке стало еще хуже, он впал в беспамятство, уже не реагируя на голос сестры, пытавшейся до него докричаться, и метался в кровати, шепча что-то сухими горячими губами.

Алексей пару раз заходил в их комнату, глядя на то, что происходит, и Даша умоляла его дать ей денег на жаропонижающие, на что мужчина отмахнулся, заявив, что ее брату уже ничто не поможет.

— Да ты посмотри на него, — ткнул он пальцем в мальчика. — Разве ему что-то сейчас в состоянии помочь? Да даже Господь Бог не смог бы его спасти. А деньги на почти мертвого пацана я тратить не стану.

— Пожалуйста, — прошептала девочка, со слезами в глазах, глядя на сожителя матери. — Пожалуйста, ему еще можно помочь. Он крепкий... он выберется, я знаю, — молила она, дрожа всем телом.

— Да ниоткуда он не выберется! — раздраженно отрезал мужчина, бросив на мечущегося на кровати Юрку пренебрежительный взгляд. — Ты что, не видишь? Какой он крепкий, бл**!? Какое там выберется? Помрет твой братец, смирись уже, а!? — и, покачав головой, стремительно вышел из комнаты.

Но Даша так и не смирилась. Проводив Алексея ненавидящим взглядом, она кинулась Юрке на грудь.

— Потерпи, моя хороший, потерпи, — шептала она, обнимая брата за плечи. — Потерпи, совсем немножко... Я найду способ, я найду!.. — заплакала она, сдерживая рвущиеся из груди рыдания. — Я к соседям пойду, они не откажут, я знаю. Я им потом все отдам... — она поцеловала брата в лоб. — Ты только держись, слышишь? Держись. Потерпи совсем чуть-чуть, немножко, хорошо?.. Потерпи, мой родной, мой хороший.

— Дашка... — сухими губами вдруг выдавил мальчик из себя, и Даша стиснула зубы, чтобы не закричать. А Юрка тихо, с усилием, вновь выдавил: — Дашка...

— Я скоро приду, мой хороший, — зашептала она, сжимая маленькую потную ладошку своей рукой. — Я только к соседям сбегая и сразу же вернусь. Ты только потерпи, хорошо? Пожалуйста... Пожалуйста...

И стремглав кинулась с места, стирая с лица текущие из глаз слезы.

А вслед ей неслось, как заклинание, как молитва, голос брата, повторяющего одно и то же.

— Дашка... Дашка... Дашка...

Но она не успела. Опоздала. Юрка не дождался ее.

Застыв в дверном проеме с зажатými в руках лекарствами, она смотрела на застывшее на кровати тельце брата и ощутила, как холодная липкая дрожь расплзлась по телу, сковав его путами. Она кинулась к нему, упала на колени рядом с постелью, стала отчаянно трести мальчика за плечи, вынуждая отреагировать на свои мольбы, гладить, а потом, не получив результата, трепать по щекам. Она убирала со лба прилипшие к коже волосы, насильно открывала ему глаза, а затем рот, засовывая внутрь таблетки, вновь тормозила его, вынуждая отозваться, и не хотела, не желала верить, отказывалась принимать случившееся, как факт.

А затем застыла, с громким, душераздирающим криком бросилась брату на грудь и разрыдалась.

На ее крик в комнату вбежал Алексей. Обозленный и раздосадованный, гневно зыркнул на Дашу.

— Ну, что тут еще случилось? — воскликнул он, а потом, заметив неподвижно лежащее на кровати тело мальчика, поджал губы. — Скончался, что ли? — посмотрел на застывшую на груди брата Дашу. — А я ж тебе говорил, что помрет, что ж ты мне не поверила? Крепкий, крепкий... Тьфу! — он подошел к девочке и дернул ее за плечо. — Ладно, оставь ты его, чего рыдаешь? Поможешь ты ему теперь, что ли? Помер и помер, суждено ему, значит.

Он даже не дал ей с ним попрощаться. Просто дернул за руку, когда Юрку хоронили, и не отпускал, пока могилу не засыпали землей. Она рвалась, билась, кричала и умоляла его, но Алексей был непреклонен.

Пару дней она ни с кем не разговаривала, запершись в своей комнате, и всё смотрела на старую фотографию, которую они привезли из Сосновки. Отец и она с Юркой. Два дорогих ее сердцу человека. И оба оставили ее одну в этом страшном, жестком мире!

С того дня, как умер Юрка, ей каждую ночь снились плохие сны.

И сегодня ей тоже приснился кошмар.

Она проснулась в холодном поту и села на кровати, тяжело дыша.

Схватившись за голову, девочка заплакала, не стесняясь, в голос. Упершись головой в поднятые колени, она тихо рыдала, отдаваясь целиком своему горю.

И рядом не было никого, кто мог бы успокоить ее. Никого не было рядом. Юрка, отец!.. Где же вы?!

Дядя Олег?.. Да, он, наверное, помог бы ей, он и так помогал. Разве не приходил он к ней каждую ночь, думая, что она не замечает его присутствия? Приходил. И она знала, что он приходил. И ей становилось легче, спокойнее. Она засыпала быстрее, когда, проснувшись после очередного плохого сна, его уверенный ласковый голос убаюкивал ее и уговаривал поспать. И она засыпала, и больше не просыпалась до самого утра.

Прошло чуть больше недели с тех пор, как она поселилась у дяди Олега, но каждую ночь ей снились кошмары. Как она ни старалась уверить себя, что всё хорошо, что теперь всё хорошо, все же не могла принудить свое сознание поверить в это. Она устала от кошмаров, они ее выматывали.

Чаще всего она видела во сне Юрку, а пару раз ей приснился Алексей. Он злобно смеялся, хохотал во все горло, и его рокошующий жесткий смех оседал в ее ушах. Она, сжавшись, сидела в углу и смотрела на его огромный темный силуэт, боясь пошевелиться или сделать лишнее движение. А он наступал на нее, стремительно и уверенно приближался к ней, заполняя собою все пространство вокруг нее. Лицо его было искажено гримасой злобы и бешенства, в безумных глазах горели свирепые огни. Даша силилась кричать, но из горла не вырывалось ни звука, слышались сиплые стоны и всхлипывания, единственное, на что она была способна.

Она кричала во сне. И просыпалась опять с мокрыми от слез, испуганными и широко раскрытыми глазами. Да, ей было страшно. Она боялась. Алексея. Того, что он придет, вырвется из плена страшного сна и войдет в ее настоящее, бешено крича, силясь забрать ее обратно. Туда, в свой жестокий, продажный мир.

Несколько минут нужно было на то, чтобы успокоиться и осознать, где она находится.

В безопасности. В доме дяди Олега. Здесь с ней ничего не случится. Не должно случиться...

Если дядя Олег вновь ее не оставит.

Но сегодня она проснулась не только из-за кошмаров. Было что-то еще, и Даша сначала не могла понять, что именно ее разбудило. И только потом, прислушавшись к звенящей тишине своей комнаты, она поняла.

В кабинете дяди Олега раздавались отчаянные крики. Ругались отец и сын, Даша узнала их по голосам.

Напряженно застыв, она сглотнула и посмотрела на приоткрытую дверь, в проеме которой виднелась полоска света. Дядя Олег, наверное, приходил к ней, мелькнула в сознании быстрая мысль. Выключил лампу и оставил дверь открытой, чтобы она не боялась темноты. И в груди Даши растеклось тепло.

Снова раздалась отчаянные крики. Не такие громкие, чтобы можно было услышать их ночью, когда все спали, но достаточно отчетливые и различимые, чтобы понять, о чем идет речь.

Отец и сын ругались уже не в первый раз, и Даша знала, что ругаются они из-за нее. Снова — из-за нее...

Осторожно спустив ноги с кровати, Даша, осмотревшись, ступила на ковер. Стараясь не шуметь, на носочках медленно продвинулась к двери. Сердечко колотилось в груди очень сильно, барабаня в висках набатом, а перед глазами все еще стояла сонная пелена.

Ей нужно было оставаться в кровати, не лезть не в свое дело, не вмешиваться. Она просто не имеет права вмешиваться, она здесь, в этом доме — просто гостья, которую дядя Олег приютил из жалости. Она не имеет ни права голоса, ни тем более права во что-либо вмешиваться.

Но любопытство, присущее всем детям, было свойственно и ей. А поэтому Даша решительно направилась вперед, стараясь ступать неслышно и осторожно.

Она знала, из-за чего, по какой причине ссорятся отец и сын, но все равно, упрямо перебирая ножками, шла вперед. Подошла к двери, потянулась к ручке и уверенно потянула ту на себя, осторожно приоткрывая дверь и рассматривая гостиную из образовавшейся щелочки.

В горле отчего-то вырос горячий комок, и она сглотнула его, осматриваясь по сторонам.

То, что она сделала потом, не поддается вообще никакой логике, но разве ребенка, маленькую девочку, стоит винить в ее отсутствии?! Она распахнула дверь своей комнаты и, протиснувшись в образовавшееся пространство, направилась по направлению места, откуда раздавались громкие крики двух мужчин.

Сердце грохотало в груди очень сильно, казалось, что его биение застыло в горле, и она сможет его проглотить, если захочет. Звенящее, убивающее, острое биение, оно словно пронзило ее насквозь сотнями маленьких колких иголок. Часто и тяжело дыша, девочка подошла к двери кабинета и застыла в дверном проеме, не в силах пошевелиться или сделать еще хоть шаг.

Нужно было бежать. Немедленно. Пока ее не обнаружили и не наказали, ведь за подслушивание чужих разговоров обязательно должно будет последовать наказание. Алексей всегда так говорил, когда Даша случайно оказывалась свидетельницей их споров с матерью, и бил ее потом, чтобы она знала, как плохо поступила.

И сейчас ей тоже нужно было бежать, но девочка застыла на месте, не представляя, что может ее заставить шевельнуть хоть кончиком пальца.

Сквозь открытую дверь она увидела две напряженные фигуры, застывшие посреди

комнаты.

Дядя Олег и его сын. Антон.

Невольно она уставилась на молодого человека, немного наклонив голову вбок.

Высокий, даже выше дяди Олега, сильный и... очень грозный. Он отчаянно жестикулировал, доказывая что-то отцу, а тот в свою очередь, пытался его за что-то отчитать.

Даша невольно залюбовалась этими мужчинами. Родственники, даже больше — отец и сын. Но как же они непохожи друг на друга! Этот Антон... он совсем не такой, как дядя Олег. Он невзлюбил ее. И все же...

Он такой уверенный, решительно настроенный, умный, готовый отстаивать свое мнение до конца.

Невольно она залюбовалась правильными чертами его лица, линией сведенных к переносице бровей, жесткой линией губ. Даже тем, как он, размахивая руками, доказывал что-то отцу, прикрикивая и подергивая плечами. Было в этом что-то завораживающее, вынуждающее девочку зачарованно стоять в дверном проеме и просто смотреть на него, приоткрыв рот и не смущаясь своего осмотра.

Она видела его крайне редко. Со дня их знакомства, если его можно было так назвать, прошло четыре дня, и за это время девочка его ни разу так и не увидела. По словам Тамары Ивановны, он уехал куда-то с друзьями. Но Даша догадывалась об истинной причине этого поспешного отъезда.

Она. Во всем была виновата она. Она не знала этого наверняка, но чувствовала, что дело именно в этом.

Застыв в дверном проеме и вдруг перестав бояться того, что может быть застигнутой на месте, Даша, прижавшись к косяку, широко раскрытыми глазками смотрела на развернувшуюся перед ней картину ссоры отца с сыном. Кровь пульсировала в висках, дыхание стало частым и сбившимся, но она стояла и смотрела, не в силах уйти.

— Ты же обещал мне! — воскликнул дядя Олег, посмотрев сыну в глаза.

— Я помню, — промычал недовольно Антон и отвернулся, словно не в силах выдержать этот взгляд.

— Что я Дашеньке скажу?! — воскликнул мужчина. — Ведь я обещал ей, что вы подружитесь...

Антон выругался и что-то пробормотал себе под нос, Даша не разобрала слов.

— Что хочешь, то и говори своей Дашеньке! — прорычал он, втянув плечи. — Мне до этого дела нет. А любезничать с твоей дорогой... Дашенькой, — словно выплюнул эти слова, — я не собираюсь!

Даша напряженно застыла, чувствуя, что ноги дрожат где-то под коленками, превращаясь в вату, где-то там, в ступнях больно колет, и сердце тоже дрожит, стучит в груди, словно сумасшедшее.

Девочка передернула плечами, исподлобья глядя на молодого человека.

Все добрые чувства, которые она могла отыскать в себе к Антону вмиг превратились в ничто. Осталась лишь обида. Невыносимая по своей силе обида. А еще боль! Как же было больно.

Слезы сами собой потекли из глаз, стон едва не сорвался с губ, и она зажала рот рукой.

— Что ты такое говоришь? — возмущенно вскричал дядя Олег, выпрямившись. — Почему ты так ее ненавидишь?! Бедная девочка, она же тебе ничего не сделала!

— Кроме того, что отняла у меня отца?! — язвительно бросил Антон, сцепив зубы так, что на скулах заходили желваки, и стремительно развернулся, вскинув подбородок. — Конечно, больше она ничего не сделала! Только пусть попробует!

Олег устало повел плечами и покачал головой.

— Ты говоришь, как маленький ребенок, Антон! — спокойно заявил он, словно пытаешься образумить сына. — Словно у тебя игрушку любимую отбирают. А на самом деле...

— На самом деле у меня отбирают отца! — перебил его горько молодой человек.

— Меня никто у тебя не отбирает. Просто в моей жизни... в нашей жизни появится Даша.

— Я уже говорил, что никогда не желал того, чтобы твоя Даша появлялась в моей жизни! — отрезал парень.

— С тобой невозможно разговаривать, — тяжело вздохнул дядя Олег и потер переносицу. — Ты ведешь себя как мальчишка! Мне надоело с тобой нянчиться...

— А ты никогда особо и не старался! — вспыхив, отозвался Антон. — Зато о своей Дашеньке, — скривился он, — печешься, как о родной дочери!

Олег подскочил к нему и, нависнув над сыном стеной, застыл, глядя на парня помутившимися глазами.

— Еще одно слово, и я сделаю то, о чем потом пожалею! — предупредил его отец. — Помолчи, прошу тебя.

— Как скажешь, — покорно согласился тот, гордо вскинув подбородок. — Ты ведь здесь все решаешь, правда? Кого привести в дом, а кого нет. Кому помочь, а кого оставить помирать! — Антон вновь выругался. — Черт, да ты даже не спросил меня о том, хочу ли, чтобы твоя... эта девчонка жила с нами! — он воззрился на отца обвиняющим взглядом. — Ты просто поставил меня перед фактом! — его глаза недобро блеснули. — Да ты даже комнату — мою комнату! — переделал ей под детскую!

— Но ты в ней больше не спишь... — бессильно попытался возразить мужчина.

— ...Как мне прикажешь на это реагировать?! — продолжал молодой человек, словно не слыша слов отца. — Как?! Стоять в стороне и усердно кивать, что ты все делаешь правильно?! — он уставился на отца, совсем не ожидая, тем не менее, что он ему что-то ответит. — Ты не спросил меня о том, хочу ли я видеть ее рядом с собой, хочу ли, чтобы ты заботился о ней, приведя в наш дом, и не спросил, а смогу ли я пообещать принять ее! Ты просто сам все решил, и всё! Сам для себя. Но не для меня, пап! Не для меня, понимаешь!?

Казалось, что он кричит, доказывает, пытается уверить, но все его слова падают в пустоту.

Олег не хотел его понимать. Не мог его понять.

— Антон...

— Я тебе ничего не обещал, пап, — устало перебил его Антон. — Когда ты привел эту... девчонку в наш дом, я разве сказал что-то против этого? Ей, тебе? Я даже с ней не разговаривал, чтобы не сорваться. Но ты хочешь, чтобы я непременно с ней подружился!? — Антон поморщился. — Боже, зачем тебе это надо!? Я не понимаю. Тебе мало того, что я мирюсь с ее существованием рядом с собой? — колкий взгляд в сторону отца. — Тебе этого мало? Ты хочешь, чтобы ее любили все!? — Антон стиснул зубы и выдавил: — Я - не ты, пап, и таким, как ты, наверное, никогда не стану. И твою девчонку никогда не полюблю, — добавил он резко.

— Ты даже не хочешь постараться... — как-то обреченно проговорил Олег.

— Да, не хочу, — напрямик заявил ему парень. — Не хочу! И что с того? Обвинишь меня в черствости души? Валяй. Только это ничего не изменит. Есть те, кто поймут тебя... Тамара Ивановна, например. У нее нет детей, нет внуков, да ей за радость возиться с этой мелкой, но есть и те, такие, как я, которые не понимают, — вновь пытаюсь что-то доказать, говорил сын. — Не требуй от меня больше того, что я могу тебе дать или просто пообещать. Пожалуйста, — попросил он. — Ты этим делаешь больнее всем. И себе, и мне... И ей тоже. Потому что насильно полюбить ее я не смогу. Заставить себя не смогу, ты понимаешь?..

Повисла угнетающая тишина. Страшнее Даша в своей жизни еще не слышала.

— Никогда?.. — прошептал Олег, поднимая на сына умоляющий взгляд.

— Черт, да что же ты заладил одно и то же, пап!? — вскричал Антон и, подскочив почти к самой двери, повернулся к отцу спиной, вскинув голову вверх и со свистом втянув в себя воздух. — Для тебя стала важна одна она, ты понимаешь!? — вскричал он с досадой и болью в голосе. — Тебе даже на меня плевать! Что со мной происходит, где я нахожусь, почему меня дома не бывает, тебе совершенно все равно!

— Ты ведь бываешь у друзей... — обреченно выдал из себя Олег, пытаюсь оправдаться.

— Да, у друзей, — зло прошипел парень. — А почему я бываю там, а не дома, тебя мало волнует, так?! Ты думаешь только о ней, что для нее лучше, что она хочет, что ей необходимо, — едко говорил он, сводя брови. — И совсем забыл о том, что у тебя есть сын!

— Но Дашенька, ей ведь всего восемь лет... — попытался оправдаться Олег. — Она маленькая еще...

— Да твоя Даша волком все время смотрит, будто и не среди людей жила все это время!

— Антон!..

— Что?! — закричал он, резко повернувшись, и внезапно застыл.

Взгляд его неожиданно, случайно упал на дверь, где, прислонившись к стене, дрожа всем телом, со слезами на глазах, стояла Даша. Глаза Антона сначала удивленно расширились, затем гневно сощурились, налились кровью, брови стремительно сошлись на переносице, превратив взгляд в тяжелый и удушающий.

Даша боялась пошевелиться, боялась даже дышать. Ее обдало ледяным холодом, а затем бросило в жар. Сердце застучало в груди рваными ударами, и взгляд от слез помутился, превратившись в испуганный взор.

Антон поджал губы и резко тыкнул пальцем в сторону Даши.

— Вот! — обернулся к отцу, указывая на свою находку. — Что она тут делает?! — закричал парень, глядя на Дашу, полными гнева глазами. — Что?! — он обернулся и накинулся на нее. — Чего ты встала?! — закричал он. — Чего сюда приперлась?! Тебя сюда звали?!

— Антон! — прикрикнул на него Олег, умоляюще глядя на Дашу.

— А что?! Пусть спать идет, раз уж ей даже место в доме выделили! — он бросил на девочку жгучий, полосовавший презрением взгляд. — Иди спать, кому говорят! — шикнул он на нее.

И тут Даша словно очнулась. Стало стыдно и очень обидно. Она попятилась, дрожащими ножками делая неуверенные шажки назад, полными слез и отчаяния глазами глядя на двух, находящихся на грани мужчин, один из которых ее любил, а другой ненавидел, наткнулась на косяк, ушиблась, но не проронила ни слова.

В висках стучала кровь, из груди рвалось сердце, а перед глазами... его перекошенное

от ярости лицо.

— Дашенька, иди в кроватку, — ласково попросил Олег, стараясь успокоиться, и ласково глядя на девочку.

Но, глядя на ее трясущийся от невыплаканных рыданий подбородок, успокоиться он не мог.

Даша вдруг подскочила, сделала резкое движение и, повернувшись к ним спиной, бросилась к себе.

Проводив ее худенькую фигурку затравленным взглядом, Олег посмотрел на Антона со злостью.

— Посмотри, что ты наделал! — закричал он на сына.

— Что?! — искренне изумился тот.

— Тебе вообще не стыдно?! — кричал профессор Вересов, глядя на сына расширившимися глазами.

— Мне не может быть стыдно! — огрызнулся тот и повернулся к отцу спиной, уперевшись руками о стол. — Она сама виновата, — пробормотал он словно из последних сил. — Какого черта она подслушивала!?

— Она ребенок, Антон...

— И что с того?! — раздраженно вскричал парень. — Я тоже был ребенком, меня разве можно было застать ночью подслушивающим твои разговоры?!

Олег замер на мгновение. В висках билась одна-единственная мысль. Его Дашеньку обидели. Обидел его сын. Невольно, может быть, случайно, эмоционально сорвался, но все же...

Это разве умаляет его вину перед ней?!

— Не нужно сравнивать, — прошептал Олег, садясь в кресло. — У вас было слишком разное детство.

Антон демонстративно вскинул вверх руки.

— Вот только не нужно мне этих слезливых рассказов о том, как плохо ей жилось! Избавь меня от этого!

Олег поджал губы, схватившись за голову. Разговаривать больше он не мог.

— Иди спать, — сказал он тихо, отрешенным взглядом глядя в сторону.

Антон застыл. В груди, режа его ножом, теснилось чувство вины, болью отдаваясь во всем теле.

— Она, действительно, того стоит? — тихо спросил он, изумленно глядя на отца.

Но тот ничего ему не ответил, по-прежнему пронзая взглядом пространство.

И Антон, борясь с собой и диким желанием остаться, успокоить отца, обнять его за плечи, сжал руки в кулаки и стремительно покинул кабинет профессора.

А Олег еще долго, закрыв глаза, сидел в кресле с безумным вихрем острых, как иглы, мыслей, которые лезли в голову, надоедливо и досадно жужжа в ушах. И лишь когда часы показали половину четвертого утра, он, немного успокоившись и взяв себя в руки, намереваясь проверить состояние Даши, решительно направился в сторону ее комнаты, и покинул свой кабинет.

Осторожно ступая по мягкому ковру, медленно приоткрыл дверь в комнату Даши и заглянул внутрь.

В груди что-то замерло, застыло, взорвалось. Олег насторожился, глядя на темноту немой комнаты.

Он бросил быстрый взгляд на светильник. Свет не горел. Даша не спит?..

Сердце забило сильнее и отчаяннее.

Олег сделал несколько нетвердых шагов вперед, остановился на мгновение, сбив дыхание, осторожно, неуверенно подошел к кровати и трясущимися руками потянул одеяло за край.

— Даша?.. — прошептал он сухими губами.

Руки вспотели, в горле встал горький, острый комок.

Он откинул одеяло в сторону, и то мгновенно обнажило пустую, немного помятую постель.

Даши в ней не было.

— Дашенька!.. — выдохнул мужчина едва слышно и, почувствовав, что ноги задрожали и больше не могут его держать, осел рядом с кроватью на пол, схватившись за голову.

Она долго и настойчиво брела куда-то, наугад блуждая по полутемным переулкам, закутанная в шаль наступающего утра, и одиноким закоулкам, в которых хотелось спрятаться от всего мира. Спрятаться и плакать, лелея в груди горькую обиду и рваную боль, что засела внутри занозой.

Она никому в этом мире не нужна.

Юрке была нужна. И отцу. Но они оставили ее.

Думала, что нужна дяде Олегу... И, наверное, действительно, была ему нужна, раз он так отчаянно защищал ее перед сыном. Но... его сын. Этот... Антон! Он был против ее нахождения в их доме.

Если раньше она просто чувствовала это нутром, кожей ощущая удушающий яд его ненависти, только догадываясь об его чувствах, то сегодня она осознала это совершенно отчетливо.

Он сам сказал ей об этом. Открыто и прямо заявил, пронзая обвиняющим, ненавидящим взглядом.

Она уже видела такие взгляды, у Алексея, у матери... и могла понять, что они означали. Жгучую ненависть, острую злость и прожженную ярость. К ней.

Она просто знала, что не нужна. Алексею и матери не нужна, сыну дяди Олега тоже не нужна...

И она убегала от острых взглядов, от болезненной обиды, проникновенного разочарования и злого осуждения. Она убегала, хотя и понятия не имела, куда ей бежать. Что у нее есть? Куда ей идти?

Другой город, чужой и безразличный, одинокий, хотя и полный до краев. Москва.

Утро было холодным, и Даша, втянув плечи и застегнув кофточку на все пуговицы, упрямо шла вперед.

Сотни мыслей-мошек рвались в ее мозг, почти разрывая его на части. Она вспоминала, как однажды точно так же брела уже по одиноким, равнодушным и пустым улицам своего родного города.

Она уже убегала один раз. От Алексея. И тогда у нее в груди билось лишь единственное желание — убежать, скрыться, исчезнуть. Только бы он ее не нашел!

А сейчас... Едва передвигая замерзшие ноги, скованная страхом и холодом, Даша думала о том, что она зря убежала. Но возвращаться назад, хотя очень сильно и хотелось, было стыдно. И она, низко опустив голову, поплелась дальше, одинокой фигуркой мелькая в

полутьме наступающего утра.

Воспоминания атаковали, наседая на уголки памяти. Вынуждали вспоминать и дрожать от страха.

После смерти Юрки все как-то резко изменилось. Алексей запретил Даше ходить на площадь, не разрешал выходить из дома, больше кричал на нее по пустякам. Он мог сорваться совершенно неожиданно и наорать на девочку просто из-за того, что она попала ему на глаза. А в середине апреля он вдруг заявил, что они переезжают. Даша противилась, мотала головой, сопротивлялась, и уезжать не хотела.

Хоть она и уговаривала себя не верить и не надеяться на чудо, но внутри горел маленький огонек надежды на то, что дядя Олег может приехать за ней. Она уговаривала себя, ругала, утверждала, что это невозможно, но... все равно ждала и верила. Он вернется, а ее нет на месте. Он же тогда точно уедет! Обидится и уедет назад в Москву. И она больше никогда его не увидит. Что она тогда будет делать? Одна!

И накануне предполагаемого отъезда Даша решила на побег. Собрала вещи, Юркин подарок на день рождения, который нашла после его смерти под кроватью, немного хлеба и сала, подхватила подмышки Сан Саныча и, когда в доме все затихло, выскочила на улицу с твердым намерением не возвращаться.

Но Алексей нашел ее. Под мостом, где она надеялась от него скрыться. Наверное, ей не следовало его злить. Ведь, когда он ее нашел и насильно привел в дом, наказал за содеянное очень жестко. Избил до такого состояния, что она долго сидеть не могла, не содрогаясь от боли.

На следующий день они уехали, повесив большой увесистый замок на дверь и заколотив окна досками.

Даша не плакала, когда провожала глазами ставший тюрьмой дом, наверное, выплакала уже все слезы, но с грустью, с горечью и обидой смотрела на отдаляющиеся от нее дома соседей. Она не знала, что ждет ее дальше, ей было страшно, но она так и не показала Алексею свой страх.

Они поселились в обшарпанном, почти заброшенном деревянном бараке. Даше отчаянно не нравилось это место, но противиться она не смела, боясь быть наказанной. Убежать она тоже не могла. Да и шанса на побег у нее так и не представилось. Сожитель матери следил почти за каждым ее шагом, в то время как мать, вообще не обращала на нее внимания, словно забыв о том, что у нее есть дочь. И если раньше Даша испытывала к ней жалость, то сейчас, после того, как она не проронила ни слезинки на похоронах сына, девочка стала ее презирать. Она не знала, что это чувство является презрением, но просто смотрела на нее, как на абсолютное ничто, недостойное быть рядом с ней, и отворачивалась от женщины каждый раз, когда ее видела. Она не могла смотреть на человека, который помог Алексею забрать у нее Юрку.

А Алексей внезапно стал за Дашей очень пристально наблюдать, оценивающим взглядом пробегая по тощей фигурке, иногда даже не скрывая своего интереса, и всегда словно над чем-то раздумывал.

Даша не знала, что он затеял, лишь однажды в его разговоре с матерью мелькнула фраза о том, что «Даша поможет им разбогатеть», но девочка тогда не придавала ей особого значения, предполагая, что ее вновь отправят на площадь побираться. Но она ошиблась.

Однажды Алексей пришел домой не один, а со странным мужчиной в дорогом черном костюме и с небольшим чемоданчиком в руках. Ей не понравились его темные вьющиеся

волосы и сальный, противный взгляд маленьких, как у поросенка, глазок. Даша не знала, кто он такой, и какие дела могут связывать этого богато одетого мужчину с Алексеем, но знала точно, что он ей не понравился.

Он очень пристально ее разглядывал, приподнимал подбородок, осматривал волосы, наклоняя голову вниз и больно дергая за косичку, заглядывал в уши и в рот, рассматривая зубы. А потом широко улыбнулся, покачав головой, и, что-то сказав Алексею, ушел. На прощание бросив на Дашу еще один сальный взгляд.

В тот же вечер Алексей сообщил Даше, что вскоре она переедет жить к другим людям.

Она не рискнула спросить его, куда именно, ей было все равно, главное — подальше от него.

Только бы не к тому ужасному мужчине, что приходил к ним домой, но в этом Даша уверена не была.

Забравшись в угол своей комнаты, она сидела там, так и не проронив ни слова, глядя на дверь, готовясь к тому, что та вот-вот отворится, войдет Алексей и прокричит ей, чтобы она собиралась.

Но он не приходил. И тот ужасный мужчина тоже не приходил.

А через два дня, когда она боялась даже собственного частого дыхания, за ней пришел дядя Олег.

Он забрал ее с собой в Москву и поселил в своем доме, выделив ей отдельную комнату.

Ей там нравилось. Там было чисто и уютно. Там на нее не ругались и не кричали. Она была бы рада там остаться навсегда, хотя и не верила в подобное счастье для себя. И этой ночью все изменилось.

Теперь она убежала и от Олега тоже, как когда-то убежала от Алексея.

Она так хотела вернуться! Но было стыдно.

Девочка повернулась назад, осмотревшись по сторонам, и поняла, что не знает, куда идти. Потерялась!

Она остановилась посреди темной пустынной дороги с застывшими в глазах слезами.

Что ей теперь делать? Она совсем не знает этот чужой, незнакомый город. Здесь все чужое! Кажется, даже солнце встает по-другому, не так, как в Калининграде. И переулки, углы другие, улицы другие.

А вот люди такие же, как и дома. Везде они одинаковые. Она поняла это еще тогда, когда они с дядей Олегом гуляли по городу. Он тогда покупал ей мороженое и шарики, катал на каруселях и водил на Поклонную гору смотреть на фонтаны. Даша видела, что люди, которых они встречали по дороге, смотрели на нее иначе. Но это лишь оттого, догадывалась девочка, что она была одета опрятно, на ней было красивое голубое платье, которое ей купил дядя Олег, и волосы ее были аккуратно заплетены в косичку Тамарой Ивановной. А платье ей очень нравилось, и жаль, что его пришлось оставить. Как и все остальные вещи, которые успел купить ей дядя Олег, купить совершенно бескорыстно, так ничего и не потребовав взамен.

Убегая из квартиры, Даша взяла с собой только свое.

Когда она, заливаясь слезами, вбежала в комнату и бросилась к кровати, спрятавшись за изголовьем и боясь, что к ней сейчас придут, чтобы накричать и отругать за то, что она подслушала, она еще не думала о том, что уйдет. Она, зажав кулаком рот, рыдала про себя, обиженная и уязвленная, ожидая прихода дяди Олега или его сына. Но потом, через некоторое время, она решилась.

Дрожащими руками натянула на себя старую кофточку и порванные на коленях штанишки и бросилась к двери. Осторожно приоткрыв ее, выглянула в коридор и прислушалась. В кабинете дядя Олега голоса стихли уже давно, наверное, отец и сын отправились спать. Девочка, не медля, выбралась из комнаты и быстрыми шажками двинулась к входной двери. Оглядываясь на дверь кабинета дяди Олега, где сквозь щелку пробивалась полоска света, Даша обулась и, привстав на носочки, потянулась к дверному замку. Сняла цепочку, осторожно отвела щеколду и скользнула в безлюдную и холодную темноту лестничной клетки, в объятия пустоте и страху.

На лифте ехать не рискнула, на первый этаж спустилась пешком, перескакивая через две, а то и через три ступеньки, и все время боязливо оглядывалась назад, опасаясь, что ее отсутствие обнаружат. А когда выскочила из подъезда в немое и покрытое дымкой полудремы утро, бросилась бежать, сама не зная, куда бежит. И бежала так, пока не сбила дыхание. Остановилась, слушая грохочущее в ушах сердце, оглянулась, проверяя, нет ли за ней погони, а потом... Потом она вдруг заплакала.

Это был незнакомый двор, незнакомая детская площадка, погруженная в предрассветную полуночную дымку, незнакомая местность. Это был не ее город, который она знала достаточно хорошо. Это был чужой, пустой, равнодушный город, который она не знала совсем. От безысходности и страха, она застонала.

Смахнув со щек слезы, присела на лавочку и низко опустила голову.

Что ей теперь делать? Куда идти? Может быть, она зря убежала и стоит вернуться?

Нет, нет... нельзя. Ее там не ждут, ей там не рады.

Губы задрожали, подбородок затрясся, слезы вновь брызнули из глаз. Холод коснулся ее тела, но Даша не обращала на него внимания, погруженная в свои переживания.

Она просидела на лавочке до тех пор, пока не услышала позади себя негромкие голоса приближающихся к ней людей. Женские голоса, насколько она могла судить.

Испуганно вскинув голову, Даша вскочила со своего места и кинулась прочь, оглядываясь назад и видя лишь нечеткие, расплывчатые очертания чьих-то фигур.

Она бежала, стуча каблучками купленных дядей Олегом сандалий, и их стук раздавался эхом в предрассветной темноте майского утра.

Позади нее мелькали многочисленные дома и переулочки, а улица, казалось, тянулась бесконечно.

Наконец, устав бежать, она завернула за кирпичную пристройку какого-то дома и, прижавшись спиной к стене, закрыла глаза.

Что ей теперь делать? Как быть? Куда она пойдет? Вдруг ее найдут и отведут назад, к Алексею?!

Испуганно вздрогнув, Даша раскрыла глаза, выглянула из-за угла своего укрытия и скрылась за ним вновь, опасаясь быть увиденной.

Ей нельзя показываться на глаза людям. Если они ее увидят, то отправят к Алексею!

Она бросила быстрый взгляд на длинный переулок, светящийся мрачной темнотой, и, ни минуты не задумываясь, стремительно кинулась туда. Забившись в угол, поджав под себя ноги и наклонив голову вниз, касаясь подбородком поднятых коленей, Даша обняла себя за плечи.

Здесь ее никто не найдет. Никто не найдет...

Олег в это время не находил себе места от беспокойства. Он разбудил сына и Тамару

Ивановну, как только обнаружил исчезновение Даши. И все вместе они теперь находились в гостиной, гадая, что делать.

Олег метался по комнате, заламывая руки и обезумевшими глазами глядя в пустоту. Тамара Ивановна, вытирая платочком выступавшие на глазах слезы, никак не могла остановить их поток.

— Как же так получилось? — тихо шептала она. — Как же это произошло?..

Антон, засунув руки в карманы наспех надетых джинсов, стоял у окна, с непроницаемым лицом глядя на просыпающийся город. Напряженно застыв, он тоже волновался, хоть и не подавал виду.

Олег не мог успокоиться и, словно тигр в клетке, метался из стороны в сторону, то подходя к окну, то садясь в кресло, то вновь рассекая пространство комнаты резким движением.

Тамара Ивановна протягивала ему стакан с валерианой, но он отмахивался от нее и морщился.

Отчаянно заломив руки, он бросился к сыну.

— Это из-за тебя! — кричал мужчина, тыкая в Антона пальцем. — Из-за тебя она убежала!

— Успокойся, пап!.. — проговорил тот, повернувшись к отцу лицом.

— Ты виноват, ты!.. — не успокаивался Олег. — Куда она пойдет? Куда денется?! Она же здесь ничего не знает! Совсем ничего, ты понимаешь?! Это в Калининграде она знала, что и как, а здесь, в Москве... — голос его сорвался. — Куда она пойдет? Ночью, одна!? Антон!

— Что?! — огрызнулся молодой человек и, ставшей вмиг холодной рукой, провел по темным волосам. — Я не виноват в том, что она сбежала, — сказал он нервно, — не вешай на меня, пожалуйста, еще и это!

— Ты накричал на нее... — бессильно выдохнул Олег, опустив руки.

— И что? Я не виноват, что у нее оказалась слабая психика!

— Антон!

— Что ты заладил, Антон и Антон! — раздраженно воскликнул парень, отходя от окна и вновь засунув руки в карманы джинсов. — Почти девятнадцать лет уже я Антон!

В глазах Олега блеснули слезы, он сглотнул острый комок, образовавшийся в горле.

— Что делать?.. — обреченно пробормотал Вересов-старший. — Что нам делать? — спросил он, обращаясь к сыну. — Где ее искать, Антон?!

Молодой человек нервно выдохнул.

— Откуда я знаю, где ее искать?! Я тебе не сыщик! — он чертыхнулся сквозь зубы, а потом вдруг сдался. — Давай позвоним в милицию, если хочешь, — предложил он, участливо глядя на отца.

— И что они мне скажут?! — возмущенно вскричал мужчина. — Обратитесь к нам через сорок восемь часов?!

Антон нервно запустил пятерню в волосы, негромко выругался и, втянув в себя воздух, поднял голову к потолку. Закрыв глаза и выпрямился.

Отец был прав, черт возьми. Не станут они искать девчонку. Не нужно им это

Не хотелось ему этого признавать, но он тоже неожиданно для себя беспокоился за нее. Где-то в глубине души трепетно забились совесть, а жалость к этой девочке давила на все каналы его сердца.

Одна, в чужом, огромном городе, ночью. Черт! Отец прав, что с ней может стать, одному Богу известно.

Чертыхнувшись в голос, Антон посмотрел на отца.

Тот уже сидел в кресле и, схватившись за голову, раскачивался из стороны в сторону, все время что-то повторяя себе под нос.

Убивается. Из-за нее. Этой никому не известной девчонки. Черт, что за ***?!

Антон не мог смотреть на это без боли в сердце.

— Пап... — позвал он его, но мужчина не откликнулся, словно обращались не к нему. — Пап! — подошел Антон к отцу и тронул его за плечо. — Перестань ты убиваться, а!? Найдется она, куда денется?..

— Ты не понимаешь, ты не понимаешь, — пробормотал он, так и не взглянув на сына. — Я опять ее одну оставил... опять одну, понимаешь?.. Как она без меня?..

Антон зарычал, со свистом втянул воздух и наклонился к Олегу.

Отец не успокоится, пока эта девчонка не окажется рядом с ним. Он будет убиваться до тех пор, пока она не найдется и не будет в безопасности. Черт побери все на свете!

Хотелось закричать, хотелось рвать и метать, крушить все на свете. Руки так и чесались, чтобы кому-нибудь врезать, и парень жестко сжал ладони в кулаки.

Он не хотел этого. Точнее, этого он не хотел никогда, и ни за что не сделал бы этого...

Но, глядя на почти обезумевшего от горя отца... Он не мог поступить иначе. Просто не мог.

— Пап, перестань, — сказал он, сжимая плечо отца. — Найду я ее! — наклонился над ним и заставил смотреть себе в глаза. — Найду я твою девчонку, слышишь?! — уверенно выдавил он. — Найду!

— Правда? — едва слышно, пересохшими от отчаяния губами прошептал Олег.

Антон поморщился, сведя брови, стиснул зубы.

— Найду! — клятвенно пообещал он и, стремительно обняв отца, двинулся к двери.

Не дожидаясь лифта, сбежал по лестнице вниз и стремительно выскочил из подъезда, глотнув свежий утренний воздух мая. Забираясь в салон автомобиля, он еще думал о том, какого черта это делает, — отправляется на поиски девчонки, из-за которой вся его жизнь стала рушиться!? Не лучше ли было послать все к черту и плюнуть на это дело?! Ну, действительно, какая ему разница, что с ней станет!? Кто она ему? А его отцу — кто?! Но перед глазами, как картинки из самого страшного в его жизни кошмара стояло обезображенное болью и отчаянием лицо отца.

Антон выругался под нос, сжимая руль до посинения пальцев. Обещал, значит, выполнит обещание, черт побери! Чего бы ему это не стоило. Землю будет рыть, но найдет ее. Найдет и вернет отцу.

Плевать, как он относится к ней, плевать, что она отнимает у него отца, она, прежде всего, — ребенок. А одному ребенку не место на ночных, одиноких и опасных улицах Москвы.

Вжимая педаль газа в пол, он не думал о том, что может бросить ее поиски, поддавшись минутной слабости и едкому эгоизму, он думал лишь о том, где она может скрываться, и как далеко могла уйти.

Уже солнце стало освещать спящий город, выпуская его из объятий ночи, а Антон все еще колесил по дворам и переулкам в бесплотной попытке отыскать след Даши.

И это занятие стало его бесить.

Какого черта он носится за этой девчонкой?! Сдалась же она отцу!

Вновь и вновь чертыхаясь в голос, грубо и не щадя собственных ушей, Антон тем не менее не повернул назад, по второму кругу проезжая по уже изученной местности.

Ее нигде не было видно. Не могла же она так далеко уйти! Не могла, черт возьми!

Куда она могла деться, куда ушла?..

Мысли кружились в его голове, судорожно сжимая мозг плотным кольцом. Чертыхаясь, он остановился и выбрался из машины, отчаянно хлопнув дверцей. Выругавшись, пнул землю ногой, завел руки за голову, откинувшись назад, нервно рванул волосы на себя. Снова выругался, оборачиваясь к автомобилю.

Черт, да где же она может быть?!

Антон осмотрелся по сторонам. Куда забрался в своих бесплотных поисках?.. Черт, соседний двор?!

— Чтоб тебя... — тихо сказал он, бросив быстрый, мимолетный взгляд в сторону гаражей.

И вдруг замер. Какое-то движение из темноты привлекло его внимание. Он насторожился, прислушался, прищурился, внимательно разглядывая легкое движение в полутьме, а затем решительно двинулся вперед сначала медленными, а вскоре быстрыми спешащими шагами. И застыл, как вкопанный.

Неужели?.. Не может этого быть!

Поток неяркого утреннего света мгновенно выхватил из темноты переулка худенькую девичью фигурку, сжавшуюся в углу и смотрящую прямо на него.

Ему показалось, он сейчас задохнется от избытка чувств. Облегчение, радость, сожаление, мгновенная вспышка злости и ее угасание при виде дрожащего девичьего подбородка.

Даже воздуха вдруг стало не хватать, и Антон, приоткрыв рот в попытке насытиться, тяжело задыхался.

Сердце оглушающее билось в груди. Он не верил тому, что видел.

Девочка. Та самая, которую он искал. Забившись в угол, она смотрела на него, как загнанный зверек.

Сглотнув, он сделал неуверенный шаг вперед.

— Иди сюда, — проговорил он тихо, но настойчиво.

Она отчаянно замотала головой и лишь сильнее вжалась в кирпичную стену.

— Иди ко мне, — повторил Антон, двигаясь к ней, и с ужасом наблюдал за тем, как она стала шарить руками по стене и двигаться вдоль нее, словно в бесплотной попытке спастись. — Не бойся, — шепотом выдавил Антон из себя. — Не бойся меня, я тебя не обижу...

Но она не верила ему, и он это видел. В ее глазах светилось пламя. Яркое, пылающее, ослепляющее.

— Даша... — проговорил он, не отступая и двигаясь к ней. — Тебя ведь Даша зовут?.. Иди ко мне.

Она ничего ему не ответила, а лишь, не отводя от него испуганного взгляда, внимательно следила за его неотвратимым приближением и дрожала, продолжая шарить руками по стене.

Антон подошел к ней еще на несколько шагов и застыл. Протянул к ней руки, с удивлением заметив, что она, если будет нужно, станет вырываться. На ее лице был написан

немой, но решительной протест.

Она будет бороться. Будет биться до конца, но не сдастся. Это поразило его.

Почему она так боится? Почему бежит? Смотрит на него с опаской, со страхом.

И эти глаза!.. О Боже, эти черные, как смоль, глаза, они словно прожигали его насквозь.

И губы дрожат... Словно силится что-то сказать, но не может.

Антон попытался коснуться ее рукой и схватить за локоть, но девочка резко оттолкнулась и отскочила в сторону, воспротивившись захвату.

Антон напрягся, осознав, что действовать нужно осторожно и расчетливо.

И когда она хотела сделать решительный рывок вперед, чтобы проскользнуть под его руками, Антон стремительно вытянул руки вперед и поймал ее маленькое худенькое тельце в свои объятия.

Она стала вырываться, отчаянно, рьяно, резко. Ударила его по спине, затем по груди, забила в его руках, залепила острую пощечину, но Антон не отпустил ее и тогда.

— Тихо, тихо, — проговорил он ей в ухо. — Успокойся, здесь тебя никто не обидит. Тихе, девочка...

Она продолжала вырываться, билась, отталкивала его от себя, не кричала, не умоляла. Она по-прежнему не проронила ни слова. А Антон продолжал удерживать маленькое тельце в своих руках и шептать ей в волосы какую-то чушь.

Может, подействовали его успокаивающие слова, может быть, его уверенный и решительный голос, а может быть, она поняла, что он ее не отпустит, но Даша вдруг затихла, перестала вырываться, застыла в его руках тряпичной куклой. Повисла на нем, обнимая за плечи, и уткнулась мокрым лицом в грудь.

— Успокоилась? — напрямую спросил он ее и, заглянув в черные, как ночь, глаза, заметил в них немой укор. — Тогда пошли в машину, — встав с земли, опустил ее, и потянул за руку, не отпуская.

Он злился на себя за то, что поддался порыву. Какого черта ему нужно было ее успокаивать, обнимать!?

Черт, действительно, как заботливый старший братец!

Антон передернуло от этой мысли. Ему нужно было плюнуть на нее. Но как он мог, когда она выглядела такой... запуганной, загнанной, испуганной?!

И в этот самый момент он понял, почему отец так печется о ней. Ему ее жаль.

Антон потянул Дашу к своей машине. А когда они уже оказались в салоне, он, пристегнув Дашу ремнем безопасности, тронулся с места, и посмотрел на нее остро и грубо выдал:

— Больше так никогда не делай, поняла?

Она, понутив голову, ничего не ответила.

— Ты хоть думала, что творишь, а?! — продолжил Антон. — Это тебе не Калининград, это Москва, деточка! Здесь убить могут просто так, не спрашивая ни о чем, — Даша молчала, напряженно сжав губы, и так и не проронив ни слова. — Ты что, немая? — разозлился парень. — Все молчишь и молчишь!

— Я не немая, — ответила девочка себе под нос, так и не посмотрев на него.

— Очень этому рад, — отрезал молодой человек и уставился на дорогу.

Она все же посмотрела на него. Волком, исподлобья, насупившись и поджав губы. Бросила на него острый взгляд черных глаз, и выдавила сквозь зубы:

— Ты плохой.

— Да? — сухо осведомился Антон, презрительно взглянув на нее. — Думаешь, мне не все равно?

Она нахмурилась, темнее бровки сошлись на переносице.

— Плохой, — повторила она более уверенно и отвернулась к окну, поджав губы.

— Переживу! — коротко бросил Антон. — Это отец печется о том, что с тобой, и что ты о нем думаешь. Мне же плевать на это, думай, что хочешь, — стиснув зубы и сильнее вцепившись в руль, Антон качнул головой: — К нему же в будущем проявляй уважение. Лишь благодаря отцу, ты находишься здесь.

Даша нахмурилась, поджала губы, так ничего и не ответив, и, послав молодому человеку вызывающий взгляд из-под опущенных ресниц, отвернулась к окну и угрюмо уставилась в темноту ночного города, светящегося тысячами огней.

Больше они с Антоном не обмолвились друг с другом и словом.

9 глава

Уже через пару недель Антон понял, что не может находиться с ней под одной крышей. И вовсе не потому, что она раздражала его или вызывала неприязнь, он почти не виделся с ней, не сказал ей ни слова с той ночи, когда она убежала, а потому просто не мог испытывать к ней каких-либо объективных чувств.

Но он видел отношение к ней отца, любовь к ней Тамары Ивановны, чувствовал, что от него отдаляются все, кого он любил. Из-за нее. Этой маленькой, ничем не примечательной, вызывающе откровенной, умной девчонки. Она медленно, но верно шла по тому пути, по которому он идти ей никогда не посоветовал бы.

Она отнимала у него отца. И этого простить ей он не смог бы никогда.

Они словно схлестнулись в неравной борьбе за внимание, за любовь, за поддержку. И хотя Антон сотни раз повторял себя, уверяя, что отец его любит, что никогда не бросит, что всегда будет с ним и поддержит в любом его начинании, что она — эта девчонка с улицы, не значит, да и не может значить для него больше, чем родной сын, но уговорить себя так и не смог. Он сотни раз пытался уверить себя в том, что нужен ему больше, чем она. Десятки раз прокручивал в памяти их разговоры, высказанные вслух слова и проявленные жесты. Это стало почти паранойей для него, когда, мчась по ночной Москве и разрезая скоростью рой беспощадных мыслей, терзавших мозг, он думал о том, во что превратилась его жизнь с появлением в ней этой маленькой беспризорницы.

Он бы и рад был не обращать на нее внимания, забыть о самом факте ее нахождения рядом с ним, — но как?! Когда каждый новый день встречал его жужжащей мыслью о том, что она спит в соседней с ним комнате, — его комнате!?

Ничего не помогало. Он так и не смог уверить себя, что может примириться с ее присутствием в их доме. Хотя и пытался. Честно пытался, удивляясь самому себе. Разве попытки просто игнорировать ее существование могут быть не засчитанными?! Да, он пытался не обращать на нее внимания, закрывал глаза на то, как трепетно заботится о ней отец, как носится с ней Тамара Ивановна и, убегая от общения с ними, безрассудно мотался до ночи по городским улицам, пытаясь раствориться в компании друзей и подруг.

Он старался вообще особо не выделяться... Черт! Не выделяться — в собственном доме! Из-за нее.

Он готов был пойти на многое, чтобы отец был счастлив. Даже примириться с этой девочкой.

Но, как ни старался, примириться и привыкнуть к ней так и не смог. Принять не смог.

Она была опасна. Он смеялся над своими мыслями; как может быть опасна девчонка девяти лет от роду? Но ошибиться не мог. Она была опасна. Для него, для той жизни, которую он построил, она была опасна.

Незримо, но ощутимо она всегда была рядом, казалось, он чувствовал ее, когда разговаривал с отцом, звонил по телефону, когда, войдя в квартиру, слышал шептания на кухне или в его кабинете. Казалось, она была везде! В его бывшей комнате, в его доме, в его жизни! Она словно стала тенью его существования. И он не мог выносить этого. Она ничем

не выдала своих намерений, но изо дня в день захватывала то, что когда-то принадлежало ему. То, что он завоевывал долгое время, то, к чему всегда стремился и чего желал.

Она отнимала у него отца.

Этого было достаточно для того, чтобы ее ненавидеть. И он стал ненавидеть.

Хватило и нескольких дней, чтобы он осознал, что это не шутка и не обман. Хватило одного взгляда на отца, когда он, полагая, что его никто не видит, укрывал одеялом хрупкие девичьи плечи, когда девочка заснула на диване в гостиной, и осторожно, чтобы не разбудить ее, выходил из комнаты. Хватило одного лишь взгляда, чтобы понять, чтобы осознать, чтобы не принять того, что сулило ему будущее.

Отец уже не будет прежним. Он изменился. Он тянулся к ней. К этой девчонке с улицы, она словно околдовала его. Даже к нему, своему сыну, он так никогда не относился! Когда он был маленьким, разве мог надеяться получить от него такую же заботу?! До дня, когда умерла мама, у него, по сути, и не было настоящего отца. У него был профессор, лучший преподаватель университета, и исследователь, который пытался купить сынову любовь дорогими диковинными подарками из экспедиций.

Профессор и исследователь, но никогда — до смерти мамы — просто отец.

И сейчас, когда Антон, наконец, обрел то, чего не имел с детства, какая-то никому не известная девчонка с улицы готова была все разрушить. Растоптать его и его чувства, даже не понимая, что именно творит.

Ему было плевать, кто она такая. Он не желал ничего знать о ее прошлом, хотя отец пытался рассказать ему, что с ней произошло. Он знал, что она потеряла младшего брата, которого, очень сильно любила. Отец сказал ему об этом на его вопрос о том, почему мальчика нет в Москве. Знал, что ее мать пьет, не заботится о детях. Знал так же, что сожитель матери бессердечный негодяй. Больше этого он знать о ней не желал. Не хотел привязываться к ней, не хотел испытывать к ней жалость или сочувствие, которые обязательно привели бы его к другим к ней чувствам. Он не желал, отказывался что-либо чувствовать по отношению к ней. Ему это было не нужно. Он для себя уже многое решил.

Она была человеком не только не его круга, но воровкой. Его прежней жизни, доставшейся ему высокой ценой. Слишком высокой, чтобы он сейчас мог просто так отдать то, к чему стремился долгие годы.

Он не понимал, как отец мог пойти на это. Почему он привез ее к ним домой? Почему вообще ввязался во все это? Зачем, почему, с какой стати?! Ведь у нее ничего не было. Кто ее родители, кто ее воспитал, чему ее вообще научили?! Можно ли доверять ей?! Но отец доверял. Он, очевидно, ни на мгновение не задумывался над тем, кто ее родители, где и в каких условиях она выросла. Его вообще ничего не волновало. Только то, что она сейчас рядом с ним, и что он может о ней позаботиться. Совершенно забыв о том, что у него есть сын! И это бесило.

Сказать, что он ревновал? Ревновал отца к этой маленькой воровке? Да, наверное, так и было. Но еще он искренне не понимал, почему отец с ней возится. В России тысячи таких же детей, как она! Зачем же приводить их в свой дом и брать на себя ответственность за их будущее, за их воспитание?!

Антон искренне не понимал этого и, убегая от всех в охваченные ночью улицы, долго думал над тем, что происходит в его жизни. Хотелось разобраться, хотелось понять. Отца понять.

Может быть, он что-то упустил из виду, на что-то не обратил внимания или просто

закрыв глаза? Может быть, было нечто такое, чего он просто не заметил, скрываясь за собственной болью, не обращая внимания на боль отца?! Ведь нельзя просто взять и привязаться к мало знакомой девочке до такой степени, чтобы сделать ее смыслом своей жизни?! И отец не такой, чтобы рубить с плеча.

Но как он ни старался понять, сколько бы оправданий и причин, носящихся в его голове, не придумывал, так и не смог этого сделать. Понять мотивов его поступков по отношению к ней так и не смог.

Невольно он всегда вспоминал ее. Ту, которая ворвалась в его размеренную, установленную жизнь, невольно став ее разрушительницей.

Он вспоминал, как увидел ее впервые, в тот вечер, когда, едва вернувшись домой, вновь уехал. Лишь потому, что она находилась там. Маленькая, худенькая, с тонкими плечами, короткими темными волосами чуть ниже плеч, которые так усердно заплетала в косичку, и с выразительными глазами цвета ночи, казавшимися огромными на бледном личике с упрямым подбородком. Она всегда держалась в стороне, не решаясь подходить ближе. Действия ее были скованными, даже нерасторопными, неуверенными и словно стыдливymi. Взгляд на него — всегда исподлобья, укоряющий и обвиняющий в чем-то.

А в день, когда он ее нашел, подумать только, она сказала ему, что он «плохой»! Повторила это дважды. И как бы ни хотел он себя признавать в этом, но это его задело. Гораздо больше, чем он хотел бы, чем мог бы себе позволить. С какой стати, ведь его не интересует ее мнение!? Тогда почему в груди после ее откровенно искренних, чувственных слов остался горький, разъедающий осадок!? Он потом еще долго ворочался в постели, вспоминая ее слова, сказанные без утайки, откровенно и прямолинейно, вспоминал и ее взгляд, хлесткий и очень острый. Даже то, как дрожал ее подбородок, и сдвинулись к переносице темные бровки, вспомнил.

Он тогда приказал себе не думать. Вообще ни о чем не думать в ту ночь. И, как ни странно, получилось.

Он почти не видел ее с того рокового дня, они почти не встречались и, конечно же, не разговаривали, но он уже почти ненавидел ее. За то, что она посягнула на самое дорогое, что у него было. На его отца.

Ему было все равно, что она думает, где ходит, чем занимается. Но его бесило, что отец носит с ней, как... черт! Как с дочерью!? В то время как его родной сын сходит с ума от безнадежного и откровенного безразличия к нему!? Этого Антон вынести не мог, а обманывать, уговаривая себя в том, что смог бы, что постарался бы, — уже не позволяла совесть. Он бы принял новую работу, смирился с новой женщиной. Он бы понял, если бы отец сказал, что ради карьеры должен, например, уехать за границу. Он бы смирился, понял, отпустил, не держал. Он бы поддержал его в этом. Но он никогда не сможет смириться с тем, что какая-то девчонка с улицы пытается заменить отцу его! Его — родного сына!

Он терпел. Довольно-таки долго терпел. Ради отца, ради Тамары Ивановны, которая тоже привязалась к девчонке. Он стал реже ночевать дома, пропадая у друзей или в компании подруг. Пытался заглушить разочарование и подавить одиночество в ночных клубах, где ритмы заводных мелодий стирали из его памяти ее тихий надрывный плач, когда он обнаружил ее после побега. Почему-то все мысли его вновь и вновь возвращались к той ночи, когда она убежала, и перед глазами кружились картинка этого прошлого.

Тогда он, действительно, поддался внезапному порыву, и злился потом на себя за него. Какого черта какая-то девчонка вызвала в его душе такую бурю чувств?!

Она так смотрела на него своими глазками, что у него душа переворачивалась. Она так сильно боялась, и этот страх он будто ощутил кожей. Он обдал его горячей взрывной волной, накрыв с головой, как поток раскаленной лавы. Выжег изнутри всю злость, гнев и ярость, которые он к ней испытывал. Но лишь на несколько минут. Порыв прошел, и реальность обдала ушатом ледяной воды его разгоряченное тело.

Да, он ей сочувствовал, жалел ее, он испугался за нее, — ведь, действительно, испугался, когда она убежала! Но это ничего не значило. Ее прошлое, о котором он не знал, да и не хотел ничего знать, было в прошлом. И, несмотря на жалость и сочувствие, он не мог подавить в себе противоречивых к ней чувств.

Она по-прежнему была девочкой, которая отняла у него отца. И изменить этого было нельзя.

Если подумать, а в последнее время Антон думал очень много, наверное, он бы и смирился с тем, что она живет с ним под одной крышей, что ходит рядом, ест за одним с ним столом, с тем, что спит в комнате, в которой раньше спал он. Он даже с тем смирился бы, что она стала так много значить для его отца. Но он не мог смириться с тем, что Олег пытался навязать свою философию и ему!

Олег всеми силами пытался внедрить в сына любовь к этой девчонке, слепую и безудержную, какой была и его любовь к ней.

А Антона бесило это рьяное желание отца подчинить его своей воле. Сделать так, чтобы и он полюбил его воспитанницу. Он надавливал на него почти незаметно, но Антон ощущал это давление, так же остро, как сопротивлялся этому давлению. Он терпел, мирился, боролся с собой и сопротивлялся своим истинным чувствам к ней, которые переполняли его, словно ворвались в кровь, забрались под кожу.

И в один прекрасный момент он не выдержал. Сорвался. Вырвалось во вне все, что накопилось.

Раскрутилась тугая пружина, взорвалась, разлетелась на тысячи крупинок боли, обиды, разочарования и злости. Обдала обжигающей искрой и вонзилась в кровь. Поставила его перед жестким выбором.

Это должно было случиться, рано или поздно. Антон чувствовал все нарастающее напряжение, которое сквозило не только в стенах его дома, но, кажется, дышало парами кислоты в воздухе.

Рано или поздно это должно было произойти.

Они не раз и не два уже ссорились с отцом из-за нее.

Он не сдерживался в выражениях, он срывался, он почти всегда теперь срывался в разговорах с отцом. Кричал, отчаянно жестикулировал и доказывал свою позицию, свою точку зрения. И негодовал, яростно негодовал из-за того, что Олег даже не пытался вникнуть в суть его проблемы, а твердил одно и то же.

Накануне той ночи, когда свершился роковой выбор, Антон серьезно поссорился с отцом.

— И ты хочешь променять меня на нее?! — кричал он, не задумываясь о том, что его могут услышать. — Ты с ней хочешь жить?! — он не мог сдержаться. — Какая-то... грязная девчонка с улицы заняла мое место?! — лицо его исказилось. — Да она никто для тебя, — никто, понимаешь?! А я — твой сын, черт побери!

— Антон...

— Что?! — воскликнул тот разъяренно, глядя на застывшего посреди комнаты отца.

Ему было больно видеть его таким, убитым горем, с тусклыми глазами, но и иная боль, более едкая и режущая, полосовала его ножами. Он не мог этого выдерживать. Его словно ножами резали. С двух сторон.

— Что ты хочешь мне сказать?! — закричал он, метаясь по комнате. — Что променял меня на нее? Так я это вижу и так! Подумать только, какая-то... беспризорница, какая-то оборванка... — он чуть не задохнулся он переполнявших его чувств, вскинул голову вверх и сильно зажмурился. — Черт!

— Антон, — решительно заявил Олег, — не смей так говорить. Ты совсем не знаешь Дашу, и...

— А ты знаешь? — резко спросил молодой человек, повернувшись к нему и пронзив мужчину острым взглядом серых глаз. — Ты ее знаешь?! Как долго ты был с ней знаком, перед тем как решил привести ее в наш дом?! Два дня, три, четыре? Как долго ты ее знаешь?! — уничтожающе восклицал Антон, пытаясь докричаться до сознания отца. — Что ты знаешь об ее наследственности, на худой конец?! Кто ее родители, черт возьми, тебе это известно?!

Он бил по больному и знал это, осознавал, какую боль причиняет отцу своими словами, но остановить поток сбивчивых ругательств и резких обвинений уже не мог. Как не мог заглушить и собственную кричащую боль, рвущуюся изнутри.

— Ты ей настолько доверяешь?! — спросил он напрямик. — А ты уверен в том, что, проснувшись утром, застанешь все свои вещи в целостности и сохранности!?

— Антон!.. — задохнулся от возмущения Олег.

— Что?! — огрызнулся тот, со свистом выдохнув, отошел к окну и сквозь зубы со злостью добавил. — Ты бы хоть в больницу ее сводил, мало ли что она с собой притащила из своего Калининграда...

Антон знал, что переходит границы дозволенного, но остановиться не мог. Как запущенный маятник, он яростно атаковал и шел вперед.

— Антон! — закричал Вересов-старший, мгновенно после этих слов подскочив к сыну. — Это переходит уже всякие границы! — он повернул парня к себе лицом и, заглянув в беспощадные серые глаза, словно потеряв голос, прошептал: — Откуда в тебе столько горечи... столько злости?!

Антон качнул головой и, встречая вопросительный взгляд отца, выдавил:

— Да если бы не она, ты никогда не бросил бы свою семью! — и тихо добавил: — Свою настоящую семью!

— Я тебя не бросал! — возмутился Олег. — Я здесь, рядом с тобой, и всегда буду с тобой!

Антон грустно усмехнулся.

— Ты, правда, ничего не замечаешь, или делаешь вид, что не замечаешь? — спросил он с болью в голосе.

— Я не понимаю, о чем ты...

— Она уже забрала у меня отца, — по словам выдавил из себя молодой человек. — Уже. Забрала!

Олег не нашелся, что ему сказать. Потому что правда колола глаза сильнее заостренных кольев. И как бы Олег ни хотел противиться, понимал, что Антон прав. Как же сильно он прав! И Боже, как было больно от этой правды!

Антон тогда сорвался из дома и, схватив ключи от машины, бросился в немую майскую

ночь, матерясь и пиная землю перед собой. Заскочил в автомобиль, нажал на газ и рванулся с места, словно за ним гнались.

Он носился по ночной Москве, как сумасшедший. Гнев, злость и обида застилали глаза, в ушах звучал монотонный голос отца, уверяющего его в том, что он должен подружиться с девчонкой.

Подружиться, с ней!?

Он матерился сквозь зубы, чертыхался болью, смешанной со злобой и детской обидой.

Ведет себя, как ребенок! Да, как ребенок, черт побери! Но кто вернет этому ребенку детство, в котором он рос без отца?! Кто-нибудь сможет, повернув время вспять, исправить то, что было надломлено много лет назад?! Кто осмелится обвинить этого ребенка в том, что он жаждет отцовской любви, которой его сейчас хотят лишить?!

Какова вообще грань между детством и взрослостью? Можно ли провести эту невидимую черту, когда, будучи взрослым, отчаянно мечтаешь вернуться в детство?!

Повторять себе, что он взрослый, что ему, черт побери, не девять лет, а почти девятнадцать, и что он старше, опытнее и мудрее нее, этой девчонки с улицы, он устал. Он пытался уверить себя в том, что она ни в чем, в общем-то, не виновата, но не смог убедиться в этом наверняка.

И сейчас, мотаясь по ночным, перекошенным искрящимися огнями улицам Москвы, он понял, наконец, осознал, что отец всегда теперь будет относиться к нему иначе. Не так, как раньше. Не так, как к ней. И не потому, что разлюбил его, а потому, что в ней теперь видел смысл своей жизни. Не в нем, — в ней!

И от этого было больно, из-за этого хотелось рвать в клочья собственную душу, метаться из угла в угол, как загнанный зверь, и понимать, что выхода нет. Обижаться бессмысленно, разочаровываться глупо, винить отца или кого-то еще в том, что так сложились обстоятельства, неправильно.

Оставалось только убежать. В глубокую пустоту, в черную темноту, в немую ночь одиночества.

И он убегал. Мчался, нажимая на газ, до упора вдавливая педаль газа в пол, и оставляя позади себя боль.

Убегая от боли, он, тем не менее, навстречу боли и бежал. И эта боль пожирала его, рвала, кромсала.

Ничего не станет, как прежде. Прошлое не возвращается. Остаются лишь воспоминания.

Антон резко затормозил на набережной и выскочил из машины, жадно ловя ртом холодный воздух ночи.

Пожалел, что не курил. Впервые в жизни пожалел об этом. Засунув руки в карманы джинсов долго еще стоял, закинув голову вверх и закрыв глаза, потом смотрел на Москву-реку и, стискивая губы, думал о том, что говорил отец, вспоминал и прокручивал все детали и мгновения произошедшего разговора.

А когда, немного успокоившись, в половине третьего ночи все же вернулся домой, застал ее.

Она лазила на кухне, раскрывая полки и заглядывая в холодильник.

Еще у двери услышав странные шелестящие звуки, доносившиеся из столовой, он, нахмурившись, двинулся туда. В светлой щелочке, образовавшейся от приоткрытой дверцы холодильника, он мгновенно заметил застывший в полутьме детский силуэт, резко обернувшийся при его появлении.

Тихий испуганный вскрик... и она тут же захлопнула дверцу, словно желая раствориться в темноте.

И Антон почему-то сорвался. Понимал, конечно, что она ничего плохого не делает, но все же...

Щелкнул выключателем, мгновенно подскочил к девочке и, схватив ее за плечи, затряс хрупкое тельце, набросился на нее с колкими обвинениями и упреками. Не обращая внимания на палку колбасы, зажатую в дрожащей руке, на испуганные, широко раскрытые, блестящие от ужаса черные глаза с застывшим в них диким страхом. Вообще ничего перед собой не видя, и, словно не осознавая, что творит.

Все растворилось в событиях и числах, словах и поступках, смешалось в один вертящийся вокруг него водоворот, ураганным вихрем подминая его под себя и выбивая почву из-под ног.

Разговор с отцом, его горящее мольбой и решительностью лицо, злобные крики и упреки. Громкий треск захлопнувшейся двери. Визг тормозов и бесконечная вереница светящихся московских улиц.

А потом, неожиданно, как выхваченная из памяти картинка недавнего прошлого... Она. Сжавшись в комочек, сидит в углу, прижимаясь в кирпичной стене, дрожит всем телом, смотрит на него зачарованными глазами с горящим внутри зрачков испугом, словно силится что-то сказать, но молчит... Бьется в его руках, вырывается, но он держит крепко, не отпускает...

Трясет ее за плечи, как сумасшедший, и кричит, искаженным злобой лицом нависая над ней.

Что на него нашло, он не мог объяснить и потом, а тогда, в тот самый момент, он и вовсе не понимал, что делает, продолжая отчаянно подавлять, больно, жестко, грубо сжимая пальцами тоненькие плечики девочки и изрыгая на нее необоснованные обвинения.

— Ты что тут делала?! Ночью?! — воскликнул он с чувством. — Тебе мало того, что ты уже имеешь, ты хочешь нас еще и обокрасть?! — он сильно потрянул ее, заметив помутившимся сознанием, как дернулась назад ее голова. — Обокрасть нас хочешь?! Ах ты, маленькая воровка!..

Она застыла недвижимо, даже не шелохнулась, смиренно принимая его жестокие слова и грубые захваты, но вдруг ее голова резко дернулась, она посмотрела на него. Прямо в глаза, пристально, прямо.

И тут он понял, ощутил, что что-то вдруг, молниеносно изменилось.

Он резко остыл, тяжело дыша и глядя в ее лицо, бледное, с красными, сонными глазами, и, уставившись на дрожащие сильной дрожью губы маленькой девочки, нервно сглотнул.

Что же он наделал?.. Что же он наделал!?

Сердце бешено барабанило в горле, а надломленная тупая боль образовывала зияющую дыру в груди.

Захват его рук ослаб, он почти выпустил ее из онемевших вмиг пальцев, и все смотрел на ее личико, на поддрагивающие ресницы, на широко раскрытые глаза, на приоткрытые губы. Ее испуг, ее страх, ее обиду... Он все ощутил на себе. Словно в него вонзили все эти чувства, обнажая его перед ними.

И он испугался своего поведения, глядя в горящие незнакомым ему блеском глаза.

Всего мгновение. Ничтожное и ледяное мгновение. Казалось, оно длилось бесконечно.

Сначала застывшая в его руках бесчувственной игрушкой, Даша уже в следующий миг

забилась, стала сопротивляться, не раздумывая, как разъяренная, дикая кошка, бросилась на Антона и, вцепившись ему в волосы, принялась отчаянно рвать их на себя. Она дергала его, ногтями впивалась в кожу лица и царапая ее до появления первых капель крови. Царапалась, брыкалась, вопила, била его кулачками, пыталась задеть кожу зубами и снова впилась в его волосы и щеки.

Ошеломленный, он пытался скинуть ее с себя, отцепить крепкие маленькие ручонки от своего тела, но девочка, словно срослась с ним. Ногами она оплела его за талию, повиснув на ней намертво, а ногти ее продолжали отчаянно полосовать его лицо, щеки и виски. Под ногтями появилась кожа, горячая, липкая кровь текла по ее рукам так же, как и по его лицу, но она продолжала неистово бороться.

Антон взвыл от боли и, схватив ее за волосы, потянул их на себя. Девочка даже не дернулась, продолжая разъяренно царапать его лицо и истерично биться в крепких руках.

— Безумная! Идиотка! Отцепись от меня! — закричал парень, борясь с девочкой и пятясь назад.

Со стола упала ваза с фруктами, яблоки покатались по полу, две чашки с недопитым чаем опрокинулись, разливая желтоватую жидкость, с кухонных полок посыпались банки с крупами, сахарница и салатница с пронзительным бьющимся звуком разбились о пол, разлетевшись на осколки.

Антон подскочил на ноги, Даша, повиснув на нем, вцепилась в его тело мертвой хваткой. Шатаясь, он ударился о стену и, стараясь оторвать от себя обезумевшую девочку, хватал ее за спину и волосы.

— Отпусти меня! — орал он бешено. — Отпусти меня, идиотка!

Где-то вспыхнула яркая вспышка света. Послышались голоса и быстрые шаги в сторону кухни.

— Антон!?! — это отец, взволнованный голос, почти кричит.

— Что там случилось?.. — это Тамара Ивановна, обеспокоенно, нервно.

— Он на кухне...

— Сумасшедшая! Отпусти меня, зараза! — кричал Антон, чувствуя на губах и языке солоноватый привкус собственной крови, стекающей от висков по щекам к подбородку. — Тварь такая, отпусти!

— Я не воровка! — закричала девочка, вцепившись теперь ногтями в майку на его груди. — Не воровка!..

— А кто же ты? — взорвался Антон, осознав, что девочка устала бороться. — Кто ты тогда?! — воспользовавшись ее легким секундным замешательством, парень схватил ее запястья и, крепко сжав их своими руками, отцепил Дашу от себя, приподняв над собой. — Сумасшедшая! — выкрикнул он в ее заплаканное лицо. — Тебя надо в психушку запихнуть, ненормальная!

Девочка вновь стала биться в истерике, она рвалась, пыталась царапаться, била его ногами, вертела головой в разные стороны, слезы текли по ее впалым щекам, а губы предательски дрожали.

Она дико кричала, у него в висках стояло жуткое эхо ее крика, а потом вдруг...

— Что здесь происходит? — вскричал отец и бросился к ним. — Антон!?

Парень даже не посмотрел на него, продолжая крепко сжимать девочке руки.

— Антон! — настойчиво, в ужасе повторил отец.

— Что?! При чем здесь я?! — заорал тот в ответ, опять сорвавшись. — Это твоя

девчонка закатила истерику! Ненормальная!

— Отпусти ее, Антон! — схватил сына за руки профессор Вересов, вынуждая сына отпустить Дашу. — Отпусти ее, я тебе говорю! Сейчас же!

— О Боже, — в кухню вбежала Тамара Ивановна, — что здесь происходит?!

— Ничего! — огрызнулся парень. — Ваша гостья сошла с ума! Она набросилась на меня!

Он, наконец, отпустил Дашу, почти швырнув ее отцу, и тот поймал девочку и прижал к себе дрожащее крупной дрожью маленькое тельце. Она истерично, громко плакала в голос, не стесняясь и не смущаясь слез, как раньше.

Олег прижал ее к себе, обнимая за плечи, и, поглаживая ее по спине и голове, все шептал:

— Все хорошо, маленькая. Все хорошо, моя крошка. Все хорошо...

Антон сплюнул кровь, отвратительным медным ядом скопившуюся на языке и схватился за раненые виски и щеки. Поморщился от боли.

— Черт! — воскликнул он, ощутив под пальцами горячую слизкую гущу. — Ты смотри, что она сделала! — он повернулся к отцу, демонстрируя окровавленное лицо. — Смотри!

Олег ошеломленно уставился на раны на лице сына, а Тамара Ивановна почти беззвучно охнула, прикрыв рот ладошкой, бросилась к Антону, схватив полотенце, и прижала его к лицу молодого человека.

— Боже, Боже... — шептала она, чуть не плача. — Что же случилось? Что произошло?..

— Что ты ей сказал? — едва слышно выдавил Олег, невидящими, пустыми глазами глядя на сына.

Антон в бешенстве отскочил к стене, отмахнувшись от полотенца и помощи Тамары Ивановны.

— Я?! — закричал он, сверкая глазами. — Ты считаешь, что это я во всем виноват?! Я?!

Олег смотрел на него широко раскрытыми глазами и, продолжая прижимать Дашу к себе, гладил ее по волосам.

— Даша не могла бы сделать... этого, если бы ты ее не обидел, — проговорил Олег уверенно.

— Да твоя Даша ненормальная! — взвился парень. — Ты посмотри на нее! Нужна показать ее психиатру! Она же так всех может ночью перерезать!..

— Думай, что говоришь, сын! — грубо перебил его Вересов-старший.

— А что не так я говорю!? Ты посмотри на нее и посмотри на меня!? — он повернулся к отцу окровавленной стороной щеки, по которой текла кровь. — Видишь разницу?!

Олег нервно сглотнул и лишь крепче обнял девочку, рыдающую у него в руках.

— Ей восемь лет, Антон! А тебе девятнадцать! Есть разница!?

Антон поджал губы.

— Твоя девчонка сумасшедшая, больше мне сказать нечего! — он потрогал раненые виски и поморщился от острой боли. — Убери ее из этого дома, иначе из него уберусь я.

Повисло неловкое, немое, разрушающее молчание. Тамара Ивановна, закрыв лицо руками, неслышно плакала, Олег часто и тяжело дышал, глядя на сына, а Антон, дрожа всем телом, смотрела в пустоту.

— Мы поговорим об этом утром, если ты не против, — сказал Олег, ласково поглаживая Дашу по голове. — Можешь объяснить, что здесь вообще произошло?

Молодой человек напрягся.

— Твоя протее лазила ночью по дому! — вызывающе выкрикнул он. — Не удивлюсь, если она что-нибудь стащила! Ты покопайся в ее вещах, я уверен, много интересного там обнаружишь!

— Ты лично видел, как она что-то взяла? — оскалился Олег, нахмурившись.

Антон замялся.

— Нет...

— Тогда какого черта ты обвиняешь ее в этом?! — вскричал мужчина.

— Олег Витальевич!.. — подала голос Тамара Ивановна, напуганная этим вскриком.

— Я застал ее ночью на кухне, и... — вмиг почувствовав себя неуверенно, пробормотал

Антон.

— И что она делала здесь? На кухне? — перебил его Олег, отмахнувшись от домработницы.

Антон переминался с ноги на ногу и, не глядя на отца, проворчал:

— Она лазила по полкам и стояла около холодильника...

— Значит, Даша подошла к холодильнику, — вновь уничижительно перебил его Олег, — захотела, очевидно, покушать, — сделав на этом акцент, грубо сказал мужчина, — а ты накинулся на нее с обвинениями в воровстве?! Я так понимаю?! — жестко осведомился Олег, прожигая сына острым взглядом.

Черт! Антон мгновенно почувствовал себя виноватым, и как это получилось, совершенно не понимал.

— Нет, не так!..

— А как?! — сорвался Олег. — Как?! Объясни мне, пожалуйста. Я слушаю.

Но Антон не знал, что ответить. Не знал, как оправдаться.

Щеки жгло огнем, виски нещадно болели, кровь не прекращала течь по коже. Наверное, останется шрам.

— Ты вновь хочешь сделать меня виноватым, да? — не отвечая на вопрос, выдавил он из себя. — Почему опять я, пап?! — мучительно скривился парень. — Ты ей веришь больше, чем мне?..

— Антон, не в этом дело!..

— А в чем? — грубо, жестко выкрикнул он и подскочил к отцу, но тот молчал. — Ты знаешь, в чем все дело, — с горечью в голосе выдавил Антон, заглядывая отцу в глаза. — Ты знаешь, — удовлетворенно выдохнул он, и потом, опустив взгляд, поморщился, напрягся. — Уже ничего не будет так, как прежде, верно? Никогда?..

Олег не ответил. В его руках зашевелилась Даша, и он лишь крепче прижал ее к себе.

Антон проследил за действиями отца и горько усмехнулся.

— Поговорим утром, — твердо, решительно, словно окончательно для себя что-то решив, сказал Антон и направился прочь из кухни.

— Антон... — попыталась остановить его Тамара Ивановна, но тот лишь отмахнулся от нее. Она умоляюще посмотрела на Вересова-старшего. — Олег Витальевич... Но нельзя же...

— Пусть идет, — перебил ее тот и подхватил Дашу на руки. — Пойдем спать, моя хорошая. Пойдем, крошка.

— Он назвал меня воровкой, — сквозь слезы прошептала девочка. — Он назвал меня воровкой...

— Он не серьезно, малышка, — пробормотал Олег, двигаясь со своей ношей из

кухни. — Он не специально...

И хотя Олег делал все для того, чтобы об этом ночном эпизоде забыла и она, и его сын, его помнили с яркой отчетливостью и она, и он. Еще очень долгое время.

На утро у Антона с отцом состоялся решающий, роковой разговор. Нужно было сделать выбор.

— Как твоя щека? — спросил Олег, едва Антон зашел в его кабинет.

Тот поморщился и, нахмурившись, двинулся вперед.

— Болит, — отрезал он коротко. — Шрам останется на полвиска!

Олег поджал губы и насунился, но промолчал.

— Где... эта твоя, сумасшедшая? — спросил парень, засунув руки в карманы джинсов.

— Даша? — он кивнул на дверь. — Они с Тамарой Ивановной пошли в зоопарк.

— Может, ее там и оставят? — себе под нос зло пробормотал Антон, но отец услышал.

— Ты что себе позволяешь?! — вскинулся он. — Чтобы я больше от тебя этого не слышал!

Антон пропустил его слова мимо ушей и, подойдя к окну и глядя вниз, решительно начал.

— Тебе придется сделать выбор, отец, — вздохнул. — Или она, или я. Нам двоим в этом доме не будет места.

Олег нахмурился.

— Не понимаю... — промолвил он.

Парень покачал головой, прикрыв на мгновение глаза, а потом обернулся к отцу и, встретив его взгляд с застывшим в глубине зрачков вопросом, на выдохе тихо проговорил:

— Я не хотел тебе говорить, — уставился в пол, словно смущаясь своих слов, — но еще в марте, когда ты был в Калининграде, мне предложили продолжить обучение в Лондоне.

Мужчина застыл, с изумлением глядя на сына.

— В Лондоне?... — едва выдохнул Олег.

— Да, — подтвердил парень. — Я... не стал тебе тогда ни о чем говорить, потому что... — Антон втянул в себя воздух. — В свете произошедших событий, я не считал это уместным, — парень посмотрел на отца. — А сейчас... Учитывая все обстоятельства... — он осекся, не договорив. — Ну, сам понимаешь...

— Ты, наконец, решил мне сообщить об этом? — спросил Олег, не повышая голоса.

— Да, я решил тебе сказать, — подтвердил молодой человек и отошел от отца в противоположную сторону.

— И что, — в спину ему бросил Олег, запнувшись, — ты думаешь делать?

Антон пожал плечами. Напряглась его спина, превратившись в гитарную струну.

Молчание, повисшее в воздухе, можно было поджечь, такой горячей и раскаленной стала атмосфера.

Антон, вскинув вверх голову, прикусил губу и повернулся к отцу, устремив на него грустный взгляд.

— Как я уже сказал, в свете последних событий, было бы лучше, чтобы мы с ней не встречались.

— Ее зовут Даша, — коротко выдавил из себя Олег.

— Мне плевать, — колко бросил Антон, чувствуя, что начинает раздражаться. — Я никак не хочу к ней обращаться, неужели ты не понимаешь?

Олег покачал головой.

— Нет, не понимаю, — искренне сказал он.

— Чего ты не понимаешь, пап? — воскликнул вдруг Антон. — Чего именно?! Того, что я никогда не смогу принять ее? Того, что мне, в отличие от тебя, действительно, все равно, как она будет жить? — его брови сдвинулись. — Да меня нельзя винить в этом! Большой части нашей страны будет тоже все равно, их же ты в этом винить не станешь, правда?!

— Антон...

— Или, может быть, ты думал, что я стану считать ее своей любимой младшей сестренкой? — презрительно выдохнул он. — Ты ждал, что я, как и ты, приму ее с распростертыми объятьями?! — он посмотрел на отца, но тот, вскинув подбородок, молчал. — Но, пап, я тебе никогда не лгал, ведь правда!? Я сразу сказал, как отношусь ко всей этой истории. И сразу заявил, что мириться с ее проживанием в нашем доме не стану, — он поджал губы. — Ты сделал свой выбор, и теперь я делаю свой.

Мужчина посмотрел ему в лицо.

— Так вот какой твой выбор? — с грустью проговорил Олег. — Уехать за границу? Сбежать?!

Антон стиснул зубы.

— Не сбежать, а просто уехать. Учиться, — возразил молодой человек. — Я никогда ничего не обещал тебе в отношении этой девчонки, пап. Никогда не говорил, что буду заботливым и любящим... братишкой для нее, — он шагнул в сторону, передернув плечами. — Я не знаю, почему она тебе так дорога, никогда, наверное, не пойму, почему ты отказываешься от своей прежней жизни ради нее, отталкивая меня от себя, но раз так... значит, пусть будет так. Я хочу, чтобы ты был счастлив, — Антон вздохнул. — Что ж, будь счастлив.

Олег покачал головой, стараясь скрыть боль в глазах.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал. Я бы хотел, чтобы ты остался. Ведь учиться можно и в России...

— Ну, как ты не понимаешь, пап!? — воскликнул Антон, подсакивая к отцу. — Меня не будет там, где есть она. Я не смогу мириться с ее существованием в этом доме, не смогу смотреть на то, как она... занимает мое место. Это не эгоизм и не ревность, пойми... Мне плевать и на нее саму тоже. Но твое отношение к ней... Это меня корбит, от этого меня дрожь бьет, понимаешь!?

— Нет, не понимаю...

— Черт! — выругался парень, схватившись за голову, и резко отвернулся. — У нее будет то детство, которого не было у меня!

— И это делает ее для тебя врагом?.. — изумленно выдохнул Олег.

— Это ставит меня перед фактом, что я не смогу на это смотреть, вот и все, — отрезал парень.

— Но, Антон, — взмолился отец, — ты ведь совсем не знаешь Дашеньку! Ты даже не пытался с ней познакомиться и узнать ее лучше. Я уверен, что ты...

— Я не желаю узнавать ее лучше, папа! — перебил его сын. — Это ясно?

— Но почему!? — искренне изумился Олег. — Что она сделала ужасного? Она не виновата в том, что выросла в неблагополучной семье, ведь так? Не виновата в том, что ее мать оказалась алкоголичкой, и...

— Какая прекрасная родословная, — сквозь зубы выдавил тот.

— Откуда в тебе столько желчи? — ошеломленно изумился Олег. — Откуда?! Я не учил

тебя этому. Я тебя не так воспитывал!

— Значит, ты что-то упустил из виду, — отрезал молодой человек. — Я такой, какой есть. Уж извини, если не такой, каким тебе хотелось бы меня видеть! Да, мне все равно, что было с этой девочкой, и ее судьба меня тоже не волнует. Да и с какой стати должна волновать, когда она — никто для меня!? Да, я не хочу с ней общаться и пытаться подружиться с человеком, с которым у меня нет и не может быть ничего общего. Не хочу и точка! — он бросил на отца решительный, твердый взгляд. — Она не такая, как я, не из моего круга...

— Но это не делает ее изгоем! — воскликнул Вересов-старший. — Она может стать одной из таких, как мы...

— Нет, — коротко и легко бросил Антон. — Она никогда не станет одной из нас, и ты это знаешь.

— Антон, я не узнаю тебя! — вскричал мужчина, подскакивая к сыну. — С каких пор ты начал страдать честолюбием?! Да и этого ярого максимализма я в тебе никогда не замечал. Откуда все это!?

Антон тяжело вздохнул, опуская глаза вниз и качая головой.

— Тебе не стоило привозить ее в Москву, — не отвечая на его вопрос, сказал он, отворачиваясь. — Нужно было позаботиться о ней другим способом, если уж ты так хотел ей помочь.

— Ее нужно было увезти из Калининграда... — едва слышно выдохнул Олег.

— Значит, нужно было определить ее в детский дом, — настаивал сын. — Но брать на себя ответственность за жизнь девочки, которая тебе никем не приходится... Это глупо. Это безрассудный поступок.

— С каких это пор милосердие является безрассудным поступком? — с горечью спросил Олег.

— С тех самых, когда перестало что-либо значить в этом мире! — отрезал сын.

Олег отчаянно замотал головой в разные стороны.

— Я не верю, не верю, что всем плевать... Не хочу в это верить.

— Но это так!

— И тебе? — подняв острый взгляд на сына, спросил мужчина. — И тебе тоже плевать?

Антон едва выдержал этот взгляд. Боль билась в висках, разливаясь по всему телу.

— Да, и мне тоже плевать.

Олег поджал губы, опустив взгляд вниз, а потом...

— Что ж, значит, так тому и быть, — твердо заявил он, и Антон вздрогнул от этих слов. — Потому что мне НЕ плевать!

Воздух стал давить на легкие, Антон сглотнул.

— И что ты хочешь этим сказать? — выдавил он из себя.

— Я не брошу Дашеньку, — решительно заявил Олег.

Антон нахмурился. Мир продолжал рушиться.

— И?..

Оба застыли, слушая, как стучат часы, и бьется в стекла трагедия.

— Будет лучше, если ты, действительно, уедешь, — ответил отец. — Наверное, должно пройти время, чтобы вы привыкли к такому положению. Да и в Англии ты получишь хорошее образование, ты об этом мечтал.

Словно почву выбили у него из-под ног. Перед глазами возник белесый туман, а в ушах

едкий звон.

— Вот как? — смог выдавить он из себя пересохшими губами. — Ты... значит, ты так решил?

Олег покачал головой, с горечью глядя на него.

— Нет. ТАК решил ты, — возразил он с горечью. — Я лишь с тобой согласился.

Антон не смог ничего ему ответить. И спустя мгновение осознал, что выбор был сделан уже давно. Без него. И его жизнь стала медленно рушиться.

10 глава

Это было необычное и трудное во всех смыслах лето. Даша привыкала к новой обстановке, Олег делал всё для того, чтобы она привыкла, а Антон... Он просто игнорировал присутствие девочки в их доме. Как и раньше. Только теперь вообще не разговаривал с ней, делая вид, что не замечает ее.

Его решение поехать на обучение в Лондон, было встречено негодованием Тамары Ивановны, которая, заливаясь слезами и вытирая их платочком, причитала и упрашивала его остаться в Москве. Не совершать глупостей, не принимать поспешных решений, о которых он потом будет жалеть, понять и смириться.

Но Антон был непреклонен, и уже никто не смог бы убедить его остаться. Наверное, даже сам отец.

Слишком многое стало понятным после памятного их разговора с отцом. Слишком четко он осознал не прописную истину, которую пытался втолковать ему Олег. Даша останется в их доме, что бы ни произошло. А с ней он смириться не мог. Принять ее не мог. И знал, что и в будущем — тоже не сможет.

Поэтому и сделал единственно верный шаг в данной ситуации, — он решил уехать.

Он искренне верил, что так будет лучше. Для всех. Для него, для отца, для его подопечной...

Он не хотел уезжать, все его существо противилось этому, он стал хуже спать по ночам, у него пропал аппетит, с лица исчезла улыбка, глаза больше не светились искрящимся серебристым светом, превращаясь в черные точки. Он целыми днями колесил по городу, рассекая пространство в бесплотной попытке догнать время, которое уже прошло. Его съедало изнутри горькое разочарование и болезненная обида на отца.

Надо же — тот даже не воспротивился! Он согласился с отъездом сына. Он не смог отказаться от своей девчонки, не смог отпустить ее. Зато его — смог, отпустил. Антон не мог с этим мириться и ждать чего-то.

У него была своя правда, которая отторгала всякое желание принимать Дашу в свою жизнь.

Если отец хочет заботиться об этой девочке, если решил, что так будет лучше для всех, если теперь в ее воспитании видит смысл своей жизни, а своего сына отодвигает на задний план... Что ж, Антон не будет противиться этому его желанию и стремлению, как бы горько, больно и обидно ему не было. Он просто не имеет права. Как бы отвратительно это не звучало, но он, кажется, уже и на его любовь не имел права.

Когда в их доме появилась эта девчонка, все мысли отца стали направлены на нее. Антон же остался в стороне, поставленный перед выбором, перед выдвинутым ультиматумом. Смириться или отступить.

Жестокий выбор, уничижительный выбор. Неправильный, отвратительно ничтожный и низкий, подлый.

Антон понимал, что, как бы он ни поступил, он в любом случае проиграл. Подчистую. Девочке с улицы.

Его решение уехать за границу не было опрометчивым. Он уже давно вынашивал в себе эту идею. Еще в конце февраля, когда сотрудничавшее с его институтом представительство лондонского университета предложило ему продолжить обучение в Англии.

Он не соглашался вначале, находя десятки причин, по которым ему стоит остаться в Москве. На самом же деле он просто не хотел оставлять отца одного, потому что видел, как тот изменился в поведении, будто разочарованный и уставший ото всего. Он хотел остаться, хотел присматривать за ним, хотел быть ему нужным, как когда-то он был нужен ему. Антону ли не знать, как важно, чтобы в трудные минуты жизни, рядом был близкий, родной человек!? И он смирился с тем, что плюнет на выгодное предложение, которое делается не каждому и не постоянно, а он был удостоен его; смирился с тем, что Лондон останется где-то позади, где-то там, в далеком мечтании. И он ничуть не расстраивался, ничуть не сомневался в том, что поступает правильно, отказываясь ехать в Англию. Главное, быть рядом с отцом и поддержать его.

А потом... Всё изменилось в марте этого года, сразу же после возвращения отца из Калининграда. Антон позже стал проклинать этот город. Он много думал о том, что было бы, если бы отец отказался от этой поездки. Он бы не встретил свою девчонку, не привез бы ее в Москву, и она не разрушила бы их жизнь!

Он не мог смотреть на то, как отец всю свою нерастрченную на него, Антона, много лет назад любовь, сейчас отдает этой девочке с улицы. Которая, возможно, и достойна ее, но все же... Она никогда ей не принадлежала. Она Антону предназначалась, а не ей. Но он, к сожалению, вырос, а она была ребенком.

Олег всегда давил на него возрастом, тем, что он — уже взрослый, а Дашенька совсем еще кроха.

И это бесило Антона, который уже сотни раз пожалел о том, что так рано вырос. Иронизировал, конечно же, но горько, с обидой, с разочарованием и болью.

Как жаль, что чувства отца проснулись в тот момент, когда сыну уже исполнилось восемнадцать, а какой-то девочке с улицы не было и девяти!

Не желая мириться и смотреть на то, как предназначенная ему любовь растрчивается на другого человека, Антон убежал. От себя убежал и от своей боли. От отца убежал и Тамары Ивановны, от этой девчонки, которая незаметно заняла его место. Блуждал по улицам Москвы, словно прощаясь с городом, часто бывал на набережной, сидел на холодных каменных плитах, глядя на Москву-реку. Всегда один. Другьям не звонил, почему-то считая, что они его не поймут. Они даже не поверили сначала, что он уезжает. Он не разговаривал с ними о своих проблемах. Раньше он делился ими с отцом, а сейчас...

Разве мог он сказать ему о том, что его мучило, когда прекрасно знал, что услышит в ответ?!

— Да ладно тебе, Тох, — воскликнул Леша, хлопнув друга по плечу, — ты нас разыгрываешь! Чего ты вдруг решил сорваться с места и кинуться в омут с головой?

— Не в омут, и не с головой, — коротко бросил тот, с грустью улыбнувшись. — А в Англию, учиться.

— Да какая разница?! — отмахнулся Слава. — Ты же не хотел туда ехать, чего вдруг передумал?

Антон пожал плечами.

— Ну, людям свойственно менять свои решения.

— Никогда бы не подумал, что ты из их числа, — нахмурившись, сказал Леша.

— Ты ведь хотел остаться с Олегом Витальевичем, — поддакнул Слава. — Типа образование можно и здесь получить, а отец у тебя один, и все такое...

Антон поджал губы. Да, отец у него один, как верно.

— Мы обсудили это с ним, — с расстановкой проговорил молодой человек, — и решили, что так будет лучше, — и тут же воскликнул: — И вообще, давайте не будем об этом, ок? И так душу всю изорвал, так не хочу уезжать! Давайте насладимся последними днями моего пребывания в России, потому что в следующий раз мы с вами увидимся, ой как не скоро! — и он, обняв своих лучших друзей за плечи, улыбнулся.

Те не стали настаивать, а обнажать перед ними душу Антон и не стал бы, наверное. Только не в этом вопросе. Он вообще не сказал им, что Олег взял девочку под свою опеку. Он не знал, как отнесутся друзья к этому поступку. Осуждать его, конечно, не осмелятся, слишком они уважают профессора Вересова, а вот снабдить порцией критицизма и сарказма вполне смогут. Милосердие в этом мире не ценилось. И его друзья были представителями как раз того слоя общества, в котором оно стояло на нижней ступени нравственных качеств. Оно вообще утратило свою былую значимость. В мире, в котором выросли они, заботились лишь о себе.

А Антон... он боролся с собой. И если бы не ревность, если бы не обида, если бы не любовь, которую он недополучил в детстве... Кто знает, может, он и принял бы эту странную девочку, смирился с ее жизнью в его доме, он бы, возможно, полюбил ее, как того и хотел отец. Но... Сейчас он убегал.

В Лондон убегал от самого себя, и от нее тоже. От своей боли убегал.

Не знал тогда, что и там не сможет от нее спрятаться...

Это было тяжелое лето, горячее и знойное. Даша никогда не смогла бы его забыть.

Первое ее лето с Олегом.

Это было лето ее привыкания к той новой жизни, в которую она вошла. К Олегу, к Тамаре Ивановне, к ощущению безопасности и защиты, уверенности в том, что ее не предадут и не обманут. Что за кусок сташенного втихаря с кухни хлеба тебя не ударят и не запрут в доме. Что здесь могут дать что-то, ничего не требуя взамен, и попросить, а не потребовать, рассказать о том, как прошел день, спрашивая не о том, как много денег она заработала, а что нового увидела и куда ходила. Здесь могли накормить досыта, а потом спросить, не хочет ли она добавки, и не отругать, если она откажется. Здесь все было иначе, по-другому. И она училась жить в этом новом для себя мире, где не было ночного страха, а были лишь кошмары во сне.

Это было лето, когда она училась заново доверять. Нет, она не верила полностью, Олег это видел. В ее взглядах все еще читалась настороженность. Даже, когда она, сидя рядом с ним в гостиной, разглядывала картинки в книгах, он видел, что она напряжена. А когда звонили в дверь и, та медленно отворялась, девочка мгновенно превращалась в слух, словно парализованная опасением. А вдруг пришли за ней!? Олег с грустью наблюдал за ней, сердце его дрожало от нежности и сочувствия к ней.

Она решила задать ему интересующий ее вопрос только однажды, и Олег понял, как сильно травмирована ее детская психика. Она, легко дернув его за рукав, обращая на себя внимание.

— А как долго я еще буду здесь? — спросила она, потупившись, и тут же посмотрела в сторону.

— Как долго?... — Олег опешил. — А сколько бы ты хотела?..

Она не отвечала, смущенно водила носком туфли по полу и заводила руки за спину.

— Алексей придет за мной? — отважилась она спросить, и Олег понял, в чем дело.

Наклонившись к ней, присев на корточки, он осторожно развернул Дашу к себе, обеими руками обняв ее за плечи. Вынудил посмотреть себе в лицо, и глядя в черные умные глазки с блестящими внутри взрослыми искорками, решительно проговорил:

— Он больше никогда не придет. Никогда, слышишь? — в ее глазах застыл невысказанный вслух вопрос. — Я никому тебя не отдам. Я больше тебя никогда не оставлю, — голос его сорвался. — Обещаю...

Она не верила. Долго еще ему не верила. У нее были причины, чтобы не доверять его словам и обещаниям. Уже однажды преданная и обманутая, она не решалась, боялась верить вновь. Боялась новой боли, нового предательства и обмана.

Олег не судил ее за это. Разве он мог бы осмелиться?!

Ее доверие нужно было заслужить. Как и ее «дядя Олег», когда-то уже потерянное для него.

Ее доверие, равно как и ее любовь, значит слишком много. И она никому просто так их не отдаст.

— А как же... этот?.. — неуверенно спросила она, надув губки и нахмурившись.

О ком она говорит, догадаться не составило труда. Сердце взорвалось болью в его груди.

— Антон? — сухими губами выдавил мужчина, и девочка кивнула. — Он... уезжает.

Широко раскрытыми глазами посмотрела на него, вопросительный недоумевающий взгляд поразил его.

— Куда?

— Далеко, — ответил мужчина. — За границу. В Англию. Ты знаешь, где это?

Девочка отрицательно замотала головой, все еще скреживая руки за спиной и ткнув туфлей пол, почти не глядя на Олега, стесняясь, опасаясь задавать вопросы и быть наказанной за них.

— А скоро он вернется? — промолвила она, наконец.

В душе Олега все перевернулось. Тупая боль и щемящая тоска пронзили насквозь осознанием глубокой истины. Сердце обливалось кровью; образовавшиеся на нем раны не заживут, очевидно, никогда, оставляя шрамы и гноящиеся отметины на его душе.

— Нет, — покачал он головой, сильнее сжимая Дашины плечики, — не скоро.

В горле застрял острый ядовитый комок отчаяния.

Он сам отпустил своего сына. И горькое чувство вины теперь никогда его не отпустит.

Он порывисто обнял девочку, стоящую рядом с ним, притянув ее маленькое тельце к себе, словно в ней находя утешение своему горю, своему несчастью, своим невыплаканным слезам.

И она, эта маленькая, не доверяющая ему полностью девочка, которая пережила трагедию, потрепанная жизнью, обманутая близкими, упавшая, но поднявшаяся с колен... Она, эта крошка, осторожно протянула руки из-за спины, неуверенно положив маленькие дрожащие ладошки на его плечи, будто успокаивая этим интимным жестом, проявлением нежности и заботы. Его, большого дядьку, который должен был успокаивать ее! Кто бы мог подумать?!

И Олег, притянув ее еще сильнее, склонил голову над ее темной макушкой и беззвучно заплакал.

Даша всё понимала. Она научилась читать по лицам. Когда тебе приходится наблюдать

мгновенные изменения на лицах людей, с которыми ты живешь, чтобы уловить момент, когда равнодушие и миролюбие способно в считанные секунды превратиться в раскаленную злость и бешеную ярость, ты следишь за каждым миготом, ловя резкие смены эмоций на лицах. Чтобы уловить то самое пограничное состояние в преддверии изменения чувств и успеть защититься.

Она читала и по лицу Олега тоже. Те чувства, которым не знала определения, потому что была слишком мала для их обозначения. Единственное, что она угадывала в его глазах, — это боль. Ее она различила бы всегда, в любых ее проявлениях. Олегу было больно, и она, стараясь хоть как-то его успокоить, повинувшись мгновенному порыву, прижалась к нему, не противясь и не отталкивая мужчину от себя.

Он, наверное, любит своего сына, раз так переживает из-за его отъезда. Но ей этот высокий, грозный парень... этот Антон... он ей не нравился. Он был плохим. Не таким плохим, как Алексей, от него исходило нечто другое, не злоба, не бешенство, а нечто... иное. Но что-то тоже очень черное, удушающее, презрительное и недоброе.

Он ее не любил. И эту нелюбовь она чувствовала. Читала ее и на лице молодого человека. В его дымчато-серых глазах, в уголках поджатых губ, в сдвинутых бровях и морщинках на лбу. В его движениях, походке, вскидыванию подбородка, сжатию ладоней в кулаки.

Не любил и никогда не полюбит.

Он назвал ее воровкой, и этого она ему не простила. Слишком гордая своей заслуженной, несломленной детской гордостью, чтобы простить подобное обвинение.

Даже когда она, усмиряя себя, давилась, но шла на площадь, чтобы просить милостыню, она не дошла до того, чтобы воровать! Не опустилась до того, чтобы взять чужое, не пала так низко, не позорила себя и свою честь, а тут!.. Было обидно вспоминать об этом. Она хотела вычеркнуть это из памяти, но не могла.

Она просто захотела есть. Проснулась оттого, что желудок отчаянно гудел и урчал, требуя пищи. Она бы никогда не встала среди ночи, не поплелась на кухню, если бы смогла заснуть. Она ворочалась, крутилась, отворачиваясь к стене, но уснуть так и не смогла. Как и побороть дикое чувство голода. И она решила, стремительно соскочив с постели, вышла из комнаты и направилась в кухню. Побоялась включать свет и на ощупь отыскала холодильник. Схватила палку колбасы и хотела уже отрезать себе маленький кусочек, чтобы наутро не было видно, что здесь кто-то хозяйничал, но не успела...

Хлопнула входная дверь, как-то громко, сильно хлопнула, оглушив испуганно застывшую на месте девочку своим резким звуком. Скованная, смущенная и перепуганная, она стояла не в силах пошевелиться.

Быстрые шаги в ее сторону. И в дверном проеме появился он. Антон, сын дяди Олега. Вспыхнул свет.

А потом... он яростно и молниеносно набросился на нее. Она, кажется, вскрикнула от испуга, дернулась, а потом застыла в его руках, пойманная на месте преступления.

А затем... эти его слова они словно выбили почву у нее из-под ног. Воровка! Она?!

Блестящая вспышка, озаряющая сознание, словно свежий поток свежего воздуха в легкие, обжигающая струя гнева, обида за необоснованное обвинение. И она, накинувшись на него, как дикая кошка. Она не знала, почему бьет его, кусает и царапает, почему пытается вырваться. Она просто знала, каким-то внутренним чутьем осознавала жизненную потребность отомстить за себя, за угнетенное достоинство, за растоптанную гордость. За

себя. И в порыве ярости, не контролируя себя, она накинулась на него, бешено отбиваясь.

Всё происходило, будто во сне. Все лица и крики смешались в один большой серый комок мгновений, и, когда в кухню вбежали встревоженные ночными криками Олег и Тамара Ивановна, она ощущала на себе что-то липкое и противное, знала, что это кровь — его кровь, но продолжала брыкаться и царапаться, пытаясь вырваться из его рук. И когда оказалась в объятьях дяди Олега, яростно отброшенная Антоном в сторону, как кукла, она, не сдерживаясь, заплакала.

Глядя заплаканными глазами на окровавленное лицо молодого человека, в его светящееся презрением и ненавистью лицо, уже тогда она знала, что никогда не простит ему этого обвинения. И не простила.

После этого случая они не встречались с ним. Ни разу. До самого его отлета в Лондон.

Она не заговаривала о том, что произошло, а Олег и Тамара Ивановна не мучили вопросами, словно договорившись забыть этот ночной инцидент.

Тамара Ивановна Даше нравилась. Даже очень. Очевидно, потому, что напоминала ей с бабе Кате, к которой девочка была искренне привязана. Она была такой же доброй и сердобольной. Она часто гуляла с ней, когда Олег был занят набросками новой книги, которую обещал издателям, ходили на набережную, катались по Москве-реке и ели мороженое. О брате она не говорила, ни разу даже не произнесла его имени. Она в себе хранила память о нем. Как и боль о нем, она тоже хранила в себе, ни с кем ею не делясь. Это было слишком личное. Слишком ее.

Олег боялся спрашивать, причинять ей боль воспоминаниями, расспросами. Он вообще боялся говорить с ней о том, что было в Калининграде после того, как он уехал. Боясь услышать то, чего слышать не был готов.

В Москву она привезла только старую фотографию, спрятанную от Алексея в карман, даже любимого Сан Саныча сожитель матери взять ей с собой в новый дом не позволил.

И она каждый вечер рассматривала эту фотографию, сжимая ее в ладонях и тихо плача в кулачок.

Боль не проходила, раны не заживали и не затягивались.

Олег много интересовался ею, ловил каждое ее движение, надеясь в нем найти подсказку к тому, что ей нравится. Например, он понял, что она любит макароны больше, чем гречку, яблочному соку предпочитает персиковый, а фисташковое мороженое, казалось, может есть несколькими порциями, в отличие от шоколадного, которое не любит вообще. Мелочи, но приятно было знать о ней хотя бы это. Для начала.

Когда же Олег узнал, что Даше в апреле исполнилось девять лет, он стал отчаянно хлопотать о том, чтобы осенью отправить ее в школу.

— Дашенька, а когда у тебя день рождения? — спросил он однажды, когда они гуляли по городу.

Девочка пожала плечами, удивленная его вопросом, словно не понимая, зачем он об этом спрашивает.

— Девятого апреля, — пробормотала она, смущенно потупив взгляд.

Олег опешил и застыл на месте.

— Значит, — проговорил он, глядя в ее вопросительно расширившиеся глаза, — тебе уже девять лет?

Даша просто кивнула, промолчав.

— И ты... — он замялся. — А ты хотела бы пойти в школу в этом году?

Даша пожала плечами, на первый взгляд, равнодушная к этой затее, но мужчина видел, как блеснули ее глаза, как дрогнули губы, как приподнялся подбородок. Он обрадовался, внутренне ликуя.

— Баба Катя ведь уже хотела отдать меня в школу, — сказала она, грустно вздохнув, — но у меня документов нету. Потерялись же, — она подняла на него смущенный взгляд, — вы разве не помните, я говорила?..

Он помнил, конечно же, помнил. Но этот уязвляющий вопрос заданный каким-то обвинительным тоном, заставил его смутиться и устыдиться.

— Конечно, помню, Дашенька! — воскликнул он. — Просто я подумал, что... если тебе восстановят документы?.. Пойдешь в школу? — он не хотел на нее давить, пусть сама принимает решение.

Девочка пожала плечами. Но в глубине зрачков светилась надежда.

— Да, наверное...

И этого ему было достаточно, чтобы начать оформление ее в школу. В ту самую, где учился и Антон.

Директор очень удивилась, когда он пришел, не ожидая увидеть его так скоро. На выпускном вечере Антона она отшучивалась, что теперь они встретятся только, когда он приведет в эту школу внуков. А Олег отмахивался, шутя, говорил, что его «увалень-сын» еще не скоро порадует его в этом плане.

И кто бы мог подумать, что они встретятся через год!?

— О, Олег Витальевич?.. — воскликнула она, удивленно вскинув брови. — Не ожидала, честно говоря...

Он тоже не ожидал, и не предполагал, и не думал. Но вон как вышло.

Олег обрисовал ей всю ситуацию, конечно же, утаив некоторые подробности всей истории, и Василиса Поликарповна, понимающая женщина, согласилась взять девочку в школу. По возрасту Даша должна была попасть в третий класс, но, сказала директор, так как они идут по усложненной программе, максимум, что она может сделать, это устроить девочку во второй. Если Олег Витальевич подтянет ее по некоторым предметам. И Олег согласился. Даша тоже не противилась, а даже обрадовалась, когда Олег со счастливой, улыбкой вошел к ней в комнату, где она читала книгу, и сообщил, что с сентября начнутся ее «учебно-трудовые» будни.

Как она обрадовалась! Как заискрились ее глаза, приподнялись бровки, появились изумительные ямочки на щеках! Он бы все на свете отдал, чтобы видеть ее такой каждый день.

Перспективе общения со своими сверстниками Даша не радовалась. Единственным ребенком, с которым она общалась, был ее брат, и еще несколько подружек, когда она еще жила в Сосновке. На этом ее общение с детьми своего возраста заканчивалось. Но она не стремилась к этому общению. Те дети, которых она встречала на улицах Калининграда, смотрели на нее, как на диковинную зверюшку, презрительно рассматривая ее поношенную одежду и старую обувь, фыркали, морщились и отворачивались. Ни с кем там она не подружилась. Они обходили ее стороной, и она платила им той же монетой.

Общество не принимало Дашу, отвергая саму возможность ее жизни рядом с собой. Так было в Калининграде, и это же повторилось в Москве. Общество не принимало ее и здесь тоже, девочка это чувствовала. Она словно не заслужила права находиться рядом с людьми круга дяди Олега.

Когда к ним в дом приходили его друзья и знакомые, всегда спрашивая о том, кто она такая, и получая ответ, что она его воспитанница, как-то странно на нее смотрели, выпучив от удивления глаза и приоткрыв рот, но ни о чем не спрашивали, очевидно, стесняясь показаться невежливыми или навязчивыми. С ней они не разговаривали. Но она видела их косые любопытные взгляды в свою сторону, перешептывания между собой, читала на их лицах неодобрение и даже возмущение. Злые люди, плохие люди...

В конце августа, когда до начала учебной недели оставались считанные дни, Даша с Олегом отправились по магазинам покупать ей школьные принадлежности, проведя вместе почти весь день.

А на следующий день Антон улетел в Лондон.

После чего дядя Олег, закрывшись в своем кабинете, не выходя из него, просидел там до самого вечера.

Дневник. Запись четвертая

«Из дневника Олега Вересова»

Запись от 21 июля 2001 года

Я, наверное, совершил ошибку. Когда отпустил Антона в Лондон.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что где-то, когда-то что-то сделал неверно. Может, даже не тогда, когда привел мою девочку в наш дом, не тогда, когда не спрашивал мнения Антона, хотя обязан был спросить его, и не тогда, когда решил для себя подружить их.

Антон был прав. Мой сын, моя гордость... он всегда был прав и во всем! Я сам все решил, никого ни о чем не спрашивая. Какой самообман, какая самонадеянность, какая глупость, какая... ошибка!

Боже, эта ошибка стоила мне столько лет жизни, мучимой угрызениями совести и чувством вины! Не только по отношению к Даше, но и к собственному сыну. Возможно, к нему — в первую очередь.

Я отпустил его. С обидой и разочарованием в груди. С чувством неприязни и презрения к моей девочке.

Как я допустил подобное!? Как?! Профессор, исследователь, умный, вроде бы, человек... И так ошибся!

Сейчас, спустя почти три года после того рокового дня, когда он ушел... растворился в воздухе черной маленькой точкой самолета, уносящей с собой прежнюю жизнь, храня и лелея в груди обиду и разочарование, боль и отчуждение, я понимал, только сейчас осознавал... доходил до сути того, что произошло. Анализировал, пытаюсь понять, почему же так вышло, что близкий — самый близкий и дорогой мне! — человек ушел, повернулся спиной, стал далеким и словно бы... чужим?!

Нет, Антон никогда не отдалялся, никогда не был чужим для меня. Никогда не показывал, что отдалился и, вроде бы, относился ко мне, как и раньше, но... что-то словно лопнуло, разбилось, сломалось. И не склеить, не восстановить, не собрать по кусочкам рухнувшую когда-то жизнь.

Антон!.. Как же он простил меня? Как смог?.. Нашел в себе силы!? КАК?!

Я бы на его месте не простил. Наверное.

Потому что сам себя я так и не уверил в том, что так было нужно и что так было правильно.

Тогда, три года назад, я был уверен, я мог бы поставить всё на то, что поступаю верно. Отлет сына за границу казался мне единственным правильным, разумным решением в той ситуации, в которой мы все оказались. Антон, Даша, я... Как примириться, как смириться, как построить новое на осколках?..

Наверное, не хватило времени. Такой банальности, как время. Просто смешно, но это так.

Если разобраться, хоть на мгновение представить, что у нас было бы это время. Считанные, драгоценные мгновения, часы, недели?.. Могло бы все быть иначе?! Остался бы Антон в Москве? Смирился бы с Дашей и, присмотревшись к ней, полюбил бы он ее?! А

Даша? Смогла бы она простить его первоначальную злость и ненависть? Смогла бы подружиться с ним?..

Боже, как страшно!.. Как ужасна и пугающе опасна реальность!..

Нет. Нет! Ничего нельзя было изменить...

Колесо судьбы было запущено гораздо раньше того момента, когда мы подошли к той грани, за которой зияющей пустотой и мрачной темнотой сверкала бездна.

Не те люди, не те судьбы, не те обстоятельства и жизни, чтобы возможно было что-то изменить!

Ошибка была совершена мною. Много лет назад. Когда я, забыв о том, что дома меня ждет сын, пропадал в заграничных командировках и экспедициях. Когда Антон ждал отца, но так и не дождался его.

Боже, почему я раньше не понял, что моему сыну не нужен был исследователь!? Ему нужен был отец! Почему осознание правильности или неправильности совершенных деяний приходит к нам уже после того, как то или иное действие оказывается совершенным?! Почему через день, через месяц, через много лет, а не сейчас, не сразу, не в тот же самый миг!? Когда есть еще время, есть еще возможность исправить содеянное?! Когда есть еще вероятность того, что тебя простят?..

Почему на осознание моей ошибки ушло так много лет? Неужели это того стоило, чтобы загубить безвинные души людей, которых я любил в этой жизни!?

Антон не виноват. Он был прав. Ему нужен был отец, которого у него не было в детстве. Я не дал ему ту любовь и ласку, на которую он претендовал, на которую он имел полное право! У него был профессор, у него был исследователь, был господин Вересов, почтенный и уважаемый в общественных кругах, но почти никогда просто «папа»!..

Боже, какая несправедливость по отношению к ребенку!? За что, почему так!?

И не к одному ребенку!.. К ней — тоже.

Бедная Даша... Где-то на другом конце страны, через много лет после одиночества Антона, она тоже страдала. Сильнее, чем он. Не только морально, но и физически подвергаясь насилию со стороны людей, которых любила! Как такое могло быть?.. Кто допустил подобное!?

Бедные дети!.. Такие разные, по положению, по обстоятельствам, по приоритетам, по характерам, но такие одинаковые, максимально сближенные, родственные в своей общей беде. В одной горе на двоих.

Антон и Даша... как же они не осознали, что так близки между собой!? Дети с одинаковой судьбой, загубленной людьми, которых считали «своими»!

Они оказались в противоречии друг с другом, схлестнулись в борьбе за любовь, которой им так не доставало! Равные соперники, одинаково раненые в сердце равнодушием, дети, борющиеся за любовь.

Справедлива ли эта борьба, когда оба они достойны любви, в равной степени вольны не просить, а брать ее! Мою любовь?.. Но я готов был, я мог любить их обоих с одинаковой силой! Почему же не вышло?! Почему Антон уехал? Почему Даша не приняла его? Почему я отпустил своего сына?!

Где я допустил ошибку? Снова!?

Антон, Дашенька, достойные любить и быть любимыми. Так почему одному из них пришлось уйти, уступить место, отдать право первенства. Отдать то, что принадлежало ему, пожертвовать собою, храня в душе боль и горечь?!

Справедливо ли, что этим человеком оказался мой сын!? Претендующий на мою любовь и имеющий на нее даже больше прав, чем Даша!?

Он сделал свой выбор. И не отступился от него. Даже тогда, когда была возможность сделать это.

Мой мальчик!..

А я... А что я?! Я глупец. Я слепец. Я не достоин был быть его отцом!

Винил ли я себя? Не было дня, чтобы не винил.

Уже в тот миг, когда, провожая его в аэропорт, видел печаль в серых глазах, плотно сжатую линию губ и насупленные брови. Я помню, как сейчас, что, когда он стоял, переминаясь с ноги на ногу, сжимая в руках дорожную сумку, и хотел мне что-то сказать. Не попрощаться, нет... Слова прощания вырывались из нас совершенно произвольно. Он что-то важное хотел мне сказать. Но промолчал. А потом... Потом уже не было момента заговорить.

Я скучал. Я отчаянно скучал по нему! Те редкие встречи, которыми мы довольствовались в течение этих лет, не приносили успокоения, да и не могли его принести. Москва и Лондон, как два разных мира, разделяющие нас друг от друга. И зияющая пустота, что возникла между нами в дни душного лета, разверзалась все больше с каждым месяцем.

Я боялся спрашивать, винил ли он меня в том, что произошло. Потому что знал, что он не скажет «да». Но он подумает. И от этого было еще больнее. Мне. Ему. Нам обоим. Разрываясь между двумя городами и странами, мы отдалялись друг от друга и, хотя не желали этого признавать, созваниваясь, общаясь через электронную почту, понимали, что что-то изменилось.

И никогда не называли причиной всех бед Дашу. Никогда. Об этом ни разу не упомянул и Антон, но я видел досадное пренебрежение в нем по отношению к девочке. В его словах, в его действиях и жестах, в его поведении. Ничего не изменилось. Она по-прежнему оставалась для него обузой.

Смирился ли он с ее присутствием в нашем доме? Возможно. Но он реагировал иначе. По-другому. Он относился ко всему спокойнее, чем раньше. Не кричал, не возражал, не возмущался, срывая на ней свою ярость. Он был молчалив, холоден, почти равнодушен, в его словах была жесткость, чрезмерная сухость и едва скрываемый цинизм. Он старался с ней не общаться вообще, но если и общался, то не выдавал и намек на ненависть. Неприязнь, презрение, высокомерность. Он смотрел на нее свысока.

Боже, за эти три года мой сын повзрослел! Превратился в мужчину в свои неполные двадцать два!

Он на все смотрел иначе. По-другому. Больше скептицизма, педантичности, жесткости, стойкости и внутреннего стержня. Острее стали взгляды, уничижительнее слова, более отточенными движения.

От мальчика не осталось и следа. Его место занял самостоятельный, решительный, волевой мужчина. В свои двадцать два наметивший цели и стремящийся их достичь.

Было нечто иное во всем, что он делал. Более отторгающее, более чужое, более... взрослое.

Повзрослел. Мой сын вырос и сформировал свои взгляды на мир. И былого времени уже не вернуть. Не будет уже того мальчика, который покидал меня в августе девяносто девятого. Ушел. Растворился. Погиб.

А я, глядя на Дашу, всегда вспоминал его. Таким, каким он уезжал в Лондон. Когда в

нем еще чувствовалась та детская непосредственность, вера в торжество добра, легкая наивность и чарующая безрассудность. Когда он мог сорваться и накричать, вспылить и умчаться в ночь, а потом, прийти под утро и покаяться в содеянном.

Такого больше не было. Ушло, забылось, растворилось в сутолоке лет.

Остался тот Антон, который слепил себя сам. И Даша, которая тоже сделала себя сама.

И вот они останутся вдвоем. Лицом к лицу, обнаженные перед общей бедой и трагедией.

Раньше единственное, что связывало их, заключалось во мне. Я был той связующей нитью, что раз за разом сводила их вместе. А теперь? Что свяжет и скрепит их сейчас?! После того, как меня не станет!?

Одному Богу известно!..

11 глава

Москва, в преддверии Нового года

Это была ее первая зима в Москве. Она радовалась ей, как никогда не радовалась ни одной зиме.

В Калининграде зимы были не такими. Она не смогла бы объяснить, почему. Вроде, тот же снег, те же сугробы, тот же морозный воздух, который можно было глотать медленными вдохами, и прятать руки в варежки, скрываясь от ледящего холода. Но чего-то не было в калининградской зиме, что было в этой.

В Москве зима была иной. Даше нравился этот большой город, покрытый белесыми шапками снега и закутанный в одеяло последних дней декабря. Нравились деревья, застывшие под окном с серебристым жемчугом инея на ветвях, склоненные под тяжестью к земле. Нравилось небо, не такое голубое, как в Калининграде, с примесью серости и сухости, немного блеклое, но отчего-то притягивающее, манящее.

Она иногда забиралась на подоконник, вставая на него с ногами, и смотрела на резные узоры на стекле, пробегая по ним пальчиками, словно желая их потрогать. Долго могла сидеть в комнате, выключив свет, и просто смотреть на улицу с улыбкой на лице. На летящие в воздухе хлопья пушистого снега, проезжающие мимо машины, на гуляющих людей, на детей, играющих в снежки.

Легкая грусть и угнетающая тоска по тому, чего у нее никогда не было, накатывала на нее, вынуждая отворачиваться от картины, которая приносила радость, с грустью осознавая то, что ее тяготило.

У нее не было друзей во дворе. Никто не играл с ней, не звал гулять или играть в снежки. О ней никто даже не вспомнил. Поговорили, порассуждали, посплетничали на лавочках о том, какой хороший человек профессор Вересов, что взял девочку на воспитание, и замолчали. Смотрели на нее с интересом и любопытством, словно выискивая в ней что-то, пробежали быстрым оценивающим взглядом по ее платьям, по аккуратно заплетенным Тamarой Ивановной косичкам, по бледному личику с выразительными глазками, а потом отворачивались, словно ее не знали. Как-то грустно и обидно, но вполне логично.

Она была никем.

В школе отношения с одноклассниками тоже не наладились. С ней старались не общаться. И не потому, что отвергали возможность дружбы с девочкой, которая появилась неизвестно откуда, ее одноклассники о ней ничего и не знали, кроме того, что она находится на воспитании у Олега Вересова. И тот факт, что она оказалась старше них на целый год, сначала мгновенно привлек внимание к ее персоне всех мальчишек и девчонок в классе. Но Даша была с ними настолько сдержанной, сухой, молчаливой, что казалась высокомерной и неприветливой. И от нее стали отходить, не заговаривали, а потом и вовсе стали избегать. Они не стеснялись обращаться к ней, но, интуитивно чувствуя ее необщительность и замкнутость, старались лишней раз с ней не общаться и обходили девочку стороной.

Не то, чтобы Дашу это беспокоило, но было неприятно и как-то... грустно, тоскливо.

Сначала она сидела на последней парте, ко всем присматриваясь, привыкая к новой

обстановке, а потом ее посадили за первую, вместе с мальчиком, которого звали Ромой Кононовым. Он был ее ровесником, но учился во втором классе потому, что в год, когда ему нужно было идти в первый класс, он сильно заболел и долгое время пролежал в больнице. Рома упирался, пытался даже протестовать против того, чтобы Даша сидела с ним, между собой высказывая свои возражения друзьям, а не учительнице, но и это оказалось неприятным. Потом, осознав, что изменить ничего не сможет, он немного сник, а затем и вовсе смирился.

А Даше было все равно, что он думает. Она старалась вообще не обращать на него внимания. Впрочем, как и он на нее. У них наметилась негласная граница, которую они обязались не переступать. И устраивало это обоих.

Как-то незаметно Даша стала первой ученицей в классе, затмив того же Рому Кононова, который был круглым отличником. Оказавшись очень способной девочкой, она схватывала материал налету.

И ей нравилось учиться. У нее наблюдалась отчаянная тяга к знаниям и рвение, которому можно было позавидовать. Если Рома учился потому, что так диктовали взрослые, то Даша училась потому, что хотела учиться. Она познавала новое и была счастлива своими открытиями.

Олег записал ее в детскую городскую библиотеку, и Даша почти каждый день брала там новые книги.

Олег и Тамара Ивановна не могли нарадоваться на нее, счастливо переглядываясь между собой. И хотя девочка все еще с видимой опаской относилась к тому, где живет, как и с кем, было ощутимо видно, что она привыкает понемногу к новой для нее среде и обстановке.

Жаль только, что друзей себе она так и не нашла. За почти четыре месяца, что она провела в Москве, она смогла подружиться только с одним мальчиком. Еще в августе она познакомилась с Миколкой, внуком старушки из соседнего подъезда. Это был конопатый голубоглазый мальчик с огненно-рыжими волосами и широченной улыбкой, которая, казалось, могла согреть весь мир. Он всегда говорил без умолку, тараторил, отчаянно жестикулируя, и не давал Даше и слова вставить в их беседы.

Он нравился ей. Действительно, нравился. Это был единственный человек, ее ровесник, с которым она нашла общий язык. С ним ей было легко, она чувствовала себя беззаботно. Как дома, в Сосновке, когда все еще было хорошо. Она стала замечать за собой, что иногда улыбается. Просто так, без причины, просто потому, что слушает его быструю, сбивчивую, непонятную речь, из которой порой могла разобрать лишь пару слов. Но ей было радостно его слушать, не перебивая, и следить за его жестами и мимикой. Они почти не играли вместе, обычно ходили туда-сюда вдоль домов, по детской площадке и по аллеям около дома. Миколка обычно шел вперед лицом к Даше, что-то ей рассказывая на ломаном русском со смесью чешских слов и отчаянно жестикулируя. Его отец был чех, а мама — русская, дочь их соседки Нины Викторовны. Родители привезли внука на лето к бабушке, пока отдыхали за границей, и в конце августа приехали за сыном с намерением увезти его назад в Прагу.

Даша с тяжелым сердцем отпускала домой своего единственного друга, с тоской глядя на отдаляющуюся от нее машину. Предчувствовала, наверное, что в школе друзей у нее не будет.

Затем наступила золотая осень, вскоре сменившаяся холодными ветрами, понурыми

дождями и раздражающей слякотью. А потом пришла и первая зима ее новой жизни. Рядом с Олегом и Тамарой Ивановной. С теми людьми, которые незаметно стали ей близки, которые решительно, но незримо вошли в ее жизнь.

Первый Новый год в кругу людей, которым безразлична ты и то, что с тобой происходит.

В гостиной поставили большую ёлку, которую Олег с Дашей ездили выбирать в Подмоскowie. Наряжали ее все вместе, втроем, вытаскивая новогодние игрушки из больших коробок, спрятанных по шкафам. Никогда еще они так не веселились, восторженные наступающим праздником. Олег подсаживал девочку на плечи, и она, улыбаясь, надевала на верхушку ели белую звездочку, вешала на ветки игрушки и фонарики.

В тот день девочка чувствовала себя обычным ребенком, с нормальными детскими проблемами и заботами. Она радовалась тому, что, даже если это и не навсегда и больше никогда не повторится, у нее все равно останутся такие замечательные воспоминания. Их у нее никто не отнимет.

А двадцать седьмого декабря, за два дня до новогоднего утренника в школе, мирное течение жизни в их доме было потревожено приездом еще одного домочадца, о котором никто никогда не забывал.

Антон приехал неожиданно, без предупреждения. Они не ждали его на эти праздники. Накануне он звонил и сообщил, что приехать не сможет. Олег грустно улыбнулся тогда, сказав, что, конечно, учеба важнее, и пусть сын приезжает, как только сможет, что его всегда ждут и любят. И что ему очень жаль, что сын пропустит этот Новый год в кругу семьи.

И в тот вечер, когда раздался звонок в дверь, никто из троих домочадцев, находившихся в гостиной, не мог представить, кто стоит на пороге, переминаясь с ноги на ногу и покусывая губы от нетерпения.

Олег приподнялся с кресла, в котором читал книгу, и, бросив быстрый взгляд на Тамару Ивановну, занимавшуюся платьем Даши к утреннику, тихо проговорил:

— Сидите, я открою.

— Нет, нет, — торопливо возразила женщина и, отложив шитье в сторону, сказала, поднимаясь: — Я сама. Тем более, мне нужно нитки взять, эти никуда не годятся, — и пошла открывать дверь.

Олег посмотрел на Дашу, которая, покачивая ножками, сидела в кресле и смотрела на свою обновку.

— Ну, что, — проговорил Олег с улыбкой, — тебе нравится платье?

Даша смущенно потупилась и кивнула. Щечки ее заалели, а глазки засверкали. Первый ее утренник!

— И кем же ты будешь? — поинтересовался мужчина, подперев подбородок рукой. — Что вы с Тамарой Ивановной придумали?

— Ангелом, — тихо проговорила девочка, смущенно опуская голову. — Тамара Ивановна мне еще крылья купила. Чтобы по-настоящему, — добавила она, искрящимися глазками посмотрев на Олега.

Мужчина улыбнулся ей и тут же настороженно посмотрел на дверь. Что-то не слышно домработницу...

— Тамара Ивановна?.. — окликнул он ее, но в ответ получил лишь громкие вздохи и причитания.

Сердце ускорило бег, превратившись в загнанную птичку, рвущуюся на свободу, пульс участился.

Мужчина вздохнул и невидящим взглядом уставился на дверь.

— Тамара Ивановна?.. — с придыханием спросил он, привстав с кресла. — Кто там?..

Он не хотел верить, он боялся. Того, что вот подумает об этом, и его надежды не оправдаются.

Ведь и не должен он быть здесь. Он далеко. В Англии. Не мог он приехать.

Но почему, почему так неистово стучит сердце?.. Словно чувствует, словно ощущает...

— Тамара Ивановна?.. — едва слышно бормочет Олег, откладывая книгу в сторону и двинувшись вперед.

— Антоша!.. — послышался ее изумленно-восхищенный голос. — Антоша! Приехал!.. Приехал, наконец!..

Олег застыл, а потом на негнущихся ногах двинулся дальше. Не может быть, не может этого быть...

— Ну, Тамара Ивановна! — послышался радостный голос молодого человека. — Конечно же, приехал, о чем вы говорите!? Новый год! Как я могу пропустить этот праздник?..

Даша замерла, удивленно вскинув бровки и приоткрыв ротик от изумления, с детским недоверием глядя на то, как дядя Олег нерешительно двигается в сторону двери.

А потом этот голос... И она все осознала.

Не прошло и мгновения, как мужчина бросился в прихожую, оставляя ничего не понимающую девочку, широко раскрытыми глазами зачарованно смотреть себе в спину.

Олег выскочил в прихожую и застыл, прислонившись к дверному косяку. Увидев, но не веря. Все еще не веря... И в горле непривычно першит, комок из эмоций застыл в груди, и сердце грохочет в ушах...

— Антон, — выдохнул он, едва дыша. — Антон!..

Молодой человек отступил от экономки и посмотрел на отца, глаза в глаза.

— Привет, пап, — пробормотал парень, смущенно потупившись. — Не ждали?.. — улыбнулся он.

И Олег, не веря своему счастью, кинулся к сыну, обнимая его и прижимая к себе.

— Сынок, мой сын приехал... — бормотал он, повиснув на его шее. — Приехал!.. Приехал все-таки!..

Антон обнял отца в ответ, крепко сжав его плечи и зажмурившись.

— Ну, пап, — проговорил он ему в волосы, — чего ты?.. Ну!.. Я же не на вечность туда уезжал. На время...

— А мне показалось, что вечность и прошла, — пробормотал тот, стискивая сына, как драгоценность, тяжело дыша и что-то бормоча себе под нос. — Как же я скучал по тебе, сын. Как же я скучал!..

Антон зажмурился сильнее, чувствуя, что в переносице предательски защипало. В груди задрожало сердце, а на языке... соленая влага вместо слов. И все же он порывисто прижимает отца к себе и, почти пряча лицо у того на плече, стискивает зубы.

— Я тоже, пап, — сказал он тихо, с дрожью в голосе, — я тоже.

Всего четыре месяца. Но они, действительно, казались вечностью. И для него тоже.

Он распахнул глаза и, приоткрыв рот, глубоко вздохнул, втягивая в себя воздух.

Дома. Он, наконец, дома! С отцом, с Тамарой Ивановной, которая стоит в шаге от них и

плачет.

И вдруг взгляд его невольно упал на маленькую фигурку, застывшую в дверях.

Прижавшись к дверному косяку, щупленькая девочка, смущенно потупив взгляд и непонимающе вскинув вверх темные бровки, смотрела на развернувшуюся перед ней картину встречи отца и сына. Ноги скрещены, руки заломлены за спиной, губки поджаты, а глаза... Черные глаза светятся, — тем чувством, которое так хорошо было известно Антону. Чувством, которое он пытался в себе искоренить, приводя сотни доводов и аргументов, но так и не сделал этого. Ее глазки светились ревностью...

Антон нахмурился, губы его сжались, глаза сощурились.

А Даша, очевидно, посчитав себя третьей лишней, стремительно и так же тихо, как и пришла, исчезла в гостиной. Замеченная лишь тем человеком, которому хотела бы показаться в самую последнюю очередь.

Оказалось, Антон вырвался всего на несколько дней, и третьего января ему нужно возвращаться назад. Олег хотел уговорить его остаться на более долгий срок, хотя и понимал, как нелепо и глупо звучат его просьбы. У сына учеба, как он может настаивать? Он понимал, что не имеет права требовать от него этого. Просто он очень скучал по нему. Он и не предполагал, что будет так скучать! И, хотя Антон тоже отчаянно скучал, был настроен весьма решительно.

И когда Олег следующим вечером завел разговор о возвращении сына на родину, Антон уверенно, без доли сомнения отказался. И тогда Олег понял, что его сын оторвался от семьи. Окончательно.

— Антон, — начал тогда Олег, не уверенный в том, что вообще стоит говорить это, но все равно решился, — может быть, ты все же... вернешься в Россию? — быстрый взгляд на него. — Ведь и здесь можно...

— Нет, пап, — уверенно покачал сын головой. — Я уже не вернусь, — он опустил взгляд, вздохнул. — Мне хорошо в Лондоне. Действительно, — он горько улыбнулся. — Скучаю только, а так... мне там нравится.

И Олег понял, что все пропало. Тот выбор был роковым. Казалось, единственно верный путь, а на самом деле... Самая грубая, грязная ошибка, которую он когда-либо совершал в своей жизни.

И он совершил ее в отношении собственного сына!

Олег тяжело вздохнул, опустив голову, наклонился вниз, уперев руки в столешницу. Горло сдавило словно тисками, и хочется так много сказать, попросить прощения, умолять сына остаться, пообещать, что все будет иначе, но не выходит. Из горла не вырывается ни слова. А потом...

— Мне жаль, — проговорил он тихо, не глядя на сына. — Мне жаль, что так получилось.

Антон кивнул, сглотнул горький комок, сковавший горло, и подошел к нему, стиснув плечо отца.

— Я знаю, — прошептал он, словно не в силах говорить. — Я знаю, пап.

Олег резко положил свою ладонь на его руку, стискивающую его, и почувствовал холод кожи.

И нужно бы что-то сказать, а слов, оказывается, нет, чтобы высказать все свое сожаление и боль.

А Антон вдруг стискивает его плечо и хмурится.

— Не будем об этом, — сказал он как-то резко, но решительно. — Ни к чему. Все вышло так, как вышло, что теперь поделаешь? — он отступил, засунув руки в карманы джинсов, втянул плечи и отвернулся к окну. — Оставим все, как есть.

И они оставили. Больше не заговаривали об этом. Олег боялся, реакции сына, своих эмоций, возможного непонимания, а Антон... он просто молчал, наслаждаясь пребыванием в родном городе.

Двадцать девятого декабря, в день, когда у Даши был утренник в школе, Олег, обещавший на нем присутствовать, утром внезапно сообщил девочке, что не сможет прийти. Его вызвали в издательство поговорить о новой книге.

Он тронул девочку за плечо и заглянул в черные глазки, взиравшие на него с любопытством, без упрека.

— Как только я все улажу, — сказал Олег, — я сразу же приеду. Обещаю. Я постараюсь освободиться скорее.

Даша удрученно кивнула, а, когда Олег, отведя ее в класс, объяснил все классной руководительнице и вышел, девочка проводила его взглядом, полным надежды.

Она очень хотела, чтобы он пришел. Она ждала его. В течение всего праздника, когда, не наслаждаясь веселыми развлечениями и концертом, подготовленным для них старшеклассниками и учителями, то и дело поглядывала на дверь актового зала в надежде увидеть знакомый силуэт дяди Олега, она ждала его.

Но он не приходил.

Он задерживался в издательстве и понимал, что не успеет не только на концерт, но и вообще приехать за девочкой в школу. И тогда, мучимый противоречиями и угрызениями совести, он решился. Позвонил сыну.

— Да? — Антон ответил сразу.

А во рту у Олега отчего-то вмиг пересохло.

— Антон, — тихо выговорил отец. — Послушай, я знаю, что не имею права просить тебя об этом, но...

— Да? — что-то в голосе отца его насторожило, молодой человек напрягся. — Что-то случилось?

Волнуется. Беспокоится. Но еще не знает, в чем же дело...

— Даша сейчас в школе, на утреннике, — проговорил Олег, запинаясь, не уверенный в том, что Антон не отмахнется от него, услышав ее имя. — А я... у меня здесь дела, в издательстве, — он тяжело вздохнул, сдвинув брови. — Не успеваю, — проговорил он измученно. — Ты... не мог бы забрать ее?

Ему показалось, что он ослышался. Антон стиснул зубы, сжимая руки в кулаки.

— Забрать?.. — озадаченно проговорил он.

— Из школы, — уточнил мужчина. — Я бы сам, но... не успеваю. Да еще Андрей хочет со мной поговорить! — Антон почти видел, как отец хмурится, как кривится, заламывает руки. — А Даша там одна, — добавил он тихо. — Ее даже подвезти некому. А я обещал, что приеду... Ты не мог бы?..

— Думаешь, она будет рада меня видеть вместо тебя? — сухо поинтересовался Антон, скривившись.

Олег застыл, нервно сглотнул. Нет, он так не думал, но оставлять девочку одну...

— Не знаю, — честно признался он. — Я не знаю, как она к этому отнесется, просто... — он вновь запнулся, а потом проговорил: — Так ты... забереешь ее? Или?.. — он

вдруг замолчал, не договорив, и, вздохнув, выдал из себя: — А, впрочем, ладно, я попрошу кого-нибудь еще. У тебя, наверное, дела...

— Нет!.. — как-то слишком эмоционально, Антон отругал себя за этот всплеск эмоций. — Зачем кого-то просить? — сказал он резко, а потом уверенно добавил. — Я заберу ее, — стиснул зубы. — Не беспокойся.

— Правда?.. — голос сорвался.

— Да, — Антон поморщился от мысли, пронзившей его насквозь — этого не должно было произойти. Не с ним, не сейчас, какого вообще черта!?

Но вместо протеста с его губ срывается участливое:

— В какой школе она учится?

— Где учился и ты, — тихо ответил мужчина.

Антон прикрыл глаза, тяжело дыша.

Теперь еще и его школа!..

— Хорошо, — выдал из себя. — Я заберу ее. Можешь не беспокоиться.

И он забрал. Приехал за ней на своей машине и, выходя из «Фольксвагена» даже не думал о том, что может уехать, поддаться порыву или всплеску эмоций, поддавшись воспоминаниям.

Он решительно двинулся внутрь здания, в котором провел десять лет, ничуть не сомневаясь в том, что делает, не накинув на голову капюшон куртки, лишь втянув плечи и поморщившись от резкого порыва ветра, вонзившего в него вихрь снежинок, полетевших в глаза.

Родные стены, длинный коридор, всё те же гирлянды развешаны в холле, что и два, три года назад.

Давно он здесь не был. Почти год? С прошлой встречи выпускников в феврале. А обещался быть, как можно, чаще. Пустые обещания. Не привыкать. Сколько таких обещаний было в его жизни? Сам ли он их давал, или оказывался их жертвой, какая разница!?

Люди склонны к тому, чтобы обещать, но лишь единицы выполняют обещанное.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, где состоялся праздник, Антон, ни с кем не столкнувшись, направился в актовый зал, где, по его мнению, и должна была находиться девочка.

Толпа наряженных ребятшек бросилась ему навстречу, едва не сбив с ног, и ему пришлось отойти. Со стороны актового зала раздавались смех, шум голосов, протяжный хор детских песен и поздравления с наступающим праздником.

Антон, поморщившись, направился в сторону веселья, толкотни и суеты утренника.

И какого черта он вообще сюда приперся?!

Мелькнула напряженная мысль и тут же растворилась в гаме веселья, окутавшего его, словно вуалью.

Ту, из-за которой он ворвался в это веселье, он заметил сразу, мгновенно, почти против воли выхватив ее из толпы остальных ребят. Как можно было не заметить ее?.. Одну такую. Не похожую на других!?

Она стояла в углу, скрестив руки за спиной и равнодушным взглядом наблюдая за разворачивающимся перед ее глазами представлением, наклонив голову и поджав губы, она озиралась по сторонам.

Она не улыбалась, только покусывала губы и щурилась, сушила брови и смешно дергала носиком.

Платьце на ней было белое, воздушное, с кружевами и воланами, достаёт до пят, отчего она казалась, словно летящей по воздуху. А за спиной, в довершение образа, выглядывают крылья ангела.

После столь непродолжительного осмотра Антон скривился.

Да уж, прямо ангел во плоти!..

Он не двигался вперед, тихо стоял в дверях и смотрел на нее, наблюдал. Почему-то не решался ступить вперед. Как подойти? Что сказать? И нужно ли что-то говорить? Есть ли вообще смысл в том, что он сейчас стоит перед ней?! Есть ли логика в том, что он приехал за ней, этой девочкой, которая заняла его место в доме, приехал в школу, где когда-то сам учился!? А теперь стоит и не решается подойти!?

Какая-то нелогичность, неправильность была во всем этом. Не должен это был быть он, и не она...

— Антон?..

Он вздрогнул и напрягся, резко обернулся на голос, внутренне напрягшись.

Высокая женщина с пучком темных волос подошла к нему, сверкая белоснежной улыбкой, очки, повисшие на носу, ей отчаянно шли, а светло-голубой костюм делал женственной интеллигенткой.

— Ирина Анатольевна? — воскликнул он озадаченно, не ожидая ее увидеть. Не желая никого видеть!

— Как ты вырос! — восхищенно проговорила женщина, подойдя к нему ближе и тронув за плечо. — Совсем нас забыл, — укоризненно проговорила она, покачав головой.

— Да как-то времени нет, — пожал парень плечами, чувствуя себя задетым. — Я же в Лондоне учусь теперь.

Женщина всплеснула руками, расширив от удивления глаза.

— Да ты что? — изумилась она. — А Олег Витальевич ничего мне не говорил, — покачала она головой. — А ты к нам... какими судьбами? — посмотрела она на него. — Просто навестить? С праздником поздравить?

Если бы так, если бы так...

Антон поджал губы и недовольно проговорил, кивнув в сторону девочки:

— Нет, я за ней приехал, — нахмурился, снова глядя на то, как она, в поисках Олега, озирается по сторонам.

Он знал, он чувствовал, что во всей этой толпе она ищет именно его отца. И это парня задевало.

— За Дашенькой? — уточнила учительница, и Антон хмуро подтвердил это.

— Отец попросил ее забрать, — объяснил парень, — сам он не может.

Женщина понимающе кивнула, сцепив пальцы и словно желая о чем-то спросить, но не решаясь.

— Ну да, ну да... А что же ты стоишь? Даже не позвал ее? — и решительно обернулась к девочке, не дав молодому человеку возможности себя остановить. — Дашенька! — девочка тут же вздрогнула и напряглась, вглядываясь в толпу. — Дашенька! Иди ко мне! — повторила женщина.

Она сначала улыбнулась, засветилась, расцвела, заставив Антона застыть на месте, нервно вздрогнуть, пропустив через все тело электрический заряд в сотни вольт.

Какая она... другая, когда улыбается, невольно промелькнуло в голове.

Но улыбка ее мгновенно погасла, едва она увидела, кто стоит рядом с учительницей.

И Антон сощурился, глядя на нее и напоминая себе о том, кто она такая.

Даша тем временем двинулась к ним. Нерешительно, медленно, скрестив руки и глядя больше в пол.

— Очень хорошая девочка, — сказала Ирина Анатольевна, как бы между прочим, и Антон едва услышал ее, наблюдая за продвижением воспитанницы отца с ужасающим любопытством. — Способная, аккуратная, — продолжала говорить учительница, — только вот необщительная... — с грустью добавила она.

А Даша между тем подошла к ним и остановилась в паре шагов, снизу вверх косо поглядывая на Антона.

Молодой человек напряженно застыл, ощутив новую волну эмоций, подкативших к сердцу, сдавивших грудь, терзавших виски тупой болью, ускоривших биение сердца.

Он посмотрел на нее, окинув девочку холодным взглядом.

Что сказать, он не знал, поэтому долго стоял и просто смотрел на нее, отвечая на внимательный взгляд черных девичьих глаз. Противостояние, борьба, сопротивление и атака. Доля мгновения все решила.

Молчание становилось удушающим, просто невыносимым, горьким, как яд, и острым, как клинки.

— Ну, привет, — тихо проговорил парень, поджав губы и засунув руки в карманы джинсов. — Отец просил тебя забрать, у него дела.

Она медленно кивнула, ничего не ответив. И Антон отчего-то разозлился.

Как и раньше, черт побери!..

— Пошли тогда, что ли? — предложил он раздраженно и двинулся прочь, не глядя, идет ли она за ним.

— Эээ... ну, да, конечно, — пробормотала женщина, провожая их изумленным взглядом. — Передавайте привет Олегу Витальевичу!..

— Обязательно, — бросил Антон, даже не обернувшись. Понимал, что грубо, но не мог иначе. — Где твоя куртка? — обратился он к девочке, и, когда та указала в сторону гардероба, направился туда.

Они почти не разговаривали, как он для себя и решил. Лишь в машине, когда они ехали домой, Антон, повинувшись внезапному порыву, обратился к девочке. Уже отчаянно злясь на себя за это.

— Как утренник? — зачем-то спросил он, вцепившись в руль.

— Хорошо, — коротко ответила девочка, не глядя на него, и пресекая возможности дальнейшего разговора.

И Антон сдался, кляня себя последними словами за опрометчивость.

Больше они не разговаривали.

12 глава

Москва, весна 2000 года

Внезапно пришедшая в Москву весна была тяжелой, неблагородной и жестокой.

Даша поняла, что она врежется в ее память осколками острых кинжалов, нещадно вонзаясь в сознание и болезненно воскрешая горькие воспоминаниями. Девочка поняла, что не забудет эту весну никогда. Как и ту роковую весну, год назад, когда потеряла брата, самого близкого и родного на тот момент человечка.

Эта весна была более милосердной по отношению к ней, но, по-прежнему, яростно жестокой и немой. Она не внимала уговорам, не слушала слезы, не жалилась над мольбами и молитвами.

Она просто пришла и забрала то, что ей предназначалось, не спрашивая разрешения.

Уже в середине апреля, вслед за уносившимися вдаль мартовскими морозами и снежными буранами, свирепствовавшими в столице не одну неделю, последовала и Тамара Ивановна.

Она заболела еще в конце февраля, сильно, как-то неожиданно и стремительно, почти мгновенно слегла с воспалением легких и общим недомоганием. Врачи не давали гарантий полного выздоровления, а когда у женщины случился повторный инсульт, и вовсе заявили, что ей остаются жить считанные дни.

Черная вуаль опустилась на их дом вслед уносившейся мартовской белоснежной простыне.

Олег пытался лечить добрую верную подругу, никогда, наверное, не считая ее просто домработницей, не жалел ни средств, ни сил, ни времени. Всегда исполнительный и пунктуальный, профессор Вересов даже забросил написание книги, которую обещал сдать издателю в конце марта, сбивая пороги дорогих клиник столицы. Договаривался с лучшими московскими врачами, просил рекомендаций у специалистов, добивался лечения за границей, но никто не давал ему гарантий. Все в один голос твердили, что ничем не смогут помочь. Что бы они не делали, что бы не предпринимали, болезнь будет прогрессировать, и остановить ее не представляется возможным. Есть вероятность замедлить ее ход, отсрочить неминуемое на краткий срок, но на большее никто даже из гениев медицины способен не будет.

И, даже несмотря на подобные неутешительные внушения, Олег не спешил опускать руки, он шел до конца, ни перед чем не останавливаясь, перепрыгивая один барьер за другим, надеясь на чудо. И надежда не умирала в его сердце до того самого, последнего дня, когда Тамара Ивановна перестала дышать.

В апреле, пятнадцатого, через неделю после Дашиного дня рождения, который они провели втроем, всей семьей. Вокруг большого круглого стола, который Даша накрывала сама, расстилая красную скатерть с бахромой по краям, расставляя чашки и блюда под шоколадный торт, который ей помог испечь дядя Олег. Оказалось, профессор Вересов был довольно-таки хорошим кулинаром, а этому шоколадному чуду его научила за несколько лет до смерти жена. Даша помогала ему месить тесто, с замиранием сердца следила за тем, как

торт покрывается золотистой корочкой, затем, нетерпеливо хлопая в ладоши, пробовала первые кусочки и не переставала светиться от счастья, сверкая алмазами удивительных глаз. А затем, с радостной улыбкой подбежала к Тамаре Ивановне и, потянув женщину за руку, пригласила ее за стол.

Тот день был волшебным днем, самым счастливым днем в ее жизни. Самый памятный, светлый, добрый.

Семья. Настоящая, дружная, крепкая, где все друг друга любят, друг другу помогают и поддерживают.

Тогда Даша впервые за много лет почувствовала себя в кругу семьи. Дядя Олег, Тамара Ивановна...

Она верила, она хотела верить, что так будет всегда. Она хотела довериться этим людям, впервые кому-то довериться за столько лет! Она была готова, все еще вспоминая прошлое, полное слез, боли и обиды, она хотела верить в то, что мир может быть другим. Таким, каким она его нарисует.

Но пятнадцатое апреля яростно перечеркнуло все ее мечты и надежды, еще один раз указав ей на то, что построенные ею воздушные замки очень просто могут рухнуть. Сначала Юрка, затем Тамара Ивановна...

И с тех самых пор Даша стала презирать апрель. С каждым годом ее едкая неприязнь росла, постепенно превращаясь в жгучую ненависть. Она лишь потом, много позже заметила эту ужасающую закономерность: каждый год подряд приходивший внезапно апрель забирал у нее тех, кого она любила.

И она боялась думать о том, что вместе с новым прожитым ею годом принесет ей следующая весна.

Она искренне привязалась к Тамаре Ивановне и переживала ее смерть, как личную потерю. Она не была ей дорога так, как был дорог Юрка, но девочка страдала и плакала, когда этой доброй, сердечной, милой женщины не стало, рвущимися из груди рыданиями встречая ее кончину.

В тот день, когда в их дом постучала смерть, Даша не отходила от женщины, ставшей ей не только наставницей, но и взрослой подругой, ни на шаг, словно предчувствуя беду, будто боясь, что если отойдет, Тамары Ивановны не станет. Она сидела рядом с ней, читала ей сказки, рассказывала о том, что происходит в школе, находя слова, подбирая фразы, придумывая новые и новые истории.

Даша никогда не была такой словоохотливой, как в тот день. Она всеми известными ей способами пыталась вернуть Тамару Ивановну к жизни. Она думала, что если будет говорить, улыбаться, рассказывать что-то интересное, та останется с ней, не уйдет в тот, другой, неизведанный мир.

Она так верила, надеялась, она так ждала чуда. Но чуда не произошло.

Вечером пятнадцатого апреля Тамары Ивановны не стало в живых.

— Может быть, вам принести чаю? — спрашивала девочка, наклоняясь к неподвижно лежащей на диване женщине и заглядывая в ее бледное осунувшееся лицо. — Хотите? С лимоном? Я сделаю, как вы меня учили. И две ложки сахара положу. Вы же любите сладкий! Хотите?

Тамара Ивановна редко что-либо отвечала ей, лишь качала головой и улыбалась, не губами, а глазами со светящимися внутри звездными искрами. И эти взгляды говорили Даше всё.

— А хотите, я вам сказку почитаю? — спрашивала девочка, вскидывая вверх темные бровки. — Мы на чтении проходили, — и она, не ожидая ответа, мгновенно вскочила со стула, кинулась к своему рюкзачку и достала из него небольшую книгу, продемонстрировав ее экономке Вересова, снова села на стул, открыв книгу на первых страницах. — Александр Сергеевич Пушкин, — торопливо выговорила девочка, бросая на женщину тревожные взгляды. — Ирина Анатольевна сказала, что это великий русский писатель и поэт, и что его творчество всем-всем нравится. Вам тоже понравится, вот посмотрите! — сказала она, глядя на женщину, и уткнулась в книгу. — «Сказка о царе Салтане». Хотите, я почитаю? Очень интересная, вам понравится! Или вот... еще у него есть. «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», — поведала она. — Хотите?

Тамара Ивановна вновь промолчала, с улыбкой на губах глядя на девочку.

— А еще мы с дядей Олегом хотим в Подмоскovie съездить, — проговорила девочка оживленно. — Он сказал, что покажет мне лошадок. Вы видели когда-нибудь лошадок? Мы можем его попросить, и вы с нами поедите. Хотите? А еще... а еще...

— Дашенька, — тихо окликнул ее Олег, и девочка резко обернулась на голос.

Мужчина стоял в дверях, бледный, похудевший, осунувшийся, с уставшими глазами. Она видела, наблюдала каждый день за тем, как из уверенного, волевого и бодрого человека он превращался в тень. И сердце болело от осознания того, что он, может быть, уже не станет прежним дядей Олегом.

Одного лишь взгляда, грустного, усталого, тяжелого, хватило на то, чтобы они поняли друг друга.

Но верить — верить в это! — не хотел никто из них двоих!

— Тамаре Ивановне плохо, — едва не плача проговорила Даша, поджав губы и наморщив носик.

У Олега едва сердце не разорвалось, когда он увидел слезы в глазах своей малышки.

— Да... — тихо подтвердил он, подойдя к Даше и тронув ее за плечо.

Даша сглотнула и покрасневшими глазами взглянула на него, сдерживая слезы.

— Давайте «скорую» вызовем, — тихо и немного смущенно попросила она мужчину, глядя на него снизу вверх глазами, в уголках которых уже блестели слезы. — Они помогут... Они... должны...

Олег лишь покачал головой, зажмурившись и крепче стиснув ее маленькое плечо. Посмотрел на Тамару Ивановну, словно переговариваясь с ней взглядами, и, не глядя на Дашу, вымолвил:

— Иди-ка отдохни, солнышко, — опустил голову вниз, — я с ней посижу.

Она не хотела уходить, Олег это видел. Она еще несколько мгновений боролась с собой, с желанием остаться с ней, этой женщиной, которая стала ей так дорога, а потом сдалась. Профессор Вересов попросил ее выйти, и она сделала то, о чем он просил. Она ушла. Медленно соскользнула с высокого стула, который специально подставила ближе к дивану, где лежала больная женщина, бросила взволнованный взгляд на Тамару Ивановну, затуманенными глазами смотревшую на нее, наклонилась и взяла женщину за руку.

— Я не надолго отойду, — клятвенно проговорила она. — Честно, честно. Я немногo поучу уроки и приду. А то нам много задали по математике... — она подняла глаза вверх и, встретившись с помутневшим от слез взглядом дяди Олега, произнесла: — Можно я потом еще приду?

Острый нож полосонул его по сердцу, вызывая отвратительную боль во всем теле.

— Конечно, Дашенька, — согласился мужчина. — Ну, конечно же...

И она ушла. В свою комнату, где сидела, оставив дверь открытой и делая вид, что учит уроки. Она не учила, она прислушивалась к тому, что происходит вне стен ее комнаты. И всего через несколько минут услышала то, чего слышать не желала больше никогда в своей жизни. Дядя Олег позвонил в «скорую».

И Даша поняла, что это означает.

Прислонившись спиной к изголовью кровати, почти вжавшись в него, поджав под себя ноги, она опустила голову на колени, прикрыв лицо руками, и заплакала.

Умерла. Какое страшное, какое мучительно болезненное слово!..

А еще через несколько минут вновь раздался голос дяди Олега. Тихий, усталый, словно вымотавшийся.

— Антон?.. Да. У нас несчастье... — выдержанно, стойко, несмотря на то, что хотелось рыдать. — Тамара Ивановна... она... ее не стало. Приезжай?.. — попросил он неуверенно. — Пожалуйста...

И Даша, стискивая зубы, чтобы не было слышно стонов и всхлипов, зарыдала еще сильнее.

В тот день она потеряла еще одного человека, который был ей дорог. Еще одного!.. Какая жестокая закономерность, какая отвратительная несправедливость, какая безнадежная неизбежность!

Похороны состоялись восемнадцатого апреля, в не по-апрельски холодный день, немой и черный день скорби. Антон приехал из Лондона проститься с Тамарой Ивановной и остался и на следующий день после похорон, улетев назад лишь двадцатого числа.

С ним Даша почти не разговаривала, отсиживаясь в своей комнате, старалась не попадаться ему на глаза, а он не особо и стремился с ней общаться. Они с дядей Олегом часами сидели в гостиной или в кабинете профессора Вересова, между собой переживая эту потерю. О чем-то разговаривали, тихо, едва слышно, перебрасываясь быстрыми фразами. Сквозь приоткрытую дверь она видела, как сын, утешая, похлопывал отца по плечу и что-то тому говорил. Даша не разбирала слов, но чувствовала, что эти слова дяде Олегу просто необходимы. Она бы не смогла его утешить, а вот этот... Антон, он мог.

А Даша, сидя на подоконнике и глядя в окно, исполосованное солеными струйками дождя, поджав под себя ноги, терзала себя воспоминаниями. Она хотела бы не вспоминать, но, глядя на скользкое липкое стекло, почти против воли вспоминала. Добрую Тамару Ивановну, которую искренне успела полюбить за эти месяцы. Вспоминала Юрку, своего любимого младшего брата, который покинул ее год назад, в такую же холодную и равнодушную весну, что и эта. Потом сознание выхватило из памяти обрывки далекого прошлого, в котором она еще была счастлива. С отцом, в Сосновке. И она плакала. Смахивала со щек слезы зажатými в кулачок пальцами, хныкала, сопела, старалась сдерживать рвущиеся изнутри слезы, но не могла. Грудь давило, сжимало, разрывало, а сердце колотилось в виски колокольным звоном.

На кладбище она тоже плакала, не смогла сдержаться, как и три дня назад, когда Тамары Ивановны не стало. Она стеснялась, смущалась своих слез, не хотела, чтобы их заметили, не хотела, чтобы считали ее слабой или трусихой, а потому резко стирала соленые капли с лица, оставляя на щеках разводы.

Но как бы она не старалась остаться незамеченной, ее все же заметили. Человек, которому, она полагала, на нее плевать. Но именно он наблюдал за ней с несвойственным

ему волнением за нее и злостью на себя.

Антон подошел к ней неожиданно, неслышно, ничем не выдав своего приближения, не дотронулся до нее, не окликнул по имени, не сказал ни слова, но она чувствовала его присутствие рядом с собой. Знала, что он стоит за спиной, и ощущала ледяной холодок, промчавшийся вдоль позвоночника.

Она напряглась, но не обернулась к нему, не выдавая себя. Сглотнула, зажмурившись на мгновение.

Она не думала, что он заговорит с ней. Она бы этого не хотела. Она его опасалась, сторонилась.

Он был другим. Не тем Антоном, которого она увидела, когда приехала в Москву, и не тем, которого она провожала в Лондон. Молчаливый, замкнутый, словно бы... пустой. И какой-то одинокий. Она всегда остро чувствовала одиночество, потому что сама была одиночкой очень долгое время, но одиночество этого парня было... иным, парализовывающим, глубоким, болезнетворным, грубым и жертвенным. Если она была одинока против воли, он загнал себя в одиночество собственноручно.

И она чувствовала какую-то безысходность, которая от него исходила. И даже, наверное, понимала его. Немного, совсем чуть-чуть, против воли, но понимала...

Но он по-прежнему оставался для нее плохим. Тем человеком, которому она не доверяла, и на которого смотрела с опаской, которого силилась избегать, и которому старалась не попадаться на глаза. Негатив, исходящий от него, она чувствовала за сотни метров. Она всегда ощущала неприязнь, многие годы жила в ней, пропитанная ее ядовитыми парами. И от Антона исходила отчетливая разъедающая неприязнь.

И оставаться равнодушной к ней она не могла. Она испытывала неприязнь к нему в ответ.

Но в тот день, когда они, скованные общей трагедией, смотрели на свежую могилу, Антон ее удивил.

— Не плачь, малая, — сказал он ей понуро, не вызывающе, не грубо, не унижительно, но и без сочувствия тоже. И девочка вздрогнула. — Ее время пришло, — даже не взглянул в ее сторону, — вот она и ушла.

Неужели утешает?.. Не верила ему, не верила в него.

Даша бросила на него быстрый взгляд и опустила глаза, не желая, чтобы он его заметил.

Но Антон заметил, хотя виду и не подал. Отвернулся от нее, больше не сказав ни слова и не ожидая слов в ответ, не нуждаясь в них, и уже браня себя за то, что вновь, как и несколько месяцев назад, когда забирал ее с новогоднего утренника, проявил слабость. Заговорил с ней, попытался, черт побери, проявить заботу!? Показать, что переживает, волнуется, беспокоится?! Но ведь это не так! Его не волнует она, не волнует то, как она живет, вообще ничего, связанное с ней, не волнует. И, уж конечно, его не должно касаться, что она испытывает сейчас, стоя перед могилой женщины, которую знала лишь год!

Он не должен о ней заботиться, его вообще не должны волновать ее проблемы. Она и так уже отняла у него слишком много. Хотела забрать еще и его внимание?!

Он не готов был отдать ей и толику тех чувств, что еще в себе сохранил. Кроме неприязни и презрения, которые силился к ней испытывать.

И Антон вновь превратился в холодного, равнодушного и установленного на цинизм молодого человека, которому плевать на эту беспризорную девчонку. Он хотел таким стать, чтобы не чувствовать боли, не поддаваться обидам, чтобы равнодушно сносить резкие

выпады в свой адрес и отвечать колкостью и остротой на язвы, брошенные ему в лицо.

Бороться с собой и своими чувствами было сложно, и он решил спрятать их под маской цинизма и равнодушия, холодности и апатии. Он верил, что, если ему удастся убедить в своем равнодушии других, то вскоре он и сам поверит тому, что ему все равно. И тогда не будет так больно, обидно, одиноко.

Он будет таким, каким хотел, чтобы его видели.

И пусть никто никогда не узнает, что он ощущает на самом деле!..

Та проявленная на кладбище к девочке слабость была последней. Больше он не пытался ее утешать. Вообще старался не иметь с ней дел. И был искренне рад, что возвращается в Лондон, потому что сердце яростно колело, укоряя и уговаривая справиться о ней.

Но он сдержался и улетел в Англию двадцатого апреля, как и собирался, не взирая на протесты ноющего и кричащего существа, требовавшего, чтобы он остался.

Он не хотел лишь оставлять отца одного, переживая. Звонил каждый день, выпытывая, как он со всем справляется без Тамары Ивановны, как себя чувствует и вливается в новый ритм жизни, а потом узнал, что одному справиться со всем ему не удалось.

И уже в начале мая Олег стал искать новую экономку.

А после долгих и тщательных поисков он ее, наконец, нашел.

Едва Маргарита Львовна Агеева вошла в их дом, Даша поняла, как сильно она отличается от близкой ей по духу Тамары Ивановны. Кардинально отличается. Не только внешностью, характером и положением, но и отношением. Отношением к ней, Даше. Эта женщина невзлюбила девочку почти с первого взгляда. Едва узнала, что она Олегу Витальевичу не приходится родственницей, и что у профессора Вересова есть лишь сын, который сейчас обучается в Лондоне, она делала все для того, чтобы показать Даше ее истинное место в доме. Винаила, укоряла, находила сотни причин, чтобы за что-то ее отругать и не уставала указывать девочке на то положение, которое в доме дяди Олега у нее было.

— Мне кажется, юная леди, — вскинув подбородок, грубо говорила она, — что вы не можете что-то требовать от меня в этом доме. Вы здесь никто, так же, как и я. Олег Витальевич держит тебя при себе лишь потому, что он очень сердечный, золотой души человек! — строгий тяжелый взгляд на девочку. — Но ты не особо пользуйся его добротой, поняла? А я буду следить за тем, чтобы ты его не окрутила. Такие, как ты, дети с улицы, только и ищут повод, чтобы сбежать, прихватив с собой что-то ценное, — хмурилась, превращаясь в злостную гарпию. — Как же Олегу Витальевичу повезло, что в его доме появилась я. Уж я-то прослежу за тем, чтобы ты не сделала ничего плохого! — и вновь острый взгляд. — И не смей ничего требовать у меня. Если тебе что-то нужно, сделай это сама. Чай, не маленькая уже.

Не то чтобы Даша что-то у нее требовала, она привыкла сама со всем справляться, еще когда жила в Калининграде, да и понимала она, что просто не имеет на это права, но было горько и немного обидно от ее слов. Тамара Ивановна никогда так с ней не разговаривала.

Даша не говорила о своих чувствах дяде Олегу, так как полагала, что это не ее дело — указывать ему на что-то. К тому же, ему нравилась работа этой женщины. Маргарита была исполнительницей, услужливой, трудолюбивой, добренькой и, казалось, радушной. Олегу не за что было ее ругать или в чем-то упрекнуть. Дом всегда был убран, обед приготовлен, она всегда находила для Олега доброе слово и могла поддержать беседу. И Даша не смела даже заикаться о том, что происходит между нею и экономкой в те часы, когда он ничего не

видит. На вопросы Олега о том, нравится ли ей Маргарита Львовна, заданные как бы между прочим, девочка предпочитала пожимать плечами, утаивая от него истинные чувства, никогда даже словом не обмолвившись о том, что ее что-то не устраивает.

Жизнь текла своим чередом, один день стремительно переходил в другой, апрель сменился солнечным маем. Только теперь с ними не было Тамары Ивановны, и у Даши остался лишь дядя Олег.

И она не знала, как долго продлится это счастье. В апреле этого года она перестала верить в постоянство. Слишком мало его было в ее жизни.

В школе отношения с одноклассниками у Даши так и не наладились. С ней по-прежнему предпочитали не общаться. И если раньше ее молчаливость списывали на характер, природную скромность, смущение и неразговорчивость, то теперь, благодаря Роме Кононову, всему в вину ставили ее гордость и заносчивость.

Даша не спешила их переубеждать, не считая это важным для себя. В своем классе, впрочем, как и во всем окружении ребят, она не видела ни одного человека, с которым могла позволить себе подружиться.

Мальчишки и девчонки казались ей какими-то... пустыми. Одноразовыми.

Она не могла объяснить своих чувств к ним, не могла определить, какие они на самом деле, но ей было приятнее общаться с тем же Миколкой, который мог болтать без умолку и хохотать без причины, чем с ними, этими пустыми, беззаботными и обласканными судьбой московскими детками, не знавшими бед.

Они не понимали ее. И никогда не смогли бы понять. Они выросли не в той среде, не в том обществе, не в том мире, где росла она. Они не видели и половины тех мерзостей жизни, которые пришлось на ее долю. Они не осознавали, да и не могли осознавать, как жесток порой бывает этот мир. А Даша осознавала, понимала, она видела... И поэтому они были людьми не ее круга. Они — не из ее круга, а наоборот.

Ей было скучно с ними, однообразно, серо и блекло. Их разговоры были пустыми и бессмысленными, детскими и наивно непосредственными, а она уже давно перестала быть наивной и непосредственной. Их игры были однообразными и унылыми, а она с раннего детства не играла в игры вообще. Их смех был беспечным, их дружба была кратковременной и беспутной, их слезы были показными, их откровения не стоили и гроша, а верность слов и признаний сходила на нет в тот же день. Они так же легко отдавали улыбки окружающим, как свободно дарили им свою дружбу и симпатию. Они верили в магию денег, а для Даши существовали иные ценности и приоритеты.

Конечно, требовать от них иного отношения не стоило. Они просто были не такими, как она. Или она была не такой, как они, или не такой, какой они хотели ее видеть, но Даша не прижилась в их мире.

Она была взрослее и опытнее их, а потому стала для них изгоем.

Но они уважали ее, она это чувствовала. Порой ловила на себе косые взгляды, но не обращала на них внимания. За ее спиной часто шептались, перемывая ей косточки, многие подобные беседы она слышала собственными ушами, некоторые ребята, включая, все того же Рому Кононова, не брезговали тем, чтобы обсудить ее даже тогда, когда она находилась в одной с ними классной комнате.

Но Дашу это не особо волновало.

— Дашка, — мог крикнуть ей Рома. — Хочешь поиграть с нами? — а потом, ожидая ее реакции, поглядывал на своих друзей, которые, усмехаясь, смотрели на нее.

— Нет, спасибо, — уверенно отнекивалась девочка с гордо поднятой головой, — не хочется.

— Не умеешь? — допытывался мальчик, толкая друзей локтями и указывая на этот факт. — Так мы научим!

— Да, не умею, — соглашалась она, как ни в чем не бывало. — Но не хочу, спасибо.

Она всегда держалась очень сдержанно и стойко, никогда не позволяла втоптать себя в грязь или унижить. И никто не пытался этого сделать. Ее обычно не доставали больше подобными вопросами, продолжая увлеченно беседовать между собой. А Даша?.. Кононов и его мнение ее не интересовало. Он был избалованный сыночком богатых родителей, у которого всегда было всё, а Даша находилась под опекой профессора Вересова и никогда ничего своего не имела, хотя дядя Олег и делал акцент на том, что сделает для нее всё, что бы она ни попросила. Но Даша всегда стеснялась. Она хотела сама, для себя. Как привыкла. Она не желала мириться с тем, что будет кому-то должна, пусть даже этим кем-то будет дядя Олег, которого она уважала.

Она не стремилась дружить со своими одноклассниками, и они не стремились поддерживать с ней дружеские отношения. Ей не нужны были друзья, Даша оберегала свое личное пространство, боясь посягательств на него. Она не верила в их мнимую дружбу и поддержку, откровения и тайны, которые они могли рассказать лучшим друзьям, а потом осознать, что их секрет уже путешествует по классу под восторженные возгласы других ребят.

Не скрытная, а просто бережно относящаяся к своему мирку, в который не стремилась кого-то впустить.

Никогда до первых дней солнечного, изменившего очень многое, мая.

Именно в начале мая все изменилось.

К ним в класс, в конце учебного года перевели девочку. Лесю Ростовцеву.

И в тот день, когда ее привели в класс, сообщив о том, что она будет учиться вместе с ними, и когда она, эта никому еще не знакомая девочка, обводила внимательным взглядом кабинет, всё перевернулось.

На Лесю тут же набросились с расспросами, вопросами и предложениями. Спрашивали о многом, но не всегда требовали и ждали ответа. Дергали за руки, привлекая внимание к своей персоне. Рассказывали школьные истории и небывицы, стремясь вызвать интерес и любопытство у новенькой девочки. А та лишь улыбалась, отвечала кратко и откровенно, успевала обратить внимание на всех, кто бы к не обращался, и за очень короткое время успела подружиться почти со всеми.

Одна лишь Даша сидела тихо и почти недвижимо, молчаливо наблюдая за разворачивающейся перед ее глазами картиной. Она не вмешивалась, ни о чем не спрашивала, просто рассматривала свою новую одноклассницу со скрытым в глубине глаз любопытством и интересом.

Леся была Дашиной ровесницей, в июле ей должно было исполниться десять лет. Худенькая, невысокая, немного ниже Даши, с длинными пепельно-светлыми волосами и красивыми, глубокими темно-синими глазами, казавшимися очень большими на ее овальном личике. Она держалась открыто, но сдержанно, не вызывающе, но смело, искренне улыбалась, но смущенно тупила взор, говорила откровенно и эмоционально, но многое скрывала за натянутой на лицо улыбкой. И этим она была очень Даше близка.

Как позже выяснилось, Леся перебралась из Екатеринбурга в Москву к отцу, где у того

был какой-то строительный бизнес. Раньше она находилась на попечении няньки, редко видясь с отцом, единственным своим родственником. Мать девочки умерла родами второго ребенка, когда Лесе было три года. Ее сестричка, родившаяся раньше положенного срока на четыре недели, скончалась через несколько дней после смерти матери. Отец Леси, пытаясь спастись от потери, занялся бизнесом и с головой ушел в работу, скинув заботы о дочери на плечи своей няньки Глафиры Викторовны. А когда умерла и она, ему пришлось забрать Лесю к себе в Москву и собственноручно заняться ее воспитанием.

Даше новая одноклассница понравилась сразу, почти с первого взгляда. Удивительно ли, что они нашли общий язык мгновенно?.. Девочка, которая не знала родительской любви, и та, которая совсем крошкой потеряла мать и отцовское тепло. Две молчаливые, скрытные, взрослые в своей детскости девочки.

Им на роду было написано стать подругами. И совсем скоро так и случилось.

Однажды, когда Даша, стоя у подоконника, следила за играющими в школьном дворе ребятами, она услышала неторопливые шаги позади себя, но не обернулась, а просто застыла, не шевелясь.

— А почему ты с ними не играешь? — спросила Леся. Даша сразу узнала ее, казалось, не узнать ее было просто невозможно. От нее исходило какое-то солнечное тепло. — Не умеешь?

Даша беспечно пожала плечами и повернулась полубоком к подошедшей к ней девочке.

— А я не умею, — сказала Леся решительно. — Да мне и не нравятся их игры, если честно.

— Почему? — удивилась Даша, исподлобья разглядывая одноклассницу.

Леся пожала плечами, словно возвращая Даше ее недавний жест, но на вопрос прямо так и не ответила.

— Тебя Даша зовут? — спросила девочка некоторое время спустя.

— Да. А тебя Леся? — попыталась улыбнуться Даша, глядя на девочку, застывшую рядом с ней.

— Честно? — наклонив голову набок, моргнула она ресничками. — Лесандра Юрьевна Ростовцева. Но папа и тетюшка Глафира называют меня просто Лесей, — она улыбнулась. — И ты тоже можешь так называть.

— Хорошо, — кивнула Даша, внимательно рассматривая девочку. — У тебя очень красивое имя, — задумчиво проговорила она. — А что оно означает?

— Не знаю, — покачала Леся головой. — Меня так мама назвала. Еще перед тем, как умерла, — удивленно посмотрела на Дашу. — А что, оно должно что-то означать?

— Так говорит дядя Олег.

— Дядя Олег?

— Да, я с ним живу сейчас, — уклончиво пробормотала Даша и опустила голову.

Леся не стала ни о чем спрашивать, она просто протянула Даше руку и неуверенно проговорила:

— А давай дружить?

Ей никогда не предлагали дружбу, и она никогда к ней не стремилась, но, когда увидела протянутую к ней маленькую ладошку, искрящиеся темно-синие глаза, она, не задумываясь, согласилась дружить.

И в тот день Даша обрела своего первого, самого настоящего, верного и преданного друга.

Они с Лесей понимали друг друга с полуслова, могли общаться просто взглядами.

Леся не винила отца в том, что он почти не заботился о ней до смерти няни. Она верила в то, что так сложились обстоятельства.

— Папа меня любит, — говорила девочка, откровенно глядя на Дашу умными глазками, — просто он очень занят. Я когда вырасту, тоже буду работать, — говорила она, — и тоже буду занята. А ты кем хочешь стать? — спросила девочка напрямик, открыто глядя на Дашу. — Я, когда вырасту, буду фотографом. Как моя мама.

Даша, не отвечая, задумчиво смотрела в сторону. Она никогда не думала об этом. Она вообще редко задумывалась о таком будущем, если же и задумывалась, то лишь о том, где ее будут ждать новые потери.

А когда подруга своим откровенно вызывающим, но обыденным вопросом, толкнула ее на этот путь размышлений, Даша уже совершенно точно знала, кем хотела бы стать, когда вырастет.

Иного варианта для себя она не видела. Все было слишком просто для нее.

И однажды она подошла к дяде Олегу с откровенным вопросом.

— Дядя Олег, — проговорила Даша, смущенно глядя на него, — я бы хотела... спросить. Можно?

— Да, конечно, моя хорошая, — вымолвил тот, отвлекаясь от книги, которую читал. — О чем?

— Я же когда вырасту, мне нужно будет выбирать, кем стать, — сказала Даша, поднимая на мужчину околдовывающий взгляд, — чтобы работать, вам помогать. И ведь... все люди работают, да?

— Ну, да, пожалуй, — задумчиво и в то же время озадаченно проговорил Олег.

— И я могу выбрать любую-любую профессию? — она подняла на него внимательные черные глазки.

— Да, конечно. Какую захочешь, — согласился он, улыбнувшись. — А что, ты уже что-то придумала?

Даша кивнула и вновь потупилась. А потом...

— Да, — уверенно сказала она, поднимая подбородок. — Когда я вырасту, я хочу стать врачом.

— Врачом?.. — пробормотал мужчина тихо.

— Да. Я хочу людей лечить, — заявила она. — И взрослых, и детей. Ведь это хорошая профессия, правда?

Олег сглотнул выросший в горле острый ком. Он понимал правильность ее выбора, как и ее логику, и от этого осознания щемило сердце тоскливой ноющей болью.

Она потеряла людей, которые были ей дороги потому, что врачи не смогли их спасти!..

Ему хотелось плакать от нестерпимой гордости за эту маленькую взрослую девочку. Его малышку.

— Да, Дашенька, — кивнул он, — это очень хорошая профессия. Ты просто молодец.

Девочка улыбнулась, засветились огнем ее удивительные глазки, она протянула к нему руку и коснулась его ладони, сжимая ее пальчиками. Подняла к нему светящееся личико и клятвенно пообещала:

— Я буду очень хорошо учиться, чтобы стать самым лучшим на свете врачом! — в глазах ее мелькнула грусть, улыбка стала сдержанной и тоскливой, с примесью горечи и огорчения. — И всех, всех спасу, — она подняла на Олега огромные глазки. — Ведь правда,

дядя Олег?

В переносице щекотно задержались слезы, готовые вот-вот рвануться из глаз.

И почему так остро колет в груди, в самой сердцевине, в самой сути его существа?! Отчаянно, нещадно, ноюще колет, болит, дергается, кричит?..

Он стиснул в ладони ее маленькие пальчики.

— Да, Дашенька, — уверенно выдавил он из себя. — Ты будешь самым лучшим врачом на свете!

Девочка улыбнулась. С благодарностью, с откровением, с обещанием, которое давала сейчас не только себе, но и ему тоже, — этому странному одинокому мужчине, который поверил в нее, не бросил, оказался рядом именно в тот момент, когда она отчаянно в нем нуждалась и его ждала. Дядя Олег. Человек, который открыл для нее новый мир без слез и страха. Мир, в котором исполнялись мечты.

13 глава

Лето 2000 года

Он никогда так не спешил домой, как в это лето. Отчего-то именно сейчас чувствовал эту неугасающую потребность вновь вернуться в Москву. Именно вернуться. Не просто приехать на лето, а остаться там, где он по праву должен быть сейчас. Не приехать погостить, а вернуться назад. Навсегда?.. Да, наверное, если бы была возможность, он бы сделал это. Оставил пустой и равнодушный Лондон, который так и не смог понять его, который принял его приезд так же холодно и отстраненно, как и сам Антон встречал безликую, сиротливо-унылую английскую столицу. Не ставшую ему родной, лишь заставившей прикрыть за ледяной маской равнодушия раненую, отчаянно одинокую, расколотую надвое душу маленького мальчика, который оставил в российской столице не только прежнюю жизнь, но и свое горячее сердце.

Черт побери, какая ирония! Ведь именно туда, куда он так стремился попасть, путь ему был закрыт.

Антон иногда не понимал, действительно, не понимал, почему всё сложилось именно так. Вот он, здесь — в Лондоне, где не хочет находиться, этому месту порой противится все его существо, вынуждая скитаться по узким городским улочкам и нежиться в объятьях воспоминаний тех дней, когда он был счастлив. А почему не там, в Москве? Где он желал находиться?! Почему вместо лиц родных и близких людей каждый день наблюдает за фальшью улыбок тех, кто никогда их ему не заменит?! Почему вместо теплых объятий отца его ежедневно встречает холод и пустота чужих рукопожатий!?

Почему порой так трудно быть счастливым, когда для счастья, кажется, нужно так мало?!

Почему именно он оказался в числе тех, кто должен был пожертвовать своим «я» ради чужого счастья?!

В такие минуты отчаяния и безнадежной унылости Антон завидовал самому себе. Тому, прошлому себе, к которому уже не было возврата. Какая невообразимая глупость! Но от осознания, что былого не вернуть, хотелось плакать, скрывая слезы за лондонскими ливнями.

И он страдал от боли, пряча слезы за фальшивыми улыбками проходящим мимо знакомым.

И, вроде бы, всё у него в Лондоне было отлично. Лучше, наверное, и не придумаешь. Лучше, чем он мог мечтать или даже просто подумать. Как-то слишком легко он влился в ту атмосферу английской жизни, о которой раньше мог лишь строить теории. Учеба на отлично, перспектива работы в одной из успешнейших юридических фирм Англии, новые «лучшие» друзья, масса красивых девушек, заменивших ему прежних. И он даже привык к пустому и равнодушному Лондону, встречавшему его каждое утро мрачностью и скукой многолюдных улиц. Ядовитой тоской по тому миру, который он против воли оставил в России.

Он привык и к городской суете, и к поначалу пренебрежительным ухмылкам за спиной

и ядовитым замечаниям насчет его английского, и к вызывающим взглядам, прикованным к «еще одному русскому» в Лондоне, и даже к тому привык, чтобы не силиться удержать себя от очередного звонка домой, а просто не звонить. Он запретил себе думать о том, что происходит в той прежней жизни, где он был счастлив. И со временем у него получилось.

Но тянуло его назад, домой, в Москву. К отцу. Он скучал по нему, по Тамаре Ивановне. По ней в первое время скучал особенно остро. В первые дни силился не звонить каждый день, чтобы не показаться слабым и по-девичьи чувствительным. Отключал телефон и допоздна гулял по ночному городу. Вспоминал.

И тогда чувствовал себя будто разорванным на части и выброшенным. Не нужным никому. Даже им.

Это ощущение постоянной ненужности, чуждости, пустоты и серости, поселившееся в его сердце, здесь, в кольце холодных улиц чужого города, особенно сильно горело огнем, вызывая чувство полнейшей безнадежности и тоски в груди. Не только по родине, хотя видит Бог, он нестерпимо скучал по Москве! Но больше — именно по тому, что он там оставил. Разочарование, горькое, как яд, удушающую обиду, боль, острую, как бритва, невыплаканные слезы. Отца. Тамару Ивановну...

Он так и не успел простаться с ней перед тем, как ее не стало.

И боль, обида, разочарование мгновенно превращались в злость и ненависть. К ней!

Ведь она... Эта девчонка с улицы, беспризорница, эта дикая девочка с черными бесовскими глазами ангела... Какой парадокс... Черт побери!.. Она заняла его место. Она успела всё!

На кладбище, провожая Тамару Ивановну в последний путь, он посочувствовал ей. Он сдался, тоже пал перед ней, поражаясь себе и своим чувствам. Уговаривал себя, что дело лишь в том, что он увидел, как она убивается, как, силясь не заплакать, сдерживает слезы, прикрывает ладошкой рот, и как то и дело косится по сторонам, чтобы никто не заметил этой детской слабости. И он сдался. Не смог устоять.

В тот миг он узнал в ней себя. В тот день, когда он семь лет назад так же, как и она, стоял над могилой матери. Потерянный и забытый, маленький мальчик, выброшенный из привычного мира в суетность и нелогичность мира нового. Рыдающий над своей трагедией, как это делала в роковой день и эта плачущая немymi слезами девочка. И расстояние в тысячи километров, разделявшее их, сократилось до одного шага.

Жалость. Вот что это было. Ему стало жаль ее. Банально — жаль.

Ту, которую жалеть было нельзя. Ту, которая отняла у него все. Ту, которая стала частью того мира, в котором жил когда-то он. Ту, которая встала между ним и этим миром непроходимой стеной, которую он так и не смог перешагнуть. И не сможет никогда.

Её он вспоминал так же часто, как и отца. Возможно, даже чаще. Все его мысли кружащимся роем жгли мозг, вынуждая вспоминать ту, которая отняла у него все. Но не вспоминать ее, как он не пытался, было невозможно, потому что все, что теперь его окружало, напоминало ему о том, чего он лишился. А виной этому была именно она.

Он справлялся. Он был почти уверен, что сможет с этим жить. Привыкнуть окончательно, перевернуть свой прежний мир и начать жить сначала. Дружить с новыми людьми и уговаривать себя, что они ничем не отличаются от старых, мчаться по ночным лондонским улицам и уверять себя в том, что рассветы на Темзе ему нравятся больше, чем закаты на Москве-реке, разговаривать на английском и считать его своим вторым родным языком. День за днем надевать на лицо серую маску невозмутимости и спокойствия и верить

в то, что она является его истинным «я». Превращаться в того, кем он не был на самом деле. И верить в ту правду, которую сам для себя придумал.

Но он не мог измениться окончательно. Ему нужно было увериться в том, что пути назад уже нет.

И это лето стало особенным для него. Антон знал, что это так. Не мог объяснить, не чувствовал, что именно это лето станет роковым. Последним?.. Да, последним! Из-за того, что, как раньше, уже не будет никогда. Что-то изменится, безвозвратно, кардинально, молниеносно. Или изменится он сам?.. Перевернет свой устоявшийся маленький мирок с ног на голову для того, чтобы выжить?! Чтобы защититься?.. Чтобы не опустить руки и не сдаваться, никогда больше?..

Да, он знал, он чувствовал... Лондон ли изменит его, или сам он изменится, повернув свое восприятие на сто восемьдесят градусов, но той стабильности, монотонности и прежнего спокойствия уже не будет.

И Антона прежнего тоже не будет. Уже после этого лета.

Не потому ли он так стремительно покинул Лондон? Кинул все необходимое в заранее подготовленную дорожную сумку и бросился в аэропорт? Без предупреждения нагрянул домой и, отвечая на обеспокоенные вопросы отца и друзей, лишь улыбался, так же, как и прежде, заставляя себя пережить этот смех еще раз. В последний раз. И за эти мгновения он, казалось, мог продать душу дьяволу.

В Москве, несмотря на присутствие тех, кого он видеть отчаянно не хотел, дышалось легко и свободно. Сердце иначе билось в груди, отголосками старых ран и обид отдаваясь в висках уже с меньшей силой, чем прежде, замирало дыхание, вызывая стремительную щекочущую боль в переносице, когда он, выглядывая из окон машины, втягивал в себя пропитанный парами московский воздух. И картинки перед глазами. Той, былой жизни, когда он еще был счастлив. А сейчас?.. Он ощущал всё это в последний раз. И хотелось плакать, рыдать от чувства все нарастающей безысходности вместе с приближающимся августом.

Боль в груди, казалось, затянувшаяся и превратившаяся в шрам, оказалась зияющей нарывом дырой.

Болело сердце, болела душа... И нельзя было унять эту боль.

Да, его не обязывали, больше не обязывали любить или ненавидеть, и он превратился в равнодушного наблюдателя той жизни, что была вокруг него. Отец, на которого он не мог смотреть без улыбки на лице. Эта девчонка, ее он всегда провожал хлестким взглядом с ожесточением в глазах. Эта посторонняя женщина, новая экономка отца, он даже не запомнил, как ее звали, потому что не считал это нужным. Новому Антону не требовалось запоминать такие детали.

Она, в отличие от Тамары Ивановны, не жила в их доме. Приходила несколько раз в неделю, убиралась, готовила еду и оставалась на ночь лишь в исключительных случаях. Она не стала членом их семьи, как это сделала много лет назад Тамара Ивановна. И не врывалась в их уют, как это сделала девчонка, находящаяся под опекой профессора Вересова. Она просто выполняла свою работу, не претендуя на что-то большее.

По крайней мере, до некоторого времени Антону так и казалось, пока не произошло одно событие.

Однажды, когда молодой человек собирался уходить к друзьям, она остановила его у самых дверей.

— Антон?

Он оглянулся и, удивленно вскинув брови, посмотрел на нее.

Он раньше не обращался внимания на то, как она выглядит, а сейчас ему отчего-то не понравилась и ее не такая уж и выразительная полнота, и сведенные к переносице темные брови, и цепкий холодный взгляд, и даже то, как она скрестила руки на животе, поглаживая большим пальцем запястья, ему не понравилось.

Внутренне вздрогнув, парень уставился на нее, пожалев, что ни отца, ни его подопечной нет дома.

— Знаете, Антон, — громко начала она, приподнимая подбородок, — это, возможно, не мое дело, но я считаю своим долгом предупредить вас.

— О чем вы? — нахмурившись, уставился он на нее. — Что-то с отцом?

Женщина замялась. А Антон стиснул зубы.

— Можно и так сказать, — выдавила она из себя, не глядя на молодого человека. — Всё дело в этой девочке. Даше, — как-то презрительно добавила она, фыркнув.

Сердце пропустило удар, огненной волной метнувшись вниз электрическим разрядом.

— А что с ней не так? — он и сам не заметил, как скрестил руки на груди, словно бы защищаясь.

— Понимаете, — начала женщина. Он благополучно забыл ее имя, не желая запоминать его. — Она оказывает на Олега Витальевича очень большое влияние. Что бы она не попросила, он сразу выполняет, что бы не сказала, он всему верит. Он носит с ней, как с родной дочерью, хотя она ему никто! — возмущенно воскликнула домработница, всплеснув руками. — Разве это нормально?! Вы должны меня понять, Антон, ведь вы его родной сын, а эта... девчонка, она вьет из него веревки! — она гордо вздернула вверх голову. — Кто она, откуда появилась, кто ее родители, есть ли гарантия, что она не больна?

— Отец позаботился о полном медицинском осмотре, — сухими губами пробормотал Антон, не глядя на женщину. — Она полностью здорова.

— А генетика? — тут же нашлась Маргарита Львовна (вот, оказывается, как ее зовут!), яростно атакуя Антона доводами и аргументами. — Кто может дать гарантии, когда дело касается наследственности? — она пронзила его твердым взглядом ледяных глаз. — Ведь неизвестно, что она притащила с собой «в рукаве» из своего Калининграда. А вдруг в ее роду было какое-то наследственное заболевание или генетическое отклонение? Существует вероятность того, что оно вот-вот да и проявится в ней! — гневно выдала она. — А ведь ее родители вполне могли оказаться алкоголиками! Или, того хуже, наркоманами! — округлившись от ужаса глазами приводила она довод за доводом. — Ведь «яблонько от яблоньки»... вы меня понимаете. А вдруг рано или поздно она пойдет по родительским стопам!? — возмущенно выдохнула она, поджав губы.

Антон сжал руки в кулаки, мрачнее с каждой секундой все сильнее.

— Я не понимаю, — выдавил он сквозь зубы, бросив на нее острый взгляд, — что вы хотите мне сказать?

Женщина, казалось, была обескуражена. Сглотнув, она нервно погладила ладони, расправила фартук.

— Я всего лишь волнуюсь, — пробормотала она, — беспокоюсь за Олега Витальевича, — подняла на Антона быстрый взгляд и презрительно продолжила: — Ведь эта девочка, эта... Даша, кто знает, что она может выкинуть в следующий момент? Кто может дать гарантии, что она нормальная, как все остальные дети ее возраста!? Ведь она

пришла с улицы! Кто знает, что кроется в ее уме? Сейчас она тихая и спокойная, но что она может выкинуть завтра!?! — она всплеснула трясущимися руками и выплюнула: — Она ведь даже со своими одноклассниками толком не общается! Нашла себе какую-то подружку, себе подстать, наверное!..

Антон скрестил руки на груди. Разговор стал отчаянно раздражать. Отчего-то все его существо яростно противилось нападкам этой женщины на подопечную отца. И должен бы он ту презирать и ненавидеть, это было бы правильным и вполне логичным, но в этот момент, ему хотелось защитить ее от этой женщины.

— И все же я не понимаю, — проговорил он сдержанно, — чего вы хотите от меня?

Маргарита Львовна смущенно потупилась.

— Если бы я могла находиться здесь целый день, — пробормотала она, не поднимая на него глаза, — я бы могла наблюдать за ней круглые сутки. И тогда она не навредила бы вашему отцу, — выдавила она из себя. — Я уверена, что справлюсь. И я бы совсем ему не мешала! — клятвенно заверяла она Антона, едва не перекрестившись. — Мое дело маленькое, прибрать, приготовить, цветочки полить... Ну, и за этой девчонкой проследить. Я бы справилась!.. — она подняла она парня обезоруживающий взгляд. — Что вы думаете?

Сначала Антон опешил. Потом разозлился. А затем ему и вовсе захотелось расхохотаться.

Так вот в чем дело!.. Черт побери, а ему и в голову этого сначала не пришло.

Криво улыбнувшись, он сделал несколько шагов к двери, считая разговор почти оконченным.

— Думаю, — сказал он, — что этот вопрос вам стоит обсудить с отцом, а не со мной.

— Но вы его сын, — неуверенно сказала та, нервно сглотнув и засеменяв за ним, — поговорите с ним об этом, убедите его, что все это для его же блага. Он вас послушает!

Антон застыл в дверях, напряженно втянув плечи. Обернулся к ней полубоком, поджал губы.

— Нет, — коротко бросил он. — Разговаривать с ним на эту тему я не буду.

— Но, Антон, вы должны понять!.. — попыталась настоять Маргарита Львовна. — Это для его же блага!..

— Поговорите об этом с отцом, — мягко перебил молодой человек, не желая быть с ней грубым. В конце концов, она испытывает неприязнь к девчонке отца, а не к нему самому. — Я ничем не могу вам помочь.

С отцом она так и не поговорила. До самого отъезда Антона назад в Лондон. По крайней мере, молодому человеку об этом ничего известно не было.

Казалось, жизнь вошла в привычную колею. Антон наслаждался теми мгновениями, что проводил дома и не желал думать о том, что вскоре ему предстоит вернуться назад, в мрачноватую и блеклую английскую столицу. Олег, дописав, наконец, новую книгу, заявил о завершении многочисленных туров по России и впервые остался на презентацию в Москве. Глядя на него, Антон не мог подавить в себе чувство обиды и острого разочарования. Он сделал это ради нее. Потому что ей нужна была его защита, помощь, поддержка. Здесь, в Москве, а не где-то там, за сотни, а то и тысячи километров.

И горько становилось от осознания того, что ради него, своего сына, он в свое время так не поступил.

С Дашей Антон старался не общаться и даже не встречаться по мере возможности, ежедневно избегая встреч с ней. Что ему удавалось почти без труда, так как девчонка за то

время, что он был за границей, успела отыскать себе подружку и теперь практически все время проводила с ней. Эту подружку он ни разу не видел и, по чести сказать, видеть не особо жаждал. Отец причитал и охал, отзывался о Лесе с теплотой и нежностью, а Антон пытался сдерживать рвотные рефлексy, потому что о своей «Дашеньке» он отзывался точно так же.

В тот день, когда настойчивый звонок мобильного телефона заставил его вздрогнуть, Антон без причин мотался по вечерней Москве, не зная, куда себя деть, и куда можно сбежать от ноющей боли в груди, что ежеминутно давала о себе знать. И где можно спрятаться от детских обид, страхов и разочарований, чтобы хотя бы на мгновение забыть о том, что ты оказался выброшенным за борт, как мусор.

И он бежал, скрывался, мчался наперегонки с ветром, стараясь найти то место, где обретет покой. Но не находил его. Тому, прежнему Антону, которого знала Москва, нигде не осталось места.

Затормозив на набережной, он откинулся на спинку сиденья именно в тот момент, когда позвонил отец.

Антон ответил на звонок, поймав себя на мысли, что сейчас стал особенно беспокоиться за него.

— Антон? — обеспокоенный голос Олега вынудил молодого человека замереть.

Грудь сдавило, Антон медленно выдохнул.

— Да, пап?

— Антон, — кажется, замялся, словно стесняясь говорить. — Мне неловко просить тебя об этом...

Закрыв глаза, словно спасаясь от домовины, с ужасающей скоростью движущейся на него.

Боже, какое гнусное, какое отвратительное чувство дежавю!..

— О чем? — устало, тихо пробормотал он.

Знает ответ на свой вопрос. И на подсознательном уровне был уверен в том, что прав.

На смену волнению и беспокойству пришла новая обида, даже злость.

Сегодня был день рождения у подружки отцовской подопечной. Сейчас, если верить установленным в его машине часам, половина восьмого вечера. Девчонки дома, по всей видимости, еще нет... Отца тоже.

И вот этот звонок.

Провести параллели было не сложно. И Антон их провел. Более того, он знал, что ответит на просьбу.

Через мгновение голос отца известил его о том, что парень осознал уже и сам.

— Даша на дне рождения у Леси... — хрипло проговорил Олег. — Не мог бы ты..?

Холод пробирает до костей все его существо.

— Забрать ее? — мягко перебил молодой человек, втягивая воздух.

— Да. Не мог бы ты... ее забрать? — словно почувствовав уверенность в себе, попросил мужчина.

Антон стиснул зубы. Черт побери все на свете!..

— Вообще-то, — медленно протянул он, — у меня планы на вечер. Прости... я, наверное, не смогу.

Олег опешил, парень ощущал его обескураженность.

Антон прикусил язык, ущемляя себя за столь откровенную ложь.

— То есть?.. — пробормотал Олег, неестественно дрожа голосом. — Ты... Ах, да... Да, конечно. Я понимаю...

Антон напряженно втянул плечи.

— Я бы тебя выручил, — выдавил он из себя. — Если бы смог...

Молчание. Леденящая душу пауза, которая почти разорвала в клочья всего его.

— И?.. — не выдержал Антон, сглотнув. — Что ты... думаешь сделать?

— Хм... — подал голос профессор Вересов. — Ничего страшного. Это была спонтанная просьба. Я понимаю, что не в праве требовать от тебя... — голос его надорвался, и уже через мгновение он уверенно добавил: — Ничего, я попрошу Маргариту Львовну забрать ее.

— Что?.. — Антон выдавил это почти против воли, на выдохе. И разозлился.

— Она не откажет, я знаю, — продолжил Олег, тяжело вздохнув. — Конечно, не хотелось бы ее отвлекать, она и так очень много делает для нас... Но все же, раз не остается другого варианта. Я не могу освободиться раньше, а стеснять Лесю и Юрия Павловича я не могу, они и так слишком добры к нам...

— Эээ, да... — пробормотал Антон нерешительно. — Да...

Сознание помутилось, а в голове заметались жужжащие мысли, звоня во все колокола его совести.

Ему бы отключиться, плюнуть на всё, ведь это, в конце концов, не его проблемы! А он сжимает телефон дрожащей рукой и молчит, щурится, морщится, сводит брови. И знает, что скажет в следующее мгновение.

— Пап?.. — это он выдохнул заплетающимся языком, стиснув зубы. — Знаешь, я тут подумал... — выдавил он из себя, облизнув пересохшие губы, — наверное, я все же смогу ее подбросить до дома.

Пауза. Монотонная и тем ужасающая пауза, повисшая между ними часовым маятником.

— Дашу? — удивился отец дрожащим голосом.

Антон стиснул зубы.

— Да, эту твою... девочку.

— А как же... планы? — напомнил профессор Вересов. — Я бы не хотел тебя отвле...

— Нет, все нормально, — перебил его сын, сжав руль до посинения пальцев. — Я заберу ее. У меня еще есть время, — зажмурился, твердя себе, что сошел с ума. — Только адрес назови, — почувствовал горечь на языке.

— Хорошо, — ошарашенно пробормотал отец. — Тебе, правда, не составит труда сделать это?

Черт, ему нужно было отказаться! Бежать со всех ног, куда угодно, но только подальше от нее, воровки, укравшей у него слишком многое!

Но вместо этого он сделал еще один шаг к ней навстречу.

— Я заберу ее, — заявил он твердо. — Не стоит беспокоить постороннего человека.

И опять пауза. И он слышит, как оглушительно стучит в висках и груди сердце. Надрывно, но глухо.

— Спасибо, сын, — едва слышно прошептал Олег. — Спасибо тебе!..

— Не стоит, — выдавил Антон из себя и отключился.

Кто бы мог подумать, что он вновь это сделает. Умудрится подписать себе смертный приговор.

Он забрал ее, как и обещал. Кляня себя благим матом, злясь на весь мир, мчась по вечерней Москве к коттеджу Ростовцева по адресу, который дал ему отец, но он исполнил

обещание.

Он твердо решил, что не заговорит с ней. Ни за что. И зачем ему это надо, — избегать ее так долго, а потом сдаться и спросить, как у нее дела!? Его не касается ее жизнь. То, что он приехал за ней сегодня — это вынужденное обстоятельство. Да и сама она была не рада тому, что за ней приехал он, а не отец.

— Эй, Даша, — окликнула ее невысокая светловолосая девочка, — за тобой приехали!

Она стремительно выскочила на веранду, счастливая и улыбающаяся, вновь ударив его в самое сердце разрядом в сотни вольт своей лучезарной улыбкой.

«Черт побери, она другая, совсем другая, когда улыбается!» еще успевают созреть и сформироваться в его сознании эта мысль, перед тем, как Даша начинает хмуриться и изменяться в лице при виде того, кто именно за ней приехал. При виде него, Антона.

И он начинает злиться. На нее — за то, что она стала его проблемой, его проклятием. И на себя — за то, что имел неосторожность поддаться на такую роскошь, как ее чарующая улыбка и искрящиеся черные глаза.

А в машине, когда он, поздоровавшись и попрощавшись с отцом Леси, усадил девочку отца на сиденье рядом с собой, дал себе слово не начинать с ней разговора. И почти сдержал обещание. Почти...

— И как тебе день рождения? Понравился? — не глядя на нее, спросил парень. И тяжело вздохнул.

Девочка покосилась на него. Всего на пару мгновений ее взгляд задержался на нем, скользнув по лицу и опустившись на руки, сжимавшие руль, и Антон в тот момент мог поклясться, что пальцы его словно онемели в это мгновение. Потом она резко отвернулась к окну, обхватив себя руками.

— Леся моя подруга, — коротко сказала она. — Везде, где есть она, мне нравится.

Антон хмыкнул, но промолчал. Замолчать, не разговаривать, какого черта...?!

— Вы с ней дружите сколько? Два месяца, три? — спросил он, плюнув на доводы рассудка.

— С мая, — осторожно выговорила Даша, подозрительно уставившись на него.

— Хм, короткий срок для такой крепкой дружбы.

Даша сдвинула бровки, насупилась и снова от него отвернулась.

— Наверное, все дело не во времени, а в тех людях, с которыми мы дружим, — проговорила она.

Антон изумленно уставился на нее. Слишком взрослые мысли для ребенка десяти лет!

— У тебя много друзей? — спросил молодой человек, сведя брови.

— Нет, — спокойно, без эмоций, даже как-то равнодушно холодно. — Только Леся.

— Но, надо полагать, она твоя лучшая подруга? — поджав губы, поинтересовался он.

— Да! — повернувшись к нему, с вызовом подтвердила Даша.

Этот горящий в ее бесовских глазах гордый вызов убил в нем защитную броню, покровив ее на части и вынудив заткнуться и взирать на девочку с любопытством и изумлением.

— А у тебя? — нанесла новый удар она, выводя его из оцепенения. — У тебя много друзей?

Он открыл рот, чтобы сказать, что много, и тем самым поставить эту вызывающе несносную девочку на место, но потом вдруг словно разряд ударил его в мозг, парализуя мысли, чувства, сознание. Оставляя его наедине с брошенным ему вызовом.

Много ли у него друзей?.. Какой сложный, оказывается, вопрос. Можно ли было назвать друзьями тех, с кем он общался в Лондоне?! Эти бледные, скучные, тоскливо унылые и занудные лица, врываются в его мир большой свинцовой тушей, слизкой массой! Доверял ли он им так, как эта девчонка доверяла своей Лесе? А ведь он общался с ними гораздо дольше, чем она со своей подружкой!

А те, кого он оставил в Москве... Его друзья. Для их подсчета хватило бы и пальцев одной руки.

Молодой человек побледнел и, сжав руль обеими руками так, что побелели костяшки пальцев, выдавил:

— Нет, у меня мало друзей.

Признание далось ему с трудом. Особенно — признание ей, ее правоты.

Даша кивнула, словно подтверждая для себя какую-то истину.

— Это правильно, — сказала она тихо. — Настоящих друзей не может быть много.

Он удивился, а потом вновь разозлился. Как она смеет, эта девчонка, учить его уму-разуму!? Малявка, мелкая, малолетка!? А затем мгновенно успокоился. Она была права. Вот и всё.

Он бросил на нее быстрый взгляд, словно запечатляя в памяти девичий образ, и отвернулся.

Темные локоны вьющихся волос, обрамлявшие кремовые щеки, прямой носик, упрямый подбородок и поджатые губы, длинные ресницы, слегка подрагивающие, внимательный взгляд, следящий за дорогой.

Он впервые посмотрел на нее так внимательно, так пристально, изучая и выделяя детали.

И, казалось бы, чепуха, глупость... Безумие какое-то!.. Но именно этот образ он помнил долгое время, воскрешая его в обрывках памяти калейдоскопическими картинками снова и снова. Вплоть до новой с ней встречи.

14 глава

2001 год

Лето пролетело незаметно, наступила золотая осень, принося за собой и новый учебный год.

Первое сентября Даша с Лесей провели в кафе, место в котором заказал для девочек отец последней. Поглаживая дочь по пепельным волосам, Юрий Павлович Ростовцев улыбался, глаза его блестели.

— Ну, что, крошка? — щелкнув дочь по носу, проговорил мужчина. — Опять на учебу?

Широко улыбаясь, светловолосая девчушка покачала головой.

— Еще только завтра, — заявила она. — А можно, Даша сегодня у нас переночует? — спросила она, невинно заглядывая отцу в глаза. — Дядя Олег ей разрешил!

— Ну, хорошо, — усмехнувшись, проговорил Юрий Павлович, — раз уж дядя Олег разрешил...

Леся восторженно взвизгнула и, приподнявшись на стуле, повисла на шее отца. Смачно поцеловала его в щеку и обняла Дашу за плечи.

— Я же тебе говорила, — гордо вздернув подбородок, заявила она с улыбкой, — что у меня самый лучший в мире папа!

Даша кивнула, не проронив не слова, и заметила, как расцвел улыбкой при этих словах Лесин отец.

За всё то время, что общалась с ним, девочка очень редко видела его улыбающимся. И всегда его улыбка относилась к Лесе, его радости, его гордости, его самой большой любви в этом мире.

Даша научилась видеть это в людях. Равно как ненависть, она чувствовала любовь, неспорченную, чистую, искреннюю. И она видела, что Лесин папа отчаянно любит свою дочку. Даша поняла это уже в тот миг, когда впервые увидела Юрия Павловича. Это произошло в мае прошлого года, когда девочки только познакомились. И тогда, впервые увидев этого мрачного на вид, жесткого, волевого мужчину в дорогом черном костюме, в его глазах Даша читала любовь, отцовскую привязанность, заботу, готовность защищать и ласкать свою девочку всегда и везде. Он почти боготворил свою дочь.

Что же Дашу в нем поражало даже спустя год, так это то, что он не стеснялся своих чувств к ней. Будучи жестким, бескомпромиссным бизнесменом, он не переставал быть так же любящим отцом и наставником.

Он с радостью принял дружбу своей дочери с Дашей. И хотя дядя Олег тоже был очень рад тому, что у Дашеньки появились друзья, радость Юрия Павловича была несколько иной. Но оба воспитателя своих чад сошлись на том, что эта дружба была даром небес для обеих девочек. Как никогда в тот момент, им нужна была поддержка. Не та, которую мог предоставить мужчина, не его защита и готовность прийти на помощь, а именно поддержка ровесницы, подруги, той, которой не чужды будут проблемы другой.

И Даша с Лесей нашли то, что искали, друг в друге. С тех пор, как познакомились и стали общаться, они почти не расставались. Всё свободное время проводили вместе, играли,

делали уроки, гуляли по городу. И уже странным казался тот факт, что когда-то они не были даже знакомы.

Осень пролетела так же быстро, как и лето. Пронеслось бабье лето, никто не успел и глазом моргнуть, на его смену пришли серые туманы, холодные дожди и пронизывающие порывы осеннего ветра.

Зима подкралась незаметно, и вместе с декабрьскими холодами в жизнь Даши ворвались изменения.

Еще в конце ноября, когда Олег звонил сыну в Лондон, тот сообщил, что не сможет прилететь в Москву на зимние праздники. Сама Даша в глубине души была рада этому известию, потому что не принимала Антона, как своего человека, он для нее навсегда остался тем Антоном, который одарил ее градом нелюбви, презрения и скрытой ненависти в первые дни ее появления в доме Олега. Но она видела, как переживает из-за этого дядя Олег. Он был расстроен, и хотя пытался держаться стойко и даже улыбался, не было в нем огня, того былого огня, который девочка видела в нем раньше.

Он слонялся по квартире грустный и погруженный в свои мысли, часто закрывался в кабине со старыми фотоальбомами в руках и часами сидел, перелистывая пожелтевшие страницы. Даша заглядывала к нему, кралась тайком и подсматривала сквозь приоткрытую дверь, иногда приносила чай с лимоном, который заваривала сама, и не для того вовсе, что считала, будто ему это необходимо, а чтобы проверить, как он себя чувствует. Дядя Олег улыбался, манил ее к себе, усаживал малышку на колени и показывал ей старые фотографии, делился с ней историями своего детства, юности и молодости. Ей всегда нравилось слушать эти истории, они заинтересовывали ее, вызывая любопытство и возбуждая нежность к человеку, который сделал ее частью своей жизни. Она, приоткрыв рот, смотрела в его горящие глаза, и ей хотелось не просто улыбаться, ей хотелось смеяться.

Но когда фотографии исследователя и геолога, профессора университета Олега Витальевича Вересова сменялись фотографиями мужа и отца, Даша понимала, как же сильно ему не хватает тех, кого он любил, и кого потерял. Жену с ним разлучила смерть, она умерла от двусторонней пневмонии. А сына с ним развел случай.

И, к сожалению, Даша понимала, что у этого случая было имя. Ее имя. И девочке становилось грустно.

Она хотела поддержать Олега, сказать, что она никогда его не покинет и не уйдет, если только он ее не прогонит сам, но не решалась этого сделать. В такие моменты она замыкалась в себе, соскальзывала с колен дяди Олега и под предлогом, что ей нужно делать уроки, закрывалась в своей комнате, забиралась под стол и, прижавшись к его стенке, закрыв глаза, неслышно плакала. В эти минуты она вспоминала Юрку и отца. Всегда только светлые моменты, такие редкие, но оттого, такие ценные для нее. И переживала из-за того, что их нет рядом, ведь она так хотела, чтобы хоть кто-то близкий и родной был сейчас с ней рядом.

Интуитивно она чувствовала, что дядя Олег, как бы не показывал он ей свою любовь, никогда не будет любить ее полно и всецело. Часть любви, бóльшая ее часть, всегда будет предназначена Антону.

Даша не ревновала, она понимала, что не имеет на это права; Антон его сын, его плоть и кровь, так же сильно ее с братом любил и их отец тоже. Она только хотела быть Олегу полезной, нужной, скрасить своим присутствием боль его потери. Потому что ощущала, что второго любимого человека он потерял по ее вине. И хотя Олег никогда ни словом, ни делом не дал ей повода усомниться в себе, не смел намекнуть, что в чем-то корит ее, девочка

ощущала в себе потребность всегда и во всем быть ему поддержкой.

Для того чтобы искупить свою вину перед ним, она была готова пойти на что угодно. И когда в декабре, уже в конце учебного года, Олег вдруг объявил, что они летят в Лондон к Антону, она не смела отказать. Девочка не позволила себе ни слова возражения, ни единой грустной эмоции, недовольства лица или глаз. Молча кивнула, собрала свои вещи в небольшую сумку, попрощалась с Лесей и смиренно взошла на борт самолета, держась за руку дяди Олега.

Она впервые была за границей, но не нашла в европейской столице ничего примечательного. Город, как город. Как Москва, как Калининград, лишь достопримечательности другие, и люди говорят на ином языке.

Антон встретил их в аэропорту, и, когда отец и сын обнялись, горячо сжимая друг друга в объятьях, Даша ничуть не усомнилась в правильности своего молчания в день их отлета из Москвы.

Антон был рад приезду отца, а к Даше отнесся с теми же холодностью и отчуждением, что и раньше. Девочка не ждала от него иного отношения, поэтому разочарования в душе его равнодушие не вызвало.

Но за те пару дней, что они были в Лондоне, Даша успела понять две вещи. Антону здесь не нравилось, как не нравилось здесь и ей. Только она свою неприязнь не скрывала, а молодой человек, прячась за маской равнодушия и спокойствия, делал вид, что его всё устраивает, широко улыбаясь знакомым, за приторными, фальшивыми улыбками скрывая брезгливость. Она искренне не понимала, неужели окружающие не видят того, что видит она? Эта насмешка, скрытая в уголках губ, скука, сквозящая в словах, равнодушие, блестящее в глазах... Разве их можно не заметить!? Не замечали.

И еще Даша поняла, что этот город никогда не принял бы девочку, подобную ей. По крайней мере, то окружение, в которое входил Антон, никогда не позволило бы себе снизойти до такой, как она.

И однажды ей пришлось убедиться в этом в полной мере.

Они сидели в одном из лондонских кафе, пробуя горячий шоколад и о чем-то разговаривая, когда Антон, увидев знакомую, темноволосую девушку лет двадцати, облаченную, несмотря на морозный январский день, в темно-синюю юбку выше колен и молочную блузку с коротким рукавом, подчеркивающую осиную талию, подозвал ее к их столику. Чтобы познакомить с отцом.

Даша напряглась и с любопытством следила за продвижением девушки к их столику. Стуча каблучками своих лакированных сапожек по кафельному полу, она медленной, скользящей походкой подошла к ним.

Не обратив на Дашу внимания, будто забыв о том, что она вообще существует, Антон повернулся к отцу и равнодушно представил их друг другу.

— Пап, — обратился парень к Олегу на английском, — это Стефани Лоренс. Она учится вместе со мной, ее отец заседает в палате лордов, — губы при этом скривились. Интересно, это заметила только Даша?.. — А это, — продолжил Антон, — мой отец. Он пару дней назад прилетел в Лондон, чтобы навестить меня.

Девушка пренебрежительно и высокомерно, как показалось Даше, улыбнулась Олегу, скривив губки, и пробормотала что-то на родном языке. Олег привстал со стула, почтительно поцеловал протянутую ему руку и предложил девушке присесть за их столик. Та, вскинув подбородок и окинув всех троих беглым взглядом, согласилась. Словно

одолжение сделала. Придирчиво осмотрев Дашу, спросила:

— А это кто? — она качнула головой в сторону девочки, и Даша напряглась, не поняв ни слова, но осознав, что разговор сейчас пойдет о ней. — Твоя сестра? — посмотрела на Антона.

Все трое говорили на чистом английском, которого Даша не знала, а потому девочка, скованно втянув плечи и вжавшись в спинку стула, взирала на Антона, его высокомерную знакомую и дядю Олега из-под опущенных ресниц с застывшим в глубине зрачков неммым вопросом.

— Нет, — поджав губы и нахмурившись, промычал Антон ей в ответ, — это не моя сестра.

Стефани вскинула тонкие бровки и поджала губки.

— Хм... а кто? — наклонив голову, она изучающе осмотрела девочку, пронзая ее насквозь, будто рентгеном. От этого презрительного взгляда Дашу бросило в холод. — Хотя, неудивительно, что она не твоя сестра, — сказала та вдруг, натянуто улыбнулась замершему рядом с ней Олегу, и добавила: — Они совсем не похожи.

Антон промолчал, сжимая руки в кулаки и мрачняя с каждым мгновением, а Олег заявил:

— Даша моя воспитанница, — вызывающе вздернув подбородок, как секунду назад сделала девушка, он добавил: — Она находится под моей опекой.

Застигнутая врасплох подобным заявлением и тоном профессора Вересова, Стефани смутилась.

— Я не хотела никого обидеть, — попыталась оправдаться она, бросая в сторону Антона косые взгляды и пробегая глазами по Даше. — Значит, она... из детского дома?

Олег ответить не успел, Антон, заерзав на стуле, сдержанно заявил:

— Нет, не из детского дома, — он пристально посмотрела на отца. — Просто у моего отца доброе сердце. Он привел девчонку к себе в дом прямо с улицы.

Стефани, казалось, была потрясена и теперь взирала на Дашу не только с любопытством, но и с шоком.

Сама же Даша, не подозревая, о чем речь, заерзала, чувствуя себя неуютно и желая поскорее уйти.

— С улицы?! — потрясенно воскликнула знакомая Антона. — Но как же..?

— Считаю это благотворительностью, — перебил свою подругу Антон и затравленно взглянул на Олега. — Не будем об этом, — проговорил он, опуская глаза и спасаясь от обвинения, что читалось на лице отца. — Что будешь заказывать? — вновь обратился он к Стефани.

Не отводя от сына взгляда, Олег, словно опомнившись, выдавил по-русски:

— Это было жестоко, сын. Очень жестоко и неоправданно, — брови его сдвинулись.

Антон так и не взглянул на него, тяжело задышал, вздрогнул, но так и не поднял глаз на отца.

Даша, молча следившая за происходящим, поняла, что атмосфера дружелюбия мгновенно превратилась в раскаленный шар, готовый вот-вот рвануть. А последние слова дяди Олега убедили ее в правильности собственных суждений. Видимо, что-то такое было сказано, что оскорбило, обидело, унизило кого-то из участников разговора, и это что-то было связано именно с ней, Дашей, не просто так ведь эта высокомерная девушка бросала в ее сторону такие изумленные и пренебрежительные взгляды!?

Обстановка накалилась в мгновение ока, Даша почти явственно ощущала обжигающие пути ссоры, все сильнее сплотившиеся вокруг них горячим кольцом. Олег, застыв, казалось, был погружен в свои мысли, но пристального взгляда от сына так и не отвел. Антон не смотрел на отца вовсе, словно стыдясь чего-то, а его знакомая, чувствуя себя не уютно, в замешательстве пробегала глазками от одного к другому и теребя ремешок дизайнерской сумочки.

И в тот момент, когда, казалось, вот-вот раздастся уничтожающий взрыв, Даша наклонилась к Олегу, дернув того за рукав, и опустила глаза.

— Дядя Олег, — пробормотала она, начиная краснеть, — а можно мне... в туалет?

Мужчина встрепенулся, словно очнувшись от своих мыслей, посмотрел на нее замороженно и привстал.

— Ну, конечно, малышка, — сказал он, взяв ее за руку. — Прошу нас извинить...

Даша доверчиво протянула ему свою ладошку, а когда они встали из-за стола, услышала в спину.

— Пап, я не хотел... — извиняющийся тон, раскаивающийся. — Правда, не хотел!.. Прости.

Олег обернулся к сыну полубоком, снабдил его коротким взглядом и кивнул.

— Мы скоро придем.

Тот день что-то изменил в их отношениях. До отлета в Москву оставалось всего пять дней, и Антон, по всей видимости, чувствувавший свою вину перед отцом, старался всеми силами сломить стену, возникшую между ними. И, казалось бы, получилось, Олег понял, простил, но что-то по-прежнему было не так.

И когда, уже в аэропорту, они прощались, Даша ощущала парящую в зимнем воздухе напряженность.

Отец с сыном обнялись, Антон долго не хотел разжимать объятий, словно все еще чувствуя что-то такое, что отравило душу, но Олег отстранился от парня, заглянул тому в глаза, что-то тихо сказал, коротко улыбнувшись грустной улыбкой, и двинулся к своей малышке. Она уже ждала его.

Сжал в руке маленькую ладонь и, низко наклонившись к Даше, заглянул ей в глаза.

— Ты лучшая девочка на свете, — уверенно сказал он, погладив ее по красной от холода щеке. — Лучшая, запомни это, что бы ни говорили тебе другие. Не позволяй кому-либо думать иначе. Никогда.

Она запомнила эти его слова. Что-то такое звучало в них, что заставило ее к ним прислушаться.

Но отчего-то было грустно и тревожно. Что-то важное Олег с Антоном потеряли в Лондоне. То, чего так и не смогли вернуть после. Доверие.

Весна, пришедшая вслед за морозной и переменчивой зимой, протекла мирно и неспешно, неторопливо передвигаясь от одного месяца к другому, ничем, в общем-то, не выделяясь. Июнь же принес с собой не только лето и начало школьных каникул у Даши, но и долгожданное тепло, которое ждала Москва.

И летом, в начале июля, они с Олегом отправились в Калининград.

Она могла бы и отказаться, дядя Олег сразу сказал ей об этом. Но она была согласна ехать. Ради Юрки. Чувствовала невыразимую словами потребность вновь оказаться рядом с ним. Ведь ей даже не разрешили с ним попрощаться! И это чувство незавершенности не

покидало ее, все те годы, что она жила без него, с каждым новым днем заново переживая потерю.

Он был таким маленьким, таким незащитным, совсем кроха...

Она должна была заботиться о нем и оберегать, вылечить. Но не оберегла, не защитила.

И, когда они с Олегом спустились к кладбищу, миновав старый, по-прежнему забитый досками дом, остановились у могилки Юрки, заросшей густой травой, у Олега из груди вырвался разочарованный вздох.

Болезненно сжалось сердце при виде взгляда, которым окинула последнее «пристанище» брата Даша. Сколько нежности и сестринской любви, смешанной с досадой, болью и отчаянием, читал он на ее лице!

Поток кружащихся ноющих мошек вонзились в грудь наконецником отравлены стрел.

— Ты скучаешь по нему, ведь правда? — тихо спросил Олег, тронув девочку за плечо.

Даша вздрогнула, почувствовав это легкое прикосновение, но не обернулась к нему, сжалась, напряглась и молчала. Не произнесла ни слова. Стеклянными глазами смотрела на заросшую травой могилку брата и стискивала зубы, чтобы не зарыдать.

Его никто так и не навестил за эти годы. Никто так и не пришел...

Сердце ее разрывалось от боли, и слова не могли сорваться с губ, даже если бы она захотела что-либо произнести. Но она не хотела. Она хотела молчать, чувствуя это духовное единение с человеком, которого любила больше кого-либо в этом мире.

А профессор Вересов, глядя на девичьи скованные, словно под тяжестью вины, подрагивающие плечи, и напряженную спину, понимал, что не имеет права вмешиваться в это немое общение сестры с братом. А потому, касаясь онемевшими пальцами темных волос девочки, и заправляя локоны за уши, тоже молчал.

— Да, — проговорила она, наконец, после продолжительного молчания. — Я очень скучаю по нему.

— Я понимаю... — прошептал Олег сухими губами.

— Особенно по ночам, — продолжила Даша, не отрывая взгляда от заросшего травой холмика.

Сейчас она не была ребенком, которому едва исполнилось одиннадцать. Она была взрослой девочкой, которая испила в этой жизни такую огромную чашу горечи, которой захлебнулись бы очень многие. Горше становилось от осознания подобной несправедливости, и Олегу нечего было сказать, чтобы ее успокоить.

Они пробыли на кладбище больше часа, а, когда, неспешно возвращаясь назад, Олег предложил зайти в кафе, чтобы пообедать, Даша равнодушно пожала плечами, не поднимая головы.

Грустит. Скучает. Тоскует по брату. Винит себя в его смерти?..

Олег горько вздохнул, понимая, что с этим сделать не сможет ничего. Он смог увезти ее из этого ада, смог дать ей те нежность и ласку, поддержку и опору, которых она была лишена. Смог погрузить ее в ту атмосферу добра и любви, которые были ей нужны. Но он так и не смог, да и не смог бы никогда вырвать раненое, сжимающееся кричащей болью сердце из ее груди. А оно помнило и не забывало того, что было. И никогда не забудет. Может быть, через годы, когда боль от потери немного притупится... Но не сейчас. Рано. Еще слишком рано.

— Дядя Олег, — проговорила девочка, впервые с тех пор, как они покинули кладбище, — а пойдете на площадь, — попросила она, не поднимая головы. — Можно?

Слотнув, Олег в замешательстве кивнул. Он никогда бы не подумал, что она захочет отправиться туда. Этот маршрут он хотел исключить из своей поездки в Калининград. Чтобы не берeditь не зажившие раны истерзанной когда-то души. Но ее просьбу он не мог оставить без внимания.

— Да, конечно, малышка, — сипло выговорил он. — Конечно, пойдём на площадь.

Она кивнула, ничего не сказала больше и, отвернувшись от мужчины, поджала губы.

О чем она думала в этот момент? Какие мысли терзали ее мозг? Такая маленькая, но такая взрослая!

У Олега сердце разрывалось, когда он вспоминал, какие ужасы ей пришлось испытать за девять лет.

И это не испортило ее. Кто бы мог подумать?! Она должна была бы озлобиться, возненавидеть это мир, принесший ей лишь страдания, но ее сердце, чистое сердце ангела, как и прежде, было открыто для любви и добра, которое она готова принимать и отдавать. Но лишь тем, кто, по ее мнению, это заслужил.

Наверное, та самая площадь, которая в марте девяносто девятого года свела их, была последним местом на земле, куда Даша хотела бы возвращаться. Но попросила она прийти именно сюда. И Олег недоумевал, почему. Чтобы вспомнить? Или чтобы постараться забыть? Выбить клин клином?..

Застыв у ограждения, Олег с изумлением взирал на то, как девочка, прислонившись спиной к поручням, тусклым взглядом рассматривает спешащих по своим делам людей. Людей, которые оказались в свое время равнодушными к ее беде, к ее трагедии. Молчащих людей, равнодушных, злых и одноразовых.

С болью в сердце профессор Вересов думал о том, что если бы хоть кто-то из них однажды, пусть даже один-единственный раз остановился около этой невзрачной, испуганной, закутанной в лохмотья девочки, спросил, поинтересовался, что с ней, и почему она стоит на площади, выпрашивая на хлеб... Если бы хоть кто-то не остался к ней равнодушным, то Юрку можно было бы спасти!

Но никто не остановился. Все, все, все они прошли мимо! Отводили глаза, делали вид, что не заметили, оправдывали себя тем, что сейчас опаздывают и помогут ей завтра. Но не помогли. Так и не помогли.

Олег посмотрел на девочку и не в силах выносить тоску ее глаз, тронул Дашу за плечо.

— Дашенька, может быть, пойдём?

Она подняла на него отрешенный взгляд. Кивнула, но так и не двинулась с места.

Олег улыбнулся, стараясь ободрить ее, а потом вдруг застыл. Рядом с ними, всего в паре шагов, стоял молодой человек, пристально, даже как-то изучающе глядя на них. Олег смутился и отвел взгляд. Хотел схватить Дашу за руку, чувствуя потребность защитить девочку от любой опасности, но не сделал этого.

Даша, наклонив голову набок, тоже смотрела на незнакомца. Внимательно, оценивающе.

Парень был высокий, выше дяди Олега на целую голову, а потому, отметила Даша, если бы он стоял рядом, ей пришлось бы взирать на него снизу вверх. Приоткрыв рот и сверкая любопытством черных искрящихся глаз, она продолжала осмотр, ничуть не беспокоясь о том, что ее могут понять превратно. У молодого человека были коротко стриженные светлые волосы и серо-зеленые глаза, припущенные не по-мужски длинными черными ресницами. Он стоял так близко, что девочке казалось, она может изучить каждую складочку в уголках

его губ, если захочет.

Но, наклонив голову набок, Даша наблюдала за тем, как незнакомец, которому она мысленно дала на вид лет двадцать, медленно отстранился от перил и направился к ним, широко улыбаясь.

И эта улыбка ей понравилась. Добрая она была, дружеская, нефальшивая, искренняя. Своя, родная.

Сердце забило сильно и громко, в груди разлилось светлое тепло. Оно почти поглотило ее. Отчего, почему?.. От этого добродушного взгляда, которым незнакомец окинул их при приближении? От такой непосредственно приветливой улыбки, хранящей отпечаток приближающегося счастья?

Ее взгляд скользнул по черной рубашке, заправленной в темно-синие джинсы, по рукам, спрятанным в карманы джинсов, по небрежной позе, в которой он застыл перед ними, остановившись, по ироничной, немного насмешливой улыбке, мелькнувшей в уголках губ, и по приподнятым вверх темным бровям.

Даша не отводила от него глаз. Девочка знала, что никогда прежде не встречала его, но откуда тогда это всепоглощающее чувство, что они знакомы уже давно!? Так давно, что, казалось, могут продолжиться когда-то начатый, но так и не оконченный разговор?..

Обратился парень к дяде Олегу. И Даша с удивлением уставилась на своего опекуна.

— Здравствуйте, — сказал незнакомец и улыбнулся еще шире. — Вы меня, наверное, не помните?

Профессор Вересов застыл, пораженный.

— Я, честно говоря... — замялся Олег, сконфуженно пряча взгляд.

Парень рассмеялся, не злобно, а как-то... дружелюбно. И Даша отметила, как ей понравился этот смех.

— Два года назад, весной, — проговорил парень, впервые бросив взгляд на Дашу и задержав его на девочке дольше, чем следовало. — Вы обращались ко мне...

Даша смущенно потупилась, но глаз от незнакомого молодого человека так и не отвела.

А дядя Олег охнул, взметнулись брови, губы приоткрылись, и мужчина расширившимися от удивления глазами взирал на парня.

— Пашка?! — изумленно выдохнул он. — Это ты? — его губы коснулась улыбка. — Неужели это ты?!

Парень улыбнулся ему в ответ, кивнул, наклонив голову, посмотрел на Дашу, перевел взгляд на Олега.

— Да, я. Что, — хохотнул он, — так изменился?

Олег рассмеялся, чувствуя себя легко и непринужденно.

— Не то чтобы очень изменился... — он неуверенно тронул парня за плечо. — Я так рад, что встретил тебя!

Парень промолчал, стиснув руку Олега в своей широкой ладони.

И повисшее неожиданно в воздухе молчание можно было резать ножами.

Паша вновь посмотрел на Дашу, затем на Олега, прямо в глаза, внимательно, пристально, твердо.

— Это она? — тихо спросил он.

— Да, — вздрогнув, прошептал Олег. — Она.

Даша почувствовала себя неловко. Обсуждали, конечно же, ее, сомнений не было, и это было неприятно.

Она опустила взгляд, взирая на обоих мужчин из-под опущенных ресниц.

— Ну что ж, — улыбнулся парень, протягивая девочке свою горячую ладонь, — будем знакомы? Я Павел.

Нескольких мгновений ей хватило на то, чтобы все осознать. Серо-зеленые глаза говорили ей всё, что хотел сказать этот странный парень, знакомый незнакомец, которого она, казалось, знала всю жизнь.

И она протянула ему свою маленькую ладошку.

— Даша.

Он крепко стиснул ее ручку в своей. И стало очень тепло, очень легко от этого рукопожатия.

— Я очень рад, что мы познакомились, Даша, — не отрывая от нее глаз, проговорил Паша. — Очень рад.

Даша ничего не сказала ему. Она улыбнулась. И эта улыбка была красноречивее любых слов, которые могли сорваться с ее губ. Эта улыбка в тот момент сказала им всё.

Оказалось, что Пашка знакомый Олега, он сам нашел их на следующий день, хотя они не оставляли ему координат, и пригласил погулять по городу, сходить в зоопарк или же посидеть в кафе.

Девочка не спрашивала, откуда профессор Вересов мог быть знаком с уличным парнем, подобным Паше, но понимала, что это не так и важно. Главное, что теперь этот большой парень является и ее знакомым тоже. И от осознания этого становилось еще теплее, радостнее на душе. Она чувствовала себя нужной, не одинокой. Ощукая за своей спиной его могучую грудь, отчего-то знала, что он не даст ее в обиду, никогда и никому не позволив сказать о ней плохо. Старший брат, которого у нее никогда не было. Защитит, не обидит, объяснит, останется с ней.

Ему можно было верить. Он знал цену дружбы и боль предательства.

Они сошлись даже очень быстро, и Олег дивился этому. Жесткий, волевой Пашка, в определенных кругах именуемый Дамоном, становился восковой фигуркой в руках одиннадцатилетней девочки. И молчаливая, несловоохотливая Даша, девочка, не сказавшая своим одноклассникам больше слов за два года, чем сказала за полтора месяца этому парню. Они разговаривали, как старые знакомые, улыбались друг другу и распознавали все оттенки чувств, эмоций и настроений друг друга, будто общались всю жизнь. Это казалось странным, даже подозрительным. Но это было закономерностью.

Лишь потом стало ясно, что, как и в случае с Лесей, не сойтись они не могли. Одинаковые в своей беде, трагедии, в своем горе и нелегкой судьбе, заключенной в обшарпанных стенах старых домов или же складских помещений, в окружении безразличных к чужому горю или помешанных на деньгах людей.

Дети улицы, которым проще всего было найти друг с другом общий язык.

Они очень много времени проводили вместе. Те места, по которым Даша и Павел раньше ходили одни, теперь видели их только вдвоем. Кафе, зоопарк, парки и скверы, площади, набережная, — они обошли почти весь город, разговаривая обо всем, что приходило на ум, открыто и непринужденно, как давние друзья. Даша рассказала ему о Лесе и их дружбе, а Пашка коротко поведал ей о том, что два года назад поступил в университет, почти переломив тем самым собственную судьбу. Даша поведала ему о том, что раньше жила в Калининграде, что потеряла здесь брата, а Паша рассказал своей новой подруге, что у него никогда не было семьи, кроме младшей сестренки, которая умерла много лет назад в

пятилетнем возрасте. Казалось, между ними не существовало запретных тем, кроме единственной темы, которая оставалась запретной — обстоятельства знакомства Пашки с дядей Олегом и причины скорого отлета Даши из Калининграда. Паша не упоминал об этом, а Даша не спрашивала. Они стали очень близки за какой-то месяц, и когда пришло время расставаться, Даша чуть ли не плакала. Пашка вызвался провожать их в аэропорт и теперь стоял напротив малышки, засунув руки в карманы джинсов.

— Ты ведь будешь мне писать? — опустив взгляд, спросила девочка. — Не забудешь?

И в тот момент он почувствовал к ней такую нежность, такое тепло, такую... искреннюю любовь, что, поддавшись внезапному порыву, потянул ее на себя и сжал в своих медвежьих объятьях. Поцеловал в висок и зашептал на ухо:

— Я никогда тебя не забуду, егоза, — она почувствовала его улыбку кожей, и сердце ее задрожало от счастья. — Я всегда буду с тобой. Где бы не был я, где бы не находилась ты, — он заглянул ей в глаза. — Ты мне веришь?

Даша кивнула. А затем наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Я буду ждать, — тихо сказала она. — Тебя, — заглянула в серо-зеленые светящиеся глаза. — Я буду ждать.

Отстранившись, потупилась, потом улыбнулась.

— Я очень рада, что у меня появился такой друг, как ты, — призналась она.

Пашка почувствовал, как острый комок, разъедая горло солью, застревает внутри.

— Я тоже, егоза, — прохрипел он ей в ответ. — Я тоже.

Всего на мгновение их глаза встретились вновь, но уже тогда оба понимали, что все произошло не просто так. И та дружба, связь, ниточка, что скрепила их судьбы, была неслучайной.

Глядя в иллюминатор и наблюдая за превращающимся в черную точку Пашкой, девочка улыбалась.

Даша была счастлива. Наконец, у нее было то, о чем раньше она и мечтать боялась. Дядя Олег, Леся, теперь еще Пашка!.. Разве можно желать чего-то еще? Она уже стала верить в постоянство счастья, думала, что ее мир больше не пошатнется.

Но она ошиблась.

Уже осенью все изменилось.

У Олега обнаружили рак.

И отчет оставшейся беззаботной и радостной жизни рядом друг с другом вместо долгих и счастливых лет стремительно пошел на дни.

«Из дневника Олега Вересова»

Запись от 4 октября 2001 года

Опухоль мозга. Неоперабельная.

Когда впервые услышал диагноз, мне показалось, что я ослышался. Первые мои мысли: нет, не со мной, не сейчас. А потом... Как же моя девочка!? И после — что станет с Антоном?..

Мир словно раскололся на две части для меня в тот момент. На одной чаше весов стоял я и все, что мне было дорого, Даша и Антон, а на другой — моя болезнь. И казалось, что почва уходит из-под ног.

Я еще уговаривал врача проверить результаты, пройти обследование еще раз. Чтобы уточнить, выявить ошибку, выяснить все наверняка. Хотел удержаться, как утопающий за соломинку, за этот последний шанс, который давал мне надежду на счастливое окончание этой истории.

Не вышло. Счастливого окончания истории — не вышло. Не в этот раз. Ведь жизнь — не книга.

Я помню глаза врача, их выражение с потухшими искрами внутри зрачков в тот момент, когда он, качая головой, сказал, что повторное обследование возможно, но вряд ли оно покажет иные результаты.

Я согласился. Тогда я еще верил в то, что для меня возможен иной исход. Но я ошибся. Его не было.

Мне дали полгода. Какой ничтожный срок! Какой ничтожно маленький срок для человека, который планировал дожить до глубокой старости! Который так много хотел, мечтал сделать в этой жизни. И не только для самого себя, но больше для тех людей, которых любил!

Наверное, именно это и называют иронией судьбы?.. Я поверил в ее существование именно в тот миг, когда услышал результаты повторного обследования, ничуть не отличавшиеся от первого. Рак.

По чести сказать, я узнал о подозрениях на страшный диагноз еще в конце мая этого года. Промолчал, скрывался и шифровался, делая вид, что все в порядке, никому ничего не сказал. Ни Даше, моей крошке, — зачем ей тревожиться раньше времени? Ни Антону я не позвонил... Точнее, я ему позвонил, да и сам он звонил довольно часто, но наши разговоры никогда не имели удобного случая для подобных объяснений. Да и не скажешь этого просто так. Как сказать о скорой смерти, какие подобрать слова? Он и так винил себя за то, что сделал, когда мы с Дашенькой были в Лондоне, и теперь, если обо всем узнает, будет корить себя еще и за то, что меня не уберег... Будет. Я знаю, что он всю вину повесит на себя. А этого я не хотел. Как не хотел расстраивать и Дашу, хотя и понимал, что это неотвратимо.

Было больно оттого, что я лгал им — своим самым близким людям. Но я считал это правильным.

Мне предлагали дорогостоящее лечение за границей, назначали курсы химиотерапии, но не давали гарантий. Рак — болезнь двадцать первого века, разрушительный и

уничтожающий, такой же страшный, как и СПИД. Но думал я совсем не об этом...

Лишь одна мысль терзала мозг каждую ночь с того дня, как я узнал диагноз... Как же справится Даша? Как моя девочка выдержит еще одну потерю? Что с ней станет? Совсем одна в этом грубом, жестоком мире, уже не раз опробовавшем ее на прочность. Неужели это справедливо?! Маленькая, беззащитная крошка вновь будет оставлена на произвол судьбы?! Без поддержки, без заботы, без людей, которым она смогла бы доверять, рядом с ней! И что потом?.. Детский дом?! Опять — улица?! Попрошайничество и схватка за жизнь с самой жизнью?! Опять — выживать, платить за жизнь золотой монетой собственного счастья, никому не доверять и исподлобья взирать со стороны на жадность, жестокость и безумство этого мира?! Вновь оказаться наедине с собой, загнанной в угол силой обстоятельств?!

Боже, какая дикая, ужасающая несправедливость! Опять. Как не сломаться, как выжить?..

И что будет с Антоном? Как справится с потерей он? Мой мальчик, мой сын, такой же беззащитный и одинокий, как и моя крошка...

Я уже бросил его однажды, вынудил его оставить все, что он любил и чем дорожил, ради счастья моей малышки. Не нарочно, не специально, ведь он сам избрал свой путь... Но я, именно я, был виноват в том, что только этот путь ему показался единственно верным! Если бы я тогда удержал его на пороге, не позволил уезжать!.. Мне нужно было найти слова, подобрать аргументы, настоять на своем. Мне нельзя было его отпускать. Ведь я знал, что он уже не вернется назад. И больнее было не только от самого его ухода, а оттого, что я понимал, — всё произошло по моей вине.

Сможет он когда-нибудь меня простить?.. Будет ли у нас время на то, чтобы он смог это сделать?!

Как изменился мой мальчик с тех пор! Я подивился этим переменам, когда увидел его в Лондоне. Вроде бы тот же самый Антон, мой сын... Но что-то было не так, по-другому. И эти перемены не пришлись мне по душе. Хотя я и понимал, что изменить что-то уже не в силах. Колесо судьбы было запущено. Он отчаянно был не согласен с присутствием Дашеньки в моей жизни, и никогда не скрывал своей неприязни к ней. Он был жесток и несправедлив в своей ненависти, считая себя правым.

Антон!.. Если бы ты только знал, что пережила эта маленькая девочка! Но ведь ты не хотел ничего слушать о ее жизни. И я поступил глупо и опрометчиво, когда согласился с твоим решением.

Что бы это изменило?.. Стал бы ты иначе относиться к ней, если бы узнал историю ее непростой изуродованной чужой злобой жизни? Может быть, ты стал бы к ней терпимее и нежнее? Да, ты бы не полюбил ее сразу, но потом... сквозь спокойное равнодушное игнорирование проникся бы к ней уважением и симпатией. Ты бы полюбил ее, если бы узнал ближе. Я уверен в этом!..

Ее нельзя не любить! Она такая одна. Особенная! Когда она спит, то поджимает под себя колени, сворачиваясь клубочком у самой стены. Может часами сидеть на подоконнике и смотреть в окно, на то, как идет снег, или на то, как дождь барабанит по стеклам. А когда о чем-то задумывается, то с приоткрытым ртом смотрит, словно сквозь тебя. А еще... она редко улыбается. Но если улыбнулась — то ощущаешь, словно мир расцветает для тебя плеядой светящихся звезд. Ее улыбка означает слишком многое. Ты заслужил ее доверие. И это драгоценность, это благодарность и благословение. Потому что ее доверие заслуживают только избранные.

Она — замечательный ребенок! Хотя о чем я говорю? Наверное, она никогда и не была ребенком. Не было у нее детства. Мать родному брату, хранительница его очага, взрослая девочка, на которой держалась семья. Кто угодно, но не ребенок. А сейчас, в свои одиннадцать, она еще более взрослая, чем раньше. И ее глаза... они такие умные, все понимающие, внимательные, но горящие осторожностью.

Какая несправедливость! За одиннадцать лет ни дня детской непосредственности и беззаботности. Я так дивился ее рассудительности и способности подмечать малейшие изменения в настроении людей. Тогда, в Лондоне, когда она избавила нас с Антоном от скандала... Она была взрослее и мудрее сына в тот момент! Я изумился этому. Он повел себя, как ребенок, в то время как Дашенька, заявила себя взрослой личностью.

Антон, почему же ты не захотел понять? Принять ее и простить за то, что она появилась?!

Может быть, виноват в этом я? В том, что заставил тебя сделать это, — и принять, и простить? Не нужно было вынуждать и заставляя, не нужно было настаивать... Нужно было просто подождать? Тогда бы ты смог ее принять? Понял бы, простил? Я уверен, что время многое расставило бы на свои места.

Но сейчас у нас нет и его, — этого самого времени. Всего полгода... Но что можно решить за полгода?!

Рано или поздно, ты бы осознал, насколько она особенная и не похожая на остальных. Ты бы увидел в ней то, что вижу в ней я. Ты бы осознал, почему среди сотен, даже тысяч детей, которым требовалась помощь, я выбрал именно ее. Помню, ты спрашивал об этом... И тогда я не смог дать тебе ответа. А сейчас, я бы ответил, если бы ты меня спросил. Потому что она — лучшее, что было в моей жизни. Только ты и она. Это то, чем наградила меня жизнь. И то, что судьба подарила мне вас, я смогу простить ей даже свою скорую кончину. Я даже смирюсь с болезнью, приму смерть, как нечто неизбежное, только потому, что меня наградили чем-то большим, чем безвкусное существование.

Но что же будет потом?.. После того, как меня не станет? С Антоном, с Дашей?..

Примут ли они друг друга, поймут ли?

Было бы у нас время, было бы время у них... Чтобы они осознали то, что для меня уже не является тайной. Чтобы нашлась та нить, что связала бы их вместе крепким узлом. И никогда больше не разлучила.

Но времени у нас не было...

15 глава

Москва, конец 2001 — начало 2002 гг.

Осень ворвалась в столицу проливными дождями вперемешку с промозглым, пронизывающим до костей ветром, серыми белесыми туманами и плохим настроением. Бабье лето не порадовало теплом и солнцем, а золотая осень, стремительно и мимолетно проскользнув переулками и дворами, уступила место тоскливому и злому октябрю. Москва находилась в относительном покое, ожидая прихода заморозков и первого снега.

О том, что беда ворвалась в их дом, Даша даже не догадывалась, продолжая оставаться в смиренном неведении относительно того, что приготовила ей судьба. Дядя Олег ни словом, ни взглядом, не жестом, ни малейшим движением не показывал, как страдает от болей. При ней он всегда был бодр и свеж, улыбался и шутил, только чаще стал закрываться в кабинете, отчаянно что-то записывая в толстую тетрадь, но девочка предполагала, что все дело в его испортившихся отношениях с сыном. Особенно остро накалившихся после их совместной поездки в Лондон.

Даша старалась не напоминать опекуну о том, что произошло, чтобы лишний раз его не расстраивать, потому что видела, как это того задевает. Да и самой ей было неприятно вспоминать, что случилось. Антон повел себя... она не могла дать определения его поступку, поведению, агрессии. Да, было всё. И ненависть, и презрение, и цинизм, и даже откровенное хамство по отношению к ней. Но ведь дядя Олег, его отец, он же ни в чем не был виноват! А ему было неловко и неприятно. И хотя Даша не поняла, о чем спорили отец и сын, могла с определенной точностью сказать, что все дело в ней. За себя обидно было только в начале, потом девочка стала переживать за дядю Олега.

Она уже привыкла к мысли, что Антон ее на дух не выносит, холоден с ней и почти безразличен, терпит только потому, что его отец о ней заботится, иначе забыл бы, как ее зовут. Она и сама, по чести сказать, не жаждала наладить с ним отношения, не считая это необходимым, испытывая к нему неприязнь. Но дядя Олег... он не виноват в том, что они не смогли подружиться! Он не должен страдать из-за них. Ведь она тоже могла бы показать, как ей не нравится этот гордый, заносчивый и честолюбивый парень, но не делает этого. Потому что ей небезразлично, как воспримет это дядя Олег. А Антон!? Почему он так цинично... равнодушен? Почти бездушен!?

Девочка, как могла, старалась сгладить неровные края в отношениях старшего и младшего Вересовых, понимая, что, как ни крути, они не должны ссориться. Они — семья, и должна держаться друг за друга. И, наверное, в своем стремлении угодить дяде Олегу и помочь ему наладить отношения с Антоном, она и не уследила за тем, как он вдруг стал изменчив в поведении, грустен, тосклив и озабочен в чем-то, скор и спешен, словно боялся опоздать и чего-то не сделать. Улыбался меньше, почти не шутил, ходил с бледными щеками и темными кругами под глазами. Она думала, что он не высыпается, а потому на ночь всегда старалась приготовить ему теплого молока. Он улыбался ей, но как-то грустно и уныло, когда видел в своем кабинете со стаканом в руках. И ей тоже становилось грустно.

Затем подумала, что он заболел гриппом. Какая только зараза сейчас не ходила по

городу, где угодно можно было ее подцепить. Она готовила ему лечебные отвары на травах, которые, по совету соседки Нины Дмитриевны, купила в аптеке, поила горячим чаем с лимоном и медом, и следила за тем, чтобы он теплее одевался.

Маргарите Львовне не нравилась ее забота о нем, а потому домработница частенько ругала ее, когда заставляла на кухне за приготовлением очередного лекарства.

— Знаем мы таких! — восклицала она, размахивая руками, и прогоняла Дашу с кухни. — Занимайся своими делами, юная леди, а заботы об Олеге Витальевиче мне оставь. Нашлась тут... — она презрительно фыркала и морщилась, когда оглядывала ее с ног до головы. — Девчонка! Подсунешь ему что-нибудь, что и до больницы будет не далеко!

Обиженно поджав губы, Даша уходила к себе и садилась на подоконник.

Наверное, если бы можно было ненавидеть эту женщину, она бы ее ненавидела. Но она никогда и ни к кому не испытывала подобного чувства. Ни к Антону, ни даже к Алексею или своей матери. И к Маргарите Львовне тоже, она была не достойна того, чтобы Даша испытывала к ней нечто большее, чем простое негодование. И Даша старалась не обращать на экономку профессора Вересова внимания.

А после Нового года ей открылась страшная тайна.

Рак. Она много раз слышала это слово. Страшное слово, злое, нехорошее. И вначале не хотела верить тому, что услышала. У ее дяди Олега не может быть этого ужасного заболевания. Он ведь не заслужил. Он хороший, добрый, он такой... один. Он не мог заболеть. Не он, только не он! Ведь Бог должен наказать хотя бы Алексея, но не его... Не его! Это же так несправедливо, так... немилосердно, так... бесчестно!

Это не может быть правдой.

Она плакала в тот день, когда услышала из уст Олега страшный диагноз, и задрожала крупной дрожью страха, отчаяния и боли, прижавшись к нему сильно-сильно, зажмурившись и кусая губы до крови, потому что он звучал для нее, как приговор. Как неизбежность, рок, проклятье.

— Ничего, моя девочка, ничего, — шептал ей в волосы дядя Олег, — всё будет хорошо, малышка, всё будет хорошо, — его спокойный, пусть и немного усталый голос, успокаивал ее.

Было так тепло, легко, радостно... И даже ничуть не грустно и не тоскливо.

Вот бы навсегда замереть в его таких горячих, любящих объятьях! Остановить время, перевести стрелки на несколько минут назад... Не слышать приговора, не знать ужасающей своей откровенностью истины. Просто, закрыв глаза, стоять в его руках и даже не шевелиться, чтобы не спугнуть очарование момента.

Но нельзя... Нельзя, потому что время не делает поблажек, никому не дает еще один шанс, это гнусный, бескомпромиссный, жестокий соперник. Против которого нет оружия.

Даша понимала, что они с Олегом, сколько бы не пытались бороться, не смогут делать это бесконечно. Рано или поздно время спросит и заставит заплатить по счетам.

Она держалась до января, пытаясь уверить себя, что все хорошо. Дядя Олег не обманывал ее, не обманет и сейчас. Помогала Леся, в нужный момент протягивая руку помощи, готовая сделать все, чтобы ее близкая подруга не страдала. И даже Пашка помогал. Он писал письма через e-mail, иногда звонил, расспрашивая, как у нее дела, чем она занимается. Они лучше узнавали друг друга и даже на расстоянии оставались близки, будто знали друг друга много лет. Она всегда спокойно реагировала на его звонки, даже после того, как узнала, что дядя Олег болен... Но в тот день, когда он позвонил в следующий раз,

она просто не выдержала. Его голоса, смеха, радости и добродушия. Она почти сломалась.

— Привет, егоза! — смешливо выкрикнул он в трубку. — Ну, как ты там? Рассказывай!

И Даша не выдержала. Так устала одна бояться, прятаться по углам и плакать,

— Паша, — проговорила она тихо, надломленным голосом. — Паша, ты где?!

Он насторожился. Мгновенно уловил в ее голосе иные интонации.

— В Калининграде, — медленно проговорил он и скоро добавил: — Пока, — обеспокоен. — Что случилось?

Сглотнув, Даша прикусила губу, чтобы не заплакать.

— Дядя Олег... Ему очень плохо, — пробормотала она, крепче сжимая телефонную трубку. — И мне плохо... — призналась она, как в чем-то интимном, слишком откровенном. — Мне так плохо, Паш... Я боюсь!.. Я боюсь его потерять, понимаешь? — слеза сползла по щеке, коснувшись языка. — И никого рядом нет... Я опять одна, понимаешь?..

— Так, успокойся, ты не одна, — решительно перебил ее парень. — Как это — одна?! А я кто, по-твоему?!

Нежность затопила ее сердце.

— Я так тебя люблю, Пашка, — проговорила она признание.

— Я знаю, егоза, — миролюбиво согласился тот. — И я тебя люблю. Именно поэтому сейчас же собираю вещи и вылетаю к тебе!

— Ну, что ты, не нужно!.. — забеспокоилась девочка. — Не нужно волноваться! Просто я...

— Так, егоза, это не обсуждается, — вновь решительно перебил ее Паша. — Жди, поняла?

Грустно улыбнувшись, она кивнула. И стала ждать.

А Пашка сообщил о своем приезде уже после того, как приземлился в аэропорту.

Они договорились встретиться около гостиницы, в которой он остановился, и когда Даша увидела его выходящим из дверей, хотела броситься ему на грудь, повиснуть на нем, как делали многие девочки из ее класса при виде своих родителей или родственников, но лишь дернулась вперед, смущенно застыв на месте. Пашка ей не родственник. Он просто друг. Очень хороший друг. Самый лучший, после Леси, друг!

Завидев ее, он широко улыбнулся и, приподнимая меховой воротник своей куртки, тем самым спасаясь от внезапного порыва ветра, бросившего ему в лицо колкость снежинок, направился к ней.

Остановившись в паре шагов от нее, он взглянул на нее насмешливо и, скривившись, спросил:

— Ну, красотка, не хочешь обнять своего друга?

— Хочу, — улыбнулась Даша и, сделав всего один решительный шаг вперед, утонула в медвежьих объятьях.

Пашка стиснул ее так сильно, что, казалось, готов удушить, ей даже стало трудно дышать, о чем она ему тут же и сообщила, легко пожурив его за стальные тиски.

— Прости, егоза, — отстраняясь, пробормотал Паша, вглядываясь в ее покрасневшее от мороза лицо, — просто я так рад тебя видеть! — он улыбнулся шире, серо-зеленые глаза заблестели искрами счастья. — Обалдеть просто, как я скучал, — выдохнул он и, смущенно потупив взгляд, оглядел девочку. — Веришь?

Даша верила. Потому что и сама скучала по нему. Как удивительно и своеобразно

устроена жизнь. Незнакомый человек, казалось бы, чужой, она знает его чуть больше месяца, но чувствует, что он ей так близок, как никто и никогда близок не был, ощущает в нем родственную душу, своего человека, того, кто не бросит, не обманет, несмотря ни на что, останется рядом с ней. Защитит от всех бед и сам не обидит.

Если сравнивать Пашку с Антоном, чего, конечно, делать не стоило, Даша находила странным, что сын дяди Олега так и не смог ее понять, хотя знали они друг друга почти три года, а Пашка... Тот самый Пашка, которого она знала так мало, смог понять ее, как даже Леся ее не понимала. Свой, родной человек.

Поддаваясь минутному порыву, девочка потянулась к нему и, встав на цыпочки, осторожно поцеловала.

— Я так рада, что ты приехал, — прошептала она запинаящимся шепотом и, пряча взгляд от его изумленно распахнутых, все понимающих глаз, уверенно повторила: — Очень рада.

Паша, действительно, был изумлен. И все смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. На опущенные, подрагивающие на щеках черные ресницы, на складочки в уголках губ и родинку у виска, на темную челку, не спрятанную под шапкой и поддавшуюся нападению снежинок.

Сам не понимая, что делает, он приподнял руку и коснулся ее холодных щек своими теплыми пальцами.

Даша стремительно взметнула на него удивленный взгляд черных глаз.

— Снежинки, — пробормотал Пашка, словно очарованный.

Она улыбнулась ему, широко и открыто, а он понял, что пропал окончательно.

Сердце забило, как сумасшедшее, в горле встал жесткий комок, и парень кашлянул.

— Ну, что, красотка, — обнимая девочку за плечи, заговорщески подмигнул он ей, — покажешь мне Москву?

Даша кивнула и, не отстраняясь от парня, последовала за ним.

Было что-то волшебное в том, что происходило между ними. И вроде бы, ничего такого и не было. Встретились, погуляли по городу, пообщались, вместе выпили горячий шоколад в кафе, но оба знали, что эти мгновения стоят очень дорого. Такие моменты не повторяются. Они бывают всего лишь раз в жизни.

И портить их неприятными впечатлениями не хотелось. Но иначе было нельзя.

— Ну, — начал Пашка тяжелый разговор, — что там с Олегом Витальевичем?

Даша мгновенно перестала улыбаться, в глазах блеснула грусть и тоска. Она опустила глаза в чашку с горячим шоколадом, словно ему собираясь жаловаться на свои беды и проблемы.

— Он болеет, — прошептала она и облизнула пересохшие вмиг губы. — Очень сильно.

— Грипп, простуда, пневмония? — предположил Пашка, наклоняясь к ней. — ОРВИ? Ангина?

— Рак.

Пауза. Липкая, томительная, удушающе откровенная, повисла между ними каменной стеной.

Ресницы, дрожа, приподнимаются, и на него с ужасом и страхом взирают черные глаза его девочки.

— То есть... как? — может лишь выдать из себя Паша, не веря в услышанное. — И как давно?.. То есть, как давно вы знаете об этом?

— Дядя Олег сказал мне только после Нового года, — сглотнув, прошептала она,

стискивая чашку с шоколадом трясущимися пальцами. — А Антон вообще ничего не знает, он ему не говорил.

— Антон это его сын? — предположил Паша, стиснув зубы, и нахмурился, сведя брови. — И почему он ему не сообщил? Когда он сам об этом узнал?

— Говорит, что еще перед тем, как мы поехали в Калининград, — выдавила Даша, растерянно глядя на него.

Паша охнул, брови его взметнулись вверх.

— Уже так давно? — изумленно выдохнул он. — А что врачи говорят? Какие шансы? Что предпринимают?

Даша покачала головой, начиная бледнеть.

— Он ничего не говорит мне, — с грустью выдавила она. — Не хочет расстраивать. Я ничего не знаю...

Паша чувствовал, ощущал парящую в воздухе необходимость утешить ее, но не знал, как. Сердце его разрывалось от боли за нее, от обиды за Олега, от разочарования на жизнь и судьбу. Почему от нас уходят всегда самые лучшие, а негодяи, подонки, ублюдки первой пробы копят это небо?!

Он тяжело вздохнул и тронул свою девочку за плечо, чтобы хоть как-то ее успокоить.

— Дашунь...

— Я очень боюсь за него, Паш, — всхлипнув, пробормотала девушка. — Если он... если с ним что-нибудь... я никогда, никогда не переживу этого!.. — она опустила взгляд, стараясь скрыть выступившие на глазах слезы. Она не позволяла себе плакать на людях, даже при Пашке. — Я боюсь...

— Все будет хорошо, егоза, — твердо заявил Паша, решительно и сильно сжав ее плечо. — Слышишь меня? Мы что-нибудь придумаем, обязательно что-нибудь придумаем. Мы его вылечим, поняла? Вылечим! — он наклонился к ней ниже, стараясь поймать испуганный взгляд. — Ты веришь мне, егоза? Даша! Веришь?!

Она отчаянно закивала, сильно зажмурившись, и сжала его ладонь, чувствуя в ней опору и поддержку.

Пусть только сидит рядом с ней, вот так держит за руку, обнимает за плечи, шепчет слова утешения, и она будет знать, будет чувствовать, что все действительно хорошо.

— Все будет хорошо, егоза, — обняв ее за плечи через стол, прошептал ей в волосы молодой человек. — Все будет хорошо, — повторил он с уверенностью. — Я не дам тебя никому в обиду. Я обещаю.

И он сдержал обещание. Действительно, он не дал ее в обиду. Но спасти дядю Олега так и не смог.

В тот же вечер, едва войдя в квартиру, Даша почувствовала витавший в воздухе запах боли и отчаянья.

Сердце предупреждающе забило в груди раненой птичкой, а замерзшие ладони вмиг вспотели.

Маргарита Львовна выскочила ей навстречу с чашкой в руках, обеспокоенная, взлохмаченная, безумная.

— Что случилось?! — воскликнула девочка, стремительно раздеваясь.

— Олег Витальевич... — запинаясь, проговорила женщина.

— Что с ним? — судорожно сглотнув, спросила Даша, кидаясь в сторону его комнаты.

— Не знаю, — судорожно пожала плечами та, решительно следуя за ней. — Я хотела

скорую вызвать, но он наотрез отказался, — всхлипнула. — Сказал, что пройдет, и уже больше часа вот так мучается.

Дядя Олег был в агонии, он метался по постели, весь горел и что-то шептал, словно в бреду.

— Маргарита Львовна, — прошептала Даша, кидаясь к мужчине, — вызывайте скорую. Немедленно!.. — она почти кричала, испуганная, скованная страхом и беспокойством.

Маргарита Львовна, если и хотела возразить, поставив девочку на место, не стала этого делать. Она молчаливо выполнила ее просьбу и больше не проронила ни слова до самого приезда врачей.

Они сбивали жар несколько часов и только к утру добились результата. Ничто не утешало, и Даша слушала врачей, многое пропуская мимо ушей, не обращая на их слова внимания. Она и так все знала и все понимала.

Никогда ей не было так больно. Только если в день смерти брата, и больше — никогда.

Уставшая и опустошенная, не глядя на часы, вообще не задумываясь о времени, она позвонила тому, кто должен был знать, что происходит еще несколько месяцев назад. Это был последний человек на земле, которому она посмела бы, отважилась позвонить, но он обязан был знать правду.

— Антон?.. — запинаясь, выдавила из себя девушка.

— Да! Это кто?! — раздраженно спросил молодой человек, а потом с удивлением: — Даша?!

Девочка сглотнула, словно набираясь сил, и, зажмурившись, выдавила:

— Ты... можешь сейчас говорить?

— Что случилось?! — требовательно закричал тот.

— Дядя Олег... — сдерживая слезы, проговорила она.

— Что с ним?!

— Ему плохо. Очень плохо, — шепотом промолвила она. — Я не знаю, что делать. Пожалуйста, приезжай.

— Вылетаю первым рейсом! — пообещал он и бросил трубку.

А Даша, сжимая телефонную трубку с раздававшимися в ней короткими гудками, опустила бледное, осунувшееся лицо в холодные ладони и неслышно заплакала.

Антон, действительно, прилетел на следующий же день, рано утром. Как и обещал.

В дверях его встретила эта девчонка, воспитанница отца, он отчего-то отчаянно не желал называть ее по имени. Бледная, худая, даже, кажется, ростом ниже стала. Глаза блестят странным блеском, под ними темные синяки, на ресницах дрожат неумело вытертые насупленные слезы.

Черт побери! В душе вновь что-то шелохнулось, надавив на рецепторы его совести. Ему опять стало ее жаль. Но он мгновенно придушил на корню это уже знакомое, но такое нежеланное чувство жалости к этой девочке, одним лишь грубо заданным вопросом и твердым взглядом прямо в глаза.

— Что с ним?

Даша, сначала поднявшая на него лицо, вдруг опустила подбородок.

— Я не знаю. Он ничего не говорит мне, — вяло сказала она.

И Антон с ужасом осознал, что не узнает в ней ту гордую, сильную девочку, которую видел несколько месяцев назад. Не то, чтобы он был рад видеть ее такой, какой она была

раньше, замкнутой, подавленной, молчаливой, исподтишка за всем наблюдавшей, но какой-то... вызывающе гордой, умной, живой даже в своей немой тишине, взрослой в своей детскости. Такая она ему не нравилась. Она словно бросала ему вызов, негласный, откровенный, уничижительный вызов, немой и безгласный, молчаливый, но оттого еще более открытый. Он не мог на него не ответить. Она не нравилась ему такой гордой и... сильной?.. Но такой, какой она предстала перед ним сейчас, она ему не нравилась еще больше. И он пытался подавить в себе внезапно всколыхнувшиеся эмоциональные порывы узнать, что с ней случилось. Но желание узнать причину произошедших в ней перемен, словно кошками скреблось на душе, рьяно царапая не только грудь, но и задевая саму душу. И это бесило его, выводило из себя.

В одно мгновение он превратился в холодного, равнодушного циника, каким учился быть в Лондоне. Мало ли, что он испытывает на самом деле? Кому какое до этого дело?! И уж тем более это не касается ее.

— Ты сказала, ему плохо...

— Я знаю, почему ему плохо, — тихо перебила его девочка, и парень напрягся. — Но большего он мне не говорит, — кажется, она раздосадована и огорчена. — Может, с тобой поговорит, — высказала надежду она, поднимая на него взгляд черных глаз, и Антон в который раз подивился их удивительной черноте.

— Может быть, — коротко бросил он, задержав испытывающий взгляд на ней дольше, чем нужно было. Дольше, чем он мог себе позволить.

И, сбросив верхнюю одежду, стремительно бросился в комнату отца.

— Он в кабинете, — тихо окликнула его девочка, заставив молодого человека замереть на месте и резко повернуться к ней. Ошарашен и изумлен, даже рот приоткрыт от удивления.

— То есть как — в кабинете?! — возмущенно воскликнул он. — Он же болеет, ты сама сказала...

Даша покачала головой, устало закрыла глаза и пояснила:

— Он отказался покидать кабинет, как мы ни настаивали, — вздохнула Даша и с горечью добавила: — Мы постелили ему на диване.

Долгий взгляд превратившихся в льдинки серых глаз, озлобленный и какой-то... угрожающий, мог бы вынудить ее испугаться или хотя бы вздрогнуть, но девочка даже не шелохнулась. Прямо и (вызывающе?!) посмотрев на Антона, она встретила его угрозу с горячей в глазах уверенностью и заявила:

— Может быть, тебе удастся уговорить его перебраться в постель.

Вересов-младший резко кивнул и, простояв еще несколько секунд, рассматривая застывшую рядом с ним гордую девочку с вызывающе прямолинейным взглядом глаз цвета агата, решительно двинулся к отцу.

Что он хотел увидеть, когда первым же рейсом вылетал в Москву?! Он вообще о чем-нибудь думал в тот момент? Нет. Все его мысли были заняты словами этой девчонки. Отцу плохо, ему очень плохо... Черт побери! Неужели, действительно, так серьезно?! Ведь эта девочка... Даша, она бы не позвонила ему, если бы дела обстояли иначе. Слишком гордая для этого. Значит, что-то очень важное?..

Он так и не смог заснуть после ее звонка. Сбросив с себя руку посапывающей рядом в такт дыханию Стефани, он стремительно поднялся и вышел на балкон, наспех надев спортивные штаны и футболку. Мороз ударил в лицо, обдавая лондонской зимой каждую клеточку тела. Сердце забилося быстрее и отчетливее.

Что-то важное произошло там, в Москве. С отцом. И ему нужно срочно лететь домой. Сейчас, немедленно, пока не стало слишком поздно. Руки отчего-то затряслись, как-то сильно и неестественно для него задрожали, все тело вмиг задрожало, словно парализованное спазмами крупной дрожи. Ему хотелось бы винить во всем мороз, но лондонский январь был не таким и холодным, к каким он привык.

Нужно лететь домой. Немедленно. Прямо сейчас.

Бросился к телефону. Ближайший рейс до Москвы был объявлен на шесть утра, и Антон, чертыхаясь в голос, заказал билет. Собрал необходимые вещи в дорожную сумку и, не разбудив Стефани, ушел, оставив девушке записку с объяснением. Стоило лишь надеяться, что по его возвращению она не закатит истерику.

Что он ожидал увидеть дома, когда сидел в самолете с единственной мыслью в голове: с отцом приключилась беда?! Что ожидал увидеть, когда брал такси и мчался по утренним улицам Москвы, вглядываясь в белесую дымку?! Что он ожидал увидеть в той комнате, куда направила его эта девчонка?!

Что угодно. Но только не то, что он там увидел.

Он не узнал его. И дело было даже не в болезни, о которой ему пока ничего не было известно. Что-то еще, совсем иное, неправильное витало в воздухе отцова кабинета. И это пугало, заставляя сердце бешено биться в груди.

Олег лежал на диване, положив руки на живот, лежал недвижимо, дышал еле-еле, почти неслышно, приоткрывая рот, чтобы сделать очередной вдох. На лбу выступил пот, щеки впалые, губы бледные, глаза закрыты, и лишь ресницы слегка подрагивают.

Темнота, возникшая перед глазами, вынудила молодого человека остановиться в дверях и зажмуриться.

— Пап? — позвал мужчину Антон и сделал нерешительный шаг вперед.

Его ли это голос? Почему он так дрожит?! И в горле вырос острый ком боли и невыплаканной обиды.

— Пап, — пробормотал молодой человек еще раз и подошел к отцу ближе.

Тот дернулся, пошевелился на диване и приоткрыл глаза. Обернулся к Антону полубоком, стараясь рассмотреть.

— Антоша? — пробормотал он с удивлением, и улыбка расцвела на бледном осунувшемся лице.

Антон стиснул зубы. Боль сковала тело, взметнувшись в нем обжигающей волной. А внутри души до самого основания существа промчалась острая стрела. Сердце забарабанило, сильно сдавливая грудную клетку и мешая дышать. Ладони вмиг вспотели, и парень сжал их в кулаки.

Казалось, он вот-вот задохнется. От боли, от витающей в воздухе безысходности и... смерти.

Страх сковал его тело, и Антон стиснул зубы, чтобы не закричать.

Олег с усилием приподнялся и облокотился на подушку, посмотрел на сына усталым взглядом мутных глаз.

— Это Даша тебе сообщила? — бессильно выдохнул он. — Бедная девочка, она так обо мне волнуется...

Антон сглотнул и подошел еще ближе к дивану и, подвинув стул, присел рядом с отцом.

— Пап, — проговорил он, — что с тобой?

— Она тебе не сказала?

Антон вздохнул.

— Сказала, что ты болен, — выдавил он из себя и, опустив взгляд на свои сцепленные пальцы, бессильно добавил: — Пап, что с тобой?

Олег сглотнул подступивший к горлу ком. Никогда он не думал, что сообщить об этом сыну будет так тяжело. Казалось, что самому услышать диагноз — и страшнее этого нет ничего на свете. А нет, оказывается, страшнее всего рассказать о том, что умираешь, своему самому родному человеку.

— У меня рак, сын, — тихо проговорил Олег, зажмурившись, чтобы не видеть выражения лица Антона.

Да, наверное, в этот момент его можно было назвать трусом. Может быть, он и был трусом все это время? Все те годы, что приблизил к себе Дашу, чужую в общем-то для себя девочку, сделав ее родной. И отдалив на сотни километров сына, в одно мгновение превратив его в чужака?! Он трус, что не смог разобраться в их отношениях? Что не смог примирить между собой людей, которых любил одинаково крепко и сильно? Ему было проще отпустить сына в Англию, порвать с ним прежние связи и отношению во имя блага своей девочки, опустив руки и сдавшись? Решив, что так будет правильнее, а на самом деле — легче, проще. Мучительно неправильно, на самом деле. Он трусом стал в тот момент, когда принял решение — одно решение за троих. И никто из троих в результате не нашел успокоения.

— То есть как?.. — выдохнул Антон, распахнув глаза. — Как — рак?! Ты шутишь?.. Ты же не можешь... Это... это просто... Чушь какая-то! — воскликнул он, не веря в услышанное, и вскочил со стула, начав быстрыми шагами мерить пространство кабинета отца. — Ты делал обследование? Полное обследование?! Что говорят врачи?

— Рак, — коротко бросил Олег так, словно ему было тяжело произнести даже это единственное слово. — Что они еще могут сказать?.. — он пытался улыбнуться, но улыбка вышла настолько вымученной, что он тут же убрал ее с лица.

— Этого. Не может. Быть! — отдельно выговорил Антон и, подскочив к отцу, наклонился над ним. — Ну, скажи же, папа! Скажи, что это лишь... ангина!.. я не знаю... Простуда. Что угодно!.. Другое... Пожалуйста, — голос его сошел на шепот при виде измученных глаз. И то, что он в них прочитал, сказало ему все.

Он чувствовал сердцем, нещадно болевшим все эти дни, что отец ему не лжет. Он ему никогда не лгал.

Антон бессильно опустил на стул и, схватившись за голову, наклонился вниз, к коленям.

— Сколько?.. — безжизненно пробормотал он, стиснув зубы.

Он думал, его сердце разорвется прямо сейчас, в этот самый момент. Оно болело, разрывалось, давило на грудь, вызывая кричалку внутри него и снова болело, остро, нетерпимо.

— Три месяца.

И ему показалось, что умер он. Умер в миг, когда услышал дату. Такую ужасающе близкую, роковую дату.

Отец повернулся к нему лицом и вновь попытался улыбнуться.

— Я бы хотел, — проговорил он, едва шепча слова, — хотел... дожить до Дашенькиного дня рождения. У нее он девятого апреля, — уточнил он. — Я ей подарок... приготовил, — выдохнул он. — Надеюсь, ей понравится...

Антон стиснул зубы и, стараясь говорить спокойно, прошипел:

— Ты можешь думать о ком-то еще, кроме нее?! Обо мне, например? — голос его звучал вызывающе, с обвинением. — Я только что узнал, что ты... умираешь!.. Почему ты не думаешь, как я переживу это?! Почему беспокоишься по-прежнему о ней!? — Антон вскинул на отца пронизывающий насквозь взгляд. — Почему?..

Олег сглотнул, в уголках его глаз мелькнули слезы. И Антон тут же пожалел о том, что сорвался.

— Прости меня, сын, — тихо проговорил он. — Прости меня... Я не должен был... Мне нельзя было... заставлять тебя. Я неправильно тогда поступил, я знаю, — тихо пробормотал он заплетающимся языком. — Я ошибся. Как же сильно я ошибся тогда! — он закрыл глаза, сильно зажмурившись. — Я не должен был тебя отпускать в Лондон. Нужно было настоять на том, чтобы ты учился здесь...

— Я сам выбрал этот путь, — тихо перебил его Антон, сжимая холодные пальцы отца в своих руках. — Я сделал свой выбор.

— Этот выбор тебе навязал я, — коротко возразил Олег, не открывая глаз и сжимая руку сына. — Я знаю... Я знаю...

— Ты ни в чем не виноват, — твердо выговорил Антон, наклоняясь к нему ниже. — Слышишь меня? Ни в чем не виноват! Это я, — сглотнул, внезапно вставшие в горле слезы боли мешали говорить, — я виноват. Мне нужно было понять... хотя бы попытаться понять тебя, — выдохнул он. — И ее. А я не захотел... Прости за то, что я сорвался тогда, — проговорил он, запинаясь. — В Лондоне...

Олег посмотрел на него помутившимся взглядом.

— И сейчас не хочешь? — спросил он вдруг.

— О чем ты? — напрягся молодой человек.

— И сейчас не хочешь... попытаться понять ее?

Антон качнул головой и поджал губы. Жалящая боль стиснула грудь в стальные тиски.

— Пап, — тихо начал он, — я не хочу тебя обманывать. Никогда не делал этого... И сейчас не буду.

Олег с понимаем покачал головой.

— Я полагаю, твой ответ «Нет, не хочешь»? — уточнил он усталым голосом. — Мне очень жаль это слышать. Потому что я уже ничего не могу изменить, сын, — сказал Олег, вздохнув. — Да и если бы мог, не стал бы этого делать...

Нахмурившись, Антон посмотрел на отца. В ушах зашумело, отдаваясь в груди колокольным звоном.

— Пап, я не понимаю, — выдавил он, — что ты хочешь мне сказать?

— Я так боюсь, что о моей девочке некому будет позаботиться... — пробормотал тот, словно не слыша его. — Ты ведь позаботишься о ней? — с надеждой в голосе спросил Олег. — Позаботишься?..

— Пап... — неуверенно проговорил парень, опуская глаза. — Ты же знаешь, что мы с ней не друзья...

Давать обещания, которые не собирался исполнять, Антон не стал бы. Тем более своему отцу.

— Я понимаю, — проговорил тот с грустной улыбкой на губах. — Я не буду тебя заставлять, как тогда. Делай так, как считаешь нужным, — быстрый и очень внимательный взгляд на него, какой-то откровенно твердый, пронизывающий, Антону стало не по себе. —

Только, пожалуйста, не ошибись. Пытайся видеть больше того, что есть на самом деле.

Антон тогда не понял, о чем сказал ему отец, а переспрашивать не стал.

И только долгие четыре года спустя, он стал понимать, что именно тот хотел ему сказать.

Он просидел с отцом довольно долго, пока тот не заснул, и вышел из комнаты на едва передвигающихся ногах.

В голове не укладывалась вся информация, которую он только что получил. Он не желал мириться. И не смирится. Никогда не сдастся. Он вылечит отца, обязательно! Увезет его в Лондон, в Германию, в Америку! Черт возьми, он сделает для него, что угодно. Что угодно!.. Лишь бы он... только бы он не...

Он застыл посреди гостиной, так и не сделав вперед ни шага в течение нескольких минут. Стоял, прислонившись к стене и зажмурившись, и, кажется, почти не дышал от боли и отчаяния. В глазах было влажно, а на душе сухо и пусто.

В этот момент он почти ненавидел этот мир. Он уже в третий раз хотел отнять у него отца!

Меньше всего тогда он хотел встречаться с девчонкой, которая жила в его доме с его отцом и отобрала у него его жизнь, но Дашу он внезапно обнаружил на кухне, девочка готовила чай и нарезала лимон.

— Ты давно об этом знаешь? — спросил он, облокотившись о дверной косяк и скрестив руки на груди.

Она вздрогнула, не ожидая его появления, подняла на него короткий взгляд и вновь принялась за свое занятие.

Сомнений не было, она поняла, о чем именно он спросил, но лишь через несколько томительных секунд проронила:

— С Нового года.

Антон сделал шаг по направлению к ней с бешено бьющимся в груди сердцем, но остановился, взирая на нее с высоты своего роста. К его удивлению, она оставалась все такой же невысокой, что и была год назад. Кажется, ничуть не прибавила в росте, и все так же упиралась взглядом ему в грудь.

— Так значит, тебе он сообщил о том, что умирает, — сдерживая ярость, проговорил Антон, пронзая ее безумным взглядом, — а мне и не подумал об этом сказать?!

Девчонка лишь пожалала плечами. И он взбесился еще больше.

— Это не мое решение, — сказала она, не глядя на него. — Я тоже не имела права тебе говорить, — заявила она откровенно. — Но я позвонила лишь потому, что ему стало очень плохо вчера. И я... я испугалась, — выдавила она, и Антон заметил, что ее ресницы дрожат. — Я не знала, что делать... Мне стало страшно. За него.

— Ты поступила правильно, — сказал парень, смирившись. — Только почему ты не сделала этого раньше?

И она подняла на него быстрый взгляд.

— Ты бы оспаривал его желание, если бы знал о нем? — спросила она резче, чем следовало. — И я тоже не стала оспаривать, — ее слова били сильнее кнута. — Потому что он не хотел тебя беспокоить.

— Я его сын, черт побери! — не выдержал Антон и метнулся к ней. — А ты...

— Дядя Олег так же дорог мне, как и тебе! — перебила его Даша.

— Не смей меня перебивать! — выдохнул Антон сквозь зубы. — Тебе сколько лет?!

Даша нахмурилась, сведя брови.

— А это так важно? — отвернулась, совершенно невозмутимая. — Одиннадцать, — пробормотала она.

— А мне двадцать один! — грубо выдал парень. — Я его сын, а ты та, кого он притащил с улицы. Ради него и только ради него, мы сделаем вид, что поладили, — сказал он, приближаясь к ней, заглядывая в сощуренные глаза. — Но не питай иллюзий, девочка, на большее рассчитывать тебе не придется. Идет? — насупившись, он протянул ей свою большую ладонь.

Она долго и пристально смотрела на руку, словно изучая, потом подняла взгляд на Антона. Темные бровки изогнулись, губы сложились в узкую линию.

— Ради дяди Олега, — коротко бросила она, стремительно пожала его протянутую ей горячую ладонь и так же резко выдернула из его захвата свою маленькую ладошку. Схватила поднос с чаем и поспешила прочь с кухни. В дверях остановилась, взглянув на Антона. — На большее тебе не стоит рассчитывать, — бросила она холодно и отрывисто.

Он резко обернулся к ней, но увидел лишь девичью выпрямленную удаляющуюся спину. Хотел что-то сказать, но так и застыл с открытым ртом. Выругался сквозь плотно сжатые зубы, запустил пятерню в волосы и потянул отросшие пряди на себя, почувствовав боль, но проигнорировав ее.

Наглая самонадеянная девчонка! Оборванка с улицы. Черт, такая остроумная и вызывающе гордая!

Походил по кухне из угла в угол. Остановился у окна, покрытого толстым слоем инея. Облокотился на подоконник и тяжело вздохнул, выглянул в окно.

Какая равнодушно белая, спокойная зима. Мертвая какая-то и уныло седая. Такая знакомая незнакомка.

Как и эта девчонка... Даша. Что-то в ней было... словно знакомое, родное, свое...

Но и чужая, воровка!

Он никогда не давал обещаний, которые не смог бы выполнить. Но в ту секунду даже и не догадывался, что судьба посмеется над ним, заставив выполнить обещание, которое он так и не смог дать умирающему отцу.

16 глава

Москва, март 2002 года

Это была равнодушно вялая и холодная весна. Болезненная, как неизлечимость, беспощадная к чужим чувствам и жестокая в самых ярых проявлениях жестокости. Захватившая столицу врасплох серыми пеленами хлестких дождей и удушающей сырости, суровая и безжалостная весна, пришедшая так же внезапно, как и ушедшая, оставила в душе лишь боль разочарования и новой потери. Снова.

Даша навсегда запомнила именно ее. Эту сырую, промозглую, ветреную и дождливую весну второго года нового тысячелетия. Весну, которая принесла в ее жизнь еще одну смерть. Весну-войну, в которой она так и не стала победительницей.

Дядя Олег медленно умирал у нее на глазах. Она кожей чувствовала, как жизнь постепенно покидает его, кажется, она даже слышала стук его сердца, который с каждым днем становился все более медленным, монотонным и неразличимым. В глазах почти не различалось бывшего блеска, улыбка мелькала на губах все реже, зато лицо все чаще полосовали всеразличные оттенки боли, вызывая жгучую боль и в ее сердце тоже.

Она заметила, что ложилась спать (в те редкие ночи, когда позволяла себе заснуть) с одной лишь мыслью, чтобы, проснувшись, застать дядю Олега в живых. Войти в его комнату и просто услышать биение его сердца, почувствовать тепло кожи под своими ладошками, увидеть его вымученную от боли улыбку, предназначенную только ей и... и просто знать, что он жив. Все еще жив, и все еще с ней. Вот здесь, рядом. Это стало ее мечтой, верой и надеждой, ее заветным желанием. И она молилась о том, чтобы каждый новый день превращался в еще один, и в еще один, и в еще один... И, может быть, он протянет еще очень много таких дней! И, может быть, случится чудо, которого она так ждала!? Так ждала и три года назад, когда умирал Юрка, и два года назад, когда от них уходила Тамара Ивановна!..

Она так верила, надеялась на чудо, так ждала!.. Почему же напрасно ждала? Потому что зал ее ожидания уже был переполнен подобными просьбами?! И для ее мечты уже не осталось места?! Почему судьба опять выбрала ее?!

Даше казалось, что год, когда она потеряла брата, был худшим годом в ее жизни, но она ошиблась так же, как часто ошибаются все люди, надеясь на то, что все худшее уже позади и наивно плотно прикрывшие дверь в прошлое, чтобы беда не ворвалась в их настоящее.

Трагедия не заставила себя ждать, сбросив на ее хрупкие плечи новый груз потери, боли и одиночества.

И тогда Даша, никогда не знавшая этого чувства, возненавидела весну всем своим существом.

А Антон... Во время болезни отца он жил между двумя городами, мотаясь из Лондона в Москву и обратно, невзирая на запреты отца, который, как бы не старался это скрыть, все же был несказанно рад его присутствию.

Даша ни в чем не могла упрекнуть Антона, не сказала, да и не смела сказать, ему ни одного плохого слова. Он вел себя почти идеально. Выполнял условия их «сделки», как выполняла их и она, хотя и не мог скрыть своих истинных к ней чувств. Как не могла сделать

этого и она.

Они были в чем-то похожи в эти мгновения... Две потерявшиеся в тумане жизни и не нашедшие приют одинокие души. Сродненные и ставшие единым клочком боли и отчаянья в одно мгновение, такие разные, но так похожие друг на друга в общей трагедии. Молчание, таящие в себе чувства, которые казались им недостойными и пустыми.

Холодными февральскими вечерами, когда они сидели на кухне и пили чай, между ними висела словно завеса, словно траурная вуаль, словно стена, воздвигнутая три года назад, возросшая и возмужавшая. И они по-прежнему не могли сделать и шага по направлению друг к другу. Они чаще всего молчали. Косились друг на друга, думая, что это не кажется заметным, и отворачивались, опасаясь оказаться пойманными.

Даша отметила тогда тонкую, но длинную, белесую полоску шрама, тянущуюся от правого виска вдоль щеки, и странную черноту его волос, сейчас отросших и касавшихся воротничка его кофты.

Антон же заметил маленькие морщинки в уголках ее глаз, когда девчонка щурилась или морщилась, и еще ямочку почему-то на одной, левой, щеке, когда она улыбалась, что было сейчас крайней редкостью, а оттого казалось величайшей сокровенностью.

Но они не делились своими находками, оставляя их в себе обрывками воспоминаний, на поверхность выгружая лишь те чувства, которые обоим казались верными. Притворство и ложь претили Даше и Антону, но они делали все возможное для того, чтобы человек, которого они оба любили, не заметил обмана.

А вечером двадцать четвертого марта притворяться дольше отпала необходимость.

Природа плакала вместе с ними монотонными и заунывными таяниями весенней капли.

Именно в этот день Олег Вересов отдал Богу душу.

И мир рухнул для обоих в одно холодное равнодушное мгновение мартовского вечера.

Последний раз Даша так плакала, когда хоронили Юрку. Она пыталась держаться стойко, не реветь, не показывать слабость и боль, которые разрывали ее изнутри взрывом пороховой бочки, но не смогла. Как только увидела его бледное лицо, закрытые глаза, которые никогда больше не посмотрят на нее с лаской и нежностью, с отцовской любовью и заботой, она поняла, кого потеряла. И она кинулась вперед с зажатыми в руках кроваво-красными гвоздиками, чтобы быть ближе к нему, сказать, закричать, как любит его, и умолять, чтобы он не оставлял ее. Ведь он обещал! Обещал, что не уйдет больше, не бросит! Почему же он... обманул?..

И она рванулась к нему, желая обнять, сжать в тисках объятий и не отпускать... Но кто-то стремительно и жестко схватил ее за локоть, удерживая на месте и не позволяя упасть на гроб.

Обернувшись и с застилавшими глаза слезами, стекающими по бледным щекам, девочка увидела... его.

Это был Антон. Он не плакал, нет. Хуже... Он сдерживал в себе крик боли и отчаянья, отворачиваясь к происходящему, тоску и чувство великой потери. В глазах его дрожали слезы, рвались изнутри, казалось, вот-вот разорвут его надвое. Молодой человек дрожал всем телом, и Даша в единое мгновение успела подивиться силе захвата его руки, лицо его было таким же бледным, как и ее, губы поджаты, сдерживают рвущийся из сердцевины души дикий вопль. А затем... эти его слова. Она их запомнила почему-то...

— Не нужно, — совсем тихо, надрывающимся голосом, хриплым, задыхающимся от

переизбытка эмоций, чувств и острой боли. — Ему бы этого не хотелось, Даша... Не нужно...

Задыхаясь от той же кричащей боли, что сковывала и его тело, Даша кивнула и отступила назад, сквозь дымку слез наблюдая за тем, как от нее уходит самый близкий, родной, любимый человек.

А Антон... Она почувствовала на своем плече его руку. И на мгновение стало тепло и уютно. Всего на мгновение она вновь поверила в то обещание, которое дал ей дядя Олег когда-то. Она не одна, и никогда больше не будет одна. На одно короткое мгновение стена между врагами, которых не смогла примирить жизнь, а примирила смерть, пала. И именно в это мгновение они стали по-настоящему близки, так близки, как больше никогда близки не были. Еще очень долгие четыре года.

То, что происходило после похорон, Даша потом вспоминала по суматошным деталям, собирая части мозаики в целую картину.

Ее пригласили на оглашение завещания дяди Олега. И из этого она запомнила лишь три вещи.

Часы в кабинете дяди Олега перестали размеренно стучать, остановившись в половине десятого вечера.

Дождь молотил в стекла так, будто хотел ворваться внутрь, перевернув вверх дном устоявшуюся жизнь.

И Антон был холоден и мрачен, застыв около стола отца в замкнутой позе, скрестив руки на груди. Брови его были нахмурены и сведены, губы поджаты, а испепеляющий взгляд из-под опущенных ресниц был устремлен на нее.

Она даже не обратила внимания на адвоката, Геннадия Павловича, который, поправив очки, стал зачитывать завещание Олега. Она, бросив беглый взгляд на Антона, смотрела в окно, на разгулявшуюся там стихию...

— ...Квартира, дача в Подмосковье, так же коллекция книг собственно авторства Олега Витальевича Вересова...

На уныло и непривычно молчащие часы...

— ...поручая опеку над Дарьей Кирилловной...

На Антона и его мрачное лицо, которое вмиг стало еще мрачнее...

— ...до достижения ею восемнадцати лет...

Возглас Антона, неожиданный и... возмущенный. Парень даже вскочил со стула, на который присел.

— Что?!

А потом вдруг услышала, что сказал адвокат.

— ...дело в том, что Олег Витальевич за несколько месяцев до своей смерти... удочерил Дашу.

И мир вновь переворачивается для нее.

Медленно она переводит невидящий взгляд на Антона. Сердце так дрожит в груди, что, кажется, сейчас вырвется изнутри. И этот стук в ушах, кровь колотится в висках, разрывая капилляры. И все шумит, гудит, звенит, кричит... Врывается в нее одной брошенной фразой, врезающейся в ее сознание.

Антон застыл, не веря услышанному и бездумно глядя в пространство. Вместо слов в ушах стоял дикий вой сирены, которая отчаянно и рьяно возвещала об опасности, беде, надвигающейся катастрофе. Он не желал, он отказывался верить в то, что услышал, отменяя

прочь даже возможность подобного расклада.

Этого не может быть!..

— Простите... что вы сказали? — не веря, уставился он на адвоката.

— Даша теперь официально приходится ему дочерью, — повторил тот и пристально посмотрел на молодого человека. — И именно вас, своего сына, он просил стать ее опекуном...

— Ее опекуном?! — он закричал, сам не понимая того, что кричит.

— Это была его последняя воля, — твердо сказал Геннадий Павлович. — Не мне ее оспаривать.

Антон тяжело вздохнул, ощущая, как стучит в груди сердце.

— И не мне, — шепотом пробормотал он.

Всё вдруг встало на свои места. Вот о чем говорил отец, вот на что намекал, вот к чему его готовил. И не просто так велись эти, казалось, не нужные, совершенно бесполезные разговоры об этой девчонке. Он думал лишь о ней даже в последние дни своей жизни. И сделал для нее такое, на что пойдет не каждый! Ради нее. Ради того, чтобы защитить ее, уберечь, быть уверенным, что о ней будет кому позаботиться.

И он возложил это на него.

Антон едва не задохнулся от осознания того, что произошло.

Отец знал, что не добьется от него ничего приказом или просьбой, но воля умершего — закон. По крайней мере, для него. И отец знал это. Он, черт побери, знал, что Антон не сможет отказать ему в этом!

Но он не мог смириться, не мог согласиться с тем, что для него подготовили. Стать опекуном девчонки, которую терпеть не может?! Которую ему даже видеть неприятно?! Которая отняла у него все?!

Он не сможет, он просто не вынесет этого. Не сейчас, когда еще так свежа память, и воспоминания настойчиво колотятся в мозг, возвращая его в прошлое. Туда, где он еще был вместе с отцом. И в то прошлое, в котором появилась она... все разрушив!

И тогда он сделал то, за что после презирал себя долгие годы.

Обратился за помощью к человеку, просить о помощи которого следовало в самую последнюю очередь.

— Маргарита... Львовна?

Он застал ее в кухне, где она, вытирая слезы платком, стояла у плиты. При его появлении вздрогнула, обернулась.

— Антон? — кажется, она удивилась, увидев его. — Это вы? Я думала, может... Даша, — она избегала смотреть ему в глаза, а потому, уставившись в пол, проговорила: — Вам что-то нужно? Чего-то хотите?

И он решил. Именно в этот момент сделал шаг в пропасть, еще один, последний шаг навстречу безумию. Заглушил в себе надрывающийся до хрипоты голос совести, сердечности и милосердия, заставив их подчиниться холодности, равнодушию своей новой натуры, того человека, которым становился.

Подойдя к ней ближе, посмотрел на экономку пристально и очень внимательно.

— Давайте начистоту, Маргарита Львовна, — сказал он твердо, и увидел, как женщина вздрогнула вновь. — Вы можете помочь мне, я могу помочь вам. Давайте не будем осложнять друг другу жизнь.

— Не понимаю, — начала взволнованно экономка, — о чем вы...

— Мой отец, — перебил ее Антон, — оставил девочку под мою опеку, — парень опустил взгляд, стиснув зубы. — Я этого не ожидал, конечно же. Да и не хотел, чего уж скрывать? Но это его последняя воля, а ее я не в силах оставить без внимания, — Антон чертыхнулся. — Он знал, что именно в ней я не смогу ему отказать!

— Вы... стали опекуном Даши? — уставилась на него Маргарита Львовна.

— Да, — рыкнул Антон. — Но я не хочу быть ее опекуном, — он заглянул ей в глаза и поправил себя: — Не могу. Я учусь в Лондоне, она живет и будет жить в Москве, мне никак не управиться с ней самому, — его взгляд стал тяжелым и тугим.

Маргарита Львовна сжалась, втягивая плечи. Посмотрела на него заплаканными глазами.

— И что же вы... думаете делать? — отважилась спросить она.

— Я вам плачу за труды, оплачиваю содержание Даши, а вы заботитесь о ней. Вместо меня, — выпалил парень, не отрывая от женщины внимательного взгляда. — Вы живете в этой квартире вместе с ней, разумеется. Занимаетесь ею, как нянька... Снабжаете всем необходимым, кормите, одеваете, водите в школу. И получаете за это... неплохие деньги. Что скажете? — холодный взгляд почти впивается в нее стальным клинком. — Вас устраивает такой расклад?

Она раздумывала не более минуты. И дала тот ответ, который он и надеялся от нее получить.

— Я согласна.

Но почему-то вместо яркого облегчения его накрыла волна опустошения и презрения к самому себе. Но он отмел прочь эти мысли, заглушая их вместе с внезапно проснувшейся совестью.

Осталось лишь сообщить о своем решении самой Даше. И он откладывал этот момент как только мог. Но отворотить неизбежное было не под силу и ему. Этот день рано или поздно должен был настать.

Они почти не встречались со дня оглашения завещания отца, она скрылась куда-то сразу же после того, как он опрометчиво выкрикнул адвокату, что не собирается о ней заботиться, и приказал не показываться ему на глаза.

Он думал, что найдет девочку в комнате, но ее там не оказалось. Обнаружил он ее сидящей на подоконнике в кабинете отца, и ноги, едва он сделал шаг в комнату, стали ватными.

— Даша?.. — голос сиплый и словно бы чужой.

Она не ответила. Даже не обернулась.

— Дождь идет, — зачем-то сказал Антон, не подходя к ней ближе.

Его охватил не просто озноб или испуг, а настоящий страх. В горле вырос острый комок, мешающий говорить, а сердце колотилось в груди, давя на грудную клетку. Холодок пробежался вдоль позвоночника, а затем горячая удушливая волна жара ударила в лицо. Антон сглотнул, но так ничего и не сказал.

Зато заговорила девочка. Плечи ее напряглись, колени дернулись.

— Ты улетаешь в Лондон? — спросила она с видимым безразличием, так и не повернувшись к нему.

— Да, — он сделал шаг вперед и застыл. — Рейс завтра в шесть утра.

— Бросаешь меня, так?

Эти слова прозвучали обвинением в его адрес, и Антон возмущенно нахмурился.

— Не бросаю, а просто оставляю на попечение Маргариты Львовны, — возразил молодой человек.

— Что?.. — выдохнула она изумленно и резко обернулась к нему, пронзив колким взглядом. — Ей?.. — прошептала она сухими губами, и как-то зло добавила: — А это не одно и то же?

Антон поджал губы, ничего не ответив, борясь с желанием начать оправдываться, тем самым доказывая свою вину.

— Наконец, твоя мечта сбылась? — резко спросила она и посмотрела на него, гордо вскинув подбородок.

Антон напрягся, выпрямился, стараясь стать еще выше ростом, сделал нетвердый шаг к ней.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурившись, спросил он.

— Ты избавляешься от меня, — разделяя слова, сказала девочка. — Как всегда и желал.

И он не выдержал, сорвался.

Лгать больше не имело смысла, ни ему, ни ей. Не было больше того, ради кого стоило бы это делать.

— Думаю, сейчас не стоит делать вид, что мы с тобой лучшие друзья! — фыркнул Антон, подойдя к ней ближе. — Да, я не желаю тебя воспитывать! — взмахнул рукой. — Этого мне только не хватало! Да я никогда и не лгал по этому поводу. Даже... когда отец был жив, — голос его стал тише, взгляд метнулся в сторону.

А Даша продолжала резать его ножами слов, упреков и едких обвинений.

— Ему бы это не понравилось, и ты это знаешь, — сказала девочка, поджав губы.

— Я улетаю завтра, — игнорируя ее слова, сказал Антон. — Тобою будет заниматься Маргарита Львовна, все свои просьбы ко мне изъясляй через нее, если что-то понадобится, тоже сообщай ей, — не обращая внимания на ее твердый, презрительный взгляд, продолжал молодой человек. — Ты будешь жить в этой квартире, отец прописал тебя в ней. Школу окончишь свою, конечно же. Со мной общаться не нужно, это излишне, и, мне кажется, ты и сама это понимаешь, — посмотрел на ее побледневшее лицо с горящими на нем черными глазами и застыл.

— Как можно меньше контактов с тобой, так? — иронично спросила девочка, еле сдерживаясь от крика.

— Так, — вызывающе ответил он. — Это ни к чему ни мне, ни тебе, — он бил словами так же, как и она, и оба страдали от этих ударов. — Я выполню просьбу отца и позабочусь о тебе до твоего совершеннолетия.

— Какой кошмар, — саркастически, горько выдала Даша, — еще целых шесть лет! Как же ты справишься?!

Антон зло посмотрел на нее, но на ее реплику ничего не ответил.

— После того, как тебе исполнится восемнадцать, я умываю руки от твоей жизни. Будешь сама о себе заботиться. Всё поняла?

Даша молчала, жестко сжав губы и насупившись.

— Я спрашиваю, всё поняла? — с нажимом повторил Антон.

— Поняла! — выкрикнула девушка. — Иди, гуляй на все четыре стороны, никто тебя здесь не держит! Ты, как и три года назад, опять сбегаешь! Когда ты уже повзрослеешь и примешь свою жизнь такой, какая она есть!?

Он не думал, что какие-нибудь ее слова смогут задеть его сильнее, чем эти...

— На этот раз я тебя прощаю, — прошипел он сквозь зубы, сжимая руки в кулаки, — но в следующий раз, если он повторится... ты за свои слова ответишь! — бросил на нее последний жесткий взгляд и рыкнул: — Счастливо оставаться, — и направился к двери.

А вслед ему раздалось отчаянное, разочарованное, обиженное:

— Скатертью дорога! Надеюсь, мы никогда больше не увидимся с тобой!

Он застыл в дверном проеме спиной к девочке, борясь с желанием ответить, будто раскалывавшим его надвое в своем нелепом, безумном стремлении не уступить, но, выпрямившись гитарной струной и втянув плечи, решительно двинулся вперед, захлопывая за собой дверь.

И уже не слышал того, как Даша, причитая и глотая проклятия, кинулась на диван и разрыдалась.

2 часть

Москва, весна 2006 года

17 глава

Адвокат задерживался, и это обстоятельство бесило Антона, вынуждая его то и дело поглядывать на часы. Он хотел решить все проблемы и уладить формальности сейчас, не откладывая в долгий ящик то, что можно было обговорить за пару часов, а оттого злился, раздражаясь с каждой секундой все сильнее.

И мрачное настроение, уже уверенно зашкалившее на минусовой отметке, стремительно катилось вниз вместе с минутной стрелкой, неукоснительно тянувшейся к новой цифре, приближаясь к пяти часам вечера.

Поминки закончились почти час назад, именно тогда Антон, уверенный, что предоставленного времени было достаточно, чтобы помянуть Маргариту Львовну, решительно, но довольно тактично выставил почти незнакомых себе людей из квартиры отца и остался один.

Взгляд метнулся в сторону, где почти неподвижно, не выражая никаких эмоций на бледном лице, застыла худенькая невысокая девчущка, облаченная в безобразное тряпье черного цвета.

Антон поморщился и, сведя брови, отвернулся к окну, боковым зрением уловив, как изогнулись девичьи губы в подобие то ли улыбки, то ли усмешки.

Этот вынужденный тет-а-тет не радовал, да по сути и не мог радовать обоих. Слишком запоминающейся оказалась их последняя встреча. Именно здесь, в этом кабинете четыре года назад. Как напоминание.

И точно так же шел дождь, монотонными ударами колотясь в стекло. И она точно так же сидела у окна, невозмутимая и, казалось, ко всему равнодушная, уверенно спокойная и холодная, и молчала. И Антон точно так же, как и тогда, не знал, что сказать. Как начать разговор, какие слова подобрать, что будет уместным, а о чем не следует и упоминать. Он не знал. Как и четыре года, не знал. Не знал эту девчонку!

Казалось, трех лет должно было хватить на то, чтобы выяснить о ней все, но ему не хватило. Потому что он отметал любую возможность подобных знаний, считая их бессмысленными и алогичными для себя.

Антон хмурился все больше, осознавая свои прошлые упущения. И постыдное чувство дискомфорта, усиливающееся с каждой минутой в геометрической прогрессии, отчаянно действовало на нервы.

А эта девчонка, Даша, своим немым равнодушием, откровенной холодностью и выразительной невозмутимостью вызывала в нем лишь новую волну раздражения. В первую очередь на самого себя, — почему он не может быть так же спокоен, как и она!? Черт возьми, ведь сдерживает он как-то эмоции и борется с раздражением на заседаниях дел, которые ведет?! Усмиряет и нервы, и чувства, и злость, держит все под контролем! Почему же сейчас не может взять себя в руки?!

Может быть, все дело в ней?.. Что-то в ней было недоступным для него и непонятым, как если бы она накинула на себя чадру, намереваясь скрыть лицо, оставляя его ищущему взору лишь смеющиеся, вызывающие глаза цвета дегтя. И холодный, равнодушный взгляд, прикованный к усыпанному дождевыми каплями окну...

И не то чтобы его волновала эта девчонка сама по себе, он был бы рад с ней никогда не встречаться, но из памяти до сих пор не выходил их короткий разговор на кладбище. Слишком сильно его задела ее откровенно резкие слова, такие четкие, словно отшлифованные, острые, но правдивые.

Эта девчонка бросила ему вызов. И он его принял. Даже не подозревая о том, что заочно уже проиграл.

Он не мог с определенностью сказать, изменилась ли она с течением времени, потому что мало обращал внимание на то, как она выглядит, годы назад. Он помнил лишь ее глаза и светящийся в них упрек, даже обвинение, хлесткое, открытое обвинение, и еще что-то похожее на злость и негодование. А он сейчас отметил и ее худенькую, еще не сформировавшуюся фигурку, и темные волосы, схваченные на затылке в хвостик, и острые скулы и полные губы, и даже шрам на подбородке, тонкой змейкой тянувшийся к шее и исчезающий за воротничком серой водолазки.

Тринадцать. Четырнадцать — с очень большой натяжкой, но никак не шестнадцать! И это тоже удивляло — ее физическая незрелость вперемешку с абсолютной зрелостью взглядов и суждений.

Нервно постукивая пальцами по столу и бросая мимолетные взгляды на окно, исполосованное тонкими струйками начавшегося дождя, Антон то и дело поглядывал на застывшую в кресле рядом с ним девушку, дивясь ее спокойствию.

Она держалась совершенно свободно, даже, пожалуй, раскрепощенно. Гордо вскинув подбородок и расправив плечи, из-под опущенных ресниц смотрела в окно, порой бегло пробегая глазами по стенам, увешанным дипломами и грамотами профессора Вересова, рамками с фотографиями и картинами, и вновь возвращалась взглядом к окну.

Антону не нравилось, что она так и не взглянула на него. Ни разу с того момента, как они прошли в кабинет отца. Гордо выпрямив спину и напрягшись, она смотрела, куда угодно, но только не на него. словно его и не было вовсе. И через несколько минут утомительного молчания это стало его раздражать.

Сначала он хотел с ней заговорить. Наверное, еще в тот миг, когда они ехали в машине, хотел. Но так и не решился начать разговор. Или не то чтобы не решился, а просто не знал, о чем с ней можно поговорить. Ее слова, брошенные ему запальчиво и гневно, казалось, смогли пробить брешь в его броне, которую он носил уже четыре года.

Она сказала, что ненавидит его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И это почти выбило почву у него из-под ног, взметнув в нем бушующий ураган слепящих ощущений, рвущихся изнутри раскаленной лавой. Никогда еще ее мысли не реализовывались в подобного рода слова, хотя причин для их выражения даже четыре года назад было достаточно. И это задело. Сильно. Но почему?! Казалось, ему должно быть все равно, разве нет!? Кто она такая, чтобы хоть единое слово, ею сказанное, принимать столь близко к сердцу?! Подопечная его отца? Его... Черт побери, приемная дочь!? Но это служит лишь еще одной причиной его предвзятого к ней отношения, а не попыткой принять ее в свой круг!

Разве можно осуждать его за то, что он так и не смог признать в себе добрые чувства по

отношению к ней!? И сколько раз, просыпаясь среди ночи, думал о том, что сказал бы отец об его поступке по отношению к девчонке? Осудил бы? Понял? Вынудил все исправить? Но так и не смог перешагнуть через себя и свою боль? Заикнулся на себе и своих задетых чувств, плевав на то, что чувствует она?! Но разве был у него повод думать о ней?! Только потому, что ее любил отец, он тоже должен был ее полюбить?.. Антону не казалось, что должен. Он не смог. И считал, что попытки сделать это достаточно. И его не успокоившейся даже за четыре года совести тоже.

На большее ей по-прежнему не стоило рассчитывать.

Впрочем, как и Антону не стоило рассчитывать на нечто большее, чем ее презрение. И он не рассчитывал. Ему было почти все равно. Почти... Если бы не вызов, читавшийся в ее глазах, и взбудораживший все его существо.

Гордая, вызывающе гордая и твердо стоящая на ногах девочка, уверенная, что имеет право с ним бороться сделала свой выпад. И устояла на ногах. Уязвила не только его самолюбие, но и задела защитную броню его души.

До квартиры, где адвокат должен был с ними встретиться, они доехали на машине Антона, и Даша за все время пути не проронила ни слова, казалось, все, что хотела, высказав ему еще на кладбище, — в паре колкий, жестких фраз. И сейчас тоже молчала, будто объявив ему бойкот, что необъяснимо его раздражало.

До боли стиснув зубы и сведя брови, Антон сжал руки в кулаки, ощутив, как ногти впились в ладони.

К середине дня пошел дождь, превращая солнечное утро в пасмурный и обыденный день апреля, и мужчина, поглядывая на усеянное дождевыми струйками стекло, горел желанием скорее покончить со всеми делами.

Бросив быстрый взгляд на девчонку, Антон отметил, что ее бровки взметнулись вверх, а губы иронично скривились.

Нахмурившись еще сильнее, молодой человек втянул в себя воздух сквозь плотно сжатые губы.

Неужели она так и будет молчать?!

— Может быть, ты скажешь хоть слово? — раздраженно воскликнул он, глядя на Дашу сужившимися глазами.

Девочка нарочито медленно перевела взгляд на него, словно проткнула его иглами.

И сердце его предательски дрогнуло. Опять — вызов, он его узнал, он его почувствовал.

— Какое? — с расстановкой проговорила она и поджала губы.

— Не понял.

— Какое слово мне сказать тебе? — охотно объяснила девушка.

Черт ее побери! Словно ему нужно с ней разговаривать! Словно он ей навязывается!

— Ты могла бы сделать вид, что грустишь об ее кончине, — раздосадованно воскликнул мужчина.

Даша нахмурилась и покачала головой.

— Это не так, — отрезала она. — Зачем же я буду притворяться?

Ее слова заставили его изумленно взирать на нее и не понимать, что происходит. Уже за те минуты, что он провел с девушкой, осознание того, что она не грустит о смерти Маргариты Львовны, его удивила. Он терпеть не мог непонимания, а сейчас... это непонимание того, что произошло, его просто бесило.

Как так могло произойти, что девушка не грустит о кончине женщины, которая

заботилась о ней столько лет?!

Один плюс, в прямолинейности ей не откажешь, подумал Антон, напряженно выпрямившись.

— Что между вами произошло? — напрямую спросил он, пронзая ее глазами.

Гордо вскинув подбородок, девчонка нагло фыркнула.

— Стоило побеспокоиться об этом немного раньше, — насмешливо протянула она, стараясь за лживой улыбкой скрыть едва заметную обреченную грусть. — Тогда, возможно, тебе не пришлось бы в голову задавать подобные вопросы.

— Ты не можешь просто ответить? — вдруг взорвался мужчина. — Обязательно говорить загадками?

— Для меня твои вопросы звучат откровенной глупостью, — спокойно отозвалась Даша. — А потому не считаю нужным на них отвечать, — и прежде чем Антона смог ей возразить, резко добавила: — Я жалею лишь о том, что мы вновь с тобой встретились! Я думала, этого никогда больше не произойдет.

— Ты...

— Извините, что заставил вас ждать! — послышался громкий, но немного хриплый мужской голос, ворвавшийся в кабинет Олега Вересова потоком свежего воздуха и погасивший искры воспламеняющегося кострища.

Антон и Даша вздрогнули почти одновременно и перевели взгляды в сторону двери, в проеме которой возникла высокая фигура пожилого мужчины в дорогом сером костюме с дипломатом в руках.

— Геннадий Павлович, — сухо поприветствовал его Антон и привстал с кресла, чтобы поздороваться.

— Антон, — проговорил мужчина, слабо ему улыбнувшись, перевел взгляд на девушку, вновь застывшую в кресле. — Даша, рад тебя видеть, — прошел к столу и извинился. — Прошу простить, что задержался, дела, сами понимаете, да еще пробки на дорогах, — раскрыл свой дипломат, доставая из него какие-то бумаги.

— Ничего, ничего, — промычал Антон, бросив колкий взгляд в сторону Даши. — А как вы вошли?..

Геннадий Павлович сверкнул белозубой улыбкой.

— У вас было не заперто, — простодушно ответил он. — Мог бы укорить вас за подобную опрометчивость, но, полагаю, вы ждали меня, поэтому и не закрылись? — он бросил быстрый взгляд на Антона, перевел взор на Дашу, затем вновь остановился на Вересове. — Ведь так?

Антон резко кивнул и, нахмурившись, нетерпеливо попросил:

— Давайте перейдем к делу, — поджав губы, еще раз посмотрел на девчонку, никак не прореагировавшую на его слова. Нахмурился еще сильнее, а потом добавил: — Хотелось бы покончить со всеми проблемами.

Даша громко хмыкнула, губы ее скривились, брови взметнулись, но сама она не произнесла ни слова.

Антон помрачнел, глаза зло блеснули, а Геннадий Павлович, тактично откашлявшись, сделал вид, что ничего не заметил. Достав из дипломата нужные бумаги, он посмотрел на Антона из-под стекол очков.

— В общем-то, — начал он, — тут и говорить не о чем. И вы, Антон, как юрист, сами должны понимать, как мы можем решить все... — он на мгновение запнулся, — все...

проблемы.

— То есть? — сощурившись. поинтересовался молодой человек.

— Насколько нам всем известно, — сказал адвокат, — завещание Олега Витальевича...
вернее, та его часть, что касается Дарьи Кирилловны, — быстрый взгляд на Дашу и вновь в глаза Антона, — не выполнена окончательно. Ведь Даше еще нет восемнадцати, — мужчина неопределенно качнул головой. — Насколько мне известно, данное событие случится лишь через два года?..

Слова врезались в него стремительной горячей волной, и Антон уставился на Геннадия Павловича.

— И что это значит? — со звонкой медлительностью протянул молодой человек.

Тот открыл рот, чтобы ответить, но Даша, стремительно вскочившая с кресла, в котором сидела до этого тихо и безропотно, молчаливо слушая разговор двух мужчин, всем своим видом показывала, что молчать более не намерена.

— Это значит, что я вновь оказалась на твоей шее! — выпалила она, резко, ядовито, сквозь зубы.

Пронзив Антона ядом не только слов, но и глаз, девушка не отвела взгляда даже тогда, когда Антон ответил на ее вызов. Он встретил ее выпад с гордо вскинутой головой, но последующие ее слова заставили его плотно поджать губы, признавая свое бессилие перед ее аргументами.

— На кого ты скинешь меня в этот раз?! — словно выплюнула она, окатив его презрением.

Мужчина напряженно выпрямился, ощущая, что пульс забился в запястьях ударным молотом.

— Я тебя не скидывал, — по словам проговорил Антон, напряженно и тяжело дыша.

— А как это называется?! — скептически воскликнула Даша, не отводя от него взгляда. — Оставил на время?!

— Ты не...

— ...На четыре года!

Острый взгляд глаза в глаза. Смешанное дыхание, ее и его. Злость и ярость, презрение и боль, обида и ярость.

Он дышал тяжело и часто, казалось, вот-вот задохнется от собственного дыхания. А она, пронзая его взглядом, сжимала ладошки в кулаки с такой силой, что заболели пальцы. Он молчал, неспособный подавить в себе гнев, вырывавшийся сейчас через нос горячими вдохами-выдохами. И она молчала, потому что не могла успокоить громко колотившееся в груди сердце, боясь, что оно разорвется на части от эмоций.

Мгновение, превратилось бы в вечность, но горячий порыв чувств рванул через края плотины.

— Не перебивай меня, — по слогам проговорил Антон, сдержанно и жестко.

И Даша, словно его не слыша, продолжала гнуть свою линию, доказывая свою правду.

— Ты даже имя мое произносить боишься! — выпалила она ядовито. — Оно тебе противно?

Он и не заметил, как руки его, дрогнув, сжались в кулаки, а веки, отяжелев, опустились.

— Не собираюсь обсуждать это с тобой, — отрезал мужчина. — Не здесь и не сейчас.

Девушка не удостоила его ответом, лишь саркастически фыркнула и, скрестив руки на груди, повернулась к Антону спиной. Ее напряженная спина абсолютно полно выражала ее

отношение не только к нему самому, но и к тому, что происходит.

И ее заблаговременная уверенность в том, что он сделает, скажет и как поступит, выводила Антона из себя.

Смерив девушку быстрым взглядом из-под бровей, он посмотрел на адвоката.

— Что нам делать, Геннадий Павлович? — обратился он к поверенному, застывшему около стола.

Немного помолчав и откашлявшись, тот произнес:

— Что делать... хм... что делать, — он кашлянул и, поправив очки, съехавшие на нос, перевел взгляд с Антона на Дашину спину, затем опять на Антона, и, неестественно дернув плечами, проговорил: — Поскольку Дарье Кирилловне, как я уже говорил, еще нет восемнадцати... и она не совершеннолетняя... — он помедлил, словно подбирая слова. — Да и завещание вашего отца не выполнено окончательно... — наверное, это была шпилька в его адрес, потому Антон и подобрался, а адвокат продолжал: — Полагаю, что вам стоит самому взять воспитание Даши под свой контроль.

— Это как?.. — не понял Антон.

— А ему это надо, сначала спросите? — воскликнула девушка, резко поворачиваясь к мужчинам лицом. — Он никогда меня знать не желал. Если бы не дядя Олег, я бы давно закончила жизнь в сточной канаве.

— Ты можешь помолчать?! — раздраженно воскликнул мужчина, зло сощурившись.

— А то что? — гордо вскинув подбородок, осведомилась девушка.

Она его не боялась. Ничуть. Смотрела так же пристально и внимательно, глаза в глаза, как и на кладбище. И это его бесило. Отчаянно действовало на нервы. Черт побери, почему она так действует на него?!

Он не успел ей ничего ответить, девчонка вновь опередила застывшие в его горле слова.

— Ради разнообразия накажешь меня тем, что выполнишь условия завещания отца и станешь сам за мной следить?!

И он, не раздумывая, сам не осознавая всего смысла своих слов, выпалил:

— А если и так?! — решительно сделал к ней твердый шаг, нависнув над девушкой каменной стеной. — Что ты тогда будешь делать? — у него еще хватило глупости насмеяться над ней?! Вот же!

Застигнутая врасплох, Даша, казалось, не знала, что сказать. Глаза ее, метнувшись в сторону, блеснули, и горящие в них искорки убедили Антона в том, что она не верит в силу его слов и обещаний. Думает, что он блефует!? Ресницы ее дрогнули, глаза сузились, а губы, плотно сжатые, жестко выдавили:

— Ты не сделаешь этого, — решительно, звонко. — Не рискнешь, — ее жесткий и уверенный взгляд прожег его глаза. — Не рискнул четыре года назад, и сейчас тоже не сможешь.

И эти слова решили все. Для Антона. И для нее самой тоже.

Не отводя от нее пронизывающего взгляда, Антон обратился к адвокату сквозь плотно сжатые губы:

— Геннадий Павлович, полагаю, проблема решена, — и не успел тот возразить, добавил: — Я сам разберусь с этим.

Даша ошарашенно взирала на него, не веря в то, что Вересов говорит серьезно. Губы ее подрагивали, ресницы почти касались щек, так сильно были сужены глаза, а грудь вздымалась часто от вибрирующего в ней сердца.

— Можете быть свободны, Геннадий Павлович, — услышала она, как сквозь сон, голос Антона, тихий, но твердый.

Изумленно посмотрела на адвоката, застывшего с открытым ртом, перевела взгляд на мужчину, нависшего над ней.

— Ты ведь говоришь несерьезно? — спросила она, подозрительно сощурившись. — Ты сбежишь! Как сбежал тогда, четыре года назад.

— Посмотрим, — холодно и почти равнодушно отозвался Антон.

— Ты не останешься, — с уверенностью заявила она, глядя на него удивленно. — Это слишком тяжелая ноша для тебя.

— Посмотрим, — повторил он.

И Даша не выдержала. Сжав руки в кулаки, метнулась к двери.

— Что ж, посмотрим! — воскликнула она, хватаясь за ручку. — Могу спорить, что от тебя и следа не останется уже через месяц! — она поймала его гневный, предупреждающий взгляд, но проигнорировала его. — Но... мы посмотрим, как ты сказал. Посмотрим! — и выскочила из кабинета, сильно хлопнув дверью.

Прижавшись к стене, постаралась успокоить бешено бьющееся сердце, но сделать этого так и не смогла.

А Антон, изумленный не меньше нее, застыл, как вкопанный, в кабинете отца, глядя на закрывшуюся перед ним дверь. Сердце его грохотало в груди, а пульс яростно врывался в виски, раскалывая мозг на части. Руки неожиданно задрожали, мужчина ощутил это даже в кулаках.

Черт побери, на что он только что подписался?!

— Антон, — услышал он, как сквозь туман, голос Геннадия Павловича. — Прошу вас, не делайте глупостей. Даша очень хорошая девочка, не обижайте ее, — мужчина тронул Антона за плечо, несильно его сжал. — Она не заслужила больше страданий, чем их перенесла. Поверьте мне.

И он поверил. Не сразу, не в тот самый момент, когда услышал, но не осознал смысл слов адвоката, и не в тот миг, когда за мужчиной захлопнулась дверь кабинета, а он, опустошенный и уставший, присел на диван, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Поверил он в это много позже.

И к счастью для Антона, время в этот раз играло за него.

18 глава

Только спустя время Антон понял, что натворил. Своими необдуманноными словами. Черт побери, в один миг перевернул весь свой прежний мир вверх дном! Собственноручно, как безумец, вынудил себя сдаться и пасть ниц перед шестнадцатилетней девчонкой!

Она, черт побери, бросила ему вызов. И он его принял. Принял, как если бы от этого зависела его жизнь. И ведь, действительно, зависела. Только жизнь та, прежняя, вдали от нее, в благоразумном неведении оттого, что с ней творится. Та жизнь, которая теперь осталась в прошлом. Жизнь, в которой он существовал уже четыре года, изменившийся, пересмотревший все свои ценности и ориентации мужчина.

И в той, прежней жизни, ему было плевать на Дашу.

Глубоко втянув в себе воздух сквозь сжатые губы, Антон закрыл глаза, сведя брови к переносице.

Как бы цинично это не звучало, но так и было: его не интересовало, как она живет, что с ней, как она взрослеет. Его вообще не волновало, что с ней происходит без него. Сначала интересовало, да. Несколько месяцев, год, полтора... а потом — перестало. Он считал, что сделал свое дело в тот момент, когда решил о ней позаботиться. Да, не сам, да, с помощью постороннего человека, но все же позаботился! Решился, отважился, хотя и было сложно. Ему пришлось переломать самого себя, чтобы выполнить обещанное.

Разве можно сказать, что он не выполнил условия завещания отца? Он злился на него лишь несколько часов, в течение которых мерил шагами комнату, не находя себе места в этом огромном мире, оставившем его один на один со всеми проблемами и заботами безразличного к чужим бедам и несчастьям города.

Разве не позаботился о ней? Хотя столько раз повторял себе, уговаривая, что ему некогда, ему незачем, в конце концов, возиться с ней. Кто она ему? С чего ей такая честь?!

Разве оспорил он последнюю волю отца? Ведь ему так отчаянно хотелось сделать это. Отбросить прочь любые сигналы морали и нравственности, благословенной совести, которая скреблась в сердце ноющей болью. Но он не сделал того, что желал, а поступил согласно воле самого дорогого для него человека.

Разве отказался он от того, чтобы заботиться о ней, пусть и посредством Маргариты Львовны?! Он не бросил ее на произвол судьбы, не отправил в приют, хотя имел на это все основания, множество причин и кучу оправданий своим бездушным действиям, он заботился о ней. Да, наверное, заботился не совсем так, как ожидал от него отец, но ведь заботился! Все эти гребанные четыре года заботился. И сейчас... тоже.

Хотя, по сути, ему было плевать на нее. Он мог бы оставить ее одну, без гроша в кармане, без крыши над головой, без средств к существованию... И когда не сделал этого, а взял «под свою опеку», он вовсе не считал себя героем, эдаким рыцарем или спасителем бедной сиротки.

Это была не его воля, не его желание, не его прихоть. Он делал лишь то и так, как считал правильным.

Он не проникся к ней чувствами, у него не было на это ни времени, ни особого

желания. У него никогда не возникало и мысли о том, чтобы наладить с ней отношения, постараться ее понять или принять то отношение, которое оказывал ей отец. Ему было это не нужно.

Да, как бы грубо и жестоко это не звучало, но ему было все равно, что с ней происходит!

Но он никогда не лгал ей. Не лгал отцу. Не лгал он и самому себе тоже. Все его чувства к ней всегда были, как на ладони, написаны на его лице, прочтены во взгляде, замечены в мрачности лица.

Все те годы, что ему приходилось общаться с ней, он мечтал о том дне, когда девчонка уйдет. Исчезнет из его жизни, словно ее и не было. Да, жестоко... Но кто вернет ему детство? То детство, которое он заслужил?! Он, как и она, был его достоин. А что получил? Загубленное детство, украденную юность, искалеченную взрослость, израненную прежними страданиями и обидами.

Был ли он эгоистом? Да, наверное, был. Эгоистом, которому не нужно было ничего, кроме одного, — любви отца, которую у него отняли. Да, он эгоист. Эгоист до мозга костей. Но кто бы не был им на его месте?! Все те, кто откровенно и яростно насмеялись, обвиняя его в черствости души, очевидно, никогда не оказывались на его месте, чтобы так отчаянно защищать то, о чем не имели представления.

У его эгоизма был предел. И он закончился с появлением в их доме этой девчонки с улицы, незнакомки.

И с тех самый пор, как она появилась, он мечтал лишь о том, чтобы она исчезла.

Но один лишь пункт в завещании отца перечеркнул все его желания, все то, на что он мог рассчитывать. И освобождение от груза прошлого оказалось настолько же мнимым, как и белесая проволока радуги после дождя. Недосягаемая, дымчатая, расплывчатая надежда рассеялась в одно мгновение, оставляя след обиды.

Но даже в тот момент, когда он, терзаемый противоречиями, былыми обидами и детским, еще не утраченным эгоизмом, узнал, что его ожидает, он не отвернулся от этого окончательно.

Он ее не бросил. Не оставил на произвол судьбы. Он позаботился о ней, что бы не говорил Геннадий Павлович, что бы не твердила ему сама Даша! Да, он именно позаботился. Потому что, в конце концов, он не был обязан делать этого. Она ему — никто. И сам факт того, что он пришел ей на помощь, уже о многом должен был говорить.

Неужели нужно было ожидать от молодого парня, что он кинется к ней с распростертыми объятьями, радуясь, что теперь ненавистная девчонка повиснет на его шее!? Ему в тот момент не было еще и двадцати двух! Он потерял отца, оказался один в целом мире. Да, возможно, он был в более выгодном положении относительно той же Даши, но разве волновали его ее проблемы, когда у него появилось так много своих?!

Черт возьми, никто не имел права осуждать его за то, что он ушел тогда. Что уехал назад в Лондон. Что скинул заботы о девчонке на шею постороннего человека. Никто не имел на это права, потому что никто не был на его месте, и не знал, как тяжело ему было в тот миг.

Он не был готов к тому, чтобы стать ее опекуном, добрым старшим братцем. Он и сейчас не был готов, когда ему вот-вот готово было стукнуть двадцать шесть! Но все же... сейчас он был более подготовлен к этому, чем тогда.

Четыре года назад он оказался один, тет-а-тет со своими проблемами, бедами, невыплаканными слезами и терзаниями. Его разрывало на части, кромсало, убивало, выворачивая наизнанку все чувства и раскаляя до предела эмоции. Все взорвалось в нем,

разлетелось на тысячи частей и вновь соединилось в то, что он представлял собой сейчас. Но зарослось, затянулось, забылось, зажило... лишь спустя годы.

Он не был готов принять ее в свой круг тогда. И дело даже не в том, что он ее презирал или считал во всем виновной, поначалу даже в смерти отца виновной. И не в том, что она была девочкой с улицы без определенного прошлого, со своими «тараканами». Это уже потом стало значить для него слишком много, а тогда он и не задумывался, что она собой представляет, как человек. Он почти не помнил ее лица, только какие-то расплывчатые, завуалированные образы, спрятанные за каймой юношеских эмоций.

Все смешалось в нем тогда. И разрывающая на части боль потери, и разъедающая обида, и даже слезы, которые он осмелился так опрометчиво ей показать!

И он понял, что не в силах будет вынести ее присутствие рядом с собой. Он не выдержит, он сломается.

Раньше его рядом с ней удерживал отец, его к ней любовь, его о ней забота, а когда его не стало...

Это было концом всего. Почти конца. Почти всего. На самом деле это было лишь началом. Как жаль, что осознал он это уже спустя годы.

Сейчас, сидя в глубоком отцовском кресле и вдыхая аромат его одеколona, который, конечно же, не мог сохраниться в воздухе, а намертво впечатался в память, ему казалось, что судьба просто решила посмеяться над ним. И не сейчас, а именно тогда, четыре года назад, сделав его опекуном этой девчонки и разлучив с нею на многие годы лишь затем, чтобы сейчас вновь вернуть все на круги своя.

Чтобы заставить его заплатить по счетам. Вернуть свой долг отцу. И исполнить его последнюю волю.

Распахнув глаза, Антон впился взглядом в пространство. За окном уже стало темнеть, покрывая город в полумрак весенних сумерек. В стоящих по соседству высотках стали зажигаться огни.

Он не мог проигнорировать волю отца теперь, когда осознал, как много это для того значило. Не мог вновь сбежать, оставив ее одну. Сейчас — не мог. Потому что сейчас у него не было причин на это бегство. Оно непременно превратилось бы в проявление слабости и трусости, даже подлости. Причем не только по отношению к ней, этой напыщенной и вызывающей девчонки, но, в первую очередь, по отношению к отцу и памяти о нем. Предать его он не мог. Еще раз — не мог. Сейчас, сидя в его кабинете, наполненном знакомыми до боли ароматами родного человека, Антон осознал это наиболее остро.

Он не оставит ее, он о ней позаботится. До ее совершеннолетия, как и просил отец. А потом...

Антон задумчиво уставился в окно, на исполосованные дождевыми струями стекла, на бушевавшую на улице непогоду, на то, как вместе со стекавшими по стеклу каплями, медленно утекала в небытие и его прежняя жизнь.

Все изменилось. В один миг. Просто так, необдуманно, неожиданно, резко и стремительно. Как-то так... незаметно ворвалось в его жизнь потоком свежего воздуха, от которого можно было задохнуться. Он почти ощущал эту потребность — дышать полной грудью, а не задыхаться от недостатка кислорода. Как-то неприятно было, непривычно, неловко от ощущения, что все изменилось. И одновременно стало вдруг по-прежнему, по-старому, как раньше... Когда еще отец был жив.

Как ни странно, но именно здесь Антон чувствовал себя... своим. Здесь даже дышалось

иначе, чем в его новой, недавно купленной шикарной квартире в элитном районе столицы.

Здесь был дом. И этим все было сказано.

Наверное, только оказавшись в кабинете отца, четыре года спустя после того, как был здесь в последний раз, со дня памятного разговора с Дашей, Антон понял, как ему не хватало именно этой атмосферы. Этого воздуха, живости и успокоения, которые окутывали, словно вуалью, и щемящей тупой боли в груди от потери любимого человека. Все чувства безысходности, потерянности и отчуждения нахлынули на него потоком горячего воздуха, срывая дыхание.

Сжатые в кулаки ладони вновь разжались и забарабанили по столешнице нетерпеливо и монотонно.

Он не отступится. Ни за что не сдастся на этот раз. Четыре года не должны были пройти для него даром. Он вырос. Поборол свой эгоизм. Не простил, нет, но забыл... Старался забыть боль все эти годы.

Он примет свою жизнь такой, какая она есть. Примет, смирится, выполнит то, что от него требуют, чего ждут. А потом... после этого... Он сможет вдохнуть полной грудью, освобожденный от слова, данного отцу.

Но выполнить намеченное порой оказывается не так и легко, как кажется, особенно, если в исполнении твоих планов замешаны другие люди, а не только ты один. И хотя Антон прекрасно осознавал, что будет несладко, все же не ожидал насколько все плохо.

Вечером того же дня, который он решил провести в квартире отца, они столкнулись с Дашей в дверях отцовского кабинета, и мужчина понял, насколько все исказилось и сломалось между ними.

Едва он вышел, она, заметив его, стремительно отскочила, тут же вызывающе вздернув подбородок.

Опять вызов, опять этот блеск в глазах, опять он едва сдерживается, чтобы не ответить ей тем же.

— Чего-то хотела? — сухо проговорил он, сглотнув язву и застыв в дверях, не позволяя ей пройти.

Ему показалось, что она его ничуть не испугалась. Так оно и было. Гордая воинственная амазонка.

— Хотела, — заявила девушка. — Но уж точно не увидеть тебя здесь, — ее слова словно резали ножами, и он удивился, что его это задевает. — Я думала, ты уже ушел, уехал к себе. Где ты там живешь..?

Антон знал, что ее мало интересует то, где именно он живет, она просто издевалась, но ответил:

— На Кутузовском, — и лишь плотнее налег на дверь кабинета отца, словно защищая свою территорию.

Она проследила за его движением с кислой миной на лице, поджав губы и никак не прореагировав на его замечание. Молчала. Он тоже не знал, что сказать, а потому просто рассматривал ее, пока она находилась так близко. Всего мгновение. До тех пор, пока Даша, словно почувствовав его оценивающий взгляд, не отшатнулась и не насупилась.

— И когда поедешь к себе? — после непродолжительного молчания осведомилась она, нервно постукивая носком тапочки. Волнуется? — Скоро? — скрестив руки на груди, нагло заявила: — Поверь, я уже большая девочка, и прекрасно смогу позаботиться о себе и без твоей... хм... помощи.

Ой, как же ему не понравился ее сарказм! Слишком явным, очевидным, откровенным он был.

Антон сделал быстрый шаг вперед, оказываясь к ней вплотную.

— Это мой дом, — зашипел он ей в лицо, желая спугнуть ее, но девочка не отступила от него ни на шаг.

— Я помню, — коротко и мнимо равнодушно бросила она. — Не поверишь, но в течение целых четырех лет мне только и делали, как напоминали о том, что я живу здесь лишь с твоего позволения! — ее глаза сощурились, блеснув жестким светом, а губы сжались. — Но благодарить тебя за подобную милость у меня, прости, совсем нет желания!

Сердце забилося в груди как-то неровно и рвано, а в горле встал острый ком.

— Отчего же? — нахмурившись, поинтересовался Антон, отступая назад. — Могла хотя бы попробовать.

Даша смерила его долгим, пронизывающим насквозь взглядом ядовито-черных глаз-рентгенов. И Антон едва не поперхнулся, ощутив внутри ледяной холод ее брезгливости.

— Я бы с радостью, — язвительно выдохнула Даша сквозь зубы, — но ты, позволь мне напомнить, запретил высказывать свои просьбы и желания лично тебе, свалив все на Маргариту Львовну.

Стрела попала точно в цель, укол кончики его обнаженной души ядом правды, и он не услышал последующих слов Даши, сказанных жестким, обиженным шепотом.

— А через нее я бы не попросила у тебя и на хлеб.

Антон стиснул зубы, замороженно глядя на ее бледное лицо с покрасневшими от негодования щеками.

— Зато сейчас тебе представился шанс сделать это лично, — выдавил он из себя. — Попробуй.

— Сомневаюсь, что захочу поблагодарить тебя, — резко заявила девушка, отступив на несколько шагов.

Он знал, что не стоит спрашивать, но не удержался от вопроса.

— Почему?

— Не заслужил! — бросила она и, стремительно развернувшись, направилась в свою комнату.

Ему нужно было кинуться за ней, остановить, заставить признаться, что она утаивала от него, ведь было очевидно, что она что-то скрывает, но он застыл мраморным изваянием около кабинета отца, не осознав, что она имела в виду.

Он всю ночь думал об ее обвинительных словах, но, что они означали, так и не смог понять. В голове потоком разорванных ниток, не способных собраться в клубок, кружились десятки мыслей, но ни одна не была близка к истине. Что-то крылось в словах, колких фразах, ядовитых замечаниях и действиях наглой девчонки, и неизвестность ужасно его раздражала. Ему казалось, что Даша знает гораздо больше, чем он.словно какая-то часть жизни, не только ее жизни, но и его собственной, просто ускользнула от него, прощмыгнув мимо и потерявшись в прошедших годах. И это бесило. До острой боли в груди.

Что он сделал не так, кроме того, что бросил девчонку на попечение Маргариты Львовны?

Что еще он, черт побери, сделал не так, как нужно было?!

Он надеялся выяснить все утром, вынудив ее сознаться, что она подразумевала под своими, сказанными в запальчивости словами, но утром они не обмолвились друг с другом и

парой слов, чтобы не разругаться.

Антон зашел на кухню, когда Даша уже собиралась уходить, и, присев на стул, уныло пробормотал:

— Уже уходишь? — бегло осмотрел заставленный только что испеченными блинами и чаем стол.

— Уже да, — в тон ему ответила девушка, поднимаясь со своего места.

Стиснув зубы, мужчина сощурился, отрывая взгляд от стола.

— Ты можешь нормально разговаривать?! — не выдержал он, сжимая руки в кулаки.

— Не с тобой, — бросила она и, круто развернувшись, двинулась в сторону двери.

Руки Антона задрожали, сжались, больно впиваясь ногтями в кожу ладоней, и он, не ожидая от себя подобной молниеносности и резкости, стремительно вскочил со стула и схватил Дашу под локоть, яростно развернув к себе. Грудь вздымалась, он тяжело дышал через нос, с силой втягивая в себя не воздух, а едва уловимый аромат ее духов.

Девушка застыла, опешив, и недоуменно взирала на него снизу вверх широко распахнутыми глазами.

— Что за...?

Попыталась вырваться, упершись кулачком ему в грудь и вырывая из захвата локоть, но Антон сильнее стиснул ее руку, нависая сверху каменной глыбой.

— Думаю, тебе стоит поучиться, — сквозь плотно сжатые губы выдохнул он ей в лицо, наклонившись к ней так низко, что ощущал аромат цветов, исходящий от ее кожи. Да он с ума сходит, к чертям!

— Тебе тоже, — выдала она, почти выплюнув эти слова.

Ее подбородок гордо взметнулся вверх, черные глаза окатили презрением, смешанным с обвинением.

Воздух накалился до такой степени, что его можно было поджечь, лишь чиркнув спичкой. Но он ее так и не отпустил, лишь крепче стиснул пальцы на ее руке, зажимая в стальных тисках.

— Отпусти меня, — жестко выдавила Даша, горя гневом глаз и дрожа крупной дрожью. — Сейчас же.

Голос ее был тих, спокоен, сдержан и ровен. Настолько безэмоционален, что Антон сдался. Отпустил ее, разжав кольцо своих горячих рук. А когда девушка, ощутив свободу, стремглав выскочила из кухни, не бросив на него короткого взгляда, и через минуту послышался звук захлопнувшейся входной двери, Антон, грубо и грязно выругавшись, задрожав всем телом, со всей силы ударил кулаком по столу, словно вымещая на нем свою злобу. И, закинув руки за голову, опустился на стул, сильно зажмурился.

Его бесила ситуация, в которой он оказался. Ловушка, в которую сам себя загнал. И эта девчонка... она не старалась, она даже и не думала ему помогать! Она его тоже бесила, выводя из себя.

Он не знал, что с ней делать. Он никогда не общался с людьми, которые так сильно его... ненавидели. А Даша именно его ненавидела, презирала, испытывала неприязнь, брезговала общением с ним, как с кем-то недостойным. И это его неожиданно задевало, коробило. Не то чтобы ему было не все равно, что она испытывает по отношению к нему, у них обоих были свои причины друг друга на дух не выносить, но ее открытое презрение... раздражало. По меньшей мере.

Он почти весь день промотался по городу, вместо решения дел, которые взялся вести,

думая о том, как быть с ней, со своевольной, упрямой, вызывающе гордой, сильной девочкой, ставшей теперь, если не центром, то значительной частью его жизни.

Лишь во второй половине дня, видимо, решив окончательно себя извести, сел за отчеты и дела, а потому освободился лишь в половине седьмого, когда секретарша Наташа запросилась домой. Он ее отпустил, сам же остался работать до восьми, терзая мозг чем угодно, только не мыслями о той, что ждала его в доме отца. И ему почти это удалось.

Вернулся домой поздно вечером, и, открыв дверь своими ключами, неожиданно стал невольным свидетелем того, как Даша, потянувшись к зазвонившему мобильному телефону, заговорила с кем-то весьма откровенно и открыто.

Ему бы заявить о своем присутствии, показаться, выйти к ней, но...

Дыхание замедлилось, а потом и вовсе остановилось.

Поспешно спрятавшись за шкафом, как застигнутый на месте преступления воришка, Антон замер.

— Да, мы говорили, еще вчера, — сказала девушка, тяжело выдохнув и, не замечая Антона, подошла к окну. — Вроде бы все прошло хорошо, я же тебе говорила, — вновь вздохнула. — Нет, я сегодня не приеду, не смогу, он опять ночует у меня, — нахмурилась, словно разозлившись. — Нет, я не боюсь! Почему я должна бояться?! — втянула в себя воздух, скривилась. — Он дома... — обернулась, но так и не заметила его присутствия, но все же предложила собеседнику: — Давай потом поговорим об этом, хорошо? Приедешь за мной завтра? К школе? Хорошо. Я буду ждать. И я тебя. До завтра.

И отключилась, с тяжелым вздохом прислонившись к стене и закрыв глаза.

А Антон, слушая пульс, колотившийся в висках, вдруг неожиданно для себя принял решение.

19 глава

Она избегала его, хотя и желала уверить себя в обратном. Но стоило признаться, Даша не хотела с ним встречаться. И не просто встречаться, но даже видеться; сегодня она убедилась в этом совершенно точно. И вовсе не потому, что боялась, его самого или грубых слов, которыми он мог бы ее одарить, нет, себя она научилась защищать уже давно, и теперь ему не удалось бы просто так вывести ее из себя.

Но ее раздражало и выводило из равновесия, что каждая их встреча сулила новую ссору, скандал, опять новое выяснение отношений, построенное на старых обидах.

Она научилась игнорировать Маргариту Львовну, в последние годы вообще перестала обращать на ту внимание, она не воспринимала близко к сердцу ее слова, колкие фразы и ядовитые замечания, пропускала мимо ушей явные оскорбления и ухищренные растления. Ей было все равно, что думает, говорит, делает эта женщина, девушка просто жила с ней под одной крышей, — не более того. Даша сносила ее присутствие, терпела, мирилась, уживалась. Она привыкла к ней.

Но Антон... этот... уже не парень, а мужчина, мнимо невозмутимый, холодно серьезный и мрачный, кажется, повзрослевший морально, а не только изменившийся внешне, он был ей непонятен.

Ей было неприятно, неудобно рядом с ним. Она чувствовала себя не в своей тарелке, хотя внешне и не показывала своей незащищенности. Но ее сердце колотилось в груди так резко, что она с раздражением слушала его стук, надеясь лишь на то, что этот незнакомый мужчина, который предстал перед ней спустя четыре года, не заметит ее волнения, скрытого за кажущейся неприступностью и невозмутимостью.

И она, кажется, смогла задеть его это. Именно своим внешним спокойствием. Не потому ли он, с виду рассудительный, хладнокровный и замкнуто неприступный, тот, каким она встретила его на кладбище, взорвался, вспыхнул, как поднесенная к огню спичка, стоило ей проявить собственное хладнокровие?!

Она испугалась этого всплеска, хотя и не показала внешне своего изумления. За четыре года она научилась скрывать эмоции, чтобы не быть уязвленной еще и за их проявление. Но когда вспыхнул Антон, когда, вскочив с кресла, метнулся к ней, сверкая искрами глаз, она испугалась. Что-то в этом было... неправильное, нелогичное, какое-то... чужое. Или же давно забытое.

Но и тогда она казалась сдержанно спокойной и терпеливой, в то время как он находился в состоянии зажженной спички, поднесенной к фитилю пороховой бочки. И она чувствовала, словно кожей ощущала напряжение, сквозившее в воздухе в те мгновения, оно сотнями оголенных проводов касалось сути ее души и превращало холодную сталь в послушный кусок воска, расплавленного на огне.

Она трепетала, внутренне сжималась в обжигающий комок оголенных нервов, боясь сдаться, выйти из себя, сорваться или накричать, высказать вслух свою обиду, боль, обвинение. Кричащая боль рвалась из нее, желая оказаться на свободе, заявить о себе, обвинить и унижить противника и обидчика. Но гордость девушки была слишком велика,

чтобы жаловаться, кричать или снизойти до проклятий и обвинений. Она обещала не просить о помощи. И не попросит! Не у него.

Он приехал. Зачем? Вернулся. Вновь ворвался в ее жизнь. Впервые за четыре года глухого молчания и немого равнодушия опять оказался рядом с ней, желая снова перевернуть ее жизнь.

Почему раньше не дал о себе знать? Почему ни словом не сообщил о том, что вернулся в Россию? А ведь вернулся! Уже два года жил в столице и работал юристом в одной из преуспевающих юридических компаний. Но и об этом она узнала из газет и журналов, подсунутых ей Лесей.

— Вот, — сказала подруга, со злостью бросая журнал Даше на колени, — твой опекун вернулся!

Молча взяв журнал в руки, девушка широко расширившимися глазами уставилась на расплывающиеся перед глазами буквы, кое-как соединившиеся в строчки и предложения.

— Давно? — сухими губами проронила она, не глядя на подругу.

— Давно, — резко бросила та, садясь рядом. — Этот... козел уже полгода в столице!

Даша тихо охнула, уставившись в улыбающиеся глаза Антона Вересова, взиравшие на нее с обложки дорогого глянцевого журнала, и, опуская ресницы, силилась не закричать.

Полгода?! Целых шесть месяцев в Москве... Шесть долгих томительных месяцев, когда она, переживая, но надеясь, что он вернется, поинтересуется, вспомнит о ней, верила в него... Верила в то, что о нем ей рассказывал дядя Олег, в то, что он опомнится и придет.

Она думала, что, может быть, ошиблась в нем. Ведь и ему было непросто в тот миг, в тот роковой год. Она, наверное, даже понимала его. Долгие четыре года ложилась спать с мыслью, что ему было так же тяжело, как и ей, даже больше, чем ей. Он потерял отца. Она оправдывала его, когда ей говорили, что она никогда не была ему нужна, что он ее бросил. Она искала ему оправдания, когда не получала от него новостей, даже коротких посланий, не слышала ни малейшей заинтересованности в своей судьбе, а ведь он являлся ее опекуном! Она шла против ветра, наперекор, стискивая зубы и силясь не сдаваться.

Когда ей говорили «Бросил!», она отвечала «Не верю!». Когда били суровыми словами и смеялись в лицо, она закрывала уши и не слушала. Когда твердили «Смирись!», она кричала «Никогда!».

Но постепенно стала в нем разочаровываться. Постепенно уходила мыслями от идеала, который для себя соорудила. Медленно, но уверенно приходила к закономерной истине, сущности бытия.

Она ему не нужна. И никогда не была нужна.

Нет, она не была наивной, никогда такой не была. Она не верила в то, что он заберет ее себе, станет о ней заботиться, когда его обучение в Англии подойдет к концу. Она знала, что этого никогда не произойдет. Но она ждала... просто участия, сочувствия, понимания, принятия своей беды и проблемы. Но наткнулась на равнодушную ледяную глыбу, усеянную острыми кольями. О которые резала пальцы вновь и вновь, когда спешила навстречу своим иллюзиям.

До того, как увидела эту журнал, Даша еще верила в то, что Маргарита Львовна лжет ей колет словами и насмешками нарочно, вынуждая разрыдаться от боли и безысходности. Он интересуется ею, что бы ни говорил. Он не такой бессердечный, каким казался. Не может этого быть.

Оказалось, — может. Безразличный, равнодушный, бесчувственный ублюдок.

И Маргарита Львовна не лгала, когда ядовито смеялась над ней и сыпала градом насмешек.

Все вокруг нее были правы относительно него. Лишь она верила в то, чего не могло быть.

— Наверное, ему хорошо живется, — проронила Даша, невидящим взором глядя на страницы журнала и невольно сминая его пальцами.

— Хорошо! — зло хмыкнула Леся. — Еще бы ему жилось плохо! Квартиру вон прикупил на Кутузовском, работа высокооплачиваемая, говорят, он самый перспективный юрист компании. И девиц полным полно...

Леся говорила что-то еще, кляла его на чем свет стоит, чертыхалась, даже материлась немного, злилась и бушевала, а Даша уже не слышала ее. Перед глазами, словно и не было прошедших четырех лет — кабинет дяди Олега, он кажется ей пустым, равнодушно холодным, одиноким, и дождевые капли полосуют окно так же равнодушно и беспечно, им нет до нее дела. И он, Антон... стоит всего в нескольких шагах от нее, у него жесткий взгляд, суровый, хотя и немного растерянный. А его слова... жгут, бьют, режут, уничтожают.

Оказывается, он говорил правду... Не лгал ей. Это она обманулась в своих ожиданиях.

Сейчас, оглядываясь назад, она понимала, какой была глупой, доверчивой, наивной девочкой.

Как только могла такой стать?! Ведь, казалось бы, видела всё и всех, светила их, словно рентгеном, определяя на расстоянии, что человек из себя представляет. Читала по лицам, по эмоциям, по действиям и поступкам. И ни одно действие Антона не говорило за него. Он всегда был с ней... терпелив, но между тем и несдержан тоже. Он старался игнорировать ее, это делала и она. Он был необоснованно груб, а она не обращала на него внимания, теряясь в собственных мыслях. Они не могли стать друзьями. И оба это знали.

Почему же тогда, когда умер дядя Олег, она поверила в возможность перемен? Почему ждала их... два года?! Так долго, мучительно долго. Падала, вставала, поднималась с колен, упрямо шла вперед, наперекор всему миру, одна. Ей нельзя было ему верить, он сам так сказал.

Они ничего друг другу не должны. Они не друзья и никогда ими не были. Зачем же притворяться?..

Он прав оказался, а она... Она хотела найти в нем что-то хорошее. Даже когда услышала роковые слова, сказанные жестко и грубо, она все равно верила во что-то. Во что?.. Она негодовала, недоумевала, злилась, кидалась проклятьями и обвинениями, ее трясло от ярости и едва сдерживаемого гнева, в тот миг, когда за ним захлопнулась дверь кабинета дяди Олега, она почти его ненавидела. А потом...

Наверное, ей не стоило об этом думать... Он оформил опеку, он вынудил ее лгать социальным службам, и она думала, что они поступают верно, — почему-то поверила в это. Он начал о ней заботиться!.. И она захотела поверить в него. Ведь дядя Олег почему-то оставил ее именно Антону? Именно своему сыну вручил заботу о девочке, которая стала ему так дорога! Не постороннему человеку, который смог бы заботиться о ней, а именно ему. Верил Антону, знал, что тот справится, выполнит свой долг и не отступит, не бросит ее одну! Ведь Олег так ему верил! И она тоже решила поверить.

Она хотела увидеть в Антоне что-то хорошее, то, что дядя Олег видел в нем. Ведь было что-то, должно было быть, может, она просто не разглядела, не заметила, не обратила внимания!? Ведь так могло быть, что это просто проскользнуло мимо нее в небытие,

растворилось и ушло в предубежденной ненависти?

Но ничего не было. Кроме презрения, ярости, зыбкой злобы и колючего обвинения. Ничего не было.

И спустя два года самообмана она перестала верить. И ждать тоже перестала.

А спустя еще два года, неужели он думал, что она распахнет перед ним объятия?! Неужели рассчитывал на теплый прием, радостное приветствие и счастливую улыбку?!

Не заслужил. Потому и не получил.

Думал, она забудет, простит, поймет? Его!? Того, кто когда-то сбросил ее на чужую женщину, скинул с рук, как ненужную вещь?! Бросил, оставил одну вопреки воле отца?! Обманул и ее надежды?!

Теперь его поступок в ее глазах не терпел оправданий, он вещал истину. И она верила ей, она знала, что правда, а что ложь. И она также знала, что никогда не позволит ему разрушить свой мир вновь.

Она опять оказалась на его шее. Со смертью Маргариты Львовны снова оказалась сброшенной на него, как ненужный хлам. И на этот раз он решил... остаться! Воспитывать ее сам.

Его заявления казались Даше нелепыми и пустыми. Он не сделает этого, не выдержит, сбежит. Она была полностью в этом уверена, об этом и заявила открыто и не скрываясь за ледяной стеной равнодушия.

Отважился? Решился? Дал слово?! Неужели не боится? Так, как боялся раньше?! Останется с ней!?

Да бросьте вы, сбежит, и месяца не пройдет, как сбежит!

И она бросила ему вызов. Неожиданно для самой себя, откровенно, язвительно, уничижительно.

И выиграла в этой схватке. Он согласился его принять.

Сначала она злилась, бесилась, что своими вспльчивыми необдуманными словами вынудила его подписать смертный приговор не только себе, но и ей тоже, а потом возмутилась. Он думает, что справится, докажет ей свое превосходство, хладнокровность, терпение!? Не уступит? Рискнет и выиграет?!

Но Даша не давала ему надежд на победу. Ни единой, даже в мыслях. Победителем останется она.

Ночь прошла беспокойно. Девушка почти не спала, заснув лишь к рассвету, ворочалась в постели, глядя на освещенный неоновыми огоньками потолок, а проснулась оттого, что будильник трезвонил на всю комнату, вынуждая подниматься с постели.

А утром... этот инцидент. Даша была вне себя от переполнявших ее эмоций. Ее холодность вновь была встречена им специфически. Он разозлился, вновь вспылал, загорелся, как искра.

Но отчего он злился? Почему? Какой реакции на свое присутствие в ее доме, ожидал?! Он не должен был ожидать радушный прием, и Даша не смогла ему его предоставить даже при всем своем желании.

Но он бесился из-за чего-то, а она не могла понять причины. Знала лишь, что чувствует себя неловко и неудобно в его обществе. Его прямые откровенно оценивающие взгляды, горящие глаза, даже сжатые губы!

Она не желала видеть его, не желала с ним общаться. Единственным ее желанием было исчезнуть из поля его зренья. Навсегда.

Но вчера он одним лишь словом преградил ей путь к отступлению. Он остается с ней...

Прислонившись к стенке вагона метро, сжимая поручень обеими руками, она все еще думала о том, что произошло. Ее жизнь изменилась. Причем как-то так стремительно, неожиданно.

Когда умерла Маргарита Львовна, Даша ожидала его приезда, даже наверняка знала, что он придет. Он не мог пропустить это «событие», ему должны были обо всем сообщить. Иначе быть не могло. И она вновь оставалась без опекуна — на его шее.

Даша ожидала, чего угодно, не рассчитывала лишь, что Антон решит остаться с ней. Логичнее и правильнее для него было бы, как и прежде, сбросить ее на кого-то еще. Умыть руки, чтобы она не портила его жизнь. Осталось-то всего два года. Всего два года! Но вместо того, что навсегда избавиться от нее, он совершил немыслимое, непоправимое — привязал ее к себе. На долгие, бесконечно долгие два года. И она не собиралась проводить их с ним!

Он сбежит, она была уверена. Скинет ее в чьи-то руки, засунет подальше и больше о ней не вспомнит.

Через два года она станет свободной от него. И больше никогда не позволит Антону Вересову появиться в своей жизни! Она не будет больше идти против ветра, гнаться за несбыточным и нереальным. Она уступит лишь раз. Чтобы в результате, в конце пути, в конце противостояния, доказать, что была сильнее.

И Даша знала, что этот путь пройдет не одна. И что одна не останется и после того, как все закончится. Это четыре года назад она боялась, испытывала сковывающий грудь страх, что вновь будет выброшенной на улицу за непригодностью, а сейчас знала, что, несмотря ни на что, рядом с ней будут те, кто стал для нее дороже всех на свете.

Леся, Паша... Самые близкие, самые родные, самые дорогие. Друзья. Она знала, что они ее не бросят, как это сделал когда-то Антон. В них она не сомневалась, их словам верила, ощущала теплоту, поддержку, опору, дружеское плечо. Разве не доказали они ей свою дружбу, преданность, верность? Разве не стали настолько ей дороги, что она уже не мыслила без них жизни?! Разве она не доверилась им полностью?!

Именно они прошли проверку временем, болью, обидами и разочарованиями. Они, а не тот, в кого она хотела верить, и чьей поддержки ждала почти два года. Тот, кто хладнокровно бросил ее на произвол судьбы, ни разу не поинтересовавшись, не взволновавшись, не побеспокоившись. Тот, кому это было просто не нужно. Тот, кто собственноручно выбросил ее в бездушный и мрачный мир подлости и злости.

И этого она ему не сможет простить. Никогда, наверное.

Забрасывая на плечо черный рюкзачок и скрываясь от порывов холодного ветра, Даша вынырнула из теплоты метрополитена и направилась в сторону школы, где у ворот ее должна была ждать подруга.

Она заметила ее издалека. Точнее, не саму Лесю, а шикарный черный «Бентли», припаркованный на стоянке, и не смогла сдержать улыбки при облегчении, появившемся на лице подруги, когда та ее заметила.

Леся, когда была маленькой, обещала стать настоящей красавицей, а по прошествии времени превзошла даже самые смелые ожидания. Светло-пепельные волосы, гладкой волной струящиеся по тонким плечам, немного раскосые темно-синие глаза, яркие, выразительные, припущенные длинными черными ресницами, тонкая линия губ с полноватой нижней губой, вздернутый носик и упрямый подбородок. Прямые черты лица и матово-кремовая кожа без единого намека на подростковые «проблемы». Невысокая, всего

метр шестьдесят, но от того не менее эффектная, своей миниатюрностью привлекающая каждый взгляд.

С лучшей подругой они были почти противоположностями. Невысокую Дашу с копной длинных темно-каштановых волос, обычно собранных в хвост на затылке, с выразительными глазами цвета агата, вздернутым носиком и упрямым подбородком можно было назвать лишь милой или симпатичной, в то время как Леся пользовалась славой первой красавицы. Стройная, с миниатюрной фигуркой, Даша еще не до конца оформилась, не приобрела высокую грудь, округлость бедер, подобно своим рано повзрослевшим одноклассникам. В свои шестнадцать, будучи старше них на год, она, тем не менее, уступала им в развитии физическом, по-прежнему оставаясь, скорее, девочкой-подростком, нежели девушкой, вошедшей в стадию половой зрелости. Поэтому и вниманием противоположного пола в силу данных обстоятельств, не пользовалась, хотя, к слову сказать, этого внимания и не требовала.

Сейчас, закутавшись в короткое красное пальтецо с меховым воротничком, Леся переминалась с ноги на ногу и бросала косые взгляды в сторону «Бентли», из которого вышла уже десять минут назад, ждала подругу, мысленно проклиная все на свете, а особенно того, кого оставила в машине. Но при виде Даши, спешащей к ней навстречу, всплеснула руками и двинулась вперед с перекинутой через руку сумкой.

— Ну, наконец-то! — воскликнула Леся, подскакивая к Даше и целуя ее в щеку. — Я думала, что с ума с ним тут сойду! — она бросила раздраженный взгляд из-под сведенных бровей в сторону автомобиля, в котором на переднем сиденье, откинувшись на спинку, сидел молодой светловолосый мужчина лет двадцати пяти. — Он меня преследует! — заявила девушка с обидой и, подхватив Дашу под локоть, стремительно направилась в сторону школьных ворот, не забыв при этом стрельнуть колкостью взгляда в водителя машины.

— Ты была бы с ним повежливее, — усмехнувшись уголками губ, проговорила Даша. — Он же не виноват в том, что его сделали твоим телохранителем.

Леся громко фыркнула, скривившись.

— Больно было надо! — насупившись, она с обидой в голосе заявила: — Это все папа! Говорит, что будет чувствовать себя увереннее, если я окажусь под охраной, — она снова фыркнула. — Вот еще! С этим, — она вновь покосилась на черный «Бентли», — я не чувствую себя в безопасности. Вообще, — наклонившись ниже, почти касаясь губами уха подруги, Леся шепнула: — Он какой-то странный. Хмурый, мрачный, почти не разговаривает, словно в рот воды набрал, с кем-то всё по телефону разговаривает, но имен не называет. А на меня иногда пялится так, что меня в дрожь бросает. И еще... — Леся почти сошла на шепот, — у него на плече татуировка, дракон. Большая такая, длинная, но красивая.

— Откуда ты узнала!? — изумленно охнула Даша.

— Я случайно подсмотрела, как он рубашку переодевал, — покраснев, смущенно проговорила Леся. — Но он тако-ой странный. Тебе не кажется?

— Вполне себе обычный, — пожалала Даша плечами. — А что не разговаривает, так все телохранители такие.

Леся покачала головой, задумчиво прищурилась и выдала:

— Что-то с ним не так. И я выясню что, вот увидишь.

Даша закатила глаза.

— Леся! Я тебя умоляю, давай только без глупостей.

— Без глупостей, конечно, — согласилась та, качнув головой и двинувшись к двери.

Но Даша заметила блеснувшие в ее темно-синих глазах бесовские искорки.

— Лучше расскажи, что там у тебя произошло? — остановив Дашу уже в холле, спросила Леся. — Этот козел объявился, так? И что говорит? Как он свой поступок объясняет-то?!

Даша, низко опустив голову, угрюмо пробормотала:

— Ничего он не говорит и ничего не объясняет, — и, бросив быстрый взгляд на свое отражение в зеркале, поспешила к лестнице, ведущей на второй этаж. — Просто приехал...

— Явился, не запылится! — поддакнула Леся, следуя за подругой.

— Он сказал, что сам станет выполнять условия завещания, сам станет за мной следить и... — поморщилась, — воспитывать.

— Ничего себе!? — присвистнула Леся от удивления и, поджав губы, возмущенно высказалась: — Приплыли, называется. А кто же его четыре года назад держал от этого благородного поступка?! Когда эта... стерва...

— Леся, — мягко перебила ее Даша, тронув за руку, — не нужно. Она уже в могиле, зачем же о ней плохо?..

— А потому что она заслужила! — отрезала Леся, откидывая на плечи пепельного цвета волосы. — Скажешь, нет?! — но Даша промолчала. — А что ты этому сказала... «благодетелю» своему? Конечно, заявила, что тебе от него помощь не требуется, да?

— Я сказала, что он всё равно сбежит. И я уверена в этом, даже несмотря на то, что... — Даша запнулась, опустив взгляд, посмотрела на свои изношенные сапожки, и пробормотала: — Мне кажется, он изменился.

— Изменился? — нахмурилась Леся.

— Да... Я не знаю, как объяснить. Просто он... стал старше, мудрее, наверное, опытнее, — девушка задумчиво бросила взгляд в окно. — И еще... какой-то он холодный, словно бы... бездушный.

— У него и так нет души! — бросила Леся. — Разве оставил бы он тебя на эту гримзу, будь у него сердце?!

— Я не об этом, — медленно протянула Даша, разглядывая серость млечного утра. — Он словно бы... пустой, понимаешь? Ничего в нем не осталось. Только презрение ко мне, обида какая-то и злость, — Даша покачала головой. — Мне кажется, что он согласился на всё это лишь потому, что у него выбора не было. Я ему вызов бросила, и он его принял. А еще он на меня так смотрел утром, странно, — Даша передернула плечами. — Мне не по себе от его взглядов, неудобно как-то и неприятно. Словно он меня оценивает. Как и раньше.

Леся подошла к ней и мягко тронула за плечо.

— Знаешь, тебе не об этом нужно думать, — сказала она тихо, отвлекая подругу от созерцания школьного двора. — А о том, что он сделал. И чего не сделал тоже. О том, что бросил тебя, оставил в руках этой... Маргариты Львовны, уехал за тридевять земель и ни разу о тебе не вспомнил! — немного помедлив, она добавила: — Ты лучше о Паше подумай. Вот кто был с тобой все эти годы. Вот кто кинулся к тебе, едва ты позвала, едва ты намекнула на то, что тебе плохо! Он, а не этот... Вересов, протянул тебе руку помощи. И только он достоин того, чтобы ты о нем думала и говорила.

Даша мягко улыбнулась, глаза ее мгновенно посветлели.

— Паша... — протянула она. — Он друг. Он такой добрый друг для меня. Самый лучший!

Леся коротко кивнула, взирая на нее с явным недоумением, а потом подтвердила: — Ну да, ну да. А что с Вересовым делать будешь? Как вы с ним уживаться будете? Девушка резко повернулась к ней, нахмурилась.

— Понятия не имею. Но точно знаю, что надолго он в моей жизни не задержится! — с уверенностью заявила Даша. — Сбежит. Сбросит меня на кого-нибудь еще. Но оно и к лучшему, я не хочу его больше видеть.

Леся, стиснув ее руку, притянула девушку к себе, обнимая, и зашептала на ухо:

— Всё будет хорошо, Дашуль, — поцеловала ее в щеку. — Всё будет хорошо, вот увидишь. Ты заслужила это больше, чем кто бы то ни было!

Даша лишь коротко кивнула, ничего не ответив. Она очень хотела в это верить. В то, что всё в ее жизни когда-нибудь будет хорошо. Но не было... Вот уже четыре долгих, мучительных года, — не было.

И она сомневалась, что с приходом Антона что-либо изменится в лучшую сторону.

Паша обещал встретить ее после школы. Он волновался за нее, переживал, всё порывался приехать к ней и лично проверить, всё ли в порядке, но Даше удалось убедить его, что ничего не произошло. Тогда он взял с нее разрешение приехать к ней, чтобы встретить после школы, и Даша согласилась.

Ей отчаянно хотелось поговорить с ним. Не повесить на него все свои проблемы, нет, она никогда так не поступала, но именно поговорить, почувствовать вновь дружеское плечо, которое она в нем ощущала.

Может быть, он даст ей совет, подскажет, как поступить, поможет? Она часто полагалась на его мнение. Она дорожила его мнением. Он много раз защищал ее от нападок Маргариты, вытаскивал из депрессии в первые полтора года, когда у нее опускались руки бороться против всего мира. Он был единственным человеком, который действительно ее понимал. Потому что был, по сути, таким же, как она. Парнем улицы, который не опустил руки, пошел вперед с высоко поднятой головой, рискнул. И выиграл. Главный приз.

Даша никогда не спрашивала его, как он добился того, что у него сейчас было, сколько усилий для этого предложил, но она знала точно, что это далось ему лишь потому, что он когда-то просто не сошел с намеченного пути, не поддавался слабости, пошел против всего мира, чтобы доказать свою правду. Не сдался. И поэтому был первым сейчас. Не побежденным и не сломленным. И она заряжалась его энергией.

Он был ее лучшим другом, самым лучшим во всем мире. Она никогда и помыслить не могла, что друзья бывают настолько... преданными, настолько... настоящими.

Он понимал ее, как никто другой, даже Леся не понимала так отчетливо, он чувствовал ее и ощущал, он мог угадать ход ее мыслей по линии губ или подрагиванию бровей, догадывался о настроении или расположении духа по случайно брошенному слову. И он всё о ней знал. Он принимал ее такой, какая она была, а не такой, какой ей нужно было казаться, чтобы ее приняли в свой круг другие.

Такие, как Антон, например. Или подобные ему мелочные люди, которые и понятия не имели о том, что значит настоящая дружба. Мнимость и иллюзия, завуалированная под красочной мишурой, застилала глаза.

И она не хотела быть частью их мира. Никогда не хотела. Поэтому одной из них и не стала. Ей претило все, что касалось «сильных мира сего», лживость, порочность, лицемерие и лесть, скрытность и зависть.

С Пашей ей никогда не приходилось притворяться. И она знала, что он с ней чувствует себя так же. Его тоже многие не понимали в «его мире», но в отличие от Даши, ему приходилось притворяться человеком из их круга, чтобы не потерять то, что он имел и чего он добился. Но он знал, что Даша его не осудит. Она не посмела бы, никогда не посмела бы...

Он никогда ее не осуждал, даже тогда, когда она ждала от Антона больше, чем немое равнодушие, а он лишь растоптал ее мечты, грязно и грубо оттолкнув в сторону, как ненужную вещь.

— Почему ты его ждешь? — спрашивал Павел, захватывая ее руки в плен своих горячих ладоней и глядя ей в глаза, будто в черной глубине силясь найти ответ на свой вопрос. — Ведь он бросил тебя, он не придет...

— А, может, я ошиблась в нем? — с надеждой спрашивала она его, не отводя взгляд. — Что, если он... просто боится? Или переживает? — она всегда с силой сжимала его ладони, когда волновалась. — Ты не думаешь, что ему просто... страшно брать на себя такую ответственность? И к тому же, он учится за границей...

— Значит, ты его простила?! — казалось, он был ошарашен.

— Я решила посмотреть на всё его глазами, — ответила она тогда. — Как бы я повела себя на его месте... — она заглянула другу в глаза. — И, знаешь, я не уверена, что не поступила так же, как и он.

— Ты не поступила бы так! — уверенно заявил Павел.

Даша покачала головой, опустила глаза, подбородок ее дрогнул.

— Ты просто устала, егоза, — еле слышно проговорил Паша, прижимая ее к себе. — Тебе нужно отдохнуть.

— Я подумала, — пробормотала она сбивчиво, закрывая глаза, растворяясь в тепле его объятий, — что дядя Олег, наверное, доверял ему, раз просил позаботиться обо мне. Я тоже решила попробовать ему верить. Думаешь, не стоит?

Наверное, он тогда побоялся сказать ей правду, именно поэтому сказал совсем не то, что было в мыслях.

А нужно было резать ее наивность на корню! Чтобы потом ей не было так больно от осознания нового бьющего в грудь разочарования. И тогда не было бы тех безумных лет, когда она лелеяла надежду, которой у нее никогда не было.

— Я лишь боюсь, что ты разочаруешься, егоза, — прошептал Паша, ей в волосы. — Я за тебя боюсь...

— Паша, — пробормотала Даша, сильно зажмурившись и не глядя ему в глаза, — я очень наивная, да?

Сильно зажмурившись, вдыхая запах ее волос, дыша ею, Павел поверхностно вздохнул.

— Нет, егоза, ты реалистка и совсем не наивная, — она вздрогнула, но глаз на него не подняла. — Потому что слишком рано повзрослела, — стиснул зубы и зажмурился. — Если бы я мог это исправить!.. — он запнулся, будто опомнившись, и добавил: — Просто ты веришь в хорошее, егоза, ищешь это даже в плохих людях. Ты хочешь семьи, тепла и заботы, которые у тебя отняли когда-то...

— Это плохо?

— Нет, что ты, хорошо! Очень хорошо. Просто... я не хочу, чтобы ты ошиблась.

Даша промолчала, а Павел тяжело вздохнул.

— Может, в этом Антоне и есть что-то хорошее, раз ты не отвернулась от него?.. —

выдавил он задумчиво.

Нет, не было. Это она уже потом поняла. Ничего хорошего в нем не было. А то, что она придумала, о чем грезила, на что надеялась, что ожидала отыскать в равнодушном циничном мужчине, если в нем и было, то не в отношении нее. К ней он не испытывал ничего, кроме презрения и злости. И она решила отплатить ему той же монетой, за свои растоптанные мечты, рухнувшие надежды и разбитые иллюзии.

В ее жизни не было Антона, это было проходящее звено. Всегда были Леся и Паша. Только они.

Когда Паша позвонил вчера, она слышала в его голосе волнение, смешанное с легким возмущением, и сегодня, когда закончились уроки, она вместе с Лесей двинулась к выходу, попутно застегивая куртку.

— Нестеров просто идиот! — возмущенно воскликнула Леся, следуя за подругой.

— Ты ему просто очень нравишься, — с улыбкой проговорила Даша, вглядываясь вдаль.

Леся фыркнула и, отбросив с лица прядь волос, упавшую на глаза, засунула руки в карманы.

— Что не мешает ему быть идиотом, — посмотрела на подругу. — Ты, разве, так не считаешь?

— Ко мне он не пристаёт, — снова улыбнулась Даша, разглядывая припаркованные на стоянке машины.

— Тебе несказанно повезло, — пробормотала Леся себе под нос и надула губки.

На улице свирепствовала апрельская непогода, и, выходя на свежий воздух, Даша накинула на голову капюшон своей старенькой ветровки, попутно пряча руки в карманы, что, тем не менее, ее не спасало от ветра, потому что апрель в этом году был холодным и порывистым.

— Сто раз говорила, давай купим тебе новую куртку! — возмущенно воскликнула Леся, следя за действиями подруги. — Ну, почему ты противишься?! Даже Паша, и тот заметил, что она тебе уже мала!

— И так сойдет, — отмахнулась девушка. — Осталось-то совсем чуть-чуть, а потом и сезон закончится.

Леся поцокала языком, что-то недовольно пробормотав, но на слова подруги не отреагировала.

— Паша уже приехал? — спросила она, глядя на машины, и тут же поморщилась, заметив у ворот «Бентли», но не обратила внимания на предостерегающую фигуру мужчины, сидевшего за рулем.

— Вон его «Инфинити», — указала Даша на серебристо-серую машину, припаркованную на стоянке.

— Ух ты, — улыбнулась Леся, — вовремя. Впрочем, как всегда. Ты не будешь шалить? — поддела она Дашу, скривив губы. — Обещаешь?

— Даю честное пионерское, — сказала девушка, наклоняясь к подруге, чтобы поцеловать ту на прощание.

— А я пойду к своему «любимому», — саркастически выдохнула Леся, насупившись, и посмотрела в сторону. — И почему папе взбрело в голову, что мне нужен телохранитель?! Никак не могу взять в толк.

— Он просто беспокоится о тебе, — улыбнулась Даша нежной улыбкой, какой улыбалась, лишь когда говорила об отце подруги. — Он тебя любит.

— Я знаю, что любит, — покачала Леся головой. — Но этот... — она сценически закатила глаза и втянула в себя воздух. — Знаешь, как его зовут? — вдруг спросила она, нахмурившись, и посмотрела на Дашу.

— Как?

— Артемиус, — иронично скривив губы, по слогам произнесла она. — Представляешь? Ар-те-ми-ус. Ужасное имя, ты так не думаешь? — Леся вздернула вверх бровки. — А еще, я слышала, он...

Резкий сигнал клаксона заставил девушек вздрогнуть и обернуться на гудок.

— Вот же зараза, — выдохнула сквозь зубы Леся, стреляя молниями глаз в водителя машины. — Ну, я ему!.. — и решительно двинулась в сторону «Бентли», на прощание махнув Даше рукой.

— Только без уголовных статей, Леся, хорошо?.. — прокричала ей вслед Даша и, улыбнувшись, направилась в сторону припаркованной у ворот «Инфинити» Павла.

Паша, выйдя из машины, поприветствовал ее с улыбкой на губах, и Даше самой хотелось улыбаться.

— Привет, егоза, — поцеловал ее в щеку, сжимая холодные ладони и согревая их своим теплом. — Как день?

— Бывало и лучше, — чмокнув его в знак приветствия, проговорила девушка. — Пятерка по биологии.

— Чему я не удивлен, — хмыкнул мужчина.

— А еще диктант на отлично, — улыбнулась Даша, открывая переднюю дверцу машины.

— И я опять не удивлен, — хохотнул друг, усаживаясь в автомобиль и заводя мотор. Посмотрел на нее. — Куда поедем?

— Домой, — пожалла девушка плечами. — А ты что-то хотел предложить? — осторожно осведомилась она.

Она увидела, как потемнели его глаза. Они ей всегда нравились, какие-то они были... околдовывающие.

— Ты хочешь домой? — напрямую спросил Павел, трогаясь с места. — Я думал, мы пообедаем где-нибудь...

Наверное, он о многом хотел спросить ее, Даша видела это и по его напряженному лицу, по складочкам между бровей, по сжатым губам, но Паша был слишком тактичным, слишком терпеливым с ней, чтобы вот так просто, сходу задать все интересующие его вопросы.

— Если хочешь, — проговорила Даша, глядя на него с нежностью, — посидим где-нибудь.

— А ты как хочешь? — не глядя на нее, устремив взгляд на дорогу, спросил Паша.

— Я только за, — тихо сказала девушка, улыбнувшись. И легко, чтобы не отвлекать от дороги, тронув его за плечо, проговорила: — Я очень рада тебя видеть.

Руки его сжали руль сильнее, на скулах заходили желваки, глаза сощурились. Но он улыбнулся. Ей.

— Я тоже, егоза, — и у нее на душе сразу стало легче, будто не было никаких проблем. — Я тоже.

Даша стремительно, не обдумывая свои действия, решительно наклонилась и чмокнула Павла в щеку, а тот, не ожидая от девушки такого проявления нежности, вздрогнул, сглотнул

и бросил на нее изумленный взгляд. Она шаловливо улыбнулась, сверкнула агатами завораживающих глаз и подмигнула ему.

— За что? — изумленно выдохнул молодой человек, отвлекаясь от дороги и глядя на нее.

— Заслужил! — коротко бросила девушка и, не подумав, добавила: — Больше, чем кто бы то ни было.

И оба застыли, будто онемев. Поняли, кого она имела ввиду. Слишком прозрачным был намек.

Молчание, захватнически повисшее в салоне автомобиля, накаляло обстановку до предела. Даша тяжело дышала, слушая, как стучит сердце, отдаваясь звоном колоколов в ушах и надавливая на виски. А Паша, не решаясь начать неприятный разговор, вглядывался в автостраду, крепче сжимая руль до посинения рук и слушая собственное сбившееся дыхание, грубо вырывавшееся через плотно сжатые губы.

Нить накалилась до того момента, пока не выдержали оба, разорвав глухую струну отстраненности.

Даша повернулась к другу, намереваясь о чем-то спросить, но он опередил ее вопросом.

— А как там... он? — осторожно поинтересовался Паша, не глядя на девушку.

— А ты?.. — начало было Даша, но тут же замолчала, отвернувшись к окну.

— Никак, — пожала плечами, стиснув зубы. — Мы с ним почти не разговариваем.

— Он живет в квартире отца? — спросил Павел, словно прощупывая почву. — С тобой?

— Пока да. Потом, наверное, переедет к себе, — Даша сдвинула брови, передернула плечами. — Но мне все равно. Пусть делает, что хочет, лишь бы я его больше не видела.

— Хочешь, — неуверенно начал он, — переночуй сегодня у меня? Ты же знаешь, у меня большая квартира...

Даша резко посмотрела на него, встретившись взглядом с потемневшими серозелеными глазами.

Павел был напряжен и словно бы чем-то озабочен. Взволнован? Обеспокоен? Насторожен?..

Пашка, милый Пашка. Друг. Самый настоящий друг!

Когда жила с Маргаритой Львовной, она часто оставалась ночевать у него. А в последние месяцы жизни своей мучительницы почти поселилась в квартире друга. Но сейчас переехать к нему не могла. Никак...

— Нет, — покачала она головой, ласково ему улыбнувшись. — Я не могу.

— Из-за него? — кажется, он всё понял и без объяснений.

— Да, — опустив глаза, она закрыла глаза. — Я не позволю ему еще раз вмешаться в мою жизнь. В прошлый раз это ни к чему хорошему не привело.

Пальцы молодого человека стиснули руль, лицо побледнело, а губы сжались в узкую линию.

— Убил бы эту стерву!

— Не надо, — покачала головой девушка. — О покойниках или хорошо, или никак...

— Не защищай ее. Она не заслужила твоего прощения! — жестко сказал тот, нахмурившись.

— И все же... Пожалуйста, не надо, — попросила девушка, и молодой человек сдался.

— И что ты думаешь теперь делать? — спросил он с напряжением и волнением в голосе. — Что он решил?

— Он сказал, что хочет сам воспитывать меня, — она усмехнулась уголками губ. — Словно бы сейчас это от него требуется! — ядовито выплюнула она. Обида билась изнутри, рвалась болью из груди.

— Воспитывать... тебя? — по словам повторил Павел с недоумением и зло чертыхнулся под нос. — Прости... А о чем он думал все эти годы?! Когда эта стерва...?!

— Паша!..

— Извини! — рыкнул он, на мгновение зажмурившись. — Просто, как вспоминаю, сразу... Извини!..

— Я не обираюсь с ним мириться, — тихо, но уверенно заявила девушка. — Если он не уйдет сам, я сделаю так, чтобы он передумал. И на этом всё, — точка. Полный разрыв.

Павел пристально посмотрел на нее, смерив внимательным взглядом, взвешивая ее слова, но ничего не сказал, оставив свои мысли при себе.

Он всегда был готов приютить ее у себя. Стоило ей только попросить, и он бы принял ее в свои объятия, не раздумывая. Но Даша была слишком... не такой, чтобы просить, она не снизойдет до просьб, если не убедится, что не справится сама. А потому он терпеливо ждал. Не момента, когда она не сможет справиться, а когда осознает, что он всегда ее ждет.

И он верил, что этот день наступит. Скоро. Очень скоро.

Но этому дню не суждено было наступить. Не в ближайшем будущем. Антон перечеркнул его ожидания.

Даша, вернувшись домой в половине шестого, открыла дверь своими ключами, даже не подумав о том, что нужно позвонить. А вдруг Антон уже дома? Она, по чести сказать, забыла о том, что Вересов должен быть в квартире. Четыре года его здесь не было, она успела отвыкнуть от его присутствия и малейшего напоминания о нем, и поэтому не сразу вспомнила, что он, такой же хозяин квартиры, как и она, и может находиться здесь.

Девушка вошла в квартиру, разделась и прошествовала в свою комнату, осознавая, что Антона еще нет. На работе?.. Возможно. Но ее это касаться не должно. И Даша отбросила от себя глупые мысли.

Он пришел в начале одиннадцатого, девушка услышала, как хлопнула входная дверь и, прислушиваясь, замерла, почти затаив дыхание. Она сидела за компьютером, и вздрогнула, едва услышала щелчок дверного замка. Невольно покосилась на свою запертую изнутри дверь, а потом вновь уставилась в компьютер.

Они не виделись с самого утра, и не сказать, чтобы Даша была огорчена. Она была рада.

Ее не касается ничего, связанное с ним! Так же, как он, не интересовался ею четыре года, так и ей плевать, где и с кем он проводит вечер. У нее самой вечер был просто отменным, и портить его общением с ним она не собиралась.

Но Антон, по всей видимости, был иного мнения на сей счет.

В ее дверь настойчиво постучали, когда Даша, переодевшись, уже собиралась ложиться в постель.

Зная, что это Антон, она все равно крикнула:

— Кто там?

— Твой опекун! Открывай! — грубо раздалось из-за двери.

Хотелось отправить его к черту, в той компании ему было бы самое место, но девушка, поморщившись и накинув на себя халат, медленно прошла вперед, повернула ключ в замке и немного приоткрыла дверь.

Прислонившись к дверному косяку, Антон взирал на нее безэмоционально и терпеливо.

— Уже спишь? — сухо поинтересовался он.

— Уже нет, как видишь, — хмуро бросила она, сильнее запахнув халат. — Чего ты хотел?

Быстрый взгляд на нее, мельком по ее фигурке, а потом вновь уставился в глаза.

— Вот и хорошо, что не спишь.

Даша подозрительно сощурилась, наклонив голову набок. Что он еще придумал?..

— То есть..?

— Считай, что ты своего добила, малая, — сказал Антон, приподнимая уголки губ в жесткой улыбке. — Собирай вещи, ты переезжаешь ко мне.

20 глава

Даже утром это всё еще казалось ей странным. Молчаливо ковыряясь вилкой в тарелке, Даша смотрела прямо перед собой, забыв об уже остывшем чае, который для себя приготовила.

Она переезжает к Антону.

Кто бы ей сказал об этом еще пару недель назад, она бы рассмеялась. Это невозможно. Но это... было правдой. Той, которая сейчас была своей нелогичностью прямо в сердце. Будоражила струны души, вызвав новый прилив адреналина в кровь и учащая сердцебиение.

Как так получилось, что она сдалась, согласилась, уступила ему в этом, казалось бы, уже ясном для самой себя вопросе?! Ведь она никогда не думала, не предполагала, что он сможет пойти на это!

Она не ожидала от него подобного. Чего угодно, только не этого. Она даже была готова принять его желание жить здесь, в квартире дяди Олега, вместе с ней под одной крышей, ведь это, в конце концов, и его дом тоже. И она не стала бы перечить, просто не имела бы на это права, она бы смирилась. Это, конечно, было бы сущим наказанием для обоих, и рано или поздно, они бы свели друг друга или с ума, или в могилу, но... Этого она хотя бы могла от Антона ожидать! Она уже почти приготовилась услышать от него этот вердикт, он казался ей логичным и вполне закономерным. Но то, что предложил, нет, — приказал! — он... Это выходило за все допустимые рамки. О таком она даже и подумать не могла. Подобной мысли и в голове не возникало, а на деле казалось еще более нелепым и неправильным.

Отшвырнув от себя вилку, девушка с тяжелым вздохом опустила голову на приподнятые руки.

Она уже сотни раз себе повторила, что это неправильно. Более того — противоестественно. Ну, где это видано, чтобы она переселилась к нему!? В его квартиру. Даже если закрыть глаза на то, что они просто-напросто перегрызут друг другу глотки, потому что не могут и пяти минут провести, чтобы не разругаться, а если посмотреть на всё... логически. Как они, видимо, на вещи вчера не смотрели, раз пришли к выводу о том, что смогут-таки существовать под одной крышей два года!

Два года. Подумать только!? Почему, почему ему в голову пришла эта нелепая, неправильная мысль?!

И почему она не смогла противиться натиску?! Почему вопреки тому слову, которое сама себе дала, она сдалась вчера?! Снизойшла до того, что согласилась с его... предложением... нет! — с его приказом.

Когда он ворвался в ее комнату, первое, на что она обратила внимание, так это на его самоуверенность.

Он, черт его побери, был заранее уверен, что она сдастся!

— Считай, что ты своего добилась, малая, — она готова была накинуться на него с кулаками при этих словах уже в тот самый момент, когда они сорвались с его языка. — Собирай вещи, ты переезжаешь ко мне.

Среди потока безумных, крошащихся на комочки мыслей, в голове мелькнула одна: он

шутит. Смеется над ней, издевается, подтрунивает, — можно называть, как угодно, но он не мог, по всем законам, правилам и канонам, он не мог говорить серьезно.

Она уставилась на него с изумлением, встав в оборонительную позицию.

— Что ты сказал? — сощурившись, переспросила Даша.

Конечно, глупо с ее стороны было говорить это, наверное, она просто тянула время. Чтобы осознать, что он только что сказал. Чтобы сдержаться и не расцарапать ему лицо, ведь руки так и чесались. Но нужно было давить его равнодушием и терпеливостью, их он от нее уж точно не должен был ожидать.

Как ни в чем не бывало, Антон, скрестив руки на груди и гордо вздернув подбородок, охотно повторил:

— Собирай вещи, — она готова была его убить за эту гадкую ухмылку. — Ты переезжаешь ко мне.

И тогда она поняла, что он не шутит. Не намерен шутить. И глаза его светятся ярким светом, и усмешка играет на губах, и эта поза победителя, которой он словно доказывал свое над ней превосходство.

Это заставило ее сердце безудержно затрястись от злости и раздражения.

Девушка застыла, глядя на Антона в упор, пусть и снизу вверх.

Оказалось, он очень высок. И глаза у него не просто серые, а с серебристым оттенком, она это только сейчас заметила. И волосы такие необычно темные, почти черные, короче, чем четыре года назад.

Как-то она упустила тогда всё это... Да и не до того ей тогда было, чтобы разглядывать, какого цвета его волосы, а какого глаза. Ее мало интересовал Антон Вересов, как личность.

И сейчас не интересуется! Пришлось себя одернуть, чтобы заставить мыслить в нужном направлении.

Даша тоже скрестила руки на груди, так же вызывающе вздернула подбородок, уставилась ему в лицо.

— Я никуда не поеду.

Холодно. Отстраненно. Равнодушно. Отточено.

— Поедешь, — совершенно спокойно заявил он, ничуть не повысив голоса. Будто ожидал подобной ее реакции и заранее подготовил ответ, перекрыв ходы к отступлению.

А Даше хотелось рвать и метать от его самоуверенности. Руки сжались в кулаки, а глаза сверкнули.

— Нет. Не поеду! — громче, решительнее, язвительнее. Невольно выпрямилась, чтобы казаться выше, чтобы чувствовать себя увереннее рядом с ним, на равных.

Ему не понравилась ее слова. Глаза Антона сузились, а губы, несмотря на жесткую улыбку, сжались.

— Кажется, ты чего-то не понимаешь, — начал он, понижая голос и переходя на угрожающий шепот. — Я — твой опекун, и я решаю, где, как и с кем ты будешь жить.

— А мое мнение? — возмущенно спросила девушка, вздернув подбородок. — Оно тебя не интересует?

Он нахмурился, скривился.

— Попробуй, выскажи его, — предложил он снисходительно. — Удиви меня.

Даша закрипела зубами и, сжимая вспотевшие ладони в кулаки, пыталась сдержаться и не расцарапать ему лицо. Сердце так грохотало в груди, что эхом отдавалось в ушах.

Надо же, он словно бы делает одолжение! Руки ее так и чесались.

— Я не поеду к тебе, — выговорила Даша по слогам. — Мне нравится здесь. Это мой дом.

Она сделала вид, что не заметила, как дернулась его щека при этих ее словах. Он помрачнел.

— Пусть так, — согласился Антон, делая шаг вперед и нависая над ней. — Но, если я говорю, что здесь ты жить не будешь, — все ниже, и ниже, заглядывая в глаза, опалая теплом дыхания кожу лица. — То ты здесь жить не будешь, — последние его слова сошли до пропитанного ядом шепота. — Это ясно?

В груди всё сжалось, скрутилось в тугий узел, сердце бешено заколотилось в висках. И, не выдержав его давления, она резко отскочила в сторону. Тяжело дыша и пытаясь справиться с отчаянным сердцебиением.

— Почему? — выпалила Даша. — Что не так в этой квартире?!

— Потому что я так хочу, — выпрямляясь, сказал Антон.

— А если этого не хочу я?! — резко воскликнула девушка.

Его брови взметнулись вверх, удивленно приподнимаясь.

— А кто сказал, что я должен прислушиваться к твоему мнению?

— Ах ты... — она сделала шаг вперед, оказавшись в паре сантиметров от его тела, и резко остановилась.

— Что? — с вызовом осведомился он, ухмыльнувшись.

Ей хотелось расцарапать эту наглую самоуверенную физиономию. Как в детстве, когда она набросилась на него дикой кошкой. Тогда она себя не контролировала, была ребенком, и у нее были причины делать то, что она сделала. Не сказать, что у нее сейчас не было причин, но... Она уже не ребенок. И к тому же, он ждет от нее именно взрыва, всплеска негодования. Она не доставит ему такого удовольствия, не позволит читать себя, как открытую книгу.

Она уставилась ему в лицо, и взгляд ее зацепился за выделяющееся светлое пятнышко на смуглой коже.

У него шрам остался. После случая на кухне, когда она ему лицо расцарапала. Небольшой, белесый, тянувшийся тонкой змейкой от виска к щеке.

— Зачем ты делаешь это? — сжимая руки так сильно, что ногти больно впились в ладони, бросила она ему. — Что и кому пытаешься доказать? — голос ее звучал ядовито, почти уничтожая. — Давай признаем, что ты не тот хороший дядька, который может стать мне опекуном. И я не та девочка, которая может стать тебе хорошей воспитанницей. Так зачем мы будем осложнять друг другу жизнь? — она нахмурилась.

— И что ты предлагаешь? — со скрытой угрозой в голосе спросил Антон.

— Давай просто разойдемся, — предложила она, вызывающе глядя на него. — Я останусь жить здесь, сама по себе. А ты останешься жить там, сам по себе. Это будет лучшим выходом из положения. Нам не придется общаться и притворяться друг перед другом, как мы замечательно ладим.

— А нам нужно притворяться? — жестко осведомился он.

— А ты считаешь, не нужно?

Антон вдруг грубо чертыхнулся громким шепотом, и Даша изумленно застыла.

— Кто научил тебя отвечать вопросом на вопрос?! — раздраженно выругался мужчина.

— Тот, кто учил тебя хорошим манерам, очевидно, — сострила она.

Он оскалился.

— О чем ты?

— Я не поеду к тебе! — вместо ответа заявила Даша.

— Поедешь! — жестко надавил Антон, приближаясь к ней и надавливая на ее нервы. —

И это не обсуждается.

— Нет, я сказала, — повышая голос, провозгласила Даша, не делая и шага назад, вжимаясь спиной в стену.

— Да, говорю я! — блеснул он глазами, нависая на ней каменной глыбой. — Завтра же. Собирай вещи!

И Даша не выдержала, заскрипела зубами, возмущенно охнула и кинулась к нему.

— Ты меня не слышишь, да? Совсем не слышишь?! Я с тобой никуда не поеду! Это мой дом, и я...

— Я твой опекун, деточка, — грубо перебил Антон, решительно наклоняясь над ней, вынуждая девушку уклоняться и вжиматься в стену. — И, если я захочу услышать твое мнение насчет того, как мне поступить, — уже почти шипит ей в лицо, — я поинтересуюсь. Пока же, — заглянул в глаза с блестящими в них огоньками, — мне безразлично, что ты думаешь, что ты говоришь, и чего ты хочешь. Поэтому, немедленно собирай вещи! — выплюнул он, отстраняясь. — Я так решил.

Она заставила себя говорить, пересилив дрожь в голосе, стараясь, чтобы тот звучал ровно, слушая разрывающее перепонки бешеное биение сердца, и вопреки острому комку, застывшему в горле.

— Нет! — выкрикнула она, срываясь, ему в лицо. И видела, что он застыл, мрачней. — Мне все равно, что ты говоришь, что ты думаешь, что ты решаешь. Я не стану идти на поводу у маразматика, — не обратила внимания на то, как он дернулся. — Это квартира твоего отца, и он не хотел бы...

— Оставь его в покое! — рывкнул Антон, вновь делая шаг к ней, и Даша невольно отступила, испугавшись полос ярости, мелькнувших на его лице. — Он хотел, чтобы я позаботился о тебе, и я, черт побери, буду заботиться, поняла?! — Даша застыла, почти не дыша. — Даже если тебе противно, даже если противно мне! — он кричал, а она молчала, замороженно глядя на то, как серебристо-серые глаза меняют цвет, постепенно темнея и превращаясь в черные злые точки. — Даже если мы с тобой никогда не поладим, — что скрывать мы никогда не станем лучшими друзьями! — нам придется жить вместе, — это он проговорил, едва не касаясь ее своим телом, нависнув над хрупкой фигуркой девушки. — Отец четко в своем завещании всё оговорил, и ты это знаешь. Я официально стал твоим опекуном, а значит, несу за тебя ответственность...

— Где же ты был четыре года назад?! — выкрикнула Даша, не сдержавшись. — Когда эта?..

— Этого уже не изменишь, поэтому будем жить тем, что есть! — грубо выдавил Антон, раздражаясь.

— А если я этого не хочу?! — с вызовом выкрикнула Даша, отстраняясь от стены, служившей ей опорой, и двигаясь на него, как тигрица. — Жить с тобой под одной крышей не хочу!? И ты не хочешь! Что же делать?

— Он этого хотел! — выстрелил он контрольным выстрелом ей в грудь, прямо в сердце, надавливая на еще не зажившие раны. — Остальное не важно!

И она, застыв в позе амазонки, тяжело дыша, поняла, что не может найти аргумент, чтобы ему возразить.

Горло сдавило острым комком, а в глазах предательски защипало.

— Он позаботится о тебе, малышка.

— Нет. Он меня не любит... — едва не плача.

— Полюбит!.. — уверенно, твердо. — Потому что любит меня...

Антон резко отвернулся, напряженно сжав плечи, выпрямив спину.

— Этого хотел он, — повторил он тише, глубже, как-то... интимнее, откровеннее. — Ты разве не исполнишь его последнюю волю?

Она не хотела этого говорить. Но слова сорвались с языка против ее воли.

— Но ведь ты же не исполнил?

Антон вздрогнул. Все его тело напряглось. Повернулся к ней лицом, прожег взглядом, приковав к месту.

— Тебе, наверное, нужно знать, — проронил он, не отводя от нее взгляда, — что, если бы я мог всё исправить, я бы поступил точно так же, как и годы назад, и ничего не стал бы менять! — эти слова не просто ранили, они ее убили. А он продолжал: — И вовсе не потому, что я такой плохой, эгоист, подлец, негодяй, хотя ты меня, очевидно, таким и считаешь... — ее горящие глаза и так сказали ему всё, что она думает. — А потому, что знаю, уверен, что четыре года назад не смог бы смириться с тем, что сделал отец. Оставил тебя на меня!

— А сейчас? — сощурившись, проговорила Даша, стараясь сдержать дрожь. — Сейчас можешь смириться?

Он молча взирал на нее с высоты своего роста, нахмурившись, поджав губы, пробегая оценивающим взглядом по худенькой фигурке, закутанной в халатик, по бледному лицу с горящими глазами, по рукам, скрещенным на груди и дрожащим.

Всего мгновение, сотая доля мгновения... А Даше показалось, что ее оценивают, чтобы потом повесить бирку с ценником или же за ненадобностью отослать на склад. Ее передернуло от отвращения, и она сильнее запахла полы халата, внезапно почувствовав себя перед ним обнаженной и незащищенной.

— Сейчас... я готов постараться сделать это, — ответил он, наконец, отведя от нее взгляд всего на секунду, чтобы потом впиться в нее вызовом. — А ты? Ты можешь сделать это для него?

Даша застыла, как вкопанная, глядя на него непроницаемо, озлобленно, с яростью и бешенством.

Он знал, куда давить, чтобы заставить ее сдаться. Наверное, заранее все продумал?! И за это она злилась на него еще больше, ее бесило то обстоятельство, что ей придется сдаться. Ему. Подчиниться. Он связал ей руки ее отношением к дяде Олегу. Это нечестно, неправильно. Антон знал, что ему она откажет язвительно и резко, не задумываясь. Но дяде Олегу, человеку, который стал ей отцом?! Ему она не смогла бы отказать ни в чем.

— Черт с тобой, Вересов! — выругалась девушка, почувствовав себя загнанной в ловушку. — Я согласна!

Он жестко улыбнулся. Но не было и тени улыбки в его серых глазах.

— Хорошая девочка, — двинулся к двери. — Собирай вещи.

А она осталась стоять и смотреть на закрывшуюся дверь пустым взглядом еще на несколько минут. А потом, не в силах стоять, прислонилась к стене и скатилась по ней вниз, поджимая под себя колени.

Она не спала почти всю ночь, и не потому, что по его указке собирала вещи, у нее и вещей-то было не много, чтобы можно было что-то собирать! А потому, что мысли, терзавшие ее мозг, не давали уснуть.

Почему он решил так поступить с ней? С ними?! Ведь он и себя наказывал тем, что навязывал себе ее общество. Зачем ему это надо? Почему он связывает себе руки, заковывает в кандалы?! Он мог бы нанять новую мучительницу, чтобы та позаботилась о ней оставшиеся два года. А потом они бы распрощались, словно и не знали друг друга никогда. Это было бы правильно, логично, закономерно.

Зачем же он идет против себя? Почему старается выполнить завещание отца? Неужели в нем проснулась совесть?! Спустя четыре года! Или он кому-то что-то пытается доказать? Ей? Вряд ли его это стало бы волновать, да и Даша вряд ли повелась бы на его заботу и внезапно обнаружившуюся в его сердце доброту. Значит, себе? Но что?! То, что для него дорого обещание, данное отцу!?

Ведь Антон любил дядю Олегу, очень сильно любил. Потому и не мог мириться с тем, что Даша жила с ними. Он ее не любил, а отца обожал, почти боготворил. И в его словах и жестах сквозила боль. По-прежнему, спустя четыре года, ему всё еще было больно. Как и ей.

Поэтому они и сдались. Потому что оба до сих пор переживали эту потерю. Любили. Человека, который не смог примирить их при жизни, но старался сделать это после смерти.

Даша проснулась рано, не было еще и семи. Встав с постели и приведя себя в порядок, стала собирать сумку. Взяла самое необходимое, надеясь на то, что заберет остальное позже. Приготовила завтрак, но так к нему и не притронулась. В рот и маковая росинка сейчас не полезла бы, а к горлу подступала тошнота.

Глядя в окно на гуляющий там ветер, она думала, как теперь жить. Рядом с ним. Справится? Не убежит? Или он сдастся первым, плюнет на всё и опять ее бросит?! Скинет на чужие плечи и станет «заботиться» о ней посредством электронных писем и уведомлений. Если найдет на них время. А Даша, как и четыре года назад, опять окажется предоставленной самой себе.

От мыслей, давящих на виски, болела голова, и Даша, чтобы успокоиться, закрыла глаза. Ну, уж нет, она не станет переживать из-за того, что он ее бросил. Не станет, как четыре года назад, верить в несбыточное. Слишком остро резали ее разбитые иллюзии, чтобы поддаться им вновь. Больше она подобной ошибки не допустит. Никогда не доверится Антону Вересову! И то, что они будут жить в одной квартире, не будет для нее ровным счетом ничего значить. Просто необходимость, данность, уважение к дяде Олегу. А через два года они разойдутся своими дорогами. И не будет уже ни данности, ни необходимости.

Так она решила для себя к тому моменту, как ее опекун проснулся и почтил ее своим присутствием.

Антон зашел на кухню в половине одиннадцатого. Хмурый, почти мрачный, чем-то явно недовольный.

Даша бросила на него беглый взгляд из-под опущенных ресниц, не обращая внимания на учатившийся пульс и затрепетавшее в груди сердце.

— Чайник горячий? — сухо поинтересовался он, подходя к кухонному столу, явно чем-то недовольный и не выспавшийся. И почти через мгновение раздраженно выпалил: — Спасибо за ответ, ты очень любезна.

— Учусь у своего опекуна, — отрезала Даша, не глядя на него. — У него страсть к хорошим манерам.

Он резко повернулся к ней, рванулся вперед, схватил за плечо, больно надавив, и стиснув кожу.

— Слушай, помолчи, а?! — рыкнул он, испугав ее стремительностью. — И без тебя...

тошно! Не нагоняй!

Даше было больно, его пальцы сдавливали, сжимали, но она, поморщившись, лишь отчеканила:

— Отпусти мою руку, — и он отпустил. Сразу же. — Если у тебя плохое настроение, не срывай злость на мне. Я тебе не мальчик для битья, понятно?

Он зло чертыхнулся, повернувшись к ней спиной, и напряженно втянул в себя воздух, через рот.

— Ты всегда умела за себя постоять, — сухо откомментировал он, как-то горько усмехнувшись. — Да?

Даша нахмурилась. Черт, он выводил ее из себя уже тем, что находился рядом. А она обещала себе быть сдержанной и равнодушной. Где уж там, когда эмоции перетекали через край!?

Но она, тем не менее, изобразив на лице холодную мину, остро выдала:

— У меня был хороший учитель.

Он обернулся к ней, саркастически вздернув брови.

— Неужели опять я?

— Размечтался, — фыркнула девушка, скривившись. И через время: — Улица.

— Что? — нахмурился он, глядя на нее сощуренными глазами.

— Улица была моим учителем, — коротко объяснила Даша, поднимаясь. — Она и не такому может научить. Чайник уже остыл, придется подогреть, я приготовила яичницу, если не боишься отравиться, — она ухмыльнулась, — можешь попробовать, — поставила тарелку в раковину и двинулась к двери.

— Ты собрала сумки? — спросил он, словно стараясь удержать ее на месте, не отпуская сейчас.

Она даже не обернулась к нему, сухо бросила через плечо:

— Сумку. У меня она одна. Да, собрала, — остановилась, обернулась. — Когда будешь готов, позовешь меня.

Антону ничего, кроме как кивнуть, не оставалось, и, когда она скрылась за дверью, устало опустил на стул, где сидела Даша, и тяжело вздохнул.

Вздорная, упрямая, невозможная девчонка! Стала частью его жизни, пусть случайно, пусть на короткий срок, пусть была не в восторге от этого так же, как он, но теперь они оказались связанными друг с другом. На два года. На два долгих, томительных года. И никто не обещает, что будет просто. Всё кричит, надрываясь, о том, что будет так сложно, как никогда не было.

Он постучал в ее комнату через полчаса, и Даша открыла, переодетая в кофту и старые джинсы. Темные волосы собраны в высокий хвостик на затылке, на бледном лице ни грамма косметики, а губы поджаты.

— Готова? — только и смог спросить он, хмурясь.

И почему она одевается в какую-то рвань? Неужели он мало денег ей выделял?!

— Пожалуй, — кивнула девушка, выходя из комнаты. — Надеюсь, мой компьютер перевезут к тебе.

— Не сомневайся, — бросил он, уступая ей дорогу. — А где твои сумки?

— Я же сказала, — сухо начала объяснять она, — у меня одна сумка. Только самое необходимое, — она указала на зажатую в руке дорожную сумку, небольшую, но прочную.

Антон, казалось, был изумлен, потому что, осмотрев ее ношу, устремил ошарашенный

взгляд на Дашу.

— И это всё?!

— А что еще? — подбоченясь, ощетижилась девушка. — У меня не так много вещей.

Антон посчитал за лучшее не открывать рот, потому что и так уже чувствовал себя идиотом перед ней. Смотрела она на него как на истинного недоумка, и этот пренебрежительный, колкий взгляд ему претил.

— Ладно, — забирая из ее рук сумку, выдохнул он, — пошли, — и направился к входной двери.

Даша, изумленная тем, что он помог нести вещи, последовала за ним.

— Потом отдашь мне ключи от квартиры отца, — сказал Антон, когда они уже оказались на улице. — У тебя что, нет другой куртки? — возмущенно спросил он вдруг, оценивая пробежав взглядом по ее фигурке.

— Нету, — отрезала девушка, приподнимая воротник. — А почему я должна отдать тебе ключи?

— Потому что они тебе не понадобятся, — в тон ей ответил мужчина, открывая багажник. — А почему нет новой куртки? — гнул он свою линию, бросая на Дашу косые взгляды. — Ведь твоя давно уже поношенная.

А то он не знает, почему она не может себе новую куртку купить!? Даша уставилась на него, сузив глаза.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее. Ее раздирала на части злость, равная по силе настоящему бешенству. Интересуется, выступает заботливым опекуном. Поздно образумился!

— Я думаю, не стоит делать вид, что ты ничего не понимаешь, — резко выдала она, прожигая его взглядом.

Антон застыл, посмотрел на нее удивленно. И она почти поверила, что он ничего не понимает. Почти...

— О чем ты?

— Всё о том же, — ядовито отрезала девушка, открывая дверцу его шикарного автомобиля. — О том, какой ты замечательный, а, главное, заботливый опекун! — и, не дождавшись ответа, нырнула на заднее сиденье.

Не понимая ее сарказма и язвительной иронии, Антон недоуменно проследил за тем, как Даша скрылась в салоне, и, простояв еще несколько томительных секунд, продолжая гадать, что девчонка имела в виду, он, покачав головой, словно отгоняя надоедливые мысли, забрался на водительское сиденье.

— Могла бы сесть и на переднее, — сухо заметил Антон, заводя мотор. — Тебе ведь уже шестнадцать.

Уязвить ее упоминанием о возрасте не удалось, хотя у него и не было подобной цели. Она промолчала, словно игнорируя его, а он, сам не зная почему, бесился от этого. От ее равнодушия. Уж лучше бы она кричала, возражала, язвила. Но ее молчание действовала на него, как красная тряпка на быка. Он заводился с пол-оборота. И сейчас, вместо того, чтобы следить за дорогой, то и дело бросал короткие взгляды в зеркало заднего вида, надеясь заметить на лице девчонки хоть толику чувств и эмоций. Но та была холодной, как лед, уставившись в окно, и делая вид, что не замечает его подглядываний.

Черт бы ее побрал! Она его специально из себя выводит?!

Мысленно выругавшись и сильнее сжав руль, Антон выдавил:

— Я сделаю тебе дубликат ключей от своей квартиры. Завтра, — снова быстрый взгляд на нее. — Сойдет?

Даша пожала плечами, продолжая рассматривать проносившиеся за окном московские улицы.

— Ты устроила мне бойкот? — поинтересовался Антон, начиная мрачнеть.

— Это тебя уязвляет? — обронила она, усмехнувшись.

И он заткнулся. Больше ни слова ей не сказал за всю оставшуюся до квартиры дорогу.

Хочет ехать молча, что ж, он удовлетворит ее стремление и желание.

Вжимая педаль газа в пол, он помчался вперед, словно срывая в машине свою злость.

Он уже довольно-таки долго следил за ней. Выслеживал, как охотник, свою жертву. Где живет, где учится, с кем общается, как проводит свободное время, где бывает. Узнал о ней всё, что ему было нужно.

«А девчонка-то неплохо устроилась. Очень даже хорошо. Ритуля, небось, и подумать не могла, что ее дочурка найдет такого состоятельного «папика»?! А девка-то, Дашка, хороша, и придраться не к чему».

Богато живет, на машинах дорогих разъезжает, дружбу с богатеями водит.

А о семье даже и не вспомнила, небось!? Не дело это, не дело...

Но кто же мог знать, что тот мужик окажется состоятельным?! Профессор, писатель, исследователь. Москвич, мать его! Надо было больше за девчонку просить! И что это он, дурак, сглупил тогда?! Мог бы выпросить и двадцать, и тридцать штук. Этот заплатил бы, девчонка-то ему нужна была. А сейчас...

Помер. Об этом все газеты писали. А что с мертвого можно взять?

А Дашка-то!.. Подлюка! Куда она собралась? И малый какой-то... Вроде на сына профессорского похож, богач тоже. Может, и с него можно что срубить? О Дашке вроде заботится, денег не пожалеет.

И Алексей, потирая руки в предвкушении наживы, нажал на газ и рванул следом за удаляющейся от дома профессора иномаркой на своей старенькой «шестерке», так и оставшись незамеченным.

21 глава

Здесь всё дышало им. В его квартире, большой, двухэтажной, на Кутузовском. Она чувствовала его.

Здесь будто всё было им пропитано, даже в воздухе, казалось, витал аромат его туалетной воды. Свежий, дерзкий аромат, ощущая который носом, Даше хотелось поморщиться. Не оттого, что он ей не нравился, а потому, что он принадлежал ему. А ей отчаянно хотелось всё в нем ненавидеть.

И она брезгливо повела плечами, будто давая оценку месту, в котором ей предстояло жить. Судорожно вдохнула через нос, ощутив, как его запах проникает в легкие вместе с кислородом. Задержала дыхание.

Антон между тем не обращал на нее внимания, машинально, на автомате, выполняя всё, что требовалось от гостеприимного хозяина. Только гостеприимным хозяином он не был, как и она не была долгожданной гостьей в его доме. Скорее, преступницей, вломившейся в его личное пространство, на территорию, куда никто не смел проникать до этого дня.

Может быть, поэтому у него сейчас такое мрачное выражение лица? И поэтому брови сведены к переносице, глаза щурятся, а губы превратились в тонкую ниточку?

Она косо рассматривала его, пока Антон вел ее к своей квартире, гадая, что ее раздражает в нем больше. Скептицизм и брезгливость или бездушное спокойствие и равнодушие по отношению к ней?

Они и словом не перемолвились с момента, как отъехали от квартиры Олега. Он, выполняя отведенную ему роль заботливого, участливого опекуна, пытался поговорить, но она игнорировала все его попытки завести пустой разговор. Зачем? Это что-то изменит, решит для них? А, может быть, поможет обоим забыть прошедшие четыре года, проведенные вдали друг от друга и превратившие их в заклятых врагов?

Даша была твердо уверена, что ничто в этой жизни не заставит ее забыть, что было, и попытаться понять его, человека, который повернулся к ней спиной в тот миг, когда она ждала от него участия.

Едва они тронулись с места, она отвернулась к окну, показательно скрестив руки на груди. Он все понял. Бросал на нее короткие взгляды в зеркало заднего вида, злился на нее, негодовал, возмущенно хмурился, а она старалась сдерживать победную улыбку и согревалась сладостным теплом своей маленькой мести.

Звякнули ключи, это Антон открывает дверь ее тюремной камеры. Даша поморщилась и скривилась.

Какое точное сравнение. На два года это место станет именно камерой. Как четыре года была квартира дяди Олега, вмиг из жилища, от которого веяло уютом, нежностью и любовью, превратившись в овеванный ледяными ветрами холодный северный замок. С ее личной надзирательницей.

Даша, задумчиво склонив голову, смотрела на распахнутую перед ней дверь.

Теперь это превратится в место, где расположится ее личный ад на земле? Просто поменяв надзирателя?

— Проходи, — застыв в дверях вместе с ней, проговорил Антон, заходя внутрь.

Она вздрогнула от звука его голоса. Холодный и сухой, полоснувший ее резкостью.

Даша злилась на него, у нее были на то причины. А вот на что злился он, она разобрать не могла.

Но в том, что Вересов пребывал в одном из самых скверных своих состояний, девушка не сомневалась.

Вслед за Антоном она прошла в квартиру и замерла на пороге, словно громом пораженная. Ощувив этот неповторимый аромат... мужчины. И не просто какого-нибудь мужчины, а его, своего опекуна.

Она часто за последние годы бывала в квартире Паши, ему тоже был присущ свой запах, но от этого... ее коробило, а внутри всё словно обрывалось. Казалось, он давил на нее, взывая к чему-то. И это ее дезориентировало, заставляя жаться к стенке, вместо того, чтобы с гордо поднятой головой войти внутрь.

Едва ступив на порог его дома, своего нового жилища, девушка ощутила дискомфорт. Хотя и не подала виду. Не перед ним. Она никогда не позволит себе опуститься до того, чтобы на что-то ему пожаловаться. Один раз она уже попробовала... и чем это для нее обернулось?!

Даша стиснула зубы. Нет, она не будет вспоминать. Не станет мучить себя воспоминаниями.

Неуверенно застыв у двери, Даша не решалась сделать вперед хотя бы шаг. Она будто знала, еще один шаг, вот этот, заветный, последний, роковой... и всё в ее жизни изменится. Стремительно, резко, зло перевернется ее маленький мир, в котором не было его, такого мрачного, постороннего, чужого. Точнее, он был, но где-то там, далеко, не с ней. А теперь... Что теперь? Она не хотела, не ждала, она не искала перемен. И его она больше не ждала. А он пришел. И заявил на нее свои права, будто имел на то основание.

И этот шаг, этот последний роковой шаг означал бы крах ее прежней жизни. Полный разрыв с прошлым.

— Ты чего застыла, как вкопанная? — подал голос Антон, уже успевший раздеться, чем вызвал волну дрожи, метнувшуюся вдоль позвоночника в ее теле. — Привыкай, что это станет твоим пристанищем на два года, — как-то грубо бросил он, проходя вглубь квартиры. — Ничего не могу с этим поделать.

А ничего делать и не нужно, просто оставь ее в покое. Ты ведь уже сделал это однажды, четыре года назад. Так за чем же сейчас дело встало?! Что заставило тебя передумать?!

Стиснув зубы, Даша неспешно прошла внутрь, медлительно разделась и, неуверенно потоптавшись на месте еще с минуту, поплелась в другую комнату в сопровождении пристального взгляда серых глаз.

— Идем за мной, — коротко кинул Антон, когда она поравнялась с ним. — Потом всё осмотришь.

Ей захотелось состричь, бросить ему в ответ что-нибудь грубое и ироничное, даже саркастическое, но девушка сдержалась, благоразумно решив, что у нее еще будет время отыграться за всё.

Поэтому на его слова она ответила лишь легким кивком головы и равнодушным пожатием плеч. Что, по всей видимости, сильно его разозлило, потому что Антон, сцепив зубы, мгновенно помрачнел.

Даша про себя улыбнулась, поздравив себя с еще одной маленькой личной победой. Она

уже поняла, что молчание и безразличие мужчине бесило. Он, очевидно, ожидал от нее бурной реакции, взрыва, упреков и обвинений, какими она удостоила его вчера? И он победил именно потому, что она сорвалась, не выдержала, сдалась. Но больше этого не повторится. Она ему не позволит одержать победу снова.

— Идем, — сухо отозвался Антон и без лишних слов двинулся в сторону лестницы.

Даша последовала за ним, невольно озираясь по сторонам и разглядывая его квартиру.

Надо же, вот как он жил всё то время, что после возвращения в Россию, поселился в Москве!? А она-то думала, что с ним, как он, почему не приходит. А ему было очень даже хорошо и комфортно. Не сравнить с тем, как жила она все эти годы, вынужденная просить разрешения, чтобы пообедать.

Одернув себя, девушка сосредоточилась на его спине. Впервые за то время, что они виделись со дня смерти Маргариты Львовны, отметив его внешнюю натуру, пусть и со спины.

Высокий, атлетически сложенный, подтянутый... посещает спортзал? Плечи широкие, длинные крепкие ноги, напряженно выпрямленная спина и сжатые в кулаки руки. Интересно, отчего бы?.. Все еще злится?

Даша легко улыбнулась, довольная тем, что она в отличие от него самообладание не потеряла.

— Я отвел для тебя комнату на втором этаже, — не поворачиваясь к ней, сухо сказал Антон. — Надеюсь, тебе понравится.

— Серьезно? — не сдержалась девушка, саркастически хмыкнув.

И тут же едва не врезалась от неожиданности в широкую мужскую спину, по-прежнему напряженно выпрямленную, застывшую перед ней скалой. Что за?..

Она поняла, что вновь его задела в тот же миг, но сделать ничего не смогла, слушая, как стучит сердце в груди, и молотится в виски бешеный пульс.

Антон резко повернулся к ней лицом, так, что она, не успев сориентироваться на ничтожно маленьком пространстве лестничных ступенек, оказалась прижатой его телом к перилам. Воздуха стало мало.

Он наклонился вперед, почти касаясь своим омраченным гневом и яростью лицом ее лица с широко раскрытыми глазами на нем. Пространство вдруг уменьшилось до размеров кукольного домика, в котором она, зажата, запертая и скованная, должна была находиться, давясь жаром и недоумением под его телом.

Почувствовав на своих щеках его теплое дыхание, Даша едва не переломилась пополам и не свалилась вниз, чтобы избежать этого чересчур интимного соприкосновения. Дальше от него, дальше...

— Что ты?.. — договорить она не успела.

— Не беси меня, — грубо, сквозь плотно сжатые губы выдохнул Антон ей в лицо. И она поняла, лучше его сейчас не злить, опасным блеском блеснули серые глаза, в этот миг превратившиеся в маленькие щелочки и ставшие почти черными. — Не беси, слышишь?.. — повторил он, и Даша наклонилась вниз, спиной ощущая боль во всем теле, но поморщиться от неудобства себе не позволила. — Я действительно надеюсь, что тебе понравится, — отточено выговорил он, заглядывая в ее глаза, а на самом деле, проникая в душу. — Потому что, если тебе не понравится, я умываю руки, — он окинул девушку колким взглядом и добавил: — Плевать, нравится тебе или нет, все равно ты будешь здесь жить!

— Тогда зачем спрашиваешь? — спросила Даша, не отводя от него глаз. Губы ее

сжались, дыхание рвалось через нос тяжело и рвано. — Если тебе всё равно, мне и подавно. Это ненадолго! — жестко толкнула она его словами. — Я под этой крышей ненадолго, — пояснила она едко и, будто стараясь добить его окончательно, с мнимым равнодушием бросила: — А жила я и в более мерзких местах, чтобы на что-то жаловаться. Не дожدهшься!

Он ничего не ответил, молча продолжая нависать над ней, подавляя силой и глубиной своей злости. И по тому, как расширились его ноздри, будто мужчина пытался сдержаться и не заорать на нее, Даша поняла, что снова его разозлила. И осознала, что снова выиграла. Сколько уже? Три — ноль?!

Отстранился он от нее так же стремительно, как и наклонился. И дышать мгновенно стало легче.

Она выпрямилась, а он, не говоря ни слова, резко повернулся к ней спиной и, перешагивая едва ли не через три ступеньки, двинулся дальше. Мрачный, злой, раздраженный, большой и опасный.

Ее сердце билось очень сильно, ноги отчего-то стали ватными, словно недвижимыми, но она пошла за ним, забыв о том, чтобы осматриваться по сторонам.

Квартира Антона была довольно-таки уютной и мило обставленной, несмотря на то, что являлась его холостяцким пристанищем. А, может, вовсе и не холостяцким? Что она об этом знает? Ничего. С тех пор, как узнала, что он предал ее и дядю Олега, она не следила за его жизнью. Вдруг он уже женился? Тогда где жена? Неужели позволила ему взять Дашу под опеку? Или он с ней вообще не советовался, просто поставив перед фактом, как вчера сделал это с самой Дашей?!

Нет, вряд ли он женат, решила вдруг она. Девиц у него, наверное, хоть отбавляй, а вот жена вряд ли есть.

Погруженная в свои размышления, девушка не сразу осознала, что Антон остановился перед большой белой дверью, а сама она сделала это неосознанно, и громкий мужской голос заставил ее встрепенуться.

Он распахнул дверь, представляя Дашиному взору большую, но уютную, богато обставленную комнату.

Такого она увидеть никак не ожидала, а потому изумленно пробежала глазами и по двуспальной кровати, застеленной, как девушка подозревала, шелковыми простынями, и по объемному деревянному комоду, и по высокому двустворчатому шкафу, и по широкому окну в английском стиле с низким подоконником.

Здесь она будет жить? А уж не шутит ли этот мужчина, с кислой миной сейчас застывший рядом с ней?!

И словно в подтверждение того, что шутить не намерен, Антон, отступая в сторону, заявил:

— Вот твоя комната, — и, не глядя на девушку, уставился в пространство. — Ванная одна, на первом этаже.

Даша была поражена. Не ожидала она, что вместо маленькой темной коморки он поселит ее в царских хоромаш! И как теперь на всё это реагировать? Какой реакции от нее ждет он?!

— Мило, — после короткого, беглого осмотра заключила Даша, вскинув брови и поджав губки.

Она заметила, как дернулся Антон, задетый ее словами, хотя и промолчал, не подавая виду. Поставил ее сумку на пол и, засунув руки в карманы джинсов, скривился. Не выдержал

все-таки...

— Мило, — язвительно передернул он, по-прежнему не глядя на нее. — Евро-ремонт, деточка. Вся мебель по специальному заказу, стеллаж из красного дерева и кровать из кедра. А ты мне... мило?! — он стиснул зубы. — Что ж, от тебя, по всей видимости, мне ничего иного ожидать и не приходилось.

На самом деле, было больше, чем мило. Комната была великолепной, но сообщать об этом Вересову Даша не собиралась. Он сам затеял эту войну, что ж, — получай!

А потом, когда она решила, что смогла его уязвить, он ударил ее своими словами:

— Сюда должна была переехать не ты, — грубо, жестко, со злостью выговорил он. — Но ты свалилась на мою голову и спутала все карты!

Смерил ее презрительным взглядом с головы до ног, а Даша вдруг разозлилась. Ярость забила в ней, заклокотала ненависть, боль и обида пронзили насквозь. Она ответила на его презрение.

— Неужели очередной пассивности разрешено было сыскать твое уважение настолько, — едко выдала она, — что ты разрешил ей посетить сие жилище?!

Глаза его сузились, на скулах заходили желваки, он просто взбесился, но Даша и сама понимала, что перегнула палку. Только вот виноватой себя ничуть не чувствовала, он сам напросился!

— Ты забываешься, деточка, — прошипел он сквозь зубы, шагнув к ней.

— Это, видимо, передается воздушно-капельным путем, — резко бросила девушка, глядя ему прямо в глаза. — Ты тоже кое о чем забыл!

Он двинулся на нее.

— О чем? Забыл спросить твоего разрешения на то, как мне жить?! — его слова резали, и Даша невольно отступила. А он забил еще один гвоздь. — После того, как отец променял меня на тебя?!

Даша дернулась, как от удара. Он не забыл. Он не простил. Он не свыкся с мыслью, что отец привел ее в их дом. До сих пор так и не понял, не принял, не смирился... Ей стало больно и обидно.

— Дядя Олег ни в чем не виноват, — тихо проговорила она. — Если хочешь кого-то обвинять, то...

— Обвинять тебя? — сощурившись, подсказал он. — Не беспокойся насчет этого, девочка, я уже обвиняю!

Она тяжело дышала, глядя ему в глаза, пытаясь найти слова, факты, аргументы, а потом выпалила:

— Значит, мы квиты! — руки сжались в кулачки.

Лицо его побледнело. Он долго молчал, хотя она и видела, что он борется с собой.

— Значит, квиты, — словно выплюнул он ей в лицо, резко отстранился. — Добро пожаловать в ад, — и с этими словами стремительно покинул ее комнату, хлопнув дверью.

Она стояла на месте еще около пяти минут, глядя прямо перед собой, но ничего не видя. Предательские слезы обиды застыли в уголках глаз и щипали переносицу. Сглотнув комок боли, девушка зажала рот рукой, приходя в себя, закрыла глаза, сильно зажмурившись.

Плакать? Из-за него?! Никогда!

Тяжело вздохнув, Даша сжала руки в кулаки, резко их разжала, снова сжала, успокаиваясь, а потом шагнула к сумке и, бросив ту на стул, стала разбирать свои вещи.

А через полтора часа, осмотревшись, позвонив Лесе и договорившись с ней встретиться,

пошла искать своего непутевого опекуна, чтобы сообщить ему о том, что уходит. Звать его по имени она не решилась, ей вообще казалось странным, что она может его так назвать — Антон, а потому очень обрадовалась, когда обнаружила его в гостиной, сидящим на диване и разглядывавшим какие-то бумаги.

— Я уйду, — коротко бросила она, застыв в дверях.

— В смысле? — поднял он на нее быстрый взгляд. — Уже?

Она поняла подтекст и скривилась.

— Не дождешься, — сухо заявила она, скрываясь в прихожей.

— Надеюсь, — в тон ей крикнул он, но так и не встал с дивана, не подошел к ней, казалось, вообще никак не отреагировал на ее слова, будто их не слышал.

И Даша, проклиная всё на свете, злясь на себя в первую очередь за то, что смела подумать, будто он побеспокоится, поинтересуется... тьфу!.. стремительно выскользнула из квартиры в объятья апреля.

«Что ж, ему всё равно!? поправляя воротник, думала она. Всё равно, значит?! Ну, что ж... Посмотрим!».

И уверенно зашагала в сторону автобусной остановки.

А он и не думал беспокоиться, будто вообще о ней забыл. Наверное, на некоторое время так и стало. У него было много дел, голова была забита, следовало обзвонить кучу людей, проверить бумаги, записать в ежедневник все планы на предстоящую неделю, и мысли о том, что где-то рядом с ним должна бы, по идее, ходить упрямая девчонка, совершенно выскочили у него из головы.

Она не сообщила ему, когда вернется домой, и Антон как-то даже забыл о том, что она должна была это сделать. Вспомнил о том, что девушка ушла, мужчина только под вечер, точнее, ночью.

Была уже половина одиннадцатого, когда он, глядя на часы, с запозданием вспомнил о том, что Даша не выходила даже к ужину. Вздохнув, он отбросил в сторону бумаги и направился за ней. Постучал несколько раз, прежде чем, не получив ответа, распахнул ту настежь и вмиг осознал, что девчонки нет в квартире.

Она что же, еще не вернулась? С четырех часов?! А он не заметил... Он забыл о ней.

Зло, грубо чертыхнувшись сквозь зубы, попытался себя оправдать.

Черт побери, ему никогда ни о ком не приходилось заботиться! Все эти годы он жил один, сам за себя отвечая, сам о себя заботясь, сам за себя неся ответственность! Раньше на его шее, черт побери, не висела упрямая вздорная девчонка, которую он на дух не выносит! А сейчас...

Мать твою, и где она шляется, спрашивается?!

Еще один быстрый взгляд на часы, и злость поднимается в нем с новой силой.

Пришлось отругать себя еще и за то, что за все те дни, что они ругались, грызясь, как кошка с собакой, он так и не удосужился взять номер ее телефона. Проворонил, идиот! И поэтому сейчас не знал, что делать, действительно, не находя себе места от беспокойства. Метался по квартире из угла в угол, то и дело смотрел на часы, слушая их мерное тиканье, злясь на нее, раздражаясь всё сильнее и мечтая всыпать ей по полное число, как только до нее доберется.

А в половине двенадцатого он стал серьезно волноваться. Где она? С кем? Что делает одна в огромном городе?! Мало ли придурков по ночным улицам ходит?! Работая юристом,

Антон знал, что много. Очень много. И от того едва ли не рвал на себе волосы от волнения.

А потом, будто устав винить во всем лишь себя, вновь начинал злиться на нее.

Она вообще думает о том, чтобы хотя бы на часы посмотреть!?

А затем... Что же ему опять ехать на ее поиски? Как тогда, много лет назад?! Его передернуло. Нет!

В милицию позвонить?.. И что они ему скажут?!

И он опять начинал беситься, расхаживая по квартире и матерясь, не стесняясь, в голос.

А когда он, изводясь от нетерпения, почти мечтал ее увидеть, чтобы потом едва ли не поставить в угол и не отхлестать ремнем, в дверь тихо, как-то неуверенно постучали.

Он застыл, тяжело дыша, а потом стремительно метнулся к двери, резко распахнув ее настежь.

Она. Точно она, стоит на пороге, переминаясь с ноги на ногу и, черт ее побери, даже не смущена!

— Доброй ночи, — сухо проговорила она, поднимая на него усталый взгляд. — Можно войти?

Он потерял дар речи от ее бесцеремонности и наглости, а потому лишь отступил в сторону, когда Даша, протиснувшись между ним и дверным проемом, заскочила в прихожую и стала быстро раздеваться.

Затормозено, чувствуя себя последним идиотом, он, закрыв дверь на засов, медленно обернулся к ней.

— Эй, — окликнул он девушку, — а ты ничего не хочешь мне объяснить?

Даша подняла на него удивленно невинный взгляд чистого ангела. Равнодушно пожала плечами.

— Нет.

У него чуть глаза не вылезли на лоб, губы приоткрылись. Захотелось отхлестать ее.

— Ты на часы смотрела?! — вновь изумился Антон, нависнув над ней каменной глыбой.

Она вновь пожала плечами, не выражая никаких эмоций.

— Да.

— И?.. — с нажимом выдавил он, начиная злиться.

— Что — и? — поворачиваясь к нему полубоком, переспросила девушка.

А Антон уже отчаянно сжимал руки в кулаки, чтобы не сорваться. Мать твою, да она специально!

— И ты видела, сколько они показывают?!

Даша задумчиво наклонила голову набок, нарочито медленно подняла взгляд на стену, где размеренно и монотонно отстукивая удар за ударом, видели настенные часы. Темные бровки приподнялись.

— О, — выдохнула она, легко улыбнувшись, — уже почти двенадцать.

Переведя безответственный и совершенно спокойный взгляд на него, девушка беспечно пожала плечами вновь. Улыбнулась ему, как Антону показалось, наглой вызывающей улыбкой и бросила:

— Засиделась я, — и, больше не говоря ни слова, двинулась в сторону лестницы.

А Антон стоял и смотрел ей вслед совершенно очарованный ее откровенной дерзостью.

И как это называется?! Ведет себя так, словно ничего не произошло, вызывающе, откровенно издеваясь!

Через мгновение он бросился за ней, преградив путь к лестнице, и девушка, словно

ожидая подобной реакции, устало подняла на него насмешливый взгляд черных глаз. Смотрит так, будто откровенно смеется.

— Ты что, совсем обнаглела? — выдохнул он, сощурившись. — Объясниться не хочешь?!

— А должна? — губы ее скривились, глаза оставались вызывающе спокойными.

— Я твой опекун, вообще-то! — едва не задохнулся от злости он.

— Так ты об этом вспомнил, наконец? — пронзила она его словами, словно стрелой. — Спустя четыре года!?

Она знала, куда бьет. По больному, по не зажившему, по рваному и не заштопанному сердцу, касаясь раны своими грязными ручонками. Внутри всё взорвалось болью, впиваясь ядом в кровь.

И Антон не выдержал. Наклонившись к ней, схватил за руку, вынуждая девушку к себе прислушаться.

— Спустя четыре года или нет, — прошипел он, — но ты, дорогая моя, остаешься моей подопечной еще на два года, — он отметил, как дернулась ее щека, и сузились глаза, превратившись в черные точки. — Поэтому обязана отчитываться передо мной за каждый свой шаг. Я не намерен вытаскивать тебя из тюрьги и иметь дело с наркоманами и пьянчужками, с которыми ты, вполне возможно, водишь дружбу!

Даша задохнулась от гнева, лицо ее побледнело, руки сжались. Она не знала, каким чудом удержалась, чтобы не заехать кулаком по его смазливой физиономии за это оскорбление.

— Без тебя справлюсь! — грубо выпалила она. — Я от тебя никогда больше ничего не потребую!

Больше не потребует? Это замечание отчего-то резануло по ушам.

— Какого черта ты вернулась так поздно?! — продолжал допытываться Антон, удерживая ее на месте. — Почему не предупредила, куда ушла и когда вернешься?! А если бы с тобой что-то случилось!? Ты думаешь о том, что мне потом пришлось бы отвечать за это!

— Значит, ты плохой опекун, — зло выдавила она, поморщившись от его болезненного захвата.

— Так ты это сделала нарочно? — догадавшись, процедил он с яростью. — Специально? Чтобы меня позлить, заставить волноваться?!

— Мне плевать, что ты подумаешь или скажешь, Вересов! — сказала девушка, пытаясь вырваться. И почему он всегда применяет силу, вынуждая ее его слушать?! — Отпусти, — дернулась она.

— Значит, специально, — помрачнел он и сузившимися глазами впился в ее лицо, игнорируя просьбу. — Так слушай меня внимательно, деточка, — прошипел он злобно, — здесь я выдвигаю правила, и они не подлежат обсуждению с твоей стороны. Если я говорю, ты делаешь, если не говорю, значит...

— Тоже делаю? Отпусти меня, — прошипела она сквозь зубы, не глядя на свое зажатое в его руке запястье. — Отпусти!

Но он стиснул его еще сильнее.

— Кажется, ты не понимаешь меня, деточка, — прошипел он, тяжело дыша. — Мне написать тебе все на листке, чтобы ты знала, где находишься?!

— А это разве можно забыть? — саркастически выдохнула Даша. — Мне четыре года

вбивали в голову, что я чуть ли не жива, только благодаря тебе, — она будто выплюнула эти слова. — Запомнила, спасибо, — ее губы скривились, а в глазах появился жесткий блеск. — Только вот сомневаюсь, что лично ты приложил к моему выживанию руку!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился он, не понимая, куда она клонит. — Я четыре года терпел...

— Меня на своей шее?! — ядовито подсказала Даша, пытаясь вырвать руку из его захвата. — Что ж, поздравляю, осталось всего два. И ты, наконец, станешь свободным от обязательств! Удобно, правда?!

— Ты обвиняешь меня в чем-то? — изумленно выдохнул Антон, ослабив хватку. И Даша поспешила этим воспользоваться, вырвав руку из его ладони и отскочив от мужчины к перилам.

— А ты не понимаешь, конечно же, — саркастически выдавила она. — Что ж, так тому и быть, — и метнулась вверх по лестнице, не желая ему ничего объяснить. Резко остановившись, она стрельнула в него ядом глаз и слов. — Это ты привел меня в этот дом, ты заставил меня переехать, вынудил жить здесь с тобой. Я на это не подписывалась! Я не хотела этого, ты знаешь. Но ты, — она горько хмыкнула, — как мой опекун, настоял, и вот я здесь. Из-за тебя! Потому что ты так захотел! — бросала она в него упреки. — Поэтому теперь не смей меня в чем-то винить. Спроси лучше себя, зачем тебе все это надо?! — и ринулась прочь.

Антон метнулся за ней, желая продолжить разговор. Но Даша так и не остановилась.

— Вернись! — услышала она его громкий вскрик, но, заскочив в свою комнату, закрыла дверь, щелкнув замком. А, прижавшись к стене, вдруг осела на пол и неслышно заплакала.

22 глава

Проснулась она рано, не было еще и шести. Выспалась, как ни странно, хотя почти всю ночь не могла заснуть на невероятно гладких шелковых, в чем уведомил ее Антон, простынях, ворочаясь с бока на бок, и привыкая к мысли, что теперь будет здесь жить целых два года. Хочет или нет, но придется.

Потому что Антон Вересов так решил.

При одном лишь воспоминании о нем и о том, что он сказал ей, девушку бросало то в жар, то в холод. От обиды, застилающей глаза, вызывающей в груди тупую давящую боль, от злости, ослепляющей ярости, от желания врезать ему (именно так — врезать!) и наблюдать за выражением крайнего изумления и шока на красивом лице. Уязвить его, пристыдить, унижить, сделать ему так же больно, как сделал ей он.

Но единственное, на что еехватило, это не разрыдаться при нем, грубо бросаясь в него колкими фразами и резкими выпадами, рвануть к себе в комнату, и только там, прислонившись к двери спиной, неслышно и негромко заплакать, надеясь на то, что он оставит ее в покое.

Уже тогда, окидывая комнату беглым взглядом, девушка понимала, что ненавидит это место. Блестящая, шикарно обставленная, богато убранная и дышащая большими деньгами, она вызывала в ней лишь тоску и отвращение. Тоску по тем годам, которые были для нее потеряны, и отвращение ко всему тому, что было связано с Антоном. Золотая клетка с жестоким надзирателем, из которой не было возможности вырваться.

Неужели он думал, что ее можно купить? Вот таким мелким, ничтожным способом, просто поселив в шикарной и богатой квартире? Он думал, что она польстится на богатство, кинется целовать ему колени и в порыве счастья начнет говорить, как рада тому, что теперь находится рядом с ним?!

Фыркнув сквозь слезы, Даша истерически рассмеялась. И почти презирала себя за проявленную против воли слабость. Ей не пристало... она не имеет права унижаться перед ним, показывая насколько ей больно слышать слова его злости, упреки, гадости. Нельзя. Не ей. Только не с ним.

А за дверью раздался еще один решительный стук, на который она, сменив молчание несдержанностью, ответила вполне решительным и твердым «Убирайся!». А потом, резко кинувшись к кровати, упала на нее.

Это было странное ощущение. Спать на шелковых простынях, в роскошной кровати из кедра, среди дорогой мебели, в окружении блеска и изыска. Всего того, о чем имела представление, лишь находясь в доме Леси или Паши. Вынужденная отныне существовать именно в таких условиях.

Но как же всё это противоречило тому, к чему она готовила себя! Не этого она ждала от Антона, совсем не этого. Маленькой комнатухи с убогой мебелью и небольшим оконцем, да... но не всего этого шика.

Но если бы кто-то спросил ее, нужно ли ей это восхитительное богатство, она бы рассмеялась, отметив, что все шестнадцать лет справлялась без него, порой перебиваясь тем,

что достанется, а потому не питает к подобной изысканности слабости. У нее не было и желания жить среди всего этого великолепия, она была бы рада и отдельному углу в квартире дяди Олега. Если бы только ей там позволили остаться. Но Вересов был категорически против. Упрямый и твердолобый баран!

Зачем он портит жизнь ей и себе? Зачем?! Чего он этим хочется добиться, что и кому хочет доказать?! Она не требует от него ничего. Ровным счетом ничего не ждет уже много лет. Он потерял ее доверие, то хрупкое, кисейное доверие, которое она хотела ему предоставить четыре года назад. Но он обманул ее, ее надежды, растоптал иллюзорные представления о счастливой жизни, которым она позволила завладеть своим сознанием. Как она могла забыть, что не имела на это права. Даже на то, чтобы надеяться и верить, у нее тогда не было прав.

А сейчас?.. Она не будет надеяться, и верить ему больше не будет. Он не заслужил. После того, что было. После того, как обманул, предал, растоптав всё светлое в душе маленькой девочки, которая ждала от него чуда... ему нечего от нее ожидать, и ему теперь не на что надеяться. Она не предоставит ему и шанса на то, чтобы исправить содеянное. И не потому, что не захочет, она просто не сможет. Он потерял доверие.

Даша вознамерилась просто игнорировать его. Когда вчера направилась к Лесе, она твердо решила, что не позволит ему выводить себя из терпения. Он ненавидел ее апатию, холодность и отстраненность, он на дух не выносил игнорирования. И именно этим оружием она и собиралась его уничтожать.

Он сам выбрал такой путь, жаловаться ему было не на что.

— Может, папа поговорит с ним, — предложила Леся, — и ты переедешь к нам? Ведь сбросил же он тебя на эту гримзу четыре года назад!? — возмущенно воскликнула. — Так почему бы ему еще раз так не поступить?!

Даша отрицательно покачала головой, грустно улыбнувшись.

— Нет, он не позволит.

— Это еще почему? — нахмурилась Леся, вскочив с кресла. — Ему что, хочется держать на своей шее такой груз ответственности?! Совесть у него проснулась, что ли?!

— Я не знаю, что и кому он хочет доказать, — тихо ответила Даша, — но он не... не отпустит меня.

Леся громко фыркнула и вновь опустилась в кресло, закинув ногу на ногу.

— Вот еще, мать Тереза! Где он был, когда эта карга...?!

— Леся, — твердо перебила Даша, бросив на нее колкий взгляд. — Не надо ее вспоминать. Она того не стоит.

Скрестив руки на груди, Леся, смиренно вздохнув, согласилась.

— И то правда.

Вознамерившись не показываться на глаза Антону и проверить его реакцию на свое отсутствие в его доме, у Леси Даша оставалась до восьми вечера. Да, она сделала это нарочно, чтобы наказать его, позлить, вывести из себя — снова. В ее планы не входило приводить его в ярость, сначала она хотела лишь остыть, свыкнуться, поразмыслить, но потом... мысль о том, чтобы проучить его, внедрилась в ее мозг. И Даша направилась к Лесе. Остаться у нее девушка могла и на более долгий срок, сама Леся удерживала ее руками и ногами, да и Лесин папа, всегда относящийся к лучшей подруге дочери с симпатией и даже отеческой любовью, был тоже рад, но Даше нужно было позвонить Паше, чтобы сообщить, как у нее дела.

Он беспокоился о ней, она знала. С тех самых пор, как перебрался в Москву, он волновался, переживал за нее, пытался помочь и помогал, делал всё для того, что облегчить ее существование. Она долгое время стеснялась признаться ему в том, что происходит на самом деле, только потом, когда он, устав слушать ее очередную ложь, спросил напрямую, что творится вокруг нее, Даша созналась. И с того времени он всегда пытался оберегать ее. Иногда выходило, порой нет. Слишком гордая маленькая девочка, привыкшая за свою жизнь решать проблемы сама, ни на кого не надеясь и ни на чью помощь не рассчитывая, она и тогда оставалась верна себе, своим принципам и жизненным установкам.

Паша был тем человеком, который ее понимал. Он был таким же, как она. Наверное, он знал, что она что-то скрывает от него, не договаривает, не признается, таится, но никогда не давил и не настаивал, всегда защищая ее чувства от посягательств извне, даже если сам был «захватчиком» ее признаний.

А тогда, находясь у Леси, Даша почувствовала острую необходимость хотя бы услышать его голос. Он ее всегда успокаивал, вселял веру во что-то лучшее, светлое и доброе. И она ему верила.

— Паша, привет! — пророкотала она, когда ей мгновенно ответили.

— Егоза, — воскликнул он незамедлительно, — ты что, меня совсем не жалеешь? Не любишь?

Даша улыбнулась и, прикрыв глаза, с легкостью призналась:

— Люблю.

— Тогда почему не звонила? — с грустью выговорил он, будто обиженный ребенок. — Я тут извелся уже, пока ждал твоего звонка, — признался он. — Думал уже ехать к твоему Вересову разбираться!.. Как ты?

Воспоминания об Антоне заставили ее напрячься.

Как он там, интересно? Уже заметил ее отсутствие? Или даже внимания не обратил?..

— Я у Леси, — проговорила девушка, вздохнув, — она передает тебе пламенный привет и поцелуй.

Леся вскинула вверх тонкие бровки и улыбнулась.

— Даже так? — усмехнулся Паша. — Передавай и ей привет от меня. Обязательно пламенный.

— Обязательно, — согласилась Даша. — Паш, а ты... не можешь меня забрать? — опустив голову, она смущенно уставилась в окно. — Мы бы с тобой поговорили, заехали куда-нибудь... посидели...

Она знала, что Паша не будет против, но всегда отчего-то смущалась, заводя подобный разговор.

— К Лесе? — тут же оживился молодой человек. — Конечно, заеду. Когда?

Даша вновь улыбнулась. Добрый Пашка, он мог готов бросить все дела ради нее! Настоящий друг.

— Сейчас? Сможешь?.. — неуверенно проговорила она. — Я подождать могу, если что, понимаю, что у тебя...

— Егоза, — мягко перебил ее Павел. — Я приеду сейчас, — она почувствовала кожей его улыбку, будто он сидел напротив и касался ее ладонями. — Жди меня, и я вернусь. Договорились?

— Пашка! — счастливо рассмеялась Даша. — Я так тебя люблю, если бы ты знал!

Ей показалось, или перед ответом он, действительно, замаялся и промолчал дольше, чем

нужно было?..

— И я тебя, Дашуль, — ласково выговорил он. — Люблю, — и у нее на душе потеплело. — Выезжаю.

— Жду тебя, — сказала Даша и отключилась. На душе было светло и радостно. Что бы она без него делала? Добрый, милый Пашка. Лучший друг, настоящий друг, свой. Родной.

Леся тут же на нее набросилась с расспросами.

— Ну, что, — уставилась она на Дашу, всем своим видом показывая, что желает услышать подробности, — приедет за тобой твой рыцарь?

— Он не рыцарь вовсе, — усмехнулась Даша, но уловила мелькнувшую внутри себя мысль о том, что Пашка действительно ее рыцарь.

— А кто же, по-твоему? — саркастически скривилась девушка.

— Друг, — просто ответила Даша. — Самый лучший, самый настоящий друг.

Леся покачала головой, пристально глядя на подругу, но промолчала.

Такая умная, сообразительная, взрослая и видящая людей насквозь. Все их чувства, эмоции, характеры и темпераменты, читающая их, как открытую, книгу, она не смогла уловить за маской дружбы искреннюю и чистую любовь.

Паша приехал за ней довольно-таки быстро, был на месте уже через сорок минут.

Выбегая к нему навстречу, Даша попутно обещала Лесе позвонить, как только доберется до дома.

Паша ждал ее у ворот, выйдя из машины и наблюдая за ее приближением, прислонившись к капоту.

— Пашка, — улыбаясь, проговорила Даша и потянулась к нему для поцелуя. — Очень рада тебя видеть!

Молодой человек светился, даже его глаза смеялись, лучась серо-зеленым сиянием.

— А я-то как рад, — выдохнул он, наклоняясь к ней и втягивая носом аромат ее волос, — безумно.

Даша отшатнулась от него и шутливо хлопнула его ладошкой по плечу.

— Как ты можешь быть таким милым? — воскликнула она. — Ведь о тебе такие легенды слагают, что и на шаг приблизиться страшно!

Паша откровенно рассмеялся.

— Что за легенды? — светлые брови взметнулись вверх. — Не слышал никогда, да и вообще, — он потянул Дашу к машине, — забудь об этом. Главное, какой я с тобой, а остальное лишь фальшь и мишура.

Девушка заглянула ему в глаза, стрельнув взглядом по красивому лицу, по тонкой линии губ, волевому подбородку, прямому носу и светлым волосам, постриженным по последней моде. Улыбнулась.

— Что бы я без тебя делала, Паш? — спросила она пространно, наверное, и не желая получать ответ.

Он был лучшим, во всем. Она знала его именно таким, и другим знать не желала. Потому что только с ней он был настоящим. Только с ней, а все остальное ложь, фальшь, игра.

Павел молчал, глядя на нее, молчал и сдерживал горящий внутри огонь, бешеный порыв схватить свою девочку в объятия, прижать к груди, где бешено билось сердце, и никогда не отпускать. В виски рокочущей давящей болью бился пульс, а в горле отчего-то вмиг пересохло.

— Не думай об этом, — хрипло выдавил он из себя. — Уже никогда не будет без меня, — и, боясь, что может разрушить очарование момента своим желанием ее обнять, Павел двинулся к машине. — Садись, холодно. И поедем куда-нибудь, поболтаем.

Даша промолчала. Да и зачем нужны были слова, когда и без них все было ясно?

По обоюдному согласию решили ехать в свое любимое экспресс-кафе, где подавали потрясающий кофе, от которого Пашка был без ума. Даша же, заказав себе чай с лимоном и пирожные, впервые за целый день ощутила спокойствие и комфорт, тепло и надежность, которые исходили от мужчины, сидящего напротив. Очень симпатичного мужчины, надо бы отметить. От Дашиного острого взгляда не ускользнуло, как на него посмотрели находящиеся в кафе девушки, едва он появился в дверях. Высокий, статный, богато одетый, всем своим видом выражавший невозмутимость, решительность и уверенность в себе, красив, в меру горд, независим и холодно отстранен от окружающих ореолом магической таинственности, Паша по замечаниям Даши, стремительно становился центром внимания.

— Девушки с тебя глаз не сводят, — с улыбкой заметила девушка, поглядывая за его спину.

— Да ну? — равнодушно пожал тот плечами.

— Да, — подтвердила Даша. — Красивые, лет под двадцать пять, — она хохотнула. — Они, наверное, думают, что такой мужчина, как ты, может делать в кафе с такой, как я, — она, не обратив внимания на то, как друг нахмурился при этих словах. — Наверное, они думают, что ты мой брат.

— Пусть думают, что хотят, — холодно отрезал Павел. — Главное, что мы с тобой знаем правду.

Даша снова улыбнулась и, покачав головой, насладилась приятной теплотой чая с лимоном.

Она никогда не задавала Паше вопросов о том, почему он ни с кем не встречается. Если бы он захотел, у него было бы много девушек, возможно, их у него и было много, Даша не спрашивала, она считала недопустимым задавать ему подобные вопросы. Наверное, у него были причины, чтобы избегать отношений. Наверное, ему так было удобнее, комфортнее, лучше... И кто она такая чтобы его отчитывать?

— Как твой первый день в доме Вересова? — спросил вдруг Паша, выдержав паузу. — Всё нормально?

Даша смерила его красноречивым взглядом и промолчала.

— Ясно, — сухо откликнулся он. — На часах уже десятый час, и раз ты тут, а не дома, значит, все плохо?..

— Я еще не решила, — коротко ответила девушка. — У него не квартира, а дворец какой-то, он поселил меня в одну из лучших комнат. Может, у него других нет, не знаю, но комната, где я буду жить великолепна.

— Но?..

Даша посмотрела на него. Он всегда чувствовал ее, знал, что она скажет, о чем подумает.

— Но я там ощущаю себя, как в золотой клетке, — добавила она с горечью. — С личным надзирателем.

— Он обижает тебя? — глаза Павла зло сощурились.

— Нет... — проговорила девушка. — Наверное, это нельзя назвать... обижает. Он просто относится ко мне, как к пустому месту, но к этому я уже привыкла, — она

постаралась усмехнуться. — А потому это не обидает.

Паша нахмурился. Потянувшись к ней, стиснул ее ладонь своей ручищей, заглянул прямо в глаза.

— Если он тебя обидит, если только попробует... — начал он с угрозой, — я не позволю ему.

Даша ласково улыбнулась, складочки на лбу разгладились, губы дрогнули. Она накрыла его руку своей маленькой ладошкой, сжимая пальцами, ощущая яростную дрожь кожей.

— Я знаю, — проговорила она. — Я знаю!..

Паша долго смотрел на нее. Пристально, внимательно, изучая лицо, будто видя впервые, хотел что-то сказать, даже приоткрыл рот, но потом, словно передумал, и потому промолчал.

Они еще долго разговаривали, наслаждаясь обществом друг друга, потом катались по ночной Москве, на чем настояла Даша, просидели в машине у подъезда минут сорок, будто двое влюбленных, не желавших расставаться друг с другом даже на несколько часов. И, когда Даша, осознав, что нужно возвращаться, заспешила домой, Паша немедленно удержал ее на месте, схватив за руку.

Даша удивленно взглянула на него, улыбнулась, но, заметив нерешительность на лице друга, застыла.

— Дашуль, — начал Паша, удерживая ее ладошку своей, — я тут подумал... В связи с тем, что произошло... может быть, ты переедешь ко мне? Поживешь немного со мной, успокоишься, привыкнешь... к нему, — он говорил, глядя в сторону, будто не решаясь заглянуть в глаза. — Ты мешать не будешь, и сама понимаешь, но тебе лучше будет у меня!.. Да и привыкла ты уже, бывала не раз, знаешь, что и как... Что думаешь?

Девушка смущенно потупилась. Как реагировать на подобные слова, она не знала. Как отказаться, чтобы не обидеть друга? Какие слова подобрать, что и как сказать?

Она сжала его ладонь своей, сильно, крепко и почувствовала, что он ответил ей тем же.

— Паша, спасибо тебе, — с чувством проговорила она, а молодой человек напрягся. — Я знаю, что ты... всё для меня сделаешь, и поможешь, если будет надо, подскажешь, горой за меня встанешь, если нужно, но... Я не могу переехать, понимаешь? — она отважилась заглянуть ему в глаза. — Это будет словно бегством. От него, понимаешь? А я не хочу бежать, я хочу, чтобы бежал он. Так же, как четыре года назад.

Его губы дрогнули.

— Ты лелеешь свою месть? — горько усмехнулся он.

— Дело не в мести, — решительно отозвалась Даша, — а в справедливости. Я хочу, чтобы она, наконец, восторжествовала, вот и всё.

Он долго молчал, подняв на нее горящие, всё понимающие глаза, а потом вдруг улыбнулся вымученно и, будто подбадривая, выговорил:

— Я всегда буду на твоей стороне, знай это. И что бы и случилось, обращай ко мне. Я помогу.

— Я знаю, Паш, — тихо откликнулась Даша и, наклонившись к нему, поцеловала в щеку. — Я знаю.

Павел, закрыв глаза, втянул в себя аромат ее волос, чувствуя в себе дикое желание не отпускать ее.

Но он не мог этого сделать. Не имел права.

— Беги, — тяжело вздохнув, проговорил Паша, — я подожду, пока ты в подъезд

войдешь.

Даша лишь кивнула, одарила его теплом взгляда и поспешила к подъезду, у двери остановившись и с улыбкой помавав Паше на прощание рукой. Счастливая и умиротворенная, она вошла внутрь.

А дома ее встретил разозленный и не на шутку взбешенный Антон Вересов. И грохотал так, что она едва не почувствовала себя виновницей всего произошедшего. Он кричал, негодовал, обвинял ее во всем, что только на ум пришло, а в итоге довел ее до слез. И этого она ему простить не могла. Он опять это сделал — заставил ее плакать. А она обещала себе, что никогда больше не позволит ему этого. И из-за него свое обещание нарушила.

И потому утром встала с отчаянным желанием делать все для того, чтобы негодовал он. В отместку.

Раздражение и злость боролись в ней с холодностью и отстраненностью, которыми она хотела рубить сдержанность Антона на корню. Но была сильно раздосадована, вспоминая его слова, и выходила из себя.

Антон тоже почти всю ночь не спал. Его одолевали не просто мысли, но рющейся мошкаррой давящие на него сомнения, убеждения, новые сомнения и доказательства правильности своего поступка.

Тогда, четыре года назад, когда он ее... бросил, он считал, что так правильно, верно и нужно.

И когда оформлял опеку, и когда притворялся заботливым и любящим опекуном перед комиссией, и когда обманывал социальные органы, что исправно следит за Дашей, а на самом деле, исправно сбросив ее на руки Маргарите Львовне. Он не мог иначе, иначе просто не получилось бы. Ему тогда казалось, что он поступает абсолютно верно. Он исполняет отцовскую волю. А совесть?.. Она ему тогда не надоедала. И в течение почти всех четырех лет она его не тревожила. До момента, пока он не встретился с ней.

Даша не просто его ненавидела, она его еще и презирала. И этой лютой ненависти он не понимал.

Что происходило в доме отца, когда он был в Лондоне? Почему Даша так не любит женщину, которая за ней следила столько лет? У нее есть на то причины? Или она пытается их найти?.. Или это он настолько слеп, что не замечает очевидного?! И эта потрепанная курточка, старая одежда, клееные ботиночки... И эта горечь во взгляде и в голосе! Всё это не могло возникнуть на пустом месте!

Очевидно, у нее были причины. Веские, весомые, громадные причины... на то, чтобы ненавидеть его.

Но и у него были причины. Детские, наверное, казавшиеся со стороны глупыми, но они были.

И всё же нужно было признать, что вчера он перегнул палку. Действительно, перегнул. Ему не стоило говорить того, что он сказал ей. Пьянчужки, наркоманы... Черт! Егс передернуло от отвращения. Как ни крути, но воспитывал ее отец, и она никогда не связалась бы с подобной компанией, как плохо и предвзято он к ней не относился бы, пытаясь навесить всемирные ярлыки подлости, распущенности и низости.

Она была не такой.

И, наверное, даже не потому, что ее воспитал отец, вдруг с изумлением допустил Антон до своего сознания безумную мысль. Она не такая. Она не позволила бы себе... так опуститься себе не позволила бы, так низко пасть, испачкаться. Не допустила бы! Она

другая, не такая. Он чувствовал это, он знал...

Но он, действительно, взбесился. Он был не просто в гневе или ярости, он психовал. Отчаянно и жестко психовал. Он проторчал под ее дверью битые полчаса, пытаясь достучаться до девушки и вынудить выйти, с ним объясниться, но так ничего и не добился. Даша оставалась непреклонной. А, когда после его очередной тирады о недопустимости ее поведения в этом доме, она яростно рыгнула ему через дверь:

— Убирайся к черту!

Он понял, что дожидаться здесь ему нечего. Девчонка не выйдет к нему. Ни он, ни она не были готовы к конструктивному разговору, беседа непременно закончилась бы ссорой. А это было не самым лучшим началом их отношений... их совместной жизни. Их совместной жизни под одной крышей.

Черт побери, он не привык к тому, чтобы отвечать за кого-то, следить за каждым шагом, наставлять. Все эти годы он отвечал лишь за себя, лишь за себя нес ответственность, о себе заботился!.. А теперь, когда в его жизни появилась она... Черт побери!..

Антон, то ли застонав, то ли зарывчав в голос, перевернулся на живот и, схватив полушку в тиски своих рук, уткнулся в нее лицом. Бесшабашная девчонка! В первый же день своего пребывания в его доме она умудрилась испытать на прочность его нервы, которые и так уже в последние дни рвались тонкими нитями.

Он старался, пытался игнорировать ее, относиться к ней холодно и безразлично, быть категоричным и равнодушным, ведь преуспел он в этом с остальными, нацепив на лицо безучастную маску. Почему же с ней не выходит оставаться спокойным и уравновешенным?! Она, будто прочитав его мысли, разгадав его натуру, суть, вновь и вновь уничтожала его тем оружием, которое он хотел применить в отношении нее. Она убивала его собственной холодностью и равнодушием. Она била и ранила по больному, давила, задевая струны тех чувств, которые, он думал, смог спрятать в глубине своей души многие годы назад. Но она выудила их на поверхность.

И оставаться с ней спокойным, равнодушным, безразличным и непрониновенным было невозможно.

Что-то в отношениях между ними было не так. Не так, как должно было быть. Как могло бы быть.

И Антон бесился от осознания того, что он что-то упустил. Что-то важное, ценное, нужное...

Но, засыпая уже почти на рассвете, он не успел понять этого упущения, не смог еще его разгадать. Но осколками разорванного сном сознания он понимал, что не оставит этого просто так.

Он дознается, в чем дело.

Естественно, не выспался. На утро встал с ощущением, что всю ночь мотался по городу до бессилья, и диким желанием разнести в пух и прах все вокруг себя. Каким чудом он нацепил на лицо равнодушную маску, он не понимал, но, схватив в кулак сдержанность и невозмутимость, приказал себе держаться.

И поэтому, когда двое вышли из своих комнат, направившись в кухню, настроение у обоих было такое, что только тронь, и можно загореться, вспыхнуть спичкой и остаться кучкой пепла на ладони.

Даша, направившись к кухне, услышала какое-то движение и, замерев, думая, что это Антон, застыла в дверях, не решаясь войти. Что за черт! Почему она стоит мраморным

изваянием? И перед кем пасует, — перед Антоном Вересовым!? И, насупившись, сделала решительный шаг вперед именно тогда, когда за ее спиной послышались шаги, и тихий раздраженный голос ее благодетеля выговорил:

— Уже встала?

Даша обернулась к нему и, зачарованно глядя на мрачное лицо и облаченное в свободные серые штаны и белую футболку тело, не могла произнести ни слова.

— Ты здесь? — проговорила она. — А там тогда кто? — она ткнула пальцем в сторону кухни.

— Воры, — коротко бросил он таким тоном, что и не разобрать, правду он говорит или шутит.

Обойдя девушку, он, не глядя на нее, раздраженно сказал, не поворачиваясь к ней:

— Это моя домработница, Ольга Дмитриевна, — и скрылся в кухне.

А Даша, застыв на месте с приоткрытым ртом, почувствовала себя полной дурой.

Наверное, она все же не выспалась. Да, именно так. Иначе, как объяснить, что она ведет себя сейчас так заторможено и вяло?! С ним, — с Вересовым!?

Отругав себя и приказав своему эго проснуться, девушка решительно двинулась следом за опекуном. Он уже сидел за столом, раскинувшись на «уголке» и мрачно взирая на нее, а потом вздохнул.

— Познакомьтесь, — сухо выдавил он, кивком головы указывая на застывшую у плиты женщину, та тут же обернулась к нему, удивленно вскинув светлые бровки. — Это Ольга Дмитриевна, моя домработница, — та коротко кивнула, улыбнулась и уставилась на Дашу с интересом и дружелюбием. — А это...

— А я камень на шее Антона Олеговича, — быстро перебила его Даша и, приторно улыбнувшись, впилась в него колким взглядом.

Женщина изумленно распахнула глаза, улыбка ее померкла, а Антон, будто и виду не подал.

— А, иначе говоря, моя... воспитанница, — равнодушно кинул он, ответив на Дашин острый взгляд полным безразличием и равнодушием. — Дарья.

Даша поморщилась и поджала губы, выдавив из себя:

— Приятно познакомиться, — опустилась на стул на противоположном конце небольшого кухонного стола.

— Мне тоже, — завороченно глядя то на мужчину, то на странную девочку, глядевшую на того волком, пробормотала Ольга Дмитриевна. — А я и не знала, что у Антона Олеговича есть... воспитанница.

— А он об этом тоже не знал, — вызывающе вскинулась Даша, не дав Антону и слова сказать.

— Она хочет сказать, — сухо объяснил Антон, не реагируя на ее выпады, — что я являюсь ее опекуном уже четыре года, но только сейчас соизволил привести ее в этот дом.

— Нет, — процедила девушка сквозь зубы, не отрывая от мужчины черных точек глаз, — я хочу сказать, что Антон Олегович просто забыл о том, что я вообще существую. На четыре года.

Вскинув брови, Антон усмехнулся и, бросив на женщину быстрый взгляд, вновь посмотрел на Дашу.

— Переводя на русский с ее жаргонного, — скривившись, объяснил он Ольге Дмитриевне, — это означает, что она жила последние четыре года под опекой другого

человека, которого я нанял, чтобы за ней следить. И сам ее воспитанием не занимался.

— Если ему удобно так считать... — туманно проговорила Даша, разведя руками, — то пусть считает.

— Еще скажи, что она плохо о тебе заботилась! — бросил он, проверяя ее реакцию на свои слова. — Тех денег, что я выдел хватило бы на то, чтобы воспитать десять таких, как ты. Даша задохнулась от возмущения и негодования, даже ротик приоткрыла.

Ах, значит, десять таких, как она?! Глаза ее плескали гневом и осуждением, но Антон не отреагировал на этот взгляд. И, когда Даша хотела возразить, раздосадованная и обиженная подобным заявлением, ее мягко перебила Ольга Дмитриевна.

— А хотите чаю, Дашенька? — девушка уставилась на нее. Дашенька?.. Ее никто так не называл со смерти дяди Олега. — Или, может, вы предпочитаете кофе?

— Н-нет, я чай люблю, — пробормотала она. — С лимоном, если можно, — а потом вдруг выпалила, вскакивая. — А вообще, знаете, я сама себе сделаю.

— Ну, что вы, — воскликнула экономка. — Сидите, сидите, я сейчас приготовлю.

— Да я сама... — попыталась возразить девушка.

— Мышьяк и цианистый калий я выбросил перед твоим приездом, — услышала она сухой мужской голос.

— Подстраховался, что ли? — съязвила она.

Антон лишь хмыкнул, ничего не ответив, а Даша, нахмурившись, в молчании уставилась в сторону.

Завтрак прошел мирно, желания спорить, негодовать или выкрикивать упреки Даша при посторонних не решила. Как ни крути, но это их с Антоном дело. У них еще будет время поговорить, очень много времени. Два года.

— Спасибо за все, было очень вкусно, — встав со стула, поблагодарила Даша. — Мне в школу пора.

— Когда ты заканчиваешь? — вдруг резко спросил Антон.

— В четыре, — с неохотой ответила девушка.

— Так поздно? — казалось, он был удивлен.

— Да.

— Ясно.

Она хотела съязвить, колкие замечания уже вертелись у нее на языке, но не успела.

— А, может, Антон Олегович, вы подвезете Дашеньку до школы? — громом среди ясного неба раздался вдруг голос Ольги Дмитриевны.

Антон и Даша вздрогнули, застыли, мгновенно переглянулись.

— Я не думаю, что стоит так затрудняться... — начало было Даша.

— Я мог бы подвезти тебя, — перебил ее Антон.

Она выстрелила в него взглядом.

— Не стоит, — уверенно заявила девушка.

— Как скажешь, — равнодушно пожал мужчина плечами, не настаивая. — Сегодня будут готовы ключи от квартиры. А пока, — он посмотрел на экономку, — Ольга Дмитриевна дождетя тебя, чтобы открыть дверь. Вы не против, Ольга Дмитриевна?

— Да, да, конечно, — воскликнула та, всплеснув руками. — Мне еще столько дел нужно переделать, как раз к Дашенькиному возвращению.

Даша попятилась к двери, волком глядя на Антона и с недоумением на его экономку.

— До свидания, — бросила она им, резко обернувшись, и кинулась к входной двери.

Лишь бы поскорее уйти, исчезнуть, убежать. Как-то все странно, дико, непривычно и... непонятно.

Во что превращается ее жизнь? Куда катится, кто остановит этот сумасшедший бег часов?..

Быстро одевшись, закинув на плечи рюкзачок, Даша выскочила за дверь. Выскользнув из подъезда, она быстрыми шажками направилась к станции метро. Даже не обратив внимания на то, что за ней опять велось наблюдение из старенького побитого жигуленка.

И в голове человека, сидящего за рулем, уже зрел план, как заставить девчонку платить по счетам.

23 глава

Мысли, которые не давили уснуть, мучили его и тогда, когда Антон, сидя за рулем автомобиля, ехал на работу. Столпившиеся разбросанными точками по дороге, автомобили, застрявшие в пробке, выводили из себя заунывно громкими и монотонными визгами клаксонов.

Морщась от недовольствия, с черепашьей скоростью продвигаясь вперед, Антон хмурился все сильнее.

А в голове рой терзающих мыслей и мошкарка надоедливых вопросов.

И, конечно же, всё дело было в ней. В ком же еще? Теперь весь его мир кружился вокруг нее.

Даша. Дарья Кирилловна Ефремова, если быть точным. Его воспитанница.

Она его ненавидела. Презирала. И не желала идти на контакт, не хотела даже попытаться сделать это.

Антон, поджав губы, нетерпеливо тронулся с места вслед за метнувшейся впереди него машиной.

А он?.. Разве он хотел этого? Сейчас или же четыре года назад, сбрасывая ее с рук на чужую шею? Разве мог он сказать, что готов был заботиться о ней? Тогда или теперь?! Положа руку на сердце, мог признаться хотя бы себе в том, что стал бы заниматься ею, если бы не решение отца четыре года назад, если бы не вызов, брошенный Дашей сейчас?! Взвалил бы он на себя эти проблемы, взял бы на себя ответственность за чужую, незнакомую, ненавистную ему девчонку с улицы, которую он мог лишь открыто презирать, но не заботиться о ней?!

Нет. Он был не готов. Не тогда, не сейчас он не был готов самостоятельно принять подобное решение.

Он не желал с ней связываться. После смерти отца их ничто не стало держать рядом. Закончилось, ушло, забылось... разбилось вдребезги их знакомство, которое, по сути, так и не состоялось.

Они должны были разорвать эту связь, разойтись в разные стороны, потеряться в восстающих лет и не вспоминать о том, что было между ними когда-то. Со смертью Олега Вересова их перестало что-либо связывать. Ниточка оборвалась. Окончательно. Навсегда.

Но обоим так лишь казалось... Судьба в который раз решила пошутить над ними, крепким узлом связав их жизни вновь. Или же это сделал Олег, когда одним лишь пунктом в завещании решил всё за них?!

Так или иначе, но связь, почти расторгнутая, разорванная, убитая, давшая трещину, возродилась.

Как странно, мелькнуло в голове мужчины, мчавшегося по шоссе, судьба будто играла с ними всё это время. Они противились, упирались, убегали — от себя убегали, от обстоятельств, проблем, даров, которые считали проклятьем, от окружающего мира, который давил и прессинговал, но так и не смогли убежать.

Судьба всё равно, раз за разом, вновь и вновь, будто стремительно несущаяся по

окружности стрелка, возвращалась на прежнее место, вынуждая их следовать за собой. Вынуждая их сталкиваться, встречаться и... вновь разбежаться в разные стороны лишь для того, чтобы через ничтожное мгновение столкнуться вновь. В той же самой точке, на той же самой окружности. Друг с другом. Вопреки себе и своим желаниям.

Будто замкнутый круг, неотвратимость судьбы, магия, ирония, насмешка, гадкая усмешка. Сама судьба.

Антон стиснул зубы и сжал руль так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Как бы он не противился, но в этом, действительно, было что-то... судьбоносное.

Он убегал в Лондон — но возвращался в Москву. К отцу... и к ней.

Он убегал после смерти отца. Хотел избавиться от ощущения давления и предрешенности, от проблем и неприятностей, от обид и боли, главенствовавших в его сердце. Но возвращался — к ней, в роли ее опекуна.

Сбросил ее на руки Маргариты Львовны, на четыре года. И вновь убежал. Не думал пытался не думать о ней, забывать начал, не вспоминать об обещании, не мучиться угрызениями совести. Но убежать так и не смог. Вновь, как и прежде, оказался стоящим к ней лицом к лицу. Тот самый маленький мальчик, которым был все эти годы. Обиженный, озлобленный, измученный и непокорный, не желающий мириться с тем, что ему навязывали. Долгие годы страхов, обид, недоразумений и ревности.

Непонятый, не принятый, забытый малыш. Он не желал мириться! Но мириться пришлось. С ней. Снова.

И на этот раз... он не смог убежать. Она — эта маленькая, гордая, такая взрослая, сильная девочка! — не позволила ему сделать этого. Упреком, вызовом, страстью глаз и кривой ухмылкой губ. Не позволила ему убежать вновь. Сделала невозможное. Остановила бег запущенной быстротечной стрелки. Удержала его.

И он — принял брошенный ею вызов. Впервые за столько лет не спрятался, не убежал, посмотрел в лицо судьбе и улыбнулся ей, хищно, вызывающе, гордо вздернув подбородок. Кто кого теперь!?

Маленький мальчик, обиженный, озлобленный, эгоистичный, ревностно хранящий то, что являлось его по праву, спрятался за спиной решительно настроенного и уверенного в своих решениях мужчины, пал ниц перед несокрушимостью и откровенно вызывающей силой. Тихий, неуверенный, слабый мальчуган.

Впервые за столько лет болезненной обиды, мучительной и разрушающей боли, самоуничтожения и краха он все сделал правильно. Да, в его душе и сердце жила обида, он не забыл о ней и никогда не забудет, но он смог заглушить ее зов, животрепещущий глас, твердивший о том, что он должен ненавидеть. Она не пройдет сразу, она оставит след на нем, рану, шрам, рубец...

Но неужели он не может попробовать... терпеть? Если не может любить. Он не обязан притворяться добрым и заботливым, он не должен любить эту девчонку, к которой питает лишь негативные чувства, да и ее не должен заставлять себя любить — никому из них это не надо. Но терпеть, не стоит ли попробовать?..

Останавливаясь около офиса, выходя из машины и ставя ту на сигнализацию, направляясь внутрь сияющего синими стеклами здания, Антон всё еще не мог избавиться себя от потока безликих, бессвязных мыслей, трезвонящих в его мозг. О том, во что превратилась его жизнь. С ее в ней появлением!

Какая ирония, какая грубая насмешка!.. Вот теперь он действительно оказался

связанным с ней.

В результате пришел к тому, от чего убегал годами. Столкнулся с ней на перекрестке собственной жизни, которая, как оказалось, была неотделима от ее жизни. Тонкая порванная ниточка завязалась в узел.

— Антон Олегович, — кинулась к нему секретарша с какими-то папками в руках, едва он ступил в кабинет, — вам тут из «ТрансМедиа» звонили, насчет Максимова...

— Потом, Наташа, — поморщившись, прошествовал мимо нее Антон. — Я вызову тебя. И, решительно заходя в кабинет, не обращая внимания на недоуменный женский взгляд, захлопнул за собой дверь. Раздевшись, задумчиво подошел к окну, засунув руки в карманы брюк и насупившись.

Он привез ее к себе в квартиру. Эту скверную, взбалмошную, дикую девчонку, с которой его ничего... почти ничего не связывало! Зачем?! Мог бы просто выделять деньги на ее содержание, как раньше, цела бы она осталась, не пропала. Ведь справлялась все эти годы! Так почему он не позволил ей остаться в квартире отца, отобрал ключи, перевез к себе, надевая на себя, если не ошейник, то бульжник, который непременно потянет его ко дну?! Почему ему нужно было настоять именно на этом решении? Кому и что он пытался доказать? Себе — что сможет, справится, не сдастся, исполнит. Но, ради Бога, что ему мешало вот так же исполнить свой «долг» вдали от нее, не под одной крышей, наблюдая за тем, как она живет, лишь изредка созваниваясь с ней по телефону и навещая столь же редко?! Взрослая она уже, и хотя выглядит малой, все же взрослая, с этим не поспоришь.

Но он, будто сошел с ума, он вынудил ее принять свое решение и почти приказал ей переехать к нему! В дом, в который он никогда ее приводить не намеревался! У него и мысли подобной никогда не возникало, а сейчас... Что его подвигло на это? Чему он должен быть «благодарен»? Своей внезапно проснувшейся совести или собственному сумасшествию, которое трезвонило во все колокола об его ненормальности?!

Тяжело вздохнув, Антон прищурился, глядя на проезжую часть московских улиц. Он не мог дать ответа.

Правильно ли он поступил? Или, как девчонка и говорила, следовало оставить всё, как есть? Логично, вполне закономерно, после того, что между ними произошло, было бы оставить прошлое в прошлом. Не бередить старые раны, не тревожить память, не ворошить муравейник обид и обвинений. Разойтись.

Но он почему-то решил заманить их обоих в ловушку. Свихнувшийся идиот!

Зло чертыхнувшись себе под нос, Антон стремительно двинулся к столу и опустился в кресло.

Но если так получилось, что они оказались связаны друг с другом, пока ей не исполнится восемнадцать, стоит ли уничтожать свою жизнь? Стоит ли кромсать раны, вынуждая их кровоточить? Может быть, стоит попытаться... не забыть, нет, но — смириться? Ради отца. Ради себя. Да и ради нее тоже.

Нахмурившись, Антон вдруг подумал, что она не виновата в том, что всё так обернулось. И он тоже не виноват. Никто не виноват, по сути, просто судьба решила сыграть с ними в забавную игру. Предоставила им шанс. Но на что?.. Заново пересмотреть отношения? Постараться понять, простить, смириться?!

Антон тяжело вздохнул, откинувшись на спинку вращающегося кресла.

Черт, мысли просто разъедают его изнутри! От них можно с ума сойти.

Даша, Даша, Даша... Она выводила его из себя. Отчаянно действовала на нервы

раздражала, но...

Может, им стоит закопать топор войны? Конечно, сделать это у них не получится, но всё же... почему бы не попробовать? Он, в конце концов, взрослый мужик. Ему почти двадцать шесть, а ведет себя, как мальчишка, у которого десять лет назад отняли игрушку, и он теперь мстит обидчику. Не смешно ли!?

Пришлось напомнить себе, что отняли у него отца, а не игрушку, а обидчиком оказалась та, которую тот сделал своей дочерью, и всё же... Это было его решение. Наверное, стоило догадаться, что Олег не оставит свою подопечную умирать, просто Антон тогда не подумал о том, насколько всё серьезно. Но смеет ли он сейчас оспаривать то, о чем просил отец, имеет ли право отказывать ему в этой просьбе, пренебрегать обещанием, пытаюсь вникнуть в суть, понять, осмыслить, добраться до истинных причин этого поступка?

Разве не пытался он сделать то же самое четыре года назад, когда оказался стоящим лицом к лицу с этим фактом? Что это ему принесло?! Новую боль, разочарование и обиду. Непонимание к отцу и злость к ней.

Да, со стороны всё выглядело ужасно по-детски. Но кто смеет обвинять его, не оказавшись на его месте?

Никто не знает истинных и реальных возможностей человека, как он поступит в той или иной ситуации, когда окажется не властным решать, как делал это раньше, раскладывая свою жизнь по полочкам. Никто. И, только оказавшись на месте Антона, сделав всё не так, как сделал он, поступив благороднее, простив, забыв всё, примирившись, можно будет ткнуть в него пальцем и сказать, что он ведет себя, как ребенок.

Но кто на его месте поступил бы иначе? Кто сделал бы не так, как он?

Милосердный, бесконечно добрый, всё понимающий человек, которого, очевидно, в мире Антона, в мире жестокости, лжи, лицемерия и подлости, просто не существовало.

Закрыв глаза, Антон сильно зажмурился.

Может, он таким и казался окружающим? Маленьким мальчиком, которому не позволили повзрослеть, у которого почти отняли отца. Сначала его работа, а потом неизвестная девчонка с улицы?

Детская обида, не выплаканная за годы боль, эгоистичная жалость к самому себе, немилосердное и уставшее быть добрым общество, которое его воспитало и взрастило вместо отца!..

Что он мог изменить? И мог ли?.. Вернуться в прошлое и всё исправить, шанса не было, но, может быть, сейчас ему стоит обернуться и понять, что он сделал не так?.. Ведь, наверное, было очень много того, что он сделал неправильно. Хотя бы в отношении этой девчонки. Ведь за что-то она его ненавидит! За что? Что он сделал? Где оступился, где ошибся? Да, они никогда не были друзьями, терпеть друг друга не могли, но и обоюдной ненависти между ними не было.

Или ему так лишь казалось? Он ошибся, и она была, эта ненависть? С ее стороны?..

А с его?.. Что он чувствовал к ней, кроме жгучей, разъедающей ревности и дикой злобы?..

Но ведь что-то изменилось, он это чувствовал. Не пылала Даша такой лютой к нему ненавистью четыре года назад, когда выставляла на показ перед социальной службой, как счастлива, что именно Антон, а не кто-то иной, стал ее опекуном. Ее чувства были открытыми, искренними, откровенными. И она тогда его не ненавидела. Да, было что-то в ее взгляде, мучительное, болезненное неприятие ситуации, но она мирилась. Она хотела... она

пыталась сделать лживое счастье настоящим, чтобы убедить в нем и себя.

Может быть, она бы и хотела его ненавидеть, но своих чувств не показывала.

Значит, причины его ненавидеть у нее появились позже?..

И эта странная история с ее одеждой, с тем, как она жила всё это время, недосказанности, намеки, упреки, высказанные, словно бы вскользь, кривые замечания и сарказм в голосе. Ее ненависть и злость. Ее обида, разочарование... в нем. Будто она на что-то надеялась, ждала чего-то, но осталась обманутой.

Что-то тут было не так, Антон чувствовал это.

Сейчас, на свежую голову, избавившись от злых, раскалывающих его на части мыслей, он посмотрел на всё иными глазами, будто снял розовые очки. И увидел. Ее... такую настоящую, живую, сейчас перед ним обнаженную, полностью искреннюю. Не скрывающую своих чувств. Ту, какой он ее никогда не знал.

И в этой Даше было так много вопросов!.. Вопросов, на которые сама она отвечать не желала.

Задумчиво покрутившись в кресле, Антон вновь уставился в окно.

Может быть, он был слеп все эти годы? Эти четыре года, когда за девчонкой присматривала Маргарита Львовна? Он что-то упустил, не досмотрел, не увидел?.. Не захотел видеть?!

Антон не любил оставлять недосказанности после себя, это раздражало. А в истории Даши было очень много недосказанностей и вопросов. Ответы на которые, по всей видимости, ему придется искать самому.

Резкий и пискливый сигнал селектора он, от неожиданности вздрогнув, проигнорировал.

Он узнает правду, доберется до истины, как делает это всегда, разгадает тайну за семью печатями.

И сделает так, чтобы их с Дашей жизнь под одной крышей не превратилась в кошмар.

Хотя... кто ему обещал, что будет легко?.. Легко не будет. Не с ней. И не с ним. Это будет почти война.

Повторный сигнал селектора он игнорировать уже не мог.

— Да? — устало и немного раздраженно.

— Антон Олегович, — послышался голос Наташи, — к вам Вячеслав Игоревич Лемешев.

Антон удивленно вскинул брови. Слава?.. Хм, странно, какими судьбами?..

— Пусть заходит, — ответил он, выпрямляясь. — И перенеси встречу с Шубиным на половину четвертого.

— Хорошо.

Отключившись, Антон уставился на дверь, ожидая прихода друга.

Но мысли о Даше так и не оставили его в покое, на короткое время лишь отойдя на задний план.

— Антон Олегович, — послышался в дверях голос Славы, и он сам стремительной стихией вплыл в кабинет друга, улыбаясь от уха до уха. — К вам можно?

Антон невольно усмехнулся. Светловолосый гигант с беспечной шевелюрой и острым взглядом тигра не вязался с образом затейника, каким Слава был большую часть времени. Одет с иголочки, в строгий деловой костюм серого цвета, с галстуком, в начищенных черных туфлях, которые, кажется, не тронула московская грязная весна, он не казался шутником и

дамским угодником, каковым являлся, скорее, умелым дельцом с острым, как бритва, умом и волчьими повадками.

Медленно передвигаясь вглубь кабинета Антона, мужчина продолжает улыбаться.

— Отчего же так официально? — поинтересовался Вересов, указывая другу на кресло напротив себя.

— Решил тебя побаловать, — хохотнул тот, усаживаясь напротив него.

А Антон, резко поменявшись в лице, вдруг вспомнил, что именно так, по имени отчеству, его сегодня утром назвала Даша. Пренебрежительно так, с иронией, скрытым сарказмом. Мужчина нахмурился.

— Да ладно, ладно, — усмехнулся Слава, восприняв все на свой счет. — Не хочешь, не буду так называть.

— Да дело не в тебе, — задумчиво выговорил Антон.

Слава настороженно застыл.

— А в чем? — поинтересовался, вмиг становясь серьезным. — Или... в ком? — сощурившись, уточнил он.

Быстрый внимательный взгляд на него, из-под сведенных бровей. Жесткая линия губ выдает негатив.

— В Даше.

Светлые брови изумленно приподнимаются чуть ли не к корням волос.

— В этой девчонке? — откинувшись на спинку кресла, Слава равнодушно махнул рукой. — Что с ней не так?

— Всё не так.

— Мда, друг, — покачал головой Лемешев. — Дети, они, знаешь ли, приносят одни проблемы, да геморрой на задницу. Оно тебе надо было? — скривился он. — Сдал бы ее уже в детский дом, чего мараться-то?

Антон стиснул зубы. А то он об этом не думал! За четыре года, превращенные в ад. Думал, и не раз, а толку? Отец ему этого никогда бы не простил, вот в чем было дело. А осквернить его память, он не смел.

— Ах, да, — понимающе проговорил Слава, смутившись, — отец... Верно?

— Да. Он бы не простил мне этого, — согласился Антон.

Он перестал думать о том, чтобы сбить девчонку с рук уже в тот миг, когда осмысливал завещание отца. Он верил ему. Он доверил ему... самое дорогое, бесценное, самое любимое, что было у него в конце жизни — ту, которая очень многое забрала у самого Антона, но которая так много дала его отцу!

— И чего ему сдалась эта девчонка?! — воскликнул вдруг Слава.

— Ты меня спрашиваешь? — фыркнув, воскликнул Антон. — Я на это семь лет угробил, всё думал, чего?

— И что надумал? — осторожно поинтересовался Лемешев, наклонив голову набок.

— Ничего. Так и не понял, — признался Антон.

И это выводило из себя равно, как и то, что он оказался ко всему этому причастным.

— И сколько тебе ее терпеть осталось? — с сочувствием проговорил друг.

— Два года, — коротко бросил Антон, а перед глазами мгновенно всплыл ее образ. Темные, разметавшиеся по спине волосы, глубокие черные глаза с горящим внутри вызовом, упрямый подбородок, сжатые губы... — Пока ей не исполнился восемнадцать.

— Что?! — Слава чуть из кресла не выпрыгнул. — Ей что, уже... шестнадцать, что ли?!

Да, во истину, чужие дети быстро растут! — и засмеялся, а потом вдруг с гоготом. — Вот черт! Это ты оказался под одной крышей с девчонкой-подростком?! — продолжал открыто смеяться мужчина, даже не пытаясь скрыть своего веселья.

— Не вижу ничего смешного, — злобно выдавил из себя Антон.

— Конечно, не видишь. Зато я вижу, — согласился друг и сквозь смех поинтересовался: — Ты хоть нас с ней познакомишь?

Антон сцепил руки в замок и сквозь зубы процедил:

— Кого это — нас?

Слава пожал плечами.

— Ну, хотя бы меня и Леху, — посмел ему даже подмигнуть. — Хочется взглянуть на твою... воспитанницу.

— Она что, игрушка, что ли, — недовольно пробормотал Вересов, — чтобы ее всем на забаву показывать?

Слава, почувствовав в Антоне медленно нарастающий яростный вихрь, решил отступить.

— Ну, ладно, — сдался он, — не хочешь, не показывай. Но ведь мы и случайно с ней можем столкнуться, — глядя другу в глаза, проговорил он, — когда в гости к тебе придем. Или ты нас теперь до своей квартиры не допустишь? — скривившись, добавил он.

Антон хмурился всё сильнее. И откуда взялось это странное, ничем не объяснимое желание спрятать от всех девчонку, чтобы ее никто не видел, не слышал, чтобы о ней вообще никто не знал?!

— Допущу, — пробурчал он недовольно. — Как получится!.. И вообще, — накинулся он на Славу, — ты зачем ко мне пришел? О Даше поговорить?!

Тот поднял вверх руки, словно говоря, что сдается.

— Ладно тебе, не психуй, — заявил он, сходя на серьезный тон. — Я по делу к тебе, посоветоваться нужно.

Антон мгновенно напрягся, наклонился вперед, над столом.

— Так... — протянул он с подозрением. — Что случилось?

— Да вот насчет Зарецкого, Андрея Романовича.

— Помню, — кивнул Антон. — Что с ним?

— Да не виноват, похоже, наш герой, — развел руками Лемешев. — Друг его, Петр, свидетеля нашел...

— А вот с этого места поподробнее...

И Слава рассказал всё, что ему стало известно.

Даша тем временем пребывала в крайнем недоумении, отходя от своего одноклассника Ромы Кононова, который всего пару минут назад уговаривал ее делать совместный доклад по истории.

Подошел он к ней неожиданно, после последнего урока. Дождавшись, пока их одноклассники покинут кабинет, преградил путь своей высокой, атлетически развитой фигурой и, засунув руки в карманы дорогих джинсов, немного наклонив голову с ниспадающей на глаза челкой, уставился на девушку.

Даша знала, что это он, хотя, наклонившись к рюкзаку, могла и не различить подошедшего. Но от Ромы пахло экзотической свежестью дорогой туалетной воды, которая, впрочем, ей не нравилась, потому что она и распознала сразу.

Мелькнувшую на ее губах ироническую полуулыбку он не заметил, как и светящиеся задорные огоньки глаз. Вздохнув, девушка посмотрела на него, немного наклонив голову, будто копируя парня.

Не сказать, что он ей не нравился. Чисто внешне он был красивым, парни, вроде него, всегда находились в центре внимания, видимо, ведя список завоеванных ими девичьих сердец. Высокий, светловолосый, с задорными смешливыми огоньками голубых глаз, умных глаз, с ироничной улыбкой и тонкой линией губ, искривленных усмешкой. Красивый парень, очень даже красивый, насколько могла судить Даша.

Что касалось внутренней оформленности его образа, у Даши имелась к Роме масса претензий. И дело было даже не в том, что они постоянно язвили, подкалывая и бросаясь ироничными замечаниями в адрес друг друга, а в том, что Роман Кононов был не ее человеком, не человеком ее круга, не ее среды. Чужим ей.

И этого не смогли изменить даже годы, проведенные бок о бок друг с другом.

До некоторых пор. Потому что в последнее время она стала замечать, что одноклассник стал проявлять невероятную активность по отношению к ней, необъяснимую, почти незаметную посторонним, странную активность. Часто бросался нелепыми, на взгляд Даши, фразами, глупыми шутками на счет ее внешности, часто задавал странные вопросы, никак не связанные с учебой — единственным, что их действительно могло объединять, а порой девушка замечала внимательные взгляды от него в свою сторону. И, когда отвечала на них такими же внимательными взглядами, с удивлением отмечала, что он пристальнее сверлит ее взором.

Вот как сейчас. Просто стоит, засунув руки в карманы джинсов, и смотрит на нее. Ничего не говорит, и Даша начинает сомневаться, что вообще что-нибудь скажет, а просто пристально ее изучает.

Не то, чтобы ей становится неловко, она привыкла к тому, как на нее смотрели люди, она смирилась с их взглядами и давно уже перестала обращать на те внимание, но от нетерпения начинает сводить скулы.

И только когда она, громко хмыкнув, скривилась, глядя на него снизу вверх, Рома начинает реагировать.

— Даш, — подал голос Кононов, продолжая смотреть на нее пристально и уверенно. — У меня к тебе дело.

Даша открыто улыбнулась. Хочется рассмеяться, но девушка сдержала себя.

— Извини, не знакома с Лилей Филимоновой, чтобы ты смог ее закадрить, — пробормотала она.

— Что?! — опешил он и даже приоткрыл рот от удивления. А потом, будто опомнившись, выпалил: — Да я не об этом! Чего ты обо мне сразу... так думаешь? — недовольно закончил он.

— Ну, извини, — усмехнулась Даша, вешая рюкзак на плечо, — репутация у тебя такая, — попыталась пройти.

Но Рома вмиг преградил ей путь. Девушка, вскинув бровки, воззрилась на него. Удивилась, это правда.

— Что тебе? — устало поинтересовалась она.

— А давай доклад по истории вместе делать? — предложил он, как на духу, выпалив вопрос-предложение.

Даша уставилась на него.

— Не поняла... — доклад по истории она делала с Лесей. Да и у Кононова был напарник.

А Роман будто и не осознал, что ее может удивить.

— Ну, ладно тебе, Даш, — уговаривал он ее, пытая девушку голубоглазым взглядом «а-ля само очарование», которым, наверное, пленил немало девичьих сердец. — Помоги заблудшей, жаждущей любви душе найти свое счастье! — продолжал Рома, посылая в сторону одноклассницы контрольный выстрел светящейся улыбкой. От этой улыбки девушки, наверное, тоже падали около него штабелями. Все. Кроме Даши.

— Это кому? — усмехнулась девушка, никак не выдавая своего изумления его словами. — Тебе, что ли?

— Чего это мне? — казалось, Рома даже обиделся. — Нестерову, конечно, — ехидно улыбнулся он, вспоминая их общего одноклассника. — Он по Леське сохнет, а она на него внимания не обращает.

— А я-то здесь при чем? — продолжала недоумевать Даша, нетерпеливо топчась на месте.

Поскорее бы уже сказал, что ему от нее надо, и дал пройти. Лесья, наверное, ее жаждалась!..

— Давай поменяемся, — предложил Кононов с самоуверенной улыбкой. — Коля будет делать доклад с Лесей, а ты... со мной!

Даша, сощурившись, посмотрела в его самодовольные, блестящие лукавством глаза. Сказать, что она была удивлена, значит, ничего не сказать, она была шокирована. Уставившись на Рому так, словно видела его впервые, девушка изумленно распахнула глаза.

— Это как? — поинтересовалась она, не выдавая своего недоумения. — Мы ведь... распределили уже всё...

— Ну, подумаешь, — отмахнулся парень, — если что-то поменяемся. Кто на это посмотрит? Думаю, Людмила Ивановна против не будет, — горделивая уверенность, с которой он это сказал, Дашу отчего-то разозлила. А парень сотворил на лице, очевидно, свою самую милую улыбку и проговорил: — Ну, согласна?

Наверное, ей, по всем канонам, следовало тут же согласиться, пасть перед ним ниц и благодарить за оказанную ей честь, но Даша отнюдь не это собиралась делать.

— Да нет, Рома, — отступая в сторону и обходя его, сказала она, — не буду я ничего менять, — наблюдая за неверием, мгновенно сменившимся на его лице изумлением, девушка наслаждалась. — Да и Лесья будет против, я ее знаю. Не захочет она с Колей доклад готовить, — заметив кислую мину недоверия и уязвленной гордости на лице своего одноклассника, Даша не могла сдержать улыбки. — Да ты за него не переживай, Рома, — скривилась она. — В следующий раз, может быть... ему и удастся завоевать ее сердце.

— Кому? — выпалил он. — Чье сердце?

— Коле. Лесино, — охотно пояснила девушка, желая поскорее пробраться к двери.

— Ааа... — протянул Рома, взирая на нее с нескрываемым разочарованием и досадой.

Даша уже успела пожалеть, что Леси нет рядом. Наверное, будь с ней подруга, Рома вряд ли осмелился бы подойти к ней. Когда-то усмиренный за собственную несдержанность Лесиной ироничной поддевкой, он больше не стремился затевать с ней разговоры. Прошла любовь, завяли помидоры, или вроде того.

И сейчас Даша, намереваясь уйти, не успела даже продвинуться вперед, как вдруг, будто услышав глас подруги, Лесандра Юрьевна Ростовцева, собственной персоной, возникла в

дверях кабинета истории.

С перекинутой через плечо элегантной сумочкой, в черных сапожках на высоком каблучке, в строгом темно-синем платье от известных модельеров, эта шикарная девочка выглядела звездой.

— Даша!?! — воскликнула она, прислонившись к двери, и вопросительно приподняв бровки. — Ты еще тут?!

Даша, в душе радуясь тому, что ей больше нет нужды разговаривать с Ромой, улыбнулась подруге.

— Ну, ладно, Рома, — произнесла она, обходя его, — я пойду...

— А как же, — остановил он ее неуверенным, будто бы несмелым вопросом, — доклад?.. Ты подумаешь?..

Леся смерила подругу изумленным взглядом и ироничной ухмылкой, и Даша покачала головой.

— Хорошо, подумаю, — покорно ответила девушка, желая скорее избавиться от одноклассника. — До завтра.

Леся, ни о чем не спрашивая, подхватила подругу под руку, и они вместе прошествовали к выходу под раздосадованный и озадаченный взгляд светло-голубых глаз молодого человека.

— Что случилось с Кононовым? — с удивлением пробормотала Даша, выходя в коридор.

— А ты разве не видишь? — иронично изогнув бровь, поинтересовалась Леся. Ей, казалось, всё было ясно.

— Нет, — Даша оглянулась, чтобы бросить на парня еще один быстрый взгляд. — А что с ним?

— Парень влюбился, — улыбаясь, проговорила Леся, чуть песней эту фразу не пропев.

А это заявление Дашу удивило не на шутку.

— Да ладно? — изумилась девушка, расширив глаза. — А в кого?

Леся резко остановилась, вынуждая остановиться и Дашу.

— Да, ну, ты ничего не видишь, честное слово, — воскликнула подруга с упреком.

— А что?..

— В тебя он влюбился, вот что.

— Что?! — изумленно выкрикнула она. — Да не может быть. Ты шутишь, — фыркнула Даша. — Мы друг друга на дух не перевариваем, еще с третьего класса, а ты говоришь, влюблен. Точно нет, — замотала она головой.

— Точно тебе говорю, что да, — коротко возразила Леся, схватив Дашу под локоть.

— Ты ошибаешься, — настойчиво сказала Даша. — И вообще, он в тебя был влюблен. Разве ты не помнишь?

— Ой, когда это было, — легко отмахнулась девушка. — Сто лет назад. А теперь он по тебе сохнет.

— Да с чего ты взяла?! — ошарашенно воскликнула Даша, застыв на месте и посмотрев подруге в глаза. — Он даже никак своих чувств не показывает. Вечно поддевает и язвит, — Даша фыркнула вновь.

— А ты как думала, — удивилась Леся, — подойдет к тебе и сразу во всем признается?

— В идеале — да, — коротко бросила Даша, нахмурившись. — Я думала, так влюбленный человек и сделает.

— Ты не веришь в идеалы, — усмехнувшись, заявила Леся. — К тому же, положение Кононову не позволяет так запросто подойти к тебе и заявить о том, что он чувствует.

— Положение? — саркастически сказала Даша, смерив подругу смешливым взглядом. — Какое положение? Князя Монако? Леся, ну, ты же понимаешь, что это нелепо.

— Он же тебя с самого первого дня терпеть не мог, так? — не сдавалась Леся.

— Так, — подтвердила девушка, не понимая, куда клонит госпожа Ростовцева.

— А потом на протяжении следующих лет тебя задевал, так? — когда она того хочет, Лесю не переспорить, потому Даша и не пыталась. — Так, — подтвердила. — А, значит, и сейчас он не может тебе признаться в том, что чувствует. Потому что тогда он статус свой потеряет.

— Какой еще статус, Леся? — сухо спросила Даша, скептически посмотрев на нее.

— Ну, как... статус лидера, — поспешила сообщить подруга. — Если он заявит, что влюблен в тебя, в девочку, которую задевал и всем велел это делать, то кем он будет выглядеть в глазах своих друзей?

Даша задумчиво покачала головой. Вот как Леся так умела говорить, что ее словам начинаешь верить?! И не то, чтобы Даша верила, но задуматься над этим стоило. В свободное от проблем время. Но не сейчас.

— Леся, мне кажется, ты ошибаешься, — с расстановкой, тихо проговорила Даша, ободряюще улыбнувшись. — И Кононову до лампочки, что я к нему чувствую. А мне, по правде говоря, всё равно, что ощущает он.

— Даша...

— С чего ты вообще взяла, что он в меня... влюблен? — кисло поинтересовалась она.

— У меня развитая интуиция, — вскинув подбородок, заявила Леся. — А еще природная наблюдательность.

— Что-то никто, кроме тебя, этого не заметил, — хохотнула Даша. — Что бы это значило?

— Дарья Кирилловна, — воскликнула Леся, сверкнув сапфирами глаз, — да вы мне язвите!

— Ну, что вы, Лесандра Юрьевна, — улыбнулась Даша, — не посмела бы это сделать.

Леся рассмеялась, не считая нужным что-либо отвечать, и девушки направились в сторону гардероба.

А уже на выходе из школы, Даша, метнув в сторону ворот быстрый взгляд, покосилась на Лесю.

— И что тебе сейчас говорит твоя развитая интуиция? — скривив губы, иронично спросила она, глядя на ожидавший подругу у ворот черный «Бентли».

Леся помрачнела, едва заметив, куда направлен Дашин взгляд.

— Только то, что я кому-то сейчас врежу, — сухо выдала она, испепеляя водителя автомобиля взором.

— Без кровопролития, пожалуйста, — усмехнулась подруга, направляясь к воротам.

— Даш, а поехали к нам, а? — схватила Леся ту за руку. — Пообедаешь с нами? А то папа опять на работе, а с Татьяной беседовать мне как-то не хочется, — Татьяна была экономкой у Ростовцевых.

Даша подозрительно сощурилась, покосилась в сторону «Бентли», перевела на Лесю острый взгляд.

— А дело точно только в этом? — спросила она. — А не в нем ли? — бросила она

быстрый взгляд на мужчину.

Леся, к крайнему Дашиному удивлению, покраснела, выдавая себя.

— Я тебе всё расскажу, — пробормотала она, сильнее сжимая Дашину руку. — Только дома, ладно?

— Хорошо, — согласилась та. — Только мне нужно... в квартиру заехать, предупредить, что я позже вернусь.

— Так позвони.

— Я номера не знаю, — развела Даша руками, почувствовав себя неловко. — Забыла спросить. А там Ольга Дмитриевна, она меня, наверное, ждать будет.

— Это еще кто такая? — нахмурилась Леся. — Еще одна гримза, которую Антоша твой нанял?

— Нет, — покачала Даша головой. — Она хорошая... вроде бы.

По правде говоря, Даша еще и сама не решила, хорошая или плохая. Но выглядела не такой уж гримзой. Хотя с Маргаритой Львовной, которая вынуждала величать себя только так, никто в сравнение не шел.

— Ладно, — махнула рукой Леся, направляясь к «Бентли», — заедем к тебе. Куда ты теперь переехала?

— На Кутузовский, — поморщилась девушка, сжимая руки в замок. — У него там не квартира, а резиденция императора, честное слово, — Даша с досадой фыркнула. — Только что раковины не из золота.

Леся хохотнула, а потом нахмурилась.

— Любит роскошь? Очень интересно, — процедила она себе под нос. — Мне будет предоставлена честь с ним познакомиться? — взглянула она на Дашу. — Или ты боишься, что прольется кровь?

— Будет, не сомневайся, — улыбнулась уголками губ подруга. — И в скором времени.

— Это радует, — усмехнулась та, открывая дверцу машины и забираясь внутрь. — Ну, здравствуй, Артемиус, — забравшись на заднее сиденье, выпалила она.

Мужчина, даже не шелохнулся, нахмурился только, брови его сдвинулись.

— Здоровались уже, Лесандра Юрьевна, — сухо отрапортовал он, поджав губы.

Леся, которую всегда смущало и даже возмущало официальное к себе обращение, к удивлению подруги, лишь шире улыбнулась.

— С нами сегодня Даша, — проговорила Леся, закрывая дверь.

— Я уж вижу, — так же сухо бросил он.

— Нам нужно ее до дома подбросить, — продолжила Леся, — потом к нам, Артемиус.

Он сжал руль очень сильно. Даша же внимательно следила за развернувшейся перед ней картиной.

— Хорошо, — сдержанно проговорил водитель, а потом вдруг: — Называйте меня Артем, Лесандра Юрьевна.

— Тебе не нравится твое имя? — невинно хлопая ресницами, осведомилась Леся, открыто подтрунивая.

Даше показалось, что он ее прибьет сейчас, так он разозлился.

— А вам ваше, Лесандра Юрьевна? — осведомился он, приподнимая брови.

— Нравится, — вызывающе заявила она, уставившись на него так, словно бросая вызов.

— А мне мое — нет, — коротко бросил он, насупившись. — Куда едем?

Даша поспешила разрядить обстановку и назвала свой новый адрес.

— Вы переехали, Дарья?

— Ээ, да, — проговорила Даша, бросая косые взгляды с подруги на ее телохранителя. — Необходимость.

— А почему это Даша — Дарья, а я — Лесандра Юрьевна?! — воскликнула вдруг Леся с возмущением.

Губы мужчины иронично дернулись.

— Ну, вам же нравится ваше имя, — проговорил он, смеясь глазами. — Разве нет?

И Леся не ответила, поджав губы и откинувшись на сиденье. Путь до Кутузовского они провели молча.

А уже в доме Леси, когда Даша, предупредив озадаченную и немного удивленную Ольгу Дмитриевну, быстро ретировалась, обещав быть после семи, девушка накинулась на свою лучшую подругу с вопросами.

— Что у тебя происходит с этим твоим Артемиусом? — спросила Даша, едва они оказались в комнате Леси.

— Называй его Артемом, — с кислой миной на лице проходя вперед, выговорила Леся, — а то его свое имя бесит. Услышит еще, а мне потом попадет.

— Где ему услышать, мы тут одни... Попадет?! — темные бровки девушки взметнулись. — Это как?

— Как-как? — недовольно пробормотала Леся, усаживаясь в кресло. — Так.

— Что между вами происходит, Леся? — строго спросила Даша, подсаживаясь к подруге. — Говори!

Леся тяжело вздохнула и отвела глаза в сторону.

— Я не знаю, — произнесла она. — Он меня бесит. Реально бесит, вот, знаешь, что прям хочется его треснуть чем-нибудь! У-у-ух!.. Но всё же, — помедлила она, — он меня... он такой... другой, понимаешь? — Леся заглянула подруге в глаза. — Я не могу этого объяснить, — беспомощно проговорила она. — Он меня так из себя выводит, похлеще Нестерова! — ее ладошки сжались в кулаки, а синие глаза яростно блеснули. — Но всё же... Что в нем такого, вот что, — воскликнула она со злостью, — что я тут же в лужу превращаюсь, стоит ему на меня лишь посмотреть?!

Даша вздохнула, не зная, что сказать. Крепко сжав ее ладошку, она старалась успокоить ее касанием.

— У него такие глаза, — продолжала Леся уже тише, — светло-светло-карие, словно золотистые. Необычные.

То, как Леся проговорила это, с придыханием, задумчиво, глядя в сторону, заставило Дашу застыть.

— Ты что, — приоткрыв рот, изумилась она, — влюбилась в него?

Лесандра откровенно громко фыркнула и даже подскочила с кресла.

— Я?! — темно-синие глаза распахнулись. — Не дождется! — сдвинула брови. — Вот еще, много чести будет! — и, пытаясь оправдаться, заявила: — Просто он что-то скрывает, я точно знаю. Вечно с кем-то по телефону трещит, а только меня увидит, тут же делает вид, будто ничего не случилось.

— Ты слишком подозрительная, — улыбнулась Даша, покачав головой.

— Вот увидишь, — клятвенно пообещала девушка, — я узнаю, в чем тут дело. Или я буду не я!

Даша возражать не стала. Если Леся что-то вбила себе в голову, ее не переубедишь. Она

и не стала.

Они еще долго болтали, сделали письменные уроки, даже послушали радио, обсуждая популярные музыкальные композиции, но, едва стрелка часов перевалила за семь вечера, Даша засобиравалась домой.

— Вересов мне вчера такую взбучку устроил, — закатила она глаза, — ты бы видела и слышала!

— Это еще с какой стати?! — едва не задохнулась от возмущения подруга, подпирая бока.

— Потому что я, видите ли, ушла из дома и не предупредила его, когда вернусь, — скривилась девушка.

— А ты, правда, не предупредила? — с ехидной улыбкой поинтересовалась Леся.

— Я с Пашей была, — улыбнулась Даша, призналась: — И мне Вересова позлить хотелось! Он меня... достал.

Леся глубоко вздохнула, думая о чем-то своем.

— Как я тебя понимаю, — проговорила она, а потом вдруг предложила: — Хочешь, я Артема попрошу тебя до дома отвезти? А то одной, на метро как-то небезопасно.

Даша рассмеялась.

— Почему же небезопасно? Я так уже сто лет передвигаюсь.

— Всё равно, — настаивала девушка. — Мне так спокойнее будет.

— Ну, если тебе будет спокойнее, — согласилась Даша, вздохнув, — тогда ладно. Зови своего Артемиуса.

Леся улыбнулась и поспешила к двери, а Даша, бросив быстрый взгляд в окно, отчего-то нахмурилась.

Как-будто что-то было не так в надвигающихся на Москву сумерках. Словно ожидание надвигающейся опасности захватило и не отпускало. И когда она забиралась на сиденье роскошного автомобиля, и когда, глядя на озаренные огнями, улицы столицы, направлялась на Кутузовский, и когда, бросая на Артема косые взгляды, пыталась отвлечься и думать о Лесе. Но чувство опасности, будто, схватив за горло, не отпускало ее. До того момента, пока, она не оказалась около дома.

— Доброго вечера, Дарья, — сказал ей водитель, бросив на нее быстрый взгляд в зеркало заднего вида.

— До свидания, Артем, — попрощалась Даша и, уже выскользнув из машины, повернулась к нему лицом и добавила: — Не обижайте Лесю.

— Не обижу, — заверил ее мужчина после долгой томительной паузы.

— Хорошо, — улыбнулась ему девушка и поспешила к подъезду, уже не услышав, как Артем выдохнул:

— Если она не вынудит меня сделать это, — и, резко надавив на газ, рванул с места.

Не видя, даже не обратив внимания на то, как дверь подъезда через несколько секунд после того, как в нем скрылась Даша, распахнулась, и внутрь проскользнула темная мужская фигура, окутанная мрачным ореолом надвигающейся беды.

24 глава

Она чувствовала его приближение. Сразу заподозрила что-то, предчувствуя беду и опасность, а, когда клетка подъезда захлопнула за собой дверь, Даша насторожилась еще сильнее. Сердце понеслось вскачь, а в горле, надрываясь, бился пульс. Она задышала чаще, но не обернулась, чтобы проверить, что не так.

Ничтожные секунды, в течение которых она, стремительно рванувшись вперед, сглотнула острый комок боли в горле и стала продвигаться вперед, поднимаясь по ступенькам, перескакивая через них.

Мимходом поблагодарила горящие, не выкрученные в подъезде лампочки, уловила и тут же отпустила от себя мысль, ждать ли ей лифт, и стремглав кинулась на нужный этаж, не дожидаясь его прибытия.

Опасность. Острая, осязаемая, почти материальная опасность, которую Даша чувствовала спиной, она, казалось, взяла ее в тиски удушливой волны страха, наполнила собою воздух, который девушка сейчас с трудом впихивала в себя, заставляя себя дышать ровнее. Опасность, которую она ощутила еще у Леси, отдавала горчинкой и прошлыми страданиями. И она травила ее снова, вынуждая не идти, а бежать, поднимаясь по лестнице всё быстрее.

Ведь у этой опасности было имя, хотя она и боялась произносить его даже мысленно. Никогда больше. Никогда. Она избавилась от прошлого, почти забыла его, выбросила из памяти. Много лет назад, так?

Но... позволило ли прошлое ей отпустить себя?..

Не желая получать ответ на этот вопрос, Даша бежала вперед, от этажа к этажу, не останавливаясь ни на мгновение, хватаясь за перила, не оглядываясь назад. В висках предательски стучала спасительная мысль о побеге, о новом побеге в другую реальность, в ту сказку, о которой она мечтала и которую получила...

Но на пятом этаже убежать не удалось.

Всё поменялось почти молниеносно, Даша не успела ничего понять или осознать произошедшее.

Ее неожиданно и резко, очень грубо схватили сзади, вынуждая остановиться, и с силой сжимая, будто тисками, ворот ветровки. Потянули на себя, зажимая материей горло и вынуждая девушку беспомощно хвататься то за куртку, то за воздух в бесплотной попытке вырваться или же просто дать себе возможность дышать. Девушка стала задыхаться от удушья, скованное воротом куртки, горло конвульсивно сжималось, но не получало доступа кислорода. Даша попыталась вырваться, рванулась вперед, махнула руками, но...

Еще мгновение, какое-то ничтожное мгновение, и она оказалась прижатой лицом к холодной стене. От соприкосновения с ледяным камнем стены лицо обдало болью, и Даша, поморщившись, тяжело задышала.

Сердце билось в груди, как сумасшедшее, а в груди застыл дикий страх. Она уже успела забыть, когда в последний раз так сильно боялась чего-то. Много лет назад, будто в другой, не ее, жизни.

Семь лет назад, когда Алексей, сожитель матери, привел к ней незнакомца в черном деловом костюме. Тот смотрел на нее с жадным интересом своими маленькими пороссячьими глазками и то и дело тыкал в нее пальцем, разговаривая с Алексеем на непонятном Даше языке «производства». О чем они беседовали, Даша, хотя и находилась в комнате в тот момент, так и не поняла. Но, поймав брошенный в свою сторону внимательный сладострастный взгляд (да, да, сейчас она подумала, что он был именно таким!), девочка сильнее сжалась в углу комнатенки, в которой находилась, и затравленно смотрела ему вслед, почти не поднимая глаз. А когда незнакомец, прощаясь, сказал, обращаясь к ней и не сводя с нее скользкого взгляда, что обязательно придет еще раз, Даша по-настоящему испугалась.

Как испугалась и сейчас. И хотя незнакомца она больше никогда не видела, чувство пронизывающего, едкого страха, сковывающего ее по рукам и ногам, она не забыла. И сейчас оно накрыло ее с головой.

Даша, прижатая к стене мощным телом (по всей вероятности, мужским), рьяно попыталась вырваться и закричать, но эта попытка была пресечена резким толчком в спину. Рот был стремительно зажат грубой мужской ладонью с шершавой кожей, не оставляя девушке попыток вырваться из тисков хватчика.

— Стой смирно, — раздалось у самого ее уха, — а не то вырублю на месте.

Даша застыла. Не от приказа, грубого и отвратительно угрожающего, а от воспоминаний, которые вмиг настигли ее. Этот голос. Этот запах... сырости, плесневелости, затхлый запах смерти и ужаса. Говорят, что именно запахи способствуют тому, чтобы вспоминать события давно минувших дней, и в тот момент, когда ее носа коснулся отвратительный запах плесневелости, Даша, поморщившись, едва не задохнулась. Этот запах, как и этот голос, она забыть не могла. Голос сожителя ее матери, той женщины, которая родила ее, но матерью так и не стала. Алексей! Вернулся из прошлого, покрытого мраком. Вернулся за ней.

Всё внутри нее возмутилось этому, но пораженная открытием она застыла неподвижно.

— Ты?.. — сорвалось с ее губ почти против воли, и она вдруг дернулась под прессом его тела.

Он грязно хохотнул, прижимая ее к стене еще сильнее.

— Узнала, значит, — прошептал он липким шепотом ей в шею. — Я очень рад, ты даже не представляешь, как сильно. Не дергайся, я сказал! — грубо толкнул ее лицом в стену, когда Даша предприняла новую попытку вырваться из его лап.

И Даша перестала сопротивляться, обескураженная и обездвиженная. Пораженная, ошарашенная и пришедшая в состояние крайнего эмоционального взрыва, почти раздавленная появлением этого человека в своей жизни вновь. Он не должен был в ней появиться. Он появился из ниоткуда. Словно призрак, будто тень прошлого, им же покалеченного и девушкой забытого.

Когда-то, годы назад, когда она спрашивала у Олега, придет ли за ней Алексей, чтобы забрать с собой, тот отвечал, что злодей никогда больше не появится в ее жизни, и она... поверила ему. Доброму дяде Олегу, который никогда, кроме единственного раза, не обманывал ее.

А сейчас Алексей стоял рядом с ней. И она вновь чувствовала себя маленькой девочкой, застывшей в страхе, как перед опасностью, перед зверством этого человека. Вновь одна против всего мира. Одна...

Ей понадобилось много времени, чтобы справиться с кошмарами, перестать плакать по ночам, молиться во сне о здоровье Юрки и молить Господа о том, чтобы Алексей не ворвался в ее жизнь и не разрушил то, что она уже успела построить и что строить лишь собралась. Она научилась верить, не кричать от страха, не думать о завтрашнем дне, как о последнем, она почти стала уверенной в нем.

А сейчас... Все ее веры и надежды рушились от звука знакомого голоса из прошлого.

И всё в ней противилось этому, билось внутри нее яростным протестом, жгучим негодованием и силой, всколыхнувшейся из самых глубин существа, ринувшейся ей на помощь, чтобы спастись. Еще раз.

— Отпусти меня, — почти грубо, сквозь зубы выдавила Даша, толкнувшись спиной в его сторону и пытаясь сбросить с плеч его руки.

— Охо-хо, — воскликнул мужчина, — какие мы грозные стали. И уверенные в себе, да? — видя ее попытки освободиться, он лишь рассмеялся, а потом злобно отметил: — Ну, конечно, так-то жить, можно и зазнаться, а? Забыть о том, кто тебя родил, кто воспитал, да?!

— Не вы меня воспитывали! Не вы и... не она, — называть ее матерью у Даши не поворачивался язык.

— Ритка тебя родила, — гаркнул Алексей, сдавливая ее плечи. — И уже за это ты должна ей быть благодарна!

— Юрку она тоже родила, — напомнила Даша, ощущая боль в горле, — но и убила его так же хладнокровно.

— Пацану было суждено умереть, — мрачно возразил мужчина. — Его бы сам Господь Бог не спас, ты что, не помнишь!?

О, она помнила! Отлично помнила, что, когда брат умирал, мать шлялась по городу, не удосужившись заглянуть к сыну и узнать, как он себя чувствует. Ей было всё равно. Всегда. Плевать и на сына, и на дочь.

— Вы даже на лекарства мне денег не дали, — с обидой в голосе выдала Даша, попытавшись вырваться. — Ему можно было помочь, можно было спасти!..

— Нет, нельзя! — отрезал Алексей и, резко дернув ее за плечо, повернул к себе лицом, нависнув над ней. — Пацан был трупом, а мертвым я не помогаю.

— А вы и живым не помогаете, — злобно выдохнула Даша, с ужасом глядя в безумные светло-карие глаза зверя, нависшего над ней, и слотнула страх, будто стараясь спрятать его внутрь души и сердца.

На лице Алексея мелькнула какая-то странная улыбка, Даша не успела понять, гневная или довольная.

— А ты осмелела, я смотрю, — проговорил он, гадко ухмыльнувшись, а потом, резко толкнув ее вперед и нависнув над девушкой, зашептал противным голосом с призвуком шипения. — Ты что ж, забыла, как чуть в бордель не загремела?! — толкнув ее еще раз, так, что девушка ударилась затылком о стену, он сошел почти на свист. — Так сейчас-то не рыпайся, а то я тебе быстро это организую. Искать будут, не отыщут.

Боль отдалась в затылке незамедлительно, но Даша почти не обратила на нее внимания, наверное, от шока. В голове всё смешалось. Мысли кружились в ней бессвязным потоком невысказанных фраз, а перед глазами сизый туман, в котором, разрывая серую мглу, звучит, уничтожая, вязкий голос заклятого врага.

— Что?.. — сухими губами проговорила девушка. — Какой... бордель?..

Ее вопрос порадовал мужчину, он неловко повел плечами, гордо вскинув подбородок и

сощурился глазами.

— А что, твой благодетель тебе не рассказал? — усмехнулся Алексей жестко. — Я бы за тебя мог хорошие деньги получить, договорился с одним... кинопродюсером и режиссером, — он гадко и мерзко рассмеялся ей в лицо, и девушка с отвращением поморщилась, а Алексей продолжал: — Я уже и сумму всю почти выудил у них, понравилась ты им, сказали, спрос на тебя будет у зрителей, — он снова хохотнул, а Даша стояла и смотрела на него снизу вверх, недоумевая и понимая, что дрожит по неизвестной причине. — А тут явился... этот твой, Вересов, москвич хренов. Больше предложил сказал... больно хороший ты товар, — и загоготал.

— Ты врешь!.. — возмутилась она, рванулась вперед, желая освободиться. Верить сказанному она не хотела.

— А зачем мне врать? — парировал мужчина, с силой удерживая ее на месте. — Незачем. Себе тебя Вересов забрал, и прогорело дело с твоей актерской карьерой, — и Алексей вновь расхохотался. — А то была б звезда порно-экрана! Да не стала, детка. Спасибо своему профессору скажи, — и, насмешливо взглянув на нее, расхохотался вновь. — Ах, да, ты ж не сможешь ему сказать. Помер он, — Даша возмущенно забилась в его руках, а тот, казалось, не обращал на это внимания. — Ну, ничего. Заочно поблагодари, что такую карьеру тебе испоганил!

— Порно-экрана?.. — недоуменно проговорила Даша, хлопая ресницами.

— Что, и тут промолчал? — рассмеялся Алексей и поцокал языком. — Ай-ай-ай, ну, что за человек был этот твой профессор! Я тебе такое будущее пророчил, а он взял да и испортил все.

Девушка не совсем поняла, о чем он говорил. О порнографии? О детской порнографии?! О том, что ее хотели продать на одну из студий, занимающихся этим? Ее?! Но это невозможно! Как же... так?

— О чем ты?.. — едва не задохнувшись, изумилась Даша. — Я не понимаю...

— А давай мы с тобой потом это обсудим, — душевно, но все же грубо предложил мужчина, сверкнув глазами. — Встретимся, поговорим... Нам же есть, что обсудить, правда? Столько лет не виделись, ты так изменилась, и не узнать, — он коснулся ее щеки, погладив ее шершавыми пальцами, и Даша отшатнулась. — Ну-ну, что ты, деточка? — лилейным голосом пророкотал он. — Я тебя не обижу. Пока, — с долей угрозы в голосе добавил он. — Если не будешь делать глупостей. Ведь ты не будешь?

Даше хотелось осадить его за всё, что он сделал, но девушка понимала, что с Алексеем ей не справиться одной, а потому отчаянно замотала головой. Не сейчас, потом. Она сможет постоять за себя потом.

— Вот и хорошо. Вот и умница, — прошипел змеей над ее ухом тем временем мужчина, отступая и освобождая девушку от захвата своих рук. — Я тебя завтра буду ждать. После школы в парке, где ты любишь гулять со своей подружкой, — наклонившись к ней, он скользко улыбнулся ей и вкрадчиво добавил: — И... тссс... никому ни слова о нашей встрече. Пусть это будет наш ма-аленький секрет, да?

Даша, глядя на него со смесью страха и отвращения, резко кивнула, изумленно распахнув глаза, но, не решившись спросить о том, как давно он знает о том, где и с кем она любит гулять, отступила.

Этого человека стоило опасаться. Он был опасен, он был самой опасностью. Девушка поняла это давно.

— Я могу идти? — стараясь, чтобы голос звучал холодно, грубо поинтересовалась Даша.

— А тебя кто-то держит? — насмешливо прогоготал Алексей, уступая ей дорогу.

— Спасибо, — сквозь зубы выдавила девушка и двинулась вперед.

— Смотри мне, Дашка, — вонзились ей в спину слова Алексея, — завтра в парке. Если не придешь...

Даша просто кивнула, не желая отвечать. Она и так потратила на этого человека слишком много слов, а он не стоил ни одного ее взгляда. Ее всю трясло, руки дрожали, ноги подкашивались, сердце стучало, но она, вскинув подбородок, гордо прошествовала вперед, уверенно шагая от ступеньки к ступеньке. И не обернулась ни разу, пока не дошла до нужного ей этажа.

Она едва добралась до квартиры, потому что дрожащие ноги почти не держали ее. Слушая стук гулко бьющегося в груди сердца, у двери девушка остановилась, прислонившись к стене, закрыла глаза, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

Перед Антоном она никогда не покажет слабости. Ни за что. Для него у нее всё хорошо, — было, есть и будет. Он легко поверит ее лжи. Верил же в нее в течение четырех лет, разве нет? О том, что произошло на лестничной клетке, лучше никому не знать. Алексей не простит этого, а играть с ним опасно.

Собравшись с мыслями, она отважилась позвонить лишь, когда сердце забилося тихо, и выровнялось дыхание. Не хватало, чтобы Антон интересовался, почему она дышит так, будто пробежала стометровку.

На звонок открыли ей почти сразу, будто ждали ее появления. На пороге стоял Антон. Взбешенный и чем-то раздосадованный, отметила про себя девушка, и, проходя вперед, коротко бросила ему:

— Добрый вечер.

Он в немом молчании пропустил ее в гостиную, но, когда она повернулась к нему спиной, накинулся на нее с гневной тирадой, от которой Даша поморщилась. Из огня да в полымя...

— Добрый вечер?! — закричал Антон, и она, даже не оборачиваясь к нему, почти явственно видела, как брови его сдвинулись, а губы сердито поджались. — И это всё, что ты можешь мне сказать?! Ты где была всё это время?

Удивительно, а она уже и не думала, что что-то в этот вечер может ее повеселить после встречи с тенью прошлого. Но праведный гнев опекуна действовал на нее опьяняюще. Она улыбнулась уголками губ.

Даша поймала себя на мысли, что ей нравится его злить. Или она просто устала?..

— Так где ты была? — повторил Антон строго, нависая над ней скалой своего роста.

— У Леси, — коротко ответила Даша, даже не подняв на него взгляд.

— У Леси? Это та твоя подружка? — удивился Антон, нахмурившись. — Вы всё еще дружите?

— А почему мы не должны дружить? — пожалала девушка плечами и прошествовала к лестнице.

А у Антона чуть челюсть не отвисла от ее безразличия и равнодушного спокойствия.

Он беспокоился о ней. Он, черт побери, думал о ней весь гребаный день, а она, не успев прийти домой, как тут же ускользает в комнату, даже ничего ему не объяснив!?

— Ольга Дмитриевна сказала, что ты обещала быть после семи, — направился за ней следом Антон, — а уже девятый час! Где ты пропадала? — вот поганка, кажется, она и не

собирается отвечать?!

— У меня сейчас нет желания и настроения спорить с тобой, Вересов, — откликнулась Даша, лишь на пару мгновений застыв на лестнице. — Просто оставь меня на сегодня в покое, ок?

И Антон понял, что что-то не так. Скорее внутренне почувствовал, чем осознал. И настороженно застыл.

— Что-то случилось? — почти против воли вырвалось у него. Так она ему и сказала!..

Как бы она хотела сказать, что да, случилось! Но не могла. Ему — не могла, черт возьми!

— Нет настроения, — коротко бросила девушка, шагая к последней ступеньке.

— А ужинать... ты будешь? — попытался удержать ее Антон, но Даша была непреклонна. Какая же она всё-таки упрямая!

— Нет, спасибо. Я поела у Леси, — и он не нашелся, что ей ответить. — Мне нужно заниматься. До завтра.

И, когда ее худенькая фигурка мелькнула перед его взором в последний раз, скрывшись в дверях своей комнаты, Антон вдруг с разочарованием и некоторым изумлением понял, что его нагло отшили. Да, пусть девчонка шестнадцати лет от роду, заноза и колючка, язва и упертая девочка-подросток, и всё же...

Чертыхнувшись себе под нос, Антон стремительно направился в свою комнату, где, сев за ноутбук и желая поработать, с удивлением обнаружил, что все его мысли всё равно сходятся на ней. Оскалившись на себя, молодой человек отложил работу и, откинувшись на подушки, закрыл глаза, заслонив их руками.

Он честно уверял себя в том, что будет налаживать с ней отношения. И всё это не на долго, всего на два года, и ничего страшного не произойдет, и придется же им как-то существовать вместе. Но как можно было наладить с ней отношения, когда она не желает этого? Вот и сейчас, вместо того, чтобы поговорить, просто нырнула в свою комнату, ничего не объясняя, ни о чем не спрашивая, вообще не желая его видеть.

А ты, что же, желаешь ее видеть?..

Заткнув упертый внутренний голос в самый дальний уголок подсознания, Антон простонал проклятья. С этим нужно было что-то делать. Жить так два года?.. Ну, уж нет, увольте. Опекун он или не опекун!?

А почему ты раньше не вспомнил о том, что ты ее опекун? Хотя бы раз ты поинтересовался, что с ней происходит за прошедшие четыре года? Что ты о ней вообще знаешь, кроме того, что она, будто вопреки всему, осталась жива. Да еще и с жадной отменщицей и чувством ненависти в юной груди!

Впервые за все эти годы, наверное, за все те годы, что он вообще знал Дашу, он отважился на то, чтобы раскрыть перед ней карты и поговорить с девчонкой, решить их проблемы. Но она не желала ничего с ним решать. Она, как и прежде, замкнулась, холодно реагировала на его волнение, кстати, вполне искреннее, и, казалось, была погружена в свои мысли, которые с ним разделять вовсе не собиралась.

У нее что-то случилось. Он не знал, но чувствовал, что это так. Она ему ничего не скажет, это очевидно.

Да и должно ли это его касаться, если подумать? Как опекуна — да. Но Даша вряд ли согласится поведать ему о чем-либо. Не доверяет ему. Она никогда ему не доверяла. Даже много лет назад, когда он нашел ее в подворотне в день ее побега из дома отца. Она всегда

относилась к нему с опаской, будто разграничивая его жизнь от своей, воздвигая между ними ледяную стену из отчуждения, не желая, чтобы он вмешивался.

Что ж, раз не хочет, чтобы он вмешивался, он не будет вмешиваться. Имеет же она право на свою жизнь, в конце концов. На свою личную жизнь... Может, она с ухажером своим поссорилась, кто его знает?..

А вот эта мысль отчего-то вынудила его непроизвольно заскрежетать зубами и насупиться.

Рано ей еще увлекаться ухажерами. Ей учиться надо, а не гулять по ночам!

Отругав себя за странные и совершенно идиотские мысли, тяжело вздохнув, Антон скатился с кровати и поплелся в душ. Освежиться ему сейчас совсем не помешает. Чтобы смыть с себя груз еще одного дня, проведенного рядом с ней.

А Даша тем временем, откинувшись на подушки, думала о том, что произошло в подъезде. Призрак, тень прошлого вернулась, пришла за ней. Чтобы забрать с собой? Или чтобы указать ей, кем она была? Но она никогда об этом и не забывала. Даже уверенная в том, что кошмары детства уже оставили ее в покое, девушка всё равно, словно ждала их возвращения. И вот они вернулись. Ворвались в ее жизнь.

И назначили ей свидание, от которого она не могла отказаться.

То, о чем говорил Алексей, казалось эпизодом не из ее жизни, придуманной ложью, завуалированной за правду с целью обмануть ее и заставить сбиться с пути. Но вместе с тем... могли ли его слова оказаться истиной? Мог ли он... продать ее? Даша с ужасом понимала, что Алексей мог всё. И продать ее для того, чтобы обогатить себя на несколько тысяч — вполне. Тем более, не он ли говорил, что Даша еще принесет им с Ритой доход? Неужели он говорил об этом доходе?! Боже, какая подлость, какая низость и откровенно гадкая... правда! А как же мать? Неужели она... согласилась!? Отдала единственную дочь в бордель?!

Это никак не укладывалось в голове, но Даша понимала, что реальность происходящего дышит ей не в затылок, а прямо в лицо, опаяя кожу жаром своего удушающего дыхания.

И стали понятными приходы незнакомца с поросычьими глазками, и его откровенные разглядывания, и плотоядные взгляды, и обещания увидеться вновь... Если бы не дядя Олег!

Что стало бы с ней, если бы не дядя Олег?! Она боялась подумать. Она не желала думать об этом, знала лишь, что если раньше у нее была одна причина ненавидеть собственную мать, — смерть Юрки, то сейчас причин стало две. Равнодушная и жестокосердная попытка убийства собственной дочери.

Даша так и не смогла заснуть, хотя попыталась лечь еще в половине двенадцатого. Мысли разрывали ее, кружась в сознании надоедливymi мошками. И, когда часы показывали два часа ночи, она не выдержала и, встав с постели, накинув на себя халат, подаренный Павлом, прошла на кухню, желая выпить чаю.

Не чувствуя себя преступницей, она пробралась на кухню, поставила чайник на плиту, села за кухонный стол, закинув ноги на диван, и уставилась в окно. Она любила смотреть на ночной город. Это успокаивало ее и приводило мысли в порядок. Как раз то, что ей было просто необходимо.

А перед глазами, будто предательством с их стороны, возникли убийственные картинки из прошлого.

Умиравший дядя Олег, на диванчике в своем кабинете, почти задыхается от боли и спазмов. А она стоит на коленях перед ним. И плачет, не может сдержать слез. Они сами

льются из ее глаз.

— Дядя Олег, — прошептала Даша, сжимая холодными пальцами его заледеневшие руки, стискивая их и не желая отпустить — Дядя Олег, — позвала она, ощущая, как соленая слеза, скатываясь по щеке, замирает в уголках губ и оседает на языке ядовитым привкусом соли и металла. — Пожалуйста... Дядя Олег...

— Дашенька... — сиплый, едва различимый шепот.

Она наклоняется к нему, касается лбом его щеки и умоляет.

— Дядя Олег... не оставляйте меня, — почти на издыхании, сквозь слезы, сквозь хрипоту осевшего вмиг голоса. — Не оставляйте!.. У меня никого нет, кроме вас...

— Дашенька... — едва слышно, хрипло, через силу, поворачивая голову к ней, шепчет, улыбаясь: — Я люблю тебя, Дашенька...

— Дядя Олег... — сквозь слезы умоляет она с нарастающей интонацией.

— Дашенька... — улыбка застывает на губах, в потускневших глазах сияет огонек. — Доченька моя...

Последний вздох... И улыбка навсегда замирает на его губах, а ресницы, дрожа, опускаются...

Девушка стискивает его руки холодными пальцами. Слезы катятся по щекам, собираясь в уголках губ, и она глотает их, всхлипывая и постанывая. А потом падает на грудь мужчины, прижимаясь щекой к его щеке. Уже не слыша биения его сердца, но зная, что оно бьется для нее. И будет биться до тех пор, пока она не позволит его биению не быть услышанным. Собственный монотонный бешенный стук она отчетливо слышала в тот момент, когда стуку его сердца уже не суждено было раздаться еще раз.

Два сердца, когда-то нашедшие друг друга.

Любовь, согревшая два сердца, вынудив их биться в унисон. С первого взгляда... до последнего.

— Не спишь?

Настойчивый голос заставил ее вздрогнуть, вырываясь из плена воспоминаний.

Антон? Первая ее мысль — что он тут делает? А потом... Это ведь его квартира, это ему следовало бы поинтересоваться, что делает здесь она в такое время!

— Не спится, — коротко бросила девушка, так к нему и не повернувшись.

Антон медленно прошел к столу и сел напротив нее, а Даша стремительно опустила ноги на пол, что не укрылось от пытливого взгляда ее опекуна.

— Какое совпадение, — сухо промычал он, пристально глядя на нее. — Мне тоже. Бессонница?

Даша пожала плечами. Неужели не ясно, что она не готова к конструктивному ведению беседы?

— Может быть.

Помолчали. А о чем они могли заговорить, да и стоило ли? Был ли в этом смысл? Даша его не видела.

Засвистел чайник, напоминая о себе, и девушка выключила газ.

— Чай? — сухо поинтересовалась Даша и, дождавшись утвердительного кивка от Антона, достала из полки две чашки. Разлила чай, не интересуясь, сколько ему нужно положить сахара, наугад сыпанула три ложки.

— Я не люблю сладкий, — слышался за спиной его хриплый от неудавшегося сна голос.

— Я не знала, — вздрогнув, коротко бросила девушка и, подхватив свою чашку, устремилась к двери.

— Ты куда?.. — удивленно зазвучал ей вслед голос Антона.

Даша посмотрела на него, скользнув взглядом по знакомым пижамным штанам серого цвета (и, вот незадача, футболки или майки на нем не оказалось), уставилась в его голую грудь.

— Я пойду... — проговорила она, отведя глаза, — может, почитаю что-нибудь. Вдруг, засну?

— Ааа, — смог лишь промычать Антон и не стал ее задерживать.

А Даша поспешила ретироваться, выскользнув из кухни почти со скоростью света, и едва не опалив себе пальцы кипятком. Запершись в комнате и даже не коснувшись чая, попыталась снова лечь. Но заснуть не удалось, мысли вновь и вновь возвращали ее к Антону. И даже не к их встрече на кухне, а к тому, что было четыре года назад, когда она еще верила ему и в него. Когда еще ждала чуда, как наивная, отчаявшаяся идиотка верит в исцеление от смертельной болезни. Когда она надеялась на то, что он другой. А он, опровергая закон исключения из правила, и лишний раз подтверждая правило, доказал на практике, что он именно такой, каким она его и встретила впервые. И ради нее он меняться не собирался.

После похорон дяди Олега, оглашения завещания и отъезда Антона назад в Лондон, жизнь Даши вошла в новую стадию бытия. Даже не бытия, а банального существования, потому что приставленная за ней следить, Маргарита Львовна, казалось, делала всё для того, чтобы превратить жизнь Даши в кошмар. У нее это получалось, надо заметить, без особых проблем, потому что не было тех, кто смог бы проследить за ее деяниями и «наставить ее на путь добра и света».

Она возненавидела девочку с первого дня, как ее увидела, но до того момента, как они стали жить под одной крышей, Даша и не подозревала всей глубины ненависти к себе этой женщины. И лишь когда старая ведьма стала командовать в квартире Олега, желая подчинить себе и Дашу, девочка поняла, что это была за женщина. А раньше она в ней этого не разглядела, как странно. Злостная, злобная, алчная, желчная и дико завистливая. Это позже девушка поняла, что Маргарита имела определенные виды на Олега, а Даша своим присутствием в доме опекуна и чрезмерной заботой того о своей обожаемой воспитаннице, спутала ей все карты. Можно сказать, разрушила ее надежды на светлое и счастливое будущее. А дальше — больше...

— Это ты виновата в том, что Олег Витальевич скончался, — упрекала ее она. — Если бы не волнения за тебя и не твое вечное нытье, если бы не заботы о тебе и решение проблем, которые ты на него взвалила, он бы и сейчас здравствовал. Но ты, — указывала она в Дашу пальцем, — ты, гадкая девчонка, выпила из него все соки! Тебе не стыдно? Не совестливо? Света такого замечательного человека в могилу!..

В такие моменты Маргарита Львовна обычно начинала стонать, прикрывая губы платочком, таила рыдания, и Даша могла заметить в уголках ее глаз слезинки.

Конечно, девушка виноватой себя не считала. Не в этом. Рак это болезнь, а от нее никто не застрахован, к сожалению. Но слова бывшей экономки дяди Олега сыпали соль на незажившие раны ее сердца и души.

Она лишь надеялась на то, что Антон вернется, что ее жизнь под одной крышей с Маргаритой это лишь временная мера. Он должен будет изменить свое решение, несмотря на последствия их встречи в кабинете.

Но последняя встреча с Антоном оказалась не последней по существу, так как опеку над Дашей, как таковое, так и не было оформлено. Надо было подать заявление, ждать рассмотрения и подтверждения в органах опеки и заключение социальной службы о состоянии Антона воспитывать Дашу.

Тогда она еще верила, надеялась, как идиотка. Наделась, что он вернется, осознает свою ответственность за нее. Ведь дядя Олег не просто так завещал заботу и опеку над Дашей именно сыну! Даша чувствовала, что не зря. И как бы плохо они с Антоном не ладили, каким бы разными не были, всё же у них было нечто общее — они искренне и беззаветно любили одного человека. И ради того, чтобы дядя Олег был счастлив, Даша готова была пойти на уступки.

Она готова была сделать для себя невозможное — полюбить Антона, человека, которого невзлюбила с первого взгляда, который терпеть ее не мог и почти ненавидел. Она готова была пойти на это ради дяди Олега. И она верила, что и Антон через некоторое время, когда пройдет шок от смерти отца и всего произошедшего, когда спадет боль, заглушится печаль, он так же, как и она, поймет, в чем кроется суть его предназначения. И она верила, что он будет способен признать ее, как того хотел его отец, и не откажется от нее. Не взирая на то, что говорил в кабинете, несмотря на жестокость слов, холодность и равнодушие взглядов, закрыв глаза на то, что они — враги, он сможет исполнить последнюю волю отца и смирится с тем, кем Даша стала для его отца и для самого Антона тоже.

Когда он вернулся из Лондона для того, чтобы оформить опеку, она, как самая обыкновенная дура, почти поверила, что для них еще что-то возможно. И не указом ей будет жестокосердная, ненавидящая ее Маргарита Львовна, которая неоднократно указывала Даше, что та никому, кроме нее, не была нужна, что Антон, которому отец наказал о ней заботиться, бросил ее.

Когда девочка узнала, что Антон возвращается, дикая радость, трепетный восторг, неподдельное счастье всколыхнулись в ней. Она позволила себе поверить, что счастье не до конца закрыло перед ней двери.

— Антон Олегович возвращается в Москву, — коротко сообщила ей как-то вечером Маргарита Львовна. — Нужно оформить опеку на тебя. Если он этого не сделает, тебя отправят в детский дом. Так что, будь благодарна, что Антон Олегович так любил своего отца, что выполняет его волю и заботится о тебе.

— Когда он приезжает? — тихо спросила Даша, лелея внутри себя надежду на то, что он вернется навсегда.

— В четверг, — женщина посмотрела на Дашу с подозрением, а потом грубо усмехнулась. — Ты надеешься, что он останется с тобой, так что ли? — и расхохоталась. — Бросит учебу за границей, променяет перспективу стать впоследствии успешным человеком и сделать карьеру на тебя? — и рассмеялась грязным смехом. — Да ты будто в сказке живешь, деточка! Выброси эти глупые мысли из головы, Антон Олегович и так делает для тебя очень много, на большее тебе рассчитывать не стоит.

Но Даша наивно, по-детски... рассчитывала. Как оказалось, напрасно. Права была Маргарита Львовна, она всё это время жила в сказке. Верила в невозможное и мечтала с несбыточном. Так глупо заблуждалась!

Когда опеку было оформлено, и социальная служба назначила первую встречу в квартире, чтобы выяснить, как Даше живется с Антоном, выполняет ли он всё, что от него, как от опекуна, требуется, Даша всё еще не теряла надежды на что-то.

— Нам нужно показаться счастливой... семьей, — скривился Антон. — Поэтому, если не хочешь оказаться на улице или в детском доме, делай всё для того, чтобы они поверили нашему счастью.

Ей не понравилось, каким тоном он сказал последнее слово, сделав на нем своеобразный акцент, но она посчитала за лучшее просто проигнорировать скрытый в его словах сарказм.

— Тебе не стоит волноваться на мой счет, — коротко бросила она тогда, — я умею притворяться. Справишься ли ты с этим?

Она видела, как изменилось его лицо, и на нем мелькнули стрелы гнева и негодования.

— Нет ничего проще, — прошипел сквозь зубы Антон, бросив на нее быстрый взгляд.

И именно в тот миг Даша стала на что-то надеяться и во что-то верить. Может, она что-то увидела тогда в его взгляде? Участие, скрытую теплоту, терпимость, нежность?.. Или ей лишь хотелось принять желаемое за действительное? Так ошибиться она себе никогда не позволяла, но ошиблась. Очень много раз.

Плотного телосложения женщина и крепкий мужчина, представлявшие социальную службу, улыбались и постоянно поддакивали, слушая рассказы Антона о том, как радостно они с Дашей живут. Он показывал Дашину комнату, рассказывал, как они проводят вечера, чем занимаются в выходные, заявил, что собирается оставить учебу в Лондоне и перебраться в Москву. Он говорил так правдиво и так складно, что никто не заметил подвоха и лжи в его искренних словах.

И Даша тоже ему поверила. Тепло его взглядов, таких редких, но наполненных чувствами, она ощущала кожей. Не могло быть так много фальши в его отношении к ней. Или он очень хороший актер, или же ему действительно безразлично то, что будет с девочкой.

Даша поверила второму варианту. И ошиблась. Еще раз. В который по счету?..

Да, она верила. Ему, в него, в их совместное будущее. И зря. Антон о ней и думать забыл сразу же после состоявшейся встречи с представителями соцслужбы, а социальные органы забыли о том, что должны быть действенными и исполнительными так же после этой встречи. О них Даша не слышала ни разу после этого за все четыре года, когда жила с Маргаритой Львовной. Может быть, Антон и об этом «позаботился»?..

И стремительный отъезд Антона сразу же после получения полного опекуинства, больше похожий на предательское бегство, стал для Даши неожиданностью.

— Я уезжаю, — коротко сказал ей в тот день Антон, и Даша, ошарашенная и крайне изумленная его резкими словами, даже не нашлась, что ответить, а потому стояла, молча взирая на него. — Как мы и договаривались, о тебе будет заботиться Маргарита Львовна, все свои просьбы ко мне, — скривился он, — если таковые появятся, излагай через нее. Чем меньше контактов между нами, тем лучше. Я, как и обещал, буду заботиться о тебе, сколько нужно, но... делать вид, что я безумно этому рад, не собираюсь, — вздохнув, он добавил: — Конечно, когда этого от меня не будет требоваться. Например, перед органами соцзащиты.

Кажется, он говорил что-то еще, но девушка уже не слышала его слов. В голове была полнейшая каша.

— То есть... — решилась проговорить Даша, — ты уезжаешь? Оставляешь меня... здесь?

— А ты ожидала чего-то другого? — нахмурился он.

Как ей хотелось крикнуть ему, что да, ей хотелось другого. Более того — она верила в

это другое! А он... вновь ее обманывает?! Да что же такого хорошего видел в нем дядя Олег? Что, — она не видит этого!?

— Я думала, что всё, что ты говорил вчера... это правда, — тихо проронила она. — Получается, ты лгал им?

— А ты что, не лгала? — вместо ответа спросил Антон.

Даша промолчала. А Антон, пожелав ей счастливо оставаться, покинул комнату, больше не взглянув на свою подопечную. Очевидно, не считая нужным делать это, отмучавшись и сбросив заботы о ней на другие плечи. Более грузные плечи женщины, которой было суждено превратить жизнь Даши в сущее наказание. И вынудить эту маленькую девочку в который раз доказывать свое превосходство не только над миром, посылавшим ей испытание за испытанием, но и над людьми этого мира, над которыми она стояла выше на целую голову.

— Он вернется? — шептала Даша, глядя в окно на то, как подъехавшее такси поглощает Антона в салоне. — Вернется? Или оставит всё, как есть? Дядя Олег, как же я хочу, чтобы ты был сейчас со мной! — робко прошептала она, глядя затуманившимся от слез взглядом вслед удаляющемуся такси.

Комнату Маргарита Львовна оставила за Дашей. Кормила девочку сначала исправно, а потом, будто забывая, что той нужно питаться, перестала об этом заботиться. Одежду ей почти не покупала, вынуждая девочку носить обноски или перешивать старое, сказываясь на то, что Антон высылает слишком мало денег на ее воспитание и содержание, а собственные сбережения на Дашу она тратить не собирается.

— Антон Олегович, видимо, посчитал, что нет смысла тратить на девчонку с улицы лишние деньги, — бросалась в нее оскорблениями воспитательница. — И правильно, я его полностью поддерживаю. Нечего тратить на какую-то оборванку. Скажи ему спасибо за то, что он вообще решил взвалить весь груз забот о тебе на свои плечи. Ведь у него и своих проблем хватает!

И всё же, несмотря ни на что, Даша верила, что Антон вернется и осознает волю своего отца.

В нем ведь должно быть что-то хорошее, что-то... от дяди Олега? Почему тот оставил Дашу именно на своего сына, а не отдал в чьи-то еще руки? Даша долгое время видела в этом скрытый смысл, не желая верить в суровую действительность, ту действительность и ту реальность, которую ей пыталась навязывать холодным, бесчувственным, а порой жестоким обращением Маргарита Львовна. Нет, она никогда ее не била, ни разу за все четыре года жизни под одной крышей не посмела поднять на Дашу руку. Но острых слов, едких замечаний, критических высказываний и колкостей, морально давивших на формирующуюся детскую психику Даши, эта женщина высказала не мало. И все ее слова, брошенные нарочно прямо в лицо или случайно, но так, чтобы Даша слышала, были сказаны именно для того, чтобы девушка почувствовала себя обузой, ничтожеством, никому не нужной оборванкой и подкидышем.

Жила Даша бедно, скудно. В квартире дяди Олега, там, где она когда-то нашла пристанище и родной уголок, дом, то место, в которое отчаянно хотелось возвращаться, сейчас, с приходом сюда мадам Агеевой, как мысленно называла Маргариту Львовну Даша, у девушки не было никаких прав. Ей почти все запрещалось. Казалось, воспитательница не делала запрета только на воздух, все остальное Даше дозволено было делать лишь с разрешения бывшей экономки, а сейчас полноправной хозяйки квартиры Вересовых.

Даша, как можно больше времени старалась проводить вне дома, и, не смотря на крики негодования и запреты мадам Агеевой, возвращалась в квартиру лишь под вечер. Она записалась на всевозможные факультативы и дополнительные занятия, участвовала почти во всех школьных мероприятиях и ходила почти на все кружки и в секции, часто и подолгу сидела у Леси, только бы не возвращаться в холодную и равнодушную квартиру Вересовых, где балом правила пустота, сырость и гнетущее одиночество.

Леся искренне и злостно негодовала по поводу того, как живет ее лучшая подруга.

— У этой старой карги, похоже, все мозги атрофировались! — возмущенно восклицала девушка, сверкая сапфирами глаз. — Где это видано, что она тебя в собственном доме рабыней какой-то сделала!

— Это не мой дом, Леся, — тихо возразила Даша, — а дяди Олега. После его смерти квартира принадлежит Антону.

— И где этот твой Антон? — ругалась Леся. — Где? Почему он не придет и вырвет тебя из лап этой ведьмы?!

Даша порой пожимала плечами. Как бы она и сама хотела знать ответ на этот вопрос.

— Он в Лондоне...

— Да, у черта на куличках! — возмущенно чертыхалась Леся. — Дашуль, я тебе слово даю, что, если мымра не прекратит над тобой издеваться, я обо всем расскажу папе, и он со всем этим разберется.

— Как? — уныло проронила Даша. — Это невозможно, Антон теперь официально является моим опекуном. Я даже уйти никуда не могу. Да и некуда...

— Как это некуда? А мы с папой? Ты же знаешь, — обняла Леся подругу за плечи, — что ты мне, как сестра. Я безумно тебя люблю и сделаю всё для того, чтобы ты больше никогда не страдала, — девочка поцеловала подругу в щеку. — Неужели ты мало вынесла за свою жизнь, чтобы теперь терпеть еще и это?!

— Я очень тебя люблю, Леся, — прошептала Даша, — только ты и Юрий Павлович заставляют меня держать себя в руках и не сдаваться.

Леся, ощущая острый комок в горле, сдавленном от невыплаканных рыданий, прижалась к Даше всем телом и крепко стиснула ее в объятьях.

— Я расскажу обо всем папе, — прошептала она. — Он решит этот вопрос, я не сомневаюсь.

И она рассказала отцу, что происходит с Дашей. И он, действительно, попытался что-то предпринять. Но даже его попытки не увенчались успехом. А угрозы о том, что он сообщит обо всем в социальные службы, не возымели действия. А потом... потом и сама Даша уже не пыталась что-то менять.

— Ты что же, думаешь, что твоя подружка может что-то изменить? — гневно бросалась словами Маргарита. — И что? Твое происхождение, родословную, твое детство, проведенное на улице среди преступников?! Ты — никто, деточка, и никем останешься до самой смерти, этого не изменить, — восклицала Маргарита, едва ли не брызгая слюной от возмущения. — Это закон природы, диалектика этого мира, не тебе менять давно устоявшиеся правила. Замахнуться на что-то больше, чем то, чего ты достойна, это было слишком глупо и наивно. Ничего в твоей жизни не изменится! Живи, как живешь, и будь благодарна Олегу Витальевичу и Антону Олеговичу за то, что они вообще взялись за твое будущее, и мне — за то, что я, хотя у меня полным полно своих дел, взвалила на свои плечи заботу о тебе! — пронзала ее ненавистью глаз и едкими взглядами. — А ты, неблагодарная девчонка, еще

жаловаться смеешь! — рыкнула она на Дашу. — Пошла прочь с глаз моих, и не смей мне показываться, а то я за себя не отвечаю.

И Даша ушла. Что она могла ответить на злые, но, к несчастью, правдивые слова этой женщины? Та была права. Она не имеет права здесь находиться. Это не ее дом, он не ей принадлежит, и только обещание, данное дяде Олегу, светлые воспоминания о нем, о Тамаре Ивановне, которым она была так дорога, и которых сама девочка очень любила, благодаря Лесе и Пашке, который ни на минуту не забывал о ней, придавали ей силы и желание двигаться дальше.

И она продолжала бороться, не сдаваясь, не отступая ни на шаг от намеченной цели. Она докажет всему миру, если понадобится, что дядя Олег не ошибся в ней! Он верил в нее, и она тоже в себя верила. Эту веру не в силах была сломить даже злость и ненависть женщины, решившей испортить ее жизнь.

В школе стали отмечать, что девушка стала одеваться гораздо хуже и скромнее, часто в поношенных джинсах или брюках, выдавших виды, в заштопанных юбках, пошитых собственноручно из старых вещей кофточек. Учителя спрашивали, в чем дело, а Даша, откровенно смущаясь, отвечала, что денег на новые вещи у нее нет. Все дивились жадности и скупости Антона Вересова, которого считали таким же светлым человеком, каким был его отец, и за спиной Даши шептались, что деньги портят людей.

В кабинет дяди Олега Даша не попадала очень долго, проход ей был закрыт почти долгие два года, лишь в редкие ночи, когда Маргарита Львовна, уже начиная заболевать, плохо себя чувствовала, Даша крадучись пробиралась в кабинет родного ей человека и там, сжавшись комочком в его кресле, смотрела в окно, вспоминая то время, когда была здесь почти счастлива. Порой она плакала, не в силах сдержать слез, а потом ругала себя за подобную сентиментальность. Но ничего не могла с собой поделать.

Маргарита Львовна практически не заботилась о ней. Зато у мадам Агеевой был пунктик относительно того, что Даша должна, просто обязана была делать в этом доме. В первую очередь, конечно, не приставать к самой Маргарите с дурацкими просьбами и предложениями.

— Уволь меня от всего этого. Я тебе не нянька, да и ты уже не малышка, — вскинув подбородок, говорила она. — Можешь сама о себе позаботиться. И не смей лазить в холодильник, пока меня нет, а в кабинет Олега Витальевича не смей ходить, прибираться после тебя еще! Ты здесь живешь лишь из милости Антона Олеговича, попрошу тебя, милочка, об этом помнить!

Даша и помнила, никогда не забывала, не заикнувшись о том, что прописана в этой квартире, что дядя Олег ее удочерил, и у нее гораздо больше прав находиться здесь, чем у самой Маргариты, и даже о том, что именно Даша властна делать здесь всё, что ей хочется, а не мадам Агеева.

Конечно, Даша не была в доме Золушкой, но иногда именно ею себя и представляла. Только вместо мачехи рядом с ней находилась Маргарита, а доброй крестной выступала Леся.

Сначала Леся, до того дня, как Павел Игоревич Байер, или просто Пашка, перебрался в Москву.

Произошло это в конце лета две тысячи четвертого года, и Даша, удивленная факту приезда друга в столицу, не сразу поняла, что он собирается остаться здесь навсегда. Она встречала его в аэропорту и, едва его заметив, повисла на нем, как лиана, вцепившись в

друга руками и ногами.

Как же она рада была его видеть! С ним она всегда чувствовала себя в безопасности, знала, что он может позаботиться о ней, что он никогда не даст ее в обиду, защитит и поможет, если надо.

— Егоза, — рассмеявшись, проговорил Паша, улыбаясь, — ты же меня задушишь. Смерти моей хочешь?

Даша, счастливо улыбаясь, почти забыв, что такое счастье, отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Я очень рада тебя видеть.

— Да я уж вижу, — хмыкнул он и, подхватив девушку под руки, закружил, прямо в здании аэропорта. — А ты выросла, я смотрю, — поставив ее на пол, сказал он и, хищно улыбнулся: — Красотка моя.

Даша шутливо ткнула его локтем, и они поспешили к выходу.

Они в тот день гуляли по городу, много разговаривали, Пашка то и дело пытался ее рассмешить, а потом, едва вынудив ее улыбнуться пару раз за день, напрямую осведомился:

— И кто эта гримза, что заставила мою девочку забыть о том, что такое смех?

Даша лишь покачала головой, не глядя на него. Как бы не хотела она скрыть очевидное, не удалось.

— Не нужно, Паш, — проговорила она. — Я не хочу омрачать нашу с тобой встречу упоминаниями о ней.

Паша не стал настаивать. Он никогда и ни к чему ее не принуждал.

— Хорошо, — обыденно заявил он, — тогда расскажешь мне об этом в следующий раз, когда решишься, — он бросил на нее внимательный взгляд. — Времени у нас теперь будет много...

— То есть?.. — подозрительно сощурившись, спросила Даша.

— Как, я еще не сказал? — добродушно улыбнулся тот, лукаво глядя на нее. — Я остаюсь в Москве. С тобой.

Даша была ошарашена этой новостью. Ошарашена и изумлена. И долго не могла поверить ему.

— Паш, — начало было Даша, — если это из-за меня...

— Не волнуйся ты так, егоза, — мягко перебил ее Паша, глядя девушку по плечам. — Я решил расширяться, вот и всё, а Москва показалась мне самым... хм... перспективным местом для этого, — он посмотрел на нее очень пристально, почти прожигая взглядом. — Ты что же, не рада?

— Я рада, Паш, — выдохнула девушка, потянувшись к нему. — Очень рада, — повторила она, прижавшись к нему и в его объятьях ощущая себя защищенной. Так же, как рядом с дядей Олегом. Спокойно.

Именно в тот момент она окончательно уверилась, что никогда не сдастся. Теперь рядом с ней были люди, которые не позволили бы ей опустить руки. Которые верили в нее с той же остервенелостью, как верил дядя Олег. И так же, как она не собиралась подводить его, она ни за что не посмела бы подвести и их.

И новый две тысячи пятый год Даша встречала с уверенностью в том, что всё в ее жизни должно будет непременно измениться. С ней были близкие и родные, Леся, а теперь и Паша. Была, конечно, и Маргарита со своей неистребимой и убивающей ее саму ненавистью, но Даша верила, что всё изменится.

И изменилось. Через полтора года. В апреле, когда от инфекционного менингита умерла Маргарита.

Старые раны не затягиваются и не заживают, они лишь прекращают болеть. Старые люди не уходят из нашей жизни, они лишь перестают напоминать о себе. Может быть, за тем, чтобы сделать это потом.

Такой же старой раной на ее душе и сердце, сделавшим его холодным к нему, в ее жизнь вновь ворвался Антон Вересов. Спустя четыре года забвения, воспрянувших и вновь рухнувших надежд, печали, слез, обид и проклинаний тихими промозглыми ночами. Спустя годы пустоты и целостности, тьмы и лучиков света, немного крика ее души и его глухого молчания.

Он и она вновь вынуждены существовать рядом друг с другом под одной крышей.

Чтобы доказать всему миру то, что не смогли доказать изначально.

Что?.. Пока не знали ни она, ни он.

25 глава

Даша не спала почти всю ночь, ворочаясь с боку на бок, глядя то в окно, то в потолок, и не в силах заставить себя не думать. Самые разнообразные мысли и их оттенки не покидали ее до наступления утра.

Алексей. Как с ним быть? Антон. Какими будут эти два года, что они должны провести вместе?

Все смешалось, сплелось, соединилось. Прошрое, настоящее, будущее связалось крепкой нитью, не способной порваться. Казалось, Даша подписывала себе смертный приговор. И она не могла избавиться от ощущения, что поступила неверно. Когда именно — она не знала, но что-то в ее жизни пошло не так.

Она поднялась и, взглянув на часы, поняла, что нет еще и шести утра. Направилась в ванную, позволив себе наслаждаться теплом воды и ароматизированной солью (интересно, откуда у Антона взялась соль?!) чуть больше того времени, на которое рассчитывала изначально. Обмотав голову полотенцем, девушка выскользнула из ванной, надеясь остаться незамеченной. Встретаться с Антоном с утра пораньше, да еще в таком непристойном во всех смыслах виде Даше не прельщало, и даже ее немного коробило. Но судьба, видимо, решила подшутить, потому что, не успела девушка и дверь приоткрыть, как тут же врезалась в чью-то широкую обнаженную грудь. Кому она принадлежала, угадывать не пришлось.

Вначале опешив, Даша уставилась на Антона, широко распахнув глаза, а затем, чертыхнувшись сквозь стиснутые зубы, стремительно отскочила от мужчины с застывшим на лице возмущением.

Антон, кажется, был ошарашен не меньше, потому что тоже стоял и смотрел на нее, приоткрыв рот.

— Ты что тут делаешь? — с трудом разлепил он губы и, шагнув к ней, разгневался. — В такую рань?!

— Я тут живу! — процедила сквозь зубы девушка, подбоченившись. — И если тебе это не нравится, будь так любезен и отправь меня домой! В конце концов, это была твоя идея, привезти меня сюда.

Антон, на удивление, быстро заткнулся. Поморщившись, он качнул головой.

— Я забыл, что ты встаешь к первому уроку...

— Мне кажется, — возразила Даша, — что ты вообще забыл о том, что я есть.

— Ничего подобного.

Его попытка оправдаться не возымела эффекта.

— Почему же сразу нет? — вскинув подбородок и стрельнув в него молниями глаз, процедила девушка. — Целых четыре года у тебя это отлично получалось, — и, не дожидаясь ответа, оставив Антона стоять с приоткрытым ртом и застывшим на красивом лице недоумением и возмущением, она поспешила уйти.

Антон же почувствовал себя так, будто его только что облили помоями. И он никак не мог отделаться от удушающего его чувства уязвленного достоинства. Она вновь его в чем-то обвиняла, просто-таки давила обвинениями, а он по-прежнему не знал, в чем дело, и откуда

взялся этот корень зла. Почему?..

И он, чертыхнувшись, шагнул в ванную с совершенно явно оформившимся в груди желанием выяснить правду о том, как Даша жила все эти годы. Кто его обманывал? Маргарита Львовна или эта девчонка? Кто продолжает ему лгать, здесь и сейчас, или же находясь уже в могиле? Кто прав, а кто виноват?

В том, что ему известна не вся правда, он не сомневался и решил, что выяснит истину в любом случае.

Но поговорить с Дашей на кухне не удалось. Он встретил девушку сидящей за столом и уткнувшейся в учебник в обществе Ольги Дмитриевны, которой вовсе не стоило становиться свидетелем их разговора. А потому мужчина, поздоровавшись, опустился на соседний с Дашей стул, бросив на воспитанницу быстрый взгляд.

Она высушила волосы, мелькнуло у него в голове, но он тут же запретил себе думать о подобном.

— Дашенька, хотите еще чаю? — раздался около него голос Ольги Дмитриевны.

— Нет, спасибо, — улыбнулась девушка, приподнимая глаза от книги, и улыбаясь уголками губ.

Интересно, а почему никто не поинтересуется, хочет ли он чаю?!

— Антон Олегович, — словно ответом на его немой вопрос, прозвучал голос экономки, — вам, как всегда, без сахара?

— Один кусочек, — коротко бросил Антон, не обратив внимания на изумленно вздернутые брови экономки. — Когда ты заканчиваешь сегодня? — спросил он у Даши.

— Как получится, — пожалала та плечами, даже не глядя на него. — У меня еще факультатив.

— По какому предмету?

Даша скривилась, темные бровки приподнялись, а он отчего-то почувствовал себя скверно.

— Тебе, правда, интересно? — иронично проговорила девушка.

— А почему бы и нет? — нахмурился мужчина. Действительно, интересно?!

— По биологии.

— Любишь биологию? — приподнял он брови.

Даша посмотрела на него задумчиво и внимательно, будто решая, стоит ли отвечать.

— Она мне нужна для будущей профессии, — сказала она и, не успев Антон спросить, кем она хочет стать, поднявшись со стула, поблагодарила Ольгу Дмитриевну. — Спасибо, но мне уже пора.

— Я тебе ключи еще не отдал, — напомнил Антон, тоже приподнимаясь.

Даша застыла. Наверное, она не хотела иметь с ним ничего общего, но ей приходилось это делать.

— Да, это верно, — уголки ее губ опустились. — Ключи готовы?

— Конечно, — ответил Антон и двинулся прочь из кухни, Даша последовала за ним.

— Я бы хотел поговорить с тобой, — напрямую заявил Антон и, стрельнув косым взглядом в сторону кухни, добавил: — Без свидетелей.

— О чем же? — усмехнулась девушка, натягивая старенькую куртку и шапку. — Мы всё обсудили.

— О том, как ты жила эти четыре года.

Он увидел, как лицо ее вмиг помрачнело, глаза сузились, превратившись в черные

точки, губы сжались.

— Зачем тебе это? — недовольно спросила девушка с долей угрозы в голосе.

— Я просто... интересуюсь, — проговорил Антон, немного опешив от ее враждебности.

— Раньше нужно было интересоваться! — со злостью бросила Даша и, не говоря ни слова, выскочила из квартиры, сильно хлопнув дверью.

А Антон вновь почувствовал себя недоумком. Теперь-то уж он не мог сомневаться, что эти четыре года прошли не так, как думал. Вообще не так. А он не любил ходить в дураках.

Злость, которой было проникнуто отношение к нему Даше, говорила сама за себя.

Он вернулся в кухню раздосадованный, с мрачным лицом, в плохом настроении, злой, как черт. Вся эта ситуация недоговоренности его не просто раздражала, но бесила. Он желал незамедлительно всё выяснить!

— Дашенька уже ушла? — поинтересовалась Ольга Дмитриевна.

— Да, — бросил он, не желая сейчас ни с кем общаться. Нужно подумать, проанализировать, решить.

— Она врачом хочет стать, — тихо проронила Ольга Дмитриевна.

— Что?.. — не сразу понял ее Антон.

— Дашенька, — пояснила экономка. — Вы спрашивали, почему она любит биологию. Врачом хочет стать.

— Понятно, — проговорил Антон, отчего-то чувствуя себя еще большим мерзавцем. — Это она вам сказала?

— Да, сегодня утром. Она очень хорошая девочка, — поведала женщина, — вам с ней повезло.

Антон промолчал. Да уж, повезло невероятно! Ему когда начинать плясать от радости?! Он не просил этого счастья, оно его само нашло, в руки, можно сказать, упало. Только, разве, он хотел этого?!

Выпив две чашки чая и даже не почувствовав его вкуса, Антон стремительно поднялся, поблагодарил за всё экономку и кинулся в свою комнату. Наскоро переоделся в деловой костюм, поглощенный мыслями о Даше, и, чертыхаясь, выскочил из комнаты. Нельзя допустить, чтобы девчонка, как и вчера, занимала все его мысли, это до добра не доведет, и в конечном счете превратит его в неврастеника!

Нужно отвлечься, погрузившись в работу, иначе он просто свихнется. Что он и поспешил сделать.

А Даша тем временем, ожидая Лесю у ворот школы, думала о сегодняшней встрече в парке с Алексеем. Мысли об Антоне и его «заинтересованности» в том, как она жила с мадам Агеевой, разозлили ее. Как он только посмел... поинтересоваться!? Так, словно не знал, что происходило. В груди клокотала ярость на опекуна, которой она позволяла прорываться, по пути в школу. Но стоило ей поравняться со школьными воротами, как все мысли об Антоне мгновенно выскочили из головы, заменив себя мыслями о другом негодяе из ее прошлого. Том, который стремился разрушить всю ее жизнь в одночасье. Если она не сможет помешать ему осуществить задуманное.

Когда подъехал автомобиль, и из него стремглав, будто убегая, выскочила Леся, Даша поспешила к ней.

— Привет, — поцеловала ее в щеку Леся.

— Что-то случилось? — покосившись в сторону «Бентли», спросила Даша. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы всё понять, но Даша не хотела выпытывать у Леси об ее

отношениях с Артемом.

— А то ты не знаешь, — вздохнула та. — Этот гад меня вывел! Я его чуть не придушила.

— Что он сделал на этот раз?

— Я видела его в компании с какой-то девицей, — процедила Леся сквозь зубы, покосившись в сторону автомобиля. — Крашенная курица!

А вот это уже интересно, и стало пахнуть чем-то большим, чем просто ненависть.

— И что тебя так... разозлило? — осторожно проговорила Даша, подхватывая подругу за руку. — То, что он был в компании с этой девушкой?..

— Конечно, нет! — протестующе воскликнула Леся. — Он посмел крутить с ней шашни в тот момент, когда должен был быть со мной. Это его работа, обязанности, которые он не должен нарушать, а он... он...

— Пренебрег своими обязанностями?.. — подсказала Даша, стараясь не давить на подругу.

— Именно! — воскликнула Леся и добавила сквозь зубы: — Убила бы гада.

Даша покачала головой, но промолчала. Кажется, между Лесей и ее телохранителем происходит нечто большее, чем та готова заметить. Не оттого ли Леся была в этот день задумчиво печальна и реагировала на подколки так, будто столкнулась в «Белазом». Шутить она была не намерена, как и радоваться перспективе оказаться предметом насмешек со стороны одноклассников. А потому пресекала их на корню, откровенно обозначив, что у нее нет настроения общаться. Даша тоже не посмела рассказать ей, что случилось. Не стоит нагружать подругу проблемами, когда у той своих хватает.

Учебный день прошел вяло и уныло. Леся была не в настроении, а Даша, молчаливо глядя в окно, не обращая внимания даже на Рому Кононова, который был откровенно заинтересован, поглощенная мыслями о предстоящей встрече с бывшим отчимом. Ничто иное ее в этот день не интересовало.

— Ты смотри, — фыркнула Леся, глядя на стоящий около ворот школы автомобиль отца, когда подруги стояли на крыльце, прощаясь, — кто приехал. А как же быть с личной жизнью? — фыркнула она.

— Лесь, ну, успокойся уже, а? — проговорила Даша, улыбнувшись, — а то это уже похоже на ревность...

— Что? Ревность?! — изумилась девушка, глаз ее сверкнули сапфирами. — Пусть помечтает, — бросила она и, поцеловав Дашу в щеку, спросила: — Ты домой? Может, подвезти тебя?

— Нет, нет, не нужно, — горячо возразила девушка, вызвав недоумение со стороны подруги. — Я хотела пройтись, погода хорошая...

— Да уж, грязь кругом, — пробормотала Леся, подозрительно сощурившись. — Ладно, как хочешь. Пока, — и направилась к автомобилю.

— Пока, — проговорила Даша, следя за тем, как Леся забирается в автомобиль, и тот отъезжает. И только, когда «Бентли» скрылся за поворотом, девушка направилась в парк. Путь до него был недолгим, минут двадцать, но она шла быстро, низко наклонив голову, сильно сжимая ремешок сумки, чтобы успокоиться.

Она бы никогда не призналась себе, но она боялась. Чего ей стоило ждать от этой встречи? Ничего хорошего, определенно. Не от Алексея. Этот человек принес в ее жизнь лишь слезы и страдания. Очевидно, ни на что иное он был просто не способен. Что же ему нужно от нее теперь?..

— Дашка?

Она узнала этот голос и, резко застыв на месте, стремительно обернулась.

Сердце заклокотало в груди с удвоенной силой, но Даша, глубоко вздохнув, приказала себе собраться.

— Я пришла, — бросила она, глядя на приближающегося к ней мужчину.

— Я вижу, — ухмыльнулся Алексей, останавливаясь всего в паре шагов от нее, и Даша с трудом подавила желание отскочить от него. Как же противно было стоять рядом с ним!

— О чем вы хотели поговорить со мной? — вызывающе вскинув подбородок, спросила она.

— О, мы снова на «вы», — протянул Алексей, наслаждаясь ее боязливым отступлением. — Как это мило. Моя падчерица вспомнила о том, кто она есть на самом деле, и перестала строить из себя невесту что?

— Что вам надо? — сквозь зубы проговорила Даша. — У меня не много время. Я сказала, что вернусь домой к четверем.

— А вот это ты зря сделала, — сощурившись, проговорил он и в один миг оказался рядом с ней. — Что еще ты сказала?! — с угрозой процедил мужчина, схватив девушку за локоть.

— Больше ничего, — попытавшись вырваться, заявила Даша. — Никто ничего не знает, если вы об этом. И о том, что вы приехали, и о том, что я согласилась с вами встретиться. Я никому ничего не сказала.

— Очень хорошо, — протянул Алексей. — Не люблю, когда меня обманывают.

Даша промолчала, гордо вскинув подбородок, и заглянула ему в глаза. В холодные глаза негодяя, которые одновременно убивали ее и вынуждали бороться за то, чего она уже достигла.

— Что вам нужно от меня? — повторила она свой первоначальный вопрос.

— Не хочешь пройтись, детка? — вместо ответа проговорил Алексей, крепко сжимая ее локоть и увлекая за собой.

— А у меня есть выбор? — сухо осведомилась Даша, смиренно следуя за мужчиной.

— Думаю, что нет, — отрезал тот, — если ты хочешь, чтобы наша встреча не имела последствий.

— Это угроза?

— Что ты? — рассмеялся он злым смехом, и Дашу обдало крупной дрожью. — Разве смог бы я угрожать тебе? Нет. Это просто предупреждение. Мы, конечно, поговорим, — сказал он, не глядя на нее. — О чем? О тебе. О том, как ты славно устроилась. О том, как вошла в дом богача, не прилагая к этому никаких усилий. И о том, — он сделал паузу и, резко дернув Дашу на себя, заглянул ей в глаза, — как забыла о тех людях, которые тебя воспитали.

— Меня воспитывал отец и дядя Олег, — холодно отрезала Даша, мгновенно возмущившись.

— Да? — со злостью прохрипел Алексей. — А кто кормил тебя и одевал, когда ты приносила с площади жалкие гроши? Кто содержал твоего немощного братца, от которого лишней копейки получить было нельзя, потому что он почти с постели не поднимался? Кто, спрашиваю, приглядывал за тобой, когда Ритка уже на тебя плюнула? Ну, кто? Отвечай! — он больно стиснул ее локоть, скорее всего, оставляя синяки. — Ты никому не была нужна, кроме меня. Если бы не я, ты подохла бы где-нибудь в подворотне.

Всё внутри Даши сжалось. Сердце загрохотало где-то в горле. Голос, когда она заговорила, осип.

— О нас заботилась баба Катя, — пробормотала она, — пока не умерла...

— А после? — жестко выговорил Алексей. — После ее смерти? После смерти твоего сдыхоточного? После того, как твой москвич тебя бросил?! — продолжал давить мужчина. — Кто о тебе заботился?

— Уж точно не вы! — язвительно воскликнула Даша, покоробленная его заявлениями.

— Да ладно?! — разозлился Алексей. — Я заботился о тебе. Я, понятно?! Ритке ты уж нафиг была не нужна, а мне — нужна. Я считал, что ты останешься мне благодарной...

— За что?! — воскликнула Даша, не в силах сдерживаться. — За то, что хотели продать меня на порностудию, как говорили? — и тут же: — Зачем вы хотели сделать это? Зачем рассказали мне об этом?!

— Ты что же, думаешь, я не смогу этого устроить вновь? — прошипел он злобно ей на ухо. — Да стоит мне только захотеть, и ты вновь окажешься первой стоящей в списке на продажу.

— Вы не посмеете! — воскликнула девушка, отшатнувшись от мужчины. — Теперь меня есть кому защитить! Они не позволят...

— Если я захочу, детка, никто не узнает, где ты и что с тобой случилось, — заявил мужчина, перебив ее. — Поверь, если я хочу, я не оставляю следов. Я потому тебе об этом и рассказал, — проговорил он, глядя прямо ей в глаза, — чтобы ты понимала, на что я готов пойти. Уже один раз пошел. И чтобы не строила иллюзий, никто тебе не поможет.

— Неужели вы не понимаете, что, узнав, что вы чуть не сделали, я ненавижу вас еще сильнее, чем прежде? — проговорила Даша недоуменно.

— А зачем мне твоя любовь, детка? — ухмыльнулся Алексей. — Она мне не нужна. И никогда не была нужна. Единственное, что ты мне могла предоставить, это деньги. Как раньше, так и сейчас. И я получу их любым путем. От тебя. Каким способом, решать тебе.

Даша отшатнулась от него, но мужчина крепко удержал ее за руку. Ее тошнило от его присутствия, но она терпеливо сносила его рядом с собой, борясь с сердцебиением.

— Что вы имеете в виду?

— Я могу запросто дать кое-кому наводку на тебя, — сказал Алексей. — Ты им еще тогда понравилась, когда малявкой была. Как они негодовали, что ты не будешь участвовать в проекте, — сокрушительно проговорил Алексей. — А уж сейчас тебе быстренько место найдут, я уверен. Стоит мне сделать лишь один звонок, — глухо прошипел он ей на ухо, — и ты окажешься в их руках.

Глаза Даши широко распахнулись.

— Вы не сделаете этого! — вскричала она. — Это незаконно. Я не... принадлежу вам больше! Дядя Олег меня удочерил! Я вам никто. Вы не имеете права распоряжаться мною!..

— А какой мне хрен до того, что ты мне никто? — равнодушно пожал плечами Алексей. — Для них ты тоже никто, но они же готовы приобрести тебя снова, если представится случай? — он самоуверенно хохотнул. — А я могу им этот случай предоставить, — он сощурился и усмехнулся. — Но всё, конечно же, зависит от тебя, — проговорил он, погладив ее тыльной стороной ладони по щеке. — Как ты себя поведешь...

Даша отшатнулась от него. Сстиснув зубы.

— Они мне хорошо заплатят за тебя, — продолжил Алексей. — Но, так как ты моя падчерица, пусть и бывшая, я сделаю тебе подарок. Как сделал его твоему благодетелю семь

лет назад.

— Не понимаю.

— Если заплатишь мне вместо них, я думаю, мы сможем решить нашу проблему.

— Заплачу? — шепотом повторила девушка. — И сколько?

— Думаю, что ты тянешь штук на двадцать пять. Долларов, конечно же. Если дашь мне... мм... ну, тридцать пять, я полагаю, мы сможем договориться.

— Тридцать пять тысяч? Долларов?! — ужаснулась Даша.

— А ты думала, я продам тебя за бесценок? — расхохотался Алексей. — И не мечтай, крошка.

Глухими ударами сердце стучалось в ее виски, а в горле вместо потока слов застыли лишь хрипы.

— Хорошо, — пробормотала девушка едва слышимым голосом, — я найду эти деньги.

— Конечно, найдешь, — усмехнулся Алексей. — Сынка Вересова подключи, если что, у него деньги для тебя найдутся.

Даша не стала спрашивать, что он имеет в виду, вместо этого поинтересовалась:

— Если я найду эти деньги, вы оставите меня в покое?

— Можешь и не сомневаться, крошка, — вскинул брови мужчина. — Я исчезну, будто меня и не было.

Даша ему не поверила. Такие, как Алексей, никогда не исчезают бесследно.

— Хорошо, — проговорила она. — Я найду всю сумму.

— Даю тебе три дня, крошка, — сказал Алексей, — и то лишь потому, что ты дочь Риткина.

И тут ее словно молнией ударило.

— А что... с ней? — спросила Даша сиплым голосом.

— С кем, с Риткой, что ли? — он рассмеялся. — А что с ней будет? Жива, здорова. В Калининграде сейчас, нечего ей мотаться туда-сюда. Ты не о ней думай, а о том, как деньги достать, — посоветовал Алексей, — ведь, если ты этого не сделаешь...

— Я достану, — перебила его Даша, освобождая руку из его захвата. — Встретимся через три дня, — и, резко повернувшись, девушка поспешила к выходу из парка. Подальше от того места, где прошлое настигло ее.

А вечером, лежа в своей постели, вновь не спустившись к ужину, хотя Антон на этом настаивал и даже стучался к ней в дверь с «приглашением», Даша думала, как ей поступить. Одной ей не справиться, она это понимала. Но кому рассказать о беде? С кем поделиться проблемой? Кто не оттолкнет, не спрячется, говоря, что это не его дело? Кому будет не все равно?!

Просить деньги у Антона она не стала бы и в том случае, если бы он был последним человеком на земле. Как бы банально и пафосно это не звучало, но она теперь поняла смысл этой фразы. У нее с Вересовым были такие отношения, что в пору лишь целенаправленно убивать друг друга, а не спасать.

Пашка? Да, ее лучший друг, он поможет, спасет ее, как спасал не раз. Но имеет ли она право к нему обращаться? Что он знает о том, что было с ней раньше? Всю правду знает лишь Леся, и только ей одной она может довериться полностью. А Паша... да, ей нужно было бы обратиться именно к нему, он бы не оставил эту проблему неразрешимой, но Даша не могла тревожить его подобным. Беспокоить его, утруждать, вынуждать вновь за себя волноваться? Нет, она не могла пойти на это. Он слишком много сделал для нее. И сделал бы

еще много всего, стоит ей лишь попросить, но навязывать ему проблемы, связанные с Алексеем, она не могла, просто не имела права.

Леся... Да, подруга смогла бы достать эти деньги через отца. Она из Юрия Павловича чуть ли веревки не вьет, а ему всё не по чем, она бы смогла помочь Даше. Только как много девушка может ей рассказать? О том, как жила подруга до появления в ее жизни Олега Вересова, Леся знала, но вот стоило ли нагружать ее еще и этими проблемами? Не много ли у нее проблем и без Даши?..

Девушка долго думала над этим, сомневаясь, раздумывая, решая, а потом... набрала-таки номер подруги.

— Леся, — прошептала она, — мне нужно с тобой поговорить. Это... очень серьезно.

— Что-то случилось? — взволнованно проговорила девушка, будто почувствовав ее состояние.

— Это не телефонный разговор. Можно я к тебе подъеду? — попросила Даша. — Сейчас.

— Да, конечно, — отозвалась подруга. — Хотя нет, я лучше за тобой Артема пришлю! Хорошо?

— Не нужно...

Что скажет на это ее великий и ужасный опекун?!

— Нужно, — упрямо заявила Леся. — Жди. И я тебя буду ждать, — бросила она и отключилась.

И Даше ничего иного не оставалось, как ждать появления Артема.

Когда он подъехал, известив о своем прибытии по домофону, Даша стремительно ринулась к двери.

— Куда это ты собралась, на ночь глядя? — остановил ее у выхода голос Антона. — Ночь на улице.

— Половина восьмого, — коротко бросила Даша. — Мне нужно к Лесе, по делу.

— Я не разрешаю, — неожиданно заявил Антон, возникая перед ней скалой.

— А я не спрашиваю твоего разрешения, — выдавила девушка и, распахнув дверь, выскользнула из дома.

— Даша! — крикнул ей в спину Антон. — Вернись, Дарья!

Но девушка и не подумала даже обернуться.

— Я вернусь часа через два, — кинула она, убегая. — Если что, позвоню от Леси.

— Даша!.. Вот сумасшедшая девчонка! — воскликнул Антон и, закрыв дверь, зло и смачно выругался.

А Артем тем временем тоже интересовался ее состоянием, поглядывая на нее в зеркало заднего вида.

— У вас что-то случилось, Дарья?

— Что? — вздрогнула от звука его голоса Даша. — Аа, нет, ничего не случилось.

Артем промолчал, очевидно, ей не поверив, а Даша не стала ничего объяснять. И только в доме подруги она смогла раскрыть перед той все карты. Когда Леся, раздев ее и усадив на свою кровать, осведомилась, что случилось, и к чему такая спешность, Даша решилась на откровение.

— Мне нужны деньги, Лесь, — прошептала девушка. — Очень много денег. Тридцать пять тысяч. Долларов.

Леся даже рот открыла от изумления.

— Нифига себе! — воскликнула она. — Зачем тебе столько?

Даша потупилась и смущенно отвернулась.

— Не могу сказать, — врать она не хотела, а потому и не решилась говорить всю правду.

Но Леся не была готова к тому, чтобы прельщаться ее недоговоренностью. Она присела рядом с ней.

— Это как-то связано с тем человеком, с которым ты сегодня встречалась? — прямо спросила она.

— Откуда ты?..

— Я следила за тобой, — откровенно призналась подруга. — Так это из-за него? Кто он?

Даша тяжело задышала, прикрыла глаза, чтобы успокоиться.

— Это Алексей.

— Тот самый?! — ужаснулась девушка. — Твой... сожитель твоей матери?

— Она мне не мать! — воскликнула Даша. Она перестала быть ею для Даши в тот миг, когда умер Юрка.

— Это он? — настойчиво спросила Леся.

— Да, это он, — призналась Даша. — Он требует денег. Тридцать пять тысяч.

— А не лучше ли обратиться в милицию? — проговорила Леся. — Или Пашке сказать? Он поможет, поставит этого козла на место, вот увидишь!

— Я не могу, — решительно покачала Даша головой. — Алексей не оставит меня в покое. Он отомстит...

— А если получит деньги, — сказала Леся, — ты веришь в то, что он отстанет?

— Я хочу в это верить, — ответила Даша.

— Я считаю, что тебе нужно обо всем рассказать Паше. От него нельзя это скрывать, — взяла руки подруги в свои ладони Леся. — Ладно Вересов, тому вообще плевать, что с тобой происходит, но Пашка-то, он всегда поможет! Он голову отвернет любому, кто на тебя не так посмотрит!

Даша подняла на подругу затравленный, умоляющий взгляд.

— Именно поэтому я и не хочу ему ничего говорить. Он ползет во всё это дело, и неизвестно, чем всё это закончится. Алексей опасен, а я не хочу подставлять Пашу с этим! Неужели ты не понимаешь, что это может навредить ему?

— Нет, — честно покачала головой Леся, — не понимаю.

— Ох, Леся, Леся... Я прошу тебя, ты можешь одолжить у отца эту сумму?

— Я могу, но не понимаю, почему ты...

— Леся, пожалуйста, — перебила ее Даша, — не нужно ничего говорить сейчас. Просто помоги мне, ни о чем не спрашивая. Пожалуйста.

Леся долго и пристально всматривалась в ее лицо, хмурилась, недоумевала, но все же сдалась.

— Хорошо. Ты была, есть и будешь моей лучшей подругой, Дашуль, и я сделаю для тебя все. И это, хоть и считаю это не совсем разумным шагом, тоже сделаю. Потому что очень тебя люблю.

— Спасибо, — крепко обнимая Лесю, шептала Даша. — Я очень тебя люблю. Очень.

Леся, действительно, достала нужную сумму целиком. Как она это сделала, Даша не спрашивала, но уже три дня спустя девушка стояла в парке у скамейки, ожидая прихода Алексея. Всё внутри нее дрожало.

Мучитель и шантажист появился из ниоткуда. Неожиданно, застав девушку врасплох.

— Привет, Дашка, — раздалось из-за спины, и Даша стремительно повернулась. Не поздоровалась.

— Не привела за собой «хвост»? — спросил Алексей. — Мне б не хотелось разочаровываться в тебе, крошка.

— Всё чисто, — проговорила Даша, окидывая его быстрым взглядом. — Я одна.

— Умничка, — похвалил Алексей, подходя к ней ближе и не вынимая рук из карманов плаща. — Надеюсь, ты пришла не одна? И сможешь меня порадовать? — уголки его губ приподнялись, а глаза блеснули.

— Я принесла деньги, — встrepенулась девушка, поджав губы.

— О, да ты можешь, когда хочешь, — усмехнулся мужчина, делая к ней шаг. — Показывай!

Осмотревшись по сторонам, Даша расстегнула молнию сумки и достала из той деньги, увидев, как при этом загорелись глаза стоящего рядом с ней мужчины.

— Вся сумма? — спросил он, доставая деньги из ее сумки и перебирая купюры пальцами. Наклонившись, понюхал их. — О, это ни с чем не сравнимый аромат, — воскликнул он. — Аромат денег! Молодец, Дашка! — и стал запихивать деньги в карманы своего плаща, жадно пробегая по ним пальцами, и едва слюни не пуская.

Даша молчала, глядя на него с презрением и чувством омерзения. Поскорее бы все это закончилось!

— Вот какая умница, — радовался Алексей, — какая молодчинка. Я знал, что с тобой можно иметь дело.

Девушка, как только он забрал все, что она принесла, отшатнулась от мужчины.

— Это всё? Я свободна? — процедила она сквозь зубы. — Вы оставите меня в покое? Вы обещали!

Алексей поцокал языком.

— Ну, что ж, — проговорил он с явной неохотой, — раз обещал, то, конечно, уйду. А ты скучать не будешь? — расхохотался он, поглядывая на девушку сощуренными глазами. — А то мы могли бы и сторговаться.

— Я не хочу вас больше видеть, — прошипела Даша, сведя брови. — Это наша последняя встреча.

Алексей рассмеялся.

— Всё-таки есть в тебе что-то от матери. Такая же горячая, — и, вмиг став серьезным, заявил: — Смотри, Дашка, не разочаруй меня. Я умею быть благодарным, но так же умею и мстить. Помни об этом, — и, нагло ухмыльнувшись, поспешил прочь. А девушка молча стояла и смотрела на то, как он удаляется.

Неужели это все? Оставил в покое, ушел, исчез, растворился в небытие? Неужели опять — свободна?..

— Надеюсь, мы больше никогда не встретимся с тобой, — прошептала Даша гортанным шепотом, глядя на то, как старый жигуленок срывается с места и рвется вперед, подальше от нее.

Она едва не заплакала, наблюдая за тем, как вместе с автомобилем вдаль уносятся ее беды и слезы.

А потом вдруг... неожиданно... резко... разрывая воздух и пространство яркой вспышкой звуков.

— Даша! Даша, мать твою!?

Этот голос заставил ее застыть на месте, зачарованно глядя в пространство. Сердце, сильно забившись в груди, вдруг сжалось до размеров невысказанно маленьких.

— Даша!..

Она вздрогнула, оборачиваясь медленно, как в замедленной съемке. Никогда не думала, что так бывает.

Папа?! Но откуда?.. Обернулась. Да, Папа, он. Спешит к ней, не идет, а рьяно срывается на бег, мчится с перекошенным от ярости и беспокойства лицом к ней. Убийственное сочетание!

— Что ты творишь?! — орет он на бегу.

— Папа? — может лишь прошептать она, прежде чем он, поравнявшись с ней, резко хватая ее за руки и сжимает в своих медвежьих объятьях, притягивая к себе дрожащее тело.

— Что ты творишь, твою мать. А?! Ты что делаешь? Одна? Ничего мне не сказав?! Почему? Я не заслужил твоего доверия?! Почему ты мне ничего не сказала?! — кричал он, срываясь то на крик, то на шепот. — Почему я обо всем узнаю от Леси?! Почему, черт возьми?!

А Даша не может произнести ни слова, из горла вырываются лишь непонятные и неразборчивые звуки.

— Я же просила ее... не говорить, — уткнувшись лицом в его грудь, прошептала девушка. — Я просила ее...

— Да если бы и она мне не сказала, — заявил он, стискивая ее в своих руках, — я бы ее прибил, честно слово!

— Я люблю тебя, Папа, — призналась, — очень люблю. Но я не могла тебе сказать. Не могла, понимаешь?..

— Нет, не понимаю, — откровенно признался он. — Но ты же должна понять, что я не переживу, если с тобой что-то случится? Ты это понимаешь?!

— Да... — прошептала она, вдыхая аромат его туалетной воды и надежной защищенности.

— Я не переживу, если с тобой что-то случится, егоса, — прошептал он ей в волосы. — Дашенька!.. — целуя ее волосы, виски, щеки. — Я просто не вынесу этого! — взмолился он и, больше ни слова не говоря, прижал ее к себе.

Так они стояли очень долго, просто наслаждаясь объятьем. Дружеским — как полагала Даша. Способным дать толчок к новому витку их отношений — думал Павел.

Потом он, глядя ее по бледным щекам, удерживая ее за плечи и откровенно ругая, посадил ее в машину и отвез к дому. А в квартире девушку ждал очередной скандал.

Оказывается, ее встречу с Папой в парке видел Антон, ее многоуважаемый опекун. И он, как и подобает настоящему опекуну, закатил ей громоподобную истерику, едва она переступила порог квартиры.

— Ты где была? — набросился он на нее. — Сказала, что будешь рано, а пришла опять поздно вечером!

— Я не говорила, что буду рано, — возразила Даша, проходя вперед.

— Какая разница? — взревел Антон по непонятной ей причине. — Ты забыла о времени в объятьях какого-то... отморозка?

Даша резко застыла на месте, глаза ее широко распахнулись, округлившись.

— Что?! — устала она на него. — Какого... отморозка?

— Тебе лучше знать, — ядовито выговорил Антон.

Когда увидел ее в парке, стоящую не просто рядом, но в объятьях какого-то мужика, Антон хотел тут же выскочить из машины и, схватив ее за грудки, посадить в машину и насильно, если понадобится, увезти домой. Как он себя сдержал от подобного, и сам не знает, но он, резко надавив на газ, сорвался с места и уехал. Он думал, что ошибся, но знал, что ошибки быть не могло.

И ее он бы узнал везде. Это была Даша, без сомнений. И сейчас у него сорвало крышу от негодования.

— Я запрещаю тебе общаться с какими-то...

— Паша — мой друг! — выкрикнула девушка. — Он был со мной все эти годы. Все эти четыре года, когда ты должен был за мной следить, он был вместе со мной! Он! И, если кто-то и может находиться со мной так близко, как никто другой, так это Паша. Он, а не ты! Ясно?

— Сколько же лет твоему... другу? — язвительно поинтересовался Антон.

— Сколько бы не было, все его. И он может отчитаться за каждый прожитый год, потому что ему есть чем гордиться, в отличие от некоторых, — вырвалось у Даши.

— Хочешь сказать, мне гордиться нечем? — сощуренными глазами взирая на нее, поинтересовался Антон.

— А что, есть? — парировала девушка. — Мне надоело отчитываться перед тобой. Пусть ты и мой опекун, но не нянька, которая обязана со мной возиться. Мне не шесть лет и не двенадцать уже, если нужно, я сама смогу о себе позаботиться.

— Сможешь?

— Смогу! — гордо вскинув подбородок, заявила девушка. — Хочешь проверить?

Ему отчаянно хотелось сказать «да», согласиться с ней, но он знал, чувствовал, что она исполнит свою угрозу, свое обещание. А к этому он готов вовсе не был.

— Через два года, — жестко выдавил он, нависая над ней, — когда тебе исполнится восемнадцать, можешь делать все, что угодно. А пока... тебе ничего иного не остается, как слушать то, что говорю тебе я.

— Как четыре года назад? — ядовито осведомилась Даша. — Когда мы обманывали социальные службы?

Антон смутился, чувствуя, как стремительно позиции их поменялись, и уже он стал защищаться.

— Это не был обман!..

— Был. Уже тогда — это был обман, — возразила девушка. — Неужели ты так ничего и не понял, Вересов?

— О чем ты? — сощурился он, подходя к ней, но она отскочила от него.

— Тебе нужно было поинтересоваться об этом раньше, — отрезала она, — когда я еще готова была отвечать на твои вопросы. А сейчас, уволь, не собираюсь этого делать.

— Что произошло? — спросил он сдержанно. — Что, черт возьми произошло за эти годы?!

Даша уставилась на него.

— Произошел ты.

— Объяснять ты мне, конечно, ничего не будешь?

Даша криво усмехнулась.

— Какой догадливый, — и, очевидно, считая, что сказала достаточно, направилась к

лестнице. — До завтра.

А он, глядя ей вслед, остался стоять с острым ощущением в груди, что вновь потерпел поражение.

Она была права. Во всем права. Он так ничего и не понял.

И, разрази его гром, если он не допытается до истины!

26 глава

Гораздо проще решать проблемы, к которым можно хоть с какой-то стороны подойти и найти выход из сложившейся ситуации. Но как решить проблему, которая не желает быть решенной? Что сказать и как? Не покажется ли он навязчивым и не останется ли осмеянным? Как подступиться, выпытать правду не в ущерб одной из сторон и настоять на своем, не надавливая и не требуя, но спрашивая? А как быть, если путей решения вообще нет? Что делать, если проблема не желает быть решенной, будто сбрасывая на него одного весь груз забот и багаж давних обид и разочарований, как непосильную ношу?

Как быть, если у проблемы есть характер!?

Нечто подобное испытывал Антон в отношении к себе Дарьи. Нет, она не была проблемой, по крайней мере, в полном смысле этого слова, который в него вкладывал именно он. Девушка не досаждала ему, не шаталась под ногами, действуя на нервы, без видимых причин не грубила, предпочитая вообще с ним не общаться, а, когда общалась, ограничивалась пустыми, отточенными фразами, бьющими не в бровь, а в глаз. Она не возвращалась домой очень поздно, хотя могла бы, вынуждая его нервничать, не скандалила и не нарывалась на неприятности, не злословила, даже не приглашала в дом гостей, — ту же лучшую подругу, о которой он так много слышал еще от отца. Антон не настаивал, в общем-то, ведь именно он решил, чтобы Даша жила с ним в его квартире, а она, похоже, жаждала доказать ему после памятного разговора в вечер, когда он не сдержался, вновь накричав на нее, что будет самостоятельной. И доказывала. Целенаправленно и систематично, дерзко и сдержанно указывая на то, что останется стоять с высоко поднятой головой.

Она была хладнокровной, стараясь не замечать его, просто закрывая глаза на то, где он находится, когда вернулся домой с работы и с кем, не хочет ли с ней поговорить. А он хотел. Отчаянно желал поговорить с ней, побеседовать, расспросить ее о прошлом. О том прошлом, в которое окунул ее именно он четыре года назад. Но она не шла на контакт. Вообще. Желая поговорить с ней, он наткнулся на резкий и категоричный отказ. Нет, она не желает с ним разговаривать. Нет, она не будет, как четыре года назад, делать вид, что ей хорошо с ним живется. И нет, она и не заикнется о том, что было, потому что, то, что было, уже прошло, и поздно теперь что-либо менять.

Антон бесился, выходил из себя, раздраженно хлопал дверью своей комнаты или кабинета, натываясь на равнодушную стену отчуждения, которой себя окутала с ног до головы его воспитанница. Успокаивался он позже, уже после того, как, проходя в свою комнату, видел горящий в ее спальне ночник, свет которого просачивался из-под двери тонкой полоской. Остановившись, с минуту смотрел на закрытую дверь, будто ожидая, что та вот-вот распахнется, топтался на месте, гадая, стоит ли предпринимать еще одну попытку и поговорить с девушкой, но, глядя на часы, понимал: не время, уже поздно. И, раздосадованный, шел спать. Конечно, засыпал не сразу, вертясь с боку на бок, глядя в потолок и на стены и злясь на бессонницу.

То, что происходило четыре года с Дашей, пока он учился в Лондоне, вдруг стало отчаянно волновать его. Раньше он не задумывался об этом, потому что был уверен: всё в

порядке. Он следил за ее жизнью, пусть и через Маргариту Львовну, высылал деньги, чтобы девочка ни в чем не нуждалась, даже пару раз, ведомый немислимым добродушием, отослал ей подарок ко дню рождения, но, не получив (всё от той же Маргариты Львовны) благодарности, высказанной Дашей, перестал стараться что-либо изменить.

Так в чем же сейчас обвиняет его Даша? В том, что он о ней не заботился? Да, лично не заботился. Но он и не смог бы. Ему нужно было обучаться, окончить институт, жить своей жизнью, в конце концов. Но он нашел, как ему казалось, приличную женщину для того, чтобы та заботилась о девчонке вместо него!

Вины его в том, что он не навещал ее, не интересовался ею, не заботился и пытался избавиться, нет.

Обвинения беспочвенны и безосновательны.

Он делал всё, что мог. Большого от него требовать на тот момент было нельзя.

Ему казалось, что он нашел верный выход из ситуации. Даша не жаловала его, он не любил Дашу, но по воле отца стал ее опекуном. И он исполнял свой долг. Так, как мог, исполнял. И да, ему казалось, что проблем нет, что Маргарита исполняет всё в точности с его предписаниями, ведь за это получала немалые деньги! У девчонки есть крыша над головой, здоровое питание, дорогая обувь и одежда, даже карманные деньги, которые та могла использовать по своему назначению. Он был искренне уверен, что так и есть.

Что ж, похоже, он видел лишь то, что хотел видеть. И знал лишь то, что хотел знать.

Он вспоминал тот день на кладбище, когда удивился ее старенькой одежде, и черной курточке, и рваным сапожкам, и подшитым колготкам. Поношенная, старая, явно, вышедшая из моды, одежда. И ненависть, смешанная с равнодушием, в голосе, когда Даша упоминала свою воспитательницу. И боль, обида, злость.

Даша не раз и не два уверяла, что ей всё равно, что было, но он видел правду. Он читал по лицу то, что девушка хотела скрыть. В горящих глазах, в складочках на лбу и в уголках губ, во вздернутом подбородке и даже в том, как она тонкими пальцами убирала челку с глаз.

И чем дольше находился с ней рядом, тем Антон отчетливее и яснее видел это. Разочарование. Обиду. Боль. В нем. На него. Из-за него.

Чувство вины просыпалось в нем, накатывая огненными волнами. Вина и стыд за то, что он не исполнил волю отца. Или не исполнил в полной мере. Или... не исполнил так, как того хотел Олег.

Но ему тоже было нелегко! Он взвесил на себя заботы о шестнадцатилетней девчонке, которая никак не хотела уступать ему или идти на компромисс. Он не знал, как еще к ней подступить.

Он готов был списать ее отношение на привыкание, на злость, на упрямство и гордость, не позволявшие ей признаться, что она в чем-то винит его. Но прошли уже почти две недели, а он так ничего от нее и не добился! И не потому, что не хотел, а потому, что она не позволяла ему сделать этого! Она оградила себя от него, не подпуская к себе близко. И он, наверное, даже мог четко назвать день и час, когда стал ощущать возникшую между ними ледяную стену отторжения особенно явственно, остро и колко.

В тот день, когда они поссорились из-за ее встречи с каким-то мужиком в парке! Роковая встреча и последовавший за этим роковой разговор тет-а-тет. Опять с руганью, вызовами и криками, негодованием.

Именно с того рокового дня что-то надломилось в их отношениях еще больше, еще

сильнее, превращая их не просто в недругов, но почти в заклятых врагов. По крайней мере, такую видимость создавала Даша.

Сначала он винил во всем ее друга. Кажется, она назвала его Пашей? Светловолосый гигант, достаточно взрослый, насколько мог судить Антон; такому человеку, мужчине, не место рядом с подростком! Но Даша назвала его другом. И Антону пришлось заткнуться.

Потом он стал списывать всё на раздражение, нервное напряжение и озлобленность. Ведь всякое бывает. Проблемы в учебе, в отношениях с друзьями... в личной жизни? Стискивая зубы, и отчего-то гневаясь, он тоже отказался от этой мысли. Маленькая... Она еще слишком маленькая для подобных отношений.

А затем понял, что это — манера поведения, которой девчонка решила придерживаться с ним. Именно с ним. Только с ним. С Ольгой Дмитриевной она общалась очень мило, ласково, приветливо улыбалась, дружелюбно прощалась, кидалась помогать ей на кухне по утрам, рассказывала мелочи из школьной жизни, коротенько, наобум, вскользь, но всё же, — достаивала ее хотя бы тем же кивком головы! А Антону доставался лишь презрительный взгляд черных глаз, прикрытых порой длинной челкой цвета горького шоколада. А ему в такие моменты хотелось оказаться на месте своей экономки.

Он стал обращать внимание на то, как Даша выглядит, раньше его не интересовало это, а сейчас — да. И не потому, что ему было действительно интересно, а потому, что ничего иного, кроме как «наслаждаться» ее внешностью, Антону не оставалось.

Она была подростком. Юной девушкой, даже девочкой, не до конца перешедшей в стадию взросления, как такового. Угловатая, невысокая, худенькая, с острым упрямым подбородком и выпирающими скулами, слегка вздернутым носиком и полными губами. Глаза, редкого черного цвета, сверкали на молочной коже лица, подобно агатам. Волосы длинные, значительно ниже плеч, насыщенного темно-каштанового цвета, сходного по цвету с горьким шоколадом, обычно стянутые на затылке в хвостик.

Упрямая, вздорная, гордая, независимая маленькая девочка, готовая доказывать любому усомнившемуся в ней, на что она действительно способна. Ребенок в загадочной поре взросления, становления женщины из девочки, развивающаяся неторопливо, медленно, постепенно расцветая и превращаясь из бутона в чудный шикарный цветок. Прекрасная роза среди убожества и зла окружающего ее мира. Не озлобленная на него и не потерявшая чистоты души в пороке и грязи прошедших лет.

Но для Антона она была лишь девочкой, воспитанницей... приемной дочерью его отца. Он смотрел на нее, порой разглядывая значительно дольше, чем стоило, ее лицо и фигурку, замечая на себе ее изумленные взгляды, но видел лишь то, что видел бы любой мужчина, оказавшийся на его месте. Свою подопечную.

И, естественно, он стремился наладить с ней контакт. С некоторых пор это стало смыслом для него.

Но на контакт она не шла, почти не разговаривала, достаивая его парой-тройкой язвительных полуфраз, и мчалась в школу, как ошпаренная. Его игнорировали, терпели рядом с собой, мирились с присутствием, не замечали или замечали по необходимости. Наверное, для Даши он был чем-то вроде предмета интерьера, совсем не нужного и ее не впечатляющего, пусть дорогого и красивого.

Ужинала Даша всегда одна. Ложилась спать или, скорее всего, делала вид, что спит, когда не было еще и одиннадцати. На самом деле она ложилась поздно, всегда после двенадцати; чем она занималась, Антон не знал, но был уверен, что девочка лишь делает вид,

что спит. Она продолжала его игнорировать.

И, когда Антон понял, что от самой Даша ничего не добьется, он решил принять решительные активные меры. Путем наступления. По всем фронтам. Если гора не идет к Магомету, Магомет пойдет к горе!

Утром следующего дня, проснувшись бодрым и отдохнувшим, он напрямик направился на кухню.

Даша, едва его завидев, иронично скривилась, на его приветствие удостоив его лишь кивком головы.

Антон сел напротив и впился в нее испытывающим взглядом. Даша молчала, будто не обращая на него внимания, а потом вдруг резко поднялась.

— Мне пора, — выпалила она, стремительно бросившись к двери.

— Когда заканчиваешь? — поинтересовался Антон, глядя ей в спину.

— У меня факультатив, — бросила она, не обернувшись. Будто этот ответ мог Антону что-то сказать!

Он опомниться не успел, как за девчонкой уже захлопнулась входная дверь. Он ощутил непреодолимое желание вернуть негодницу на место и расспросить о том, что его волновало. Только вот он сомневался, что Даша станет отвечать на его вопросы, а потому уставился на Ольгу Дмитриевну.

— Ольга Дмитриевна, — окликнул он домработницу, — а Даша вам, случайно, не рассказывала...

— О чем? — удивилась та, смерив Антона подозрительным взглядом.

— О том, как она... — запнулся Антон, понимая, что то, о чем хотел спросить, нельзя было поинтересоваться просто так. — ...как ей жилось в Москве, пока я учился в Лондоне, — нашелся он, чувствуя себя Штирлицем. Причем Штирлицем-неудачником. А еще адвокат! Правильно задавать вопросы и получать на них ответы, его работа, а тут на тебе, — двух слов связать не может!

Ольга Дмитриевна нахмурилась, что Антона тут же насторожило.

— А почему вы спрашиваете?

— Она никогда не рассказывала мне об этом, — признался Антон, — сколько бы я у нее не выпытывал. А мне хотелось бы быть уверенным в том, что она жила... нормально.

Женщина горестно вздохнула, и он почувствовал, как сердце забилось чаще, а потом покачала головой, прикрыв глаза.

— Даша не любит об этом говорить, — сказала она. — Я у нее не спрашивала, но она упоминала вскользь, что ей было... нелегко.

— Нелегко? — в горле внезапно вырос острый комок.

— Да. Трудно, — она бросила быстрый взгляд на Антона. — Но оно и видно, по ее-то одежде.

А это, кажется, была шпилька в его адрес? Антон насупил, но промолчал.

— Разве вы не видите, что девочка ходит, в чем попало, Антон Олегович? — упрекнула его экономка. — Уже конец апреля, погода разгулялась, а она все в своей курточке. Потому что ей надеть больше нечего!

И он в один миг ощутил себя мерзавцем.

— Я... я не заметил, — пробормотал он, опуская глаза. — Как-то... упустил из виду, — пропустив мимо ушей неодобрительное «Ох!» Ольги Дмитриевны, мужчина продолжил: — Я обязательно исправлю это.

— Было бы неплохо, — пожалала плечами женщина. — А то, вы же сами должны понимать, что девушкам в ее возрасте, главное получше выглядеть. Все сейчас на одежду смотрят, чтобы поновее, получше, подороже. Да и мальчики...

— Мальчики? — воскликнул Антон, нахмурившись. — Какие мальчики? Она вам рассказывала что-то?

Ольга Дмитриевна уставила на него с удивлением.

— Рассказывала?.. Да нет... нет, — проронила она озадаченно. — У нее и парня-то, вроде, нет. Но это я так, к слову, когда-то же появится, — она улыбнулась. — Она девочка красивая... Да вообще не в этом ведь дело, Антон Олегович! — махнула она рукой. — А в том, что девочка ходит, в чем попало. Этой куртке уже года четыре, не меньше. Да и вся остальная ее одежда не моднее и не новее. Вы, разве, не заметили?

И снова этот упрек в ее голосе. Он ударил Антона прямо в сердце. Обоснованный, жесткий упрек.

— Заметил, — пробормотал он сквозь зубы.

— Мне кажется, Антон Олегович, — откровенно произнесла экономка. — Только это между нами, хорошо, а то Даша ругаться будет? — Антон зачарованно кивнул, а Ольга Дмитриевна продолжила: — Мне кажется, что эта ваша Маргарита Львовна совсем с Дашеньке не заботилась. Деньги-то она брала, только вот до адресата они не доходили.

— Почему вы так думаете? — охрипшим вмиг голосом поинтересовался Антон.

— Да это видно сразу! — воскликнула женщина так, будто все и так ясно. — Даже по ее отношению к этой... женщине. Она ни разу не вспомнила о ней, ни разу доброго слова не сказала, вообще ничего. Да и одежда ее, опять же, излишняя самостоятельность и какая-то... сдержанность, что ли, будто она чувствует, что не имеет на что-то права, — Ольга Дмитриевна вздохнула. — Ужасно это. На вид-то Дашеньке едва тринадцать можно дать, а по развитию уже восемнадцать, если не больше. Не на пустом месте всё это в ней выросло. Ох, не на пустом месте...

Да, не на пустом месте, права была Ольга Дмитриевна. И уже на следующий день задумавшийся над ее словами Антон, стал ужасаться тому, насколько правдивыми и пророческими были слова экономки.

Поговорить с Дашей вечером того дня ему не удалось, так как девушка позвонила ему и заявила, что остается ночевать у своей подружки. Прямо так и сказала, даже не спросив у него разрешения. Конечно, он мог воспротивиться, отказать ей, приехать и забрать домой, доказав тем самым, кто есть кто. Но какой в этом смысл? Что это дало бы ему, кроме новой волны гнева и негодования со стороны Даши?

И он лишь осведомился, когда она теперь появится, и, услышав ответ, не стал скандалить. Завтра, после уроков, беспокоиться не нужно, она не в первый раз ночует у подруги.

— Кроме того, — иронично добавила она, — ты сможешь от меня отдохнуть. Даю тебе полную свободу.

Ответить он не успел, просто не придумал ничего более или менее путное, а Даша уже отключилась.

А на следующий день он вернулся с работы раньше, не было еще и пяти, желая поговорить с девушкой. Он рассчитывал увидеть в квартире свою воспитанницу, но уж точно не ту светловолосую фурию с глазами цвета сапфиров, что выскочила ему навстречу, едва он распахнул дверь своего жилища.

Невысокая девушка, на вид, лет шестнадцать, стройненькая, округлившаяся, красивая.

— Я думала, это Даша... — скованно проговорила девушка, застыв в дверях.

— А вы кто? — опешил Антон, так и застыв на пороге.

— А вы? — в тон ему ответила девушка и только что ручки не уперла в бока.

— Я Антон Вересов, — мрачно выговорил мужчина, начиная осознавать, кто перед ним. — Опекун Даши.

Лицо светловолосой девушки накрыло тенью, глаза ее, сузившись, блеснули.

— Ну, вот и здрасьте, — не совсем дружелюбно проговорила незнакомка. — Познакомились, наконец.

Она окинула его таким презрительным взглядом, что его прошиб холодный пот.

Антон уставился на нее. К гадалке не ходи, это лучшая Дашина подружка. Как ее звать? Леся, кажется.

— А Даша где? — взгляделся он в симпатичное, но мрачное личико девушки.

— Ей Ольга Дмитриевна позвонила, — скрестив руки на груди, заявила девушка, так и не представившись.

— Ясно. А ты..? — бегло осмотрев ее с ног до головы, спросил Антон.

— Я Леся, — вскинув вверх подбородок, сказала девчонка. — Точнее, Лесандра Ростовцева. Слышали о моем отце?

— Нет, не довелось, — коротко бросил Антон, не понимая презрения, которое ощущал в девочке по отношению к себе. — Чем же я не угодил тебе? — проходя вперед, спросил он.

— Мне? — удивилась она, и ее бровки подскочили к корням волос. — Ничем. Так и Даше ничем, вот в чем дело. Лучше бы ты нам с отцом позволил о ней заботиться, раз сам не мог, чем отдал в руки этой ведьмы, — едко прошипела она. — Неужели ты не понимал, что делаешь? Или специально это делал?

Ему не нравилось, что девочка разговаривала с ним как с равным и обращалась исключительно на «ты».

— Я не понимаю, о ком ты, — нахмурился Антон. — О Маргарите Львовне?..

— А о ком еще, — фыркнула девушка, — о ней, конечно. Стерва дрянная, чтоб ей. И хотя Даша противится и просит меня не упоминать ее плохо, но я не могу! После того, что она сделала... Мне ее прибить хочется.

— Она плохо обращалась с Дашей? — удивленно проговорил Антон.

— А то ты не знаешь. Да кто бы сомневался, на те гроши, что ты посылал ей, она едва-едва поест могла! Какой уж разговор об одежде или желании сходить куда-нибудь отдохнуть! Да когда мы с классом за город выезжали, Даше всегда приходилось деньги занимать у меня. Конечно, я ей давала безвозмездно, а она что, думаешь? Отдавала, — она пристально посмотрела на Антона, вонзаясь в него взглядом. — Собирала по крупичкам те крохи, что ты ей присылал, и отдавала их мне! Это нормально?!

— Я высылал ей достаточно, — едва слышно проговорил Антон.

— Не смей меня. Этой мелочи мне бы и на туфли не хватило.

— А туфли от Валентино? — съязвил Антон и был награжден язвительным взглядом от Леси.

— Не в этом дело. А в том, что ты со своей Маргаритой Львовной превратил мою подружку едва ли не в бомжа! Думаешь, дядя Олег погладил бы тебя за это по голове?!

— Я ничего не понимаю, — непонимающе пробормотал Антон. — Давай встретимся и обо всем поговорим?..

— Почему бы тебе не поговорить об этом с самой Дашей? — скривилась Леся. — Мне кажется, ей многое хочется тебе сказать.

В этом он не сомневался. Особенно, если то, что говорит Леся, правда.

Теперь ясно, почему Даша так его ненавидит! Боже, неужели всё именно так? И тогда всё встает на свои места. Ее неприязнь, откровенное презрение и ненависть, нежелание иметь с ним что-то общее. Всё, всё...

— Боюсь, что Даша не захочет со мной разговаривать, — признался он, чувствуя себя последним мерзавцем.

— И правильно сделает!

— Так... мы можем встретиться и поговорить? — не собиравшись отступить он от единственного, возможно, шанса узнать всю правду о том, как жила Даша все эти годы.

Но девушка, что сейчас стояла перед ним, не была готова решать его проблемы вместе с ним. О чем ему совершенно откровенно и заявила, сначала взглядом, а затем и словом.

— Это не мои проблемы, господин Вересов, Антон Олегович! — процедила Леся решительно двинувшись вперед, но Антон преградил ей путь. Отступить он был не намерен.

— Подумай о Даше, — надавил он на самое уязвимое для девчонки место. — Я должен знать правду.

— Кем ты, говоришь, работаешь? Юристом? — сощурилась Леся, окинув его искрами синих глаз.

— Да. А что?

— Умеешь убеждать, — сухо бросила она. — Завтра в три часа, на Южной есть кафешка, «Три кита», Даша ее не очень жалует, поэтому там нас не увидит. Буду тебя ждать ровно десять минут, не придешь, справляйся со всем самостоятельно, — и вскинула бровки, будто издеваясь от выставленного собою ультиматума.

— А ты кем собираешься стать? — осведомился Антон. — Не дипломатом ли?

— Фотографом, — не оценив шутки, серьезно бросила Леся. — До завтра, Антон Олегович.

— Я буду, — заявил он, следя за тем, как она отходит от него, выпрямив спину и вскинув подбородок.

— Посмотрим, — усмехнувшись, бросила девушка и прошла к двери. — Подожду Дашу на улице. До завтра.

И не успел Антон глазом моргнуть, как оказался стоящим посреди комнаты в полном одиночестве.

Завтра он обо всем узнает. Завтра ему откроется вся правда. Леся, Лесандра Ростовцева, не была склонна лгать или преувеличивать, она говорила ровно так, как всё было на самом деле.

И именно она на следующий день уверила его в том, каким же идиотом он был все эти четыре года.

Леся не скупилась на негатив, грубые слова и даже ругательства, никогда, однако, не переходя черту, но убеждая его с каждым новым словом в том, что он — именно он! — виноват в том, что стало с Дашей.

И к тому времени, как Леся, очевидно, выпустив пар, высказав всё, что хотела, засобиравшись домой, Антон подонком себя и чувствовал. Подонком, который даже не удосужился лично проверить, как жила его воспитанница. Просто заехать в квартиру, ведь сколько раз проезжал мимо знакомой сталинской высотки. Просто позвонить, услышать ее

голос и по интонации понять, что не так. Встретиться с ней, хотя бы раз за эти годы, чтобы удостовериться, что всё хорошо. Один-единственный раз. И этого было бы достаточно для того, чтобы понять, увидеть правду, раскусить истинную сущность женщины, на которую скинул девочку, вверенную ему собственным отцом.

Он не справился. Он не оправдал его ожиданий. Он его предал. Он его последнюю волк не исполнил.

И так больно, так остро защемило сердце, так горько, до дрожи, до тошноты стало давить грудь.

Мерзавец и предатель. Ненавистный человек. Дарья была права. Никого другого в нем она видеть не могла. Она видела и знала лишь того, кого позволяла ей видеть и знать Маргарита Львовна.

Леся обвиняла во всём его, но он знал, что не вся вина лежит на нем. Он тоже знал правду. Он заботился о Даше! Да, так, как считал нужным, по-своему. Но он ее не бросил, он присылал деньги, поначалу даже подарки, чтобы заменить ей отца. Но не мог же он, в самом деле, бросить учебу, вернуться в Москву, чтобы о ней заботиться!? Он совершил лишь одну ошибку, но роковую. Позволил себя обмануть женщине, замаскировавшей под истинным обликом волчицы вид ягненка. Он обманулся.

И презрение, ненависть и ярость Даши, вполне обоснованные, — лишь наказание ему за то, что он сделал.

Но, может быть, если он объяснит, если она позволит ему это сделать, если выслушает... то и поймет?

Они оба оказались обманутыми. Ведь, если бы Антон узнал, как Маргарита обращается с девчонкой, он бы немедленно... он бы... что? Нашел той замену? Но сам никогда не стал бы следить за девочкой?!

Какая гнусная откровенность, какая горькая несправедливость, какое острое разочарование в себе!

Но, как и любой человек, он чувствовал необходимость оправдаться в действиях, которые не совершал, поговорить с Дашей лично. Услышать обвинение, увидеть лицо, понять и прочувствовать то, что ощущала она. Просто выяснить всё до конца, разобрать по кусочкам ту стену отчуждения, что возникла между ними.

И откладывать это дело в долгий ящик он не стал. В тот же день, когда поговорил с Лесей, он позвал Дашу в свой кабинет.

Она вошла, предварительно тихо постучав, с гордо вскинутым подбородком и блестящими глазами, будто готовая к новой битве. Антона передернуло. Она на каждую с ним встречу будет идти, как на битву.

Очень вызывающий вид, отметил про себя Антон. Наверное, раньше, до разговора с Лесей, он бы этому возмутился, а сейчас понимал, что всё это оправдано. И ее взгляды, и укоры, и обвинения, и злость.

— О чем ты хотел поговорить? — с порога заявила Даша, сжав руки в кулаки.

Он отчего-то отметил этот факт, указав ей на стул, будто давая понять, что разговор может затянуться.

— Присаживайся...

— Нет, — покачала она головой. — Что ты хотел? Мне нужно делать уроки.

Антон сомневался в том, что она говорит правду, она не желала с ним разговаривать. Но промолчал.

— Много задали? — участливо спросил он, выходя из-за стола и следя за выражением ее лица.

— Не особо, — призналась девушка, насупившись. — Бывало, и больше. Так в чем дело? А она не любит ходить вокруг да около, подумал Антон.

— Я знаю правду, — выдержав паузу, проговорил он. И с удивлением заметил, что не смотрит на нее. На уставленные книгами шкафы, на завешанные фотографиями и картинами стены, на дверь за ее спиной, но только не на нее.

— Правду? — нахмурилась Даша. — О чем ты?

— Даша, — проговорил Антон, найдя в себе силы и взглянув на ее лицо, — это не смешно. Правду о том, как ты жила эти четыре года. Я всё знаю.

Она застыла, недвижимая, обескураженная, шокированная и ошарашенная его заявлением. И даже, наверное, не столько самим заявлением, сколько взглядом, полным сожаления, которым он пронзил ее. Видеть таким Антона Вересова было в новинку. И девушка не была уверена, что таким видеть его хочет.

— Откуда? — лишь проронила она хриплым голосом.

— Леся мне рассказала, — признался Вересов, — и прежде чем ты начнешь ее ругать, подумай о том, что ты сама должна была мне обо всём рассказать. Неужели ты думаешь, я бы тебя не выслушал?

— Ты приказал мне все мои просьбы излагать через Маргариту, — сквозь зубы выдавила девушка.

— Но не думаешь ли ты, что об этом должна была мне сообщить? — с напором спросил он. — Я твой опекун, я должен заботиться о тебе, а получается, что...

— Ты не заботишься? — услужливо подсказала Даша, поджав губы.

— Не забочусь, — Антон не отрывал от нее глаз. — Значит, это правда?

Даша молчала, словно раздумывая над тем, стоит ли ему признаваться.

— Смотря, что ты узнал.

— Что она совсем о тебе не заботилась, что деньги не отдавала, которые я присылал, что не одевала...

— А ты присылал? — перебила его девушка, сощурившись. — Присыл мне деньги? Что, правда?

— Присылал! — воскликнул Антон. — Я присылал много денег на твоё воспитание. Я думал, этого вполне хватит, что я позабочусь о тебе материально, что Маргарита... проследит за тобой.

— Я не получала от тебя... много денег, — скривилась Даша. — То, что до меня доходило, были крохи.

— А пенсия? Что было с ней? Она же шла на твоё имя?

— А я ее видела, эту твою пенсию? — сказала Даша. Маргарита мне ее не показывала, она всегда повторила, что тех денег, которые присылаешь ты, никогда не хватило бы на мое воспитание...

— Она лгала! — не сдержавшись, выкрикнул Антон. — Черт, я заботился о тебе материально, слышишь? Я никогда, ни за что не смог бы в этом обмануть отца! Он оставил тебя на меня, и я...

— Я не получала от тебя больших денег, — упрямо повторила Даша, чувствуя, как трясутся руки. — Вот что я знаю о тебе, Вересов: ты скинул меня на эту женщину, сделал вид, что у нас все хорошо, а сам укатил назад в Лондон! Ты не высылал мне денег, а те крохи,

что высылал, приходили даже не каждый месяц, а потому каждый раз, когда я садилась за стол, мадам Агеева тыкала меня носом в тот факт, что я живу за ее счет, хотя никем ей не прихожусь! — Антон ощутил дрожь в груди. — Я не видела твоего внимания, не видела заботы, не видела даже денег, о которых ты сейчас говоришь. Я и тебя самого не видела! — выплюнула она ядовито. — Если не считать обложек журналов, в которых говорилось, какой ты замечательный специалист, сколько зарабатываешь, и где купил квартиру! А я тем временем жила ожиданием того, когда же пройдут эти годы, чтобы я смогла избавиться и от Маргариты, и от тебя!

— Даша... — попытался осадить ее Антон.

— Я не хочу ничего знать о тебе и о том, что было, — сердито выдохнула девушка. — Не хочу, понимаешь? Я всё это уже пережила, и вспоминать не хочу.

— Почему она это делала? — ошарашенно произнес Антон, конкретно ни к кому не обращаясь. — Я не могу понять. Ведь я просил ее... Я деньги выделял, каждый месяц исправно... и большие деньги. Я думал, что она... А оказалось, что... — он поднял на Дашу какой-то измученный затравленный взгляд.

Девушка испугалась. Она никогда не видела, чтобы Антон так смотрел на нее. Никогда. Ее передернуло, дрожь прошла по телу, взметнув в ней остатки тех добрых чувств, что когда-то жили в ней по отношению к нему. Но она тут же подавила неосознанный внутренний порыв его успокоить.

— Ты мог бы узнать, — сказала она жестко, с обидой в голосе. — Но не захотел.

И эти ее правдивые слова били кнутом, кололи сотнями иголок, выпотрошили всего его.

— Я знаю, — кивнул Антон, отведя взгляд. — Я виноват.

Тяжело дыша, Даша отошла к стене, будто чувствуя, что вот-вот упадет. Мир кружился вокруг нее.

— Я не понимаю ее, — выдохнул Антон. — Я доверял ей, я думал, что она заботится о тебе, — говорил он. — Я, действительно, верил в это. А она...

— Она хотела выйти замуж за дядю Олега, — глухо перебила его Даша, набрав в легкие больше воздуха. — А когда появилась я, она меня возненавидела, увидев во мне помеху своим планам, — она мнимо равнодушно пожала плечами. — Вот и весь секрет.

— Но у отца никогда не было подобных планов... Как ты узнала? — ошарашенно спросил Антон.

— Я догадывалась и сама, — призналась девушка, не глядя на мужчину, — она не раз намеками упоминала об этом, а потом... перед смертью, она мне всё сама и рассказала.

— Она... раскаялась в том, что делала? — с запинкой спросил Антон. — Хотя бы перед смертью?

Даша покачала головой, ощущая, как воздух давит на грудь, а сердце стучит сильно-сильно.

— Нет.

— Прости, — волна жалости, обида, вины и беспомощности захлестнула его. — Прости, что я... так поступил.

Даша ошарашенно уставилась на него. Совсем другой Антон Вересов. Откуда он взялся? Зачем пришел? Она уже научилась его ненавидеть и презирать, винить в том, что с ней было, лелеять обиду и мечтать о мести. Она не желала испытывать к нему иные чувства. Она не хотела его понимать. Отказывалась. Они не друзья, и никогда ими не станут.

— Сделанного не воротишь, — сказала она, пожав плечами. — И то, что ты всё узнал,

ничего не меняет.

— Так ты простишь меня? — упрямо настаивал он, сделав к ней пару шагов и остановившись.

— Не знаю, — откровенно призналась девушка, покачав головой. — Не сейчас.

— Мы должны решить, — начал Антон, — как жить дальше...

Ее глаза сощурились.

— А как жить дальше? Что ты имеешь в виду?

— Ну... теперь, когда я знаю правду, — сказал Антон, пристально глядя на нее, — и ты знаешь правду... Я подумал, мы могли бы... изменить наши отношения.

— Считаешь, что, узнав о том, что ты высылал мне деньги, «заботился» обо мне и не забывал, я закрою глаза на то, что было? — голос ее звучал угрожающе.

— Нет! — воскликнул Антон. — Конечно, нет, — метнулся он к ней, но она отскочила. — Но я подумал, что мы могли бы попытаться жить нормальной жизнью. Теперь, когда всё узнали, — он взглянул в нее внимательно, с надеждой. — Разве мы не можем попробовать?

— Я не забуду того, что было, — сказала она.

— Я знаю. Но постараться смириться с моим существованием рядом в течение двух... даже почти одного года! Ты можешь? — он пристально взглянул на нее. — Постараешься? Ради себя самой. Саморазрушение ни к чему хорошему не приведет, я знаю это не понаслышке. Я прошу прощения у тебя, что уехал, оставил тебя, что не заботился должным образом, но и ты пойми меня...

— Я понимаю, — перебила его Даша, осознавая, что действительно его понимает, — но это не поможет мне забыть.

— И не нужно забывать, — сдался он, понимая, что на большее рассчитывать ему не приходится. — Помни. Но постарайся не обвинять меня в том, что было, потому что я уже признал свою вину.

— Хорошо, — кивнула она, наконец, — я попробую смириться. Осталось всего два года, не так и много.

— Значит, ты..?

— Попробую смириться, — недовольно согласилась она. — Попробую, Вересов, не питай иллюзий.

— Ладно, — он засунул руки в карманы брюк и, нахмурившись, спросил: — А ты не могла бы называть меня по имени? В свете сложившихся обстоятельств.

Даша повернулась к нему, на лице ее расцвела язвительная полуулыбка, брови изогнулись.

— Я же сказала: не питай иллюзий.

— Ясно, — выдавил он сквозь зубы и направился к двери. — Я рад, что мы поговорили и всё выяснили.

Даша промолчала. Он постоял еще пару минут, ожидая ее ответа, но, так его и не дождаввшись, вышел.

— Это ничего не меняет, Антон, — с грустью и горечью проговорила Даша, глядя на закрывшуюся дверь. — Сейчас это уже ничего не меняет, — и, простояв недвижимо еще несколько минут, вышла из кабинета.

27 глава

Принесший порывы по-летнему теплого ветра, май ничего не изменил в их жизни. Или почти ничего.

Окутавший столицу теплым покрывалом, последний месяц весны не принес в душу Даши такого тепла по отношению к опекуну. Их взаимоотношения были по-прежнему прохладными. По большому счету, у них не было никаких отношений, они почти не общались, пересекались редко, всегда ускользая от взглядов друг друга, сталкиваясь лишь в кухне за завтраком и иногда за ужином. Вересов пытался разговорить ее, лишний раз спрашивал о том, как прошел ее день, интересовался учебой, но Даша, услужливо молчаливая, всегда отвечала коротко и односложно. И Антон перестал пытаться. А Даша навязываться не стремилась.

И все-таки что-то изменилось.

Они не ссорились, не скандалили, даже не пререкались ни разу с того дня, когда всё выяснили, но между ними возникла та напряженность и скованность, которой не было раньше. Нервы, словно натянутая струна, готовая вот-вот порваться, были накалены до предела, а мнимое молчаливое спокойствие являлось лишь затишьем перед бурей. Предчувствие всплеска эмоций и взрыва чувств нависло над ними, подобно савану.

Антон, привыкший выплескивать свои эмоции, сейчас был вынужден держать их при себе, контролируя каждый шаг и чуть ли не каждое слово, а Даша энергичная и импульсивная от рождения вынуждена была скрывать за маской равнодушного спокойствия и холодности свою сущность. Чтобы не уронить лицо, не сдаться, чтобы убедить Вересова, что ничто просто так не проходит, ничто не забывается. Его извинения и сожаления, вполне искренние и откровенные, заставили ее взглянуть на него другими глазами, но не смогли помочь ее забыть. Воспоминания по-прежнему стояли между ними.

Они вроде стали общаться иначе. Но всё же оставались друг для друга посторонними людьми, которые лишь вынуждены были жить под одной крышей. Существовать вместе. Скованные прошедшими годами, которые остались в памяти обоих гнусными и горькими воспоминания общего горя.

Она не верила ему. Она ему, как и прежде, не доверяла. Сначала она даже не поверила тому, о чем он ей рассказал. Он, оказывается, заботился о ней все эти годы? Высылал деньги? Но где она, эта помощь? До Даши она так и не дошла. Неужели Маргарита была настолько мелочной и жалкой, что отнимала те деньги, что присылал Вересов? И смела лгать, глядя Даше в лицо, о том, что опекун о девочке не заботится! Смела упрекать ее в том, что Даша висит на ее шее, что Маргарита кормит ее за свои деньги?

Неужели человек может быть настолько жадным и коварным?

И Даша верила этой женщине, казалось, у нее не было поводов не верить ей, когда Антон систематично, вновь и вновь своими поступками и действиями подтверждал слова ее воспитательницы! Ведь она ждала его, еще верила ему тогда, в начале их общего пути, она хотела довериться и дяде Олегу, который знал сына лучше нее. Она надеялась на что-то, но так этого и не дождалась. А потому поверила Маргарите, абсолютно, полно, всецело, и

теперь, узнав правду, не могла осознать, что ошибалась.

Даже если принять как факт, что Антон говорит правду, ведь не может быть фальшивым его раскаяние, что Даша читала в его глазах, и что он высылал ей деньги, заботился о ней... А Маргарита нагло, коварно, подло лгала. И всё равно... это ничего не меняет. Даше нужна была реальная забота, поддержка, внимание и тепло, а не переведенные на карточку или почтовым переводом деньги! Даже если бы Маргарита не лгала, отдавала ей всё, что Антон присылал, разве чувствовала бы себя Даша счастливой? Нет. Она по-прежнему была бы ему не нужна. А теперь он пытается убедить ее, что он... что? Заботился о ней? И как? Исправно присылая деньги и несуществующие подарки?! Но для Даши забота заключалась немного в другом. А он так этого и не понял.

Да и как поверить тому, подтверждения чего она теперь не получит? Верить раскаявшемуся Вересову? Да, она видела, что он сожалеет. Но она помнила, как сожалела она, что ошиблась в нем. Этого не забыть.

— Я не знаю, кому и чему верить, — призналась Даша Лесе, когда подруги, расположившись в комнате последней, распахнув окно, наслаждались ароматами цветов, доносившихся из сада.

— А чему и кому ты хочешь верить? — подчеркнуто спросила ее Леся, вскинув бровь.

Даша пожала плечами и медленно прошла по комнате, остановившись напротив широкого окна.

— Никому и ничему. У меня нет оснований верить ему или ей, — и грустно выглянула в окно. — Он говорит, что заботился обо мне, но как я могу ему верить, когда все четыре года в меня вбивали мысль, что я не нужна ему? Что я — груз, что я — лишь исполнение воли его отца, никто в его жизни, какая-то оборванка с улицы, которая удачно обосновалась в богатом доме! — девушка фыркнула. — И он, именно он, каждый год доказывал правоту Маргариты, когда ни разу так и не поинтересовался, что со мной происходит! — Даша, опустив голову, с силой втянула в себя воздух. — Я четыре года верила факту, что не нужна, и теперь... только потому, что он опровергнул мои былые убеждения своими словами, поверить обратному? Не могу...

Девушка полуобернулась к подруге и грустно той улыбнулась.

— Я не знаю, смогу ли вообще кому-то довериться. Это так больно, если разочаровываешься в человеке...

— Знаешь, — задумчиво протянула Леся, приподнимаясь с кровати, — он не показался мне таким уж плохим.

Даша закатила глаза, всем своим говоря, что не желает и слышать подобного в адрес Антона Вересова.

— До сих пор не могу поверить, что ты разговаривала с ним! — недовольно воскликнула она.

— И, тем не менее, я сделала это, — заявила та. — И ничуть не жалею, если хочешь знать. Он показался мне озадаченным и озабоченным тем, что не знал истинного положения дел...

— Да ты защищаешь его! — воскликнула Даша, повернувшись к подруге лицом.

— Нет. То есть, да, — призналась Леся, — защищаю. Я не хотела с ним разговаривать сначала, но он так настойчиво упрашивал меня встретиться с ним. Знаешь, я думаю, что человек, который не интересуется, не стал бы этого делать, — задумчиво проронила девушка, скинув ноги с кровати. — Он казался мне искренне обеспокоенным. Я видела, как

он был удивлен, когда я сказала ему, как с тобой обращалась эта женщина!

— Тебе не нужно было этого делать, — упрямо возразила Даша. — Ему надо было заботиться обо мне тогда, когда мне действительно была нужна его помощь! А сейчас ему совсем необязательно было...

— И что тогда? — перебила ее Леся. — Вы бы никогда не поговорили. Ты бы никогда не узнала правды.

— Какой правды? — вскричала Даша. — Ты уверена, что это правда? Мы теперь этого уже никогда не узнаем, потому что мадам Агеева унесла с собой эту тайну в могилу!

Леся что-то прошипела, поморщилась, но промолчала.

— И что ты теперь думаешь делать? — пробормотала она, когда молчание между ними стало невыносимым.

— Ничего, — пожала плечами девушка. — Мы договорились с ним... — она скривилась, — ...жить дружно. Не скандалить, не ссориться по возможности, просто жить своей жизнью под одной крышей, пока не будем избавлены друг от друга. Всего два года. Не так и много, чтобы заставить себя потерпеть, а?

Леся мнимого энтузиазма Даши не разделяла.

— Знаешь, это будет сложно, — пробормотала она.

— Почему? — нахмурилась Даша.

— Он молодой мужчина, Даш, — назидательно сказала подруга. — А ты — юная девушка, не его сестра, не его девушка, вообще ему... никто, по сути. Не видишь здесь ничего... ненормального?

— Нет, — откровенно призналась та. — Не понимаю, куда ты клонишь, Лесь. Что тут ненормального?

— Дашуль, я живу с отцом, — сказала Леся, покачав головой, — он самый родной, любимый, самый лучший мужчина в мире для меня. Но... даже с ним у меня бывают конфликты и скандалы. И это притом, что я его безумно люблю, советуюсь с ним, прислушиваюсь к его мнению...

— К чему ты клонишь? — подозрительно сощурившись, пробормотала Даша.

— Он — мужчина, Даша. Пусть родной, пусть любимый, но мужчина. Они другие, совершенно. Невозможно жить рядом и не конфликтовать, не реагировать на присутствие, не замечать. Рано или поздно черная дыра рванет. У меня очень часто взрывается, хотя я живу с отцом, а не... с твоим Вересовым.

Даша нахмурилась, сомкнулись ее губы, выдавая раздражение и непонимание.

— Хочешь сказать, что мы не сможем с ним ужиться только потому, что он — мужчина, а я — девушка?

— И потому, что вы, как ни крути, чужие друг другу люди, — кивнула Леся. — А еще терпеть друга не можете, — встав с кровати и подойдя к подруге, Леся тронула ее за руку. — Даш, я отца люблю, очень сильно, но даже я иногда просто из себя выхожу от злости на него, — она заглянула Даше в глаза, пытаясь увидеть в них осознание. — А тут с одной стороны будешь ты, а с другой — Вересов! Конфликта не избежать...

Черные глаза, казалось, потемнели еще больше, если такое вообще было возможно. На щеках выступили розовые пятна возмущения, а губы сжались так сильно, что превратились в узкую полоску.

— И что ты предлагаешь? — сквозь зубы выдавила из себя девушка.

Леся, сжав Дашину руку, отступила и смущенно потупилась.

— Не знаю, — откровенно призналась она, глубоко вздохнув. — Это какой-то тупик. Ведь ни один из вас не станет подстраиваться друг к другу? — и, получив от подруги в ответ сморщенную мину на лице, сказала: — Вот видишь! Поэтому жить нормально у вас и не получится. Думаю, вам не стоило и питать подобных иллюзий, учитывая ваши... хм... взаимоотношения.

— А точнее, их полное отсутствие, — фыркнула Даша, вновь повернувшись к окну.

— Да нет, — уверенно возразила Леся, — как раз-таки взаимоотношения. У вас они самые что ни на что есть, настоящие, подлинные и истинные, — и, прежде чем Даша успела ей что-либо возразить, подруга добавила: — И та стена отчуждения, которой ты пытаешься окутать вашу совместную жизнь, та... черная дыра... скоро рванет. И тогда, — покачав головой, она отвела взгляд, — никому не поздоровится.

Даша промолчала тогда. Не зная, что сказать, или просто не желая этого делать, но девушка понимала, что Леся права. Во всем, что касалось ее отношений с Антоном! Апатичное спокойствие, договорное благополучие, иллюзия понимания, но отсутствие этого понимания, затаенная обида и недоговоренность, монотонное молчание, никакой реакции, никакого действия, никакого лишнего слова или фразы. Полное отсутствие жизни. И среди всего этого... нарастающий, набирающий обороты всплеск эмоций, разрушительный удар, атака, бомба замедленного действия, собственноручно ими запущенная.

Даша чувствовала эту разрывающуюся черную дыру каждый день, ощущая ее на себе. Как ощущала и неминуемо приближающийся взрыв чувств и не выплеснутых ранее эмоций и откровений.

С каждым днем ситуация усугублялась. И за спокойным существованием, заключенным путем мирного соглашения между ними, скрывалась натянутая леска, переступив которую, точно черту, найдешь конец.

И они медленно и целенаправленно двигались навстречу этому концу. К концу всего того, что так и не успели построить.

И если в личной жизни у Даши творилась полная неразбериха, омраченная непонятными и не понятыми обоими отношениями с Вересовым, то в школе всё было не так и гладко. В плане учебы проблем не было; заканчивалась последняя четверть, которая должна была завершиться экзаменами, и Даша всё свободное время проводила за учебниками. А вот отношения с одноклассниками откровенно девушку беспокоили.

Странное отношение к ней Ромы Кононова стало еще более странным. Она не понимала его причины, а задумываться над тем, что парень мог действительно в нее влюбиться, как говорила Леся, Даша не верила. Но факт, тем не менее, оставался фактом. Он обращал на нее внимание, делал какие-то намеки, а на одном из уроков истории, когда учитель объясняла новый материал, даже посмел передать ей записку! В которой, к изумлению девушки, спрашивал у нее, не поможет ли она ему подтянуть биологию.

— Сжалилась бы ты над парнем, — смеялась Леся, с которой Даша поделилась этой неожиданной новостью, — а то Ромка уже не знает, что сделать, чтобы привлечь твое внимание. Вон уже на крайние меры пошел!

— Может, ему действительно нужно биологию подтянуть? — предположила Даша, понимая всю лживость собственного предположения, и даже поморщилась.

Леся откровенно расхохоталась.

— Смеешься? Он на медицинский решил поступать, если ты забыла, — заявила подруга и, подмигнув Даше, добавила: — Как и ты. Так что с биологией у него проблем нет и быть не

может.

— И почему это ты так улыбаешься? — подбоченясь, строго посмотрела на нее Даша, насупившись.

— Как? — усмехнулась Лесандра Юрьевна, лишь шире расплываясь в улыбке.

— Как сводница! — выдохнула Даша и, вскинув подбородок, решительно двинулась в кабинет физики, слыша вслед заразительный смех лучшей подруги.

Надо сказать, что с Ромой она позанималась. Ровно одно занятие. Ровно десять минут. До того момента, когда осознала, что одноклассник ее просто «дурит» с тем, что чего-то не знает и не понимает. Все он знал, и даже лучше нее! А потому девушка, захлопнув книгу, решительно поднялась с места, намереваясь уйти.

— Ты куда? — испуганно пробормотал Кононов, вскакивая за ней следом. — Мы же еще не закончили.

— Я домой, — злясь на себя, проговорила Даша. — И нам с тобой даже не с чего начинать!

— То есть? — светлые брови взметнулись ко лбу. — Я так... бездарен, по-твоему? — кажется, обиделся он.

— Наоборот, Рома, — выделяя его имя, отозвалась Даша, иронично улыбнувшись. — Ты очень даже умен.

— Даш, ну, подожди! — кинулся следом за ней парень, преграждая путь к двери. — Поймай!

Вскинув на него насмешливый взгляд снизу вверх, Даша улыбалась, откровенно и открыто.

— Ну, что тебе?

— Не уходи, — попросил Рома, засунув руки в карманы джинсов. — Давай... позанимаемся. Я, правда, кое-что не понимаю.

— Всё ты понимаешь, Рома, — усмехнулась девушка и, обходя его, на ходу бросила: — До завтра.

— А можно, я тебе позвоню? — крикнул он ей вслед и, прежде чем она застыла в изумлении, добавил: — Если что-то не пойму?..

Даша рассмеялась, но ничего ему так и не ответила. А он позвонил. Уже на следующий день, хотя она не помнила, чтобы давала ему номер своего телефона. Леська!? Не иначе, засранка такая! Пребывая сейчас в состоянии первой и, как ей казалось, единственной влюбленности, подруга искренне желала, чтобы были счастливы все вокруг нее. Даша в первую очередь. Именно поэтому и видела в отношении к ней Романа то, чего не было на самом деле. Пытаясь всеми силами свести Дашу с Кононовым и так и эдак.

Но Даша не намеревалась сдаваться. На носу переводные экзамены, через два года поступление в мединститут, проблемы с Антоном, опять же, — как можно думать о любви? И тем более, о любви Романа Коконова, который со второго класса показал ей все свои оттенки чувств, которые к девушке испытывал? Нет, неправда всё это. И думать она об этом даже не станет. Бессмысленно и глупо. Незачем.

А вот о поездке на конеферму в Подмосковье, куда они еще с дядей Олегом часто ездили, и куда теперь частенько наведывались с Лесей и иногда с Пашей, подумает с радостью; и запланирует, и время выкроет, и даже целый день выделит на то, чтобы покататься на лошадаках и просто отлично провести выходные.

«Вот как раз в следующие выходные погоду обещают хорошую, почему бы не выкроить

день или два на заслуженный и оздоровительный отдых?» думала Даша, отмечая в своем календаре выбранный день.

Свежий воздух, любимые лошадки, добрый дядька Тимофей Ильич, красавец Патриот, которого она так любила послать в галоп, Леся с Артемом и Пашка!

О большем мечтать она и не смела. Ей для счастья было вполне достаточно и этого.

За годы, проведенные с Маргаритой, Даша очень сблизилась с Павлом. Они и раньше были близки, но, когда он переехал в Москву, Даша ощутила себя в надежных руках. Они были тем самым защитником, тем помощником и самым верным другом. Он стал для нее тем, кем Антона Вересов должен был стать, но так и не стал. Наверное, он был для нее даже больше, чем просто другом. Он стал ей братом. Старшим братом, которого у нее не было, но на чье плечо ей так всегда хотелось опереться, чувствуя свою нужность.

После Леси, самый родной для нее человек. А, может, намного важнее, чем подруга. Ее семья.

Она помогала ему выбирать мебель для квартиры, вешать шторы в спальне, красить стены в кухне, и он выделил для нее одну из гостевых комнат, в шутку называя это презентом за помощь. Она смеялась, видя его измаленные краской руки, а он смеялся только оттого, что слышал ее смех. Она смеялась для него.

В последние годы перед смертью Маргариты, когда та заболела, Даша вопреки ее желанию очень часто оставалась в квартире Паши. Они почти превратились в ту самую настоящую семью из брата и сестры, о которой девушка мечтала. У Павла, как и у Даши, не было родственников, или же он просто о них не желал рассказывать. Откровенно говоря, почти всё его прошлое было покрыто таинственной неизвестностью, он не особо любил о нем распространяться даже перед ней, а потому знала девушка очень мало. Знала лишь, что он родом из Калининграда, там окончил школу, институт и занимался, как он сам шутил, «бизнесом». В Москву переехал, расширяясь, построил свою империю за считанные годы (тоже неизвестно каким путем) в столь юном для предпринимательского бизнеса возрасте. Даша никогда не вмешивалась в его дела, даже когда друг купил квартиру и пригласил ее жить вместе с ним, открывая двери в свою берлогу, она молчала.

— Переезжай ко мне, Дашуль, — уговаривал Павел, глядя в ее лицо с решимостью. — Ты ведь знаешь, что я тебе всегда рад, да и от ведьмы ты избавишься. Что она, побежит за тобой, что ли, чтобы вернуть?

— Пашенька, — уговаривала его в ответ Даша, — ну, ты же знаешь, что я не могу. Я очень люблю тебя, но там... дом, понимаешь? И как бы я не любила и твою квартиру, все же там всё еще живет дядя Олег. Я не могу его бросить с ней, — она, немного запинаясь, взяв его руки в свои ладошки. — Понимаешь?

— Понимаю, — грустно улыбнулся Паша, хотя глаза его не блестели. — Но обещаешь тогда хотя бы, что когда тебе исполнится восемнадцать, ты переедешь ко мне? На первое время?

— А разве я не смогу жить в квартире дяди Олега? — удивилась она. — Я же там прописана.

— Ну, да... конечно, — грустно соглашался он. И больше не настаивал, только предлагал. Вновь и вновь.

Даша приезжала к нему лишь на несколько часов, часто оставалась и на ночь, они тогда много болтали, смотрели старые фильмы, ходили в круглосуточные кафе и катались по городу. Но никогда дольше одной ночи Даша у него не задерживалась. Всегда стремилась в

тот дом, в квартиру дяди Олега, где, как говорила, была счастлива так же, как когда-то с отцом в Сосновке.

А Паша стремился видеться с нею как можно чаще. Да, он уже тогда, когда ей исполнилось тринадцать, понимал, что эта девочка значит для него гораздо больше, чем думает она сама, и полагает он. Гораздо больше! Поэтому, когда она позвонила ему, предложив поехать в Подмосковье покататься на лошадях, Павел, не раздумывая, согласился. Они уже давно не виделись, то у нее не было времени, то он был занят работой, уезжал из Москвы. Он успел соскучиться. Безумно соскучиться по своей девочке. Он никогда предположить не смел, что будет так зависеть от шестнадцатилетней девчонки! Но зависел.

И приглашение, провести вместе выходные, было лишь поводом вновь оказаться рядом с ней.

Поехали на машине Павла, вчетвером, запасшись корзинкой с едой и лакомством для лошадок. Артем с Лесей на заднем сиденье, Паша за рулем, а Даша рядом с ним на пассажирском.

Чуть больше года назад Паша спонсировал восстановление этой конефермы и по сей день помогал ей с деньгами, снабжая всем необходимым, за что Даша была ему безмерно благодарна.

Конеферма находилась в некоем отдалении от ближайшего населенного пункта, на лоне природы, вдали от суеты и неугомонности большого города. Миновав заросшие кустами шиповника и боярышника подъездные дорожки, автомобиль остановился у большого строения с красной пологой крышей.

Едва они выскочили из машины, навстречу им, поднявшись с лавочки, поспешил местный конюх, всеми любимый Тимофей Ильич. Невысокого роста седовласый мужчина, которому перевалило за шестьдесят, но который по-прежнему чувствовал себя молодым. Широко улыбаясь, он поприветствовал гостей.

— А, Дашенька с друзьями! — воскликнул он, подходя ближе. — А я думаю, что-то машина больно знакомая. Павел Игоревич, рад вас видеть!

— Здравствуйте, Тимофей Ильич, — поздоровалась с ним девушка, широко улыбаясь. — А мы вот покататься решили. Можно? — лукаво подмигнула она.

— Обижаешь, Дашенька! — поздоровавшись с Павлом, проронил тот.

— А Патриот не занят? — бросив на конюха подозрительный взгляд.

— Нет, — усмехнулся тот, — тебя дожидается. Он как чувствовал, что ты придешь, с самого утра сам не свой.

Леся с Артемом отошли к конюшням и ограждениям, Тимофей Ильич, отвлекшийся на что-то, просил его извинить и удалился, и Даша осталась с Павлом наедине.

— Любишь это место? — улыбнулся Паша, с нежностью в глазах глядя на девушку.

Даша втянула в себя свежий воздух, закрыла глаза и, засунув руки в карманы джинсов, с наслаждением потянулась.

— Больше всего на свете, — проговорила она, улыбаясь. — А ты? Разве не любишь?

— Главное, что тебе здесь нравится, — уклончиво ответил мужчина. — А ему ты сказала, куда едешь и с кем?

Даша нахмурилась и, носком новых кроссовок, купленных Антоном, пнула камушек, не глядя на друга.

— Я ему записку написала. Позвонила сначала, но он не отвечал, — скованно пожала плечами. — Пришлось прибегнуть к более действенному способу. А то он бы потом

ругался, — поморщилась она.

— Как вы с ним уживаетесь? — стиснул зубы Павел, глядя вдаль.

— Уживаемся — одним словом, — коротко бросила девушка, глядя в сторону. — Не ссоримся, не скандалим, даже не препираемся. Леся говорит, что это не к добру, — помолчав, добавила: — А ты как думаешь?

— А почему она так говорит?

Даша пожала плечами.

— Не знаю. Говорит, что мужчина и женщина не могут жить... дружно, — и скривилась.

— Почему нет? Мы ведь с тобой живем... дружно, — хрипло проговорил Павел.

— Ну, мы совсем другое дело! — рассмеялась девушка и, потянувшись к Паше, поцеловала его в щеку. — Ты мой лучший друг, а он...

— Только друг? — вдруг неожиданно вырвалось у него, и молодой человек прикусил язык, поморщившись.

Ее черные глаза широко раскрылись, она отстранилась и неуверенно и удивленно взглянула на него.

— Ты о чем?

— Да так, ни о чем, — отмахнулся тот тихо, опустив глаза.

— Дашенька, я там Патриота из стойла вывел! — послышался окрик Тимофея Ильича. — Можешь седлать.

Даша, повернувшись на голос, улыбнулась конюху, а потом, вновь взглянув на Павла, нахмурилась.

— Паш, ты что-то не договариваешь мне? — напрямую спросила она.

Ответить он не успел, в кармане, на его счастье, зазвонил мобильный телефон.

— Слушаю, — коротко отозвался Павел и, осознав, кто звонит, извинился перед Дашей и отошел в сторону.

— Дело сделано, Павел Игоревич, — послышался на том конце грубоватый мужской голос. — Пришлось, конечно, потрудиться, чтобы его найти, но по вашей наводке всё было сделано исключительно быстро.

— Вы поговорили с ним?

— Если он подойдет к девочке, у него будут проблемы, — ответил голос. — Он всё уяснил.

— Хорошо. Ведите его, — бросил Павел, поджав губы. — Я буду уверен в ее безопасности, лишь когда эта гнида будет слишком далеко, чтобы даже помнить о ней.

— Как скажете, Павел Игоревич.

— Добро. Держи меня в курсе дел, — и отключился, услышав монотонный ответ согласия.

Только когда его девочка будет в безопасности, он успокоится и сможет, наконец, спать спокойно.

Повернувшись к Даше и улыбаясь, он подошел к девушке и заявил:

— Кто первый до ограждений, тот и седлает Патриота! — и, глядя на нее насмешливо, бросился вперед.

Даша, расхохотавшись, быстро опомнилась и кинулась следом за ним. Патриот останется за ней!

Антон же в это время, ничего не подозревая о том, где сейчас находится его воспитанница, колесил по городу, заглядывая в витрины магазинов и гадая над тем, что бы сделать, чтобы удивить Дашу. Может, купить ей новый компьютер? Не спрашивая ее на то согласия. Ведь, помнится, когда он упомянул об этом в прошлый раз, девочка насупилась и заявила, что она довольна и старым.

Чертыхнувшись, Антон уже в сотый раз подивился тому, как печется об этой девчонке. И всё из-за чувства вины перед ней! Надоедливого, досадливого, раздражающего чувства вины, вынудившего его наступить на горло собственной гордости и своим принципам. Чтобы исправить прошлые ошибки.

Он целенаправленно шел навстречу, а вот Даша... она не сделала в его сторону ни одного шага.

Их отношения, несмотря на какое-то молчаливое затишье и спокойствие, были напряженными и словно натянутыми. Он чувствовал, что с каждым днем они отдаляются друг от друга. И не то, чтобы это его особо волновало, как-то ведь он жил без нее все эти годы, но кое-что изменилось с того дня, как они поговорили.

Он чувствовал себя виноватым, в этом было дело. Он покупал ей одежду, дорогую, модную, буквально заставлял ее ходить по магазинам, если считал, что ей что-то необходимо, покупал и это тоже, невзирая на ее протесты. Заполнял холодильник продуктами, выпытывая у Ольги Дмитриевны, что Даша больше всего любит. Оказалось, в еде девочка неприхотлива, а предпочтение отдает грейпфрутам, грецким орехам и клубнике. И на столе всегда лежали грейпфруты, грецкие орехи и клубника.

Он старался. Он честно старался наладить с ней контакт, поговорить, вытянуть хоть одно лишнее слово, но она упрямо молчала, достаивая его за целый день лишь парой-тройкой фраз. Он был тактичным и не спрашивал ее о том времени, когда она жила с Маргаритой, потому что понимал теперь, как тяжело и неприятно ей было вспоминать об этом. И собирая один факт за другим, он все больше дивился того, как раньше не заметил всего того безобразия, которое обнаруживал сейчас.

И, вроде бы, всё было хорошо. Они не ссорились, не ругались, не препирались, даже не скандалили по пустякам. Он сдерживался, молчаливо качал головой, если она приходила домой поздно вечером, не требуя объяснений и оправданий. Она не реагировала на его присутствие, если им приходилось ужинать вдвоем. Он работал, она училась. За весь день они могли пересечься лишь пару раз. Они существовали под одной крышей так, как существуют цветы в одной квартире, стоящие на разных подоконниках. То есть, никак.

Да, они не ссорились и не скандалили, как раньше. Они всё выяснили, узнали правду, даже, кажется, стали с этой правдой мириться, признавая ее, как истину. Их отношения стали налаживаться...

Но отчего, откуда взялось это чувство... неправильности, нелогичности, ошибки всего происходящего?

Что они делают не так? Он, уступая ее желаниям и ни к чему ее не принуждая, уверенный в том, что уж сейчас точно не имеет на это права, после того, что совершил? Или она, игнорируя его попытки наладить их общение, и не делая ничего для того, чтобы попытаться его понять и начать жить... сначала?

Откуда появилась эта инертная, вакуумная пустота напряжения, что образовывалась между ними?

Он понимал Дашу. Ее злость, боль, обиду. Теперь он не искал оправданий себе, их

просто не было. Но лучше бы не понимал. Ему было бы легче, проще смириться и забыть. Винить себя, переступить через гордость, наплевать на принципы и обещания, данные себе, из-за этого чувства вины, — кто будет рад подобной перспективе? А он с этим уже жил. И не мог смириться, что Даше, кажется, было плевать, что между ними происходило.

Хотя это было не так, далеко не так. Он видел, как она смотрит на него, не мог определить значения этого взгляда, но знал, что так она на него раньше не смотрела. И в словах ее не было больше... той злости, уничижительной ненависти, жгучего презрения. Было нечто иное, он это видел тоже. Но лучше бы не видел! От этого напряжение не становилось меньше, пустота не уменьшалась, струна надрывалась.

Казалось, после памятного разговора они должны были во всём разобраться и лучше понять поступки другого, но они еще больше отделились друг от друга. Апатия, равнодушное молчание, замкнутость и неудовлетворенность существовали вместе с ярким желанием всё выяснить, найти точки соприкосновения, которые помогли бы им начать всё с чистого листа. Но этих точек соприкосновения у них, казалось, не было. Или они просто не хотели их искать. Забывшись, потерявшись и грозясь потерять в прошлом ту последнюю ниточку понимания, которая могла бы их связать.

Отдохнуть от сковывающего его напряжения и молчаливого угнетения, он мог лишь на работе, а вытянуть его из огромного мыльного пузыря, наполненного горечью и пустотой, могли только друзья.

Славка и Леха помогали, конечно. Особенно Славка, подсовывая ему под нос всё новые и новые дела, думая, очевидно, что таким образом Антон сможет прийти в себя. Вопрос о деле Зарецкого решился благополучно, в начале мая состоялся суд, в результате которого Андрея Романовича оправдали и сняли обвинение. Но за этим делом следовало новое, интересное, сложное, неразрешимое, опасное, — он брался за всё, что попадало в его руки. Лишь бы только не думать о том, что творилось вокруг него!

Десятки раз за прошедший месяц друзья тянули его в клубы, в бары, поиграть в бильярд или боулинг, «потусить» или просто весело провести время. Но, как дурак, чувствуя себя обязанным, он мчался домой. К ней. Где его почти всегда ждала пустая одинокая квартира. Огромная, но пустая квартира. И он ощущал в себе потребность хоть что-то изменить в отношениях с ней. Хоть что-то! Но она не давала ему и шанса.

Леха его откровенно не понимал, Слава просто смеялся. А Антон настойчиво стоял на своем, не уступая.

В один из вечеров, когда Леше и Вячеславу всё же удалось, вытащить его в клуб отдохнуть, Антон даже повздорил с друзьями из-за того, что они не понимала, насколько важным для него было искупить вину.

— Тох, — кривясь, сказал Слава, — почему бы тебе не снять хорошенькую девочку и не провести приятный вечер в ее компании у себя в квартире? — его брови поползли вверх, он ухмыльнулся. — Это расслабляет.

Но сам Вересов настроений друга шутить или советовать нечто в этом плане не разделял.

— У меня в квартире шестнадцатилетняя девочка, — нахмурился Антон. — А ты предлагаешь мне привести туда какую-то... пустышку? — голос его перешел от тихого и угрожающего к повышенным тонам. — И какой пример я ей подам своим поведением?

— Да наплюй ты уже хоть раз на свою девочку, — отмахнулся Слава, хлопнув друга по плечу. — Ну, должна же она понимать, что...

— Нет, — перебил Антон, раздражаясь, — это не она должна понимать что-то, а я! Именно я несу за нее ответственность, а не наоборот.

— Когда ты вообще в последний раз отрывался по-настоящему, Тох? — спросил вдруг Леша. — Сексом когда занимался, вот так в клубе сидел или в боулинге? Кроме этого дня? Ты помнишь?

Антон не помнил. И вдруг с изумлением осознал, что не спал с женщиной уже больше месяца. Всё то время, что устраивал свою жизнь. С воспитанницей. У него не было ни плохого, ни хорошего секса за все это время. У него его вообще не было.

— Послушай моего совета, друг, — подсев к нему, заявил Вячеслав, — сними какую-нибудь красотку, благо умеешь это делать, да и внешностью не обделен, и просто... оторвись! На полную. Изведи какую-нибудь девчонку, чтобы уже не изводить нас и не думать, наконец, об этой своей... воспитаннице!

— И, правда, Тох, — согласился Алексей, — вон сколько девушек хороших...

— Как много ласковых имен, — саркастический выдохнул Антон и, залпом допив спиртное, поднялся с кожаного кресла. — Нет, как-нибудь в другой раз. Не сегодня.

— Что, надо малышке сказку на ночь прочитать? — язвительно отозвался Слава, разозлившись, что какая-то девчонка-подросток, которую он и в глаза не видел ни разу, отнимает у него друга. — А ты не опоздал?

Вересов долго сверлил его взглядом, на что Слава отвечал ему не менее долгим и пристальным взглядом.

— Иди ты, — отмахнулся от него Антон и решительно зашагал по направлению к выходу.

— Думай, что говоришь, а? — зашикал на Вячеслава Леша и кинулся вслед за другом.

— Ой, только не начинай! — поморщился тот, откинувшись на спинку кожаного дивана, и, чертыхнувшись, вскочил и помчался следом за ними.

— Тох, да ладно тебе!

— Не слушай этого придурка, — махнул в сторону Вячеслава Леша. — Что ты его не знаешь, что ли?

— Знаю, — коротко бросил Антон, грустно усмехнувшись. — Не берите в голову, — похлопал он друзей по спине. — И не обижайтесь, но я пойду. В следующий раз всё... будет, ок?

Те ему ничего не сказали, но он знал, что во взглядах, направленных ему в спину, читается неодобрение, укор и неудовольствие. Но Антон так и не обернулся. В тот день Даша встретила его на кухне, вся такая домашняя, милая и приветливая... пока не открыла рот. Ему лишь на краткий миг показалось, что что-то изменилось между ними. На самом же деле, всё стало еще хуже, чем было.

А в день, когда он хотел еще раз наладить с ней отношения, всё снова рухнуло.

Он вернулся домой, когда не было трех, решив поговорить с Дашей насчет покупки нового компьютера или ноутбука. Он решил настоять на своем, даже если Дарья не согласится. Он придумал доводы, чтобы выудить у нее согласие на свою затею, а потому пребывал в хорошем расположении духа, когда заходил в квартиру. Но настроение его вскоре опустилось на нулевую отметку. Опять — из-за нее.

Не обнаружив девушку на кухне и в ее комнате, подумал сначала, что она вновь находится у Леси, но когда Даша не появилась к шести и даже в семи вечера, он стал беспокоиться. По-настоящему.

Позвонил ей. Но телефон находился вне зоны доступа. Набрал Лесю, номер которой выпытал еще во время встречи с ней в кафе. Но та не отвечала.

Когда стрелки часов перевалили за восемь вечера, Антон начал паниковать.

Направился в кухню, собираясь сварить кофе, и только тогда увидел ее записку.

«Уехала на конеферму в Подмоскowie с Лесей. Не стоит беспокоиться. Вернусь вечером. Даша».

Он перечитал ее послание несколько раз, прежде чем понял смысл, мрачней с каждым разом все сильнее.

Она. Уехала. В Подмоскowie!? Не спросив его на то разрешения? Даже, черт побери, не уведомив его о том, что собирается это сделать!? Плевав на него, на то, что он будет беспокоиться о ней!

Негодяйка. Эгоистка. Маленькая мстительная... Сучка!

Яростно скомкав листок с запиской, Антон бросил его в угол и, ударил по столешнице со всего размаху, мрачнее тучи выбежал из кухни, угрожающе ужасный и уничижительно опасный.

Именно в таком состоянии, гневный, озлобленный, раздраженный и мрачный, скрестив руки на груди и едва сдерживаясь от бьющей из него ярости, Антон встретил Дашу, когда та вернулась домой.

Она застыла посреди комнаты, увидев его всего на нервах, взбудораженного, вот-вот способного сорвать маску сдержанности и выплеснуть на нее всё, что скопилось в нем за этот месяц.

— Что... что случилось? — пробормотала девушка, зачарованно глядя в его мрачное, дышащее гневом лицо.

— Ты где была? — сквозь шипение прорычал Антон, не отвечая на вопрос, глядя на девушку. Кричать было нельзя, он себе запретил. — Ты где, твою мать, была?

От его шипящего голоса холодная липкая дрожь прошла по ее телу, пронзив до основания.

— На конеферме, — удивилась Даша подобному вопросу, — я же тебе написала. В записке...

— Ты что, с ума сошла? Какая записка? — выкрикнул он, не сдержавшись. — Что мне думать, когда тебя нет дома, а твой телефон не отвечает?! Не могла позвонить?! Рука бы отвалилась?!

— Я звонила! — возразила девушка. — Ты не отвечал мне, нужно телефон держать в зоне доступа!

— Могла бы вчера сказать, что куда-то собираешься! — жестко парировал Антон. — Чтобы я, как идиот, не носился по всему дому, гадая, где тебя искать! — брови его сошлись на переносице, губы скривились. — Неужели так трудно было меня предупредить? Не так и сложно, язык бы не отвалился! — язвительно бросил он. — Или тебе, действительно, плевать, что я думаю? Что я чувствую? Что я тоже умею чувствовать, черт побери! — заорал он, сверкая глазами.

А она молчала, понимая, что была не права.

— Я за тебя отвечаю, ты это понимаешь? — продолжал срывать Антон. — Если с тобой что-то случится, меня по судам затаскают! И я... никогда себе этого не прощу! — выплюнул он с убийственной миной. — Я не заслужил хотя бы доли твоего внимания? Хоть капли понимания? Почему ты, черт возьми, такая эгоистка?!

— Такая же, как и ты? — тихо, но твердо осведомилась девушка.

И этого плевка в самую душу он не смог стерпеть. К черту!

— Всё, — выдавил он из себя, зажмурившись, пытаясь взять себя в руки и не сорваться. Только не на ней. На ней нельзя, хоть она того и заслуживала. — Ты меня достала! — с шипением выдавил он сквозь плотно сжатые зубы. — Как же ты меня достала, — повторил он едва слышным шепотом и, не удостоив ее и взглядом, кинулся к двери, схватил с полки ключи от машины и выскочил из квартиры.

Куда угодно, куда глаза глядят, лишь от нее подальше. От той маленькой ведьмы, что осталась дома.

Мчался по ночной Москве, разрывая воздух и свет неоновых вывесок и фонарей автострады. Заехал в первый попавшийся ночной клуб и, глотая у барной стойки одну порцию алкоголя за другой, мечтал лишь забыться, сорваться, выплеснуть все чувства, которые были скованы виной и ее присутствием рядом с ним. Забыться. Пусть даже в объятьях красотки, что, кокетливо вильнув попкой перед его носом, поманила за собой. Она ему даже не нравилась. Но кого это волнует? Он не собирался строить с ней отношения. Секс. Ни к чему не обязывающий, примитивный, животный секс, чтобы снять напряжение. Чтобы выбросить из головы девчонку, которая осталась в его квартире полноправной хозяйкой, чтобы сорваться, вспыхнуть и... перегореть в один миг. Чтобы взорваться и снова изображать перед ней кислую мину безразличия.

Вся его сдержанность прорвалась наружу, сметая все правила, каноны, запреты на своем пути.

В машине, на заднем сиденье, впопыхах, первобытно, инстинктивно, забыв обо всем на свете. Врываясь в тугую женскую плоть, мог думать только о том, что в квартире на Кутузовском его ждет она. А, может, и не ждет... И врываясь в эту незнакомку еще яростнее и смелее, жестче и размереннее, отчаянно осознавая, что делает, и ничего не понимая одновременно. Наказать кого-то, скинуть обиду с плеч, вынуть боль из груди, заглушить голос совести и убить чувство вины в себе. Стать самим собой, тем прежним, что был до нее. Тот бесчувственный циник, которому было бы плевать, что с ней произойдет, который не стал бы себя корить за то, что случилось, который не позволил бы шестнадцатилетней девчонке так с собой обращаться!

Вонзаясь в податливое женское тело, чувствуя, как оно бьется под его телом, под его жадными руками и горячими губами, он истреблял в себе все, что было связано с ней. Снова и снова, сильно, жестко, до головокружения, до боли в груди и во всем теле, до дрожи в коленях, до полной разрядки.

И только тогда он понял, как изменилась его жизнь. И уже не станет прежней, как бы он этого ни хотел.

28 глава

Даша чувствовала себя виноватой. Она ненавидела это чувство, оно делало ее слабой и беззащитной, а она терпеть этого не могла. У нее выработался рефлекс, еще с детства, не казаться и не быть слабой. Она прекрасно помнила и знала, что слабость убивает людей. И ее могла тоже убить, как тогда, когда ей было девять, так и сейчас. Поэтому сейчас, сильно сомкнув веки, вспоминая случившееся, она гнала прочь жальщее ощущение собственной ошибки. Ошибаться она тоже не любила. В людях. А особенно, в себе. Но она понимала, что, действительно, виновата. Перед Антоном Вересовым. И она, действительно, совершила ошибку. По отношению к опекуну.

Ушла из дома, не предупредив его. Можно сказать, убежала, пусть даже сообщив ему, где и с кем будет находиться. Казалось бы, какое ему может быть до этого дело? Да, он ее опекун, но никогда раньше так рьяно не старался быть... хорошим. Отчего же теперь? С чего вдруг? Разве ему есть хоть какое-то дело до того, где и с кем она проводит время? Его это действительно волнует? Или он просто хочет казаться взволнованным? Почему же раньше не показывал этого? Разве она может быть перед ним в чем-либо виноватой, если он сам не меньше нее виноват в том, что они вообще оказались в этой ситуации?!

Кутаясь в клочки воспоминаний, как в одежду, она старалась огородить себя от чувства, что проникало в кровь с приторным ароматом возвращения в прошлое, которое она старалась забыть. Тщетно. Никогда не забывала. Особенно остро, болезненно вспоминая его по ночам, оказываясь в пустой комнате, после смерти дяди Олега, пряча слезы в темноте и заставляя себя вновь быть сильной в этом жестоком, ополчившемся против нее мире. Чтобы банально в нем выжить. Хотя бы это она заслужила.

И сейчас, в этой ситуации с Антоном... она разве поступила неправильно? Но что именно она сделала не так, как должна была сделать воспитанница? Ей казалось, что Антону не в чем будет ее попрекнуть! Но...

Но, несмотря на попытки выгородить себя и найти оправдания своим действиям, Даша ощущала вину.

И совместно с этим чувством вины в сердце вонзалось иное чувство, которому она не могла найти определения. Может, ощущение собственной правоты, правильности своего поступка? Или желание защитить себя, банальное чувство самозащиты, выработанное у нее до инстинктивного рефлекса?

И она защищалась перед Антоном, когда он, нависнув над ней каменной глыбой, охваченный яростью, читал ей лекцию о том, что ей не стоило так поступать. А Даша гадала — что она сделала не так? Осознание, легкое, почти невесомое накрапывало, будто морось, но она не успевала зацепиться за него, оправдать себя. Она по привычке продолжала защищаться. Нападая в ответ.

И Вересов в итоге не выдержал. Как и она, находившаяся на грани взрыва эмоций.

Глядя на закрывшуюся дверь, Даша негодовала. Выругалась в голос, пытаясь сдержать гнев, ходила по гостиной из угла в угол, злая как черт не только на Вересова и себя, но и на всю нелепую, наиглупейшую ситуацию, сломавшую стену равнодушия между ней и ее

опекуном, разверзнув пропасть между ними, еще более непроходимую, чем была та стена из льда.

С опозданием девушка поняла, что Леся вновь оказалась права. Катастрофически и откровенно права.

Нельзя жить под одной крышей так, как жила с Антоном она, — делая вид, что его просто не существует. К добру это привести не могло. Вот и не привело.

И что в итоге? Они опять оказались на стартовой черте, в лице врагов, непонимающих и не желающих друг друга понять людей. А что дальше?..

Задумчиво пройдясь по комнате, Даша глубоко вдохнула, втягивая в себя воздух.

Да, ей, наверное, не стоило поступать так, как она поступила. Но ведь выхода из безвыходной ситуации, в которой оказалась, девушка в тот момент не видела! Разве не так?..

Как еще она могла сообщить Антону, что уезжает, как не в записке, если его телефон не отвечал? Неужели стоило уехать, вообще его не предупредив? Вот тогда она была бы виновата полностью, да ее угрызения совести съели бы, не подавившись. И она никогда не смогла бы так поступить! Даже с ним. Маргариту Львовну, которую отчаянно презирала, всё же всегда предупреждала, если куда-то собиралась, или решала переночевать у Леси или Паши. Даша не была безответственной и вовсе не считала себя мстительной, чтобы так воплощать в жизнь свою месть за содеянное по отношению к ней зло. Не настолько она была злопамятной и бессердечной.

В чем же сейчас состояла ее вина, гадала девушка, выглядывая в окно в поисках машины Вересова. Разумом она понимала, что вина была, и Антон был прав, указывая, в чем она просчиталась, но сердце, заранее настроенное против опекуна, не забывшее, слишком гордое, чтобы отпустить обиду и смириться с болью, упрямо оправдывалось и шептало, что она ни в чем не виновата.

И она, действительно, не считала себя виноватой перед Антоном за то, что уехала на конферму, его «не предупредив». Она искренне полагала, что предупредила его, сообщила, где находится, просила не беспокоиться. И она его предупредила. Так, как смогла. Так, как получилось. И до момента, когда, войдя в квартиру в девять вечера, увидела его искаженное яростью, едва сдерживаемое от злости, раздражения и... беспокойства?.. лицо она верила себе. Но очень быстро поняла, что просчиталась. Оказывается, подобного предупреждения Вересову было мало. Ему нужно было больше — гораздо больше, чем она хотела или могла ему предоставить.

Он не кричал на нее сначала, но от его голоса, столь зловеще тихого, магнетического, опасного веяло лютым холодом. Ее передернуло, а сердце, всегда спокойное, монотонно стучащее в его присутствии, вдруг бешено забилося в груди, и липкая дрожь испуга прошла вдоль позвоночника. У нее отнялся язык. Она была бы и рада что-то сказать, но была так ошарашена и изумлена его реакцией, собственной реакцией своего существа на его грозный вид, что бросала лишь короткие фразы, ее оправдывающие.

А он закричал. И от его крика ее передернуло еще раз. Он никогда не кричал на нее так. Она кожей ощущала его... гнев и раздражение, яростный вихрь злобы, а также обиду и боль. Она видела в его горящих глазах и их. Беспокойство, смешанное с болью, и радость от ее появления, смешанное с желанием убить.

Она еще пыталась защищаться, хотела спасти себя от кары его праведного гнева и выплеснутой на нее волны безудержной ярости, но... не могла. Но в момент, когда увидела загоревшуюся в его глазах боль, мелькнувшее в них на краткий миг отчаяние, тревогу и

беспокойство, поняла, что он ощущает. И осознала: она поступила не совсем правильно. В произошедшем, действительно, есть доля ее вины. И даже в том, что Вересов сорвался на ней и выскочил из квартиры, как ошпаренный, тоже была часть ее вины. Но и желание оправдаться, заявить себе, да и ему тоже, что она поступала по совести, не желая кому-то насолить, било из нее ключом.

И эта двойственность ощущений почти разрывала ее. Виновата или права? Ошибка или закономерность? Оправдываться, защищаясь, или бороться за свою правду?

Его слова, будто выплеснутое на нее ведро холодной воды, мгновенно остудили ее разгоряченный мозг. Он назвал ее эгоисткой. И она, в последней попытке оправдать свой поступок, едва слышно выговорила те единственные слова, о которых не жалела. И в ответ услышала то, что услышать ожидала, но к чему готова не оказалась. Она его достала. И Даша понимала, чем именно. Каким-то шестым чувством осознавала это.

И он ушел. Просто развернулся, схватил с полки ключи от машины и ушел, хлопнув дверь.

А Даша, тяжело дыша и чувствуя себя отчаянно скверно, поплелась в комнату. Позвонила Пашке, потом Лесе, сообщив, что добралась до дома. И тут же почувствовала укол совести. Другьям она позвонила, предупредив, где она и что с ней всё в порядке, а законному опекуну оставила лишь записку. Подавив в себе чувство вины, девушка, пытаясь бодро объяснить почувствовавшей неладное Лесе, что всё в порядке, улыбнулась. Хотя на самом деле всё в порядке не было.

И это раздражало ее. Неужели Вересов увидел в ее поступке желание ему насолить, отомстить, позлить? Но у нее и в мыслях подобного не было! Если она и думала о нем, то ее мысли вовсе не были связаны с мстостью. Она не была мстительной, по крайней мере, осознанно мстительной. Если ее нежелание общаться с Антоном и быть с ним предельно вежливой, но хладнокровной, называть мстостью с ее стороны, то лишь как действие неосознанное и шедшее изнутри ее существа безвольно и против ее стремления.

Но даже в этом случае, разве можно считать ее виноватой? Она честно предупредила Антона, куда направляется, что будет делать, и просила не волноваться. И за это ее пытаются выставить преступницей? Да, Антон был прав, он за нее отвечает, но при любом раскладе она была бы не права. Лишь потому, что в чем-то ему не угодила. Как и всегда... Не угодила уже в том, что появилась в его жизни.

А чего он от нее хотел? Какого отношения к себе хотел получить от девочки, которую не помнил четыре года, которую презирал и почти ненавидел с самого первого дня встречи с нею? Неужели он ждал от нее широких объятий и искренних лучезарных улыбок? После того, что сделал, и тем более после того, чего сделать не пожелал!

Как можно подумать, что раненое равнодушием и обидой девичье сердце, уже давно переставшее быть доверчивым и наивным, превратится в пламя из куска льда, спустя лишь месяц? После пустых слов, ничего, в общем-то, не стоящих, бесполезных и не нужных ей.

Разве можно было надеяться, что один лишь десятиминутный разговор и последовавший за ним месяц попыток всё исправить выудит из ее памяти воспоминания четырех лет, в течение которых она считала себя отвергнутой? Разве можно надеяться на прощение, которое не заслужил?

Разве может она, с семи лет доверявшая лишь себе, поверить его словам? Словам и действиям человека, который откровенно признавался ей в лицо, что она — его наказание, воровка, никто для него? Семь лет она взращивала в себе отношение к Антону Вересову.

Семь долгих лет внутри нее складывалось определенное о нем представление. Изменить которое десятиминутным разговором, открытым признанием, сломленной мужской гордостью, чувством вины и сожаления, вкупе с месяцем заботы и внимания, было невозможно.

Что такое месяц в сравнении с семью годами презрительного и наплевательского к ней отношения?

Внутри всё бушевало, словно огненный вихрь, бешеный танец из загнанных в угол эмоций.

Она не ненавидела его. Она обманывала и его, и себя, когда в порыве страстного гнева делала подобное заявление ему в глаза. Она лгала. Нет, она его не ненавидела. Она испытывала к нему иные чувства. Она не знала, какие, не могла найти им определения. Может быть, разочарование? Досада и злость? Ярость и гнев? Но не ненависть. Это слишком сильное чувство, сродни любви. Антон Вересов не заслужил его.

Его внимание, уступки ей, забота, — она была ему благодарна и за новую одежду, и за выполнение любой своей прихоти, о чем бы ни попросила, и за фрукты, и за грецкие орехи, которые всегда наблюдала на столе, — но разве это могло позволить ей забыть полностью?

Она ценила его внимание, благодарила за всё, что он для нее делал, но... продолжала помнить. И, как бы не эгоистично это звучало, принимала всё как данность, которую он сейчас ей отдавал. Только сейчас...

Но ее поведение сегодня... да, она просчиталась. Но и он был виноват. Разве нет? Она устала винить во всём лишь себя: в том, что встретила с дядей Олегом, в том, что тот привёл её в свой дом, в том, что решил о ней заботиться, почти променяв родного сына на незнакомую девчонку с улицы. И в том, что теперь против собственной воли разрушала жизнь своего опекуна. Не во всём стоит искать вину. Где-то ее нет и быть не может. А где-то... она действительно есть. И Даша это тоже понимала.

И скребущееся за створки совести чувство вины, вызывающее стыд и болезненное осознание ошибки, бесило и коробило девушку ровно так же, как и вынуждало снова быть сильной и признать случившееся.

Даша сделала уроки, посидела над учебниками, поискала нужный материал в интернете, то и дело глядя на часы и ожидая с острым давлением в груди, когда откроется входная дверь, прислушиваясь к пугающим, безумно монотонным звукам тишины пустой квартиры. Антон так и не появился. Раньше он никогда не возвращался так поздно... Но и повода для столь позднего возвращения у него раньше не было. А сейчас... ему нужно было остыть. Как и ей. Но сама-то она уже справилась с собой, призналась во многом, а где он?..

Разозлилась на себя, — какого черта ее волнует, что с ним и где он сейчас? Ему двадцать пять лет, уже не мальчик и прекрасно сможет о себе позаботиться! Потом разозлилась и на него тоже, — какого черта он не предупредил ее, где сейчас находится и когда вернется? А затем... разве имеет она права требовать от него подобного, после того как сама так пренебрегла его беспокойством?

Застонав, уронила голову на руки и зажмурилась, злясь на себя. Кто из них эгоист, так это он!

Переодевшись в пижаму, купленную Антоном, Даша направилась на кухню, чтобы выпить молока.

Настенные часы в гостиной уныло и хладнокровно тикали, раздражая ее своим

тиканьем.

Двенадцать сорок пять. Многоуважаемого опекуна еще не было.

Поджав губы и бросив быстрый взгляд в сторону входной двери, девушка поспешила на кухню. Зажгла свет и... увидела ее. Свою записку, валяющуюся в углу. Смял, выбросил, негодовал. Даша стояла в дверях как вкопанная, не в силах пошевелиться. Сердце забилося с удвоенной силой, а виски разрывало от гула. И почему так душно, так мало воздуха, она задыхается!.. Сделала нетвердый, неуверенный шаг вперед и...

Скрежет открываемого замка привел ее в чувство, Даша дернулась, боясь пошевелиться. Но, взяла себя в руки, быстро опомнилась и, кинувшись к полке, схватила стакан, поставила его на стол в тот момент, когда в комнату вошел Антон. Расслабленный, успокоившийся, не злой, но... уставший. Она это сразу отметила.

Даша полуобернулась к нему, глядя на него и не узнавая. Он это или не он? Другой. Какой-то другой...

— Не спишь? — сухо проронил мужчина и, не глядя на нее, прошел к кухонным полкам.

Наверное, он не ждал ответа, просто констатировал факт, но Даша всё же ответила, ощущая потребность объясниться.

— Я не могла заснуть, — призналась она тихо, глядя в его спину.

Антон что-то промычал, не поворачиваясь к ней лицом, подошел к холодильнику, достал из него пакет томатного сока и налил в стакан, продолжая молчать.

— Я хотела извиниться перед тобой, — выдавила, наконец, из себя девушка, сцепив руки.

И почему так стучит сердце? Она ведь ничего не сделала!

— Но я, действительно, думала, что ты... что записки будет достаточно! Я думала, ты прочтешь ее и не будешь волноваться, с Лесей и Пашей я в безопасности! Я не подумала, что этого будет... недостаточно.

Антон молчал. И молчание било по нервам. Выражение его лица говорило Даше об одном: он не желает об этом разговаривать. Брови сведены, губы скривились, показательно небрежная поза скрывает... что-то, очень ценное и важное, без чего не разгадать его истинных мыслей.

Даша стояла, почти не дыша, разглядывая его и ожидая ответ. Но Вересов, нахмурившись, молчал и пил сок мелкими глотками. И, когда она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, мужчина заговорил.

— Ясно. Ты подумала, — совершенно безэмоционально проронил он, по-прежнему так на нее и не взглянув, продолжая подпирать столешницу и пить мелкими глотками сок.

— Я звонила тебе, — вызывающе вздернув подбородок, сказала Даша. — Когда ты не ответил, я написала эту записку, чтобы сообщить, где нахожусь. Было бы лучше, чтобы я уехала, вообще ничего тебе не сказав?!

— Мне всё ясно, Даша, — сказал Антон, продолжая смотреть в пустоту. — Извини, что накричал на тебя. Иди спать.

Лучше бы он кричал на нее. Каким ужасным было его спокойствие, его... равнодушие! Оно било по нервам, оно почти убивало ее. Даша едва не задохнулась от обиды.

Она хотела возразить, но не знала, что именно может сказать, а потому молчаливо согласилась и вышла из кухни. И знала, что Антон продолжал там оставаться еще минут двадцать.

Сама же она, едва попав в свою комнату, легла в постель, но заснула только через

несколько часов.

И с того дня что-то вновь изменилось. Изменения отметили оба, они их ждали, наверное; та ситуация, которая доказала несостоятельность их прежних отношений, повлияла на то, что происходило между ними потом. Всё не могло остаться на былом уровне, что-то треснуло в тот вечер, в ту ночь, что-то безвозвратно было потеряно. Но об этом потерянном, как не парадоксально, не жалели ни Антон, ни Даша. Но то новое, что пришло на смену старому... они боялись этого. Они его не знали, не чувствовали, а потому пугливо убегали от этих новых отношений, так между ними и не построенных. Опять чужие друг для друга. Никто. то новое, что пришло на смену старому... Антон, ни Даша. вечер, в ту ночь, что-то безвозвратно было потеряно. Но об этом пот

Что-то изменилось, и Даша знала, что именно. В тот день, когда она впервые почувствовала этот запах. Особенный, ни с чем не сравнимый, мимолетно знакомый. Запах женщины. Именно им был окутан с ног до головы Антон Вересов. Сначала она не осознала, что это он, едва уловимый аромат коснулся ее носа, и много позже дошел до разгоряченного сознания, а потом, когда поняла, что это означает... она смутилась.

Раньше Даша не задумывалась над тем, есть ли у Антона девушка, да и сам он не упоминал об этом, а теперь ей стало отчаянно интересно узнать это. Но она подавляла в себе эти глупые желания. Ни к чему, да и имеет ли это значение? Для нее!? Ну, встречается с кем-то, ну, собирается жениться (что маловероятно, думала Даша), но ей-то до этого какое дело? Подумаешь, завел себе какую-то девицу, и что? В шестнадцать лет она прекрасно понимала, что нужно мужчине в двадцать пять. Тем более такому, как Антон Вересов.

Испытывая к нему весьма противоречивые чувства, Даша тем не менее должна была признать, что он довольно-таки красив. Высокий, не худощавый, со спортивной фигурой, широкими плечами и в меру развитой мускулатурой. Не слащавый, а красивый какой-то мужской красотой, сильной, волевой, дикой красотой не укрощенного хищника. Темные волосы, постриженные всегда по последней моде, дымчато-серые глаза, смотрящие то волком, то орлом; холодные, почти ледяные глаза прожженного циника, они, казалось, смотрят для того, чтобы уничтожить противника собственной бесчувственностью. Да, он был бесчувственным, а точнее, хотел таким казаться, — но не был, Даша разгадала его в этом. Она выудила на поверхность то, что он скрывал. Истинные эмоции заядлого обманщика.

Антон Вересов, она должна была признать, был совсем не так прост, как ей думалось. И эта серая маска, которую он когда-то нацепил на себя, была предназначена для того, чтобы сокрыть от посторонних глаз его истинную сущность. Спрятать внутри себя самоё себя. Какое ненадежное хранилище! Ведь именно оттуда, из глубины души вытащить чувство легче всего. Если найти ключ и правильно им воспользоваться.

Он стал относиться к ней иначе. Были всё те же забота и внимание, даже какое-то участие, но теперь не чувствовалось в нем того рьяного желания ей понравиться, извиниться, загладить свою вину, которые она ощущала в течение последнего месяца. И самого чувства вины в нем тоже не было. Или оно было не столь огромным. Или же она его не замечала. Или же он ей его просто не показывал... Вновь надев на чувства ту маску, которую Даша сдернула с него в начале апреля, в очередной раз появившись в его жизни. Вновь превратившись в того хищника, каким хотел не просто казаться, но и быть. С кем угодно, но не с ней. Ее, разгадавшую его тайну, он не смог бы обмануть. Ее, увидевшую его истинную страстную сущность, он не смог бы провести. И, знал Антон об этом или нет, это было так.

Так они и продолжали жить, ходя вокруг да около, прячась друг от друга, видя друг

друга насквозь, но не предпринимая ни единой попытки, чтобы указать на собственное знание. В бесплотной попытке что-то утаить, ошибаясь и раскрывая друг перед другом карты. Вновь как по замкнутому кругу.

А время, не щадя их, несло вперед с поразительной скоростью.

Успешно сдав экзамены и выйдя на летние каникулы, Даша устроилась на подработку в магазин детских товаров. Работу ей предложил Лесин отец, Юрий Павлович, знакомый с владельцем магазинчика, готового взять на работу школьницу шестнадцати лет на временную подработку на каникулах.

Сама Леся об идее Дашы высказалась еще в тот день, когда Даша сообщила ей эту новость.

— Ничего плохого в этом не вижу, — пожалала она плечами. — Я сама буду в фотоателье подрабатывать. Но вот что ты скажешь своему, с позволения сказать, опекуну? Думаешь, он позволит тебе эти заниматься?

— А почему он должен быть против? — удивилась Даша.

Леся тактично промолчала и, лишь вздернув бровки, покачала головой, что Даша тогда приняла за не особо радужный знак и отправлялась к Вересову готовая отстаивать свою позицию до конца. Но разговор с Антоном о подработке они, как ни странно, решили миром и даже не поругались по этому поводу.

— И давно ты это решила? — совершенно спокойно осведомился он, что от этого спокойствия Даше стало как-то не по себе. Уж лучше бы он ругался, честное слово!

— Всё однозначно решилось только в конце мая, — ответила Даша. — Я думаю, это хорошая практика...

— Практика? — нахмурившись, перебил он. Невесело усмехнулся. — Мне казалось, ты хочешь стать врачом, — быстрый взгляд на нее исподлобья. — Или я чего-то не знаю?

— Ты многого не знаешь обо мне, — вызывающе вскинула она подбородок.

Долгий, пристальный, испытывающий взгляд прямо ей в глаза. И противоречиво короткий ответ.

— Ты обо мне тоже, — а потом, уже развернувшись, не глядя на нее, так же коротко: — Я не против, работай, где хочешь, если решила, — и поспешно вышел, оставив ее недоумевать над своими словами.

И она недоумевала. Всё-таки, должна была признать Даша, Вересов оказался прав, она действительно его не знала. Ни о нем, ни, уж тем более, его самого. Что ей было известно? Только то, что он был сыном дяди Олега, отчаянно любил отца, учился в Англии, работал юристом в преуспевающей фирме и был ее опекуном. Исключая те познания об его характере, которые она могла бы отметить, больше о нем, Даше ничего известно не было.

Бесчувственность в нем боролась со страстностью, эгоистичность с желанием помочь, цинизм был явно напускным, но Антон старался сделать его своей второй сущностью. Равнодушие сердца можно было легко нарушить, вытянув из щелки, образовавшейся в защитном панцире, истинные чувства этого, казалось бы, бесчувственного мужчины. И хотя Антон Вересов, как ей думалось, уже не был загадкой для нее, всё-таки Даша признавала, что не знает его до конца. Не то, чтобы ей отчаянно хотелось узнать о нем всю правду, она не стремилась к этому, да и не к чему всё это, но знать о «противнике» всё было бы уместно и разумно. Пусть им и осталось жить вместе всего два года.

А вскоре ей стало известно, что у него ужасные друзья. К несчастью, ей довелось с ними познакомиться.

Они столкнулись совершенно случайно, в воскресенье, когда Даша, уставшая и совершенно не готовая принимать колкие замечания в свой адрес, вернулась домой с работы. Открыла дверь своими ключами, как делала это всегда, зашла в прихожую и... услышала чьи-то голоса в гостиной. Мужские, ей не знакомые. И насторожилась. Разговор смолк, послышался легкий шепоток, а затем прерывистый не смех, а откровенный хохот, который не смутил ее, а отчего-то разозлил.

— Это Даша, — сказал Антон сдержанно.

— Твоя... подопечная? — послышался мужской голос, вынудивший девушку передернуть плечами, а вот последовавший за этим смех заставил ее нахмуриться.

— Познакомишь? — еще один голос, менее веселый, но смешливый, Даше он тоже не понравился.

— Еще чего, — себе под нос пробормотала девушка и, быстро сбросив туфли, устремила к лестнице.

Но не успела она сделать и пары шагов, как была остановлена насмешливым и язвительно неприятным мужским голосом, принадлежавшим, очевидно, одному из друзей Антона.

— О, а вот и наша нежданная гостья!

Гостья! Ну, надо же. Даже и представляться не нужно...

Даша сдвинула брови, стиснув зубы, но учтиво промолчала. Медленно обернулась, даже не меняя в знак приветствия выражения лица. Он ей не понравился с первого слова, и менять свое к нему отношение столь скоро она не собиралась. В дверях гостиной возвышался светловолосый гигант, довольно симпатичный, с блестящими глазами и откровенно насмешливой улыбкой, явно имеющей намерение кого-то уколоть ею. Ее, Дашу, в данный момент.

Через пару секунд за спиной гиганта появился Антон, чем-то недовольный, мрачный, и второй мужчина, не такой высокий, как блондин, темноволосый, но тоже улыбающийся.

— Она ж совсем маленькая, правда, Лех? — иронично хохотнул блондин, обращаясь к другу, но не отводя глаз от Даши. — Таковую и одну оставить нельзя, правда? — и это Дашу почему-то болезненно уязвило.

— А где же ты была, деточка? — насмешливо проговорил этот Леха.

— Да еще одна?!

— Слава! — попытался остудить друга Антон, выступив вперед. Глядя на Дашу, он сказал: — Я не ждал тебя так рано.

— Освободилась раньше, — игнорируя нападки его друзей, сухо проговорила девушка и, окинув мужчин иронично колким взглядом, ядовито улыбнувшись, бросила: — Я вижу, ты нашел себе хорошую компанию. Не буду мешать и пойду к себе, — и, не удержавшись, заметила: — А то вам, взрослым дядькам, дышащим на ладан, поговорить надо.

И, оставив за собой последнее слово, довольная произведенным эффектом, стремглав поднялась к себе, насладившись напоследок изумленными лицами друзей Антона и его помрачневшим еще сильнее лицом.

Она думала, что Вересов отчитает ее за эту вспышку, остудит, возможно, именно на это и рассчитывала, но разговора, которого она ждала, не последовало. Антон, казалось, решил оставить этот эпизод без должного внимания.

Лишь на утро обронил пару фраз о том, чтобы она старалась не язвить его друзьям.

— Я к твоим отношусь нормально, — сказал он, — поэтому прошу и тебя к моим

друзьям относиться так же.

— Если они ответят мне взаимностью, — коротко бросила девушка, уткнувшись в книгу.

— Совсем не обязательно было острить, — парировал Антон, поджав губы.

— В ответ на их язву? — вскинула она брови, не глядя на Антона.

— Значит, просить тебя бесполезно? — нахмурился мужчина. — Ты всё равно сделаешь по-своему?

Даша пожала плечами, подняла на него взгляд и качнула подбородком.

— Я почти за честь, если ты меня с ними больше не столкнешь. Пусть даже случайно.

Мысленно чертыхнувшись, злясь на девушку за упрямство и дерзость, Антон согласился. Еще не зная, что сдержать обещание ему не удастся.

29 глава

Пролетевшее почти незаметно, лето принесло множество неожиданностей и, как казалось Даше, нелогичностей в ее отношениях с Антоном, а пришедшая на смену жаркому лету золотая осень совершенно запутала их и без того непонятные друг к другу чувства.

Казалось, что-то должно было перемениться, но они парадоксально возвратились на круги своя, оказавшись на прежней точке отсчета. Они вернулись к ни к чему. Казалось, всплеск эмоций, которому они дали волю, был единственным, нелогичным, бесполезным проявлением чувства. Ни к чему не приведшим. Отбросившим их еще дальше друг от друга, на разные полюса, в разные реальности и миры, разведший их без цели и без логики.

Вроде и не скандалили, но вели себя друг с другом так, будто являлись заклятыми врагами. Они даже словом дурным в стороны друг друга не перекидывались, но что-то между ними было не так. После того дня, как Даша совершила ошибку. После того дня, когда Антон перестал строить вид заботливого опекуна.

Или именно факт, что его вниманием пренебрегли, и вынудило мужчину надеть маску беспринципного и хладнокровного негодяя, которому плевать на девчонку с улицы, вновь? И ее заставило посмотреть на него другими глазами, увидеть его маску холодности и надеть на себя свою? Спрятать переполнявшие их эмоции под эти маски и смириться с тем, с чем мириться было нельзя. Лишь для того, чтобы не быть узванными, не казаться ранеными, не быть самими собой рядом с тем, кто этого, как им кажется, не оценит.

Но Даша странно ощущала себя в роли невольной «карательницы». В ее сторону не было сказано ни одного плохого слова, Антон, казалось, вообще перестал обращать на нее внимание, за исключением тех минут, когда, Даше казалось, он только и делал, что за ней наблюдал. Они разошлись «миром». Только от этого мира никому не было уютно. Это напоминало бомбу замедленного действия, огромный пустой шар, накаленный до предела, что, кажется, еще мгновение, и он рванет. Еще шаг, еще слово, еще движение... и его будет достаточно, чтобы разорвать липкую и непрочную паутину судьбы, на которой было подвешено равновесие их зыбкой неустойчивой жизни. Всего шаг... и не останется следа и от самой жизни.

Девушка часто гадала, что ее тревожит. Умея подстраиваться к новым условиям жизни, в которые ее цинично бросала жизнь, она, тем не менее, была чувствительна к переменам. И ощущала ту пустоту, что возникла между ней и Антоном. Пугающую пустоту, не бестелесную и не безжизненную, а наполненную раскаленной лавой из невысказанного непонимания. Она думала, что видит Антона насквозь, что разгадала его и увидела то, что он скрывал и не хотел никому показывать. Наивно полагала, что поняла его сущность, разглядела маску, но оказалось — этого было недостаточно. Не всё она увидела, не всё разглядела, чего-то не заметила, чему-то не придала значения.

В этом и было дело — они с Антоном так и не поняли друг друга. Так и не выслушали. Но на тот момент, наверное, слушать и понимать не стали бы. Некогда. Незачем. Больно. Обидно.

Даша жила с болью в сердце все эти годы, Антон тоже жил с нею. Но эту общую боль

они не делили пополам, каждый лелеял свою, не принимая и не желая принимать чужую. Эгоистично и неправильно, не доверяя и не прислушиваясь. Боясь довериться и услышать то, что когда-то слышать отказались. Чужую правду, такую же истинную, как и собственная.

Страшно, больно, горько... Именно это и убивает желание сделать хоть что-то для того, чтобы ступить вперед. Страшно — довериться и быть преданным, снова. Больно — заглянуть прошлому в лицо и простить былые ошибки. Горько — осознавать, что ты можешь что-то сделать, но внутреннее «я» никогда не позволит тебе этого. Переступить через себя порой сложно, даже если ты понимаешь, что поступаешь неправильно, даже если видишь логику в том, что кажется неправильным и нелогичным. Но переступить через себя... через гордость, через ту истину, которую считаешь единственно верной, пойти против самой своей сути?.. Ради врага! Никогда...

И такие родственные по духу и судьбе чужие люди навсегда обречены остаться чужими друг для друга, лишь потому, что довериться ему оказалось гораздо сложнее, чем пренебречь. Сложнее, чем дать себе возможность отпустить прошлое. Сложнее, чем дать себе и своему обидчику второй шанс.

Но всё же... какие-то перемены Даша заметила, прочувствовала их на себе.

Антон стал странно на нее смотреть, вроде, не обращая на нее внимания, но как-то так... втихаря, едва заметно, больше косясь исподлобья, нежели разглядывая напрямую. И от этих взглядов Даше становилось не по себе. Создавалось ощущение, что ее оценивают. И это вкуче с тем, что ей он во время своих «осмотров» не говорил ни слова! И если раньше ее отторжение от него и желание относиться к нему равнодушно, делая вид, что его вообще не существует, было продиктовано стремлением доказать ему и себе, что так оно и есть на самом деле, то теперь... Даша просто боялась. Даже нет, не так, — она опасалась. Потому что не понимала значения этих взглядов. И отношения Антона к ней она тоже не понимала. Слишком быстрая смена настроений, чувств, устремлений, слишком разительное отличие от того Антона, каким он был в день их встречи на похоронах Маргариты, потом — каким он стал, когда узнал правду о четырех годах, проведенных под опекой мадам Агеевой, и теперь — совершенно апатичный и безразличный к тому, что с Дашей происходит мужчина.

Неужели он носил маски? Одну за другой — в угоду тем обстоятельствам, в которые попадал? Или... сам себя не понимал, постепенно разбираясь в душе и делая открытия? А какой он настоящий? Он знает?

Даша знала, что чувства, которые испытывал Антон Вересов по отношению к ней, были мало того, что истинными, но еще и совершенно искренними. Он действительно ощущал то, что она на себе чувствовала. Злость, недовольство, презренный гнев и раздражение. Но и его вина, раскаяние, извинение — они тоже были искренними, она не могла ошибиться! И теперь... эта шелуха, называемая равнодушием, окутавшим его с ног до головы. Она тоже правдива и абсолютно искренна. Он будто отгородился от нее, вообще от всего, что с ней было связано. Он просто заботился о ней. Материально. И больше ничего. Банальная забота, которую и заботой назвать можно было с большой натяжкой. Но Даша в заботе и не нуждалась. Она уже давно не нуждалась в том, что сейчас или когда-то мог ей предложить Антон Вересов. Но он и не мог ей ничего предложить. А она не требовала. Два гордых разошедшихся в разные стороны человека, смирившиеся с тем, что их свели вместе. Но так и не понявшие главного...

Казалось бы, это должно было ее устраивать, но Даша негодовала. Она не понимала причины этого негодования, а потому еще больше злилась, приказывая себе успокоиться,

смириться, выбросить Вересова из головы. Да кто он такой, чтобы она удостаивала его чести засорять свои мысли размышлениями о нем? Он того не заслужил! Однажды она уже совершила ошибку,пустила его в свою голову, позволила себе ему довериться — и ошиблась. И сейчас она не сделает ничего, чтобы сделать это вновь, она и пальцем не шевельнет, чтобы поспособствовать ему в их «сближении». Зачем? Никому из них это не нужно.

Два года. Всего два года осталось перетерпеть, пережить, просуществовать, и они станут свободными друг от друга. И если он надел маску отстраненности и апатичной усталости от всех и вся, то почему бы и ей не сделать то же самое? Не в отместку ему, а лишь в доказательство того, что и она умеет держать удар.

Он решил быть хладнокровным, безразличным? Что ж, она будет такой же! Они уже перешагнули через тот рубеж, когда показ истинных чувств и эмоций был необходим. Перешли Рубикон отношений, когда он — ненавидел и презирал, а она — ненавидела и презирала в ответ. И, перешагнув, даже не оглянулись, словно в мгновение ока перегорев от собственного безрассудства. Казалось, все эти годы, долгие годы боли, обиды, клокочущих внутри самой их сути чувств, отчаянного желания высказаться, закричать о своей беде всему миру и ему — главному виновнику самих этих чувств — убили в них желание вообще что-либо чувствовать по отношению друг к другу. Едва высказавшись, оба перегорели, как спички. Вновь со своей бедой, обидой и не выплаканной болью, со своей трагедией и роковым одиночеством, ставшим кармой для обоих.

И это было ненормально. Это было алогично. Это не могло разрешиться мирно. Не с ними, не при тех обстоятельствах, в которые они оказались вовлечены. Слишком яркие индивидуальности не могли перегореть так просто, могли лишь спрятать истинные чувства под маску брезгливости и принципиальной отстраненности. Но рано или поздно маску придется сбросить. Это понимали оба. Но никто из двоих не собирался делать это первым. Отчаянно гордые и в меру эгоистичные, чтобы отважиться. А потому... продолжавшие жить в вакууме из чувств, которых сами себя лишили.

Они не ссорились. Вообще. Если не считать ссорами пару резких выпадов со стороны Даши или пару язвительных замечаний со стороны Антона. И это было странно. Те, кто, казалось, должны были спорить и ругаться по любому поводу и даже без такового, жили мирно, без склок и ругани. Возможно ли? Реально ли? Нормально ли?

Наверное, действительно серьезно они повздорили в день, когда у Леси был день рождения. Даже не повздорили, а поругались. И в тот день выяснение отношений довело их до яростных атак друг на друга и полного выхода накопившейся внутри энергии. Всего один день на острие ножа, на кончике обостренного нерва, в равной борьбе характеров, для которой было много причин, но для которой они выбрали откровенно глупую и неуместную.

— В субботу меня не будет почти весь день, — заявила Даша опекуну, когда до дня рождения подружки осталось пару дней. — У Леси день рождения, она будет праздновать, и я... приглашена.

Антон нахмурился, но протестовать не стал. Оторвавшись от документов, которые изучал, он посмотрел на Дашу.

— Тебя забрать? — лишь спросил он воспитанницу.

— Нет. Я доберусь сама, — отмахнулась девушка, желая скрыть стремление держать его подальше от себя.

Антон остался недоволен ее ответом, она это знала, но виду не подал. Лишь пожал

плечами и качнул головой, а Даша, гадая над столь молчаливой реакцией, поспешила скрыться в своей комнате.

Стоило тогда догадаться, что подобное затишье может быть лишь затишьем перед бурей. Но Даша не догадалась, более того — вообще отбросила мысли об Антоне Вересове прочь. А делать этого не стоило.

На празднование своего дня рождения Леся, к изумлению Даши, кроме нее, Павла и пары подруг из фотостудии, пригласила еще и почти весь класс. Включая, конечно, и Рому Кононова. В чем Даша, крайне раздосадованная, видела несомненный намек и откровенный подвох. Очевидно, подруга еще не потеряла надежды на сватовство.

— Это что значит? — нахмурилась Даша, косясь в сторону, где за накрытыми столами разместились гости.

Леся проследила за ее взором, изобразив непонимание, смешанное с искренним недоумением.

— А что такое? — светлые бровки подскочили на лоб, а затем плутовская улыбка скользнула по ее пухлым губкам. — А, ты о Ромке, что ли?

— Ромке?.. — едва не задохнулась от изумления Даша.

— Ну, Дашуль, — обняла и расцеловала подругу в обе щеки Лесандра, — не дуйся. Рома не такой и плохой парень, если присмотреться, — она посмела даже подмигнуть ей в своей откровенно ироничной манере.

— А ты присматривалась? — скривилась Даша, в упор глядя на Лесю.

— Да, присматривалась, — откровенно призналась та. — Для своей лучшей подруги я подберу только лучшее.

Дашин гнев тут же испарился, она залиvisto рассмеялась.

— Знаешь, Лесь, сваха из тебя никудышная.

Девушка надула губки, подбородок ее прорезали морщинки.

— Да? Думаешь, что с Ромой я просчиталась?

— Подчистую, — стараясь сдержать улыбку, проговорила Даша, обнимая Лесю за плечи. — Оставь эту затею, хорошо?

— Уверена? — поморщилась подруга. — Ну, хорошо, — с явной неохотой недовольно согласилась она. — Но признай, что парень неровно к тебе дышит.

Даша этого так и не признала, лишь улыбнулась, решив оставить Лесину реплику без внимания. Не считая даже возможным, что красавец-парень, из благополучной богатой семьи, отличник и активист, с которым у нее со второго класса шла негласная борьба, обратит на нее внимание, как на девушку. Это могло быть чем угодно, только не влюбленностью, о которой ей твердила Леся.

Ну, о какой любви говорит подруга, откуда ей взяться? И взгляды эти... ну, решил парень развлечься, не будет она ему мешать, — пусть смотрит на Дашу, сколько хочет, только вот узоров на ней нет, да и смотреть особенно не на что. Если ее одноклассницы уже по-взрослому «созрели», округлились, превратившись из девочек в женственных и утонченных девушек, то она все еще не потеряла подростковую угловатость. По логике вещей, если на кого-то Кононову и заглядываться, то на них, а не на Дашу. Не верится в это, да и вообще, кажется Лесе, вот и все.

Но если Лесе и казалось что-то, то казалось не ей одной. Вскоре свои сомнения о Кононове и его к Даше отношении высказал и другой человек.

Паша подошел к ней незаметно, но Даша словно ощутила его приближение и

повернулась к нему лицом.

— Решила уединиться? — спросил он ее с улыбкой.

— Ты тоже? — предположила девушка, глядя в сторону компании парней и девушек, находящихся недалеко от них.

— Я не особо вписываюсь в эту обстановку, — усмехнулся Павел. — Почти старик среди молодежи.

— Не говори глупостей, — рассмеялась Даша. — Леся рада тебя видеть, вот всё, что должно тебя волновать, — она кивнула в сторону гостей. — А они пусть развлекаются, ты многого не потеряешь.

Паша улыбнулся уголками губ, смеялся глазами, не сводя взгляда с девушки, словно наслаждаясь уже тем, что стоит рядом с ней. Засунув руки в карманы брюк, мужчина бросил быстрый взгляд в сторону компании Лесиных друзей и вновь посмотрел на Дашу.

— Парень не сводит с тебя глаз, — со странной улыбкой и блеском глаз проронил он вдруг.

— Кто? — удивилась Даша и усмехнулась уголками губ.

— Вон тот, — кивнул друг в сторону, где собрались гости.

Даша проследила за его взглядом и, заметив направленный в ее сторону взгляд Ромы, рассмеялась. Уже обращаясь к Павлу, она отметила:

— Ты Рому, что ли, имеешь в виду? Если его, то ты ошибаешься, — покачала она головой.

— В чем именно ошибаюсь? — с какой-то скрытой грустью спросил тот. — Я только сказал, что он смотрит на тебя, — внимательный взгляд серо-зеленых глаз прожег ее насквозь.

Даша потупилась, отчего-то вдруг стало очень стыдно. Она ощутила, что щеки заалели.

— Просто Лесе кажется, — проговорила она, — что он в меня...

— Влюблен? — подсказал Паша и огорошил ее, откровенно и легко заметив: — Так и есть. Он влюблен.

Почувствовав, как затрепетало в груди сердце, девушка перевела на него изумленный взгляд, в котором плескалось беспокойство. Откуда такое странное смешанное чувство? Замешательство, растерянность, испуг. Что это может означать, и почему возникло именно сейчас? И отчего так стыдно, совестливо перед Пашей?..

Взяв себя в руки, Даша твердо и решительно заглянула ему в глаза.

— Если он в кого и влюблен, — сказала она, понимая, что пытается обмануть саму себя, — то не в меня.

— Хм, — скривился мужчина и отошел к изгороди, у которой они стояли. — Ты так думаешь? — откровенно спросил он. И Даша поняла, что ложь не спасет ее.

Помолчав дольше, чем положено, и осознав, что лгать бесполезно, она тихо призналась:

— Нет.

Павел тяжело вздохнул и странно взглянул на нее. Целый океан она увидела в его глазах цвета поблекшей зелени! Целый мир, ей не ведомый, таинственный, волнующий и будоражащий кровь.

Даша сглотнула, вдруг почувствовав себя неловко. Неужели такое возможно? С Пашей!?

— Он тебе нравится? — совершенно откровенно спросил друг, и Даша отметила, что он стиснул зубы.

— Нет, — протянула она, изумленно глядя на него. — Почему ты спрашиваешь? Ведь

знаешь, что я не обращаю на это внимания...

— Тебе уже шестнадцать, — мягко перебил ее Паша, будто стараясь на что-то другое намекнуть, а не на ее возраст.

— И что? — не понимая, что он пытается сказать, вызывающе проговорила она.

— Черт, Даша! — воскликнул с чувством Павел и даже всплеснул руками. — Не я должен тебе это объяснять!

— Если не ты, то кто же тогда?

— Хотя бы... Леся, — сквозь зубы выдавил он, сцепив руки на изгороди. — Но не я. Я мужчина, и...

— Мне не нравится Роман Кононов, — перебив его, заявила она. — И никто не нравится. И причем тут, что ты мужчина? Ты мой друг, в первую очередь, — коснувшись его обнаженного локтя и ощутив его дрожь, проговорила она, — и я тебе доверяю.

Она ощутила, что мышцы его напряглись, спина мгновенно после ее прикосновения выпрямилась, а жилка на шее дернулась. С губ сорвался полустон, он с силой втянул воздух, руки вцепились в изгородь.

— Ах, Даша, Даша, — тяжело вздохнув, проговорил Павел, глядя вдаль, будто гоняясь в полутьме за миражем. — Как бы мне хотелось тебе всё рассказать, но я...

Закончить он не успел. Пронзительный крик именинницы раздался совсем близко, нарушая уединение.

— Даша, Пашка, пошли фотографироваться на память! — вскоре сама Леся, широко улыбаясь, появилась рядом с ними. — Хочу совместное фото на память, — заявила она, хватая друзей под руки. — Исполните мое желание в честь дня рождения? — подмигнула она им, зная, что те не посмеют отказать.

Павел с Дашей переглянулись, молчаливо соглашаясь с тем, что нужно идти с ней, а продолжить они могут и после.

Но продолжить после в тот день им не удалось. После всеобщей сделанной на память фотографии, когда Рома делал всё возможное, чтобы при съемке встать рядом с Дашей, именинница задула свечи, загадала желание и стала резать торт.

И в этот самый момент всеобщего веселья около дома Ростовцевых затормозил черный автомобиль.

Зачем он приехал за ней, Антон и сам не знал. Откровенно не понимал, как даже мысль о том, чтобы приехать за ней в дом к ее подруге, у которой к тому же был день рождения, пришла к нему в голову!? Он не собирался и не думал, да, не думал, ведь знал о празднике заранее, но почему-то в один миг собрался, схватил из полки шкафа купленный накануне подарок и кинулся прочь из квартиры. Вечером звонил Леся, звал его в гости, но Антон отказался, променяв, к своему удивлению, приятное времяпровождение с друзьями на встречу с Дашиной подругой.

Он уговаривал себя, что делает это из чувства долга, элементарной благодарности за то, что Леся ему помогла выяснить правду, что отнеслась к нему с пониманием, не оттолкнула, послав куда подальше, хотя имела на то основания. И этот его приезд к ней домой, в день ее дня рождения, без приглашения, был лишь данностью, должностью, соблюдением приличий. Ровно, как и чистой воды безумием.

Что уж обманывать себя, разве может он скрыть правду? Он желал окунуться в атмосферу дружеского веселья и участия, увидеть своими глазами, как живет Даша. И как

она ведет себя с другими, а не с ним.

Но что греха таить, его тут никто не ждет, приехал он не к месту, не ко времени, совершенно напрасно. Кто его звал, кто ему тут будет рад? Он не имеет даже толики права, чтобы находиться здесь.

Какого черта вообще приехал?!

Выругавшись, мужчина ударил по рулю кулаком, злясь на себя за опрометчивость и необдуманность.

Какой он после этого юрист, если даже банальную ситуацию просчитать не в состоянии? Черт знает что!

И Даша была бы отнюдь не рада его видеть, да что там, она бы съела его с потрохами, попробуй он появиться тут. Это он по-прежнему желал узнать, как она живет, а вот ей было совершенно плевать на него.

Вновь грубо выругавшись сквозь зубы, качнув головой и рассердившись на себя за то, что поддался импульсу, он хотел развернуться и уехать прочь. В конце концов, никто его не видел, никто не ткнет в него пальцем и ничего не скажет за спиной. Он останется абсолютно неприкосновенным и не обруганным.

Зря он вообще сюда приехал! Ведь знал, что напрасно, почему же тогда так сглупил?..

Антон уже завел мотор, намереваясь рвануть с места, повернулся к дому, бросив взгляд на изгородь, за которой на террасе были накрыты столы, и в этот миг именинница разрежала торт, невольно улыбнулся и...

И потом он увидел его. Высокий светловолосый... тот самый мужчина! Он стоял рядом с Дашей и, поддерживая ее за локоть, что-то говорил девушке. А она улыбалась, ему улыбалась!

В глазах потемнело, Антон стиснул зубы, разозлившись на себя за подобную реакцию.

В памяти мгновенно всплыли картинки их прошлого разговора. В тот день, когда Антон впервые увидел этого мужчину, в парке вместе с Дашей. В тот вечер, когда они в очередной раз поссорились. Из-за него.

Кто он? Как его зовут? Антон пытался вспомнить, напрягая память. Что говорила о нем Даша? Что он давний друг? Антон насупился. И как близко они знакомы? Сколько ему лет, черт побери!? Присмотрелся, стиснув зубы и сжав руль побелевшими ладонями. На вид, не старше него самого. Лет двадцать пять?

И что такой мужчина может делать рядом с ней?! Девчонке всего шестнадцать! Что ему от нее может быть нужно?!

Желание развернуться и уехать, не дав о себе знать, мгновенно испарилось, уступив место еще более страстному желанию подскочить к этой сладкой компании, выхватить воспитанницу из лап не знакомых Антону людей и увезти домой. И плевать, что Даша их всех знает, общается с ними, даже улыбается и смеется! Лишь бы знать, что она... вот черт!

Антон выругался, грязно, сквозь зубы, выглянул в окно. Лишь бы знать, что она в безопасности, — да, именно так.

Схватив с пассажирского сиденья подарок для Леси, Антон выскочил из автомобиля, хлопнув дверью.

— Вы приглашены? — высокий презентабельного вида охранник перегородил ему путь.

— Я знаком с именинницей, — уклончиво сказал Антон, раздраженно поджав губы.

— Это не ответ, — без тени улыбки бросил гигант и сцепил руки в замок.

Антон поборол в себе яростное желание послать его к черту, но сдержался.

— Сообщите имениннице, что приехал Антон Вересов, — не улыбаясь, продолжая бросать колкие взгляды в сторону развернувшегося на террасе веселья, сказал Антон. — Леся будет... рада меня видеть.

Окинув его недовольным взглядом, охранник скривился.

— Сейчас доложу, подождите.

Антон кивнул. Этот беглый осмотр ему не понравился, но он промолчал.

И почему же его так не жалуют?

Сквозь изгородь Антон наблюдал, как гигант подошел к группе молодых людей, сообщил что-то Лесе, и как та, изменившись в лице, ошарашенно покосилась в его сторону. Но Антон успел скрыться от ее взгляда, надеясь, что это не выглядело чересчур глупо, и ругая себя за проявление подобного безрассудства.

Через несколько минут охранник, странно усмехаясь, подошел к нему.

— Лесандра Юрьевна просила вас пройти, — заявил мужчина, отступая и пропуская Антона вперед.

Антон хотел съязвить, но вновь сдержался, решительно входя на территорию Ростовцевых и попутно отмечая, что, кем бы не был Лесин отец, он, очевидно, очень богатый человек.

Группа молодых людей, включая Дашу и светловолосого, встретила его изумленными взглядами, а вот Леся, кажется, справившаяся с шоком от его внезапного появления быстрее остальных, поспешила к нему.

— Антон, — проговорила именинница, приветствуя его с улыбкой, — не ожидала увидеть.

— Да я и сам не ожидал, честно говоря, — ответил Вересов, окидывая гостей Леси острым взглядом и останавливая взор на Даше и рядом с ней стоящем мужчине. Как его зовут? Павел, кажется?..

— Ммм, — невразумительно пробормотала Леся, косясь на друзей. — А мы... как раз торт собирались резать.

И тут Антон опомнился, встрепенувшись, протянул Лесе большую коробку, обернутую в подарочную фольгу. Та приняла ее дрожащими руками, очевидно, не ожидая от него подобного знака внимания. Ее недоуменный взгляд метнулся в сторону близкой подруги, но та, ошарашенная не меньше нее, изумленно взирала на своего опекуна. Несколько долгих томительных мгновений они просто смотрели друг на друга, кажется, даже не дышали. А затем Антон, будто опомнившись, посмотрел на Лесю.

— Мне не следовало приезжать, я знаю, — сказал он и отступил назад. — Но я просто ехал мимо и...

— Откуда? — с вызовом перебила его Даша, в ее черных глазах горел огонь.

— Что, прости?..

— Откуда ты ехал, — повторила она, — что это было за «мимо»?

Антон уставился на нее, сощурившись, а вот сама Даша чувствовала себя в своей тарелке, откровенно насмехаясь. И не успел он ответить, как его перебила Лесандра.

— Неважно, откуда ты ехал. Мне приятно, что ты заглянул, — она бросила на Дашу красноречивый взгляд, та ответила ей не менее красноречивым взглядом, отвернувшись. — Останешься? — обратилась Леся к Антону.

— Мне бы не хотелось смущать тебя и твою компанию...

— Да брось, — отмахнулась девушка. — Кого ты тут смутишь? — и указала ему на

место за столом. — Проходи.

И Антон, недолго борясь с собой, медленно прошел за стол, сопровождаемый двумя десятками любопытных пар глаз. Но не это волновало его в тот момент, все его мысли были сосредоточены на Даше и ее друге.

Насколько они друзья? Не переросла ли их дружба в нечто большее? Ведь, как известно, дружбы между мужчиной и женщиной не существует. Хотя... этот парень не кажется извращенцем, да и Даша еще не женщина!

«Тогда откуда такие мысли?!» отругал он себя.

Но, тем не менее, на протяжении всего вечера он только и делал, что наблюдал, как ведут себя эти двое. Не переступают ли черту, не делают ли того, что может их скомпрометировать, не выдают ли себя жестами и взглядами. Но ничего «подозрительного» не заметил, как ни присматривался к воспитаннице и ее дружку. Зато заметил много любопытных глаз, направленных в собственную сторону, откровенно прямолинейных, вызывающих и заинтересованных. Но, не обращая на них внимания, улучил момент, когда Павел остался наедине, и подошел к нему.

— Вы Павел? — засунув руки в карманы брюк, вскинув подбородок, осведомился Антон.

— Павел Байер, — представился светловолосый, легко кивнув в ответ. — А вы Антон?

— Антон Вересов.

— Я в курсе, — коротко бросил Павел, и Антон почувствовал, что тот знает о нем гораздо больше, чем он знает о Павле.

— Вы приглашены? — насупившись, спросил Антон. — Или так же, как и я, без приглашения?

Павел Байер наклонил голову набок, усмехнулся, будто издеваясь, но проговорил без тени насмешки:

— Меня пригласили. Мы с Лесей давние друзья...

— Такие же, как с Дашей? — сорвалось с языка против воли, и Антон пожалел о своих словах.

Павел нахмурился, складки залегли на его лбу.

— Да, почти, — ответил он без тени смущения. — С Дашей я знаком несколько дольше. Мы очень близки...

И тут Антон не выдержал, руки непроизвольно сжались в кулаки. Остановить поток эмоций он был уже не в силах.

— Но вы же должны понимать, что эти отношения!..

— Какие отношения? — поморщившись, перебил тот. — Мы с Дашей друзья. Друзья, что бы вы... не думали.

— Вы слишком взрослый для нее, — процедил Вересов, злясь на себя за собственное раздражение.

— Вот как, — задумчиво проговорил молодой человек, нахмурившись. — И что же?

— Мне кажется, вы и сами понимаете, — прищурился, сказал Антон. — Я ее опекун, и не могу допустить, чтобы она водила дружбу с...

— Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, Антон Олегович, — решительно перебил его Павел, — но не кажется ли вам, что подобную... заботу следовало проявить несколько раньше? Года, эдак, четыре назад?

Антон стиснул зубы. Внутри всё кипело, угрожая вот-вот вылиться через край его

терпения. Как много знает этот человек? Что конкретно ему известно? Насколько откровенной была с ним Дарья?!

— Это вас не касается, вы правы, — процедил Антон сквозь зубы.

— Как и мои отношения с Дашей не касаются вас, — отрезал Павел и, бросив на собеседника колкий взгляд, добавил, отходя: — Прошу меня простить, мне пора.

И, когда он подошел к Даше, став что-то шептать той на ухо, Антон понял, что что-то упустил тогда, когда уехал в Лондон и оставил Дашу одну. Наверное, он потерял тогда самого себя. И ее потерял тоже.

К радости Антона, Павел Байер, побеседовав с Дашей, даже уговорив ее в чем-то, так как девушка в чем-то упорствовала и негодовала, а также попрощавшись с Лесей, поспешил к выходу с территории Ростовцевых, и вскоре скрылся из виду, а Антон, злорадно усмехаясь, вдруг с ужасом понял, что не ощущает истинной радости от его ухода. Сейчас-то он ушел, но это не означает, что он исчез окончательно.

И, когда через несколько минут к нему, сверкая глазами, подбежала разъяренная Даша, Антон понял, что, если ей и неизвестно о сути его беседы с ее дружкой, то она об этом догадывается.

— Что ты ему сказал? — накинулась она на опекуна, сжав руки.

— Не понимаю, о чем ты, — попытался сказать непонятливым Вересов.

— Не прикидывайся! — воскликнула девушка, сверкнув агатами глаз. — Что ты сказал Паше?

— Я ничего не говорил твоему... другу, — поморщился тот и, отведя взгляд, добавил: — Если ему показалось, что я его задел, это не мои проблемы.

Он хотел казаться безразличным, но всё внутри кипело, буря рвалась во вне, и сдерживать ее с каждым мгновением становилось всё сложнее. Антон стиснул зубы, чтобы не сорваться, кончики пальцев дрожали от переполнявших его чувств. Почему-то именно с ней сохранять спокойствие было очень трудно.

— Да ты мерзавец, Вересов! — изумленно воскликнула Даша, отшатнувшись от мужчины и взирая на него с неверием. — Что ты имеешь против Паши? — выдохнула она. — Да что мне тебе говорить?.. Он самый лучший в мире друг!..

— Я не желаю, чтобы ты дружила с такими, как он, — невольно вырвалось у Антона, и он мгновенно осознал, что тут же поплатится за свои опрометчивые слова.

— Такими, как он?..

— Он намного старше тебя.

— И что же!? — едва не задохнулась от гнева девушка. — Возраст ничего не значит!

— Значит, — упрямо возразил Антон, метнув в ее сторону категоричный взгляд, — когда тебе шестнадцать, а ему под тридцать!

Девушка, широко раскрыв глаза и приоткрыв рот, с изумлением взирала на опекуна, не в силах произнести ни слова. Казалось, она была изумлена выше всякой меры. Сердце бешено колотилось в груди, а руки дрожали. Она кипела изнутри, готовая вот-вот взорваться. Кажется, Антону удалось затронуть те струны ее души, которые должны были оставаться неприкосновенными. Он коснулся того, что она никогда не даст в обиду.

Сощурившись и глядя на него с презрением в черных глазах, девушка поджала губы.

— Мне тоже не нравятся твои друзья! — сказала, будто выплюнула она. — Я же тебя не заставляю от них отказаться!

— Это другое... — попытался возразить Вересов, сведя брови.

— Да неужели?! И в чем другое?

— Они мои ровесники, они...

— Так тебя... — она старательно подбирала слова, но так и не нашла их, — бесит именно то, что Паша старше меня?! — казалось, она была откровенно поражена этим открытием. — Вот так забота! — ядовито процедила она и уничижительно добавила, глядя на него в упор: — Да он настоящий мужчина, ясно? Не чета некоторым, кто мнит себя взрослым, а на самом деле является сущим ребенком!

Она поняла, что сказала грубость, когда плечи Антона напряглись, а спина выпрямилась. На красивом лице залегла тень, глаза превратились в узкие щелочки дегтево-черного цвета, губы сжались в тонкую нить.

Девушка покачала головой, отчего-то чувствуя неловкость.

— Я не тебя имею в виду, — потупилась она, тут же отругав себя за то, что оправдывается. Не перед ним же!

Вересов же оставался похожим на мраморное изваяние. Он даже не шелохнулся, только жилка на шее выдавала его истинные чувства.

— Я не хочу, чтобы ты с ним общалась. Он смотрит на тебя совсем не как друг, — сквозь зубы выдавил он.

— Что?.. — изумленно уставилась на него Даша.

— А то, что твоему другу, — саркастически выплюнул он, — не интересна ваша дружба, в которую ты так свято веришь. Его интересует нечто иное!

— Ты что, с ума сошел? — задохнулась от возмущения и негодования Даша. — Паша мой лучший друг, а ты... Не смей и рта раскрыть, чтобы сказать подобную глупость, понял? Ты не стоишь и его мизинца! Ты...

— А чего я стою, по-твоему? — холодно перебил ее Вересов. — Я недостоин быть твоим опекуном, твоим знакомым и, уж конечно, твоим другом! Так чего же я стою, по-твоему? Хотя бы на то, чтобы ты со мной поздоровалась, я могу рассчитывать? Или даже твоего «привет» мне не светит?!

— А он тебе нужен, мой привет? — огрызнулась девушка, не зная, что еще ответить.

— Мне бы хотелось, чтобы всё было не так, как есть на самом деле, — выговорил он, и на это Даша не смогла ничего ответить, поэтому промолчала.

Домой они уезжали вместе, но были настолько злы друг на друга, что всю дорогу проехали в немом молчании.

Жаркий август, вскоре сменившийся уныло-серыми туманами, заполонившими Москву, ушел в небытие и унес за собой привычную стабильность существования Даши и Антона в одной квартире, к которым уже привыкли оба. Золотая осень, навестившая столицу в середине сентября, через две недели сменилась привычными осенними дождями и неутомной людской толкотней и суматохой. А в начале ноября, на каникулах Даша отправилась с классом в автобусную поездку по Золотому кольцу России.

— Все поедут, — сообщила она, — мне не хотелось бы стать исключением.

— И ты им не станешь, — коротко бросил Антон, хмурясь. — Считаешь, что я запретил бы? — начал выходить из себя он. — И за кого ты меня принимаешь?

— Всё это не бесплатно, как ты понимаешь! — воскликнула в ответ девушка, не прореагировав на его реплику. — Как мне нужно было сообщить тебе об этом?

— Может быть, стоило просто попросить денег, и всё? — сквозь зубы выдавил он из себя. — Ты прекрасно знаешь, что я бы не отказал, — покачав головой, стараясь сдержать

гнев, он сощурился и, глубоко вздохнув, добавил: — Вопрос лишь в том, что ты слишком гордая для того, чтобы сделать это!

Она молчала с минуту, даже больше, ошарашенная, уязвленная, не сразу нашедшая, что ему ответить. В груди колотилась боль, а в висках монотонная и уничижительная свирель терзала гулким биением.

— Когда-то я отказалась от гордости в угоду тебе, Вересов, — тихо заявила она, вскинув подбородок. — Но ты пренебрег мною. Больше подобного не повторится, моя гордость останется при мне!

Он не нашелся, что ей ответить, изумленный ее словами, и лишь молча стоял и смотрел ей вслед. А вечером после короткого стука, не дожидаясь разрешения, вошел к ней в комнату и положил на комод деньги.

— Я не знаю, сколько нужно, — сказал он, выходя, — надеюсь, что этого хватит, — и стремительно вышел, так на Дашу и не взглянув.

А когда через две недели она уехала, с ужасом осознал, насколько привык к тому, что она находилась рядом. Какое безрассудное ощущение... одиночества!..

Какие-то семь месяцев под одной крышей. Кому-то не хватает и целой жизни, чтобы привыкнуть к человеку, а ему хватило чуть больше полугода, чтобы привязаться к той, которая причинила ему боль, забрала отца, пусть и сделала это невольно, к той, которая не имела права врываться в его жизнь и ломать ее, разрывая в клочья мечты и разрушая надежды. К той, которой не должно было быть места рядом с ним.

Какая ирония была во всём этом, какая язвительная, уничижительная, прелестно ужасная шутка!

Он не желал признаваться, что ему не всё равно, где она сейчас. Отказывался принимать за факт, что ему ее не хватает. Желая скоротать вечера и пронизанные осенним холодом ночи, он проводил время с друзьями, согревался в объятьях шикарных красоток. Чтобы не чувствовать одиночества по утрам, пригласил Ольгу Дмитриевну пожить с ним, пока Даша не вернется. Задерживался на работе, углубляясь в дела и процессы, хотел даже взять отпуск за свой счет, чтобы слетать за границу и отвлечься. Но день шел за днем, приближая момент, когда воспитанница должна была вернуться в Москву, и он всё чаще стал задумываться, что не так они делают. Что конкретно он делает не так для того, чтобы наладить с ней контакт. Но ответа не находил, в результате придя к выводу, что, какими бы странными не были их отношения с Дашей, исправить что-либо он был уже не в состоянии.

Они ссорились редко и по пустякам. Из-за ее друга Павла Байера. Из-за его друзей. Но никогда их ссоры не выходили за те невидимые пределы, которые когда-то были ими же нарисованы. Будто существовал негласный предел, который они условились не переступить.

Он не одобрял ее дружбы с Байером, а она в ответ супилась и откровенно заявляла, что не желает видеть в квартире его друзей. Ему приходилось заткнуться и с клопочущей в душе яростью хладнокровно принимать ее друга. Для себя он этой дружбы не признавал и даже более того, — не понимал. Какая дружба может быть между нею и таким мужчиной, как этот?! Почему она с ним, Антоном, дружить отказалась, а с ним — дружит? Не только же дело в том, что она доверяет Байеру? Должна быть иная причина. И Антон не желал об этой причине задумываться, потому что в случае подтверждения это стало бы уже проблемой.

Шестнадцатилетняя девочка, влюбленная в мужчину, значительно старше себя!.. И Антон, как опекун, допустить подобного не имел права, потому и пытался препятствовать этой дружбе. Хотя, конечно, не это было единственной причиной. В глубине души он

завидовал Павлу Байеру. Он был удостоен того, что самому Антону никогда не заслужить, — Дашину дружбу, хотя бы ее дружбу.

Антон просто заботился о ней. Материально в большей степени. Следил, чтобы она не гуляла допоздна, чтобы сообщала, где находится, или если думает задержаться. Но в полном смысле слова они так и не стали жить под одной крышей, они под ней сосуществовали. Она в своей комнате, он в своей, иногда встречаясь на кухне, в гостиной или в коридоре.словно два бестелесных создания, заключенные в одну клетку, смирившиеся с совместных существованием, но так друг друга и не принявшие.

Это вначале он надеялся на что-то... хотя вначале и не надеялся, он желал поскорее от нее избавиться, и Даша никогда ему этого не забудет. Но потом, особенно после выяснения всей правды, он поверил, что для них с Дашей может быть возможен иной исход. Стоит только постараться, принять действительность и перестать жить только прошлым.

Он попытался сделать это, а она — отказалась. И они вновь оказались стоящими на нулевой отметке. Обреченные оставаться опекуном и воспитанницей с такими странными, не свойственными опекуну и воспитаннице отношениями. Слишком сильные натуры, чтобы заявить о собственной слабости.

Казалось, конфликты были неизбежны. Но они их избежали. Чудом, неизвестно по какой причине, но они почти не ругались, не выходили из себя и не выясняли отношения, словно решили забыть об этом, молчаливо решив не ворошить болезненные для обоих воспоминания.

Но, как оказалось, ни к чему хорошему это не привело, их жизнь бок о бок только обострилась, стала похожа на внутреннюю битву характеров, сокрытую за внешне бесчувственной, безжизненной оболочкой, стала подобной ходьбе по натянутому над пропастью канату, когда понимаешь, что следующий шаг может стать роковым, как бег по битому стеклу, движение вперед по лезвию бритвы, когда не знаешь, что тебя ждет — взлет или падение.

После ночи, когда он сорвался, что-то будто треснуло, а после разговора о Павле Байере возможность мирного существования разбилась вдребезги. Они будто не слышали друг друга. Он твердил ей одно, она верила в другое. Они жили как по надорванной струне, ступая шаг за шагом вперед, и не зная, не упадут ли в пропасть при следующем шаге.

У него появились женщины. Разные, много, всегда на пару ночей, не более. Но они не приносили успокоения его разгоряченному сознанию и телу, не дарили спокойствия и умиротворения, не награждали блаженным забытием. И Антон опять мыслями возвращался к Павлу Байеру. Наверное, подобное забытие ему приносила Даша, в ее обществе он просто забывался, ничто его не беспокоило и не тревожило.

А у Антона... не было подобного забытия, умиротворения и спокойствия. У него не было такой Даши. Никого, походившей бы на нее. Он был один, дикий, загнанный хищник-одиночка. Раненый зверь. И в мгновения полного единения с собой и откровенного признания он сознавался, что завидовал Байеру, как человеку, у которого было то, чего не смог достигнуть он.

Работа, друзья, женщины и приятное времяпровождение, — всё для того, чтобы привести его в чувство. Но почему-то легче стало лишь в тот миг, когда своевольная девчонка распахнула дверь и с порога заявила: «Я дома!»...

Разозлившись на себя, привычно убирая чувства под запрет апатичности, Антон вышел ей навстречу и лишь поприветствовал ее коротким кивком. А в ответ — такой же

равнодушный кивок. Больше ничего.

Напряжение возрастало, пустота превращалась в хаотичность, и остановить этого не мог уже никто из них двоих.

30 глава

Приближался Новый год. Вслед за тоскливым ноябрем в Москву пришел морозный, снежный декабрь. Окутав суетный город-мегаполис волшебным белесым покрывалом и ветром, кружащим снежный клубок колких хлопьев вокруг спешащих куда-то людей, декабрь, в отличие от последнего месяца осени, был спокоен и нерешителен, будто выжидал ответственного момента, чтобы сказать заветное слово победителя.

Уже вторую неделю подряд стояли крепкие морозы, спадать которые, по всей видимости, не собирались до января. И вместе с устоявшимися морозами устоялись и отношения Антона и Даши, превратившись в некое подобие дружеских. В той мере дружеских, какие для них вообще были возможны.

Хрупкий и, как подозревали Даша и Антон, недолговечный мир установился между ними с памятного ноябрьского вечера, когда ломаная кривая их отношений, постоянно скачущая от максимума к минимуму, вдруг остановилась на золотой середине. Неожиданно и полноправно утвердив свои правила.

В тот памятный вечер пятнадцатого ноября. Когда у Антона был день рождения.

В тот день Даша задержалась в школе. Леся с отцом еще в начале недели уехала в Санкт-Петербург на фотовыставку известного европейского фотографа, Паша по делам оказался заброшенным в Казань, а сама Даша вынуждена была мириться со своим положением одиночки в Москве. Рядом с Антоном.

Ее унылое настроение пытался скрасить Рома, который в последнее время стал уделять ей больше внимания, чем она могла от него ожидать и чем хотела бы от него принять. В столовой он садился рядом с ней, рассказывал нелепые, но, надо признать, веселые истории, стараясь ей угодить, и Даша невольно начинала улыбаться в его компании. Однажды он под предлогом, что ему «по пути», предложил проводить ее до дома, но девушка категорически отказалась, сославшись на дополнительные занятия. Рома настаивать не стал, но в его глазах она увидела решительный огонек, и мысленно уповала на то, чтобы в столицу скорее вернулась подруга. Так как совсем не была уверена, что Рома не пойдет в атаку еще раз.

О дне рождения Антона Вересова Даша благополучно забыла, утомленная и уставшая. Она вспомнила об этом лишь, когда, вернувшись домой после факультатива по биологии и индивидуального занятия по немецкому языку, обнаружила целую орду не знакомых ей людей, расхаживающих по квартире с видом, будто являлись ее хозяевами.

Как всегда, открыв своими ключами дверь, Даша нерешительно застыла у входной двери, прижавшись к той спиной, и изумленно хлопая ресницами и слушая заводную клубную музыку.

«Что здесь происходит?» мелькнуло у нее в голове, а сердце, замерев, бросилось вскачь.

Продолжая стоять у двери еще с минуту, завороченно хлопая глазами и пытаясь прийти в себя, Даша огляделась. Чужие мужские куртки, женские шубки и пальто, шапки, шарфики и сапоги...

Девушка метнулась вперед, желая узнать, что происходит, но, опешив, уставилась на то, как высокая и изящная, хрупкая, как фарфоровая статуэтка, девица, облаченная в красное

платье, прошествовала мимо Даши, в нерешительности прислонившейся к входной двери, а потом вдруг остановилась и уставилась на нее со смесью изумления и легкого негодования в глазах.

— Ты тоже приглашена? — спросила она, изогнув тонкие бровки.

Даша не поняла, что оскорбило ее больше: то, что эта незнакомка обратилась к ней так фамильярно, или то, что она была не в курсе, что вообще происходит в доме, который ей приказали считать своим.

— Я здесь живу, — заявила Даша, решительно отойдя от двери и не бросив на девушку больше и взгляда.

— Живешь?..

— Где Антон? — не слушая ее, перебила Даша, скинув куртку и повесив ее на вешалку.

— В гостиной, — изумленно выдавила из себя незнакомка, разглядывая Дашу с ног до головы. — А ты кто?

И тут Даша обратила свой взор на нее. Брови ее взметнулись ко лбу, губы иронично скривились.

— Я воспитанница Антона, — наслаждаясь изумлением незнакомки, проговорила она. — Он разве не сказал, что является моим опекуном? — сладко протянула девушка, откровенно блаженствуя.

На лице незнакомки мелькнула тень, глаза расширились. Она скользнула по Дашиной фигурке, облаченной в джинсы и серый свитер, медленным взглядом, казалось, оценивая каждый сантиметр тела, а, наткнувшись на вызывающий девичий взгляд, сглотнула и поджала губы.

Даша сощурилась, начиная ощущать в груди нарастающий гнев от непонимания и раздражения. Но не успела она потребовать объяснений, как была остановлена внезапно появившимся в дверях мужчиной.

— О, кого я вижу, кого я вижу, — послышался мужской голос. — Наша язва пожаловала, а мы и не ждали!

Улыбка Даши, появившаяся вначале, мгновенно померкла. Она узнала этот голос. Голос друга Антона, которого с первой памятной встречи здесь же, в этой квартире, ни разу не видела. И не видела бы вообще, будь на то ее воля! Этот человек ей совсем не понравился, эгоистичный, избалованный и самолюбивый.

Не глядя больше на незнакомку в красном платье, она повернулась к мужчине.

— Зря, что не ждали, — вызывающе вздернув подбородок, заявила она, смерив Славу (а это был именно он) колким взглядом. — Я здесь вообще-то живу!

Ее слова молодого человека, кажется, ничуть не задели, он лишь улыбнулся ей звериным оскалом.

— Упс, — насмешливо скривился, — всегда забываю об этом факте. Раньше-то о тебе тут ни слуху ни духу, вот я и забыл, что ты должна здесь находиться, — уколол он ее.

И шпилька попала точно в цель!

Даша побледнела, в груди билась безудержная ярость, смешанная с чувством стыда и обиды, нового комка боли. А она-то думала, что эти раны начинают заживать! Как же она ошибалась!..

Дрожащие ладони сжались в кулаки, глаза сверлили ненавистного мужчину острым взглядом, на языке вертелись язвительные, уничижительные фразы, но сил, чтобы произнести их, защитить себя, у нее почему-то не было. Дядя Олег всегда говорил, что она

лучшая, что она лучше тех, кто ее окружает, и она должна доказать это ему. Она должна... но как!? Как заставить видеть в себе лучшее этого человека?!

Слушая, как бешено бьется в груди сердце, Даша вздернула подбородок.

— Теперь я здесь нахожусь, — твердо выговорила она, поджав губы. — И считаю этот дом своим. И он будет моим еще два года, — делая ударение на каждом слове, продолжала девушка. — Если не ожидаете меня здесь видеть, когда приходите, попросила бы вас вообще не приходите. А если приходите, то помнить, что вы в гостях, — губы ее ядовито скривились. — Забываться не стоит.

Казалось, Слава опешил, изумленно глядя на нее широко раскрытыми глазами. Но, взяв себя в руки, помрачнел. Тень скользнула по его красивому лицу, он так стиснул зубы, что на скулах заходили желваки.

— Меня, как и всех гостей, пригласил Антон, — выделяя каждое слово, выдал он, — и только ему решать, что мне следует помнить в этом доме.

— Антон волен поступать, как ему угодно, — согласилась Даша. — Он хозяин этого дома... в отличие от вас.

Она и сама поняла, что сболтнула лишнее, это было даже как-то недостойно ее, — так унижаться перед этим черствым и эгоистичным человеком, — но она не смогла сдержать в себе ярость. Не дать ей воли, затолкнуть внутрь себя порой бывает так сложно. Ведь ей и так приходится держать чувства под контролем при Антоне, еще и перед его друзьями!?

— Ну, знаешь ли! — возмущенно воскликнул Слава, очевидно, откровенно задетый ее прямолинейностью. — Я знаком с ним с тех пор, когда тебя еще на свете не было, поняла? — ударил он ее бичом. — И ему решать, кого пригласить на свой день рождения, а кого не стоит! — он окинул ее побледневшее лицо и дрожащее тельце презрительным взглядом. — Тебя он, как видно, не желал здесь видеть, разве не так?

И это был удар в самое сердце. Холодок пробежал по ее спине, сердце забилося чаще.

— День рождения?.. — сухими губами пробормотала девушка.

— Да, день рождения Антона. Сегодня, — заявил мужчина и, подозрительно сощурившись, спросил: — Или ты забыла? — брови Славы метнулись к корням волос, а губы, плотно сжатые, расплылись в жесткой улыбке хищника, загнавшего свою добычу в угол. — Что, правда? — и рассмеялся, как над чем-то забавным.

Даша ощутила, как бледные щеки начинают гореть адским пламенем. Она, действительно, забыла!

— Что здесь за сбор? — появился в дверях виновник торжества и тут же застыл. — Даша?.. Ты уже пришла?

— Вот уж кого не ждали, — вставил Слава, все еще смеясь, — правда, Тоха?

— С днем рождения, — пробормотала Даша, не обращая внимания на реплику светловолосого.

— Спасибо, — изумленно выдохнул Антон, не зная, что еще сказать. — Эээ... проходи в гостиную, все уже собрались.

Девушка отрицательно покачала головой и горько усмехнулась, бросив взгляд на Славу и незнакомку, всё это время стоящую рядом. Среди этой компании она, явно, будет лишней. Да и прав его друг, ко всему прочему, ее не приглашали.

— Пожалуй, нет, — ответила девушка, стараясь скрыть алые щеки от взора опекуна, и уверенно направляясь к лестнице. — Это твой праздник. Я лучше... уроки пойду сделаю, — и бросилась в свою комнату.

— Даша!.. — хотел пойти за ней Вересов.

— Оставь ее, — остановил его Слава. — Она не хочет, ты что, не видишь?

И Антон сдался, продолжая смотреть ей в спину на темный хвостик волос, почему-то вставший перед глазами. А через минуту вместе с друзьями направился в гостиную.

А Даша, ворвавшись в комнату и прислонившись спиной к двери, замороженно смотрела в пространство.

У него день рождения. А она... забыла. Но, если быть честной с собой, она и не помнила. Дядя Олег не раз и не два упоминал, когда у сына день рождения, высылал подарки, если Антон не находил возможности прилететь в Москву, он тщательно и любовно упаковывал коробки, подписывал открытки, смеялся, когда из Лондона приходил ответ. Даша не могла... просто не имела права о таком забыть. Хотя бы ради дяди Олега! Но она забыла.

Чувствуя какую-то долю вины, девушка метнулась к кровати и присела на краешек, выглядывая в окно. На улице пошел дождь, начавшийся с противной мороси, но через пару минут перешедший в настоящий ливень. Даша вздохнула и горько усмехнулась. Как странно и нелогично устроена жизнь. Антон Вересов о ее дне рождения и не вспомнил ни разу, хотя и утверждал обратное, его этот факт ничуть не волновал, а ее, которую обидели и обделили заботой и вниманием, теперь переживает, что забыла о дне рождения своего обидчика. Какая горькая ирония! Так не должно быть, но почему-то было.

Встав с кровати и подойдя к окну, Даша коснулась прохладного стекла ладонью. Она любила дождь, верила в его очистительную силу, мощь и энергию. Как бы она хотела не ждать, не верить в это очищение! Но она верила. Как и четыре года назад тоже верила, что Антон «образумится», и ошиблась.

Его отношение к ней сейчас пусть разительно и отличалось от прежнего, мало что могло изменить. Их отношения уже давно вышли за рамки и пределы отношений опекуна-воспитанница. Наверное, подобных отношений между ними не было никогда, даже больше — их и не могло быть в принципе. С самого начала всё между ними было не так, как быть должно. Само их знакомство было алогичным, а дальше — больше. И Даша не желала что-либо менять. Зачем? Ее всё устраивало. Очень тяжело, больно менять мнение о людях, особенно о тех, в которых однажды уже разочаровалась.

Поведение Антона порой было непонятным ей, а порой вовсе оставалось загадкой. Так она не понимала, зачем он приехал на день рождения Леси. Какая была у него цель? И почему так восстал против Паши, что увидел в нем, почему не желает, чтобы она дружила с ним? Аргументов и доводов с его стороны так и не последовало, и Даша посчитала этот порыв спонтанным всплеском эмоций, тщательно контролируемых до этого. Антону нечего было возразить, да девушка и не стала бы его слушать. Кому угодно, но только не Антону Вересову решать, с кем она может, а с кем не может дружить!

Она же не имеет ничего против его друзей, хотя некоторых из них, особенно Славу, на дух не выносит!

А сейчас... она была явно лишней во всём этом мероприятии. Покосившись на дверь, Даша передернула плечами. Никто не заметит ее отсутствия, если она вздумает уйти. Даже Антон, который уверяет, что несет за нее ответственность и о ней заботится, не заметит, что она ушла.

Даша готова была спорить, что так и будет. Ему не до того, чтобы следить за передвижениями какой-то девчонки. Она вновь почувствовала себя ненужной. И вновь это

ужасающее чувство дежавю! Где-то, когда-то это с ней уже происходило. И горький осадок боли до сих пор стоит во рту привкусом соли и металла.

И, не совсем понимая, что делает, Даша схватила рюкзачок, запихнула в него тетради, учебники, всё необходимое и метнулась к двери. Резко застыла, покачала головой, понимая, что не имеет права уйти, ничего не сказав Антону, и бросилась к столу. Быстро написала коротенькую записку, сообщив о своем местоположении, и выскользнула из комнаты.

Она поехала к Паше, переночует у него, от него же отправится на занятия в школу. И только, незаметно выскочив из квартиры, оказавшись на улице в объятьях порывистого ветра и прекращающегося дождя, девушка с ужасом поняла, что ошиблась. Павел сейчас в Казани!

Так к кому она может оправиться?! Леся с отцом в Питере, а больше никого настолько близкого у нее в городе так и не появилось!

С ужасом оглядываясь по сторонам, Даша запрыгнула в первый попавшийся автобус и заняла свободное место. Прислоняясь горячим лбом к запотевшему стеклу, она закрыла глаза. И что теперь делать? Как она, мнившая себя разумной и рассудительной, смогла совершить подобную глупость?!

Она проехала несколько остановок, резво выскочила из автобуса, понимая, что продолжать движение не имеет смысла, и, опустив голову, направилась вперед, — не зная, куда идет, но отчего-то уверенная, что идет в правильном направлении. И вскоре поняла, что оказалась в знакомой местности. Остановившись, Даша, не веря своим глазами, огляделась по сторонам, проверяя, не обманывается ли. И нерешительно замерла.

Это был тот самый двор. Тот самый, где она спряталась, когда убежала из дома в первый раз. Дежавю.

Девушка осмотрелась, успокаивая сердцебиение.

Надо же, почти ничего не изменилось. Детская площадка только, качели, беседка... А вон там, дальше — тот самый переулок, где нашел ее Антон семь лет назад.

Повинуясь внезапному порыву, Даша зашагала туда, пряча замерзшие ладони в карманы куртки. Почему она не захватила варежки, теперь руки покраснеют, и будут жечь огнем. Но эта мысль лишь на мгновение озарила сознание, а потом воспоминания прошлого нахлынули лавиной. Сглотнув, девушка застыла, будто превратившись в одно мгновение в ту маленькую девятилетнюю девочку, одинокую, брошенную, никому не нужную, которой была когда-то...

Сердце защемило, в груди царапалась раненая душа, глаз коснулись непрошенные слезы. Не в силах стоять здесь, чувствуя, что ноги не слушаются ее, Даша подошла к скамейке и опустилась на нее. Наклонив голову, девушка сомкнула веки и поджала губы.

Копившаяся в ней боль, хранимая и лелеемая внутри, прорвалась на поверхность.

А Антон в это время, ведомый непонятными ему самому мотивами, извинившись, вышел из-за стола и направился к Даше в комнату. Как-то не так всё получилось, как-то... не по-человечески. Он ее опекун, пусть и странные у них отношения, а он будто загнал ее в клетку. Неправильно это, плохо.

Поднявшись на второй этаж и постучав пару раз в дверь, Антон насторожился и постучал еще раз. Когда ответа не последовало, мужчина заволновался. Вошел внутрь без разрешения. И застыл, изумленный. Даши в комнате не было. Подойдя к письменному столу, он обнаружил послание от девушки. Коротенькую записку, состоящую из пары предложений. Опять. Какие-то глупые объяснения, больше похожие на детский лепет, и совсем не в духе Дарьи!

Чертыхнувшись в голос, Антон пробежал глазами записку еще раз, затем еще, пока не

запомнил каждое слово. «Антон, я решила, что не стоит мешать твоему празднику, и подумала, что мне нужно сегодня переночевать у Паши. Леся в Питере, иначе я бы осталась у нее. В общем, развлекайся. Даша»

Она решила не мешать его празднику, видите ли!? Она решила, что будет мешать ему развлекаться!? И что значит, она переночует у Байера!? Какого черта?..

— Разумная, чтоб ее! — сквозь зубы выдохнул Антон и, запустив пятерню в волосы, присел на кровать.

Уехала к Павлу Байеру. К этому... своему другу. Почему именно к нему? Почему она доверяет ему, чем он заслужил ее доверие, что сделал, как добился ее уважения наравне с доверием и любовью?!

Почему он, Антон, не заслуживает подобного к себе отношения?!

Мужчина закусил губу и горько усмехнулся. И он еще спрашивает?.. Всё слишком очевидно, даже для него, что уж говорить о Даше! Насколько он мог судить, она очень тщательно, даже щепетильно выбирала друзей. Павлу Байеру была предоставлена уникальная возможность стать ее другом. Он этой возможности не упустил. А вот Антон упустил... Не лишь потому, что дружбу эту ему навязывали!

Кто знает, если бы они встретились в другой обстановке, при других обстоятельствах, может, что-то и вышло бы из их общения? И он смог бы войти в этот круг «избранных»?..

Антон прикрыл глаза, покачав головой.

Но он думает о невозможном. Размышления в сослагательном наклонении никогда не могут привести до добра, — это либо плач, либо покаяние, либо грезы безумца. Он презирал первое, отрекался от второго и не мог допустить третьего. Слишком гордый, чтобы допустить подобное, чтобы до подобного опуститься.

Наверное, это была ревность. Да, та самая ревность, которая может загубить любое чувство на корню, или укрепить чувство, которое еще не в состоянии расцвести, но вот-вот сделает это. Это не была ревность в том откровенном смысле, в котором ее понимали все, это была чисто человеческая ревность. Он ревновал Дашу не только к Павлу, но к Лесе, к ее одноклассникам, даже к Ольге Дмитриевне! Но к Байеру сильнее и отчаяннее, потому что он был ровесником Антона, заслужившим право ее доверия. Все они удостоились чести быть «избранными». А он нет. И это корбило гордые и эгоистичные струны его одинокой души, сумевшей бы стать ей другом, хорошим другом, но когда-то упустившим шанс на это.

Скомкав записку и сунув ее в карман, Антон стремительно покинул комнату и направился вниз. Коротко извинившись перед гостями, не объясняя причин и не разглаживая, он попросил прощения за то, что ему сейчас нужно уйти. Все, конечно, принялись расспрашивать его, предлагать помощь в деле, о котором даже не имели понятия, но Вересов отказывался. В результате всё кончилось тем, что Алексей предложил разойтись, раз имениннику требуется решить какой-то вопрос.

— Что-то с девчонкой? — хмурясь, спросил Слава, прощаясь у дверей, и, заметив помрачневшее выражение лица друга, скривился. — И зачем я спросил? И так всё ясно, — потоптавшись на месте, так и не дождавшись от Антона каких-либо объяснений, он отошел. — Ладно, увидимся. Пока. И с днем рождения еще раз.

Антон лишь кивнул ему, а после того, как все гости ушли, набрал Дашин номер.

Когда он позвонил, Даша не хотела отвечать, всё внутри противилось этому, но она понимала, что будет последней стервой, если проигнорирует вызов. Любой другой, но только не этот. И она ответила.

— Даша!? — полилось на нее из телефона. — Ты где сейчас? Ты что задумала опять?! Какого черта...

— Ты можешь не орать на меня, — перебила она, повышая голос, — а толком объяснить, что случилось.

— Что случилось? Да ты в своем уме?! — закричал он. — Ты где находишься, я спрашиваю? Ушла на ночь глядя, ничего мне не сказала... Ты считаешь это нормальным?!

— Я собиралась вернуться...

— Ты написала, что будешь ночевать у этого своего... друга...

— Паша в Казани, — вздохнула девушка, глядя в звездное небо. — Я бы не смогла к нему попасть.

Антон тяжело задышал. Даша ощущала его едва сдерживаемую ярость. Она, наверное, могла точно определить, какое у него сейчас лицо, потому что видела его однажды. А опекун пытался усмириться гнев.

— Где ты? — выговорил он тихо, но от этого тихого голоса у Даши душа ушла в пятки. — Я сейчас приеду.

— Не нужно, я уже собиралась домой...

— Где ты?! — повторил Антон уже громче.

Сглотнув, Даша призналась:

— В том дворе, где ты... когда ты меня нашел в детстве, — проговорила она. — Ты, наверное, не помнишь?..

Она была уверена, что не помнит, приготовилась объяснять, как сюда попасть, но Антон ее удивил.

— Я помню, — заявил мужчина. — Сейчас буду. Жди, — и отключился.

А Даша еще долго смотрела на зажатый в руке телефон с погасшим дисплеем и не могла пошевелить ни одним мускулом, вовсе не от мороза, а потому, что сил на это не было.

Антон приехал через сорок минут. Нашел ее почти сразу, хотя не был здесь семь лет. Тяжело вздохнув, вышел из машины и огляделся, вдыхая через рот прохладный воздух ноября.

Какое болезненное, откровенное чувство дежавю завладело им! Это был тот самый двор. Тот самый, в котором она пряталась, когда убежала в первый раз. Он тогда прижимал ее к себе, шепча какой-то бред и уговаривая успокоиться, а она билась и брыкалась, колотила его маленькими кулачками, не больно, но ощутимо. Он уже тогда определил, какая она сильная, что под хрупкой внешней слабостью скрывается дикая сила. И с годами она в ней лишь крепла, раскрываясь, как бутон цветка, в шикарное соцветие.

Даша сидела на скамейке, но при появлении его автомобиля, встала и смотрела на него, пряча руки в карманах куртки, то ли от холода, то ли от смущения.

— Поехали домой, — сказал Антон, не делая к ней и шага, и тоже держа руки в карманах пальто. — Холодно.

— Твои друзья?.. — припухшими губами пробормотала она, вскинув подбородок.

— Тоже уже дома, — договорил за нее Антон и, заметив недовольство, блеснувшее в ее глазах, добавил: — У себя дома, а не у нас.

Она посмотрела на него вопросительно. Кажется, не верила ему.

— Почему?

— Потому что я так захотел, — отрезал Антон, отвернувшись от нее. — Мой день рождения, что хочу, то и делаю. Пошли, холодно! — и, так и не обернувшись к ней, забрался

в автомобиль.

Даша, еще несколько мгновений приходя в себя, смотрела на скрывшегося в салоне машины Антона сквозь стекло, а потом поспешила к нему. Села на переднее сиденье.

— Замерзла? — не глядя на нее, спросил Антон, и Даша смогла лишь кивнуть.

Антон завел мотор и тронулся с места. Провожая заключенный в огни фонарей дворик взглядом, Даша грустно улыбалась. Было в этом что-то прекрасное, но печальное одновременно. Такое уже было, когда-то, давно, много лет назад. И с тех пор ничего не изменилось.

— Обещай мне, — посмотрел на нее Антон, — что ты больше никогда не сделаешь этого. Не уйдешь из дома, меня не предупредив.

— Но я предупредила, — попыталась возразить девушка, сжимая замерзшие руки в замок.

— Нет, не предупредила, — упрямо возразил Вересов. — Я не желаю, чтобы ты так меня предупреждала, ясно? Если куда-то собираешься уйти, лично сообщи мне об этом, ничего с тебя не убудет. Договорились? — бросил он на нее еще один быстрый взгляд, но его воспитанница молчала, глядя в окно. Как и много лет назад, черт побери! — Ты, наверно, не можешь мысли допустить, что я могу волноваться за тебя? — произнес он, не обращаясь к ней, а говоря это, скорее, самому себе. — Но я волнуюсь, — сказал он. — Я несу за тебя юридическую ответственность, ты же не глупая девочка, должна понимать, что это значит? Если с тобой что-то случится, виноватым и крайним окажусь я, — Даша продолжала молчать, и Антон, тяжело вздохнул, применил единственный довод, к которому он обязана была прислушаться: — Отец мне никогда не простит, если с тобой что-то случится.

И это возымело действие. Даша вздрогнула, щеки ее, отогретые в машине, заалели. Она посмотрела на него, внимательно, атакуя, а потом кивнула.

— Хорошо, — проронила она, отворачиваясь и глядя в окно. — Ты прав. Я буду предупреждать тебя.

Конечно, он не совсем этого ожидал от нее, но был рад и тому, что она вообще с ним заговорила. Для начала и этого было достаточно. Хотя бы это, маленькая толика, частичка ее, если не доверия, то хотя бы понимания, вхождения в его положения, примирения, уступки. Надеяться на большее не стоит, он и не надеялся. Он уже давно потерял веру.

Расстались они не друзьями. Но и врагами, в том смысле, который раньше в это слово вкладывали, не были. Что-то новое, не понятное обоим зародилось в них в тот вечер. Что-то очень хрупкое, нежное, то, что можно было легко сломать, не прилагая особых усилий.

А потом был Новый год. И подведение итогов уходящего года, принесшего много перемен в их жизни.

Антон хотел, чтобы Новый год они отмечали вместе, но не был уверен, что Дарья не будет против этой идеи. По инициативе Даши поставили ёлку на первом этаже, большую, пушистую, живую. Антон сначала отпирался, потому что эта квартира не знала подобного, если не считать маленькой, искусственной зеленой прелестницы, выставяемой на кухонном окне Ольгой Дмитриевной в каждый Новый год.

Антон не любил Новый год. С некоторых пор этот семейный праздник он стал недолюбливать. Потому что у него не осталось семьи. Со смертью отца он потерял семью. И только годы спустя, сам того не ведая, стал обретать ее в Даше. Этот год многое изменил в его жизни, поэтому Антон справедливо отметил, что пора заводить новые традиции, и почему бы установлению ёлки не стать одной из них? Начать хотя бы с простой банальной

ёлки, совместно поставленной. Разве это не будет началом чего-то иного, чем извечная битва полов и характеров?

Наверное, Даша его энтузиазма не разделяла, хотя и противиться совместному празднику не стала. У нее были планы на Новый год, но Антон узнал о них одним из последних. Она хоть и не проявляла к нему того откровенного равнодушия, но всё же и доверия к нему испытывать больше не стала. Она, однажды уверив себя в том, что правильно, не желала менять мнение, опасалась вновь ошибиться, вновь довериться и быть обманутой. Это больно, а допустить боль девушка не могла.

В день тридцать первого декабря, до боя курантов, когда Даша и Антон сели за стол, атмосфера вокруг была напряженной, хотя и отличной от той, что окружала их несколько месяцев назад. Много изменилось, стало другим, сформировалось, и хотя установившиеся между ними отношения нельзя было в полной мере назвать дружескими, но они к таковым стремились.

Это был прогресс, шаг вперед, который они сделали навстречу друг другу.

Антон сел напротив Даши и, поднимая бокал, посмотрел ей в глаза. Сглотнул, собираясь с мыслями, и слушая, как стучит в груди сердце, сжал бокал сильнее.

— Я предлагаю, — медленно и как-то тягуче проговорил Антон, — выпить за наше будущее.

Ее брови удивленно взметнулись, а губы изогнулись.

— Наше будущее?

— Да. За наше будущее, — утвердительно кивнул Антон. — Я не хочу, чтобы мы жили, как... враги.

Немного помолчав, разглядывая Антона, выражение его лица, Даша возразила:

— Мы не враги, — и, понимая, что это действительно так, отчего-то нахмурилась и помрачнела лицом.

А Антон сдаваться не собирался.

— Мы всё выяснили, но продолжаем воевать. Это неправильно.

— А что правильно? — с вызовом в глазах посмотрела на него девушка. — Как правильно? Ты знаешь?

— Я считаю, — с расстановкой проговорил Антон, — что мы можем хотя бы попытаться жить так, чтобы не ссориться друг с другом.

Она смотрела на него долго, пристально и внимательно, будто ожидая, что он заберет назад свои слова.

— Как скажешь, — почти равнодушно пожала плечами она, наконец. — Ты из нас двоих опекун.

Антон поморщился.

— А если забыть о том, что опекун? — с вызовом спросил он, не отрывая сковывающего взгляда от ее лица.

Но Даша промолчала.

— Почему ты всегда тычешь в меня этим фактом? — эмоционально проговорил мужчина. — Я хочу, чтобы мы стали... — он запнулся и, покачав головой, добавил: — Я хочу, чтобы мы перестали быть врагами.

— Мы не враги, — упрямо повторила Даша, начиная нервничать. Почему-то тот факт, что ее отношение к Вересову стало меняться в противоположную сторону, коробило ее, вызывая трепетную дрожь в теле.

— Ты не даешь мне прочувствовать, что между апрелем и декабрем что-то изменилось, — сказал Антон, глядя ей в глаза, стараясь хотя бы в этих бездонных черных океанах души увидеть ее мысли и суждения.

— Я не хочу перемен, — откровенно заявила девушка некоторое время спустя и сжала в руках салфетку. — Не хочу перемен, связанных с тобой, — ответила она на его взгляд своим не менее внимательным взглядом. — Это не к чему, ты так не считаешь?

— Думаешь, надо продолжить эту бессмысленную войну? — едва сдерживаясь, спросил Антон. — Так?

— Между нами нет войны, — ответила девушка, тоже начиная раздражаться. — Между нами... мир, — она усмехнулась. — Конечно, мир в нашем понимании, который возможен лишь для нас. Но и этого для нас достаточно, — она задумчиво покачала головой. — Ничего иного я не хочу. Да это и не нужно никому из нас.

Антон хотел возразить, но Даша, приподнимаясь из-за стола, перебила его.

— А теперь, — произнесла она, — мне нужно идти.

— Куда? — встал за ней следом мужчина. — Новый год ведь. Я думал, это семейный праздник, и мы...

— Я обещала Лесе, что мы отправимся на Ёлку, — перебила его Даша. — И к тому же, — опустила она глаза, — мы не семья, — ее семьей был дядя Олег, когда его не стало, перестала существовать и семья.

Губы Антона сжались, лоб исполосовали морщинки, но не из-за последнего ее высказывания.

— С ним? — выдавил он сквозь зубы. — На Ёлку пойдешь, с ним?

Она поняла, кого он имеет в виду, но все равно переспросила:

— О ком ты?

— Ты прекрасно знаешь — о ком! — вспыхнул Антон. — Этот твой... друг... пойдет с тобой?

— Да. Паша будет с нами, — удовлетворенная его гневом, но не понимая его причины, проговорила Даша. — Он подвезет меня до дома...

Антон сунул руки в карманы брюк и, поморщившись, уткнулся взглядом в сторону.

— Отлично, — сухо пробормотал он. — И плевать на праздник. Так?

— Не понимаю твоего праведного гнева, — откровенно призналась она, покачивая головой. — Мы никогда не были семьей, зачем же ломать комедию?

— Мы могли бы ей стать, — упрямо заявил Вересов. — Но ты не даешь нам ни единого шанса!

— Ты же не давал! — вызывающе вздернула подбородок она. — И нас нет. Есть ты, есть я. Ты — мой опекун, я — твоя воспитанница. Точка. Через два года расстанемся, поминай, как звали. Конец нашей счастливой семейной истории, — скривилась она, горько усмехнувшись. — Так зачем притворяться?

— Ты злишься, — отметил Антон с некоторой долей удивления. — Почему?

— Ты придумываешь, — отозвалась она со сдержанным равнодушием.

Да, она злилась. Откровенно злилась, но о причинах не хотела задумываться. Она посмотрела на него с другой стороны, с той, с которой на него смотрел дядя Олег. И увидела в Антоне то, что в сыне видел он. А она не могла себе позволить променять болезненные воспоминания того, что он сделал когда-то по отношению к ней, на то, что он сейчас пытался делать. Не всегда умело и искусно, но он пытался. Она не хотела видеть в нем

хорошее, даже если оно в нем и было, — а оно в нем было! Она не могла переступить через прошлое, забыть воспоминания, наступить на горло гордости. Сейчас это не казалось ей возможным.

— Я спешу, прошу меня простить, — она выскользнула из-за стола.

— Когда тебя ждать? — крикнул Антон ей вслед.

— Не жди, — слышался ее ответ. — Я, наверное, сегодня переночую у... Леси, — ей хотелось сказать «у Паши», но маленькая ложь так и не сорвалась с ее языка.

А вот Антон ее заминку ощутил. И насторожился.

— Позвони мне, я тебя заберу.

— Не стоит. Паша отвезет нас до дома.

— Опять Паша, — недовольно воскликнул Антон. — Везде этот Паша. И тут, и там, и...

— Он мой друг, — перебила Даша. — Ты, между прочим, тоже везде, что меня ничуть не радует.

— Ну, уж прости, — саркастически выговорил он, — что я твой опекун!

— Прощаю. Это не твое решение, а дяди Олега. А ему я могу... могла, — поправила она, — простить всё.

Антон промолчал. Ему никогда не заменить ей отца, никогда не стать для нее «дядей Олегом, которому она могла простить всё». Горько и обидно, но не ему, Антону, тягаться с Олегом Вересовым. Увы, не ему.

— Я ушла, — услышал он ее голос. — До завтра, — и выскользнула из квартиры, натянув шапку.

— До завтра... — пробормотал Антон и, мрачнее тучи, направился в гостиную. Выглянул в окно, ожидая, когда Даша выскочит из подъезда. А там, сверкая блеском фар, девушку поджидала шикарная иномарка.

Значит, Паша!? Павел Игоревич Байер! Ее, с позволения сказать, друг!? А Антон получается, не у дел?! Значит, Павел — семья, а Антон — просто опекун?! Этот Байер его ровесник, и с ним она ведет себя открыто, когда самому Антону уготована честь быть лишь мальчиком для битья?! Почему именно этот наглец, этот выскочка? Кто он вообще такой, откуда взялся?! И почему Даша ему так слепо доверяет?..

Сжимая руки в кулаки, Антон обещал себе выяснить это. И он добьется своего. Обязательно.

Приближался Новый год. Но Даша, вместе с друзьями захваченная в плен последних минут и мгновений уходящего года, думала совсем не о том, что через пару секунд кремлевские куранты пробьют полночь, знаменуя наступление нового года. Не обращала внимания и на столпившихся рядом и вокруг нее людей, решивших встречать праздник на Красной площади. Словно и не замечала объятий Павла, державшего ее под руку, не видела счастливой улыбки Леси, хохочущей над шуткой Артема, не замечала, как стрелка скользнула вперед, останавливаясь в минуте от заветного мгновения.

Все ее мысли были направлены к Антону Вересову.

Если бы она постаралась, если бы попробовала... Ведь это не так и сложно — делать вид, что у них все хорошо. Остался год, чуть больше года, ведь уже в апреле две тысячи восьмого ей исполнится восемнадцать, — и она будет свободна от него. Разве не сможет она выдержать это испытание после тех, что ей уже преподнесла жизнь? Разве сейчас она сдастся, не захочет выиграть и эту битву, уже с самой собой? Может быть, ей станет легче,

свободнее, что-то установится, нормализуется, она справится и с этим тоже.

Антон Вересов... не монстр же он, в самом деле! Конечно, ведет себя очень странно, но ведь ее никто не вынуждает с ним дружить, тем более что этой дружбе она и сама никогда не дала бы зеленый свет. Стоит воспринимать это как еще одно испытание.

Почти два года. Совсем немного, она справлялась с бóльшими трудностями. И сейчас — тоже справится. Если постарается. К тому же, с ней всегда будут рядом Леся и Пашка. Она была в них уверена, она могла на них положиться; они не предадут, не бросят, не осудят. Это те люди, которым она верит безоговорочно, как себе. А Антон Вересов... это лишь второстепенное, незначительное, проходящее звено в ее жизни. Вскоре и оно уйдет в небытие, подвергнется забвению, растворится и исчезнет совсем. Скоро, очень скоро... Стоит лишь перетерпеть, пережить, перечувствовать. И всё встанет на свои места.

И сейчас она приближается к этому заветному моменту еще на несколько минут.

— Егоза, — наклонился Павел к Даше, — о чем задумалась?

Девушка вздрогнула и, опомнившись, подняла на него светящийся взгляд.

— Это были хорошие мысли, — улыбнулась она.

— Обо мне? — приподнялись его брови, и улыбка озарила лицо.

Даша рассмеялась и прижалась к нему, ощущая телом исходившее от него тепло.

— Да, — прошептала она, — и о тебе тоже.

Паша, счастливо вздохнув, сжал ее в объятьях, прикрывая глаза и наслаждаясь ее нежностью, а Даша, слушая мерный, успокаивающийся стук его сердца, чувствовала себя абсолютно счастливой в этот миг.

И, поднимая глаза, обегая мимолетным взглядом скопление собравшихся на площади людей, с трепетом и волнением, зародившимися в груди против воли, могла с уверенностью сказать, что видела расплывчатый силуэт своего опекуна, мелькнувший на краткое мгновение в толпе.

Даша, поморщившись, покачала головой, отгоняя от себя видение.

А кремлевские куранты, знаменуя наступление Нового года, в этот миг как раз ударили в последний, двенадцатый раз...

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigolub.net